

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

16

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

16

ATHENEUM

ФЕНИКС

МОСКВА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1994

ББК 63. 3(2)
М 62

М 62   **МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 16.** — М.; СПб.:
Atheneum; Феникс. 1994. 592 с., ил.

ISBN 5-85042-001-0
ISBN 5-85042-017-7

В настоящем выпуске читатель найдет: переписку лидеров кадетской партии во время Гражданской войны; воспоминания Б.Н.Лосского о русской эмиграции в Праге, материалы к биографиям поэта Л.Каннегисера и автора «Романа с кокаином» М.Леви; продолжение переписки Пастернаков и Ломоносовых; обширную корреспонденцию Э.Ф.Голлербаха и И.И.Лазаревского; материалы о литературном быте 1930-х годов; мемуары С.Э.Радлова о театральных исканиях 1920-х; письма Н.А.Бердяева позднего периода его жизни; исследования о работе русских эмигрантов в западном кинематографе и многое другое. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206-004}{Д 20 (03) - 94}$ 94 без объявл.

ББК 63.3 (2)

ISBN 5-85042-001-0   (Феникс)
ISBN 5-85042-017-7

© «Феникс», 1994
World © «Atheneum», 1994

ВОСПОМИНАНИЯ

Борис Лосский
В РУССКОЙ ПРАГЕ
(1922-1927)*

Возобновляю свою летопись на приезде нашей семьи в чешскую столицу 13 или 19 декабря и ее остановке на первые дни в отеле «Беранек» на когда-то оправдывавших свое историческое название «Виноградах». Поместивший нас там С.А. Острогорский пришел, кажется, на следующий же день вместе со знакомым отцу по партии «кадетским царем» князем Петром Дмитриевичем Долгоруковым. Помню с того дня его солидную фигуру (под стать Александру III) с благородным, обрамленным седой бородкой лицом. Но вспоминается и зародившаяся у нас с братом уже в Берлине настороженность против консервативного настроения эмиграции, к которой тут еще примешался бунтарский антиаристократизм и комплексы достоевского «Подростка». Потому на обращенный Долгоруковым к нам, хмурым юношам, вопрос «как вам понравилась хваленая заграница» я соблаговолил ответить только «ничего», еще не осмысливая выражения «хваленая» по отношению к Европе в устах русского, во многом разочарованного беженца. Также не привлек к себе нашей симпатии и появившийся на поклон нашей бабушке как своей «крестной» некий Левушка (кажется, Лавров) из семейного клана Мальцевых. Больше расположила к себе дама (ровесница нашей матери), бросившаяся со слезами в объятия бабушки, которая ее назвала «Русей». Она привезла с собою недалекую от моего возраста дочь Лидию, необычное уменьшительное имя которой, «Льдинка», сразу напом-

---

* Первую часть мемуаров Б.Н. Лосского — «Наша семья в пору лихолетья. 1914-1922» — см. в томах 11 и 12 исторического альманаха «Минувшее» (Париж, 1991, 1992; М.: СПб., 1992, 1993).

нило нам проведенные вместе летние каникулы 1910 года. Так возобновилась, после двенадцатилетнего перерыва и на несколько десятилетий, дружба нашей семьи с семьей Мягковых: Александра Геннадиевича, горного инженера-золотоискателя, и Веры Викторовны, урожденной Савинковой, сестры Бориса Савинкова и племянницы не менее известного художника Николая Ярошенко, в имении которого под Кисловодском случалось гостить бабушке и матери в середине 1890-х годов. В Прагу Мягковы перебрались незадолго до нас из Варшавы, где Борис Викторович издавал свою газету «За Свободу», в которой Александр Геннадиевич стал сотрудничать в качестве пражского корреспондента. Вера Викторовна, смолоду хорошо владевшая французским языком, а позднее и их дочь, нашли приработок частными уроками французского языка — в дополнение к скромному доходу от «Русской акции» чешского правительства. Пришел раз в нашу гостиницу и сам Александр Геннадиевич с заинтересовавшим всех живым рассказом о проведенных их семьей революционных годах.

С другими русскими пражанами мы начали с первых же дней сводить или возобновлять знакомство на тех же Виноградах, в предоставленном эмигрантской общине пражским муниципалитетом здании одной из городских богаделен, именуемом «Худобинец» (от слова *chudý* — бедный), в котором временно помещались «Комитет» (как называли сокращенно администрацию по учебным делам), дортуары студенческого общежития и сравнительно недорогая, посещаемая интеллигентскими семьями столовая.

Также было отведено властями для школьного мира другое общественное учреждение, называемое «Свободарна» (что по-русски было бы «холостяцкая»), — общежитие для неженатых рабочих фабричной окраины Праги, именуемой Либень. Через три или четыре жилых этажа здания тянулись параллельно длинные коридоры, на обе стороны которых выходило десятка два-три дверей предельно узких «кабинок» для студентов. Было также в каждом из этих этажей по коридору, вмещающему восемь или десять более дорогих, но уже настоящих небольших комнат, предназначенных для семей пансионеров «старшего» возраста, хотя, кстати сказать, в таковой входили и перешедшие через пятый десяток и недоучившиеся из-за участия в Добровольческой армии студенты. У некоторых из этих «иждивенцев» были жены и малолетние дети или другие родственники, для таких был выделен особо, из кулуаров с кабинками, «семейный» коридор. Для студенток имелся особый «женский» коридор. В нижних этажах здания помещались чешская «кантина» и, для всеобщего пользования, бан-

ное заведение с ваннами и душами. Русским была отдана большая часть этого заведения. В этой части находились также зал для развлечений, чертежная для студентов-технологов и содержавшаяся УМСА читальня с журналами и газетами. В этом-то общежитии и поселилась наша семья в двух комнатках «профессорского коридора» верхнего этажа. Найти квартиру в одолеваемой острим жилищным кризисом столице новорожденной чехословацкой республики было почти невозможно.

Конечно, не замедлило завязаться знакомство с обитателями Свободарны. Не столько с чешским участником названного выше комитета по учебным делам Казиком и его женой или с администратором русской части общежития Татаринцевым, сколько — надолго и прочно — с супругами Василием Сергеевичем и Ниной Ивановной Ильиными. В.С., возрастом немногим более тридцати лет, приходился двоюродным или троюродным братом изгнанному из Москвы философу Ивану Александровичу Ильину и проявлял не менее правые политические убеждения. По своему образованию он был ботаником, работал в какой-то из соответствующих университетских лабораторий, между прочим над проблемами, которые, как он говорил отцу, могли привести к возможности создания породы растений, способных превратить даже африканские пустыни в цветущие луга. Более молодая и имевшая известное основание притязать на привлекательность Нина Ивановна хорошо рисовала, даже увлекалась иконописью и держала себя в первое время сурово-насмешливо по отношению к нам с Володей (который за это прозвал ее «нахлобучкой»), но сразу же очень полюбила нашего Андрюшу. Одну из комнат нашего коридора делили два доцента, кажется, оба по части истории: Малышев и Саханев. Прямо же против нас жила заведующая читальней, пожилая, должно быть, в свое время довольно светская дама по фамилии Якунина с дочерью, будущей студенткой агрономии. Обе играли на рояле, и наше существование часто скрашивалось ясно доносившимися от них звуками классической музыки.

Вскоре наши знакомства распространились и на обитателей нижних «профессорских» коридоров. Хорошо помнятся семьи осанистого крупного старорежимного чиновника, не помню, какого ведомства, Ивана Диомидовича Жукова с симпатичным сыном-доктором; профессора экономики, кажется, киевлянина и нашего «согербовника» Владимира Андреевича Косинского с романтической красивой дочерью, занимавшейся иконописью, как и младший сын другого киевского профессора — юриста Михаила Мефодиевича Каткова. Познакомились мы и с семьей профессора римского права Давида Давидовича Гримма с его дебютировавшим в

философских дисциплинах сыном, с семьями гражданского инженера Н.Леонтьева, экономиста П.А. Остроухова и доктора Никишина — преданного регента русского православного прихода.

Поскольку речь зашла о приходе, сообщу, что он в Праге существовал уже с дореволюционных лет и помещался в той же великолепной барочной церкви св.Николая (бывшей католической), построенной в 1735 г. «пражским Растрелли» К.И. Динценхофером на Старогородней площади в двух шагах от главной ратуши. Там, под сводами с вычурными штукатурными рельефами и фресками рококо, покачивалась, слегка ворочаясь в обе стороны, пожалованная в свое время последним Государем, не идущая к стилю постройки богатая люстра в форме широкой диадемы из золоченой бронзы, украшенной хрустальными медальонами и подвесками, по-видимому, по примеру романской люстры Хильдесхаймского собора. Не знаю, когда (вероятно около 1918) и на каком основании в храм вселилась новооснованная Чехословацкая церковь, и в наше время перед и после православных богослужений приходилось устанавливать и разбирать переносной иконостас. Настоятелем нашего прихода, принадлежащего парижской, возглавлявшейся митрополитом Евлогием юрисдикции, был епископ Сергей, в миру Королев, выпускник Академии петербургской Александроневской лавры, весьма подходивший к барочной архитектуре храма своей живописной внешностью архиерея елизаветинской эпохи, словно сошедшего с портрета кисти Антропува. Он заслужил всеобщую симпатию своим природным благодушием и не изменявшей ему пастырской мудростью, чему не шли в ущерб недостаток музыкального слуха и проповеднического красноречия. Можно даже сказать, что эти изъяны как-то почти выгодно дополняли его внешний образ. Хорошо стоят в памяти его вошедшие в наш имитаторский репертуар речитативы вроде «велича-а-ем» или обороты напутственных наставлений в духе «так вот я и го-во-у...» (буквы «р» он не произносил).

Как-то побывали мы с родителями и на католическом богослужении в соборе св.Вита на Градчанах, где можно было рассчитывать на самые богатые впечатления религиозно-эстетического порядка. Однако главным, если не единственным его торжественно-живописным моментом оказался, уже перед самым «шапочным разбором» чинный уход, под мощные звуки органа, сидевших на боковых креслах клироса каноников. Не помню даже, совершал ли обряд сам пражский архиепископ или только его викарии.

Было, разумеется, отдано должное и значительно обогатившему нашу культуру посещению пражских церквей всех эпох и

знакомству, со стороны фасадов, с дворцами королевско-императорской знати, продолжавшей ими владеть, — зданиями, которым в главной мере и обязано своей репутацией «пражское барокко».

Вспоминаются тоже и наши первые впечатления от чешского языка, поначалу показавшегося нам смешным из-за расхождения смысла слов, построенных на общеславянских корнях, вроде *позор* (внимание), *черствы* (свежий), *рыхлы* (быстрый), *запах* (вонь), *вунь* (запах), от нее *вонявки* (духи) и т.п. Не меньше забавляли и фамилии в форме имен существительных, начиная с имени композитора Сметаны (по замечанию Римского-Корсакова, «не сметана, а простокваша»), или глаголов в третьем лице прошедшего времени, таких как Выглянул, Выскочил, Поспишил, Рассыпал, Непоспел...

Среди первых знакомых чехов следовало бы прежде всего назвать президента Масарика, побывавшего на нашей петербургской квартире весной 1917 года. Вскоре по нашем приезде в Прагу он соблаговолил дать отцу и бабушке личную аудиенцию, чем дело, естественным образом, и ограничилось. Также не установилось близкого общения и с супругами Крамаржами — русофильски настроенным лидером партии национал-демократов Карелом (чтобы не быть как немцу Карлом Ивановичем) и его властной супругой, происходившей из московской купеческой семьи Абрикосовых. Бабушке от нее в какой-то форме и мере попало за новую орфографию в советских школах и довелось слышать суждения вроде «ять — такая душка!»

Но завелось и гораздо более интересное и симпатичное знакомство с Анной Антоновной Тесковой, ревнительницей русской культуры, заслужившей посмертную известность в качестве доброго гения Марины Цветаевой. С нею установилось сразу не очень частое, но очень сердечное общение. Помню ее живописно-приблизительный русский язык, примером чему может служить высказанное ею оптимистическое пожелание по адресу младших членов нашей семьи: «пусть-ка они приударят в отца».

Возвращаясь к русской Праге, можно было бы продолжить перечисление встреченных до конца года соотечественников, но о большинстве из них будет сказано в следующей главе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОД

Наверное не ошибусь, утверждая, что из попавших в Берлин московских и петербургских изгнанников пионерами в Праге оказались мы и что «нашего полку» там стало прибывать только с 23-го года. В первых числах января приехал наш давний друг Иван

Иванович Лапшин, еще более помолодевший и повеселевший, чем в дни нашего плавания по Балтийскому морю. Вскоре за ним появился и стал нашим сожителем по Свободарне до того времени знакомый только отцу (по кадетской партии) москвич Александр Александрович Кизеветтер с семьей: супругой Екатериной Яковлевной (по первому мужу Кудрявцевой), дочерью Екатериной и падчерицей (имя которой забыл). Прибыли позже с семьями и другие профессора Московского университета: его последний выборный ректор биолог Михаил Михайлович Новиков и декан математического факультета астроном Всеволод Викторович Стратонов, а из петербуржцев — делившие с отцом камеру Шпалерной тюрьмы почвовед Борис Николаевич Одинцов и гражданский инженер Николай Козлов. Появились математик Селиванов, экономист Далмат Александрович Лутохин, директор Томского технического института Ефим Лукьянович Зубашев и, уже к лету, личный секретарь Льва Толстого Валентин Федорович Булгаков. Всех нас упредили в Праге, еще в 22-м году, изгнанники-одесситы: семьи математика Буницкого и историков братьев Флоровских, к которым, как и ко многим вышеназванным, мы еще вернемся.

Сейчас же, переходя к другим опередившим нас русским в Праге, напомним сказанное в предыдущей части моей летописи о водворившем нас в Прагу П.Б. Струве, утвердившей за ним, к началу нашего времени, роли духовного вождя русской интеллигенции и о ежемесячных (если не ошибаюсь) приемах в его квартире (с портретом покойного Государя и национальным трехцветным флагом в своего рода «красном углу»), устраивавшихся для пожилых и нарождающихся представителей этой интеллигенции.

Не менее значительное место во главе зарубежной интеллигенции принадлежало Павлу Ивановичу Новгородцеву, возглавлявшему Русский юридический факультет. Уже его необычайно благообразные и представительные наружность и манеры отвечали полностью высказанному им девизу «Форма если не все, то почти все», по всей видимости, это была реакция на упрощение академических нравов в СССР. Недаром в одной из советских газет появилась как-то корреспонденция на тему воображаемого университетского экзамена под председательством Новгородцева, начинавшегося с его повеления студентам: «Испытуемые приближьтесь!» Не могу, однако, не признать, что автор этой карикатуры мог бы процитировать в защиту ее правдоподобия подлинный текст Павла Ивановича — предписание защищающим магистерскую или докторскую диссертацию кандидатам становиться перед отведенным для этого священнодействия пюпит-

ром «по возможности потупя глаза». Подобные проявления консервативного доброхотства не избавляли П.И. от ставимой ему в упрек представителями правого клана эмиграции его либеральной кадетской настроенности в революционный 1905-й год и участия в памятных демонстрациях на неподведомственной российской полиции территории Финляндского герцогства. В чем он сам немало не «раскаивался», утверждая, что «Выборгское воззвание было холостым выстрелом, который нужно было сделать». И в этом можно усматривать один из аспектов девиза «Форма если не все, то почти что все». Хочется еще вернуться к его благообразной внешности с мягкими, рано поседевшими волосами, небольшой бородой и пушистыми бровями, как и к его голосу, тоже с мягкими интонациями, лишь изредка пронизываемыми высокой заостренной ноткой.

***

Третьим назову стоявшего особняком от эмигрантской общественности патриарха российской византинологии Никодима Павловича Кондакова (1844-1925). Особняком — хотя бы по той причине, что он не был принят чехословацкими властями из милости на государственное иждивение, а приглашен в Прагу со всем почтением, подобавшим члену петербургской Академии Наук, по инициативе совета Карлова Университета, избравшего его профессором-ординариусом (или *honoris causa*). Полагая, что все связанное с его крупной личностью будет интересно для русского читателя, поделюсь своими сугубо обильными воспоминаниями о встречах с ним нашей семьи и о его университетском преподавании, дополняя это слышанными главным образом от брата и других учеников Кондакова рассказами о вряд ли вошедших в его биографии эпизодах.

Первый из них приведет нас в Берлин, куда Кондакову случилось попасть в начале 1870-х годов, в Берлин, хранивший, наверное, привлекательный облик столицы вчерашнего королевства Пруссии, еще не разросшейся в тяжеловесную метрополию Германской империи. Раздраженный arrogantным триумфом опьяненных недавними победами берлинцев, Никодим Павлович покинул «пыльный городишко на Шпрее», будто бы давши себе слово, что никогда больше его нога не ступит на немецкую землю. Чему однако ему пришлось изменить в августе 1914-го, при спешном возвращении из западных стран в Россию.

Рассказывая о своей археологической исследовательской практике, Н.П. вспоминал о зарисовках, к которым ему не раз приходилось прибегать, не имея возможности пользоваться еще недо-

статочно усовершенствованной фотографией. Как-то раз, желая запечатлеть на бумаге красками фрески в каком-то помещении вроде катакомб, где было трудно раздобыть воды, он должен был увлажнять кисточку об язык, из чего получились «не акварели, а слюнерели».

Спутник одного из ученых странствий Кондакова, его преданный ученик по Петербургскому университету Сычев мог похвалиться, что раз, приехав в какой-то из исторических городов Италии, он смог, хоть и не без труда, разыскать по строгому поручению учителя именно того извозчика, услугами которого для поездок по окрестностям Кондаков остался доволен лет двадцать перед тем.

Не смогу не обратиться в виде исключения к одной уже вошедшей в «кондаковедческую» литературу неожиданной биографической детали, как бы символически дорисовывающей образ Никодима Павловича. В бытность его в Ялте в начале нашего века — то есть уже почти шестидесятилетним — ему довелось оказаться на театральных подмостках, участвуя в осуществленной по почину Чехова постановке драматической версии «Бориса Годунова» (конечно, по просьбе уже обреченного Чехова) в роли летописца Пимена, великолепно ему подходившей. В связи с этим вспоминается его наружность, вполне оправдывающая сказанное о нем в Праге И.И. Лапшиным: «он точно с иконостаса сорвался». Правда, если говорить о любви к ближнему, то Н.П. никак не вызывал мысли о святых угодниках. Достаточно открыть его «Воспоминания и Думы», читая которые хочется предпослать им в виде эпитафии пессимистическое суждение гоголевского Собакевича о своих земляках, среди которых «только и есть один порядочный человек, да и тот, если сказать правду, свинья».

Отчасти под этим знаком и завязалось общение нашей семьи с доселе ей незнакомым патриархом археологии. Придя к нему на поклон как к собрату своих петербургских учителей (кажется, еще в декабре 22-го), отец застал его за чтением полученного из Парижа, в виде дани почтения автора, недавно вышедшего первого тома «Histoire de l'art Russe» Луи Рэо. Не знаю, сказал ли Никодим Павлович своему гостю что-нибудь положительное об этом практически первом для западного читателя серьезном труде, дававшем понятие о русском искусстве, помню только рассказ отца о показанном ему для смеху действительно не слишком удачном обозначении русскими словами «столбовая дорога» великого водного «пути из Варяг в Греки».

Вскоре сподобились и мы с братом узреть живописного старца в его жилище на Малой Стране, облеченного (неизменно, как

потом это подтвердилось) в старомодный долгополый черный сюртук с розеткой французского Почетного Легиона в петлице. К нему нас привел отец: представить Володю как желающего поступить в Карлов Университет петербургского студента-медиевиста, а заодно и меня, как не знающего еще точно, что предпринять, страстного читателя «Истории Русского Искусства» Игоря Грабаря, на что последовало замечание: «Грабарь? Как же, он там и меня некоторым образом опоганил». Как выяснилось из последовавшего разговора, осквернен он был тем, что на титульном листе первого тома этого коллективного труда в списке двух десятков ученых, «принявших участие в разработке отдельных частей издания», стоит и его имя. Потом, в виде реакции на упомянутое имя Георгия Лукомского, — последовал продолжительный свист, а на имя осевшего на время в Праге известного художественного критика Сергея Маковского — поощрительный отзыв «тожь-же теплый парень». Потом — воспоминание о его профессорствующем в Петербурге ученике, известном нам с братом антиковедом Фармаковском: «сорок лет молчал, а потом тако сказал, что лучь-ше бы и совсем рта не открывал». Досталось и мирискусникам — за равнодушие к творчеству Репина, и еще многое многим.

Вспоминаю также всю нашу семью, включая пятилетнего Андрея, в гостях у Кондакова и его разговоры с бабушкой, почти его ровесницей (ему тогда было около 78 лет), об общих знакомых прошлого столетия. Среди них главное место заняла увековеченная Репиным внушительная фигура Владимира Васильевича Стасова. Вспомнилось и пожалованное ему петербуржцами (неизвестно почему) заимствованное из «Мертвых душ» прозвище «Неуважай-Корыто», а Никодим Павлович еще рассказал, что ему случилось слышать, в порядке парадоксального явления, этого ярого словесного воителя растерянно старающимся утихомирить взявшегося откуда-то еще более громогласного и напористого спорщика.

На этот раз мы познакомились и с домочадцами Никодима Павловича: его приблизительно сорокалетним приемным сыном Сергеем Никодимовичем и бывшей студенткой Е.Н. Яценко. Должно быть, она сопровождала учителя с самой одесской эвакуации 1921 года. Что же до Сергея Никодимовича, то помню, по его словам, что тогда он еще пребывал на берегах Невы и работал в кругу исследователей петербургской старины, среди которых встречался со Столянским. Домашнее хозяйство, естественным порядком и как будто довольно авторитетно, вела Е.Н. Яценко, хотя, наверное, это было и не всегда легко со склонным к причу-

дам главой семейства. Из этих причуд вспоминается одна, скорее забавная: уважаемых посетителей дома потчевала не она, а сам Никодим Павлович — чаем с кокосовым печеньем, ритуально заварив чай на спиртовке, извлеченной из стоящей на его столе корзинки. Поскольку речь зашла об интерьере, вспомню о висящих на стенах цветных репродукциях произведений живописи, не византийской, как можно было бы ожидать, а итальянской кватрочентистской, среди них одна или две мадонны Боттичелли. Не знаю, по чьей инициативе комнату украшали эти понравившиеся нам фототипии, но реакцией на это Никодима Павловича был пренебрежительно брошенный отзыв «немецкая дешевка».

Следствием нашего знакомства было милостивое разрешение не только ходить, как и многие старые и малые соотечественники на его читаемый по-русски университетский курс, но и присоединиться, брату и мне, к более тесному кругу его семинара. Хоть я и посещал эти занятия только недолгое время, но вынес из них живописное впечатление о Кондакове-профессоре. Помню если не содержание, то ход изложения растянувшегося на несколько сеансов доклада уже очень приблизившегося к Н.П. примерно двадцатипятилетнего Николая Михайловича Беляева. Читал он его довольно робким голосом и с довольно частыми остановками с вопросительным оглядками на учителя. Остановки заполнялись репликами последнего, вроде благоволящего «дъ-яаа», недоумевающего «как вы сказ-зали?», безапелляционного «не сказ-зал бы» или, по счастью редкого, низвергающего докладчика вздоха с присвистом «фью-уу...» С таким же присвистом произносилось и мне дотоле неизвестное слово «фибула».

Помню также обращенный к студентам вопрос «Кто был в Венеции?» и на чью-то поднятую руку — еще два: «Видели в базилике св.Марка тисненный алтарь Pala d'ого?», и за смущенно-неясным ответом: «Что же вы, сударь, в Венеции смотрели?» В следующие разы как будто на подобного рода вопросы смельчаков-ответчиков не находилось.

К Кондакову доведется еще не раз вернуться в порядке моей хроники.

***

Тоже в ходе летописи буду не раз обращаться и к четвертому крупному представителю русской культуры: поселившемуся сначала с семьей в Свободарне Александру Александровичу Кизеветтеру. К уже сказанному о нем и его близких прибавлю, что хорошо помнится его степенная наружность, окладистая, как будто почти совсем поседевшая (не напоминавшая о знаменитой в дово-

енной Москве своей чернотой) борода и неторопливые, если не говорить о его публичных выступлениях, движения, как и несколько растянутая на гласных звуках речь.

В культурной жизни русской Праги Кизеветтер снискал популярность с первых же месяцев года циклом публичных лекций, в которые входила история Смутного времени. Лекции эти, словно перенесенные с кафедры Московского университета, где он еще недавно блистал как достойный наследник Ключевского, — пленяли многочисленных слушателей (нас с бабушкой в их числе) красноречивой ясностью повествования, свободно текшего без помощи казалось бы необходимых памятных листков.

Вскоре в круг наших знакомств вошли братья Антоний и, особенно, Георгий Васильевич Флоровские, выходцы из Одессы, где их отец принадлежал, должно быть, в протоиерейском сане, к высокому кругу духовенства. Оба были выпускниками Новороссийского университета.

Антоний Васильевич, хотя и обращал на себя внимание детским ростом и скопческой наружностью, был женат на дочери, кажется, видного присяжного поверенного Белоусова, Валентине Афанасьевне. Предметом своих занятий А.В. избрал, весьма разумно и психологически уместно, приготовление магистерской или докторской диссертации на тему истории сношений Чехии с Россией. Настоящее же сближение нашей семьи со старшими Флоровскими произошло года два спустя.

Что же до младших, то, как я уже упоминал, Георгий Васильевич проявил инициативу представить отцу, когда мы сошли с поезда, привезшего нас с германской границы на пражский вокзал. Уже по дороге в гостиницу, глядя на его кажущиеся нарочито неизысканными наружностью и манеры, я причислил его к типологии дореволюционной народничающей интеллигенции, хотя с нею много и не могло роднить будущего богослова-священнослужителя. Познакомившись с ним ближе, отец дивился на его агрессивную нетерпимость ко всякому инакомыслию, высказывавшуюся с гортанным придыханием, подобным гусиному шипению. Запомнилось, например, его позабавившее отца суждение о докторине Фрейда, в которой и он сам ценил только учение о подсознании, никак не возводя таковое в степень пансексуализма. «Фрейдизм? — (шипение) — плод еврейско-католической культуры, созревшей на развратной почве Вены!»

Георгий Васильевич упредил почти на шестнадцать лет своего старшего брата, защитив весной 23-го диссертацию — не вспомню, на какую тему философского порядка, несколько «сбоку-припеку», при возглавляемом Новгородцевым Русском юридическом

факультете. Не помню, председательствовал ли на этом собрании сам Павел Иванович или как бы «осенял» его своим присутствием. Роль главного оппонента выпала на долю отца. Поначалу новгородцевская «форма» была соблюдена полностью, даже строптивым кандидатом, вставшим за свой пюпитр «по возможности потупив глаза», но в ходе полемики темперамент воителя взял свое, вплоть до реплик вроде «возражения Николая Онуфриевича не суть возражения».

Характерным для пражского периода интеллектуальной жизни Флоровского было, по всей видимости, не столько постепенное вступление на путь чистого патрологического богословия, сколько активная и, как все ему свойственное, страстная причастность к Евразийству.

В Праге возглавителем нововозникшего течения был будущий свояк Г.В., Петр Николаевич Савицкий, никак с ним не схожий своей изысканной внешностью с тщательно содержимой мифистофельской бородкой. Его талантливость выражалась, между прочим, в изобретательности на идеи и определительные словообразования в области истории, географии, экономики и социологии, как и в брио его, тоже страстных, ораторских и полемических выступлений. Станным, как сейчас видится, образом, в этих качествах Савицкого мы с братом усматривали только тщеславное стремление блеснуть оригинальностью, и почти все его высказывания нас раздражали, хоть некоторые из них, как например, суждение об архитектуре как о двойственном монументальном выражении географического положения и фазы исторической эволюции любой страны, и трудно было бы не признать удачным.

Помню, в частности, его доклад, разозливший меня если не своей сущностью, то своей политизирующей направленностью, о высокой цене личности хозяина в организации и ведении труда, а не рабочего коллектива, которым пытаются заместить хозяина «господа большевики». Не скажу, конечно, чтобы я почувствовал свое родство с последними, но мне захотелось, облекшись в памятную мне с домашних и школьных спектаклей роль Хлестакова, крикнуть эмигрантскому социологу-экономисту: «хозяин, хозяин, я — плевать на твоего хозяина!»

Возвращаясь к евразийскому умонастроению, напомним, что оно естественным образом распространилось на русскую историю, выделяя в ней азиатский элемент как положительное явление, видя даже в татарском иге стороны, полезные в своем роде для образования российского государства. Подобного рода утверждениями Савицкий снискал себе прозвище «Чингиз-Хан», в бо-

лее шуточном порядке, чем заявление П.Б. Струве, приписавшего евразийцев к категории «стервецов» и заявившего, что «главнейшим азиатским даром для судеб России была монгольская рожа Ленина».

***

В Свободарне мы прожили четыре первых месяца года, конечно, не как в пансионате. Уже много, что по утрам по коридору проходила уборщица и выметала из комнат пыль с негладких полов из какой-то древесной массы. Все же заведенное понемногу кухонное хозяйство (на семь лет с керосиновым примусом вместо плиты) стало отныне и навсегда делом матери и, хоть не сразу, ее наемной помощницы. Местом семейных собраний стала комната, служившая спальней бабушке, матери и, как будто, пятилетнему Андрюше, если его постель не была четвертой во второй комнате, где вокруг единственного стола как-то умещались отец и мы с Володей. Отец очень скоро сел за свои писания, а мы с братом, не имея пока никаких забот, — за чтение чего ни попадется под руку, вплоть до фельетонов в газете «Руль», берлинской наследнице петербургской кадетской «Речи». Приходила и варшавская Савинковская газета «За Свободу», и — для лучшего осведомления отца о внешней и внутренней политике Чехословакии — предназначенная для международной информации полуправительственная газета «Prager Presse». Но не столько зарубежных газет, сколько писем, особенно петербургских, ждали мы от разносившего по коридорам почту здорового донского казака Платоныча, и с увлечением читали их вслух, собравшись всей семьей. Главными корреспондентами были, естественно, родственники с Петербургской стороны и обитатели Кабинетской, 20. Среди первых — теть Адя и теть Вера осведомляли о жизни семейного клана, возглавляемого 85-летней бабушкой Лосской и умножившегося поселившимися в доме на Малом проспекте ее провинциальными католическими родственниками, также и молодоженами — Ларинными.

С Кабинетской приходили колоритные письма от няни, перешедшей полностью на службу гимназии под эгидой Бориса Павловича Афанасьева, вселившегося (для лучшего ведения дела) в наши бывшие жилые комнаты на бабушкиной половине квартиры. Там, будто бы, его жене и детям (или единственному маленькому сынишке?) крепко доставалось, когда Афанасьеву случалось поздно возвращаться с «технологических» выпивок. И на «половину» Лосских гимназия распространилась вплоть до отцовского кабинета и бывшей до 1918 года родительской спальни, куда пе-

ребралась няня и где доживала свои последние два года «Маззяся». Доставалось в нянинных письмах и ей за что-то, как и за «воркотню» продолжавшей царить над кухонным миром Петровне, и за истерику выжившей из ума овдовевшей Аннушке, и неугодным ей «питагогам». Также писала она и о встречавшийся ей знакомых, спрашивавших у нее новостей о нашей жизни за границей, или не спрашивавших их, как это случилось однажды с Катей Поляковой, Настей Ивановой и Асей Афанасьевой, — заслуживших ее категорический отзыв «это не люди».

Писала бабушке и ее гимназия, — если не в лице мало к тому расположенного и не слишком доверявшего своей грамотности Бориса Павловича, то дельные письма о ходе школьной жизни приходили от поднявшейся из учительниц (вероятно, по распоряжению Афанасьева) в сферу дирекции, но еще не приобщившейся к миру сотрудников Публичной библиотеки Тани Быковой. Также писала о гимназии и Анна Петровна Смирнова: о чествовании двадцатипятилетия своей канцелярской службы или о смерти, чуть ли не после сорокалетнего преданного сотрудничества, преподавательницы географии Екатерины Ивановны Шмидт. Но самыми интересными для нас с братом были письма от гимназических и университетских товаров и товарищей. О жизни выпускного класса много и живо писали вместе (как все, что они предпринимали) две Жени — Виленкина и Файнберг, — для большей убористости и меньшего веса на папиросной бумаге. Также много писала, не без известного нарциссизма, и третья Женя — Степанова, одновременно со старшим братом Лексиком, делившимся с Володей университетскими новостями, как и с нами обоими — братья Бахтины. Помню и письма Вали Крошкиной и упоминавшегося ранее Гоги Губина.

Было у нас и известное соприкосновение с бытом свободарнского студенческого населения (уже за пределами профессорских коридоров, где я завязал знакомство со своим сверстником Кириллом Катковым). Население это, хотя в преобладающей мере и белогвардейски настроенное, было весьма разношерстным, каковой была и сама Добровольческая армия: как по возрасту (от юношеского до запятидесятилетнего), так и по положению семей ее участников в русском дореволюционном обществе. По этому поводу вспоминаются забавные типы и сценки. Так, например, перед дверью кабинки одного из студенческих коридоров недавно исполнявший роль артиллериста-фейерверкера юный князь Сережа Шаховской разбирает вслух и по складам не совсем ясно написанное и необычно длинное наименование обитателя кабинки: «Светлейший князь (имя и отчество) Солнцев-Засекин». И на воз-

мушенный вопрос распахнувшего дверь «потомка индийских магараджей» (по собственному выражению носителя титула): «в чем дело?» — кажется, довольно вежливым тоном ответ: «Извините, я думал, что здесь что-то продается». Была на одной из кабинок и артистически каллиграфированная и соответствующим образом орнаментированная надпись «Ambassade imperiale de Chine», объяснявшаяся тем, что занимавший ее студент архитектуры Щербинин обладал приносившей ему немалый успех среди женского населения общезжития унаследованной от экзотических семейных связей негро-китайской наружностью. Но была в большом количестве и публика гораздо попроще и посерее.

Со всей этой средою у нас с братом (не говоря, само собою разумеется, о старшем поколении семьи) общения почти никакого не было, кроме соприсутствия на разнообразных имевших время от времени место всякого рода собраниях. Так, например, новогодние праздники ознаменовались личным изъявлением благоволения президента Масарика: в один прекрасный вечер в нижнем зале Свободарны расположились люди с бочками и чуть не с сотней полулитровых пивных кружек и пошла всеобщая выпивка. Отдали, конечно, честь пильзенскому «праздрю» и мы с братом, но поднялись ложиться спать не слишком поздно, не задерживаясь среди возрастающего оживления собравшихся. Потому не помню, в какой степени мирно закончилось подаренное президентом возлияние Бахусу, во всяком случае в анналах Свободарны оно осталось единственным.

В нижнем зале случались вечеринки, заканчивавшиеся танцуйкой и устраиваемые по объединенной инициативе создавшихся в Свободарне группировок: если не футбольной команды, то смешанного оркестра и своего рода театральной труппы. В составе оркестра (если память не изменяет) доминировали балалайки и домры, но участвовали и духовые инструменты: особенно помнится корнет казака Платоныча, выведивший с большим чувством мелодию оставшегося популярным с десятых годов почти до нынешнего времени вальса на слова «Я видел березу, сломилась она». Что же до труппы, то в ее весьма разнообразный, главным образом комический репертуар входили сценки более-менее балаганного разряда: вроде иллюстрации в трех лицах — принявших вид марионеток нарядной барышни и ее купцов-родителей в стиле Островского — польки на слова «Что танцуешь Катенька», или номера, притязавшие на более поэтический, сентиментальный характер, — как сопровождающий стихи Агнивецца «Вальс, звени про былые дни» танец пары призраков в костюмах по моде пушкинских времен. Иногда выступали на свободарнской эстраде и

приезжавшие из города артисты, в их числе приобретшая на юге России в пору гражданской войны известность драматическая актриса Полевицкая, создавшая небезыntenерный жанр декламации нараспев стихов Бальмонта («Звук зурны звенит, звенит», «Есть в русской природе усталая нежность») или Городецкого («Стоны, звоны, перезвоны»). Приезжал не раз и вокальный ансамбль «Братьев Зайцевых», пользовавшийся года два успехом в эмигрантских собраниях юмористической, точнее шутовской интерпретацией русского хорового репертуара, дополнявшегося мимикой, жестикуляцией и костюмными аксессуарами. Было и времяпровождение более серьезного разряда: примерно раз в месяц, под вечер, читальня превращалась в аудиторию и появлявшийся в ней журналист Магеровский давал собравшимся в ней слушателям оперативную сводку о текущих делах мировой политики. Также вел в ней не раз беседы морально-религиозного порядка представитель одной из евангелических сект Марцинковский.

На этом фоне свободарнского быта прошли две первые зимы нашего зарубежного существования.

***

Перенесаясь из Либня в центр Праги, скажу немного о гуманитарном и культурном деле Земгора, главное помещение которого, на Панской улице, 6, отвечало самым разнообразным нуждам и начинаниям общественной жизни эмиграции. В его большом зале с подобием сцены и хорами собирались для публичных лекций (там и блистал своим ораторским дарованием Кизеветтер), концертов и спектаклей. В нем же периодами (по крайней мере в полуденное время) действовал русский ресторан, посещаемый главным образом интеллигентной публикой. В связи с его весьма относительно «буржуазным» характером вспоминается рассказ из юмористического репертуара Сергея Эфрона о появившемся между столиками обедавших донском казаке с заявлением: «Мы там воевали, а они тут жрут» — и, не помню как преуспевшем его утихомирить (не поднеся ли шкалик водки?), персонале столовой. В этом же зале одно время помещалась и земгорская библиотека с выдачей книг на дом, пока, из-за разросшегося фонда не перебралась в собственное помещение на другую улицу. Тоже одно время помещалась в зале поменьше, на сей раз благодаря меценатству Методистской миссии, читальня с русскими газетами, журналами и разного рода справочниками: помню даже энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Поскольку же речь зашла о духовно-просветительской деятельности протестантских общин, отмечу здесь же успех среди пражской молодежи родившегося под кры-

лом YMCA (Young Men's Christian Association) РСХД (Русского Студенческого Христианского Движения). Возвращаясь в здание Земгора, прибавлю, что там на уровне хор большого зала помещались и кабинеты состоящих на его службе врачей и дантистов.

Занимают место в моих воспоминаниях о русской Праге и еще две из многих организаций, не слишком нас интересовавших: возродившийся в новом составе под дирижерской палочкой А.А.Архангельского его знаменитый в Петербурге хор, который выступал с большим успехом на сцене Чешской Филармонии в Городском Доме, и основанная с лучшими намерениями милейшей А.А.Тесковой называвшаяся на двуязычный лад «Чешско-русская Еднота». Под знаком единения периодически собирались ее русофильски настроенные друзья и русские интеллигенты для беседы на русском языке, сопровождавшейся по большей части русскими же концертными номерами. Раза два на этих вечеринках попрекраснодушествовали в почти полном семейном составе и мы.

***

Месяц февраль ознаменовался поступлением Володи на летний семестр философского факультета чешского Карлова Университета. Поскольку для этого требовался документ, свидетельствующий о его образовательном цензе, родители вступили своевременно в переписку с Карсавиным, прося его, как учителя брата, дать показание о его успешно проведенных учебных годах в Петербургском университете. Что и было им исполнено в самой лучшей форме, даже с характерным для него забавным заявлением в сопроводительном письме, что отныне, зная точно начертание его подписи, родителям можно будет ее имитировать на каких им будет угодно удостоверениях от его имени. Присланного им документа оказалось достаточно и без аттестата зрелости. Известное и не сразу преодоленное затруднение возникло из-за его метрики, свидетельствующей о его рождении и крещении в Геттингене (то есть попросту говоря во враждебной Чехословацкой республике Германии), где вместе с отцом, состоявшим в научной командировке, наша семья провела весну 1903 года. Оформив поступлением в университет свои посещения курсов Кондакова, брат в течение полутора учебных лет продолжал и здесь занятия западной медиевистикой — главным образом, у некоего профессора Фридриха.

Что же до моих учебных дел, то требовалось прежде всего заручиться приемлемым для чехословацких академических властей удостоверением о получении в России среднего образования. На то существовала при русском университете особая комиссия, пе-

ред которой мне пришлось предстать для опроса по математическим предметам, физике, истории и словесности. После чего я вступил на ложный путь, который, по зрелому размышлению, мне представляется теперь как фактически преступное злоупотребление доверием родителей. Чтобы больше не признаваться в нем, кину сейчас же общий взгляд на четыре проведенных в Праге учебных года, если не совсем, то почти никак не послуживших моей дорого обошедшейся старшему поколению профессиональной подготовке. Дело было в том, что, изменив наметившейся в Петербургском университете ориентации на историю искусства, я стал думать о карьере архитектора, не отдавая себе достаточно отчета, в какой высокой мере она требовала способности к рисованию, что поначалу мне, как и родителям, казалось делом «наживным». Однако, поступив осенью на архитектурное отделение пражского Техникума, я вскоре полностью убедился в обратном, но это мне не помешало остаться на нем, занимаясь почти заведомо бесцельно «не рисовальными» предметами. Можно было бы тоже понять, что для проществия пятилетнего курса архитектуры требовалось почти все свободное от лекций и практических работ время, а у меня возобновились (в чисто дилетантском порядке) музыкальные уроки и упражнения и никак не унялась страсть к чтению, главным образом в области классической и новой литературы, в частности, пушкиноведения, и, что лишь в конечном счете принесло конкретную пользу, — любимой истории искусства.

Прибавлю к сказанному, возвращаясь в февралю-марту 23-го, что для поступления на архитектурное отделение русским надлежало пройти через контрольные испытания по начертательной геометрии и рисованию. В связи с этим весна и лето прошли для меня в значительной мере под знаком увлекшей меня «дескриптивы» Гаспара Монжа и упражнений в рисовании под руководством рекомендованных нам Н.И. Ильиной проживавших в Сободарне учеников пражской Академии художеств Константина Павловича Пясковского и Марии Адольфовны Камберг, о которых не раз будет еще идти речь.

Также в связи с будущей учебой я завел знакомство с одной из русских первокурсниц архитектурного отделения Техникума, примерно двадцатитрехлетней Екатериной Николаевной Рейтлингер, старшую сестру которой, Юлию, мы уже знали по аудитории Кондакова. Обе они обладали талантом к рисованию и живописи, но у Юлии он был обращен на религиозную тематику, тогда как у Екатерины он сопутствовал богатому воображению со склонностью к шаржу и чертовщине, бывшей также, если не ошибаюсь, свойственной и ее таланту в области поэзии. Пишу о ней

главным образом потому, что от нее услышал среди наших первых разговоров имя Марины Цветаевой, к литературному потомству которой ее теперь начинают причислять.

От нее я услышал восторженные восхваления творчества поработившей ее поэтессы, эмоционального ритма и мелодии ее стихов, так точно и выразительно передающих все нюансы сюжета, движения, настроения и проч. В пример было приведено что-то вроде «Птицы! летите! ввысь!..» И говорилось еще что-то о разных вещах, которые у простых смертных выходили так-то, а у Мари-ины Ивановны вот так-то — и все это с какими-то особыми ударениями и расстановкой, что мне уже тогда показалось слишком экзальтированным и несколько претенциозным.

Возвращаясь к своему профессиональному образованию, вспомню, что в это же время возобновились и мои никак ему не способствовавшие и отнимавшие у него немало времени занятия музыкой. Для их оформления у нашей семьи завязалось позднее упрочившееся и продлившееся на всю пражскую эпоху знакомство с проживавшей поначалу в свободарнском «семейном коридоре» и уже завоевавшей себе место в культурной жизни русской Праги пианисткой и преподавательницей Еленой Максимовной Покровской, по мужу Ермолаевой. Эта была дама лет около тридцати пяти, с прической из спускавшихся с висков кругами (как на серовском портрете Ванды Ландовской) темно-каштановых волос и произносившая вместо «р» — «г». Она была родом из Одессы, где и получила музыкальное образование, если верно, что в консерватории черноморской столицы преподавал часто ею вспоминавшийся как любимый учитель Годовский. Ее игра отличалась темпераментной динамикой, дававшей особую силу стоявшим во главе ее концертного репертуара произведениям Листа и Шопена. Ограничусь сообщением здесь о личности Елены Покровской, не вдаваясь в рассказы анекдотического порядка.

***

Весь март отец провел в Лондоне, где по приглашению профессора Коренчевского прочел серию лекций по философии в Русском народном университете и принял предложение сотрудничать в журнале «Slavonic Review». Там ему доставило большое удовольствие частое общение с семьей англиканского пастора Джона Деддингтона, который в 1912 женился на ученице отца по бабушкиной гимназии и Бестужевским курсам, Наталии Александровне Эртель (дочери писателя), ставшей позже переводчицей на английский язык многих его произведений. Также возобновилось через него наше общение с семьей Метальниковых, у которых на

обратном пути через Францию он провел больше недели в Мелоне.

Завелись за этот период и новые, вскоре ставшие для всей семьи — от бабушки до Андрюши — близко дружескими знакомства. Начались они с полученного отцом письма от его дотоле незнакомого почитателя, эмигрировавшего из Москвы врача-психиатра Николая Евграфовича Осипова, положившего в основу своей медицинской теории и практики психоанализ Фрейда и интуитивизм Лосского. Всем импонировала его общая культура, остроумие и даже его чрезмерная апухтинская тучность. В связи с нею вспоминается его собственный рассказ о том, как войдя в железнодорожное купе, где сидели незнакомые русские, принявшие его за злоупотребляющего пивом чеха, и слыша замечание одного из них «Ох, того и гляди лопнет», — он опустил с нарочитой предосторожностью на скамью и провозгласил, отдышавшись: «Вот и не лопнул». Жил он вместе с семьей московского текстильного фабриканта В.С. Рябова, жена которого Валентина Александровна (тоже из купеческого рода, если не коверкаю фамилии — Баскакиных) очень серьезно увлекалась религиозной философией и была, как ее сестра Елена Александровна Ефремова, пока еще заочной поклонницей о.Сергия Булгакова. Благодаря спиритуалистической настроенности хозяйки, дом Рябовых стал местом встреч разного рода и возраста людей с «духовными запросами», как будто в значительной мере членов РСХД, среди которых особым вниманием пользовался студент математики или физики Бобровников, сделавший несколько лет спустя блестящую профессорскую карьеру в одном из университетов Соединенных Штатов. К этому кружку была причастна не помню как звавшаяся, говорившая по-русски и дурная собой, переступившая через двадцатипятилетний возраст чешская девица. Появлялся в нем и наш верный приятель, пятидесятитрехлетний холостяк Иван Иванович Лапшин, и не помню как родилась у его доброжелателей мысль их сосватать, ниже увидим, с каким успехом.

Через посредство Ивана Ивановича завязалось у нас и другое, не менее интересное знакомство с русской семьей графов Сюзор. Ему была приятельницей с девических лет хозяйка дома, кажется, Ольга Николаевна (так и буду ее называть), урожденная Владимирова, если не ошибаюсь, принадлежавшая, как и он, к кругу почитателей Римского-Корсакова. Однако, в отличие от Лапшина, она была любительницей всякой «духовности», главным образом, в теософском аспекте. Полагаю, что во исполнение высказанного ею желания, Иван Иванович и предпринял наше сближение с Сюзорами. Для начала он повез представить им нас с

братом на место их пребывания, в городок Збраслав в 12 км от Праги вверх по течению Влтавы. Не знаю, в какой форме и мере граф Юрий Павлович сотрудничал с Земгором, но свою семью он поселил на втором этаже замка, снимавшегося этим учреждением под общежитие для двух десятков русских мальчиков и девочек. Это весьма предстательно украшало текст его визитной карточки: Comte Georges de Suzor — Zbraslav — Château.

Должно быть, благодаря светским таланту и навыку хозяйки дома, оказавшейся крупной, хоть и не очень полной дамой лет сорока с небольшим, мы скоро и легко сошлись с членами ее семьи, не смущаясь перед Юрием Павловичем, а скорее про себя забавляясь его «графскими» повадками и осанкой, долговязой худобой и линкольновской бородкой. Сошлись мы с двадцатилетним сыном хозяйки от первого мужа, Николаем (Евгеньевичем) Штейном, учеником фортепьянного класса пражской консерватории, и с хорошенькой дочкой Сонечкой, ровесницей нашего Андриуши, не изменявшего своему обычаю держаться букой перед гостями. Для полноты картины следует прибавить ведущую домовое хозяйство старую няню графини и детей, не пренебрегавшую признанным за ней правом на вступления, иногда даже критические, в общий разговор. Она же, наверное, и подавала обед с борщом, за которым хозяйка спросила нас о наших видах на будущую деятельность, на что я ответил, что хотел бы, хоть и не знаю как, посвятить ее служению истории (брат уточнил за меня: «монументальной») Петербурга. Это оказалось как нельзя более кстати, чтобы развязать язык графу, поведавшему, что невяская столица многим обязана его отцу — архитектору, «который много сделал для России», за чем последовал рассказ о его деде, на публичные лекции которого о французской литературе съезжалось все петербургское общество, а там, кажется, о принце Ольденбургском, при котором он, кончив Императорское Училище Правоведения, состоял чиновников *особых* (с ударением на этом слове) поручений, и еще о чем-то, что исходило «с высоты престола». Встав из-за стола, все (кажется, кроме графа, занятого какими-то важными делами) собрались перед пианино, и обладавшая звонким и сильным контральто Ольга Николаевна пропела с аккомпанементом сына «Песнь индийского гостя» из «Садко», во французском переводе за неимением русского текста либретто, и несколько пьес Мусоргского. На все это у Ивана Ивановича находились интересные комментарии, и дошло даже до того, что он и сам спел с большим патетизмом романс об идущем на расстрел за оскорбление, нанесенное офицеру, «Старом капрале». Потом к собравшимся присоединилась, войдя скромно, почти робко и по-

целуя, по удивившему нас чешскому обычаю, руку хозяйке дома, изящно одетая и недурная лицом барышня лет двадцати, окончившая (или оканчивавшая) класс скрипки в пражской консерватории, приятельница Коли Штейна — Ярмила Соботкова. С их игрою в четыре руки в программу домашнего концерта вошла чешская музыка, и нас сразу же пленила, меня на всю жизнь, своим романтическим лиризмом симфоническая поэма «Влтава» из цикла «Моя родина» Бедржиха Сметаны.

Домой мы вернулись поздно, с восторженными рассказами старшим о виденном и слышанном за день. Володе даже случилось вскоре похвалиться при встрече с Кондаковым нашим визитом в Збраславский замок, на что притязавший на всезнание старец возразил: «Такого нет», а когда услышал имя графа Сюзора, согласился, но уточнил: «Такой есть, только он не граф», и в объяснение сказанного сообщил одну из нескольких, позже дошедших до нас версий истории появления графского титула в семействе Сюзоров. Нас это, разумеется, могло скорее позабавить, чем возмутить или смутить, и только с несколько более нюансированным чувством наша семья направилась в полном составе, под тем же предводительством Ивана Ивановича, в Збраславский замок, в качестве «желанных гостей». Настолько желанных, что для проявления бабушке особого почтения хозяйка дома поцеловала ей руку. Думаю, что тоже ради бабушки кроме нас оказалась в гостях и недавно приехавшая в Прагу из Харбина, но у нас еще не заявившаяся бывшая «стояюнка», моя товарка по старшему пригостительному классу 1914/15 учебного года Нина Новикова, покинувшая с семьей Петербург летом 1917-го. Не помню, к сожалению, на каких разговорах свелось знакомство отца с графом, но вспоминается, между прочим, как бабушка, иллюстрируя свой разговор с графиней, должно быть о песенках, которым учила нас в раннем детстве, напела, как могла, в пол старческого голоса «*Petite fleur de bois, toujours, toujours cachée*». Это может быть и поспособствовало тому, что в послеобеденный вокальный репертуар хозяйки дома вошли сентиментально-галантные пьески из сборника французских «бержереток» XVIII века.

Как будто в этот наш общий приезд, хоть и не помню точно как, обитатели замка свели нас с русскими постояльцами «отеля» *Velká Hospoda* (Большая харчевня) на бульваре, образующем набережную Влтавы. Это жилище нам так приглянулось, что чуть ли не сразу были предприняты первые хлопоты, чтобы поселиться в нем на летние месяцы.

***

Со Збраславом связывается воспоминание о нескольких коротких и длинных периодах на протяжении почти двадцатилетнего пребывания старшего поколения нашей семьи в Чехии: с 1 мая до второй половины сентября 1923 г., с весны 1924 до октября 1925, с весны 1926 до мая 1928 и с весны до сентября 1929, когда наконец до нас дошла очередь на право жительства на освободившейся квартире в вошедшем в историю русской Праги «Профессорском доме» на северо-западной окраине столицы (№27-29 по Бучковой улице в Бубенче).

Качество гостиницы Велька Господа оправдывала только отчасти: тем, что ее нижний этаж был занят рестораном, распространявшимся на крытый балкон вдоль ее главного, смотрящего на бульвар фасада и на лежащий перед ним затененный высокими ореховыми деревьями сад. Сам же двухэтажный дом принадлежал не владельцу ресторана, личности малосимпатичной (его немецкой фамилии не помню), в общеречии «пану гостинскому», а занимавшему в нем квартирку довольно крупному дельцу по фамилии Прохазка и сдававшему семь-восемь комнат не проезжим, а постоянным жильцам, за все наше время — русским семьям. Но как выяснится ниже, не по одной этой причине Велькой Господе было суждено занять лет на пять или шесть главное место в жизни русского Збраслава. Пока же прибавлю для дополнения картины, что гостиница находилась в пяти минутах ходьбы от пристани пражского пароходства и в четверти часа от железнодорожной станции «Збраслав — Зависть», на противоположном берегу Влтавы, куда вел новосооруженный железный мост.

Знакомство с обитателями дома стоит начать с его чешского хозяина Прохазки, нашего непосредственного и небезучастного соседа во втором этаже, тем более, что он умел и любил говорить по-русски, хоть и со вставлением чешских слов. Так, вспомню, к примеру, его появление на нашем пороге с предложением, которое было бы неудобно не принять, купить принесенные из его фруктового сада яблоки, которые были хоть и «падлыя але очень вкусныя». Вообще все способы наживы были ему пригодны, тем более, что они шли об руку с целой идеологией, воплощением которой было кажется им же основанное сберегательное общество «Стшадаль» (по-нашему было бы что-то вроде «скопидом»). Имело оно косвенный успех и у русских збраславян, хоть и только тем, что членский билет давал право пользования первым классом с билетом второго на судах пражской пароходной компании, к которой Прохазка был также как-то причастен. И за это ему можно было бы сказать, употребляя его лексику, «искряное русское спасибо».

Среди вельмогосподских соотечественников отведем первое место московским ревнителям древляго благочестия, семейству в свое время крупного текстильного промышленника Евгения Павловича Свешникова, тогда же существовавшего главным образом на денежную помощь, шедшую от проживавших безбедно во Франции (и, кажется, в Англии) двух дочерей. Обреченный на праздное прозябание и по натуре не расположенный к чтению Е.П. заполнял свои досуги нехитрой домашней бухгалтерией, вырезанием, сортировкой и расклейкой на разные таблицы иллюстраций (подчас умеренно-эротического характера) из попадавшихся ему под руку журналов или разного рода поделками. В числе их столлярными, чем очень подсобил моей матери в приспособлении к нашим семейным нуждам шедшей от дома мебели. Можно было видеть его иногда и гуляющим по набережной в компании графа Сюзора, причем контраст их дополнявших одна другую фигур воскрешал перед встречными двойственный образ Дон Кихота и Санчо Панса. Не во многом была схожа с Е.П. его супруга Елизавета Андреевна, хоть и принадлежавшая, по-видимому, к купеческой среде, но к семье, ближе соприкасавшейся с интеллектуальным миром, будучи родственницей одного из современных историков (скорее Преснякова, чем Жебелева). Прибавлю, поставив в кавычки слова «более того»: как мне довелось узнать уже после войны от их дочери Софьи (к которой вернусь ниже), Е.А. была даже членом кадетской партии, что весьма мало вязалось со свешниковским прагматическим консерватизмом. Это было мне поднесено как скорее смехотворная, чем досадная черта в их семейном прошлом. Е.А. была достаточно начитана в области литературы и религиозной философии, часто общалась с бабушкой, которой импонировали ее «духовные» качества, как и многим, если не считать И.И. Лапшина, любителя словесных курьезов, выразившегося по этому поводу «сумлеваюсь чтоб»...

С родителями Свешниковыми жила и их уже упомянутая старшая дочь Софья Евгениевна, особа лет тридцати, обеспеченная службой в Праге, в каком-то чешском учреждении или предприятии, что давало ей независимое положение и усугубляло властный характер будущего семейного диктатора. Не буду распространяться о сыновьях Андрее и Евгении, студентах-техниках, проводивших с родителями каникулы, ни о посещавших Свешниковых других отпрысках московского купечества, как их намечавшийся зять Лепешкин и, кажется, уже истый член РСХД Бахрушин, ни о живописной фигуре, ведущей их кухонное хозяйство, — петербургской купчихе-старообрядке Евдокии Семеновне Трегубовой.

Прежде чем оставить на время Господу, упомяну о пребывавших там супругах Ипатьевых. О милейшем Николае Николаевиче достаточно будет пока сказать, что он был до революции железнодорожным инженером при Сибирском пути и эмигрировал с женою в Японию из Екатеринбурга, где в их особняке в июле 1918 была зверски истреблена царская семья.

Единственное общение нашей семьи с чешской средой Збраслава, если не говорить о хозяевах Велькой Господы, началось совсем скоро по нашем в ней водворении. Наверное, через посредство Сюзоров, у которых мы в свое время встретили консерваторскую подругу Коли, скрипачку Ярмилу Сobotкову, мы познакомимся с ее матерью, кажется Марией по имени, вдовой не очень давно умершего видного государственного чиновника. Для содержания своей многочисленной семьи ей приходилось пополнять пенсию за счет приготовления обедов для пансионеров-застольников. Таковыми стали и мы, благодаря чему забота о пропитании нашей семьи ограничилась для моей матери утренней и вечерней едой.

Членами второго поколения семьи Сobotка, кроме не жившего с нею и где-то служившего старшего сына Мирека (уменьшительное от Радомир), были: старшая дочь Ярмила, мой сверстник Радя (Цтирад), парень привлекательной наружности и любитель музыки, обладавший характерным для чехов несколько сдавленным тенором, младшая сестра Квета (наверное, Кветослава), тоже недурная собою, хоть и не по примеру Ярмилы склонная к полноте, то жизнерадостная, то на что-нибудь дующаяся, и два братишки чуть старше десяти лет: мало общительный Святя (Святослав) и живчик Виша (Завиш), охотно забавлявший окружающих своим талантом имитатора и исполнителя юмористических песенок. Хорошо помнятся весело проведенные у Сobotок, в компании с их завсегдатаем Колей Штейном, вечера, оживляемые слушанием в преобладающей мере чешской музыки.

Возвращаясь к русскому Збраславу, в разных частях которого ближе к лету стали расселяться семьи соотечественников, припоминаю четыре разряда петербургских и московских изгнанников. Лутохины, Кизеветтеры, Стратоновы и Булгаковы. Здесь речь идет о семье однофамильца о.Сергия, Валентина Федоровича Булгакова, личного секретаря Толстого, одного из очень немногих высланных, пытавшихся задержаться в России, если не ошибаюсь, в Ясной Поляне, кажется, уже в качестве хранителя архивного наследия Льва Николаевича, к которому ему удалось в конце концов вернуться вскоре по восстановлении мира в 1945 году. И за рубежом он продолжал служение памяти Толстого в его аспекте

мыслителя-моралиста, пацифиста, защитника религиозных сект и проповедника непротivления злу силой. Он обладал видной наружностью: молодожавое лицо контрастировало своей свежестью с полной сединой волос, как и не сходящая с уст улыбка с не всегда добрым взглядом. Также помнится его хороший голос и выразительное исполнение им пьес классического репертуара, таких как «Я помню чудное мгновение» Пушкина-Глинки или, по-немецки с русским акцентом, располагающим к транскрипции кириллицей: «Их гролле нихт» Гейне-Шумана.

Собственно говоря, если не по почину, то по примеру Валентина Федоровича возникла в Збраславе своего рода «русская общественность». Примером этим послужил прочитанный им доклад о его первом знакомстве и общениях с Толстым, собравший не представляю себе как оповещенную русскую интеллигентную публику: местную, окрестную и даже пражскую, не помню, в ресторанном ли зале Господы или в снимаемой Земгором галерее замка. Этим наверное бы и объяснилось, что чувствовавший себя в его стенах «шателеном» граф Сюзор (тут вспомню суждение по его поводу отца о свойственной питомцам Училища Правоведения способности к беспредметным, письменным и устным, выступлениям) счел уместным, после аплодисментов докладчику, приветствовать аудиторию за ее интерес к личности Толстого, — как сейчас стоит в памяти: «этого русского старика»...

Что же до осуществления збраславского объединения, то его инициатором следует признать Всеволода Викторовича Стратонова, обладавшего кроме звания профессора астрономии качеством «компанейского человека», умевшего уже со времен своей деятельности в дореволюционной русской провинции блистать в разных интеллигентских ассоциациях, члены которых гордились им как «ореолом их общества». В Збраславе скоро сблизилось знакомство его и нашей семьи, наметившееся в ноябре прошедшего года в берлинском отеле Zur Ostsee. Также довольно скоро сошелся В.В. и с другими обитателями Господы: Свешниковым и Ипатьевым, поначалу проживавшим в Чехословакии, как до того в Японии, на остатки личного капитала, должно быть, вверенного иностранным банкам. Желая, как и Свешников, найти выход из вынужденного бездействия, Ипатьев обращался к бесцельным размышлениям в области науки и техники или к хождению по бульвару для наблюдения за направлением и силой ветра, как и за густотой более или менее угрожающих дождем облаков.

Оба они оказались ценными сообщниками Стратонову в осуществлении его мысли об образовании еженедельных встреч рус-

ских збраславцев за чашкой чаю в саду или, при ненастье, в зале господского ресторана.

Практика начавшихся во второй половине июня собраний содалась следующая: день недели — пятница, плата за участие в ней — крона с человека, которой хватало на покрытие расходов по оплате «гостинским» занимаемого у них пространства, поставки ими кипятка для покупаемого обществом чая и сахара, а по заказу — и «ваночки», т.е. сладкого «рождественского» пирога, по ломтику на каждого. Мудрое правило: застольные разговоры на любые темы, только не политические, во избежание споров, способных перейти в ссоры. У каждой «пятницы» свой очередной хозяин-председатель и, кажется, независимо от него свой просветитель собрания — докладом на научную или другую тему или чтением собственного литературного произведения. Затем следовали общие игры, подвижные у детей и молодежи, на площадке за садом. Понемногу создался как бы сам собой небольшой, но звучный ансамбль исполнителей экспромтом великорусских и малороссийских народных, а также студенческих песен, которыми стали увенчиваться (ближе к концу лета, уже при искусственном свете) збраславские пятницы.

Не без известного риска перепутать летние месяцы 23-го и 24-го годов вспомню для примера хотя бы некоторые пятничные доклады и чтения, начиная с намеренно «общедоступной» беседы Стратонова о звездном небе. Также обобщенный характер носил и доклад Лутохина, помнится, более-менее на тему об установлении понятия о материальной ценности приношений природы (т.е. ее геологического, растительного и животного мира) и произведений промышленности в социальной экономике организованного человеческого общества. После чего желавший оживить сеанс Ипатьев иллюстрировал лекцию примером (принятым всерьез только им самим) о том, как при учреждении пятницы ее основателями дебатировался вопрос о цене чая, сахара и «ваночки», в виду установления размера членского взноса. Так же охотно занимал Ипатьев збраславян и собственными многосюжетными докладами, главным образом, разнообразными повествованиями о Японии. В дальневосточные воспоминания докладчика вошло и большое стихотворение, живописующее тайфун, который ему в свое время довелось пережить на борту парохода. Склонность же Ипатьева к стихотворству нашла себе пищу и в применении к сложившемуся збраславскому быту, когда к концу августа пришла очередь юбилейной «десятой пятницы». Думается, что именно на ней была им прочитана хвалебная эпистола завоевавшему себе популярность объединению. Из нее мне вспоминается начало: «В

Вельку Господу толпою Русь по пятницам идет» и фрагменты вроде: «...всех собрал Збраслав-краса» в рифму с рефреном «пропадай моя телега, все четыре колеса». Или, не без психологической стилизации: «Для порядку между нами мать-игуменья сидит, лишь займется флиртом дамы, им Стоюнина грозит».

Вне собраний читалась и более коварная «збраславиада», автором которой был гулявший по набережной в сопровождении волкодава Сали Виктор Викторович, брат Бориса Савинкова. В его стихах досталось, между прочим, и «ржущим, что кони» братьям Лосским, как и художавому «сиятельному» обитателю замка, которого можно было нередко встречать на набережной: «изможденный граф Сюзор на купальщиц пялит взор».

Возвращаясь к пятницам, вспоминаю красноречивые выступления Кизеветтера, в ту пору пребывавшего мысленно «на рубеже двух столетий», особенно его два доклада, относившихся к «серебряному веку». Первый из них был посвящен памяти Чехова, с которым автору довелось встретиться незадолго до смерти писателя в 1904 году. Повествование начиналось с облика Чехова, отличавшегося уже своей наружностью беспритязательного интеллигента, настоящего врача, от нарочито оригинального вида, придаваемого себе многими из его литературных собратий девяностых годов, вроде Максима Горького, рядившегося в представителя рабочего класса, борящегося за правду, или щеголявшего народным тулупчиком Леонида Андреева, или, лучше всех, Максимилиана Волошина в античной тоге и чуть что не с терновым венцом на голове. При этом докладчик из уважения не называл патриарха «серебряного века», шлепавшего босиком в крестьянской рубахе по Ясной Поляне. Был и доклад, в котором досталось специально Андрею Белому. Тут Кизеветтер явился, как до него Владимир Соловьев, высмеивавший поэтов-символистов, носителем конкретизирующего менталитета прошлого столетия. Доклад начинался с воспоминаний о взятом в тюремной библиотеке (во время сидения на Лубянке в августе 22-го) романе «Петербург», «томе-кирпиче», который, даже находясь в атмосфере арестантского вынужденного бездействия, Кизеветтер предпочел вернуть непрочитанным, убедившись, что он не содержит ничего, кроме несносной ерунды. Потом пошла потеха над стихами Белого, с насмешлившей слушателей цитатой, предметом коей являлся ребенок, который «заплакал хриплым басом и в небо пустил ананасом».

Были и доклады, связанные с нашей более старой литературой. Их читали профессор-юрист А.В. Маклецов, Георгий Владимирович Вернадский, историк России, и, наконец, Иван Иванович Лапшин. Из тех, кто делился с публикой собственными литера-

турными произведениями, вспоминаю Евгения Васильевича Аничкова, видимо, уже преподававшего тогда в высших школах Белграда, преподнесшего пьесу в драматической форме, озаглавленную, кажется, «У Тейнищеровых».

Благодаря збраславским пятницам, упрочились раньше приобретенные и завязались многочисленные новые знакомства. Довольно будет добавить здесь к вышеназванным участникам семью киевлян Бёмов: уже ставшего видным литературоведом Альфреда Людвиговича (небольшого роста человечка, приближавшегося к сорока годам, хромого из-за онемевшей после полиомиелита ноги), его патологически злоязычную супругу Антонину Иосифовну и двух дочек, Ирочку и Таню, сверстниц нашего Андрея, ставших подругами его отрочества и юности.

Принесли пятницы и нам с Володей долголетнюю дружбу с двумя девицами, близкими к моему возрасту. Здесь нужно напомнить о названной выше семье Мягковых. Лето 23-го они проводили в местечке Вранэ на Влтаве, километрах в четырех-пяти вверх по ее течению. Прознав в середине июля о пятничных собраниях, они убедили дочь Лидию посещать их. Веселая атмосфера пришла Лыдинке так по сердцу, что чуть не со следующей пятницы она стала приходить в Збраслав со своей закадычной подругой, нами дотоле лишь два раза встреченной, — старшей дочерью Новгородцевых Ириной, и к концу лета наши еженедельные встречи привели к образованию своего рода «союза четырех», уподоблявших себя почему-то колесам какой-то эмблематической «телеги».

Из новых знакомых отца следует назвать только что перебравшегося в Чехословакию из Харбина Льва Александровича Зандера, стяжавшего себе позже известность основанием религиозных объединений, а тогда молодого философа, пришедшего на поклон к отцу. Также стоит внимания и присоединившаяся к теософскому кружку графини Сюзор Е.А. Нелидова (в замужестве Хенкина), недавно переселившаяся из Берлина, где ее супруг, если не ошибаюсь, бывший член балиевской труппы «Летучая мышь», с успехом выступал на русских сценах. Сама же Нелидова противопоставляла актерскому таланту мужа чисто интеллектуальную «духовную культуру», которой поделилась с русскими збраславянами, прочтя в замке и на пятничных собраниях интересные доклады на теософские темы. Пишу о ней главным образом как о матери приехавшего с нею сынишки лет семи-восьми, Кирилла Хенкина, ставшего впоследствии литератором русского зарубежья. Тогда он держался особняком, как будто размышляя о высоких материях, как-то высокомерно, даже со старшими, и выра-

жался на языке взрослых, хотя и не всегда понимая значение слов. К примеру, вспомню его обращенное к нашему Андрюше требование: «отвечай по всей категории!»

Довольно скоро после нашего приезда отец покинул Збраслав для двух- или трехнедельного, прописанного еще в Петербурге, курса лечения в Карлсбаде (по-чешски, Карловых Варах), куда он перетянул за компанию и Лапшина. Там же оказалась и говорившая по-русски довольно привлекательная чешская певица, которую они встречали у Рябовых, и ее присутствие, как могло казаться, было небезразлично для Ивана Ивановича. Во всяком случае отец, более-менее причастный к матримониальному заговору, касавшемуся Лапшина, взялся осторожно за целенаправленные разговоры с своим другом, но в конечном счете оставил их, обезоруженный драматическим возгласом Ивана Ивановича: «Да, сегодня вы меня жените, а через две недели я побегу топиться во Влтаве!»

Также случилось отцу покинуть дней на десять Збраслав для интересного турне по Прикарпатской Руси, на которое была приглашена небольшая группа русских ученых, возглавляемая ординариусом Карлова университета, филологом В.А. Францевым. В состав группы входили Кизеветтер, Савицкий, братья Флоровские и, как уроженцы этих краев, слависты-русофилы Д.Н. Вергун и И.О. Панас. Одним из главных предметов их внимания были характерные для страны, в значительной мере барочные деревянные церкви, причем Георгий Флоровский, как яркий поборник чистого православия, не осквернял себя посещением униатских храмов, а Д.Н. Вергун, в порыве свойственного ему исторического фантазерства, восторгался перед барочными фресками, обнаруживая в некоторых из них произведения славянских живописцев раннего средневековья.

***

К концу сентября мы не нашли ничего лучше, как снова поселиться на зиму в Свободарне. Правда, положение значительно улучшилось, так как месячная плата за комнаты в «профессорских» коридорах сбавилась с пятисот до трехсот с чем-то крон, что позволило нашей семье разместиться не в двух, а в трех комнатах, этажом ниже, чем раньше. В одной из них, которой надлежало стать столовой, кухней с примусом и гостиной, — поселились бабушка и мать, в другой отец и шестилетний Андрюша, а в третьей мы с Володей.

Из других обитателей коридора помню молодое семейство Тимашевых: историка права и социолога Николая Сергеевича,

которому еще не было сорока, его жену Татьяну, кажется, Николаевну, урожденную Рузскую, и их крошечную дочку Танечку. Проживали там и пожилые супруги Фенины, он — профессор каких-то гуманитарных наук, она — из семьи обрусевших немцев; с ними мы сдружились гораздо позже, лет восемь спустя.

Для нас с братом осень стала началом учебного года, для меня — первого в пражском Политехникуме, с хождением на курсы лекций и на практические занятия, распространявшиеся на внеучебное время. Для последних у меня завелось обыкновение спускаться в нижний этаж, в вышеупомянутую свободарнскую «чертежку», где завязались знакомства с другими русскими студентами-технологами.

Оглядываясь на Збраслав, откуда кроме нас осенью переселились в Прагу некоторые русские, сообщу, что из-за квартирного кризиса многие предпочли обосноваться в Збраславе на несколько лет, что относится главным образом к Стратоновым, Булгаковым, Вернадским, Бёмам и Потемкиным. Благодаря этому не прекратился обычный периодических, хотя и не таких частых встреч с пятницы на субботу, для которых пани Сobotкова, все более и более благоволившая к русским, предоставляла свою небольшую квартиру. Завели обыкновение и мы с нашими новыми приятельницами ездить на збраславские «субботы». С ними же случалось нам гулять вчетвером по старым частям Праги или присоединяться к кружку молодежи, посещавшей дом Новгородцевых в Дейвицах, — предместье Праги на высоте Градчан, в соседстве с еще не «обрусевшим» Бубенчом.

У Новгородцевых мы встретились с бывшими стоянками, сестрами Ольгой и Еленой Набоковыми. Их семья, за исключением не желавшего расставаться с русским Берлином Владимира Сирина, только что перебралась на «русскую акцию» в Прагу, несколько удивив соотечественников своим еще не утраченным буржуазным образом жизни, которому предстояло сойти на нет.

28 октября, по случаю празднования Чехословацкой республикой пятой годовщины своего основания, союз русских общественных организаций посвятил этому юбилею торжественное собрание (не помню уж в каком многоярусном, наполненном русской публикой зале), начавшееся с соответствующих речей и продолженное концертными номерами, главным образом в исполнении хора под управлением Архангельского.

К последним месяцам года относится и значительное событие в русской культурной жизни: основание по инициативе М.М. Новикова Русского Народного, позднее — Свободного Университета, просуществовавшего вплоть до конца войны.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД

Помнится, что с первых же месяцев года Народный Университет встал полностью на ноги, завоевав себе, благодаря организаторскому таланту и такту М.М. Новикова, признание и материальную помощь со стороны чешской академической администрации, слился (не помню, в какой форме и мере) с новгородцевским Юридическим факультетом и привлек к профессуре русских ученых, в их числе и моего отца с Лапшиным по части философских дисциплин.

Тот же Лапшин выявил свою многогранную интеллектуальность на почве музыковедения как самый любимый публикой, наиболее частый комментатор исторического цикла концертов русской музыки, лучшего дела вышеупомянутой «Чешско-русской Едноты». Иван Иванович завладевал вниманием слушателей свободно-разговорным изложением, оживленным «мозаикой» (употребляя его выражение) литературных, а в данном случае и напетых музыкальных цитат. Помнится, в частности, одна, на концерте, посвященном Даргомыжскому, где Лапшин завел речь о его, кажется, оставшейся недописанной опере на тему пушкинской «Полтавы» — тема, позднее использованная Чайковским для собственной оперы «Мазепа». Тут Лапшин сам сел за рояль и провел, сопровождая себя, сравнительную характеристику арий, обращаемых Кочубеем к своим истязателям и повествующих о «кладах», из которых первый — честь, «пытка отняла», а второй — любимую дочь Марию — «Мазепа этот клад украл». Версию Чайковского И.И. исполнил нарочито монотонно, версию же Даргомыжского возгласил с таким страстным пафосом, что публика разразилась аплодисментами, и тем самым как бы вынудила его прервать на этом лекцию и уступить место профессиональным участникам концерта.

Следует отметить, что в эстетической оценке Лапшина Чайковский стоял далеко за Римским-Корсаковым, которого Лапшин знал при жизни и боготворил, говоря, что ему суррогатом религии всегда служил культ творца «Снегурочки» и «Града Китежа». Все же была отдана честь и творцу «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» на концерте, посвященном Чайковскому, как перед тем Глинке и Серову, а после — Мусоргскому и прочим членам «Могучей кучки», кроме Цезаря Кюи, которого представлял в Едноте его почитатель, последователь и ученик, проживавший в Праге музыкант Подашевский.

Вне новиковской *Alma Mater* протекали посещаемые многими русскими курсы ординариусов Карлова Университета в новом его

здании у Манесова моста: В.А. Францева, Е.А. Ляцкого и особенно Н.П. Кондакова. О последних стоят в памяти многие рассказы проводившего свой единственный полный учебный год в Праге Володы, уже давно общавшегося на курсе и в семинарии Никодима Павловича с товарищами, из которых следует упомянуть самых интересных. Ближайшие «наследники» Н.П. после его смерти основали Кондаковский институт, или Семинарий. Его директором стал Николай Петрович Толль. Наряду с приобретаемыми знаниями в области расширенной византинологии (или, как говорили студенты, «кондаковедения»), он обладал талантом к рисованию, необычайно оригинальным складом ума со склонностью к драстическим вплоть до цинизма суждениям и, сверх того, рослой фигурой и красивой наружностью, способствовавшими притязанию на безапелляционное право господства над женскими сердцами.

За ним следуют фигуры уже знакомого нам Николая Михайловича Беляева, много потрудившегося впоследствии над созданием и редактурой журнала «*Seminarium Kondakovianum*» и погибшего в начале 1930-х (он попал под грузовик), и Дмитрия Александровича Россовского, продолжавшего служение институту до 1939 года. Прошли через «кондаковедение» уже знакомые нам с братом по Свободарне и збраславским пятницам Кирилл Катков, совмещавший занятия в университете и в академии художеств, и будущий парижский египтолог Михаил Малинин. Оказался среди кондаковских студентов и Сергей Эфрон, перебравшийся в Прагу из Константинополя и встретивший здесь Марину Цветаеву и дочку Алю. Были среди слушателей и гораздо более типичные белогвардейцы, как Белецкий, Копецкий и Порецкий, сыгравшие известную роль в области истории и филологии славянских народов. Первый из них возглавлял в ту пору одно из студенческих объединений, в котором видел что-то вроде Союза русского народа. Достаточно привести для примера его изречение, слышанное как-то братом: «Кизеветтер? — плюнуть бы в него из нагана»...

Назову под конец — более в анекдотическом порядке — оставшуюся верной византинологии и состоявшую членом Кондаковского института, шумную в русском академическом кругу приват-доцентку Марию Андрееву (в устах Толля — «Маньку»), бывшую типичной «курсистицей».

Все это более-менее толково слушало курс Никодима Павловича (с уклоном на сторону иконографии), спрашивая себя, как мой брат, в какой мере полезно задерживаться на проблеме «положения Младенца на руках Богоматери» или забавляясь выпадами по адресу неугодных Н.П. собратий-археологов. Первое место среди них занимал, кажется, плативший ему такими же чувствами про-

фессор Венского университета, австрийский поляк Иозеф Стриговский, в устах Н.П. «Стшыговский», с его теориями о ближневосточном вкладе в становление раннехристианского искусства Европы. Кажется, именно ему случалось быть почтённым уже давно забытым русским эпитетом *ёрник*, по-теперешнему проходимец.

Не помню, на какую тему довелось брату читать на семинарских занятиях доклад, изложенный видимо в духе преподавания Гревса и Добиаш-Рождественской, но вспоминаю мною слышанный настораживающий отзыв, который дал о нем Кондаков в разговоре с отцом: «Вашь сын обнаружь-жил склонность к далеко идущим обобщениям». По рассказам же брата, в последовавшей за его рефератом полемике, критика Беляева как верного ученика Кондакова была прервана резким наставлением учителя: «Надо иметь смелость ошибаться». Тоже слышал от брата о реакции Н.П. на доклад одного из младших членов его семинария об иконографии ангелов. Докладчик придавал особое значение количеству изображавшихся в ангельских крыльях перьев, на что Кондаков заметил: «Вы бы, сударь, петуха поймали и у него перья сосчитали».

Из своих коллег по занятиям архитектурой назову только немногих: трех баронов — бывшего царскосела Штакельберга и братьев Клодтов, близких потомков пейзажиста и скульптора коней на Аничковом мосту; носителя дворянской фамилии Нелединского и уже названных выше негрокитайца Щербинина и царствовавшую в их среде поэтессу Екатерину Рейтлингер.

Переписка с Петербургом, конечно, продолжалась, у Володи, главным образом, с Лексиком Степановым, который, работая над своей магистерской диссертацией о митрополите Филиппе (или о патриархе Гермогене?), поступил одновременно преподавателем русской истории в нашу гимназию, прося в своем письме «благословения» у бабушки и получив ее ответ: «обеими руками». По его инициативе и его стараниями были переданы в государственные архивные, библиотечные и музейные фонды перешедшие в гимназию в 19-м году документы и книги из квартиры расстрелянного историка С.А. Князькова и стоявший в нашей «маленькой столовой» мраморный бюст бабушки, исполненный в 1914-1915 тоже расстрелянным князем С.А. Ухтомским. Об этом я упоминал в первой части своих воспоминаний. Стал учителем всеобщей истории в бабушкиной гимназии и другой университетский товарищ брата, будущий вольтеровед В.С. Люблинский.

Конец зимы и начало весны ознаменовались тремя смертями. Причисляю к ним исчезновение Ленина, взбудоражившее население Свободарны. Помню торжествующие крики на ее лестнице

и протягиваемые для пожатия руки незнакомых студентов. Говорили даже о близком возвращении на родину. Но скоро стало ясно, что на месте Ильича крепко сидели продолжатели еще почише.

Покинувшие осенью Збраслав Кизеветтеры водворились, как и мы, на вторую зиму в Свободарне. Уже тогда здоровье Екатерины Яковлевны внушало опасения, а примерно с первых месяцев года она уже не покидала постели. Уход за нею обеспечивали ее дочери, постоянно общавшиеся с нашими бабушкой и матерью. Умерла она, если не ошибаюсь, к концу февраля. Хорошо помню ее похороны на Ольшанском кладбище, особенно предшествовавшее им погребальное богослужение в мрачном зале незадолго до того сооруженного крематория (в ту пору православного храма в Ольшанах еще не было). Также, день или два спустя, — визит к нашей семье овдовевшего А.А. и дочерей покойницы и, главное, — торопливый, но нежный жест его опущенных им на колени рук, когда в какой-то момент они чуть было не заплакали. С этим жестом изменилось сложившееся у меня нелепое суждение, что жившему исключительно интересом к своей науке и к политике А.А. не были свойственны чувства человеческого порядка.

В течение Великого поста слег в постель, кажется, от сердечной болезни, П.И. Новгородцев. Чтобы облегчить Лидии Антоновне заботы, образовалась группа, в большинстве из студентов, среди них и мы с братом, члены которой проводили дни и даже, помнится, ночи в кухне-столовой Новгородцевых на старом коротковатом кожаном диване с непослушными скрежещущими пружинами, прозванном Володей «прохрустово ложе».

Последние дни Павла Ивановича, накануне и в начале Страстной недели прошли в религиозном общении с только что прибывшим в Прагу (вместе с женой, взрослой дочерью Марией и семивосьмилетним сыном) отцом Сергием Булгаковым, под знаком ясности ума и спокойствия духа, с которыми больной принимал посещения коллег и почитателей. Было и соборование, во время которого в передней появилась за новостями одна из чешских «еднотных» дам и, приняв доносившиеся из верхних комнат звуки богослужения за панихиду, поспешила пустить слух о смерти П.И. За этим последовали визиты соболезновавших — как раз когда настали часы настоящей, гораздо менее «благостной» агонии. Таким образом, можно было бы и пред лицом смерти Новгородцева вспомнить о дорогом ему принципе: «Форма если не все, то почти что все». Была форма соблюдена и здесь. Обряд похорон, пришедшихся на Великую пятницу, начался довольно рано утром, при уже большом стечении народа перед новгородцевским домом в Дейвицах, над которым развевался поднятый властями поселка

черный флаг — знак траура. Оттуда погребальная процессия двинулась за тихо едущими дрогами к Ольшанам, находившимся на противоположном конце Праги. Помню, что произнесенное отцом Сергием перед спуском в могилу гроба Павла Ивановича слово начиналось обращением к нему: «Друг мой, брат мой и отчасти сын мой» и выражало мысль об особой дарованной покойнику Божьей милости быть хоронимым в день крестной муки и погребения Христа.

В два часа пополудни отец Сергей, взявший на себя ведение страстных служб в ставшем на время часовней нижнем зале Свободарны, совершил в нем обряд Выноса плащаницы. У него нашлись силы провести там и распространившуюся на подлинно всенощное бдение службу Погребения тела Спасителя. Остался для меня незабываемым просветленный облик священнослужителя, бодро вышедшего по окончании службы вздохнуть полной грудью во двор — навстречу рассвету Великой Субботы. Также стоит в памяти пасхальная заутреня, отслуженная им с восторгом, передавшимся пастве, и собравшие многих обитателей Свободарны разговоры, главной устроительницей которых была Татьяна Николаевна Тимашева, ставшая с этой поры на путь служения пастырской миссии о.Сергия.

Скоре по истечении пасхальной недели родители с Андрюшей переселились в Збраслав, конечно, в Вельку Господу, оставив с нами на две-три недели для ведения хозяйства бабушку, а ближе к июню перебрались туда и мы с братом. Прибавлю, что в это время перекочевала туда надолго и семья Тимашевых.

Кроме Тимашевых, прибавлю для лета 24-го к списку русских збраславян имена поселившихся там с прошлого года как обитатели Свободарны Константина Павловича Пяковского и Марию Адольфовну Камберг, вошедших в збраславский быт под именем «художники». Причислю к ним пожилого профессора Н.М. Могилянского и супругов А.В. и В.А. Флоровских, а также чету Иванцовых и членов двух поколений семьи Шахматовых, с которыми мы хорошо познакомились, оказавшись вместе застольными пансионерами пани Соботковой. Иванцов-муж был специалистом по части юриспруденции. Что же до Шахматовых, сына и матери, то не знаешь, что лучше привести в качестве примера из накопившегося о них анекдотического материала.

Начать с того, что Мстислав Вячеславович, занимавшийся историей допетровской России, был племянником прославившего фамилию историка русского языка академика Алексея Александровича Шахматова, на которого, когда ему случалось участвовать в научных диспутах, он ссылался в форме «а дядя Ляля гово-

рил...» Несмотря на вхождение уже в пятый десяток, он по-прежнему «воспитывался» матерью, урожденной баронессой Менгден, близкой родственницей генеалога барона Типольда. На одном из пятничных чаепитий, вернувшись к лету в сад Велькой Господы, Шахматов прочел доклад, ультрапатриотической темой которого явилась «Священная русская история», осененная знаменами и чудесами. Чтению послужили в виде заключительного аккорда стихи Тютчева о нашей многострадальной земле, которую «в рабском виде Царь небесный исходил благословляя». Помню бросившуюся чуть что не на шею докладчика Елизавету Андреевну Свешникову, как и негласное критическое замечание почитавшего с детства Орлеанскую Деву Володи о том, что таким же образом можно трактовать и историю западных христиан, и скептическое заявление Лапшина о его безразличии к «лиригии».

Возвращаясь к брату и к его западнической религиозности той поры, вспомню о его пятничном докладе о житии и деяниях св. Франциска Ассизского, на котором он даже прочел по-итальянски его похвалу Божьему творению. Не была забыта и его проповедь птицам, наставлявшая их славить пением Творца неба и земли. И тут — дело было уже в сентябрьские сумерки — из орехового дерева раздалось щебетание проснувшейся птички. «Без сомнения, это было не случайное совпадение», — написал об этом отец в своих «Воспоминаниях».

В течение лета гостем двух збраславских пятниц был проживавший с семьей в другом пражском предместье Евгений Чириков, уже отходивший в разряд «классиков». Он занял слушателей в первый раз чтением живо обработанного воспоминания о плавании, кажется, в белую ночь, от Петербурга до острова Валаам на предназначенном для паломников и обслуживаемом монахами пароходе, а на второй — сбивающейся на эротизм повестью о погубившей амбиции почтенного лесопромышленника демонической «лесачихе».

Главным же образом пошли в моду дивертисменты театрального характера, зачинательницей которых проявилась Татьяна Николаевна Тимашева. Случилось так, что в их збраславском семейном кругу, расширившемся приездом на летние каникулы брата Николая Сергеевича — Андрея из Карлсруэ, где он заканчивал технологический институт, и младшей сестры Т.Н. — Анастасии Рузской, образовалась как-то сама собой артистическая группа. Мы с братом и с Олегом Стратоновым тесно сошлись с этим семейством. Представления давались на террасе павильона на краю пятничной площадки, превращавшейся в сцену. Там была поставлена в лицах и костюмах глава из «Ночи перед Рождест-

вом», в которой перед пригожей ведьмой Солохой (самой Т.Н.) дефилировали и прятались друг от друга в мешок ее поклонники — в их числе сельский голова (Володя) и приткий дьячок (я) — до прихода кузнеца Вакулы (Олега). Вспоминаю также и разыгранный турнир на копьях двух рыцарей: брата в серебряных и меня — в черных картонных латах, на конях, воплощенных двумя парами парней, скрывавшихся под попонами и за картонными лошадиными мордами. Поединку подобало кончиться символической победой добра над злом, потому надлежало мне свалиться с коня, выронив копьё, и растянуться на земле под попирающей мою грудь стопой Володи, которому только и подходила роль победителя.

По поводу театральных пятниц замечу еще, что в них ничего не внесли профессиональные актеры, поселившиеся в Збраславе вскоре по водворении в Праге возглавляемой Массалитиновым труппы выходцев из Московского Художественного театра: Токарские (мать и дочь) и их молодой коллега (забыл его имя).

Среди новоприезжих збраславян назову еще чету Водовозовых: Василия Васильевича, историка-социолога, страдавшего глухотой от увечья, полученного в политических беспорядках начала века, слушавшего собеседников через рожок, и Ольги Александровны, давно знакомой нашей семье дочери философа Введенского (учителя отца). О них еще будет речь впереди, как и о появившихся в Праге наших знакомых по бабушкиной гимназии Левицких.

Может быть, отчасти по примеру збраславских пятниц, на которые уже летом 23-го приходили русские обитатели других юго-западных предместий Праги, к лету 24-го установился также обычай устраивать для всей округи подобные нашим периодические собрания в более для них приспособленном помещении. Происходило это в одном из принявших многих соотечественников селений в долине Бороунки — левого притока Влтавы. Туда стали хаживать и збраславцы, мы с братом в их числе. Там особенно процветал театр, поставленный на более широкую ногу, чем у нас, на настоящей сцене с декорациями и кулисами, где подвизалась более согласованная труппа. Наибольший успех выпадал на долю старшей дочери Чириковых, нареченной (по инициативе матери Валентины Георгиевны, самой в прошлом актрисы) Новеллой. Там ставили «Роман Красной шапочки» Альфонса Доде, фарс Федора Сологуба «Честь и месть», давали прекрасные концерты инструментальной и вокальной музыки.

На одном из этих собраний мне довелось узреть в первый раз Марину Цветаеву, к личности и поэзии которой я питал в то время нелепую неприязнь (через антипатию к ее боготворительнице

Екатерине Рейтлингер). Это было в антракте, когда мы вместе с публикой вышли из закрытого помещения в сад, подышать свежим вечерним воздухом. Тогда кто-то и обратил мое внимание на выходявшую из дверей зала поэтессу, и я не смог не признать интересным и явно умным ее правильное без красоты лицо. Она смотрела поверх голов спускавшихся по ступенькам людей и как-то «изошренно» улыбалась не то на освещенные последними лучами заката листья деревьев, не то на какую-то свою мысль, только что высказанную или готовую быть высказанной идущему рядом собеседнику.

С берегов Беровки перенесемся в Прагу, где наша семья в полном составе, супруги Вернадские и Флоровские и некоторые другие збраславяне присутствовали на праздновании свадьбы дочери Кизветгера, Екатерины Александровны с младшим коллегой А.А. по части отечественной истории киевлянином Евгением Филимоновичем Максимовичем, деятельным членом Русского исторического архива и других общественных организаций. Венчание совершал, помнится, владыка Сергей в храме св.Николая, а свадебное чаепитие протекало под красноречивым и прекраснодушным председательством Александра Александровича в русском ресторанчике «Москва». Уже само название выбранного заведения отвечало полностью его «первопрестольному» патриотизму, выразившемуся в тосте с пожеланием встретиться в не слишком далеком будущем «не в пражском ресторане "Москва", а в московском "Прага"», или, в историческо-идеологическом плане: «Господа, ведь мы венчаем Москву и Киев» — и все вытекающие из этого заключения о единстве неделимой России. Потом пошли приветствия от лица собравшихся друзей. Первым, если не ошибаюсь, говорил отец на своем философском языке — о браке как двуединстве, не случайном, механическом, а одном из видов полного органического целого. Слово гостям давалось часто как представителям тех или иных имевших отношение к новобрачным коллективов. Так, г-жа Жилиева приветствовала «Катю», как свою добрую одноклассницу в московской гимназии Алферовой, а ее муж — как член содружества любителей рыбной ловли. Историк Пушкирев вспомнил о своем общении с Максимовичем в правлении какого-то воинского добровольческого союза в Турции или в балканских странах, причем, по его словам, они там были единственными порядочными людьми. Дело стало за отсутствием представителя клуба шахматистов, но выход из положения был найден, и Г.В. Вернадский, сам членом этого общества не являвшийся, взял слово в качестве збраславского соседа не приехавших на свадьбу Шахматовых. Должно быть, и это была инициатива

А.А., о чем пишу, полагая, что все вышесказанное о свадьбе его дочери, как и о смерти жены, дорисует почитателям памяти Кизеветтера бытовые, «человеческие» стороны его характера.

Заключая повествование о збраславском лете 24-го, отмечу начало обычая привлечения духовенства для совершения православных богослужений на террасе садового павильона или, ближе к осени, — в ресторанном зале Велькой Господы. По всей видимости, и тут, как и в театральных затеях, зачинателем или главным деятелем была Т.Н. Тимашева, как и на пасхальных богослужениях в Свободарне.

Но, как известно, для о.Сергия уже этим летом намечалось главное дело его служения вере: основание парижского православного Богословского института при нарождающемся Сергиевском подворье. В ожидании этого события збраславские прихожане собрались его чествовать на пятничной площадке за чашкой чаю. В обращенном к нему прощальном слове отец высказался о важности предстоящего начинания, но и о проистекающей из него печали збраславян, расстающихся со своим пастырем. После этого вставила свое слово и бабушка: «Видите, отец Сергей, какие мы своекорыстные» — на что последовал его лаконичный ответ: «Что же делать, каков поп, таков и приход».

Перед отъездом, наверное, в сентябре, о.Сергий совершил еще несколько богослужений. Помню всенощную в ресторанном зале, на которой Володе довелось в первый раз быть прислужником с кадиллом, куда (по незнанию этого дела) он наложил так много ладана, что от этого одной из прихожанок стало дурно.

Будет не все сказано о летнем благочестии русского Збраслава, если не вспомню об участии около пятнадцати представителей его мужского населения (от молодых, как мы с братом, до пожилых, как отец и Свешников) в рытье котлована для заложной, должно быть весной, православной церкви на Ольшанском кладбище. Там, в июле или августе, мы провели, вооружась лопатами, целый рабочий день.

***

От сентября 24-го наше пребывание в Збраславе продолжалось до октября 25-го года. В порядке нашей семейной жизни главным событием месяца был приезд к нам из Франции старых друзей родителей и бабушки, супругов Метальниковых, у которых весной 23-го года отец погостил в Медоне, возвращаясь из Лондона в Прагу. Помню оживленно проведенные у нас вечера с ними и с приходившими на них посмотреть збраславянами. На одном из таких вечеров появилась стремительно Т.Н. Тимашева, принеся

свежий номер какой-то монархической русской листовки с позабавившей собравшихся новостью о восшествии на теоретический российский престол великого князя Кирилла Владимировича и текстом его манифеста, который отец прочел торжественно вслух.

Главным мотивом приезда С.И. Метальникова было его участие в состоявшемся в этом году в Праге очередном съезде русских ученых со всех концов внесоветского мира. Конгресс длился не меньше недели, и мы не раз ездили в Прагу слушать главным образом гуманитарные доклады, хотя, помнится, и сообщение М.М. Новикова по линии экспериментов Павлова над пищеварительными рефлексам у собак. С большим интересом отнеслись мы к истории начертания арабских цифр, живо преподанной профессором какого-то из немецких или славянских университетов Бубновым. От брата слышал о лекции Кизеветтера, посвященной учрежденному Екатериной «совестному суду» для разбирательства психологически сложных казусов, в виде примера — убийства служанки пришедшим в «восторг чувств» барином. Под председательством Кизеветтера прошел с грехом пополам и доклад на историческую тему Славчика Шахматова. Участвовал в съезде и другой русский историк, Евгений Францевич Шмурло, только что перекрестившийся из Рима, где он провел многие годы в близком общении с Ватиканской библиотекой и папской камарильей. В начале века, когда бабушкина гимназия бытовала на Владимирской площади, он был там блистательным учителем истории или словесности и кумиром многих учениц, в их числе если не моей матери, то ее подруги Оли Димитриевой, будущей жены С.И. Метальникова. С ними вместе он и появился у нас в Збраславе, возобновляя с ними и с нами общение, прервавшееся около двадцати лет назад.

Что же касается участия на съезде патриарха русской учености Н.П. Кондакова, то помню только его сумрачную, державшуюся от всех обособленно фигуру на заключительном, полуконцертном чаепитии.

С пребыванием у нас супругов Метальниковых у родителей оформилась мысль о завершении Володиного университетского образования в Париже, и было решено, что он, немедля туда отправясь, будет жить в семье Метальниковых в их квартире (в мансардной «прислужьей» комнате) за умеренную плату на полном или полу-пансионе.

Сказано — сделано, и во второй половине октября брат пустился в путь и вскоре установилась серия его еженедельных обстоятельных и красноречивых, по большей части оптимистических пи-

сем о начатой жизни под небом Франции, с вложением для меня цветных открыток с луврских картин. Также не преминул он написать по-французски восторженное письмо доживавшей на Кабинетской улице свои последние месяцы «Мазясе», привившей нам любовь к Франции. «Мазяся» с восторгом прочла вслух его письмо пришедшей поговорить с ней по-французски г-же Петровой. Вскоре Володе удалось попасть на иждивение американской организации помощи русским студентам, возглавлявшейся археологом-византиноведом Уитимором, что сыграло известную роль в его ориентации на научном пути.

Главным событием ноября, по крайней мере для выходцев из Петербурга, были вести, дошедшие через газеты, а для нас особенно из писем родных и друзей, о том, как, словно в ознаменование столетия вдохновившей Пушкина катастрофы 1824 года, снова в ноябре «всплыл Петрополь, как тритон, по пояс в воду погружен».

Другим привлекшим внимание пражской эмиграции сенсационным событием лета и осени были возбуждавшие толки известия о появлении в России, процессе, а затем и гибели Бориса Савинкова.

Много времени занимали поездки в Прагу, главным образом на пароходах: маленьких винтовых или, чаще, больших колесных — на палубе под тентом или в нижнем салоне, где имелся большой стол, который хорошо служил школьникам для приготовления даже письменных уроков при полтора часовом плавании вверх по мощному течению Влтавы. Нашлось бы учебное занятие и для меня, если бы я не соблазнялся зачастую чтением книг из земгорской библиотеки, преуспевая не столько в усвоении предмета архитектуры, сколько в расширении знакомства с русской литературой.

Уходило тоже — пожалуй, в конечном счете и не абсолютно зря — время на прогулки по окрестным лугам и холмам, и к наступлению зимнего солнцестояния эти празднования как-то осмыслились пантеистическим чувством приближающегося, как бы исходя из самого мироздания, Рождества.

Вспоминается, как утром 25 декабря за нашей дверью раздался надтреснутый голос известного во всей округе и довольно жуткого старого цыгана Гонзы, славившего не имевшего одежды младенца Христа и просившего по этому поводу о даровании себе чего-нибудь из старого платья. Помню произнесенное им слово *Kalhoty*, за которым последовало пояснение сидевшей с нами Евдокии Семеновны: «Колготы запросил, портки значит»...

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОД

В начале этого года русская общественность обогатилась новым учреждением, идущим навстречу, как до сих пор главным образом Земгор, ее культурным запросам. Это был «Русский Очаг», основанный прибывшей из Швейцарии в Прагу в 24-м году (если не в конце 23-го) графиней Софией Владимировной Паниной. Вместе с ее репутацией учредительницы петербургского «Народного Дома» понадобилась вся ее энергия и такт, чтобы обеспечить материальные средства к существованию нового центра. Средства эти (не только со стороны чехословацкого правительства, но, кажется, и каких-то международных организаций) нужны были, чтобы разместить в двух верхних этажах жилого дома на одной из соседних с Карловым Намести улиц обширную читальню с великолепно подобранной и прекрасно обслуживавшейся помощниками Паниной библиотекой, недорогую столовую-закусочную и большой уютный салон для всякого рода собраний. Очень скоро по своему основанию «Очаг» завоевал себе широкую популярность, в значительной мере среди учащейся молодежи.

По этому поводу не могу не вспомнить с сугубым смущением, как в 24-м году, придя к нам в гости, София Владимировна обратилась к нам с братом как представителям студенческого поколения с вопросом, что мы думаем о проектируемом ею учреждении. На что я, дав волю неделикатному скептицизму, заявил, что на русских пражан хватит и уже действующих мест для сборищ и что с размножением организаций размножатся и свойственные им споры и свары. В действительности же, с первых дней своего существования «Очаг» стал для меня любимым местом, если не для учения, то для внеархитектурного самообразования в спокойной и светлой читальне или для расширения интересных знакомств в домашней атмосфере столовой.

Что же до школьных занятий, то для них родители поместили меня на зимние и весенние месяцы в Свободарну, где я, поселившись в студенческой кабинке, проводил главным образом вечера, а иногда и ночи над чертежной доской в отведенном для технологов зале. Однако, поддаваясь тяге к музыке, ходил и в комнату с пианино для консерваторцев — разучивать полюбившийся мне еще в Петербурге «Aufschwung» («Порыв») Шумана. Из случайно сохранившихся с 25-го и 26-го годов записных книжек вижу, как много времени тогда уходило на всякие развлечения: посещения балов и, в лучшем случае, музыкальных вечеров: между прочими (в начале мая) 11-го и 12-го исторических концертов «Чешско-русской Едноты». К той поре русская часть программы была исчер-

пана и настала очередь чешских композиторов. И им посвящал И.И. Лапшин хвалебные комментарии, но, к сожалению, и они не поспособствовали удержанию на прежнем уровне присутствия русских завсегдатаев, что ставило нас в неловкое положение перед чехами.

Февраль оправдал свою погребальную репутацию. В Збраславе умерла и была похоронена не покидавшая с осени постели (из-за какой-то связанной с легкими болезни) дочь Стратоновых Тамара. Дожил свой долгий век и Никодим Павлович Кондаков. Перед панихидой, которая служилась в его полной народу квартире на Малой Стране, где я встретился с приехавшими из Збраслава родителями, отец сказал мне, что умерла бабушка и, видя мое ошеломленное лицо, уточнил: «Моя мама, бабушка Лосская». А через несколько дней пришла из Петербурга от няни весть о смерти «Мазяси».

Положенное (должно быть, на случай его перевоза в Россию) в запаянный, кажется, внутри свинцовый гроб с окошком над лицом, перед которым лежал на крышке орденский крест Почетного легиона, тело Н.П. в день его погребения отпевалось особенно торжественно в Николаевском соборе на Староместском Намести. Ему поклонились не только соотечественники покойного и государственные академические власти, но, помнится, также многие представители международного ученого мира. На Ольшанском кладбище, где уже возвышались окруженные лесами полностью или почти до верху отстроенные кирпичные стены православного храма, гроб Н.П. был снят с дрог, взят на плечи его учениками и донесен до вырытой могилы. Когда были спеты погребальные молитвы, первую речь произнес Белецкий. Его же помню орудующим с лопатой в руках и хозяйским видом посреди засыпавших яму землю могильщиков.

К сказанному выше о возникновении кондаковского института прибавлю, что одной из его деятельных и преданных сотрудниц была знавшая и почитавшая Н.П. княгиня Наталья Григорьевна Яшвиль, урожденная Филипсон, принявшая близкое участие в издании журнала «*Seminarium Kondakovianum*». В доме, где она жила в Дейвице, вскоре и поместилась вверенная ей оставшаяся от Н.П. очень ценная библиотека. Не знаю, путем каких соглашений с приемным сыном и по-видимому законным наследником Н.П., Сергеем Никодимовичем Кондаковым, библиотека эта стала как бы общественным достоянием, и как связать ее предыдущую судьбу с дошедшим до сведения И.И. Лапшина живописным эпизодом, о котором пишу с оговоркой «за что купил, за то продаю».

Как в свое время было сообщено, к семейному кругу Н.П. принадлежала и прибывшая с ним из России ученица Е.Н. Яценко, на которой лежали связанные с ведением домашнего хозяйства заботы. Однако своего качества научной приемницы она не забывала и, когда по погребении Н.П. настало время говорить о наследстве, оказалась обладательницей написанного и подписанного рукой Н.П. письма, вверявшего ей заведование или даже даровавшего ей право на владение библиотекой. В разгар спора на эту тему она торжествующе протянула письмо для ознакомления Сергею Никодимовичу, который, прочтя его, разорвал в клочки и положил в карман. Все это как будто не повлекло к разрыву между ними, потому что год спустя их еще можно было встречать вместе и в общеречии она продолжала слыть за «невесту» (у ехидных обывателей за «одну из невест») Сергея Никодимовича. Не думается, чтобы они были активно причастны к организации Кондаковского института.

В марте отец провел дней десять в Варшаве по приглашению польского Философского института, в котором прочел, наверное, по-русски, две лекции. Одной из целей приглашения было намерение предложить ему кафедру философии на православном отделении богословского факультета, не без возможности получения в дальнейшем профессуры на самом философском факультете Варшавского университета. Но отец не счел возможным дать на это согласие, по той же причине морального порядка, что и в начале своей университетской карьеры, считая, что положение человека польского происхождения, но с нерушимо русским национальным сознанием было бы крайне трудным в варшавском обществе.

За время своего пребывания в польской столице отец навещал каждый день эмигрировавшую туда и проживавшую в тяжелых материальных условиях дальнюю родственницу Евгению Константиновну Лосскую, благодаря покровительству которой он в 1890-х годах смог, несмотря на свое прошлое революционера, закончить среднее образование и поступить в университет. На пасхальные каникулы — в этом году в середине апреля — появился из Парижа Володя и возобновилось в полном составе наше общение и прогулки вчетвером с девицами Мягковой и Новгородцевой, только что выдержавшими экзамен на русский аттестат зрелости и перешедшими на положение студентов по гуманитарным предметам.

Вторым ценным начинанием С.В. Паниной было создание в этом году в Праге продлившегося до немецкой оккупации 1939 года и, если не ошибаюсь, распространившегося на весь зарубежный мир обычая праздновать «день русской культуры». Датой для

него был избран день рождения Пушкина, 26 мая (8 июня нового стиля). Не помню, в каком зале прошло при большом стечении народа первое, так сказать, «учредительное» собрание, открывшееся речью Софии Владимировны, лейтмотивом которой было присутствие Пушкина в духовной жизни культурного россиянина. Был спет и сочиненный в честь праздника композитором Трапезным гимн на пушкинские слова (кажется, рекомендованные Лапшиным) «Два чувства равно близки к нам, в них обретает сердце пищу, любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Было и выступление В.Ф. Булгакова с цитатами из Достоевского, были и подходящие к теме концертные номера. И в заключение вечера — приветствие всем собравшимся, которые самим фактом своего присутствия «выдержали экзамен перед русской культурой».

***

К лету 25-го стало принимать конкретную форму весьма полезное начинание В.Ф. Булгакова, сумевшего заинтересовать собственника Збраславского замка, крупного дельца Бартона проектом основания в нем музея русской эмиграции. Полагаю, что для него было отведено помещение, где в 1923 году находился земгорский приют и жили переехавшие в Прагу Сюзоры.

В коллекции музея уже начал поступать самый разнообразный архивный и экспонируемый материал, в значительной мере фотографии, иллюстрирующие жизнь русских зарубежных учреждений, школ, лагерей и семей. Собиралась и серия портретов разного рода деятелей, преимущественно в мире культуры. К этому делу Булгаков сумел привлечь недавно появившегося в Чехии и поступившего на архитектурное отделение техникума новороссийского грека Полити. Обладавший известным графическим талантом Полити изобразил около десяти подходящих под этот разряд збраславян и пражан. Помню не очень удачные портреты, кажется, «в три карандаша», отца, С.В. Завадского, Славчика Шахматова и «изможденного графа Сюзора», который по немощи позировал с опущенными веками. По этому поводу позже он сам выразил мне свое сожаление, говоря, что на его портрете «отсутствует существенная деталь: глаза, которые были предметом его успеха в молодости».

Лично для меня главным событием лета 25-го (даже поспособствовавшим моему становлению на жизненный путь) было совершенное с 22 июня по 25 августа первое путешествие во Францию, по случаю открывшейся тогда в Париже международной выставки декоративных искусств. Выдался случай присоединиться к

сформировавшейся для ее посещения группе русских студентов-архитекторов. Оказалась в Париже и другая группа пражских интеллигентов, среди которых помню старших супругов Флоровских. Прибавлю, что в одно из воскресений, посетив молодое Сергиевское подворье, я попал на обедню, которую служил отец Сергей Булгаков, к его насыщенному славянскими архаизмами слову: «Святая церковь днесь речет...» Когда я после службы подошел к нему, он пригласил меня пообедать в его семье и, видя мое замешательство, сломил его, попросив не побрезгать трапезой от обители святого Сергия, и повел в отведенную ему квартиру, где он жил с супругой и двенадцатилетним сыном, которому недавно подарил скульптурную репродукцию одного из средневековых чудовищ (так называемого «Мыслителя»), созерцающих Париж с башен собора Notre-Dame. По поводу этой скульптуры о.Сергий сделал интересное противопоставление: в данном случае не находящих себе места внутри храма повернувших к нему спину чудовищ и ворвавшейся в дом Божий чертовщины на последних страницах гоголевского «Вия».

Кажется, заходила при мне к Булгаковым и поселившаяся на Подворье Юлия Рейтлингер, перебравшаяся из Праги вслед за о.Сергием, ставшим ее духовным руководителем и, думается, наставником на пути к постригу. Юлия продолжала свое иконописное художество вплоть до поступления, лет десять спустя, в мастерскую Мориса Дени.

Была у меня во Франции и встреча с недавними збраславянами: старшей дочерью Свешниковых, властной, как сестра Петра Великого, Софьей, свадьбу которой мы справляли в начале года у ее родителей, — свадьбу с членом другой видной московской купеческой семьи, Алексеем Лепешкиным, если не ошибаюсь, одним из «бесперспективных» выпускников Юридического факультета, нашедшим себе заработок на фабрике химического удобрения в Уасселе, предместье Руана.

Там я погостил дня два-три в семье наших российских друзей Гандуриных, желая познакомиться с памятниками столицы Верхней Нормандии, до последней войны полностью оправдывавшей свою репутацию «города-музея». Это способствовало моему возвращению в Прагу с отчетливо наметившейся любовью к искусству Франции.

В день Успения (15-28 августа) збраславяне собрались на площадке Господы, где приехавший из Праги владыка Сергей отслужил в сопровождении «тимашевского» хора литургию, за чем последовала оживленная, хоть и неприятная трапеза, для которой каждая семья принесла свою пищу.

Накануне прошло и пятничное прощальное чаепитие с супругами Свешниковыми, которые, после трех- или четырехлетнего пребывания в Зbrasлаве, повинувшись категорическому императиву Софьи, покидали волей-неволей берега Влтавы для переселения к ней в Нормандию. 1 сентября их провожали на парижский поезд друзья (мы в их числе) и сыновья — не без материнских слез Елизаветы Андреевны. Не помню, была ли на вокзале и Евдокия Семеновна Трегубова, оставшаяся в Зbrasлаве еще на несколько месяцев до своего переезда к российским родственникам в Москву, которая, по выражению ее первого оттуда письма, «встретила ее морозом и блинами».

Наша же семья прожила еще полтора месяца в Зbrasлаве, где летние пятничные собрания продолжались до 25 сентября. На двух предыдущих были доклады, не помню о чем, отца и доктора Осипова, который не раз приезжал к нам в гости с В.А. Рябовой. У нас с братом продолжались встречи с нашими приятельницами, для чего случалось ездить в Ржевнице, где заканчивали летние каникулы Новгородцевы и старшие Флоровские, с которыми, точнее с супругой, близко сдружилась завладевшая к тому времени полностью Володиным сердцем Ирина. Приезжали к нам в Зbrasлав и она, и Лыдинка.

На 13 сентября в записной книжке стоит встревоженная запись: «У папы снова припадок». Следовательно, уже начался один из периодов недомогания, мучившего отца на сей раз более года. Об этом читатель найдет интересные страницы в его «Воспоминаниях».

Одной из главных житейских забот этого времени было решение жилищного вопроса — утопическое стремление нашей семьи к найму постоянной квартиры в уже наполнившемся опередившими нас кандидатами «Профессорского дома» на Бубенче. Первым шагом к этой цели стала попытка обзаведения собственной мебелью, отчасти своего изобретения, — во избежание слишком больших трат. Так, были сфабрикованы по нашим указаниям местным столяром три или четыре своеобразных постели, пригодные для дневного сидения, в форме соответствующего размера ящиков — вместилищ для подушек, одеял и белья. 17 октября все это вместе с нашими уже объемистыми пожитками было взвалено наемными перевозчиками на подводу, на козлы которой залезли и мы с братом, и повлеклись в Прагу на Бубенеч, где родители сняли две комнаты в конце длиннейшего коридора только что открытого четырех- или пятиэтажного жилого дома, называвшегося для важности якобы по-французски Grand (вместо Grande) Pension.

Вскоре за нами поселились там и старшие Флоровские и заняли в нашей жизни самое видное место среди уже обретавшихся в этом доме русских, о которых напишу позже. Главной фигурой четы был не Антоний Васильевич, о детском росте и скопческом виде которого уже упоминалось, а его супруга, дочь одесского адвоката Валентина Афанасьевна, притязавшая на известную привлекательность, несмотря на неправильно расставленные зубы. Это была небольшая брюнетка лет сорока. Поскольку же в круг ее симпатий вошла Ирина и стала их частой гостьей, не замедлили и мы с братом заделаться их соседями-завсегдатаями. Так, например, 26 октября я даже занес в записную книжку: «У Флоровских с Ириной Новгородцевой». Помню, что с нею же, 28-го были «вечером у Л.Мягковой, дурачились изрядно», а 10 ноября «вечером бесились у Флоровских». Замечу, что к этой поздней дате в Париже уже десять дней как начались университетские занятия, а брата все еще задерживало в Праге наверняка не одно желание пожить подольше в родительском доме, — до 11-го, как о том свидетельствует запись «проводжали Володю».

Встречались у Флоровских и более солидные частые гости, как, например, М.М. Новиков, говор которого, сопровождаемый междометиями «хм-хм», вошел в мой имевший успех имитаторский репертуар. У них же, как и у нас, часто бывал и балагурил милейший Лапшин, к которому В.А. проявляла особое благоволение, вплоть до решения поселиться в близком будущем в общей снятой вскладчину квартире в строившемся на Бубенче доходном доме. Дом строился на периодические взносы вкладчиков, в числе которых вошел и наш Иван Иванович, строило его объединение возглавляемое дельцом Мансветовым, и дом получил прозвище «У трех жуликов». Забегая на четыре года вперед, прибавлю, что, когда пришло время для вселения, И.И. в квартиру Флоровских впущен не был и его денежный взнос на комнату в ней остался невозмещенным.

22 октября, будучи верным членом «Чешско-русской Едноты», И.И. убедил нас с братом пойти с ним на литературный вечер, который «Еднота» устраивала в Земгоре, и где, конечно, по почину милейшей Тесковой, выступала солисткой Марина Цветаева, читая свою прозу и некоторые стихи. Прозой были страницы — полагаю, свеженаписанные, — воспоминаний о другом литературном вечере, состоявшемся лет шесть перед тем зимою в Москве, по инициативе и под председательством Валерия Брюсова, который явно принял на себя роль Аполлона Мусагета, подобравши для него букет из девяти более-менее молодых поэтов, — явно в честь девяти муз, как догадалась Цветаева. Помню,

что в ее повествовании всех слушателей живо позабавил пассаж, относящийся к брюсовскому классицизму: его прогулка с маленьким сынишкой, которого он учил различать архитектурные ордера по капителям колонн московских ампирных особняков. Хорошо усвоивший отцовские уроки мальчуган указывает на песика с загнутым крючком хвостиком и узнает в нем «ионическую собачку». Я мог бы воспроизвести еще многие отрывки из этого, ею прочтенного очерка, который у меня особенно ясно стоит в памяти еще и теперь, много лет спустя. Эта «ионическая собачка» меня задела за живое своим скрюченным хвостиком и сильно способствовала моему излечению от глупо сложившегося антицветаевского комплекса. Нельзя было на этом вечере не почувствовать силы и тонкости ее таланта. Помню, что брат оценил в ее изложении свойственное женскому писательскому таланту изящество мысли и стиля.

27 октября в том же земгорском зале пражская труппа Московского Художественного театра давала свой очередной литературный вечер, наверное, четвертый, посвященный творчеству Леонида Андреева. После вступительной лекции гостившего в Праге профессора-слависта какого-то из американских университетов актерами были прочитаны отрывки из повестей или разыграны сцены из драм писателя, — чуть что не весь второй акт «Жизни человека».

1 ноября слушали в Филармонии 5-ю симфонию Бетховена и 6-ю, Патетическую, Чайковского. На концерте мы были с родителями и восьмилетним Андрюшей, с чего началось его увлечение музыкой. 9-го в «Народном Дивадле» (Национальном театре) слушали оперу Сметаны «Далибор».

В субботу 21-го приехавший из Парижа митрополит Евлогий возглавил торжественную всенощную в Николаевском соборе и в воскресенье 22-го — литургию, с сослужением владыки Сергия и епископа, представлявшего Сербскую церковь, оказавшую материальную помощь при постройке храма на Ольшанах. Хорошо помню эту службу, потому что мне случилось стоять на самой паперти, с высоты которой вышедшие из храма иерархи обратили свои речи к собравшейся толпе русских прихожан. А 29-го было справлено на Бубенче, разумеется, более скромно, освящение уже полностью населенного «профессорского дома».

Про декабрь можно сказать, что в русской Праге он прошел в значительной мере под знаком столетнего юбилея исторических событий 1825 года. 4-го состоялся вечер, посвященный «прекрасному началу» и печальному концу царствования «Александра Благословенного» — со вступительной речью председателя вечера

Е.Ф. Шмурло, обстоятельной лекцией Г.В. Вернадского и, должно быть, художественным дивертисментом. Станным образом не внес своего участия в это чествование А.А. Кизеветтер, появившийся в зале под конец и севший в первый ряд, как могло показаться, с нарочито отчужденным видом. Во всяком случае, рассказывая об этом вечере в письме брату, я прибавил для большей наглядности образа А.А., что на бороде его было как бы написано «не-е-т», и сообщил, что за предыдущее время он участвовал (где-то в соседнем помещении) в собрании, ознаменовавшем юбилей декабристов.

Пришел черед и 14 декабря, которому был посвящен вечер 28-го. Полагаю, что в этом чествовании председательство и роль главного повествователя взял на себя сам Кизеветтер, хоть и врезалось в память только выступление филолога-публициста Марка Слонима, говорившего как подобало редактору «Воли России», и недовольные пересуды слушателей о его политической, а бы сказал эсеровской, окраске. Помню, что и меня немного смутило его огульное осуждение России Александра I «с ее прогнившими учреждениями» и показалось притязательным в боевом заключении его речи выражение «мы, потомки декабристов». Не говорю уже о некоторых побывавших на вечере членах «изящных фамилий», деды которых были прямо или косвенно причастны к восстанию на Сенатской площади и которые дали волю совсем небезобидному зубоскальству.

Оказались декабристы почтенными неожиданно и, как увидим, неудачно, на третьем вечере. Он прошел между двумя вышеупомянутыми, 23 декабря. Инициатором его был Д.Н. Вергун, нашедший, в общем уместно, хороший случай присоединить к чествованию памяти Александра I и дорогову любителям таинственного заманчивую тему о проблематичном Кузьмиче. Как будто не ошибусь, вспоминая, что выступление его прошло под председательством сыгравшего в нем роль Шмурло. Кизеветтер раскритиковал докладчика в пух и прах со своей позиции историка-реалиста, видящего в отождествлении с императором появившегося в Сибири старца — продукт спекулянтского мифотворчества купца Громова, который нашел выгодным взять Кузьмича под опеку. Даже привел Кизеветтер и сохранившееся указание о росте Кузьмича, не соответствовавшем росту Александра, и позабавил публику приведением в пример почмейстера из «Мертвых душ», предположившего, что Чичиков был никем иным как капитаном Копейкиным, забыв, что у него целы обе руки и ноги. Выступали и другие оппоненты, против и за Кузьмича-Александра. Среди последних объявился В.Ф. Булга-

ков, который привел среди положительных аргументов свое впечатление от посещения жилища загадочного странника: «и знаете, что в нем привлекло мое внимание? — отхожее место... ведь в Сибири, особенно в его время, это было исключительной редкостью!» В заключение Булгаков выразил счастливую на мой взгляд мысль, что «как бы там ни было, воспоминание о Кузьмиче дорисовывает моральный портрет Александра I».

Причастность же декабристов к этому вечеру была такова: когда Шмурло дал слово Вергуну, тот начал с заявления, что по случаю приближения столетия их восстания он просит собравшихся почтить их память вставанием. На что озадаченный председатель заметил, что это событие к теме вечера никак не относится, но, поскольку эти слова произнесены... и встал. Что же до слушателей, то не все из них последовали его примеру и, конечно, были по-своему правы, не изменяя своим убеждениям.

Стоят также в записной книжке заметки о разных дивертисментах художественного порядка, из которых упомяну пятый литературный вечер, посвященный московской группой творчеству Чехова, как будто со вступительным словом не раз о нем говорившего Кизеветтера.

Фоном моего существования были занятия архитектурой с поездками в далекую Свободарну, иногда для сидения целую ночь над моей обретававшейся там большой чертежной доской или, ближе, в техникум для посещения лекций и практических занятий. Однако с благими намерениями шли вразрез частые праздные вечерние посиделки у Флоровских, может быть даже не без предварительного сговора с Ириной, которую потом естественным образом требовалось провожать домой по темным улицам до соседних Дейвиц. Это время проходило в изощренной болтовне с сатирическим перемыиванием косточек знакомых, тех же Флоровских или, при случае, критическим разбором получаемых ею от Володи писем, где отражение окружавшей его действительности шло через призму преобразавшего ее романтического воображения.

В число других посетителей Флоровских попал, наверное, по моему почину, недавно появившийся в Праге и пришедший на поклон к отцу молодой, года на четыре меня старший, филолог-славист Вук Джусти, итальянец по отцу и лужицкий серб по матери. Мне, как и моим родным, он стал милым приятелем, Ирине же и вслед за ней Валентине Афанасьевне — предметом насмешек.

К этому же примерно времени, но только на нашем семейном плане, завязалось еще одно внерусское знакомство, о котором читатель найдет интересные страницы в отцовских «Воспоминаниях». Предметом его явился молодой монах-бенедиктинец Дэвид

Бальфур, внук английского аристократа Юза, одного из главных разработчиков Донецкого бассейна, сохранивший из-за проведенного в «семейном» местечке Юзовке счастливого детства интерес и симпатию ко всему русскому, чем обусловилось его вступление в круг исповедников «восточного обряда».

Возвращаясь к Флоровским, вспомню о справлявшихся у них на коллективных началах и с участием И.И. Лапшина проводах старого и встрече нового года. Для отца, даже не пригубившего вина и очень сдержанно угостившегося сладостями, это празднество не прошло без борьбы с сердечным припадком. Помню его сидящим перед приоткрытой в менее нагретый коридор дверью и старающимся поддерживать с Валентиной Афанасьевной разговор, не относившийся к мучившему его недугу.

В годовой итог профессорской и писательской деятельности отца входят курсы в русских университетах: общее введение в философию, история древней философии и этика Владимира Соловьева (или, как о последней зубоскалила его новоиспеченная студентка Ирина Новгородцева, «оправдание добра силою»). Также началось с этого года и его сотрудничество с парижскими «Современными записками», где появились, в номерах 25 и 27, его статьи «Органическое строение общества и демократия» и «В защиту демократии».

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОД

О нашей семье, полнее приобщавшейся к жизни русской Праги после того, как мы перебрались осенью из Збраслава, многое восстанавливается в памяти и уточняется благодаря схематичному, идущему до 30 марта дневнику во второй сохранившейся записной книжке. Так, в ней множество заметок о бесчисленных вечерах у Флоровских с неизбежными, да никак и не избегаемыми, проводами домой Ирины Новгородцевой. К числу именитых завсегдагаев Флоровских присоединился и наш бубенечский сосед Петр Бернгардович Струве, любитель, как и они, карточной игры, если не ошибаюсь, бриджа. Не хватало только четвертого партнера, каковым я, к счастью, по неспособности не являлся. Потому, во избежание игры «на болвана», вербовался случайный участник, и мне в этой роли довелось раз или два видеть оказавшегося осведомленным, хоть и никак не «убежденным» игроком — отца.

У Флоровских же справлялся сочельник за малороссийской кутьей, с привычными, как Лапшин, гостями. Помнится, что у них же зажигалась рождественская елка — взрослыми и малыми гос-

тями. Среди последних особенно отличался Андриюшин ровесник, младший сын Новгородцевых Дима, с прошлого года очень нравившийся Валентине Афанасьевне своею самоуверенностью, которая обращалась в наглость не только со сверстниками, но и со старшими. Хорошо помню заслуженное им от матери девочек Бём звание «хахаля».

Говоря о праздниках, нельзя не уделить внимания именинам Московского университета, иначе говоря, воскрешенному с прошлого года для Праги Татьянину дню, завершавшемуся балом на широкую ногу.

Из всех мне памятных Татьянинных дней русского университета (вплоть до последнего — в 1939 году) это был самый удачный по своей концертной программе, которую Новиков вверил труппе Московских художественников, в частности, взявшему на себя ее презентацию публике актеру-комику Дувану Торцову, в совершенно круглом лице которого московские старожилы не могли не узнать и не оценить достойного продолжателя Н.Ф. Балиева, живописного руководителя и конференсье пародийно-шуточных представлений «Летучей мыши».

Уже само появление на эстраде для открытия дивертисмента его небольшой довольно полной фигуры с круглым лицом расположило собравшихся к веселью, сразу воцарившемуся в зале после его вступительных слов на скверном (как почти у всех русских) чешском языке, на котором он попросил у чешских гостей извинения, что будет говорить по-русски, и это по той причине, что его чешскую речь поняли бы только русские. Хотя помню, что в течение дивертисмента он к ней вернулся раза два, когда между сценическими номерами требовалось больше времени для перестановки аксессуаров. Тогда между полотнищами раздвижного занавеса появлялся почти только один круг его лица с вопросом к слушателям: «Уж стэ готови?», и на их положительную реакцию, признание: «Ми еште нэ». Не обошлось и без разыгранных в лицах эпизодов из просящихся на сцену рассказов Чехова. Но самой оригинальной и пожавшей особый успех частью программы было выступление четырех или пяти актеров и актрис, принявших вид бродячих музыкантов-акробатов и побаловавших публику рядом комических, хоть и оттененных драматическими нотками, сценоч. Была воздана дань и лирическому патриотизму — устами образившегося к Пушкину Дувана Торцова, который огласил строфы из «Евгения Онегина», живописующие величавую и пеструю панораму Москвы. Приняла дань и покровительница праздника Московского университета, когда ведущий концерта пригласил встать всех девиц, носивших имя Татьяна.

Здесь сочту нелишним отметить, что таким образом мне стало известно, как звали сидевшую невдалеке, неразлучно с пожилыми родителями, уже больше года привлекавшую мое внимание девушку лет семнадцати, с длинными темными косами. С ними мы, т.е. Флоровские, Ирина и я, оказались в первом утреннем трамвае, везшем домой обитателей Бубенча. А по выходе из него из разговоров моих спутников выяснилось, что дело шло о семье поэта Даниила Ратгауза. Вспоминается, хоть и не ясно, его высокая худошавая фигура и испитое, казавшееся слишком старым для его возраста (ему еще не было шестидесяти) лицо с серой бородкой. В свете нелестной оценки И.И. Лапшина, это был «старик», помешавшийся на тщеславном воспоминании успеха своих, в общем суждении трафаретных, лирических стихов у композиторов прошлого века, в частности у Чайковского, обесмертившего их в романах «Мы сидели вдвоем» или «Снова, как прежде, один».

Что же до Татьяны Ратгауз, то она уже вступила (или собиралась вступить) на свой собственный литературный и сценический путь — на собраниях «Скита поэтов» и на спектаклях вроде прошедшей с успехом 17 февраля комедии Алексея Толстого «Любовь, книга золотая», где на ее долю досталась роль сенной девушки-наперсницы молодой барыни, а роль Екатерины II взяла на себя «тряхнув стариной» Валентина Георгиевна Чирикова.

Следует однако возвратиться к пражской труппе профессиональных актеров МХТ, чтобы вспомнить, к примеру, несколько виденных у них с 24-го года постановок: «Женитьба» Гоголя, «Бедность не порок» Островского, «На дне» Горького и приспособленных для сцены романов Достоевского: «Село Степанчиково» и «Братья Карамазовы» (точнее — выделенного из последнего романа «преступления и наказания» Дмитрия). Приходят на память имена исполнителей и яркий характер их игры: степенно благородный у Массалитинова, выспренный у Павлова, нарочито «подлый» у Серова, мистически-экзальтированный у Шарова и, кажется, его жены Греч, *jeune-premier*'ский у Богданова, изощренный говор с истинно «московско-художественными» интонациями (наверное, перенятыми от Качалова) у Вырубова. Их интерпретации ролей зрители принимали чаще всего одобрительно, но иногда и критически. Так, рассказывали о следующем диалоге кого-то с Кизеветтером: «Александр Александрович, вы были на "Братьях Карамазовых" — говорят, что был особенно хорош Иван». — «Говорят-ат». — «Да ведь вы же его видели». — «Не-ет, Ивана не видел».

Как уже было сказано, к нашему водворению в Гран-пансионе в его длинных коридорах уже жили русские, число которых увели-

члось за время нашего там пребывания. Среди них назову в первую голову упомянутых за лето 24-го петербургских знакомых супругов Водовозовых и семью Левицких: мать и двоих ее красивых детей, Таню и Сережу, учившихся в бабушкиной гимназии на два и четыре класса за мной. От своей бабушки перейду к начальнице передовой женской гимназии Киева, Аделаиде Владимировне Жекулиной, занимавшей в русской Праге видное место, как и возглавляемый ею родовой клан, в который входила, между прочими, семья ее зятя, доцента истории Бориса Алексеевича Евреинова, с матерью которого (урожденной Сабашниковой, из семьи знаменитого книгоиздателя) мы познакомились в Пансионе, где она нянчила малолетних детей другого своего зятя — А. В., барона Рауш фон Траубенберга. Также проживала там и другая незаурядная бабушка, графиня Толстая, близкая родственница Льва Николаевича, занимавшаяся хозяйством вышедшей замуж за чеха красивой и малосимпатичной дочери, нашедшей заработок в пении ресторанных цыганских романсов. Помню ее во всяком случае смиренную и явно безуспешную просьбу (обращенную к дочери) отпустить ее, как в свое время она свою кухарку на богомолье, — на международный съезд дорогого ее сердцу теософского общества в голландский городок Омэн. В одной из соседних с ними комнат поселилась приехавшая из Москвы дама по фамилии Дормидонтова с сыном Егорушкой и племянником, желая обеспечить им приличное образование в русской гимназии, находившейся в пражском предместье Страшнице. Пребывал в Пансионе и генерал Павел Федорович Рябиков, с гораздо более молодой супругой Евгенией Николаевной, урожденной Полевой, и одиннадцатилетней дочкой Ольгой, породнившейся с нашей семьей в 1941 году, когда она вышла замуж за брата моей жены, Георгия Константиновича Георгиева. Остается еще сказать несколько слов о замательной фигуре графини Варвары Николаевны Бобринской, посвятившей в дореволюционные годы свой динамический темперамент благотворительности, в частности, как покровительница учителей народных школ и московской бедноты, которая даровала ей утвердившееся прозвище «товарищ Варвара». Не утратив в эмиграции (каковую, кстати, она почитала за «гниль») потребности служить русскому делу, она задалась целью содействовать воспитанию, вернее, образованию детей младшего возраста и занималась в своей комнате изготовлением самых разнообразных, не знаю, в какой мере находивших себе применение пособий, вроде ширм и декоров для кукольного театра, альбомов, составленных из вырезанных отовсюду и расположенных в определенном тематическом порядке фототипий, сборников переписанных или

даже ею самой сочиненных рассказов, способствующих приобретению полезных знаний. Говорили, что к своей импровизированной миссии служения детям она пыталась привлечь и своих юных племянниц, которые ей ответили, что их «больше интересуют сабаки».

Так на смену збраславскому пришло для нашей семьи общение с русской колонией Бубенча, не только Гран-пансиона, но, главным образом, профессорского дома, не говоря еще об открывшемся три года спустя «доме у трех жуликов».

Переходя к общей пражской хронике, нахожу в своем дневнике перед воскресеньями 14 и 28 февраля записи о первом и втором собраниях называвшейся на первых порах «Детским садом» забавной ассоциации, инициатором которой был не знаю как сформировавшийся союз родителей (главным образом, вступавших в «матримониальный» возраст девиц). Возник он в целях контроля и эвентуального исправления знакомств с молодыми людьми. Собрания происходили в большом салоне «Очага», где молодежи надлежало вести невинные, сидячие или подвижные (вроде жмурок) игры или предаваться коллективным развлечениям культурного порядка. Так, на одном из первых сеансов «Детского сада», по инициативе его основателей, салон «Очага» преобразился в судебную палату, где перед трибуналом в полном составе прошло заочное разбирательство «дела» героя «Живого трупа» — с речами прокурора и адвоката, опросом свидетелей и даже, как бы «сверх абонемент», — с докладами привлеченных извне доктора Осипова и на все охотно отзывавшегося И.И. Лапшина. Все это нашло место в прочитанном на следующем собрании якобы газетном репортаже молодого члена общества (взявшего на себя роль «журналиста»). Были в этом обществе и Лыдинка Мягкова, и Ирина Новгородцева, а среди прочих присутствовавших назову старших дочерей Вергуна, Таню и Настю, мать которых, Вера Николаевна, в девичестве Новосильцева, принимала в пересудах живое и умное участие. Главным же образом введу в свою летопись принятого в их семейный клан Алешу Эйснера — выпускника кадетского корпуса, уже там начавшего писать стихи и снискавшего себе популярность.

Стоят в дневнике (против дат 4, 18 и 26 февраля) записи о вечеринках другого русского общества, подобного «салонам» дам века просвещения. Его собирала вокруг своего теософского кружка графиня Сюзор в их квартире на Канальской улице — для бесед на культурные темы. Там довелось быть докладчиком и мне, что было дебютом в такого рода моей деятельности и полностью оправдало поговорку «первый блин комом». В книжке этот эпизод

отмечен как «скандал у Сюзоров». Дело в том, что по просьбе Ольги Николаевны я взялся говорить об архитектуре и скульптуре барокко, но приготовился к своему выступлению так нецелесообразно, что осекся на первом же слове и весь доклад выродился в общий разговор вокруг да около выбранной темы. По счастью, мне было дано реабилитироваться две недели спустя, обработав свое сообщение в приемлемой форме. А на третьем собрании С.В. Завадский прочел свой перевод трагедии Эсхила «Прометей в оковах».

Собирался также кружок любителей пения у супругов Вернадских, где главными солистами и дуэтистами были хозяйка дома и Борис Алексеевич Евреинов.

Еще более отвлекли меня от архитектуры посещения чуть что не два раза в неделю начавшегося в марте курса теории музыки, который стал давать в Земгоре недавно появившийся в Праге Чесноков, хоровой дирижер и композитор (как и его более известный брат Павел Григорьевич Чесноков — в ту пору хормейстер Московского Большого театра). Не помню, сразу ли он встал во главе сиротевшего в 1924 году хора Архангельского или перенял его от Н.Л. Вареновой. Во всяком случае, в дневнике 26-го года на даты 29 и 30 марта приходятся заметки: «Спевка Вареновского хора, был с Иваном Иван[овичем Лапшиным]...» и «концерт хора Вареновой в Земгоре». В программу этого концерта входила сцена из оперы Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством», в которой сопровождаемые кузнецом Вакулой делегаты запорожского казачества бьют челом императрице Екатерине. На последней спевке Иван Иванович, сотрудничавший с Вареновой в качестве советника-музыковеда, обратил ее внимание (а она — внимание певцов) на близкое мелодическое и гармоническое сходство хоровой челобитни казаков с хоровым приветствием, обращаемом гражданами Пскова к Ивану Грозному в опере «Псковитянка». Оба пассажа, по мнению Лапшина, следует объединить как лейтмотив, символизирующий страх подданных перед волей самодержца.

Также в Земгоре состоялся доклад Розенберга, в котором бывший возглавитель московских «Русских ведомостей» отмечал недостаточный интерес у любителей литературы к произведениям Салтыкова-Щедрина, в которых можно найти столько сатирических черт, полезных для взгляда на российскую действительность не только при царском, но в еще большей мере при советском режиме. Там же прошел в начале месяца и доклад другого ценителя Щедрина — доктора Осипова на тему «Сон и революция». А в теософском кружке графини Сюзор И.И. Лапшин поделился со слушателями своими «мыслями-суслями» об импрессионизме.

***

Возвращаясь к весенним событиям общебеженского масштаба, упомяну об открывшемся в Париже 4 апреля российском национальном зарубежном съезде, задуманном и проповедовавшемся П.Б. Струве в его газете «Возрождение». Ему, естественным образом, предшествовали выборы делегатов от всех населенных русскими эмигрантами областей мира.

Уже сама по себе идея подобного съезда представлялась родителям химерической, и ее принимала с доверием одна бабушка. Вспоминается именно ее рассказ, наверное, со слов кого-то из знакомых, побывавших на предварительном собрании, где был составлен список кандидатов для выборов, о восторге супругов Чириковых, что в список вошло и имя Евгения Николаевича. Но уввы, даже Чириков, достаточно известный как автор антибольшевистского романа «Зверь из бездны», — оказался в конечном счете «левым» в глазах большинства пражских выборщиков, и пришедшая к нам вскоре Лидия Антоновна Новгородцева возвестила, ехидно акцентируя рифму, что «на съезд отправится не Чириков, а Цириков». После чего появился у нас и друг-единомышленник пражского избранника, В.С. Ильин — спросить у бабушки, что она им рекомендует в качестве выборщицы, — на что последовала ее просьба «не держать слишком вправо», оставшаяся, конечно, недейственной. А вскоре пошли и по-разному окрашенные газетные репортажи (в том же парижском «Возрождении» и в берлинском «Руле»), где помню две карикатуры будущего сотрудника «Последних новостей», талантливейшего Mad'a: на одной из них изображалась схватка врукопашную делегатов с подписью «Они съезжаются, но не сходятся»; на другой — под заглавием «Бестактный гид» — открытый автобус, везущий делегатов через Place de la Concorde, и проводника, дающего им пояснение «Господа, это площадь Согласия».

***

С наступлением весны у родителей созрело желание покинуть Гран-пансион (в значительной мере из-за конфликтов с его оказавшейся свиной дирекцией) и водвориться снова до лучших времен в милом Збраславе. Ввиду чего переговоры с паном Прохазкой о найме в Велькой Господе нашей всегдашней большой, выходящей окнами на двор, и небольшой, с дверью на балкон над рестораном садом, комнат. Относительно последней дело не обошлось без позабавившей нас интермедии. Пришло неожиданно письмо от графа Сюзора, в котором он извещал нас о своей неуда-

вшейся из-за наших переговоров попытки снять эту комнату для милых его сердцу Ольги Николаевны и Сонечки и приглашал от снятия ее воздержаться. Помню взрыв негодования у милейшего Ивана Ивановича, которому это письмо было показано. Что же до отца, то он нашел сдержанные выражения для ответа, дающего понять сиятельному претенденту на комнату, что мы уже давно считаем дни, чтобы покинуть опостылевший пансион и от своего намерения занять привычное место в Велькой Господе отказаться не намерены. Вскоре было получено письмо от смущенной, до того в дело не посвященной графини с извинениями за перешедшие границы приличий благие намерения мужа. А спустя несколько дней встретившийся мне граф сказал что-то вроде того, что был «необычайно тронут» ответом отца и, конечно, готов пойти навстречу нуждам нашей семьи.

Переселение наше осуществилось во второй половине месяца, с помощью новообразовавшейся артели русских перевозчиков из «студенческой» среды, вместе с подводой которых я проделал путь от Гран-пансиона до Велькой Господы.

К маю месяцу отнесу первый концерт хора Архангельского под управлением Чеснокова. В его программу входили как вокальные ансамбли из опер и других произведений наших композиторов последних десятилетий, так и народные песни в нетронutom или аранжированном виде. Среди блестяще исполненных пьес многие входили в творческий репертуар братьев Чесноковых, главным образом, Павла Григорьевича. По поводу чего не могу не вспомнить с усмешкой, что явно из-за этого на печатной программе концерта стояли только фамилии композиторов, не предшествующие инициалами их имен-отчеств.

В том же мае наша семья (кроме бабушки) провела неполную неделю в компании с другими русскими пражанами в Дрездене. Инициатором и организатором этой экскурсии явился упомянутый выше филолог-славист Иван Онуфриевич Панас, а «движущей силой» — его безнадежная любовь к старшей падчерице Завадского, Галине Полешко, еще не вышедшей замуж за некоего Антипова. Вместе с ними в группу вошла ее сестра, только что ставшая женой кандидата архитектуры Макаева, и их мать, носительница лорнета Калерия Ивановна. Кроме них вспоминаю среди экскурсантов Ирину Новгородцеву с Флоровскими, неразлучно с ними и с нами связанного И.И. Лапшина, жену юриста Иванцова и двух студентов архитектуры, Леонида Сергеевича Лада-Якушевича и Александра Головина. Однако ни с кем из участников поездки, даже с Ириной, в дни нашего пребывания в саксонской столице я почти не общался, — слишком дорого было вре-

мя для наилучшего знакомства с памятниками и музеями, для чего я начинал свои прогулки покидая наш скромный пансиончик с утренней зарей. И все-таки свою программу выполнить не смог, потому что в Дрездене у отца возобновились сердечные припадки и чуть не на третий день родители с Андрюшей сели на пражский поезд. А вскоре затем выяснилось, что прочие экскурсанты в Германии порядком порастратились, и на общем совете было решено пуститься в обратный путь раньше намеченного срока. Тут вспоминаю свое меланхолическое заявление, что я еще не осмотрел Altes Rathaus, и, в ответ на него, едкую реплику Ивана Ивановича: «На развалину старого Ратгауза можете смотреть и в Праге».

8-го июня был отмечен лучше других оставшимся в моей памяти вторым Днем русской культуры. Его специальной темой была Москва, а как бы возглавителем ее — последний дореволюционный городской голова, близкий друг графини Паниной Николай Иванович Астров. Им был прочитан дельный, оживленный диапозитивами доклад о памятниках первопрестольной столицы. А моральный ее облик прославил с упоением А.А. Кизеветтер. Как истинный (можно было бы сказать «заядлый») москвич, он отгенил свой панегирик унижением Петербурга с его прямолинейными, казалось бы, хорошо олицетворяющими организующую волю Петра проспектами: «Не-еет, историку там не жить». Или, обращаясь к русскому национальному сознанию, выразившемуся в реакции обывателя на объявление Наполеоном войны 1812 года: «Не в Петербург, а в Москву полетел Александр I, чтобы опереться на взрыв народного энтузиазма». Причем необходимо попытаться изобразить словесно жесты приподнятой правой руки оратора: сперва чуть-чуть опускаемой, повернутой вниз ладонью, затем она же, стремящаяся вверх, как бы навстречу самой себе, с мгновенно раздавшимися пальцами. Также появилась она, уже расширенная как открытый веер, на протянутой к воображаемому горизонту руке для иллюстрации изречения «Мрачное зарево московского пожара осветило (в его произношении "асвикило") Наполеону путь до самой Святой Елены». Возвращаясь к предыдущему перлу красноречия, вспомню, что осведомленная о нем Л.А. Новгородцева, встретив А.А., посоветовала ему, для его же безопасности, «никогда не опираться на взрывы».

***

За третье пребывание (до мая 1928 года) нашей семьи в Велькой Госпде нашими русскими сожителями в ней были поначалу уже названный студент-архитектор Полити с пригожей женой из Ростова-на-Дону, поселившиеся в бывшей комнате Свешниковых,

а в обе «ипатьевские» комнаты на нашем верхнем этаже перебрались до нас из Гран-пансиона генерал Щепихин (соратник Колчака), его супруга по отчеству Арефьевна, дама приятной несмотря на известную полноту наружности, признававшая за собой 37 лет, и их бойкий сынишка, на год или два моложе нашего Андрюши, — Вадим. Очень скоро за ними появились оттуда же Флоровские, поселившись в комнате, выходящей на наш разделенный холстиной балкон, и их стала навещать Ирина Новгородцева. А вскоре в нашем этаже поселились в новопрестроенной оборотистым Прохазкой комнате супруги Водовозовы. Также со стороны домохозяина пришло на смену керосиновому электрическое освещение, и не без его соизволения и содействия оживило наш семейный быт пианино, взятое напрокат для моей и Андрюшиной игры в две или в четыре руки с матерью.

Приходили интересные письма с вложением (для меня) луврских открыток от Володи из Парижа, где он проводил свой второй учебный год, живя не у Метальниковых, где мансардная комната оказалась занятой их близкими родственниками, а в скромном отельчике в двух шагах от Сорбонны и музея Клюни, деля комнату с перебравшимся из Праги во Францию бывшим товарищем по «кондаковедению», Михаилом Малининым. Думаю, что его общество сыграло немалую, хоть и косвенную, роль в процессе перемены духовной и интеллектуальной ориентации, каковой ознаменовался для брата 26-й год. В самом деле, Миша, более общительный, чем Володя, скоро сблизился с обосновавшимся на Монпарнасском бульваре и покровительствуемым YMCA Русским религиозным христианским движением, что, как мне представляется, вовлекло туда и моего брата. Там, посещая различные кружки, частью руководимые детьми доктора Зёрнова Николаем и Софией, он вошел в компанию страстно интересовавшихся богословием талантливых на все руки братьев Максима и Евграфа (сыновей бывшего члена Государственного Совета Евграфа Евграфовича Ковалевского и внучатых племянников академика Максима Ковалевского), графа Николая («Николки» — сына бывшего сановника Алексея Игнатьева) и недавно обратившихся в православие поэта Георгия Оцупа (еще не взявшего псевдонима Николай Раевский брата более известного в литературе Николая Оцупа), студентки-эллинистки Магдалины Исааковны Шапиро и безнадёжно в нее влюбленного и, наверное, по этой причине вскоре крестившегося Александра (Шуры) Адлера. Все они были рьяными прихожанами Сергиевского подворья, почитателями отца Сергия Булгакова и такими ревностными блюстителями постов, что вступали в препирательства «в рассуждении постной пищи» с

русскими ресторанами, выдававшими за таковую свои обеды. Из этой кучки ревнителей греческой веры выкристаллизовалось вставшее под знамя воинствующей православной церкви «Братство святителя Фотия». Узрев в нем своего рода подобие средневековых рыцарских орденов, Володя вступил в него, когда оно только что возникло, главным образом по инициативе братьев Ковалевских и Николки Игнатьева, признавших над собой гроссмейстером незадачливого, но одолеваемого чудовищным самомнением и властолюбием студента Алексея Ставровского, с которым, как и с братством, мы еще встретимся ниже.

Возвращаясь к монпарнасской среде, можно, по-видимому, утверждать, что в ней и родилось или, во всяком случае, определилось обращение брата к православному богословию с переходом от латинской к греческой патрологии, чтением в оригинале творений восточных отцов Церкви (с помощью увлекшейся ими, а заодно и самим Володей, — Магдалины Шапиро). Так, кстати сказать, наметился и их путь к супружеству.

Учение в Сорбонне шло, конечно, своим чередом, главным образом под знаком западной медиевистики, в которой за этот год к чистой истории у Фердинанда Лота (в свое время учителя петербургской наставницы Володи — О.А. Добиаш-Рождественской) прибавились, между прочими дисциплинами, дороманская археология у Анри Фосийона и раннее христианство у Гиньебера, а к ним — для пополнения программы — экскурсии в романтическую литературу со встречами с поэзией Шиллера и Пушкина, иллюстрируемой чтением профессором Оманом «Русалки» (в Володиной передаче: «мужчина, что пиетук» или «Откуда ты, прелестное дитя»).

***

Летом мне случалось бывать в Праге раза два-три в неделю, не столько для посещения Техникума, где я все же сдал с весны три или четыре зачета, сколько для внеучебного времяпровождения, часто в «Очаге». Там, в светлом верхнем библиотечном зале я удалялся от дела в мир искусства и литературы, листая или читая журналы и книги, невдалеке от столика под бюстом Пушкина, за которым предавался поэзии Алеша Эйснер, с которым у меня уже завязалось интересное общение. Прекрасный случай поболтать с ним и с другими ровесниками давал закусочный салон, куда мы спускались и который посещался также людьми старшего поколения, тем же И.И. Лапшиным, с которым не раз доводилось приятно и полезно провести время за чайным столиком.

К 12-му ожидался летний приезд Володи, но парижский экспресс его не привез. Поняв, должно быть, что мы спутали дни его отъезда из Парижа и приезда в Прагу, я предпочел не возвращаться в Збраслав, а подняться в Дейвиц и спросить у Л.А. Новгородцевой разрешения поужинать и переночевать у них. Соизволение было получено, и остаток вечера был проведен в брожении с Ириной по освещенным редкими фонарями аллеям Стромовки и, под одним из них, в совместном чтении и психологическом разбирательстве недавно полученного ею письма от Володи. Вернувшись с прогулки, Ирина скоро поднялась в свою комнату, а я, когда Л.А., закончив машинопись, служившую ей приработком, покинула кухню-столовую, завалился на «прохрустово ложе».

Проведя следующий день в городе, я встретил на вокзале Володю с рассказами о Париже, а на збраславский поезд сели мы с ним только близко к полуночи, не преминув провести второй для меня вечер у Новгородцевых.

К тому времени обычным, даже ежевечерним желанным гостем нашим стал приехавший в Збраслав С.В. Завадский. С ним время проходило в самых интересных разговорах, темою которых служили его рассказы о виденном в России за время его деятельности как прокурора петербургской Судебной палаты, приведшей его (накануне Февральской революции) к званию сенатора и сотрудника Временного правительства. Другой, не менее интересной темой были русский язык и литература, являвшиеся особым предметом его этимологических и филологических умозрений, с курсами в сравнительное языкознание. Сергей Владиславич (назвать его Владиславовичем было бы, по его лингвистическим ображениям, полонизмом) явил себя переводчиком Эсхила, прочтя свой перевод трагедии «Персы», из которого осталось в памяти скорбное шествие старейшин, сраженных вестью о нанесенной греками при острове Саламине победы над флотом Ксеркса, и их отчаянный призыв: «Рви бороду долой».

Также помнится чтение Завадским «Жития» Аввакума и его остроумные замечания о характере и литературном стиле автора. Были и другие совместные чтения, кажется, между прочим «Истории города Глупова» Салтыкова-Щедрина, к великому удовлетворению его почитательницы-бабушки.

По обычаю прошлых лет, мы с братом совершали пешеходные прогулки в окрестные или отдаленные места. Так, 24 июля направились мы вдвоем к левому берегу Эльбы, пользуясь соизволением Мягковых-родителей провести у них дня два-три в избранном ими на летние каникулы селенье Почаплы. Помню купанье с Александром Геннадиевичем, чтение им вслух воспомина-

ний о посещении в начале века серебряных приисков и заодно островов на острове Сахалин и, особенно, утро, проведенное нами с Льдинкой в соседней Роуднице, где мы осматривали громадный барочный замок князей Лобковицей, портретная галерея которого дала мне десять лет спустя столько интересного материала для иконографии французского королевского дома.

Главное же и самое длинное путешествие (с 7 до 17 августа) ориентировалось, довольно естественным образом, на летнее местопребывание Ирины. Весною у нее оказалась затронутой верхушка легкого, и по предписанию врачей она была причислена к пансионерам земгорского санатория в глухом мирном селении Руждька, вблизи городка Бржецлава у границы южной Моравии и Австрии. Добираться дотуда было решено окольным маршрутом, по славящейся своей живописностью и историческими памятниками лесистой долине речки Дыи. В Руждьке мы провели только один полный день, гуляя с Ириной, которой наш приезд как будто доставил удовольствие. Однако нам показалось, что она как будто полностью и с успехом втянулась в быт санаторской молодежи, начала для себя новую жизнь и в нашем обществе интереса по-видимому больше не находила. Мне даже представилось, когда мы, прощаясь вечером, объявили о своем решении пуститься в обратный путь завтра, что она приняла это с чувством облегчения. Путь этот мы совершили по железной дороге, с ночевкой в Брно — для знакомства с моравской столицей и соседним с ней полем сражения при Славкове (Аустерлице).

Лишь в сентябре в «Очаге» я неожиданно встретился с только что вернувшейся из Моравии Ириной. Помню, как приветливо она со мною заговорила, из чего можно и должно было заключить, что ее отношение к нам несколько не изменилось, и с тем большей горечью вспоминаю, что к этому моменту у меня уже давно созрело злобное решение свести наше общение на нет, что и выразилось достаточно в моей мрачной mine.

Вскоре вернулись из Парижа Флоровские, и особо благоволившая нашей с Ириной дружбе Валентина Афанасьевна была сильно раздосадована моим с ней разобщением. Прибавлю еще, что из Парижа она привезла неприязненные чувства к не раз им там услужившей Магдалине Шапиро.

***

С осенними месяцами начался мой четвертый и последний «учебный» год в Праге. Чтобы он был действительно таковым, родители поселили меня к началу октября в Бубенче, сняв в нижнем этаже профессорского дома комнату у супругов Михайлов-

ских: доцента-юриста Георгия Николаевича, приставившего к своей фамилии унаследованный от отца псевдоним Гарин, и Анны Николаевны, одной из трех учившихся в бабушкиной гимназии дочерей писателя Глебова. Она в это время, не помню точно по какой причине, жила с их малолетним сыном Никой в каком-то другом городе, может быть, даже за границей.

Раз в неделю (если не больше) ко мне приходил около полуночи ночевать приезжавший в Прагу на церковные службы Володя, неукоснительно проводивший остаток субботнего вечера у Новгородцевых, среди других гостей, перед которыми Ирина изощрялась в безответственной болтовне, на что Лидия Антоновна иногда реагировала порицательными сентенциями. После одной из них даже воцарилось молчание, — не очень надолго, так как его прервало задумчивое замечание Ирины: «Сколько, наверное, дураков родилось...» Все это парадоксально импонировало Володе, вплоть до того, что в ответ на мое неприязненное морализирование по поводу его рассказов о виденном и слышанном, я услышал изречение из Священного Писания: «Дух дышит, где хочет». Вступив таким неожиданным образом в сферу религиозной жизни брата, вспомню о сообщенном им позже секрете своей исповеди у владыки Сергия, в которой он представил ему свою безнадежную любовь к Ирине как взятый на себя для несения крест, на что последовал мудрый в своей простоте суд пастыря: «Крестов у нас в жизни и так довольно, незачем к ним новые прибавлять. Нет, нет, никак не благословляю». Надо полагать, что свой пражский крест брат донес до конца месяца, когда настала пора начинать после 1-го ноября его последний, выпускной учебный год в Сорбонне.

Вскоре после его отъезда в квартире Михайловских произошла перемена со вселением в нее двух их не очень близких родственников Алымовых: сестры и брата, помнится, Ильи, приплывших по Дунаю из занятой Румынией Бессарабии (кажется, из местечка Барнаул, где было их родовое имение), чтобы вести студенческую жизнь в Праге, — она по гуманитарной, он по научно-технической части. Не помню, как мы с ними разместились в квартире, использовав выходящую окном на двор переднюю. Во всяком случае, очень скоро завязалось с ними интеллектуально насыщенное общение, которое было бы вполне приятным, если бы не раздражала склонность Ильи к хвастливому вранью.

Учеба моя вошла окончательно в преступную стадию по отношению к родителям, которым собственно уже давно было пора признаться, что занятия архитектурой меня ни к чему не приведут и надо встать на другой путь. Потому становились для меня явной

бессмыслицей становившиеся все более редкими хождения в Техникум, которым я предпочитал посещения Музея художественной промышленности и его искусствоведческой библиотеки, читальни «Очага» и его закусочной — для дневного питания, а по вечерам — симфонических и камерных концертов начавшегося (задолго до февраля 27-го года) чествования столетия со дня смерти Бетховена.

Воскресные дни естественным образом я проводил у старшего поколения в Збраславе, куда регулярно, раз в неделю приходили письма от Володи. Из них для меня явствовало, что с занятиями в Сорбонне и общением с парижскими друзьями его душевное равновесие в значительной мере восстановилось. Сверх того расширился для всего его кружка диапазон интересов (до тех пор не переходивший за границы религиозных проблем) в связи с обогащением интеллектуального мира русского Парижа появлением из Берлина Бердяева и Карсавина, вынужденных сменить место жительства в связи с ухудшением материальных обстоятельств из-за оздоровления немецкой валюты. И тот и другой осели со своими семьями, лучше сказать, «водворились» в Кламаре, дотоле слышшем угодем, своего рода подмосковной, князей Трубецких. Двухэтажный «павильон», в котором семья Карсавиных поселилась на rue de Saint Cloud (ныне Estienne d'Orge) стал местом сборищ парижских евразийцев, с которыми сблизился кружок Володиных друзей (не слившись, однако, полностью).

Из Петербурга пришло около этого времени несколько печальных вестей от тети Ади. Ее покинул муж, инженер Л.Г. Титов, много поработавший для усовершенствования завода оптических приборов, чего, по-видимому, оказалось достаточно, чтобы вскоре попасть в число судимых и ссыльных «вредителей». Она же известила нас о сведенном чахоткой в могилу муже тети Веры, инженере В.М. Алтухове, в семейном словаре «дяде Микробе». Не знаю, намного ли его пережила фабрика карманных батареек «Светлячок», тем более, что от самой тети на долгий срок прекратились обычно бодрые письма и можно было себя спрашивать, не извела ли и она, как Титов, судьбу «зеков».

Возвращаясь в Прагу в заключение этой главы, отмечу, что педагогическая и литературная деятельность отца свелась, по его записям, к продолжению истории древней философии в русском университете и началу сотрудничества с бердяевским современником «Путь», во 2-м и 3-м номерах которого вышла его статья «Вл. Соловьев и его преемники в русской религиозной философии».

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД

Совсем не помню, как он был встречен в нашей семье, зато осталось от первых дней января, к сожалению, не находящееся у меня сейчас письмо брата, живописующее набег, совершенный после новогодней полуночи его компанией (для большого эффекта в масках) на дом Карсавиных, где пребывали уже порядком осоловевшие от обильной выпивки парижские евразийцы и их жены, обсевшие тесным кругом сильно охмелевшего Льва Платоновича, которому, по его позднейшим признаниям, якобы хотелось обратиться к своим поклонницам мольбу: «ослобоните!»

Много интересного о жизни Володи и его приятелей рассказал отец, вернувшись весной из Парижа, где он провел несколько недель, читая по приглашению Богословского института курс по истории новой философии. Наблюдая за своей весьма разнохарактерной аудиторией (один из студентов, например, неоднократно крестился, явно спасаясь от дьявольского наваждения мирской науки), отец также обратил внимание на Евграфа Ковалевского, занятого не столько слушаньем лекции, сколько штемпелеванием каких-то полезных для семинарского быта карточек или билетов. Скажу от себя, что Евграф был наделен воображением, парившим над границей между будничной правдой и иллюзорной отсебятинной, что делало из него парадоксальную помесь Ноздрева с Распутиным. Под его притягивающие к доверию флюиды подпал более чем на двадцать лет и мой брат, вопреки свойственному ему критическому мышлению. И он, а с его слов и отец, приняли за чистую монету рассказ Евграфа о том, как недавно, когда в храме на Подворье служили после всенощной заказанную неизвестной дамой панихиду о некоем «рабе Божиим Григории», он вышел подышать на церковное крыльцо и увидел в вечерней полутьме самого пустосвята Гришку, манившего его к себе пальцем, и услышал его зов: «Граша!» Но тут же на полу сох венков, лежавший незадолго перед тем на окропленном святой водой гробе, умудренный свыше Евграф встал в его середину, — и жуткое видение исчезло.

Рассказывал отец и о действительном благочестии Магдалины Шапиро. Во время литургии прихожане подворской церкви приблизились в ожидании скорого причащения к Царским вратам — и услышали из-за их задернутой завесы смех сослужавшего отца Сергия Булгакова. Возникшее смущение рассеяло утверждение Магдалины, что в таком виде свершалось снисхождение на о.Сергия Божьей благодати.

Также говорил отец и о посещении Карсавиных, уточняя, не без многозначительной улыбки, что почти все время его разгово-

ров с родителями Володя провел в другой комнате, как привычный гость старших дочерей: Ирины и Марианны (речь не шла о шестилетней Сусанне). В связи с этим я бы и возложил надежду на избавление брата от «несения креста», если бы в его предназначенных мне одному письмах не сообщалось о сердечных делах, что-де «все по-старому, без возможности и желания перемены».

Должен сказать то же и про себя по отношению к Ирине, от которой я упрямо, теперь прибавлю глупо, отвернулся до самого своего отъезда из Праги. Отвернулся почти окончательно и от архитектуры, хоть и намеревался еще «по инерции» сдать экзамен по второй части строительной статике и носил изредка в Техникум для проверки относящиеся к этому предмету вычисления и чертежи. Зато повернулся еще больше к музыке, с посещением иногда до двух раз в неделю концертов, удвоившихся в бетховенский юбилейный сезон, и собственным музицированием (вплоть до возобновления фортепьянных уроков у Елены Максимовны Покровской, которые проходили с осязательным успехом, но без всякой практической пользы).

Где-то в марте, вероятно, в связи с водворением в квартире Михайловских вернувшейся в Прагу Анны Николаевны с сынишкой, я покинул профессорский дом и вернулся под родительский кров в Вельку Господу. Что не помешало мне спускаться в город до двух раз в неделю, с ночевками в том же профессорском доме, главным образом, в передней у Бёмов.

***

Первым знаменательным событием июня была поездка во Францию матери и десятилетнего Андрея, здоровье которого тревожило родителей и могло, по мнению врачей, поправиться купанием в Атлантическом океане. С помощью Володи и его друзей была найдена и снята вилла Providence в купальном местечке Pontaillass близ курорта Royan. Через год это оказалось действительно «провиденциальным», не только для поправившего здоровье Андрея, но в известной мере и для судеб нашей семьи. Вошла она и в историю карсавинского евразийства, семьи Эфрон-Цветаевой и потомства Леонида Андреева.

На морской даче провели недели три не только мать с Андреем, но за компанию с ними и Володя с Магдалиной, что, должно быть, сыграло известную роль для их матримониального будущего. К понтайакским дачникам присоединилась наша дальняя кухня (через свою мать, урожденную Лосскую) — Мира (в действительности Ирина) Елачич. Она пребывала больше с матерью, помогала ей вести домашнее хозяйство и поговаривала о перспекти-

вах дружбы Володи с Магдалиной, к сожалению, не без выпадов расистского порядка. А Володя со своими «монпарнасцами», взяв на прокат велосипеды, колесил по окрестным местам. Они посещали многочисленные романские церкви этого края и поклонялись угодным им «досхизматическим» святым «троекратными метаниями», приводившими в недоумение аборигенов.

11-го июня мать написала отцу большое, воспроизведенное в его «Воспоминаниях» письмо, начинающееся словами «Вот уже 25 лет прошло со дня нашей свадьбы». Оно заключало в себе выражение симпатии и к каждому из нас — детей. На мою долю там приходится, за неимением лучшего, эпитет «бесшабашный». Упоминаю его, потому что именно тогда, в Зbrasлаве, серьезный разговор с отцом довел меня до ошеломившего его признания в безвыходности моих академических дел, а самого отца — до отчаянного категорического заявления, что им следует с этой же минуты положить конец и искать новых путей к моему профессиональному образованию. Как будто в тот же вечер, расспросив меня, на что бы я был способен, он согласился послать меня вслед за Володей на университетское учение в Париж, о чем, конечно, не замедлил написать матери. После чего пошла переписка с парижскими комитетами помощи русским студентам, которая оправдалась лишь частично. Так что мое учение во Франции с полупансионом в семье Метальниковых легло почти в полной мере на мизерный бюджет нашего старшего поколения.

Более значительным и отрадным явлением в нашей семейной хронике стало завершение Володей его университетского образования, хоть и много было разделено с братом волнений во время выпускных испытаний и связанных с ними формальностей: пассивно нами, пражскими родными, и активно — его парижскими друзьями (той же Магдалиной и Адлером), бдительность которых спасла его от гибели из-за неявки на один из устных экзаменов. Но все уладилось, и в конце июня Володя появился в Зbrasлаве триумфатором со званием *licencié ès Lettres*.

***

Не буду распространяться о наших збраславских каникулах, картина которых в общем уже известна, ни об осени и своих прощаниях с збраславскими и пражскими соотечественниками, вплоть до визита к Новгородцевым, где мы расстались с Ириной вполне корректно и беззлобно.

На парижский поезд я сел около 20 октября, на чем и кончается мое повествование о русской Праге за 1922-27. Остается лишь пополнить его тем, что связано с жизнью нашей семьи в 27-м году.

Для ученой и учительской деятельности отца этот год ознаменовался не только курсом новой философии на Сергиевском подворье, но и докладом на втором польском философском съезде об «Условиях возможности эволюции», статьей на эту тему в №33 «Современных записок» и, главное, выходом в свет книги «Свобода воли» с посвящением чехословацкому народу, давшему ему возможность продолжать научную работу.

Володя оставался в Праге, продолжая свои платонические сидения у Новгородцевых, и в Париже появился только 2 ноября. К этому времени я уже успел познакомиться с Магдалиной Шапиро, которая, выходя после всенощной на крыльцо церкви Сергиевского подворья, узнала меня, хотя и обратилась несколько парадоксально: «как вы непохожи на вашего брата». С нею был и сразу меня к себе расположивший Жорж Оцуп.

Вернувшись в Париж и поначалу поселившись в одной из двух комнат, снятых мною в предместье Meudon у русской дамы (Софьи Ивановны Шамшиной), Володя не замедлил ввести меня в круг своих друзей: кроме вышеназванных, первыми оказались тоже медонец Максим Ковалевский и неприкаянный Шура Адлер. Сразу же стало ясно, что религиозно-философские проблемы не поглощали полностью их духовной жизни, в которой оставалось достаточно места для чисто человеческого общения и веселого использования праздничных досугов. Чуть ли не каждое воскресенье собиралась веселая компания в северо-западном предместье Le Raincy, у бездетных супругов Оцупов. Хозяйка дома Раиса (она же Руся), только недавно принявшая православие, была одной из любимых учениц композитора Николая Карловича Метнера, сама уже концертировавшая пианистка, и дополняла скромные литературные заработки мужа фортепьянными уроками. С ее стороны шла чисто музыкальная, серьезная часть воскресных развлечений. Остальное время проходило (под предводительством Жоржа) в играх и забавах вроде шарад или других импровизированных сенок, требовавших сочинительской изобретательности.

Случалось нашей кучке появляться раза два-три до зимы (в разном составе) у Карсавиных в Кламаре, что было для меня немаловажным по своей новости событием и заняло некоторое место в общей хронике 27-го года.

После всего вышесказанного будет легче попытаться проникнуть в сущность как Володиных, невероятно сложных, так и Магдалининых, вполне определенных сердечных дел. С самого начала моего с нею знакомства она не считала нужным прятать свои чувства к моему брату. По-видимому, она призналась в этом чувстве Володе — и в ответ на это получила признание о его любви к

Ирине. Обо всем произошедшем затем пишу с достоверностью по его собственному мне рассказу:

По настоятельному совету, почти требованию Магдалины во имя ясности положения вещей, Володя послал Ирине письмо с признанием в любви. Из полученного от Лыдинки письма из Праги явствовало, что к ней прибежала удрученная Володиным признанием Ирина и они вместе настрочили черновик деликатного ответа, наверное, с предложением перехода на дружбу. С этим, испрошенным как бы «для очистки совести» удостоверением в руках и не приемля мысли ни о качестве старого холостяка, ни чьего бы то ни было мужа, Володя, в соответствии с его мироощущением, мог избрать для себя лишь дорогу к иноческому бытию с чаением (по его собственному признанию) архиерейского сана.

Известно, что в подобный путь вознамерилась пуститься и Магдалина и, должно быть, в чаении пастырского наставления, обратилась к своим духовным отцам. О первом из них, крестившем ее митрополите Евлогии, слышал только, что он посетовал на отсутствие встречной любви брата. Более же требовательный исповедник, отец Сергей Булгаков, не получив от нее обещания на исполнение своего повеления побороть и прекратить бесцельную любовь, лишил Магдалину права на принятие Святых Тайн.

Можно себе представить, в какое подавленное состояние пришел Володя, услышав об этом и осознавая свою, хоть и косвенную, ответственность за происшедшее. Также можно и заключить, что если не в полной, то в значительной мере результатом создавшегося положения был Володин визит к Магдалине с заявлением, которое передаю буквально: «делаю вам декларацию!»

Считаю необходимым прибавить, что, сообщая мне с восторгом о своем с восторгом же принятом предложении, Володя заявил, что, наверное, сам того не сознавая, он уже давно любил Магдалину. С первого же дня их соглашения они приняли во всех своих повадках вид нежнейшей влюбленной пары.

Полагаю, что сообщил в этой хронике все полезное для знания сентиментальной с религиозным уклоном жизни брата. Будет достаточно добавить здесь лишь рассказ о его и Магдалинином посещении отца Сергия, должно быть, уже совершившего мысленно их постриг на монашескую жизнь. Во всяком случае принял он их с ироническим холодком, заявив, что от визитов женихов с невестами интересного ожидать нечего, и обратив к Володе сентенцию: «Вот что значат совместные чтения, — вам, как поклоннику Данте, это должно быть хорошо известно». Имелись в виду, с

одной стороны, их занятия вдвоем греческим языком, а с другой, прелюбодеяние Франчески да Римини и Паоло Малатесте, увековеченное в пятой песне Дантова «Ада».

Остается еще сказать несколько слов о вступлении Володи на самостоятельный научный путь с писанием растянувшейся буквально до последнего дня его жизни и опубликованной посмертно друзьями-иезуитами диссертации о мистике XIV века мастере Иоганне Экхарте. Эта тема, относящаяся полностью к истории западноевропейской религиозной мысли, которую он избрал будучи учеником философа-медиевиста Этьена Жильсона, уже сама по себе шла вразрез с его уже установившейся ориентацией (в прямом смысле слова) на восточных отцов Церкви. По моему личному, хоть и не претендующему на патрологическую компетентность впечатлению, ее реализация, которую можно уподобить упорной гребле против течения, ложилась на него тяжким бременем и, может быть, даже поспособствовала его безвременной кончине 7 февраля 1958 года.

Возвращаясь в русскую Прагу, напомним, что мое (как и в гораздо меньшей мере Володино) общение с нею неоднократно возобновлялось, начиная с каникул 1929 и 1931 годов, во время моего пребывания под родительским кровом с апреля по сентябрь 1933 и позже, в качестве французского искусствоведа-исследователя, в течение нескольких больших периодов (между ноябрём 1934 и немецкой оккупацией 1939). Там скончалась и была похоронена бабушка Стоюнина. Оттуда весной 1942 года родители перебрались в Братиславу, где мой отец продержал до лета 1945 кафедру философии в университете и где в феврале 1943 года сошла в могилу моя мать.

*1993-1994 год
Сент-Женевьев де Буа*

Сергей Радлов
ВОСПОМИНАНИЯ О ТЕАТРЕ НАРОДНОЙ КОМЕДИИ

Публикация П.В. Дмитриева

Среди многочисленных театральных начинаний эпохи «военного коммунизма» Театр Народной комедии — безусловно, одно из самых ярких. История этого театра в отличие от других, более эпизодических явлений культурной жизни Петрограда 1920-х известна достаточно хорошо¹. Первым в ряду исследований надо назвать очерк художника А.В. Рыкова, написанный в феврале 1922², сразу после закрытия театра. Несмотря на свою временную приближенность к описываемым событиям, Рыков рисует наиболее объективную картину истории театра.

Другой важный источник сведений о Народной Комедии — то, что можно назвать «устной традицией». На протяжении 1920-х в Институте Истории Искусств неоднократно устраивались вечера, на которых режиссеры, актеры и художники театров, прекративших свое существование в первой половине 1920-х, выступали с воспоминаниями (к сожалению, эти выступления известны нам только в изложении³).

Неопубликованные мемуары создателя Театра Народной комедии Сергея Эрнестовича Радлова (1892-1958) принадлежат совсем другой эпохе, представляя собой некий «творческий отчет», характерный для конца 1930-х, с которым Радлов выступил 9 июня 1939, незадолго до открытия Всесоюзной конференции режиссеров. Конференция, проходившая в Москве 13-16 июня 1939, была посвящена утверждению принципов «социали-

---

¹ См., напр.: Гвоздев А.А., Пиотровский Адр. Петроградские театры и празднества в эпоху военного коммунизма // История советского театра. Т.1. Л., 1933. С.195-208; Золотницкий Д. Октябрь и опыты агиткомедии // Театр и драматургия. Вып.4. Л., 1974. С.34-96 (эта статья вошла в кн.: Золотницкий Д. Зори театрального Октября. Л., 1976).

² Рыков А. Народная Комедия // Зеленая птичка. 1. [Пг.], 1922. С.163-178.

³ См., напр., отклик на вечер, посвященный Народной Комедии: Д[орохов] А. Прогулка в прошлое: На первом «дне воспоминаний» в Институте Истории Искусств // Красная газета: Веч. вып. 1926. 23 ноября. №278. С.4.

стического реализма» на театральной почве, и Радлов был в числе театральных деятелей, делегированных от Ленинграда. Тень эпохи лежит и на «Воспоминаниях», где Радлов, по собственному признанию, многое говорит «в порядке самокритики», а о некоторых фактах, вероятно, просто умалчивает.

Текст публикуется впервые по машинописи, хранящейся в Петербургской Театральной библиотеке (бывшей Ленинградской Государственной Театральной библиотеке им. А.В. Луначарского; шифр: Р 5/25. Л.1-18). На титульном листе заголовок — «Воспоминания С.Э. Радлова о театре "Народной комедии"» и помета карандашом: «Стеногр[афическая] запись. 9.VI.1939». Текст стенограммы подвергся правке неустановленного лица (очевидно, рукопись готовилась к печати). Правка носит в основном стилистический характер и учитывается в настоящей публикации, за исключением тех случаев, где текст прочитан неверно. Эти случаи (как и наши исправления) оговариваются особо. Все пропуски в тексте, не расшифрованные стенографисткой, даны в косых скобках «/.../»; недостающие по смыслу слова и раскрытие сокращенных слов дается в квадратных скобках.

В примечаниях используются следующие сокращения: ЖИ — «Жизнь искусства»; КГ — «Красная газета», ТНК — Театр Народной комедии, Ходасевич — Ходасевич Валентина. Портреты словами: Очерки. М., 1987; РНБ — Отдел рукописей и редких книг Российской Национальной библиотеки; ЦГА СПб. — Центральный государственный архив С.-Петербурга.

История возникновения театра, насколько я помню, такова. В Народном Доме в 1920 году в сезон 1919-20 гг. функционировала опера, рядом функционировал драматический театр, а между ними, в так называемом «Железном зале», эстрадная площадка¹. На этой площадке выступали некоторые цирковые актеры, даже не из наиболее знатных и знаменитых, как раз те, которые не особенно сильно были заняты в цирке.

При этом эта эстрадная площадка не собирала никаких зрителей и не вызывала интереса у публики.

Отдел театра и зрелищ, который возглавляла М.Ф. Андреева² и ее помощник Н.Е. Буренин (воспоминания которого об его революционной деятельности изданы с предисловием Горького)³ обратились ко мне с просьбой: нельзя ли что-нибудь попробовать сделать, чтобы создать что-то вроде комбинированного сюжето-эстрадного театра, программы, чтобы увеличить интерес зрительного зала к этим эстрадным выступлениям.

В результате этой инициативы Отдела театра и зрелищ был организован маленький закрытый конкурс на сценарии малень-

ких одноактных пьесок, рассчитанных на искусство данных цирковых актеров⁴.

В состав актеров входили: Серж — очень блестящий акробат⁵. Одним из его номеров был «Четыре черта» и полет на трапедии с завязанными глазами. Он был наездником по специальности и акробатом. Было ему в начале нашего знакомства 26 лет и профессиональной работой он занимался 23 года, будучи сыном директора цирка в Сибири, т.е. занимался он цирковой работой с трех лет. Причем он явился действительно подлинным и настоящим хранителем цирковых традиций, знал огромное количество цирковых пантомим, которые к нашему времени уже вымерли, но которые к моменту его детства еще бытовали.

Был очень талантливый акробат-клоун унтерман Жорж Дельвари, очень талантливый, с настоящим народным комизмом и т.д.⁶

Далее шел народ менее талантливый. Там был музыкальный клоун Боба Козюков с женой⁷. Там был «каучуковый» клоун (т.е. гнущийся и гибкий) Карлони⁸ — огромный дядя, которого, казалось бы, нельзя было согнуть, а он был профессионалом-каучук /.../ и жонглером.

Там был японский жонглер Такашима⁹. Там был, или, скорее, приезжал трансформатор Эрнани¹⁰ и затем эстрадные драматические актеры: Алексон, затем его брат Александр[ов], по профессии шпех-штальмейстер (конферансье)¹¹.

Кроме того, были еще молодые жонглеры.

Для того, чтобы занять эту основную группу, были привлечены три автора, с просьбой написать какие-то предварительные сценарии. Это были А.Ремизов, В.Н. Соловьев и С.Э. Радлов.

Я совершенно не помню, что написал Соловьев¹², помню, что А.Ремизов написал какой-то шуточный рассказ, который цирковыми актерами понят не был¹³.

Что касается меня, я подошел к делу очень практически. Я использовал некоторые свои знания итальянской комедии [масок], которые у меня были, потому что я немножко ходил в Студию Мейерхольда, где несколько процветало увлечение комедией¹⁴. Затем я со своими университетскими товарищами немножко подчитывал итальянские сценарии на итальянском языке (опять-таки [Scala])¹⁵ тех времен. Знаком я был с изданием Перетца, изданием сценариев эпохи Анны Иоанновны, которые представляли собой эмигрировавшие, переселившиеся к нам сценарии итальянцев¹⁶. И, наконец, несколько позже моим верным другом стала книжка пантомим отца и сына Жака и Гаспара Дебюро¹⁷. Казалось бы, эпоха несколько другая — конец XIX века, это знамени-

тая эпоха канатных плясунов, театра, которым так увлекался Теофиль Готье и прочие романтики. Эти комедии имели традиционное происхождение от итальянских комедий.

Дальше мое знакомство с цирковыми актерами убедило меня в том, что схема итальянской народной комедии выродилась в дальнейшем в цирковую пантомиму. Я, как историко-литературоведческий работник, находил в этих книгах целый ряд сюжетов и узнавал, что они бытовали в цирке еще лет за 15-20 до нас, т.е. тогда, когда цирковое искусство не перешло еще целиком на искусство отдельных номеров¹⁸.

Перед тем как сочинить свой сценарий, имея эти предпосылки, я пошел второй раз в своей жизни в цирк, а затем написал схему маленькой скромной пьески «Невеста мертвеца» длительностью в 30 минут¹⁹. Она была очень элементарна. В ней соблюдалась схема молодых любовников, обманывающих бдительность отца и путем каких-то хитростей похищающих невесту из рук бдительных родителей (или ревнивого мужа, — я точно не помню). При чем я включил в эту пьесу все искусство этих актеров. Героя пьесы, которого играл Дельвари, я в нарушение нашей хронологии оставил тем, чем он тогда был. Он ходил в форме кронштадтского матроса. Я его в этой форме оставил, а всех остальных одел в итальянские костюмы Раннего Возрождения²⁰. Помню, что в этой пьесе был жонглер, который в какой-то момент жонглировал огнем, был акробатический номер, и даже номера. Серж по цирковым традициям исполнял роль комической старухи. Как в классическом балете роли страшных старух исполняются всегда мужчинами, так и здесь Серж исполнял роль глухой старухи. Когда она не слышала, что ей говорят, ее брали за юбки и сбрасывали с лестницы, она делала кульбит и становилась на ноги. В этом спектакле участвовало и несколько драматических актеров, в том числе и Гибшман (в свое время работавший у Коммиссаржевской, а затем у Мейерхольда), который обнаруживал большую способность к импровизации²¹, обладал большим чувством юмора и т.д.

Если мне не изменяет память, в состав драматических актеров входили следующие люди. Это был упомянутый Гибшман, В.С. Чернявский²², ныне один из крупнейших чтецов, эта была Ф.А. Глинская²³, это был очень талантливый мальчик, трагически умерший, Б.П. Анненков²⁴, брат художника Анненкова²⁵, умерший от туберкулеза актер Елагин²⁶ и еще несколько человек, которые не имеют существенного значения.

Мы поставили 25-30 маленьких пьесок, которые живо заинтересовали зрителя. Причем это еще не называлось театром Народной Комедии, это была просто эстрадная площадка, где

были сыграны такого рода спектакли. Они заинтересовали зрителя²⁷.

После постановки первой пьесы, я написал новый спектакль. Учитывая, что у меня есть два наиболее ценных актера и желая соблюсти интересы того и другого (а именно Дельвари и Серж), я написал следующую пьесу, главным образом, для Сержа. Это была «Обезьяна-доносчица», в которой Серж исполнял роль обезьяны²⁸. Одним словом, это была какая-то смешная пьеса, в которой обезьяна изобличала измену жены мужу, подражая ее действиям. Помню, что в результате исполнения Сержем этой роли обезьяны его так полюбили и так им восхищались, что на эстраду после конца спектакля сыпались ему неизменные сухари, куски сахара, папиросы, бублики и прочие необычайно драгоценные в те времена вещи, так что он уходил с этого спектакля с полной охапкой такого рода драгоценностей.

Это очень характерно потому, что один из наших уважаемых театроведов Мокульский, приехавший в Ленинград позже, имеет неверное высказываемое им в печати представление о том, что Народная Комедия была реставрационно-стилизаторской попыткой создать какие-то спектакли, целиком опрокинутые в прошлое и продолжающие работу школы традиционализма, например Мейерхольда и его учеников по реставрации каких-то старых эпох²⁹. Это неверно. Это было средством, а не целью. Целью было общение с той аудиторией, которая посещала наш театр, которую я несколько отвлеченно и ошибочно трактовал как подлинно народную аудиторию. Т.е. иными словами, в порядке самокритики, скажу, что центральной ошибкой моей работы в этом театре было то, что я подошел к поискам формы и содержания спектакля, исходя из желания создать народный театр, причем слово «народ» имело несколько метафизическое представление³⁰. Это не был передовой ленинградский пролетариат, делавший революции, а это были те, кто приходил ко мне в аудиторию, а сюда приходило очень много красноармейцев и полу-уличная толпа, здесь были папиросники и т.д. Эта аудитория была, по существу, народной, но она была неоформлена в своих вкусах. Самый центр вопроса заключался в живейшем общении между этой аудиторией и группой работников театра.

Это определенно кристаллизовалось к моменту третьей пьесы «Султан и черт»³¹. Это было большое представление в двух больших актах. К этому времени мы дивертисмент почти вытеснили³². Кажется, какие-то дивертисментные номера были еще в «Султане и черте», но это была уже прибавка. Центром был большой пышный спектакль, сделанный мной с декорациями Ходасе-

вич³³. Это была пьеса, которая имела у этой аудитории оглушающий успех. «Султан и черт» был моей переделкой, доделкой и смыслением цирковой пантомимы «Зеленый черт», сообщенной мне в этой схеме Сержем³⁴. Она была построена в значительной степени на чудесных появлениях и исчезновениях этого Черта, строящегося [так. — П.Д.] на двух исполнителях, т.е. на том, что в одном месте внезапно возникал один [актер], а [тот] в другом [месте —] исчезал. Причем двойником Сержа был очень хороший, талантливый цирковой техник-акробат Таурек³⁵, вероятно, латыш, плохо говоривший по-русски, не обладавший драматическим талантом, но превосходный акробат.

Эта пьеса настолько явилась событием для Петроградской стороны, что к данному моменту и после нее, когда она исполнялась, Гибшман, игравший роль Султана, не мог выйти на рынок³⁶ без того, чтобы ему [не] предлагали: «Султан, купите у меня». И он [там] иначе как «султан» не назывался. Эти актеры пользовались в данном районе исключительной популярностью, вызывая самую горячую любовь у зрителей к театру.

Наступало лето. Нужно было создать новый спектакль для летнего помещения. Это было значительно труднее. Нам дали скромный Летний театр³⁷, который по существу не имел уже ничего общего с той эстрадой (я об этом много писал) Народного Дома, где мы работали и которая фантастически совпадала³⁸ с нашей деятельностью и представлением о шекспировской площадке. Железный зал был разделен на два этажа, которые шли по зрительному залу и по сцене, создавая нечто вроде нижней сцены английского театра. Затем мы имели под балконом нижнюю сцену, обыкновенную сцену.

Отсюда мы должны были перейти в Летний театр, ныне снесенный. Здесь драматургически и декоративно нужно было изменить технику. Здесь я написал самостоятельное произведение «Приемыш»³⁹. Сюжет «Приемыша» вкратце заключался в том, что это был мальчик, бежавший от своих приемных родителей — парижских банкиров, — и попавший затем в различные приключения. В дальнейшем он превращался во французского революционера Суареса, которого преследовала полиция. Первоначально этот спектакль был поставлен в Железном зале⁴⁰.

За два года мной было написано 10 или 12 пьес⁴¹. Чем объясняется такая плодовитость? Она объяснялась тем, что я недавно пришел в театр и был полон желанием и мыслями поставить что-то для театра, и, кроме того, это связано с технологией, ибо это был подлинно импровизационный театр. Я писал сценарии, а циркачи и драматические актеры импровизировали. Когда им ста-

новилось невмоготу, я на репетиции брал карандаш и бумагу и писал монологи.

Чтобы представить себе, какие приемы и аттракционы были мной использованы в такой пьесе, как «Приемыш», приведу несколько примеров. (Кстати, говоря об аттракционах, должен упомянуть, что многие приемы у Эйзенштейна возникли под влиянием Народной Комедии, которая произвела на него громадное впечатление⁴². Также, например, как работа ФЭКСов — Козинцева и Трауберга — тоже находилась довольно долго под сильным впечатлением театра Народной Комедии⁴³).

Теперь расскажу о приемах, которыми я пользовался в «Приемыше». Например, картина преследования полицией убегающего мальчика, которого изображал акробат Серж. Скажем, товарищи, по сцене едет пожилой велосипедист. Серж, убегающий от преследования полицейских, выбегает на сцену и видит велосипедиста. Сбивает его, садится на велосипед, по пандусу выезжает в зрительный зал, проезжает по среднему проходу Железного зала⁴⁴ (причем только один раз он чуть не сбил с ног какую-то старушку, обычно это проходило благополучно), едет в крайний угол зрительного зала и там по веревке взбирается на третий этаж, находящийся над вторым бель-этажем, окружающим ложи, где был еще один балкон. Вбегающие на сцену полицейские видят его, вместе с гражданами гурьбой в 15-20 человек бегут вслед за велосипедом. В то время, как он взбирается по веревке, маленький полицейский (его дублер Таурек) лезет по этой же веревке. Когда Серж достиг третьего этажа, там Таурек находится на высоте 3-4 метров, незаметно для публики под ним расстилается холст, на который он может упасть. Наверху Серж режет канат, и он падает вниз. Наверху Серж хватается за крюк, приспособленный к тросу, и через весь зрительный зал по диагонали летит обратно на сцену. Следующий пример. На сцене стоят две бочки. Серж, убегая от полицейских, с полного бега прыгает в бочку и прячется в ней. Какой-то из граждан, видевший, что он прыгнул в бочку, показывает полицейскому, который прыгает в другую бочку, полную до отказа водой. Отсюда эффект, который производит незабываемое впечатление на зрительный зал. В это время подбегают другие полицейские и один из них — Карлони — берет его подмышки, вытаскивает из бочки, а тот, набрав много воды в рот, выпускает воду в виде слона. За это мы ему приплачивали, переплачивали за то, что он одевал на голое тело костюм, который он потом менял, причем в театре было настолько холодно, что я стоял за кулисами в шубе. Бывали случаи, когда мы не находили тепловатой воды и брали в столовой кофе, которым наполняли бочку. Вот

примерный характер того, что Мокульский ошибочно считает академически-стилизаторским традиционным спектаклем и что ближе было к самому простому народному цирку.

Причем характерным являлся контраст между актерами цирковыми и драматическими. Получался тот дуализм, который свойственен послеаристофановской комедии, это то, что заключалось в комедии до Мольера, то, что заключалось в итальянской комедии. Это получалось очень сильно, потому что профессионально это были два совершенно разных лагеря, правда, очень дружно живших. Там были такие культурные люди, как Чернявский, и рядом совершенно неграмотные цирковые актеры.

Миную одну из лучших пьес, это — «Пленник»⁴⁵. Она была наиболее зависимой от одной из пантомим Дебюро. Там был ряд забавных трюков, которые хорошо, в частности, выполнял Гибшман, но это было одно из наименее [так. — П.Д.] ценных произведений.

Тут же летом произошла история с Горьким; кстати, по поводу того, что произошло с Горьким, Б[ялик]⁴⁶ напутал по вине Мовшенсона⁴⁷. История была такова. Та же самая группа циркачей пришла к Горькому и просила его, не поможет ли он Народному театру, написав какой-нибудь материал. Горький через некоторое время дал нам рассказ, написанный на пяти страничках. Это был маленький рассказ о плохом управдоме, который болтает и разговаривает, вместо того чтобы делать дело⁴⁸. Я утверждаю, что никакого искажения идеи Горького в нашей постановке не было, хотя роль этого управдома играл Дельвари. Мы разрешили этот рассказ цирковыми средствами. Во время болтовни этого управдома на него падал кирпич от неотремонтированного чердака, и на лбу у него появлялась шишка. Гибшман изображал жильца, сидящего в ванне, где лопались фановые трубы, и он выбегал ругаться с управдомом голый в цилиндре. Основное запрещение этой пьесы исходило от Зиновьева, что не приходится скрывать⁴⁹. Кроме того, мы эту вещь ставили до начала польской войны, а появилась она летом, в начале польской войны, т.е. в атмосферу большей тревоги, чем та, при которой возникала пьеса⁵⁰. Это была пьеса, бичующая наши бытовые недостатки в момент очень острый, пьеса, которая не могла идти, и поэтому я заказал пьесу Льву Лисенко — политическую пантомиму на сюжет войны с Польшей. Называлась она «Советский сундучок»⁵¹. Это — аллегорическая, политическая пантомима, которая управляла данный спектакль.

Теперь я хотел рассказать об одном из самых значительных спектаклей того времени. Досуг этого лета [1920. — П.Д.] я про-

вел в довольно бурном чтении «Рокамболя» [Понсон дю Терайля⁵²], и мне захотелось найти сценические, театральные формы для передачи остродетективного сюжета. И вот на такую тему я написал пьесу «Любовь и золото»⁵³, которая была построена с точки зрения формы следующим образом. Я контрастировал на комическом и трагическом и дал яркую подлинную мелодраму с цирковым комизмом и эксцентризмом, с ярко-народными фарсовыми моментами. На эксцентризме была построена роль, которую играл Дельвари — Обыватель. Это был современный обыватель, главный клич, который он издавал каждую секунду в моменты своих волнений, это — «когда все это кончится?». А «когда все это кончится?» в те годы были словами людей, не понимавших революции, обывателей. Этот обыватель жил в доме не больше аршина, с люком. Входил он в дом, открывая крышу. Когда он курил, из 10-сантиметровой трубы шел дым. Все это было построено на эксцентрических приемах. Попутно развивалась история о похищении какой-то девушки, о попытке убить ее жениха, о страстной влюбленности в этого моряка какой-то злодейки — обаятельной актрисы, для которой был написан очень эффектный монолог, и на этом строился целый ряд комедийных и цирковых ситуаций. По линии народной пьесы это все — наиболее характерное, о чем стоит говорить.

По мере того, как театр начал завоевывать к себе интерес, стал ставиться вопрос о том, чтобы он расширил свой репертуар и сделал некоторую пробу над классическим материалом. Эти попытки были более трудными и менее успешными. Что мы здесь сделали? Я попробовал ставить «Виндзорских проказниц»⁵⁴, причем выяснилась моя неподготовленность к этому, потому что, имея такой тип труппы, я должен был бы раскрыть эту вещь как яркое народное представление, но к такому большому количеству текстов была плохо подготовлена труппа.

Кроме того, я лично археологически увлекся шекспировской сценой, сценой шекспировских времен, и желанием ее реставрировать. Вот здесь, в боковой линии Народной Комедии, имели место реставрационные попытки, так же как они имели место в работах Соловьева над им же написанным совершенно реставрационным сценарием «Проделки Смеральдины»⁵⁵ и в его же работе над «Пурсоньяком» Мольера⁵⁶. И напротив, пьеса Миклашевского «Последний буржуй» была оригинальной пьесой, которая включала органически цирковое искусство и мастерство⁵⁷.

Настолько аудитория питалась и дышала спектаклями вроде «Султан и черт» и холоднее относилась к нашим академическим попыткам, что мне врезался в память такой случай. Однажды я

стоял на верхнем балконе. Рядом со мной стояли мальчишки. Ко мне подошел какой-то папиросник в помятом цилиндре во время спектакля «Виндзорские проказницы» и спросил: «Товарищ автор, когда пойдет "Султан и черт"?» Для них, вероятно, эта линия была настоящей линией театра⁵⁸.

Теперь хочу сказать несколько слов о том, почему это предприятие прожило два года и закрылось. Как и всегда, причин падения Римской империи довольно много. Если говорить о центральных, то может быть они таковы. Первое, что, собственно говоря, тогда еще я не мог остановиться на включении этих подлинных стихийно-народных элементов театра в какую-то крепко обоснованную сегодняшнюю тематику, т.е. найти то, что надо. И сейчас в цирковых пантомимах еще не разрешен [этот] вопрос, ибо цирковые пантомимы пошли по пути героических пантомим, а не по пути смеющихся пантомим. Этот жанр пантомим не разрешен. Дело в том, что здесь я не нашел выхода в создании такого стилистического чисто народного советского спектакля. Это я говорю в порядке самокритики.

Затем мы попали в период организационного переустройства, при котором был ликвидирован Отдел театров и зрелищ и, если не ошибаюсь, вся театральная работа попала в Политпросвет Наробраза, где организационная структура ленинградских [так. — П.Д.] театров была не совсем хорошо разработана⁵⁹. Затем это было время возникновения НЭПа, который оказал на не совсем устойчивую часть моей труппы разлагающее влияние. Попросту говоря, часть этих цирковых актеров, которые тогда жили на очень скудном пайке, почувствовала, что они сейчас могут зарабатывать гораздо больше, если они вернуться на сольно-эстрадные заработки. Их тянули открывающиеся рестораны полутрактирного типа, в которых можно было выступать после ужина. Например, Дельвари где-то в глухом месте Васильевского острова открыл частновладельческий театр⁶⁰. Вот все эти условия в значительной мере начали расшатывать дело. Кроме того, и состав зрительного зала стал заметно меняться. Я старался к нему приспособливаться и в результате в третий сезон своего существования Народная Комедия (в конце 1921 года — в начале 1922 года) закончила свое существование⁶¹.

Мы пытались ставить водевиль Лабиша «Путешествие Перриона»⁶², но театр был к этому не приспособлен, или ставили Кальдероновскую драму «Саламейский алькальд»⁶³. Мы кинулись к таким спектаклям. Затем в труппу вступил ряд новых актеров и актрис, с которыми я начал работать⁶⁴. Таким образом, первая пора цирковых спектаклей несколько потускнела. Иное зна-

чение стали иметь деньги, и к нам аудитория стала идти хуже. Рядом с нами Кугель ставил «Павла I», имевшего бурный успех в Драматическом театре [Нардома. — П.Д.]⁶⁵. Это — третий сезон нашего существования. Наш сосед, который с ужасом и удивлением взирал на наши успех[и], стал нас бить.

С другой стороны, недостаточные сборы заставляли нас страшно быстро менять репертуар. Я сочинил за это время 3-4 пьесы-пантомимы⁶⁶, но это с трудом поднимало дело и оно ликвидировалось весной 1922 года⁶⁷.

В поисках стиля народного представления я тогда натолкнулся⁶⁸, изучая судьбу актеров итальянской комедии [масок] и английской послешекспировской комедии после Кромвеля (той эпохи, когда актеры эмигрировали и начали ездить по Германии, Дании и т.д.), я натолкнулся на очень интересный материал — на Фельтеновскую труппу⁶⁹ и на деятельность Иосифа Страницкого⁷⁰. Это — венский хансвурст. Он же режиссер, он же автор, он же — исполнитель комедийных ролей, арлекин — хансвурст. Я получил в Публичной библиотеке книгу «Главные и государственные действия» [«Haupt- und Staatsaktionen»]⁷¹, там я выбрал наиболее интересные представления, которые я хотел осуществить, но это мне не удалось⁷². Нужно сказать, что Иосиф Страницкий — это подлинный создатель народного театра.

«Четырехэтажный дом»⁷³ это была сложная детективная пьеса, которую я с трудом могу сейчас восстановить в памяти. «Пьеро-цирульник»⁷⁴ это была цирковая пантомима, которая была нами поставлена. В этой пантомиме я сочинил целый ряд трюков, связанных с парикмахерским бритьем, и убедился в том, что Серж большинство из них знает через цирковые традиции. Т.е. накидывание петли через шею бреющегося, который при точке бритвы откидывает голову, чтобы ему не отрезали нос. Затем берется обыкновенная малярная кисть и ею обмазывается физиономия того, кого бреют, затем несвоевременно где-то на пол стряхивается мыло, а слуга, поскользнувшись, обязательно падает, поскользнувшись на этом мокром месте. Там был целый ряд забавных приемов и трюков, которые составляли содержание этой бесхитростной пантомимы⁷⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В начале 1920-х в помещении бывшего *Народного дома* Императора Николая II (Александровский парк, 3) располагались Государственный Большой оперный театр (Госбот), Драматический театр Народного дома (в начале 1930-х преобразованный в театр им. Ленинского Комсомола) и *Железный зал* — площадка для концертных выступлений.

² *Андреева* (наст. фамилия Юрковская) Мария Федоровна (1868-1953) — актриса, общественный деятель, вторая жена М. Горького. С середины сентября 1918 Андреева возглавляла различные органы управления петроградскими театрами (см.: Советский театр: Документы и материалы: Русский советский театр 1917-1921. [Л.], 1968. С.76. Прим.53), в том числе являлась Комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области. После очередной структурной реорганизации в конце ноября 1919 подведомственный Андреевой орган стал называться Петроградским театральным отделением (ПТО).

³ *Буренин* Николай Евгеньевич (1874-1962) — деятель российского революционного движения, после 1917 работал в области культуры (в частности, в ПТО). Горький написал предисловие к кн.: Буренин Н. Из жизни большевистского подполья. М., 1933.

⁴ 8 июля 1919 петроградская газета «Жизнь искусства» поместила на своих страницах статью «Художественный дивертисмент в садах» (подписанную Е.С.), где говорилось о реорганизации эстрады и новых путях ее развития: «Ближайшая работа в этом направлении должна коснуться наблюдения за текстом исполняемых номеров, выработки их и привлечения к дивертисменту новых сил из артистов балета, цирка, конференсье и т.п. Предположено также привлекать, хотя бы для единичных постановок, художников, поэтов и музыкантов» (ЖИ. №183. С.1). С 15 ноября 1919 в Железном зале начались выступления нового Театра художественного дивертисмента, а 8 января 1920 была поставлена первая пьеса — комедия Сергея Радлова «Невеста мертвеца» (см. прим.19).

⁵ *Серж* — псевдоним артиста цирка Александра Сергеевича Александрова (1892-1961). В воспоминаниях Сержа конца 1930-х несколько страниц уделено его работе в ТНК: «Я активно участвовал в разработке сценария и трюков всех подготовок нашего театра. Но были и такие пьесы, которые целиком были предложены мною и только разработаны С.Э. Радловым. Таковы "Медведь и часовой", "Разбойники" ["Семь разбойников". — П.Д.], и, главным образом, "Султан и черт". Последняя пьеса возникла на основе сценария старой цирковой пантомимы — феерии "Зеленый черт", в которой я много раз участвовал в детстве» (Советский цирк: 1918-1938 / Сборник под общей редакцией Евг. Кузнецова. Л.; М., 1938. С.96).

⁶ *Жорж Дельвари* (Кучинский Георгий Ильич, 1888-1942) — клоун.

⁷ *Козюков* Борис Дмитриевич (сценический псевдоним — Боб, 1891-?) и *Козюкова* Лидия Николаевна (сценический псевдоним — Лиди, 1891-?) — цирковые артисты.

⁸ *Карлони* Александр Юрьевич (1898-?) — артист цирка.

⁹ *Такашима* Татсуносуки (1873-?) — жонглер.

¹⁰ *Эрнани* (наст. фамилия Бильяни) Валентин Францевич (1870-1923) артист цирка. В фонде Радлова в РНБ хранятся пьесы Эрнани: «"Воскресший покойник"», пародия-трансформация из репертуара театра ужасов в 1 действии» (1911) и «"Кавказский Дон Жуан", ужасно-траги-смешное приключение на минеральных водах в 1 д[ействии]» (1911) (Ф.625. №249 и 248). В.Ф. Бильяни был итальянским подданным (см.: ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. №1632. Л.2). См. также некролог Эрнани: Театр. 1923. №4. С.13.

¹¹ *Алексон* (наст. фамилия Кузьмин) Александр Иванович (1883-?) и *Александров* (наст. фамилия — Кузьмин) Павел Иванович (1886-?) — артисты цирка.

¹² *Соловьев* Владимир Николаевич (1887-1941) — режиссер, театровед, педагог. Преподаватель Студии Мейерхольда на Бородинской (в 1913-1916), сотрудник журналов «Аполлон» и «Любовь к трем апельсинам», автор оригинальных пантомим, стилистически близких итальянской комедии масок. В конце 1919 в Театре художественного дивертисмента (Железный зал) была поставлена пантомима Соловьева «Прерванное свидание» (см.: ЖИ. 1919. 30 декабря. №330. С.4). Возможно, это именно та пьеса, о которой говорит Радлов. О приглашении Соловьева в ТНК было объявлено летом 1920 (см.: ЖИ. 1920. 13 августа. №529. С.1). В его постановке предполагалась пьеса «Али-баба и сорок разбойников» (инсценировка Л.Конской по сказкам «1001 ночи») для детских спектаклей, планировавшихся театром (см.: ЖИ. 1920. 18 августа. №533. С.1). Идея не была реализована. В ТНК Соловьев поставил итальянскую комедию «Проделки Смеральдины» («Маркиз Гасконец Величавый») (см. прим.55) и комедию Мольера «Господин де Пурсоньяк» (см. прим.56). На время существования ТНК приходится 10-летие творческой деятельности Соловьева — см.: Пиотровский Адр. Владимир Николаевич Соловьев: 10-летие театральной деятельности // ЖИ. 1921. 8 ноября. №816. С.4.

¹³ О каком рассказе А.М. Ремизова идет речь, установить не удалось. Весною 1920 в периодике сообщалось о намечающейся в ТНК постановке пьесы Ремизова «Царь Максимилиан» (см.: ЖИ. 1920. 23 апреля. №431. С.1). Затем дата постановки была перенесена на зимний сезон (см.: ЖИ. 1920. 12 ноября. №607. С.1), но замысел так и не был реализован.

¹⁴ Радлов посещал студию на Бородинской (1913-1917), очевидно, с первых дней ее существования. Для студистов класса В.Э. Мейерхольда и В.Н. Соловьева им были сочинены пьеса «Мяч» (см.: Любовь к трем апельсинам. 1914. №2. С.62) и драматический этюд «Веребочка» (Там же. №4/5. С.91). На страницах издаваемого Мейерхольдом журнала «Любовь к трем апельсинам» были опубликованы стихотворение Радлова, его перевод комедии Плавта «Близнецы», а также рецензии на новые русские

переводы античных драматургов. В год 25-летия творческой деятельности Мейерхольда Радлов поместил в петроградской «Красной газете» статью, посвященную своему учителю (Радлов С. Бунтовщик и новатор: О В.Э. Мейерхольде // КГ: Веч. вып. 1923. 22 апреля. №89. С.5). Отрицательная реакция Мейерхольда на один из спектаклей ТНК зафиксирована в воспоминаниях художницы В.М. Ходасевич (см.: Ходасевич. С.139-140).

¹⁵ Имеется в виду следующее издание: Scala Flamminio. Il teatro delle favole rappresentative, ovvero La ricreatione comica, boscareccia e tragica. Venetia, 1611.

¹⁶ Имеется в виду книга В.Н. Перетца «Италианские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733-1735» ([Ч.2]: Тексты. Пг., 1917). На заседании управления ТНК по вопросам репертуара, в котором принимали участие С.Э. Радлов, В.М. Ходасевич, В.Н. Соловьев и Э.Э. Туриг (администратор театра) в качестве возможных для постановки рассматривались четыре сценария из сборника Перетца: «Перелазы через забор» (1733), «Арлекин статуя» (1733), «Забавы на воде и на поле» (1734) и «Марки Гасконец Величавый» (1734) (см. протокол заседания — ЦГА СПб. Ф.2551. Оп.1. №2139. Л.16). Выбор пал на последнюю пьесу (см. прим.55).

¹⁷ Очевидно, здесь либо порча текста, либо оговорка Радлова, — речь идет несомненно о Гаспаре (Батисте) Дебюро (1796-1846) и его сыне Шарле. Возможно, имеется в виду следующее издание: Pantomimes de Gaspard et Ch. Deburau / Préface par Champfleury. Paris, 1889. Радлов поставил две пантомимы (или, скорее, обработки пантомим) Дебюро: «Арлекин-скелет» (3 ноября 1921) и «Пьеро-ревнивец» (лето 1921, газетные программы за этот период не содержат сведений о спектаклях ТНК). Художник Рыков в своей статье о ТНК указывает на влияние Дебюро в пьесах Радлова «Вторая дочь банкира» и «Пленник» и цирковых пантомимах «Медведь и часовой» и «Семь разбойников» (первая из цирковых пьес в программах ЖИ обозначена как принадлежащая Дебюро).

¹⁸ Значительная часть пьес, ставившихся на сцене ТНК, действительно, восходит к известным в конце XIX — начале XX вв. цирковым пантомимам. В Петербургской Театральной библиотеке хранятся цензурованные экземпляры цирковых пантомим, очевидно являющихся первоисточниками некоторых пьес Радлова. Это, например, «Арлекин-скелет», «Арлекин-статуя», «Приключения в парикмахерской» (ср. «Пьеро-цирюльник»), «Зеленый черт» (упоминавшийся в воспоминаниях Сержа) и др.

¹⁹ «Невеста мертвеца, или Сватовство хирурга» — цирковая комедия в одном действии Сергея Радлова (8 января 1920). Постановка автора, художник — В.М. Ходасевич.

²⁰ В тексте: дальнего возрождения.

²¹ В тексте: в то время. Гибшман Константин Эдуардович (1884-1942) — актер. У Коммиссаржевской Гибшман работал в период существования театра на Офицерской ул. (1906-1910), затем в 1910-1911 — в Доме Интермедий (один из создателей — Мейерхольд) и др. театрах миниатюр.

²² *Чернявский* Владимир Степанович (1889-1948) — актер, тещ.

²³ *Глинская* (по мужу — Беленсон) Фаина Александровна (1892-1970) — актриса. В тексте ее фамилия ошибочно исправлена на — «Головинская». Головинская Елизавета Дмитриевна (1890-1958) — актриса, педагог. В труппе ТНК с апреля 1921 (см.: ЖИ. 1921. 23/26 апреля. №724/726. С.1).

²⁴ *Анненков* Борис Павлович (1896-1921) — актер. Радловым был написан некролог Б.Анненкова (см.: ЖИ. 1921. 26/31 июля. №786/791. С.3 и 2/7 августа. №792/797. С.5). См.также воспоминания Юрия Анненкова «Неизбежная точка» (Там же. 1921. 2/7 августа. №792/797. С.5).

²⁵ *Анненков* Юрий Павлович (1890-1974) — художник, режиссер, с середины 1920-х в эмиграции. В 1919 Анненков поставил в недолго просуществовавшем Эрмитажном театре пьесу Л.Н. Толстого «Первый винокур», где были применены, в частности, элементы акробатики. В отношении театра Радлова Ю.Анненков занимал в целом негативную позицию, вызванную, в частности, общим направлением поисков обоих режиссеров. См. серию полемических статей, начало которой весной 1920 положила статья В.Шкловского «Народная Комедия и "Первый винокур"» (ЖИ. 1920. 17/19 апреля. №425/427. С.1), вызвавшая, в свою очередь, ответ Радлова (Несколько хронологических данных: Письмо в редакцию // ЖИ. 1920. 20 апреля. №428. С.2). Итогом полемики стала статья Анненкова «Театр до конца», в которой один из разделов («Мьюзикхоллизация драмы и четвертая категория») специально посвящен критике работы ТНК (см.: Дом искусств. 1921. №2. С.63-66). Фамилия Анненкова (как сотрудника ТНК) упоминается в газетном отчете о вечере, посвященном этому театру, состоявшемуся в 1926 (см.: Д[орохов] А. Прогулка в прошлое: На первом «дне воспоминаний» в Институте Истории Искусств // КГ: Веч. вып. 1926. 23 ноября. №278. С.4). Другими источниками, однако, это сотрудничество не подтверждается.

²⁶ *Елагин* Николай Дмитриевич (1891-?) — актер.

²⁷ Не совсем понятно, о каких 25-30 пьесах, поставленных в период до 17 февраля (когда театр получил свое окончательное название), идет речь. Программы ЖИ фиксируют следующие изменения в названии театра. При открытии 15 ноября 1919 театр назывался Театром художественного дивертисмента. Первая пьеса (см. прим.19), с которой фактически начинается история ТНК, была сыграна в театре под старым названием, и только со второй постановки (комедия Радлова «Обезьяна-доносчица» — 17 февраля 1920) за театром закрепляется его «историческое» имя. Возможно, вспоминая ранний период ТНК, Радлов оговорился, на самом деле имея в виду общее количество постановок за все время существования театра. В таком случае это утверждение справедливо.

²⁸ «*Обезьяна-доносчица*» — комедия Сергея Радлова (см. прим.27). Постановка автора, художник — В.М. Ходасевич.

²⁹ *Мокульский* Стефан Стефанович (1896-1960) — театровед, критик. Автор предисловия к сборнику статей Радлова «Десять лет в театре» ([Л.], 1929). Приехал в Петроград в 1923. В своих статьях 1920-1930-х не-

однократно касался истории ТНК. Очевидно, Радлов здесь имеет в виду прежде всего статью С.Мокульского «Комедия масок как историческая проблема», где, между прочим, сказано: «Увлечение *commedia dell' arte* являлось [в первые годы советской власти. — П.Д.] для режиссеров-модернистов как бы паспортом на революционность; оно оправдывало их претензии стать строителями нового, "народного", т.е. пролетарского театра /.../ Такая концепция легла, например, в основу художественной платформы "Театра народной комедии" (1920-1922 гг.) С.Э. Радлова, который искренно верил в то, что подлинный советский театр можно строить только на основе импровизированной комедии масок» (Театр и драматургия. 1933. №5. С.20-27). Ср. также другое характерное место из более поздней статьи Мокульского «Судьба комедии масок в буржуазном театре» (где Радлов, однако, прямо не назван): «В течение ряда лет некоторые театры нашего Союза, не порвавшие связей с театральной культурой эпохи империализма, являлись ареной деятельности традиционалистов, протаскивавших в более или менее замаскированном виде свои упадочные концепции на подмостки профессионального и самодеятельного театра СССР. Это немало препятствовало формированию подлинно советской театральной культуры» (Ученые записки Государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т.II. Вып.1. Л., 1936. С.355).

³⁰ Ср. характерное место из статьи 1920: «Наша публика — истинно народная аудитория и детская, тех дерзких и смелых детей, которые выросли в шумах и выстрелах наших грандиозных головокружительных исторических дней» (Радлов С. Театр Народной Комедии: Ответ друзьям // ЖИ. 1920. 27/29 марта. №410/412. С.2).

³¹ «Султан и черт» — комедия в 2 актах Сергея Радлова (16 марта 1920). Постановка автора, художник — В.М. Ходасевич.

³² Дивертисмент исчезает из программ театра к середине лета 1920. Осенью 1921, когда ТНК испытывал определенные финансовые затруднения, дивертисмент снова появляется на афише театра.

³³ Ходасевич Валентина Михайловна (1894-1970) — художница. При ее участии в ТНК осуществлены постановки более чем 15 спектаклей. Ходасевич сотрудничала с Радловым также в постановках (в период с 1919 по 1936) массовых действ, оперетт и драматических спектаклей. Позже Радлов неоднократно с благодарностью вспоминал художницу, см., например, его статьи: Режиссер о художнике // Валентина Ходасевич: [Сб. статей]. Л., 1927 (перепечатано: Валентина Ходасевич: Режиссер о художнике // Радлов С. Десять лет в театре. Указ. изд. С.174-182); В.Ходасевич // Каталог выставки работ художника Валентины Ходасевич. Л., 1934. С.5-8. В книге воспоминаний В.М. Ходасевич «Портреты словами» один очерк посвящен театру «Народная Комедия» (Ходасевич. С.133-141).

³⁴ См. прим.5.

³⁵ Таурек Иван Васильевич (1888-?) — актер цирка.

³⁶ Имеется в виду один из старейших рынков Петербурга — Сытный, расположенный напротив Александровского парка. Выразительную картину соседства театра и рынка представляет в своих воспоминаниях В.М. Ходасевич (Ходасевич. С.138-139).

³⁷ С 30 июня 1920 труппа ТНК играла спектакли в помещении Летнего театра б. Зоологического сада, а затем, с 4 июля по 12 сентября, попеременно в трех местах: в театрах Зоологического и Таврического садов и Василеостровском театре. 12 ноября 1920 ТНК открыл свой новый сезон в Железном зале спектаклем «Виндзорские проказницы».

³⁸ В тексте: который фантастически совпадал.

³⁹ «*Приемыш*» — пьеса в 3 действиях Сергея Радлова (5 августа 1920). Постановка автора, художник — В.М. Ходасевич. Премьера состоялась в Летнем театре Зоологического сада. В 1922, уже после закрытия ТНК, Радлов намеревался экранизировать «*Приемыша*» (см.: Петроградская правда. 1922. 4 июня. №123. С.5).

⁴⁰ Очевидно, ошибка Радлова (см. прим.39).

⁴¹ Кроме пьес, перечисленных выше, Радловым была написана и поставлена комедия «Вторая дочь банкира» (20 апреля 1920), художник — В.М. Ходасевич. В периодической печати регулярно появлялись сообщения о готовящихся к постановке (либо специально написанных для ТНК) пьесах Радлова. Это «Версальский договор» («Версальские благодетели») (см.: ЖИ. 1920. 29 апреля. №437. С.1); «Жемчужина Индии» (ЖИ. 1920. 13 августа. №529. С.1); «Великая война» (ЖИ. 1921. 9/11 июля. №773/775. С.2); «Друг: Новые приключения приемыша Сержа» (анонс премьеры 1 ноября 1921. — ЖИ. 1921. 25 октября. №814. С.3). Постановки этих пьес по различным причинам не состоялись.

⁴² Определенное влияние идей ТНК Эйзенштейн, вероятно, испытал в своей работе в Московском театре Пролеткульта в 1922-1924. По словам современника «В начале своей деятельности Эйзенштейн (тогда лаборант Мейерхольда) был во власти традиций цирка и видел обновление театра в возрождении цирковых трюков и в их применении к актерскому творчеству» (Марков П. Театральные постановки Москвы 1923-1924 годов // Печать и революция. 1924. №4. Цит. по: Марков П.А. О театре. Т.3: Дневник театрального критика. М., 1976. С.162). См. также программную статью Эйзенштейна 1923 «Монтаж аттракционов» в кн.: Эйзенштейн С. Избранные произведения: В 6 тт. Т.2. М., 1964. С.269-273 (впервые опубли.: Леп. 1923. №3).

⁴³ Влияние ТНК на ФЭКС и даже заимствование эксцентриками приемов, практиковавшихся в его театре, Радлов отмечает («патент украден фирмой "Фэкс"!») в статье: Радлов С. К пятилетию Государственных театров Петрограда // ЖИ. 1923. №8. С.9. Этого влияния не отрицали и сами создатели ФЭКСа: «С конца 21 года в обоих центрах СовРесп'а — течение: "эксцентризм". До этого — опыты Наркомедии, театра РСФСР, статьи Анненкова, Шкловского. Но лишь со *взявшими патент* [выделено нами. — П.Д.] — ясный выброс тем: Америка,

Бульвар, Машина» (Козинцев Гр. и Трауберг Л. Еще одно Д.Е. // Театр. 1924. №7. С.13. Перепечатано: Козинцев Г. Собр. соч.: В 5 тт. Т.3. Л., 1983. С.76-79).

⁴⁴ В тексте: Железного театра.

⁴⁵ «Пленник» («Турецкий пленник») — комедия в 2 действиях С.Э. Радлова (30 мая 1920).

⁴⁶ Очевидно, Радлов имеет в виду следующее место из книги Б.А. Бялика «Горький в борьбе с театральной реакцией» (Л.; М., 1938): «Следует только указать, что сам Горький был совершенно невиновен в той трактовке, которую получил написанный им сценарий "Работяги Словотекова" при постановке его Сергеем Радловым в Театре Народной Комедии, — здесь отчасти сказались декадентские, формалистические пережитки в творчестве режиссера, оставившего без пристального контроля смысловую сторону спектакля, благодаря чему один из актеров смог воспользоваться импровизационной формой для политически тенденциозных отсебятин. [Примечание:] Беседа с участниками этой постановки, Е.М. Кузнецов и А.Г. Мовшенсон пришли к выводу, что именно указанные обстоятельства помешали воплощению творческого замысла Горького, предвосхитившего содержание известного, столь понравившегося Ленину, стихотворения Маяковского "Прозаседавшиеся"» (С.130-131).

⁴⁷ Мовшенсон Александр Григорьевич (1895-1965) — театровед, переводчик. Автор нескольких рецензий на спектакли ТНК, статей, посвященных цирку, использованию элементов каботинажа на театральной сцене, художественному оформлению спектакля. См., например, его статья: «Декоратор В.М. Ходасевич и театр Народной комедии (1920-1922)» в сб.: Валентина Ходасевич. Л., 1927. С.55-65.

⁴⁸ Произведение Горького опубликовано в кн.: Горький М. Пьесы и сценарии: Архив А.М. Горького. Т.II. М., 1941. С.154-157. Спектакль по пьесе Горького был поставлен Радловым в оформлении В.М. Ходасевич на сцене Летнего театра Зоологического сада 16 июня 1920 в программе с другими произведениями. Повторен 17, 19 и 20 июня, после чего был снят с репертуара (см.: КГ. 1920. 22 июня. №135. С.4).

⁴⁹ Вражда Г.Е. Зиновьева, председателя Петроградского Совета, с Горьким (фактически повлекшая за собой запрет спектакля) не была секретом для современников. В.М. Ходасевич, повторив в своих мемуарах «официальную» версию снятия спектакля, под конец невольно восклицает: «А я-то, грешным делом, думаю, что в запрещении этого спектакля сыграло роль и то, что *некоторые* [выделено нами. — П.Д.] узнали себя в Словотекове и обиделись» (Ходасевич. С.140). Любопытно отметить тот факт, что все без исключения авторы критических выступлений, направленных против постановки Радлова, не касаются самого текста пьесы (или, точнее, сценария) Горького. И это понятно, т.к. в тексте сценария содержатся не столько скрытые намеки на Зиновьева, сколько прямой выпад в сторону персонифицированной (в лице говоруна чиновника) советской власти. После запрета спектакля дальнейшее развитие театра

в направлении политической сатиры (на что в театральных кругах Петрограда возлагались большие надежды) стало невозможным.

⁵⁰ О включении пьесы Горького в репертуар ТНК было объявлено в апреле 1920 (ЖИ. 1920. 22 апреля. №86. С.4; ЖИ. 1920. 23 апреля. №431. С.1).

⁵¹ *Лисенко* Лев Константинович — драматург. В 1920 закончил Курсы мастерства сценических постановок (Курмасцеп), где в то время преподавали Радлов и Соловьев (см.: ЖИ. 1920. 30 марта. №413. С.3). Премьера пантомимы «*Советский сундучок*» в ТНК состоялась 16 июня 1920 (в одной программе с «*Работягой Словотековым*»). В периодической печати сообщалось и о других произведениях, написанных Лисенко для ТНК. См. информацию об окончании Львом Лисенко комедии «*Волшебный поезд*» (ЖИ. 1920. 30 июня. №491. С.1), в другом месте объявленной «*революционной пасторалью*» (ЖИ. 1920. 30 июля. №517. С.1).

⁵² *Понсон дю Терайль* Пьер Алексис (1829-1871) — французский писатель, автор многочисленных авантюрных романов.

⁵³ «*Любовь и золото*» — мелодрама в 18 картинах Сергея Радлова (30 января 1921). Постановка автора, художник — В.М. Ходасевич.

⁵⁴ «*Виндзорские проказницы*» — комедия В.Шекспира в 13 картинах, с двумя цирковыми интермедиями (12 ноября 1920). Постановка Сергея Радлова, художник — В.М. Ходасевич.

⁵⁵ «*Проделки Смеральдины*» («*Маркиз Гасконец Величавый*») — итальянская комедия в 9 картинах, текст Вл.Соловьева. Постановка В.Н. Соловьева, художник — Е.П. Якунина (25 декабря 1920). Текст пьесы представлял собой переработку итальянского сценария XVIII в. из книги В.Н. Перетца (см. прим.16).

⁵⁶ «*Господин де Пурсоньяк*» — комедия в 3 действиях Мольера. Постановка В.Н.Соловьева, художник — В.М. Ходасевич. Премьерой спектакля (1 октября 1921) открылся последний сезон ТНК.

⁵⁷ «*Последний буржуй*, или Музей старого строя» — комедия в 3 действиях К.М.Миклашевского. Постановка автора. Маски работы Е.П. Якуниной (7 июля 1920). *Миклашевский* Константин Михайлович (1886-1944) — актер, режиссер, драматург. С середины 1920-х — за границей. Автор монографии об итальянской комедии масок — *Миклашевский К. La commedia dell' arte, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий*. Ч.1. Пб., 1914-1917. Полное издание этой книги вышло на французском языке: *Mic Constant. La commedia dell' arte, ou Le théâtre des comédiens italiens des XVI, XVII et XVIII siècles*. Paris, 1927. В начале июня 1920 Миклашевский вернулся в Петроград с юга России (ЖИ. 1920. 9 июня. №473. С.1). 29 июля газета сообщала о включении в репертуар ТНК «новой пьесы Миклашевского "Музейный [так. — П.Д.] буржуй"» (ЖИ. 1920. №490. С.1). В конце июня было объявлено о приглашении Миклашевского на пост режиссера Государственных театров и об участии в спектакле Радлова: «В "Музейном буржуйе" состоится выступление С.Э. Радлова как актера» (ЖИ. 1920. 30 июня. №491. С.1). Программами, опубли-

кованными в печати, участие Радлова в этом спектакле не подтверждается. В конце 1921 планировалась постановка другой пьесы Миклашевского «Джон Крукс и его первая любовь» (ЖИ. 1921. 20 декабря. №822. С.6), однако она не состоялась. Автографы обеих пьес Миклашевского хранятся в настоящее время в фонде Радлова в РНБ (Ф.625. №289 и 294). В конце 1921 состоялась постановка еще одной пьесы Миклашевского — комедии в трех действиях «Шестеро влюбленных» (22 декабря 1921). Сведений о режиссере и художнике не найдено.

⁵⁸ Ср. запись Радлова в рабочей тетради: «С верхнего балкона, что против сцены, я смотрел "Виндзорских Проказниц". Мальчишка, мне до пояса, но в диковинном мятом цилиндре, тут же стоявший, обернулся ко мне и спросил: "Товарищ автор, а когда пойдет 'Султан и Чорт'?" "Это один из величайших фактов моей жизни. 23 ноября 1920 года» (РНБ. Ф.625. №19. Л.44).

⁵⁹ С начала августа 1921 управление государственными театрами перешло в ведение директоров этих театров, а ПТО перестало существовать.

⁶⁰ Последний сезон ТНК прошел без участия Дельвари, ушедшего из театра вместе с несколькими цирковыми актерами и основавшего свой «Театр дерзких шутов» (в помещении бывшего кинотеатра «Ниагара» — Большой пр. В.О., д.41). В работе театра принимали участие режиссеры К.К. Тверской и В.Р. Раппапорт (программу спектаклей см.: ЖИ. 1921. 25 октября. №814. С.6). После закрытия театра, просуществовавшего всего несколько недель, Дельвари вернулся работать в цирк.

⁶¹ Программ за 1922 не сохранилось. По свидетельству Е.М. Кузнецова, последний спектакль ТНК состоялся 22 января 1922 (см.: Кузнецов Е. Народная Комедия: Некролог // КГ. 1922. 26 января. №19. С.6).

⁶² «Путешествие Перришона» — комедия-водевиль Лабиша. Постановка С.Э. Радлова и Г.Н. Гурьева. Художник — Е.П. Якунина (13 октября 1921). В летний сезон 1921 планировалась постановка другого водевиля Лабиша «Небрежное дитя» (ЖИ. 1921. 11/13 мая. №727/729. С.3).

⁶³ Спектакль ТНК назывался «Деревенский судья», драма в 3 действиях Кальдерона. Постановка С.Радлова. Художник — В.М. Ходасевич (10 ноября 1921).

⁶⁴ Приток молодых сил за два года существования ТНК происходил несколько раз. Уже весной 1920 в газете появилось сообщение о приемных испытаниях «для желающих поступить во 2-ю группу ТНК» (ЖИ. 1920. 12/15 марта. №395/398. С.2). В апреле того же года организуется Студия ТНК (ЖИ. 1920. 30 апреля. №438. С.1). Тогда же Радлов посетил Москву «с целью приглашения новых артистических сил для театра Народной Комедии» (ЖИ. 1920. 16 сентября. №558. С.2). Очередной прием в Студию, о котором, по всей видимости, говорит здесь Радлов, происходил в сентябре 1921 (Студия «Народной Комедии» // ЖИ. 1921. 13 сентября. №808. С.5).

⁶⁵ Радлов очевидно смешивает два спектакля. Спектакль по пьесе Д.Мережковского «Павел I» в Драматическом театре Народного Дома ставился Н.Н. Арбатовым и был завершён К.К. Тверским. Премьера состоялась 19 февраля 1921, т.е. в пору относительного благополучия ТНК. А.Р. Кугель являлся с начала августа 1921 управляющим Петроградским Драматическим театром Народного Дома. Радлов безусловно имеет в виду спектакль по роману Д.Мережковского «Александр I» (инсценировка и постановка А.Кугеля и К.Тверского). Премьера состоялась 20 января 1922, т.е. фактически перед самым закрытием ТНК.

⁶⁶ Какие пьесы имеет в виду Радлов, не ясно. В период после «Путешествия Перришона» были осуществлены постановки нескольких пьес, среди которых к пантомимам могут быть отнесены «Семь разбойников», одноактная драма по старинному сценарию (25 ноября 1921) и «Воздушное приключение» («Удачный обман»), итальянская комедия по сценарию XVIII в. в 3 действиях (3 декабря 1921).

⁶⁷ См. прим.61.

⁶⁸ В тексте «напоролся» исправлено на «натолкнулся».

⁶⁹ В тексте: Фельтеновскую группу. Фельтен Иоганн (1640-1693) — немецкий актер и режиссер. Сначала артист, а затем руководитель бродячей труппы Паульсена, которая под его руководством стала лучшей труппой Германии.

⁷⁰ *Страницкий* Иозеф Антон (1676-1727) — австрийский актер, создатель образа Гансвурста.

⁷¹ Имеется в виду издание: Wiener Haupt- und Staatsaktionen. Eingeleitet und herausgegeben von Rudolf Rayer von Thurn. Wien, 1908-1910.

⁷² Осенью 1921 в ТНК готовилась к постановке пьеса Страницкого «Казнь Цицерона» (режиссер — Радлов, художник — Ходасевич) (ЖИ. 1921. 20 сентября. №809. С.3). Имена Фельтена, Страницкого и Дебюро Радлов соединяет в своей статье «В двести первый и последний раз о кризисе театра» (ЖИ. 1921. 11/13 мая. №727/729. С.1. Перепечатано: Радлов С. Статьи о театре. Пг., 1923). Не исключено, что под влиянием идей Радлова, занимавшегося изучением деятельности и репертуара бродячих трупп XVII-XVIII вв., осенью 1920 в Петрограде возник «Орден Странствующих актеров», включавший в себя значительную часть труппы ТНК, а также Ю.Анненкова, А.Беленсона, Н.Евреинова и др. (Орден странствующих актеров // ЖИ. 1920. 11/12 сентября. №554/555. С.3). См. также разъяснения Юрия Анненкова и группы актеров ТНК в их совместном письме в редакцию «Жизни Искусства» (ЖИ. 1920. 5 октября. №574. С.4). Вероятно, это объединение существовало недолго.

⁷³ 6 сентября 1921 в газетной хронике сообщалось: «С.Радловым закончена новая пьеса под названием „Четырехэтажный дом“, кото-

рая намечена к постановке в Государственном театре Народной Комедии» (ЖИ. №807. С.3). Премьера спектакля предполагалась в зимнем сезоне ТНК «в постановке автора с декорациями художника Якуниной» (ЖИ. 1921. 20 сентября. №809. С.3).

⁷⁴ Пантомима «*Пьеро-цирюльник*» была поставлена в программе из двух номеров 1 января 1922 (ЖИ. 1921. 27 декабря. №823. С.10).

⁷⁵ На этом текст стенограммы обрывается.

Вячеслав Нечаев
НЕНАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

I

БЕСЕДЫ С И.М. ГРОНСКИМ

Мой интерес к Ивану Михайловичу Гронскому (1894-1985) был в не-малой степени обусловлен драматизмом его судьбы. Быший ответственный редактор газеты «Известия», главный редактор журнала «Новый мир», председатель Оргкомитета по подготовке и проведению Первого съезда писателей, узник сталинских лагерей, трижды приговоренный к расстрелу — все это создавало вокруг его имени ореол запретной тайны. Вернувшись из лагерей, Гронский в конце пятидесятых работал в Институте мировой литературы и начал собирать материалы для книги воспоминаний. Очевидец многих событий нашей истории, человек, знавший Н.А. Клюева, А.А. Блока, Р.В. Иванова-Разумника, А.М. Горького, В.В. Маяковского, С.М. Городецкого, Б.А. Пильняка, П.Н. Васильева, интересный рассказчик, обладавший прекрасной памятью, — он охотно встречался и с сотрудниками Архива А.М. Горького, и с работниками Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ныне РГАЛИ), и с известинцами. Беседы с Гронским всегда были содержательными.

Наши встречи с Иваном Михайловичем проходили в узком кругу и были в значительной мере посвящены малоизученному. Инициатором этих бесед был старший научный сотрудник ЦГАЛИ Юрий Александрович Красовский, который сам в 1920-е начинал печататься в рапповских журналах.

Здесь я воспроизвожу без какой-либо правки свои записи двух рассказов Гронского, которые прозвучали 21 сентября и 16 ноября 1959 года. Если в них вкрались какие-то неясности, то тому виной только моя память.

И.Гр.: Горький не любил, когда кого-либо сравнивали с ним. Он не терпел конкуренции. Поэтому вам станет ясно, почему Горький не любил Маяковского, Серафимовича, Бедного и «областного» Шолохова.

— *Шолохов тогда только начинал.*

И.Гр.: Это утверждение не совсем верно. Шолохов уже в то время был автором двух томов «Тихого Дона» и первой книги «Поднятой целины».

— *Они отвечали ему тем же. Серафимович написал довольно прохладную рецензию о «Деле Артамоновых».*

И.Гр.: Все это верно. Но, с другой стороны, он выдвигал Леонида Леонова, Всеволода Иванова, которые ничем не угрожали его положению основоположника. Он поддерживал Пришвина, Сергеева-Ценского, Федина. Они не претендовали на роль руководителя среди писателей. Против Фадеева Горький плел интриги.

— *Фадеева продвигал Сталин.*

И.Гр.: Конечно, Горький мешал Сталину. Для Сталина Горький был «политическим капиталом». Поэтому он внешне относился к Горькому дружелюбно и миролюбиво. Но это только внешне. Сталин не доверял ему. В то же время Сталин советовался с Горьким по литературным вопросам. Он прекрасно понимал, что Горький плохо разбирался в политике, и все это накладывало определенный отпечаток на их отношения. Могу вам рассказать о таких случаях, но вы мне не поверите. Но это был факт. Сталин был против того, чтобы Горький стал председателем Оргкомитета по организации съезда писателей. Когда я тяжело заболел, Сталин предложил мне, чтобы я хотя бы номинально числился председателем. Я ответил ему отказом и заявил, что не могу обманывать. Сталин даже подумывал о Пастернаке как руководителе Союза писателей, но все же пришлось ему утвердить председателем Горького.

— *Так значит введением понятия «социалистического реализма» мы обязаны Горькому?*

И.Гр.: Нет. Обычно раз в неделю или две, чаще всего на даче у Горького собирались Сталин, Молотов, Ворошилов, Горький, иногда и я. При этих разговорах прислуга или кто-нибудь из домашних не присутствовал. Беседы эти не сте-

нографировались. Не думаю, что кто-то записывал эти встречи, даже Вячеслав [Молотов. — *В.Н.*]. Тогда во время одной встречи и пришли к выводу, что необходимо менять лозунг «диалектического реализма» на более новый, современный, в понятие которого вкладавалось бы классовое содержание. Сталин в противовес «пролетарскому реализму» предложил «коммунистический реализм». При этом он заявил, что определение «пролетарский» суживает понятие. Я поддержал его и высказал мнение о том, что в новое понятие надо включить реальные завоевания, а не то, что далеко. Вот тогда и сошлись на определении «социалистический реализм».

Только после этого состоялось в Кремле, в кабинете Сталина заседание комиссии ЦК, на котором присутствовали Сталин, Каганович, Постышев, кажется, Стецкий и я. На это заседание были приглашены рапповцы Киршон, Афиногенов, Белла Иллеш, Бруно Ясенский и, если не запамятовал, Фадеев. Сталин выступал раз пять или более. Постышев — три раза, а я четыре. Наиболее активен был Киршон. Он не соглашался и выступал раз пятнадцать. Сталин постепенно объяснял ошибочность позиции рапповцев, а Киршон медленно уступал. Каганович на этом заседании молчал. Окончательная договоренность с рапповцами была достигнута на этом заседании.

Затем уже Политбюро заслушало и одобрило работу комиссии. И только после этого решения партии и состоялась встреча на даче Горького в октябре 1932 года, которую ошибочно считают определившей понятие метода «социалистического реализма».

2

И.Гр.: Отношение Сталина к Демьяну Бедному можно разделить на два периода. Первый, когда Сталин всегда поддерживал его, и второй, когда Сталин изменил к нему свое отношение, это связано с тем, что к Сталину попали некоторые документы.

Произошло это следующим образом. Был такой журналист Михаил Презент. Одно время он работал в аппарате ЦК под началом А.Енукидзе, затем — помощником главного редактора Государственного издательства. Презент был близок с Демьяном, навещал его в Кремле. Свои

встречи и разговоры с Бедным он записывал в дневник. В начале 1935 года Презент был арестован и его дневники попали в НКВД, а уж потом были переданы Сталину. Сталин показывал мне эти дневники Презента. Я видел их. В них были записи, неудобоваримые для Сталина, слишком нелестные замечания о Сталине и обитателях Кремля. Сталин был явно раздражен.

Я пробовал примирить Сталина с Демьяном, но мне так и не удалось это сделать. Со стороны Сталина последовали действия: Бедному было отказано в награждении; он был выселен из Кремля; Демьян был обсужден на заседании Комитета партконтроля.

В этот период мы [партия. — *В.Н.*] вели борьбу с формализмом. Еще в 1932 году состоялось общее собрание московских художников. Была начата работа по реорганизации Третьяковской галереи, восстановлению Академии художеств, открытию новых институтов изобразительного искусства. Проведены выставки картин Репина, Рембрандта, Рубенса, передвижников. В частности, была напечатана моя статья о живописи. Борьба с формализмом велась по всем фронтам искусств.

Сталин, придерживаясь ранних ленинских оценок, отрицательно относился к формализму, к Маяковскому как поэту-футуристу. Но неожиданно для многих на докладной записке Брик, кажется, поступившей от Пряма[и?]кова, сделал известную теперь резолюцию Ежову: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Кстати, следствие по делу самоубийства Маяковского велось под началом друга семьи Бриков Я.Агранова, тогда первого заместителя наркома НКВД. Дело Маяковского было затребовано в Политбюро, видимо, там и хранится до сих пор.

Этой резолюцией Сталина Бедный, находившийся на переднем плане нашей поэзии, сразу отодвигался на задний план. Но этим дело не закончилось. Сталин довольно резко отреагировал на «Богатырей» Бедного, поставленных в Камерном театре Таировым в 1936 году. Правда, работа Таирова окончилась еще раньше, никто ему не отсоветовал прекратить ставить «Богатыри» [так! — *В.Н.*].

Во время одной из встреч с Бедным в Мамонтовке он прочитал мне «Богатырей». Я тогда куда-то уезжал надолго и просил Демьяна никому не показывать пьесы. По возвращении в Москву я надеялся обсудить все с Демьяном.

Таиров, который рассчитывал на очередную победу, как с «Оптимистической трагедией», взял эту пьесу к постановке. Когда я вернулся в Москву, то был приглашен на генеральную репетицию, на которую я не смог попасть, а был на премьере. Спектакль мне не очень понравился. По правде сказать, много было там накручено. Конечно, реакция на спектакль могла быть значительно мягче. Или вообще оставить этот спектакль без внимания, как, например, было с пьесой Алексея Толстого «На дыбе». Но Сталин был заинтересован, чтобы окончательно «задвинуть» Бедного. Вскоре Бедный был исключен из партии, но это произошло, когда я был уже арестован.

— *Однако многое в биографии и поведении Бедного до конца не ясно.*

И.Гр.: Советую вам сходить к Вере Руфовне [жене Д.Бедного. — В.Н.]. Поинтересуйтесь. Особенно происхождением Бедного. Вы, наверное, знаете, что Бедный был сыном Константина Константиновича Романова... Не удивляйтесь. Ведь ни для кого не было секретом, что на столе у Бедного стоял портрет Константина Константиновича. Когда я встречался с ним еще до революции, он был тогда студентом-белоподкладочником в Университете. Потом, когда Бедный примкнул к революционному движению, к нему приходил комендант императорского двора и просил вернуть все, что у Демьяна было от К.Р. Бедный вернул. Когда Бедный был за границей, с ним очень хотела встретиться графиня Клейнмихель, которая и была его матерью. Да и не надо забывать, что начинал Демьян с верноподданнических стихов.

Все это мне рассказал сам Демьян, когда ему пришлось решать вопрос о своей семье. Он жил тогда у Лидии, а я посоветовал ему вернуться в старую семью, к Вере Руфовне. Вот тогда он мне все это и рассказал. Да вы сами поинтересуйтесь у Веры Руфовны, только деликатно.

— *Сталин за все это мог арестовать Бедного.*

И.Гр.: Мог. Правда, у меня был разговор со Сталиным, когда я рекомендовал ему не арестовывать Демьяна. Да и у Сталина был сложный характер.

Когда Е.Замятину разрешили выехать за границу (его никто не высылал), то большинство членов Политбюро было против этого решения. Сталин высказался за разрешение и заявил при этом, что Замятин ничего против нас

там не напишет. И оказался прав. Интересно, что в «Руде право» была напечатана статья о том, что Замятин никогда не вернется в СССР. Прочитав эту статью, Замятин прислал письмо в «Литературную газету». Сергей Динамов, который был тогда редактором газеты, показал мне замятинское письмо и спросил мое мнение о напечатании письма. Я отсоветовал. В этом письме Замятин выступал против статьи «Руде право». Когда показали письмо Сталину, то он дал распоряжение печатать. В связи с этим у меня со Сталиным зашел спор. Мне было известно, что Замятин встречался с белоэмигрантами и в своих беседах делал недвусмысленные намеки. Я заявил Сталину, что Замятин не вернется и не надо печатать его. Сталин сказал: «Скорее всего он вернется, но легче себе нажать врага, чем приобрести друга». Я высказал ему свои опасения, но Сталин убедительно доказал мне, что письмо в силу ряда обстоятельств необходимо напечатать. Опубликовали.

— *А как же с Пильняком?*

И.Гр.: С именем Замятина всегда вспоминают и Пильняка. Пильняк как писатель очень неровный. После осуждения Замятина и Пильняка за публикацию их произведений за границей Пильняк был отправлен в командировку за рубеж. Вернувшись из-за границы, вскоре Пильняк написал новое произведение. На одном из вечеров у Пильняка (в его доме на Ямском поле) собрались К.Радек, А.Воронский, В.Осинский, Дюранти — корреспондент «Нью-Йорк Таймс» — и я. Пильняк читал нам свой новый роман: «Страна, в которой бандиты условились хорошо жить». После чтения роман все стали хвалить. Выступил я и сказал, что, начиная с названия, в произведении допущены ошибки. В Америке живет народ высокой культуры. (Кстати говоря, на Пильняка бандитизм произвел большое впечатление). Все мое выступление и дальше строилось в таком плане. После меня и другие стали высказываться критически и говорить о недостатках. Пильняк дважды переделывал роман. И он увидел свет под названием «О'кэй». Это было слабое произведение. «Повесть непогашенной луны» была частично использована троцкистами против руководства партии, против Сталина. Однако в одной из бесед со мной Сталин очень интересовался материальными условиями, жизнью Пильняка. Сталин даже просил оказывать ему всевозможную поддержку. Я заметил Сталину, что Пильняк средний

писатель и есть более талантливые, которые нуждаются в нашей поддержке. На что Сталин мягко возразил: «Он нужен нам не только как литератор». И действительно, почти каждый год Пильняк ездил за границу.

Чтобы уточнить некоторые детали, мне нужен мой архив. Его изъяли вместе со мной. Увезли мешков десять. Архив должен сохраниться, так как несколько раз меня заставляли дать расписку на его уничтожение. Я не дал. Где он только хранится? В НКВД или в Партийном архиве?

Сейчас надо собирать и сохранять все, что только осталось. Надо продолжать поиски архивов, документов, ибо они помогут дать ответы на многие вопросы.

Далее Иван Михайлович рассказывал о Василии Регинине, известном журналисте, о художниках, о вечере, состоявшемся у Викторины Кригер. Но этот рассказ Гронского не был записан мною, о чем я очень сожалею.

II

ПИСЬМО СТАРЕЙШЕГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ А.П. БИБИКА

В начале шестидесятых годов Центральный государственный архив литературы и искусства совместно с Институтом мировой литературы задумали осуществить серию сборников документов и материалов из истории литературных организаций. Первый выпуск был посвящен пролетарским организациям: Пролеткульту, «Кузнице», РАППу и другим.

В связи с этим было решено обратиться к ряду писателей за материалами. В частности, я послал письмо с вопросами старейшему беллетристу Алексею Павловичу Бибику (1877-1976). С четырнадцатилетнего возраста он начал работать на заводах Харькова, Таганрога, Баку, Мариуполя. Он рано примкнул к революционному рабочему движению. Несколько раз он арестовывался и ссылался. Первый его рассказ был напечатан в 1901 году. Известность он приобрел автобиографическим романом «К широкой дороге», который был напечатан в журнале «Современный мир» в 1912 году. Его роман как яркое правдивое слово о рабочих критики противопоставляли роману Горького «Мать». В 1920 году он отошел от общественно-политической деятельности. Ни в каких политических организациях не участвовал. В советское время он арестовывался несколько раз. В 1936-1957 его книги изымались из библиотек и уничтожались. Последние годы своей жизни он жил в Минеральных Водах.

Письмо Алексея Павловича Бибика должно было быть напечатанным в сборнике, но так и не увидело света. Многие живущие тогда участники литературной борьбы двадцатых годов возражали против публикации некоторых документов и материалов. Теперь это письмо с опозданием на тридцать лет публикуется впервые.

Уважаемый товарищ В.Нечаев!

К сожалению, то, что я могу сказать, для Вас будет явно недостаточно. И возраст, и время сохраняют в моей памяти лишь наиболее яркое, к тому же — в Москве я бывал редким гостем.

Вот запомнилось — и даже крепко запомнилось! — собрание писателей в доме на Б.Никитском в начале 1921 года. Я сидел между Н.Н. Ляшко и А.С. Новиковым-Прибоем, слушал пафосные выступления неведомых мне ораторов... и с каждым разом росло мое огорчение. Бия себя в грудь, они возглашали примерно такое:

— Русский пролетариат разорвал цепи рабства. Пролетариат России расправил свои орлиные крылья. Освобожденный народ выбросил в мусорный ящик литературу и все вообще искусство отечественных помещиков и буржуазии. Ныне задача советских литераторов и художников — дать новое содержание и в новой форме. Довольно с нас поэзии царедворца Пушкина! Хватит умиляться творениями Льва Толстого, дряхлого старика и жалкого непротивленца! Героический пролетариат, совершивший Октябрьскую революцию, совершит революцию и в области искусства.

Как заключительный аккорд, было биение в якобы пролетарскую грудь.

— Кто они, эти «пролетарии»? — спросил я Ляшко.

— А я и сам не знаю, — хмуро ответил он.

«Силыч» сердито пожал плечами.

— Черт знает! Вроде каких-то... Иванов Непомнящих.

Дело прошлое, и теперь я могу сказать: только два дня назад (до собрания) я получил доступ к кислороду, но дал подписку воздержания от публичных выступлений. Но мое возмущение ниспровергателями и возмущение молчанием зала было так велико, что я не выдержал испытания, потребовал слова.

Слово было короткое, сущность его, приблизительно, такова.

— Я считаю себя пролетарием, и даже — наследственным. С божьей помощью я давно уже разбираюсь где наше, а где чужое. Разобрался я и в ошибках Льва Николаевича Толстого. Но и за вычетом ошибочного, остается много, — целая гора остается! Без Льва Толстого трудно представить Россию полвека назад и даже сегодня. Вот почему, когда он ушел, я, бывший токарь, плакал. Да, плакал! И сегодня не стыжусь этих слез. Ну, а что касается Пушкина, Александра Сергеевича, то пьедестал под ним чертовски прочен, и нас переживет.

Поднялся галдеж. Были ль «свергатели» призваны к порядку — не знаю: зная мою горячность, Ляшко и Силыч увели меня на улицу.

Так вот какие моменты были в истории советской литературы. Шумели футуристы и декаденты, имаженисты [так! — В.Н.], акмеисты, левовцы. Позировал РАПП. К этому именно моменту безрассудного опорочения, ниспровергательства и легкомысленного отказа от дорогого наследства великих мастеров слова дореволюционной России, — к этому моменту, думаю мне, и надо отнести возникновение литературного объединения «Кузница».

Смею утверждать, что «Кузница» возникла как противопоставление декларациям фальшивых «пролетариев». И если бы я почувствовал дух спекуляции и демагогии, я, гордящийся званием пролетария, в «Кузницу» не пошел бы.

Возможно, что я, живший «на отшибе», не во всем был осведомлен и в тогдашнем галдеже плохо разбирался. Но уже то, что в активе организации были Н.Ляшко, А.Новиков-Прибой, В.Шишков, Ф.Березовский, А.Веселый, В.Бахметьев, Ф.Гладков, А.Чапыгин, — было для меня гарантией полной добротности взятого курса.

Если галдеж «новаторов» признать исторически закономерным, то так же закономерно было и его отмирание. Здравый рас­судок и здоровое чувство эстетики восторжествовали, драгоценное наследство наших предшественников в литературе и искусстве ныне принято с глубокой благодарностью. Равнение по Пушкину в поэзии и по Льву Толстому в прозе — стало мечтой советского писателя. И «Кузница» стала не нужной.

Как проходила внутренняя жизнь «Кузницы», не знаю. Поэтому и причины выхода из нее поэта Герасимова и других мне не ясны. И все же... Когда я сопоставляю уход от самой жизни Есенина, Александровского, Л.Соболя, Герасимова, и даже самого шумного из них — В.Маяковского, — то невольно задумываюсь: а нет ли в этом уходе, в этой сдаче боевых позиций — какой-то общей причины?

Поспешным словом не хочу тревожить, а тем более — порочить их память. Хорошие были певцы! И все же... все же, у всех их было одно и то же уязвимое место: незавершенное мирозерцание, неясность исторической перспективы. А ведь ясность в том и другом — главная опора во всех испытаниях жизни, как бы сложны и суровы они не были. Умение поставить то или другое явление в общественной жизни на его историческое место, а в трудный час испытания не потерять перспективу — это ведь и есть то, самое ценное, что дает нам диалектика, материалистический взгляд на историю человечества.

У певцов «Ржаного Спаса», к сожалению, этого не было. Факты, — яркие факты! — а не кропотливо усвоенные факторы —

привели этих певцов в лагерь Революции. И те же факты начала социалистического строительства на голом месте, да еще методами пресловутого «культа» — погасили в них первоначальный энтузиазм.

С приветом

А.Бибик

3/XII [19]60 г.
Минеральные Воды

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

Г.А. Морев

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1910-х ГОДОВ: К БИОГРАФИИ ЛЕОНИДА КАННЕГИСЕРА

В истории русской словесности имя Леонида Иоакимовича Каннегисера (1896-1918), безусловно, принадлежит к тем поэтическим именам, историко-культурное значение которых, по слову Тынянова, «обосновано смертью»¹. Эта определяющая в посмертной судьбе Каннегисера особенность, как и феномен его мгновенной (хотя и далекой в своей специфичности от поэтической) славы, не столь, кстати, кратковременной, как предполагалось немногими писавшими о нем, были тотчас отмечены современниками: «освещенное огнем револьверного выстрела имя Леонида Каннегисера на одно только мгновение стало известным широким кругам современников. Скупой, отраженный луч славы бывшего главы коммунистического террора скользнул безразлично по фигуре убийцы, оставив во мраке его жизнь, и личность, и путь, которым шел он, прежде чем судьба толкнула его на порог вестибюля "чрезвычайки" в роковой для Урицкого день»². Собственно, единственной (если не считать цитиро-

¹ Из письма Тынянова Шкловскому (март — апрель 1927). Цит. по кн.: Тынянов Ю. Поэтика: История литературы: Кино. М., 1977. С.519.

² В.П. Леонид Каннегисер // Камена. Кн.2. [Харьков], 1919. С.30. Ср. в статье (фактически некрологе!), опубликованной через 5 дней после убийства Урицкого: «Если для широких кругов читателей имя Л.А. Каннегисера было до сих пор неизвестным /.../» (Л.Н[икулин]. Поэт Леонид Каннегисер // Зритель. [Киев]. 1918. 5 сентября. №3. С.6. Курсив в тексте цитаты наш. — Г.М.). Оговоримся, что написание фамилии *Каннегисер*, встречающееся в самых различных вариантах (Канегиссер, Каннегиссер, Каннгисер и — даже — Кенигиссер), приведено нами — без специальных указаний — во всех цитируемых источниках к единственно правильному, практиковавшемуся как самим поэтом, так и его близкими. Заметим одновременно, что в текстах современников написание этой фамилии часто служит своеобразным «индикатором» близости автора и к Каннегисеру, и к его кругу и, таким образом, является одним из ориентиров в определении точности того или иного свидетельства.

ванной выше статьи) попыткой представить сколько-нибудь цельно личностность и творчество Каннегисера было издание, к десятилетию со дня его гибели, сборника «Леонид Каннегисер. Статьи Г.Иванова, М.А. Алданова, Г.Адамовича. Из посмертных стихов Л.Каннегисера» (Париж, 1928), включившего, помимо мемуарных очерков близких Каннегисеру людей, почти все его поэтической наследие³.

Однако попытки авторов сборника разрушить изобретенную, кажется, Е.Зноско-Боровским и многократно воспроизведенную впоследствии формулу «поэт-мститель»⁴ и «вывести» Каннегисера из ряда «четырех К»⁵, представив в несомненно органичном для него контексте петербургской литературно-художественной среды 1910-х, предпринятые хотя и не впервые⁶, вызвали (прежде всего применительно к полемически выразительному в изображении «богема» очерку Георгия Иванова) противодействие политически ангажированной критики. Так, анонимный рецензент эсеровской «Воли России» не преминул отметить: «Крайне досадное впечатление в этом сборнике производит статья Георгия Иванова, который даже и к Каннегисеру подошел с точки зрения "Бродячей собаки"». Георгий Иванов способный рассказчик — может интересно писать о богеме времен его молодости. /.../ Но лучше было бы, если бы он не применял свой жанр к таким событиям, как смерть Чеботаревской и судьба Каннегисера»⁷.

³ За пределами сборника остались: переложение «Гимна» Виктора Гюго (Северные записки. 1914. №IX-X) и стихотворения «На новый год» (Петроградские вечера. Кн.4. Пг., 1915), «Первичных нег прилежный ученик...» и «Зачем прерваторность разгадав...» (Северные записки. 1916. №1).

⁴ См.: Зноско-Боровский Е. Поэт-мститель (Л.Каннегисер — убийца Урицкого) // Иллюстрированная Россия. 1928. №49. С.8-9. Ср. также: Леонид Каннегисер, поэт-террорист // ЛГ-Досье. 1991. №9. С.8; Теленюк С. Поэт с револьвером в кармане // СПб. ведомости. 1991. 30 ноября. С.4; Рябинин Ю. Поэт казнит палача // Литературные новости. 1992. №9.

⁵ Название стихотворения К.Бальмонта, обыгрывающее совпадение начальных букв фамилий террористов — Каннегисера, Ф.Каплан, Б.Коверды и М.Конради.

⁶ См. в мемуарных заметках Ф.В. Иванова «Старому Петербургу (что вспомнилось)»: «Милый Левушка [sic!] литературных салонов, паж многих литературных дам /.../ Он пишет стихи и завсепатай "Бродячей Собаки". Кто он? Просто милый, балованный Левушка» (Жизнь. Вестник мира и труда. [Берлин], 1920. №9. С.18). Упоминания о посещениях Каннегисером «Бродячей собаки» см. также в указ. статье Л.Никулина, а также в Дневнике М.А. Кузмина (8 февраля 1914). Выступления Каннегисера на «поэтических четвергах» в «Привале комедиантов» печатно зафиксированы лишь единожды — в программе «Вечера поэтов» 12 декабря 1916 (см.: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. 1988. М., 1989. С.133). Замечательно, что со ссылкой на «показание свидетелей по делу об убийстве» Урицкого утверждения о том, что Каннегисер «часто кутил в разных притонах, как-то в "Привале комедиантов", "Борзой [sic!] собаке"», приводятся и в биографии Урицкого, изданной в 1929 (см.: Уралов С.Г. Моисей Урицкий. Л., 1929. С.124).

⁷ Воля России. 1929. №5-6. С.191. См. также другие отклики: ТРБ [П.Пиль-

«Двойственность» облика Каннегисера отмечалась, за редкими исключениями, всеми писавшими о нем: «Два противоположных начала носил в своей душе этот человек: склонность к созерцательному, расслабляющему наслаждению и бланкистскую динамику действия. Политическая стихия, рванувшаяся в феврале 1917 г., дала огромный перевес последней»⁸.

И хотя сопротивление этому перевесу в глухой полемике с текстом газетной хроники заметно уже в первых откликах на события 30 августа 1918 — «петроградская литературная богема слишком хорошо знала не "юнкера и студента", а поэта Леонида Каннегисера» и (слова, через девять лет буквально повторенные Георгием Ивановым) «человек, убивший Урицкого, был поэтом»⁹ — политическая риторика и язык идеологических клише, несомненно, возобладали в освещении фигуры Каннегисера. В зависимости от партийной принадлежности авторов утверждался или образ «юнкера, бегущего после убийства пролетарского вождя под сень английской торговой палаты, чловечка, заявляющего, что он — "еврей, но из дворян", /.../ боящегося своего еврейства, напирającego на свое дворянство, и в то же время объявляющего себя социалистом юного белогвардейца»¹⁰, или — с другой стороны — образ «на редкость искреннего, чистого, несколько фанатичного работника» с большой «выдержкой и твердостью характера»¹¹, горячо любящего Россию¹².

ский]. Конец Л.Каннегисера // Сегодня. 1928. 28 ноября; Лукаш И. Каннегисер // Возрождение. 1928. 1 декабря; Демидов И. О чем говорит эта книга // Последние новости. 1928. 6 декабря; Зайцев К. Памяти Каннегисера // Россия и славянова. 1928. 8 декабря. Знаменательно, что в последние годы именно очерк Г.Иванова привлек, в первую очередь, внимание отечественных издателей и публикаторов, ограничивающихся его полной или частичной перепечаткой и контаминирующих (часто без ссылок) в преамбулах и послесловиях факты, сообщенные в имеющихся к сегодняшнему дню публикациях о Каннегисере, вместе с поспешными заявлениями о «невозможности» «прочитать жизненный путь Каннегисера так, как это следовало бы сделать» (Богомолов Н.А. Террор и поэзия // ЛГ-Досье. 1991. №9. С.8; см. также: «Я вспомню — Россия, Свобода, Керенский на белом коне...» / Публ. Л.Поликовской // Столица. 1991. №10).

⁸ В.П. Леонид Каннегисер // Камена. С.31.

⁹ Л.Н[икулин]. Поэт Леонид Каннегисер // Зритель. С.6; В.П. Леонид Каннегисер // Камена. С.30.

¹⁰ Бухарин Н. Ленин — Каплан, Урицкий — Каннегисер // Петроградская правда. 1918. 5 сентября. С.2.

¹¹ Из показаний В.И. Игнатьева, члена ЦК партии народных социалистов, данных во время процесса по делу правых эсеров в 1922 г.: Красная книга ВЧК. Изд. 2-е. Т.2. М., 1990. С.100. Любопытно, что, по свидетельству М.М. Филоненко, в октябре 1918 Игнатьев был автором «нескольких, действительно, прочувствованных, достойным языком написанных строк, посвященных светлой памяти Л.А. Каннегисера» в газете «Возрождение Севера» (см.: Максимилиан Ф[илоненко]. Милые бранятся, только тешатся // Отечество. [Архангельск], 1918. 10 октября. С.1; номер издававшейся в Архангельске газеты «Возрождение Севера» со статьей Игнатьева остался нам недоступен).

¹² Н.Н. Белые террористы // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. №1 (XIV). С.148.

Понятно, однако, что упор на «психологических мотивах политического террориста»¹³ и докучливое в заранее очевидной предопределенности результатов разбирательство советских историков в вопросе о том, «кто руководил убийством М.С. Урицкого?»¹⁴, хотя и имели определенное значение для уяснения подробностей и обстоятельств последнего года жизни Каннегисера, лишь увеличивали число тех «отрывочных строк о его /.../ судьбе», о необходимости «расширения» которых «до связного биографического очерка» было заявлено недавно в едва ли не единственной к сегодняшнему дню архивной публикации о Каннегисере¹⁵, только расширяющей, впрочем, круг требующих комментария сведений.

В контексте сказанного ясна важность публикуемых ниже воспоминаний Ольги Гильдебрандт-Арбениной (1897-1980). Существенно уточняя наши сведения об окружении Каннегисера и, в более общем плане, расширяя персоналию «людей 1910-х годов», воспоминания О.Н. Гильдебрандт (как это свойственно и другим ее мемуарным текстам¹⁶) отталкиваются от уже известных свидетельств. В данном случае такой «основой» служит «Нездешний вечер» Цветаевой. Оставшийся до сих пор единственным печатным источником сведений о «домашнем» круге общения Каннегисера¹⁷, очерк Цветаевой был написан как отклик на известие о смерти Кузмина в марте 1936. Смерть Кузмина, лично Цветаевой не близкого, не случайно вызвала к жизни прозу, одним из героев которой стал Каннегисер. Причину здесь не только биографические обстоятельства — единственная встреча Цветаевой с Кузминым состоялась в доме Каннегисеров в середине января 1916 — Кузмин, несомненно, был одним из главных ориентиров как в поэтических опытах и в философско-эстетических построениях Каннегисера¹⁹, так и для всего его поколения, начавшего

¹³ Х. Несколько слов о Каннегисере // Голос минувшего на чужой стороне. 1927. №5 (XVIII). С.317.

¹⁴ См. одноименную главу в книге Д.Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР» (М., 1986. Кн.2. С.220-224).

¹⁵ Мартынов И.Ф. «Последний народоволец»: новый штрих к портрету Л.А. Каннегисера // Вестник РХД. 1990-II. №159. С.209. Укажем на первый опыт такого очерка — ценную фактическими данными, впервые собранными воедино, новейшую статью А.А. Морозова в словаре «Русские писатели. 1800-1917» (Т.2. М., 1992. С.461).

¹⁶ См.: Гильдебрандт О.Н. М.А. Кузмин / Предисловие и комментарии Г.А. Морева. Публикация и подготовка текста М.В. Толмачева // Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992.

¹⁷ См. важное для понимания традиций и атмосферы дома Каннегисеров письмо И.С. Каннегисера актрисе М.Г. Савиной от 24 февраля 1910, где он аттестует себя «как товарища и друга великих писателей и поэтов нашей родины», которым «с юности поклоняется» (РГАЛИ. Ф.853. Оп.2. Ед.хр.627).

¹⁸ Дарственная надпись Цветаевой Елизавете Каннегисер, вероятно, на сборнике «Из двух книг» (М., 1913; сохранился лишь фронтиспис с инскриптом — ОР РНБ. Ф.150) датирована 17 января 1916. Инскрипт Цветаевой опубликован и прокомментирован М.В. Толмачевым (см.: Толмачев М. Пять книг с автографами Марины Цветаевой // Альманах библиофила. М., 1986. Вып.20. С.158).

¹⁹ Основанием для реконструкции — хотя бы частичной — последних, помимо фрагментов дневника Каннегисера (см.: Боков Н. Живы ли дневники Каннегисе-

активно утверждаться в культурной жизни столицы в 1914-1915, но, как уже отмечалось, «не успевшего к началу войны художественно сформироваться и по большей части обреченного на "перепевание" старших»²⁰.

Текст О.Н. Гильдебрандт отличает своеобразная персонажная «перенасыщенность» (становящаяся основным предметом комментирования), чрезвычайно ценная в свете особой, формирующей роли человеческих отношений и «бытового устава» молодой петербургской литературы в личной и литературной судьбе Каннегисера.

Так, его недолгая печатная жизнь оказывается определена не рамками «цеховой» или кружковой близости, а именно человеческой приязнью и «домашним» родством²¹, а стиль поведения «одного из самых петербургских петербуржцев»²² в изложении мемуаристов демонстрирует

ра? // Русская мысль. 1978. 13 апреля. С.12), опубликованных М.Алдановым в очерке «Убийство Урицкого», — служат: рецензия (за подписью Л.К.) на «Четки» Ахматовой (Северные записки. 1914. №5) с осуждением «болезненной привязанности к страданию», «отчужденности от природы и широкого мира» и констатацией «Пантеизм чужд ей совсем» и корреспондирующей с этим отзывом свидетельство Есенина: «Он [Каннегисер] мне объяснял о моем пантеизме и собирался статью писать» (из письма В.С. Чернявскому, июль 1915 // Есенин С. Собр. соч.: В 6 тт. Т.6. М., 1980. С.63; выделено в тексте Есениным; ср. также позднее [1963] мемуарное свидетельство Ахматовой о разговоре с Каннегисером в марте 1914, «в дни выхода "Четок"» «на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народовольцев» у С.И. Чацкиной. — Литературное обозрение. 1989. №5. С.13).

²⁰ Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Указ. публ. С.98-99.

²¹ Сотрудничество Каннегисера в «Северных записках» (единственный журнал, числивший его имя в списке постоянных сотрудников в 1916) не в последнюю очередь объясняется родственными связями, что не укрылось от внимания современников — 2 декабря 1914 Кузмин отмечал в Дневнике: «Был Каннегисер /.../ Перевод его [«Гимн» В.Гюго — первая поэтическая публикация Каннегисера. — Г.М. напечатан в "Сев[ерных] Зап[исках]"», Сакер-то его дядя» (здесь и далее Дневник цитируется по тексту, подготовленному к изданию С.В. Шумихиным). Я.Л. Сакер (?-1918) — муж издательницы журнала С.И. Чацкиной, был братом матери Каннегисера. Дружба с Кузминым и Е.Нагродской вводит Каннегисера в круг авторов «Петроградских вечеров», а единственная не столь очевидная в этом смысле публикация «Стихов о Франциске» в «Русской мысли» (1915. №VIII) относится, скорее, к разряду исключений, подтверждающих правило. Утверждение о том, что Каннегисер также «часто бывал в литературном салоне Гиппиус, которая любила его за романтизм и идеализм» (Pachtuss Temira. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P.425), не подкрепленное автором какими-либо обоснованиями, опровергается свидетельствами самой Гиппиус; так, в дневниковой записи 1 сентября 1918, фиксируя (в скобках!) имя убийцы Урицкого — «студ[ент] Каннегисер» — она никак не упоминает ни о личном с ним знакомстве, ни о его литературной деятельности, по-видимому, ей вовсе неизвестной (см.: «Черные тетради» З.Гиппиус / Публикация М.М. Павловой и Д.И. Зубарева // Звенья: Ист. альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.113). В письме 1926 г. (к Г.Адамовичу), упоминая Каннегисера, Гиппиус делает две ошибки в написании его фамилии (Pachtuss T. Ibid. P.340).

²² Из воспоминаний Г.Адамовича в сборнике «Леонид Каннегисер...» (Указ. изд. С.55).

сознательное следование «основным законам хорошего тона»²³, принятым в кругу петербургской литературной молодежи 1910-х и тогда же текстуально эксплицированным, как например, в дружеском посвящении М.Струве, портретирующем, скорее, не адресата — М.Бабенчикова, известного в будущем искусствоведа, — а некий общий для этого круга тип:

М.В. Бабенчикову

Порою грезящий незримым идеалом,
Порой мечтающий о чем-то небывалом,
Порой язвительный, порою очень нежный,
Всегда утонченный, всегда слегка небрежный, —
Проходишь Ты свой путь, Хандры и Муз дитя,
Комически молясь, трагически шутя...
А в общем — для друзей готов в любой момент
Искусный каламбур и тонкий комплимент.

2.XI.1913²⁴

Рисуемый в этих иронических строках «двоящийся» образ характерен, как характерно и отмечаемое многими источниками упорное стремление Каннегисера эту двойственность преодолеть, ставшее, по признанию Г.Адамовича, основной темой его поэзии²⁵.

Пытаясь проследить путь этого преодоления, приведший поэта к гибели в застенках ЧК, нельзя не отметить свойственное Каннегисеру в высшей степени сознательное отношение к творимому им «биографическому тексту» — «переживаемый миг /.../ всегда был отодвигаем им для эстетической перспективы»²⁶. Именно в этой перспективе становится важным и еще одно наблюдение Цветаевой, сделанное ею задолго до написания «Нездешнего вечера», под впечатлением только что полученного известия об убийстве Урицкого. Занося в записную книжку эмоциональную характеристику личности убийцы, Цветаева в уже известный ряд отличий (изнеженность, томность) добавляет еще одно, новое — «пушкинианец»²⁷.

²³ Из воспоминаний Г.Адамовича в сборнике «Леонид Каннегисер...» (Указ. изд. С.57). Инн. Оксенов в своих неопубликованных воспоминаниях, говоря о «"русском дэндизме" "десятих годов», также характеризует Каннегисера, как «одного из лучших, в своем роде, представителей "дэндизма"» (частное собрание).

²⁴ ОР РНБ. Ф.124. Ед.хр.4168. Одно из выразительных *bon mots*, принадлежащих Каннегисеру, сохранено памятью Ахматовой (см.: Литературное обозрение. 1989. №5. С.13).

²⁵ См. сб. «Леонид Каннегисер...» Указ. изд. С.55.

²⁶ В.П. Леонид Каннегисер // Камена. С.31.

²⁷ Цветаева М. Выписки из прежней записной книжки, верой и правдой служившей мне с 1 июня 1918 по 14 февраля 1919 г. / Публикация Л.Мнухина // Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien, 1992. С.235. В 1921 в письме к Кузмину Цветаева, описывая дом Каннегисеров, отметит следующую деталь — «у всех молодых людей проборы — и томики Пушкина в руках» (цит. по кн.: Полякова С.В. [Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок. [Ann-Arbor], 1983. С.110).

Феномен «жизненного пушкинианства», проанализированный в недавней статье И.А. Паперно²⁸, должен быть рассмотрен применительно к фигуре Каннегисера не только потому, что в данном случае имеет ряд обосновывающих его биографических обстоятельств²⁹, заставляющих предположить неслучайность брошенной вскользь цветаевской характеристики, но и в связи с включенностью в него «представления о символическом смысле смерти Пушкина» и «идеи смерти, "похожей на самоубийство"», т.е. смерти как акта волеизъявления», превращающей «смерть в последнее, завершающее звено целостной биографической структуры»³⁰. Выразительное свидетельство М.Алданова о чтении Каннегисером пушкинского «Кинжала» весной 1918 и о состоявшемся затем разговоре о Занде³¹ дает основания связывать эту приверженность «пушкинскому мифу» — в ряду других фактов (традиций дома, пафоса отщепенца³²) — с событиями 30 августа 1918. Выстрел в облученного неограниченной властью тирана, каковым представлялся Каннегисеру Урицкий³³, и явился таким «завершающим звеном» в биографии поэта, как бы предугаданным в стихах еще годом ранее:

Умрем — исполним назначенье,
Но в сладость претворим сперва

²⁸ Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley — Los Angeles — Oxford, [1992].

²⁹ Помимо «внешней», так сказать, «стилизаторской» ориентации круга молодых петербургских поэтов на пушкинскую эпоху (ср. описание «подвала» К.Ляндау и собраний в нем в воспоминаниях М.В. Бабенчикова: см. наш комментарий к воспоминаниям О.Н. Гильдебрандт, ниже, с.137), немаловажно и то, что как минимум трое из близких Каннегисеру людей входили в университетский кружок поэтов, тесно связанный с Пушкинским обществом и Семинарием С.А. Венгерова, — Д.Л. Майзельс, Н.А. Оцуп (впоследствии участник сборника «Арион» [Пб., 1918]) и Н.К. Бальмонт (см.: Тименчик Р.Д. По поводу «Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. V-4. P.316; Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979; Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С.99). Не исключено и участие Каннегисера в «Вечере молодых поэтов» в Пушкинском обществе 14 ноября 1916 (см. газетный отчет Е.К[олтоновской?] — Речь. 1916. 21 ноября. С.4).

³⁰ Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Указ. изд. С.32-33.

³¹ См.: Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 тт. Т.6. М., 1991. С.491-492.

³² Ср. указания на близость дому Каннегисеров Г.А. Лопатина, а также Б.В. Савинкова и М.М. Филоненко. О двух последних и о друге Каннегисера, В.Б. Перельцеве, расстрелянном ЧК, — см. в комментариях к тексту О.Н. Гильдебрандт, ниже, с.142).

³³ Интересно, что в июне 1918 на конференции Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией фракцией РКП предлагалось «предложить ЦК партии отозвать т.Урицкого с его поста в Петроградской Чрезвычайной Комиссии и заменить его более стойким и решительным товарищем» (см.: Неизвестная Россия. XX век. 1. М., 1992. С.30). Об отрицательной позиции Урицкого в вопросе о применении террора см.: Уралов С.Г. Указ. изд. С.116-117.

Себялюбивое мученье,
Тоску и жалкие слова.
Пойдем, не думая о многом —
Мы только выйдем из тюрьмы,
А смерть пусть ждет нас за порогом,
Умрем — бессмертны станем мы.

Предваряя мемуарные заметки О.Н. Гильдебрандт, можно заметить, что если они и написаны не «с точки зрения "Бродячей собаки"», то, во всяком случае, по причинам сугубо биографическим: О.Н. была слишком молода, чтобы бывать там. Встреча с Каннегисером — видимо, первое «литературное» знакомство О.Н. (из тех, о которых она оставила воспоминания³⁴) — произошла до ее знакомства с Гумилевым в 1916, Мандельштамом, Юркуном и Кузминым в 1920-м. Сверстники, они встретились в 1914 — в год окончания ими гимназии и поступления Каннегисера — в Политехнический институт, а О.Н. — на Женские педагогические курсы новых языков М.А. Лохвицкой-Скалон.

Сохранившийся дневник девятнадцатилетней Ольги Арбениной (сценический псевдоним отца О.Н. — актера, театрального критика и переводчика³⁵, — принятый ею при поступлении в 1916 в Школу русской драмы — Императорское театральное училище и сохраненный в годы выступлений в труппе Александринского театра [1919-1923]) доносит до нас некоторые — впрочем, весьма скудные — подробности их отношений: «11 сентября, день [1916]. /.../ А год тому назад, как раз, я вступила в "влюбленность" с Лней! Ах, и это — тогда яркое — померкло перед страстной любовью его слов!»; «8 окт[ября 1916]. ...Вот Сергей К[аннегисер] все еще влюблен в Мими. Его брат изменчивей. (Но что мне до его брата?); «17 окт[ября 1916]. Ел[ена] Ар[нольдевна] видела третьего дня Леню в трамвае. Он "облазил [?] весь город, чтоб достать бутылку шампанского". "Облазил". — (Какой-нибудь даме?) — Сказал: "Я так давно не видел Олечку А.!.. Что она?" Сказал, что у меня слабый голос для сцены, — и что я хорошенькая. —»³⁶

³⁴ Помимо указ. выше воспоминаний о Кузмине, О.Н. принадлежат мемуары о Гумилеве, подготовленные к печати М.В. Толмачевым и Т.Л. Никольской (в сб.: Н.Гумилев: Исследования: Материалы: Библиография. СПб., в печати), Мандельштаме (частное собрание), Юркуне (рукопись в частном собрании). Имеется также ряд небольших по объему заметок, посвященных О.А. Глебовой-Судейкиной, Л.Ю. Брику (рукописи в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме), В.Э. Мейерхольду (частное собрание) и похоронам Блока (см.: Два свидетельства. К 70-летию смерти А.Блока / Публикация Г.Морева // Русская мысль. 1991. 9 августа. С.15). В частном же собрании находится машинописная копия Дневника М.А. Кузмина 1934 года (записи с мая по декабрь; оригинал неизвестен) с многочисленными рукописными комментариями и заметками О.Н. Гильдебрандт.

³⁵ Подробнее о Н.Ф. Гильдебрандт-Арбенине и семье О.Н. Гильдебрандт см.: Балабанович Е. Современные вспоминают // Вопросы литературы. 1980. №1; Художники группы «Тринадцать» / Сост., вст. ст. М.А. Немировской. М., 1986. С.152-153.

³⁶ РГАЛИ СПб. Ф.436. Оп.1. Ед.хр.5. Л.7, 190б., 21. Об упомянутых в записях С.И. Каннегисере, Мими Черновой и Е.А. Левенстерн см. ниже, с.137.

Через 30 лет О.Н. Гильдебрандт вновь упомянет имя Каннегисера в дневниковой записи: «22 янв[аря 1946]. Неужели я несу гибель тем, кого я люблю, и кто меня любит? /.../ Погибли Гумилев и Ляня. Сошел с ума и умер Никс [Бальмонт]. /.../ Погиб Мандельштам. /.../ Я приношу несчастье, я, которой говорили, что я символ счастья и любви»³⁷. Эта запись, как и написанное вскоре трагическое письмо «на тот свет» Ю.И. Юркуну³⁸, о расстреле которого в 1938 О.Н. долгое время не знала, надеясь на его спасение в десятилетнем заключении «без права переписки», объявленном в приговоре, — отразили всю глубину постигшей ее человеческой трагедии, когда казалось, что «жизнь ушла... Кончилась... больше (в реальной жизни!?) ничего не будет... Только смерть /.../»³⁹.

Обращение к прошлому, к годам молодости, освященным памятью о Гумилеве, Каннегисере, Кузмине и Юркуне и многих других, в чьих судьбах О.Н., по ее собственным словам, «осталась тенью»⁴⁰, постоянно в ее дневниках. Несмотря на непреходящее ощущение, что «вспоминать /.../ прошлое очень печально», О.Н. утверждала, что «тайнственного и запретного ничего нет»⁴¹ и в последние годы жизни, идя навстречу уговорам и расспросам друзей, стала записывать свои воспоминания.

Рукопись, посвященная дому Каннегисеров и озаглавленная ею «Саперный, 10», хранится ныне в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Хотелось бы поблагодарить Б.И. Колоницкого, Р.Б. Попова и М.В. Толмачева за помощь при работе над комментарием.

³⁷ РГАЛИ СПб. Ф.436. Оп.1. Ед.хр.11. Л.25об. О Н.К. Бальмонте см. ниже, с.134.

³⁸ См.: Письмо О.Н. Гильдебрандт-Арбениной Ю.И. Юркуну. 13.02.1946 / Публикация и комментарии Г.А. Морева // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С.244-256.

³⁹ РГАЛИ СПб. Ф.436. Оп.1. Ед.хр.11. Л.31об.; запись от 11 февраля 1946.

⁴⁰ Гильдебрандт О.Н. М.А. Кузмин // Лица. Указ. изд. С.270.

⁴¹ Художники группы «Тринадцать». Указ. изд. С.152.

Марине Ив[ановне] Цветаевой (на тот свет)
Вике¹ — вместо Марины, на этом!

Дом существует. На доме (на крыше) какая-то архитектурная деталь². Креститься на Дом нельзя — это не церковь. Перекрестить его можно — пусть существует долго, долго — так как «вечного» ничего на земле нет.

Меня туда мама³ не пускала, а слышала о нем много. Там бывало очень весело и интересно. В Доме жил Лёня (или Лёва, проносилось и так, и так).

Впервые Лёню (или Лёву) увидела я в кв[арти]ре Левенстерн, моих знакомых, на Литейном⁴. Был домашний концерт. Мы в прилегающей гостиной познакомились — и втроем уселись разговаривать. Неприлично проговорили весь концерт. Меня потом очень ругали. Когда в моей жизни были интересные и памятные дни, это почти всегда было под запретом, и с моей стороны всегда были «срывы» поведения: не то, что положено! Втроем? третий собеседник — Чернявский, Владимир Степанович (потом — Володя)⁵, поклонник Блока, который почти сразу с этого дня стал мне звонить, писать и обещал «привести» к Блоку⁶. Больше всего и говорил он тогда. Лёня говорил немного, сидел спиной к окну; все — за круглым столом: за стеной — шел концерт.

Володя Ч[ернявский] говорил о Блоке, притягивая мой интерес чем-то взятым из роли Бертрана перед пустельгой Изорой — из «Розы и Креста». Лёва говорил немного, я мало смотрела в его сторону, но от его египетских глаз шли — для меня — горячие волны, как будто открыли дверь в оранжевую.

Сестры Левенстерн — будущие владелицы Муз[ыкальной] школы⁷ знали семью К[аннегисеров], и от них я узнала многие подробности. В квартире К[аннегисеров] бывали любительские спектакли, и мою старшую сестру Марусю⁸ приглашали играть в Блоковской пьесе «Балаганчик»⁹. Сестра училась в театр[альной] школе, но она предпочитала Чеховский и более реальный репертуар, а к «декадентам» была равнодушна. Потом она полюбила всех поэтов, кот[орых] надо было любить, но я, младшая, была пионеркой. Вместо сестры «играть» туда пошла ее подруга детства, Мими¹⁰ (тоже из театр[альной] школы, но другой). Помню, какой интересный костюм подготовила Мими для «второй пары влюбленных» (т.е. демонической). Мими была очень хорошень-

кая, смуглая брюнетка, и многих «там» очаровала. Я о ней пишу потому, что наши судьбы связаны с квартирой К[аннегисеров].

Из известных мне (тогда) людей в «Балаганчике» играл К.Ляндау¹¹ (III пара; «Средневековье». Он был высоченный).

Лёва никогда не играл.

Второй спектакль был «Как важно быть серьезным» Уайльда и «Дон Жуан в Египте» Гумилева¹². Джека играл Сергей Акимович (т.е. Сережа)¹³, Гвендолен — их сестра, Loulou¹⁴. Альджернона — Никс Бальмонт¹⁵, и Сесили — Мими. Сесили — моя будущая роль (в театр[альной] школе и в театре)¹⁶. Мими играла Американку в «Дон Жуане», а самого Дон Жуана — Чернявский¹⁷. (Обладатель самого красивого голоса на свете. Это мое мнение подтвердили потом Антон Шварц и Дм.Журавлев¹⁸, вспоминавшие потом (в разное время) этот голос и этого человека. Ч[ернявский] работал на радио одно время. Все пластинки с Лермонтовым и Блоком во время войны были уничтожены¹⁹).

Я в то время все время училась²⁰ и мало где бывала. Но был один вечер, когда я видала всех трех. Лёва был во фраке, с белым цветком в петлице, и они стояли рядом с Никсом Бальмонтом (рыжий, с фарфоровым розоватым лицом, зеленоглазый, и на лице — нервный тик! прелесть, для моего, вероятно, извращенного вкуса!). Никса в университете звали «Дорианом Греем». Никс говорил своей сестре Ане (Энгельгардт)²¹, что, вероятно, такой как я, была бы его покойная сестра, Ариадна — (Бальмонт)²², — меня часто путали потом с Аней, хотя она была смуглее, темнее и, по моему, много красивей.

Помню стихи Лёвы, прочитанные мне:

«Я падаю лозой надрубленной,
Надрубленной серпом искусственным...
Я не любим моей возлюбленной,
Но не хочу казаться грустным...»

Мне это очень понравилось, но как можно было *не любить* подобного человека?

Аня насплетничала, что стихи можно читать и так: «Я падаю стеблем надрубленным» и т.д.* Я тоже не смутилась!

Он одевался всегда *comme il faut*. Кроме фрака (когда он был нужен), очень строго. Никакой экстравагантности, никакой теат-

---

* Я падаю стеблем надрубленным,
Надрубленным серпом искусственным,
Я не любим моим возлюбленным,
Но не хочу казаться грустным... (Прим. О.Н. Гильдебрандт).

ральности. Театральность (байронизм) была в самом лице. Иногда он слегка насмешничал. Не обидно, слегка. Иногда в его голосе была какая-то вкрадчивость. Думаю, так бывает у экзотических послов, одетых по-европейски.

Руки — сильные, горячие, и доказал он, что может владеть не только книжкой или цветком...

Я не соглашаюсь с впечатлением Марины Цв[етаевой] о «хрупкости» Лёвы²³. Он был высокий, стройный, но отнюдь не хрупкий. Слегка кривлялся? Слегка, да. Глаза — черные в черных ресницах, египетские. Как-то говорил мне, что очень любит «Красное и черное» Стендаля. Я еще не читала тогда. Стендаль (до Пруста) был тогда в моде.

После вечера, когда Лёва был во фраке, оба они с Никсом куда-то исчезли, а со мной остался (проводить меня в машине) Володя, «зачинатель» моей эфемерной славы. Мы «подвезли» Аню (в ярко-розовом, я была в дымно-розовом) и Врангеля (тоже барона, только не того!) Антона Конст[антиновича]²⁴ (в цилиндре!). Оставшись [1 слово нрзб.], я погрузилась в самые призрачные радости: о Блоке — и — «Манон, Сольвейг, Мелизанда»...

Чтобы не возвращаться к стихам Лёвы, скажу, что стихи его (и одновременно, Гумилевские военные) прочла в личной библиотеке Николая II, когда работала одно время в Эрмитаже²⁵. Что-то о Цветах Св. Франциска²⁶. Юра²⁷ мне говорил, что, после смерти Лёвы, Юрина мать²⁸, очень верующая католичка, сказала про Лёву, с благоговением: «Он был почти католик!»²⁹

...Это уже когда шла война... Я как-то по просьбе Лёвы продавала ромашки в пользу раненых — но порога дома его не переступала. Вспоминаю редкие и осенью³⁰ и ранней весной наши встречи с Лёвой, когда мы «бегали» по улицам или ездили на извозчике. [«Нагулявшись» он сажал меня на извозчика и отвозил домой.] Он успел объясниться мне в любви и даже сделал предложение, сказав, что хочет креститься... Я не очень-то верила, но я была всегда рада его видеть — черноглазую его красоту — и слышать его глубокий и мягкий голос. Один раз мы стучали в комнату Юры на Потемкинской³¹ (я Юру не знала)³², — но Юры не было дома. Мы с Лёвой сидели на скамейке в Таврическом саду. Она существует — скамейка — и теперь.

Лёва учился в Политехническом институте — но я даже в Соновке³³ — ни тогда, ни теперь — не была.

Я должна была учиться «до обмороков», и дни были «набиты» ученьем.

Чаще я видела Сергея (Серезу). Чем он занимался, я не знала. Он был плотный, недурен собой, но без всякого романтизма.

Бывал он в гостях у Мими, которая вышла замуж (это мои знакомые с детства). Да и Сережа женился — уже тут на настоящей красавице, которую звали Наташей Цесарской³⁴. Я ее в глаза не видала, только на карточке. У меня была карточка: в «подвале» у К.Ляндау (на Фонтанке)³⁵. Вероятно, было в моде нанимать подвалы под «гарсоньерки». Я в этом подвале как-то была — пила чай. На этой карточке за круглым столом сидели В.Чернявский, его друг Антон Врангель, две дамы: Loulou в шапочке с эспри и Н.Цесарская в большой шляпе — и Лёва, как будто в политехническом мундире — и с грустным выражением темных глаз. Если где появится такая карточка — так вот, кто на ней!

Сережа покончил с собой весной [19]17 г[ода]³⁶. Я в это время раз видала Лёву на улице (на Литейном, четная сторона). Он был неузнаваемый, весь распух от слез. Он меня не видел, и я его не остановила.

История непонятная. Зачем он это сделал?³⁷ И зачем впутал бедную Мими? Я ей вполне верю. Она всегда отрицала близкие отношения с Сережей. Она была у него в гостях. Сидела в его комнате. Без объяснений — вдруг, он велел ей отвернуться — и слышался выстрел.

Я видала — спустя годы — Мими жила в Москве — окровавленный большой платок, которым Мими старалась остановить кровь у упавшего Сережи — сразу мертвого. Помимо ужаса и горя, ей было страшно объяснять все родным.

Тут вот я впервые вошла в эту квартиру.

Когда я стала ходить в «гости» (в 1920 г[оду]) после всех горестей, она была уже не та, т[о] е[сть] я думаю, ее перегородили, уменьшили, не было нарядности, не было лакеев, там нельзя было устраивать спектаклей!

В то время ([19]17 г[од]) комната, где была панихида, была очень большая, и все было, как, вероятно, положено у евреев. По моему, не было помоста, и я не помню никого из людей и ничего из обряда.

Мими, по-моему, туда больше не ходила, но семья К[аннегисеров] любила другую сестру, Катю. И Катя, и ее маленький сын, Андрей³⁸, бывали в этом доме. Лёва очень любил мальчика.

Но я отошла от Цветаевской «летописи».

Люди?

О Кузмине: говорит Цветаева. Значит, так и было. На карточке [19]16 г[ода] (пропала!) он очень смуглый. Глаза — всегда — очень большие и блестящие. При мне (с 1920-21 гг.) очень потух, поседел, постарел. Потом стал очень сильно болеть и слабеть. Юра мне как-то говорил про письмо Цветаевой³⁹. При мне «безум-

но» хвалил Цветаеву и Рильке — Пастернак, когда был в гостях у Кузмина и Юры⁴⁰. Стихи «Нездешние вечера» у меня украли. Там все стихи, что называет Цветаева, очень сильные. И о Пушкине, и о Гёте⁴¹. Кузмин очень любил Италию — и Германию. Человек с французской кровью — не мечтал о Париже. Больше всего ему нравилась Александрия. Это — в стихах. У него нашлась поклонница — хорошенькая, как Гурия, — черноглазая, в черных локонах, по имени Софи. Она преподавала русскую литературу в Париже и в Руане — приезжала в Россию и в Финляндию относительно произведений Кузмина⁴². Пришла ко мне спросить о нем — от А.Н. Савинова⁴³, к кому она обратилась. Но моя Юленька⁴⁴, счастливая от вида такой парижанки (строгий серый костюм, самой скучной окраски, но с браслетами на руках), почти заняла все время, и я мало что успела ей сказать — я узнала потом, что она в свои каникулы побывала в Александрии и «обегала» все памятные места!

Это моему Гумилеву бы такую посмертную поклонницу!

К сожалению, она сообщила мне, что Ахматова в Париже как-то очень несимпатично отзывалась о Кузмине⁴⁵.

Есенин. Я часто рассказываю об этом — как мои знакомые (Чернявский, Миша Струве⁴⁶ и другие), не помню, кто еще, но не Никс, не Лёва) — улавливались на каком-то концерте со мной повидаться — но я сидела в креслах, с Линой Ивановной⁴⁷, и та начала меня дразнить: «У них какая-то барышня в голубой кофточке, блондинка! Они потому тебя не ищут!»

Я, разгневанная дразнением, уже в раздевалке, увидела удивленную моим «непоявлением» компанию и на расспросы объяснила, довольно спокойно. — Они не поняли, а потом засмеялись и привели ко мне представить Есенина. На нем была голубая рубашка. Очень миленький, но это далеко не Никс — антипод по златоволосости черноволосому Лёне. Те двое — для моей балетной души были, как принцы из «Спящей». А этот — не мой стиль. Да я и к стихам его была равнодушна. Разве что трогательность к собакам (но и эти стихи были потом). Из русских (про деревню) я предпочитала Клюева.

О том, что Лёня дружил с Есениным — узнала только сейчас у Цветаевой! С Есениным дружил Чернявский и Рюрик Ивнев⁴⁸ (у меня была фотография их троих⁴⁹).

Мандельштам. Манера читать?⁵⁰ М[ожет] б[ыть], но я как-то иначе помню. Я узнала его в 1920 г[оду].

Жорж Иванов⁵¹ — тоже в 1920 г[оду], критиков⁵² не знаю.

К.Ляндау (Константин Юлианович). Потом стал режиссером. Женат был сперва на Стефе Банцер, пианистке, любимой

ученице Глазунова⁵³; потом — на Але Трусевич, актрисе⁵⁴ — потом уехали оба.

Оцуп⁵⁵ — тоже с [19]20 г[ода], Ивнев — этот, кажется, еще жив. Городецкого никогда не знала⁵⁶.

«Jasmin de Corse»⁵⁷, как будто, и Кузмин любил эти духи. Юра любил «violettes pourpre». Вот Лёня — не знаю. А пахло от его рук и перчаток — когда он снимал их — замечательно. Это я помню. У меня на руке оставался запах горячей душистой кожи.

Но вот — миновали времена.

Настало время действия — и гибели Лёни⁵⁸.

Моя мама (когда пошли слухи) очень волновалась. Но я ведь там не бывала, а телефон — м[ожет] б[ыть], Лёня помнил без книжки? Взяли многих, как заложников. Юру⁵⁹. Я его тогда не знала. Уводили из камеры. «Через восьмого»⁶⁰. Не взяли — Чернявского. Чудо! Взяли другого Ч[ернявского], тоже — Влад[имира] Степановича — и тот погиб. Чернявский — этот «уезжал» — в эту войну [19]41 г[ода]. Не знаю, куда⁶¹. Потом его вернули. Он был болен. А.Г. Мовшензон⁶² навещал его в больнице. Сказал мне про него, (спустя время, когда я вернулась с Урала): «Он стал un peu gaga»⁶³.

Лёня — отзыв вел[икого] кн[язя] Ник[олая] Мих[айловича]⁶⁴ — «вел себя как истинный герой и мученик». Это он говорил сестре, Loulou.

Родителей и сестру держали в тюрьме, а с вел[иким] кн[язем] как будто встречались в коридоре. Это была другая тюрьма (как будто! я не могла мучать сестру расспросами!), не Дерябинские казармы, где сидели заложники — и Юра.

Потом их выпустили домой⁶⁵. Я появилась в их доме в конце [19]19 или в начале [19]20 г[ода]. С Loulou мы подружились.

Она в свое время училась в гимназии Таганцевой, где и Ида Рубинштейн (но та, конечно, старше). Родители были очень добры ко мне. С Loulou я была абсолютно откровенна.

Она поиздевывалась над моей дружбой с Гумилевым⁶⁶, находя его очень некрасивым. Случилась дикая история. Г[умилев] раздавал всякие лестности кому подвернется. Ленка Д[олинова]⁶⁷ мне сообщила, что одной девице, с которой Г[умилев] ужинал и которую звали Мария, стал говорить, что «Машенька» из «Трамвая» — это про нее. Она была дочь известного врача, знакомого Г[умилева]. Мне было достаточно, чтобы, согласно моему праву, прятаться от Г[умилева], а когда он меня поймал и стал объясняться, я истерично (вероятно?) высказалась. Я объяснила причину. Г[умилев] «окаменел» в лице и умчался. Эта «Машенька» служила вместе с Леной. Г[умилев] пошел туда и накричал на Ма-

шеньку. Так, что та хлопнулась в обморок, тут же, на работе. До меня дошло — очень быстро! Лена торжествовала от такого сюрприза — а я в ужасе (Г[умилев] ненавидел скандалы) помчалась к своей Loulou и пустилась в слезы и в крики. Рыдала на весь Саперный. Loulou хохотала надо мной: «Такая хорошенькая девушка, и так рыдать из-за такой... [обезьяны]». Но я думала, что сейчас умру от ужаса!

Я вспоминаю, главное, из-за того, что добрый «лорд» (А[ким] С[амуилович])⁶⁸, как назвала его Цветаева, подошел ко мне и — просто взяв на руки — стал носить по квартире, пока я не затихла. Я была тронута такой добротой... отца моего Лёни... И меня, как дочку.

А с тем мы потом сразу помирились. Где-то на улице. «Не он ко мне, не я к нему...»⁶⁹ Сперва на улице: «Дурочка моя! и что она со мной делает? И никогда-то мне не верит!» —

Уже после того, как умер Г[умилев], а я подружилась с Юрой, я продолжала бывать у Loulou. Она и тут неодобрительно относилась. Я ее критики выносила безгневно.

Loulou сбивала муссы и кормила меня. О себе она многое рассказывала. Мне все о сестре Лёни было интересно.

Помню свое знакомство (в этой квартире) с Палладой⁷⁰. Она мне показалась хорошенькой, в большой шляпе.

Но ее рассказ! (Дело на юге России). Как ее брата привязали к ногам лошадей и пустили вскачь... «И вот он мне сказал...» Истерзанный?! Я тогда еще не знала Палладу и обалдела от недоумения⁷¹.

С некоторых пор начались сборы за границу. Мне было жалко, грустно, М[ихаил] А[лексеевич] и Юра не выражали огорчений. Но в один раз, что я была без них, случилось вот что. Роза Львовна⁷² вдруг стала говорить, чтоб я собиралась с ними. Но как?..

В Л[енингра]де была мама, Юра!.. И вдруг я услышала слова (я помнила ее дамой с меховыми палантинами, потом чтילה ее огромное горе гибели двух сыновей) — слова были мной услышаны, но не сразу дошли до понимания — «Я очень больна, скоро умру. А[ким] С[амуилович] так любит вас, что немедленно на вас женится».

Я думала, я проваливаюсь в пол. Был ли А[ким] С[амуилович] тут — не помню. Слыхала ли Loulou? Не дай Бог!.. Но я это помню. Я никому не говорила.

Почему он умер в Варшаве? Ведь они уезжали в Париж! Я получила как-то посылочку от Loulou из Парижа. Что случилось? Что с ним сделали?..

Стихи⁷³, получившиеся у меня спустя дикое количество лет. Бегая по Марсову полю, ранней осенью, на кустарниках были темнокрасные листики и белые ягоды, или бусы.

Декадентский романс — не иначе!

Глаза и рот Тутанхамона,
И голос, бархатный, как ночь.
В петлице млела тубероза,
Но счастье отлетело прочь.
Конечно, счастьем не служу я,
А он — предтеча страшных бед.
Но память льет напрапалую
Хваленый погребальный бред⁷⁴.
Не Демон — Ангел Чернокрылый,
Он охранял меня во сне...
А в жизни — руки в час бессилья
Рука убийцы грела мне...

У меня сохранились
хрусталики с платья,
кот[орое] было у меня,
когда в петлице был...

Не раз, в очень
серьезных снах.

1977

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду *Виктория Александровна Швейцер*, литературовед, исследовательница творчества Цветаевой.

² Дом №10 по Саперному переулку был построен в 1839-1840 архитектором А.П. Гемилианом, в 1900-1901 был перестроен (с надстройкой трех верхних этажей) по проекту А.Н. Веретенникова и приобрел свой нынешний вид. Семья Каннегисеров, согласно воспоминаниям Нины Николаевны Каннегисер (1909-1982), двоюродной сестры Леонида, жила «в соединенных сквозным переходом квартирах 4 и 5» (рукопись в собрании М.С. Лесмана). В 1904-1905 в этом доме, владельцем которого был Н.А. Тиран, размещалась редакция журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни».

³ *Глафира Викторовна Панова* (1869-1943) — актриса.

⁴ Имеются в виду: *Елена Арнольдовна Левенстерн* — преподаватель по классу рояля — и ее сестра *Зельма Арнольдовна Левенстерн* — ведущая в Школе драмы и музыки Н.И. Кранца и В.В. Покровского, помещавшейся в 1912-1913 в доме на углу Литейного пр. и Симеоновской ул. (№45/8), с 1914 — владелицы частной музыкальной студии, до 1916 располагавшейся по тому же адресу.

⁵ *Владимир Степанович Чернявский* (1889-1948) — в 1909 закончил 6-ю петербургскую гимназию, в 1910-е — студент-филолог, поэт (принимал, согласно воспоминаниям Ахматовой [«Листки из дневника»], участие в деятельности 1-го Цеха Поэтов; «немногочисленные стихи» Чернявского предполагались к рассмотрению в «Заметках об акмеизме» Р.Д. Тименчика [Russian Literature. 1974. №7-8. P.38]). Одновременно участник студии В.Э. Мейерхольда, чтец (о театральных интересах Чернявского в 1910-е см. в воспоминаниях М.В. Бабенчикова: С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т.1. М., 1986. С.240-241), позднее — актер в Театре экспериментальных постановок С.Радлова (1918), Малом драматическом театре (1919-1920), в театре Народной комедии (1919-1920), декламатор (ср. принадлежавшую Вс.Рожественскому характеристику Чернявского как «выдающегося и очень культурного чтеца /.../ Его знал и уважал весь город». — С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.1. С.474).

⁶ «Ярым поклонником Блока» назван Чернявский и в воспоминаниях Юрия Ивнева (см. его «Избранное» [М., 1988. С.308]). Блок, между прочими, участвовал в составленном Чернявским (совместно с М.А. Долиновым) сборнике «Зеленый цветок» (П., 1915), объединившем, как и изданный ранее при участии Чернявского сборник «Шестой гимназии ее ученики» (СПб., 1912), в основном, бывших воспитанников петербургской 6-й гимназии (стихотворения некоторых участников «Зеленого цветка» см. также в издававшемся учениками 6-й гимназии в 1911-1914 «на правах рукописи» журнале «Северное сияние», который с 1913 редактировался И.Оксеновым).

⁷ См. прим.4.

⁸ *Мария Николаевна Арбенина* (1895-1959) — актриса, впоследствии замужем за И.А. Саламатиным — актером, режиссером и драматургом.

⁹ По нашему предположению, речь идет о домашней постановке «Балаганчика» А.Блока (1906), осуществленной в конце 1910 и позднее описанной одним из ее участников, Вас.В. Гиппиусом, в его воспоминаниях о Блоке (впервые опубли.: Ленинград. 1941. №3. С.18-20). Несмотря на то, что 14-летний Леонид Каннегисер не имел непосредственного отношения к этой постановке, разыгранной его старшими друзьями в доме, где творческий (и, в частности, театральный) дух культивировался его отцом (см. письмо И.С. Каннегисера к М.Г. Савиной, цит. нами в прим.17 к вступ. статье), понятно, что по цензурным условиям 1941 г. всякое упоминание о семье Каннегисеров было невозможно. Рассказывая о своей встрече с Блоком у С.Городецкого «в конце зимы 1910 г.» (судя по письмам Городецкого Блоку [Лит. наследство. Т.92. Кн.2. С.50-51], встреча произошла в первые дни 1911), Гиппиус ограничивается в тексте воспоминаний глухим намеком на реальные обстоятельства постановки: «Незадолго до этого в одном семействе был домашний маскарад, на котором представлен был "Балаганчик". Постановка была задумана без сцены, среди публики, собрание мистиков происходило в углу у камина, а наверху камина сидел Пьеро; затем актеры выходили на середину комнаты, окруженные

кольцом зрителей. Я рассказал Блоку об этом вечере, сказал, что пригласить его мы не решились, хотя и очень хотели. Блок был очень заинтересован и расспрашивал об исполнителях. Я сказал, что среди нас, дилетантов, выделялся один. Я имел в виду исполнителя роли Пьеро В.С. Чернявского» (цит. по: Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С.333-334, выделено нами; при перепечатке воспоминаний В.В. Гиппиуса в сб. «А.Блок в воспоминаниях современников» [М., 1980. Т.2. С.76-85] комментатор — В.Н. Орлов — указывал, что «сведениями об этом представлении не располагает» [там же. С.434]). С Чернявским, как и с другими близкими Каннегисеру людьми и, возможно, также участниками домашней постановки «Балаганчика» — А.К. Врангелем (см. прим.24), М.А. Струве (см. прим.46) — Гиппиус был знаком и/или дружен с гимназических лет: все они были сверстниками и выпускниками петербургской 6-й гимназии (В.В. Гиппиус закончил ее годом раньше остальных — в 1908, несмотря на то, что Чернявский был годом старше его). Упоминаемый далее мемуаристкой в качестве одного из участников К.Ю. Ляндау — выпускник Тенишевского училища — также принадлежал к этому дружескому кругу и к поэтической группе, состав которой лишь отчасти отражен в подготовленном им (совместно с Е.Г. Лисенковым) «Альманахе Муз» (см. прим.11). Заметим, что никто из них, кроме Чернявского, — по тем же, что и Каннегисеры, причинам — не мог быть упомянут автором в советском печатном тексте 1941 года.

¹⁰ См. прим.38.

¹¹ *Константин Юлианович Ляндау* (1890-1969) — «молодой библиофил и отчасти поэт», по позднейшей характеристике В.Чернявского (Звезда. 1926. №4. С.214), совпавшей в оценке поэтического таланта Ляндау с Гумилевым, рецензировавшим ранее единственную книгу его стихов (У темной двери. М., 1916): «Эта книга — книга человека, изошренно-го в культуре стиха, углубленного в самого себя, думающего, грустящего, мечтающего, но едва ли поэта» (Письма о русской поэзии. 41 // Гумилев Н. Сочинения: В 3-х тт. Т.3. М., 1991. С.161-162). Составитель «Альманаха Муз» (Пг., 1916), о котором Мандельштам в оставшейся неопубликованной рецензии писал: «"Альманах Муз" составлен крайне разнообразно: в нем представлены многочисленные разновидности плохих и хороших стихов; ни о каком среднем уровне говорить не приходится, так как некоторым участникам сборника как до звезды небесной далеко до других» (О современной поэзии: К выходу «Альманаха Муз» // Мандельштам О. Сочинения: В 2-х тт. Т.2. М., 1990. С.258-259; в «Альманахе Муз», в частности, были помещены стихи самого Ляндау, В.Чернявского и упоминаемых далее О.Н. Гильдебрандт Р.Ивнева и М.Струве). Занимался также режиссерской и театральной деятельностью: состоял в труппе Театра экспериментальных постановок, в художественной коллегии первой театральной Студии при Петроградском Тео (фрагменты доклада Ляндау с изложением программы Театра-студии см.: Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр 1917-1921. Л., 1968. С.387), где поставил в 1919 пьесу С.Антимонова «Бова Королевич». С 1920 — в эмиграции. «Константин Ляндау, поэт и режиссер, в течение

последних двух лет работал в парижских театрах и ездил в качестве автора и режиссера с пантомимной группой в Италии. Ныне живет в Берлине /.../, — сообщила в 1922 хроника журнала "Новая русская книга" (№6. С.33). — Имеет готовыми к печати книжку стихов, сборник пантомим и две пьесы». Упомянутые произведения изданы не были.

¹² «Одноактная пьеса в стихах» Гумилева «Дон Жуан в Египте» впервые опубликована в составе его кн. «Чужое небо» (СПб., 1912).

¹³ *Сергей Иоакимович Каннегисер* (1894-1917) — в 1911 окончил с золотой медалью гимназию Я.Г. Гуревича (через три года ее выпускником стал и его младший брат Леонид), тогда же поступил на физико-математический факультет Петербургского ун-та (группа географии). Принимал участие в геологических экспедициях — в 1914 и 1915 ездил под руководством геолога М.М. Васильевского в горы Западной Сибири, в 1916 участвовал в экспедиции Геологического комитета в Бухару. Окончил университет в феврале 1917.

¹⁴ *Елизавета Иоакимовна Каннегисер* — сестра Леонида, эмигрировала, см. о ней в воспоминаниях И.Одоевцевой «На берегах Сены» (М., 1989. С.233-235). Была депортирована из Ниццы в Германию и погибла в гитлеровских концлагерях в 1942-1943.

¹⁵ *Николай Константинович Бальмонт* (1891-1926) — сын К.Д. Бальмонта от первого брака с Л.М. Гарелиной, поэт, пианист и композитор-дилетант. В 1911-1916 был студентом Восточного, а затем историко-филологического факультетов Петербургского ун-та, входил в Пушкинский семинарий С.А. Венгерова (см.: Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С.99; ср. там же упоминание его имени Тыняновым в ряду «поэтов "вообще"»). В 1913-1916 Н.К. Бальмонт, воспитывавшийся матерью — женой публициста и историка литературы Н.А. Энгельгардта, жил в семье Каннегисеров, в Саперном пер.; туда, в частности, адресовали свои письма ему К.Д. Бальмонт и Е.К. Цветковская (см.: Книги и автографы в собрании М.С. Лесмана. М., 1989. С.284, 320). О дальнейшей судьбе Н.К. Бальмонта см. в публикации К.М. Азадовского и А.В. Лаврова «Анна Энгельгардт — жена Гумилева» (в сб.: Н.Гумилев: Исследования: Материалы: Библиография. СПб., в печати), а также в неопубликованных воспоминаниях его соученика по гимназии Я.Г. Гуревича, М.В. Бабенчикова: «Никс Бальмонт, с которым я дружил в юности, писал стихи, а впоследствии серьезно занялся музыкой и подавал в этой области большие надежды. Но конец его жизни оказался очень печальным. В самом расцвете сил он заболел психически и в таком виде я встретил его в 20-х годах в Москве. Тяжело было смотреть, как медленно и упорно разрушалась его нервная система, как он терял память и превращался в беспомощного ребенка. Человек с несомненно богатыми задатками, Никс Бальмонт не оставил после себя ничего, и только самые близкие к нему лица смогли оценить его рано погибшее тонкое дарование» (РГАЛИ. Ф.2094. Оп.1. Ед.хр.14. Л.52-53).

¹⁶ В 1916-1919 О.Н. Гильдебрандт училась в Императорском (позднее Государственном) театральном училище (Школе русской драмы) в Петрограде, в 1919-1923 играла в труппе Александринского театра.

¹⁷ В 1919 Чернявский играл также в пьесе Гумилева «Дерево превращений» (роль Змеи-Судьи), поставленной К.К. Тверским в первой театральной Студии при Петроградском Тео (премьера 6 февраля 1919).

¹⁸ *Антон Исаакович Шварц* (1896-1954) и *Дмитрий Николаевич Журавлев* (1900-1991) — известные чтецы-декламаторы.

¹⁹ Речь, по-видимому, идет о записях на магнитофонной пленке, хранившихся в архиве радио. В годы войны из-за крайнего дефицита пленки старые записи были размагничены и пленка вновь использовалась в работе (см.: Шилов Л. Голоса, зазвучавшие вновь. М., 1987. С.104).

²⁰ См. прим.16.

²¹ *Анна Николаевна Энгельгардт* (1895-1942) — дочь Н.А. Энгельгардта и Л.М. Гарелиной, гимназическая подруга О.Н. Гильдебрандт. С 1918 — жена Н.С. Гумилева. См. о ней в указ. публ. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова.

²² По-видимому, ошибка памяти мемуаристки — дочери Ариадны у К.Бальмонта не было.

²³ Ср. в «Нездешнем вечере»: «Леня для меня слишком хрупок, нежен ... цветок». Ср. также запись, сделанную Цветаевой, вероятно, после получения известия об убийстве Урицкого, 1 или 2 сентября 1918: «Леонид К[аннегисер]! Изнеженный женственный 19-ти летний юноша, — эстет, поэт, пушкинианец, томные позы, миндалевидные почти[?]» (Цветаева М. Выписки из прежней записной книжки, верой и правдой служившей мне с 1-го июня 1918 по 14-ое февраля 1919 г. / Публ. Л.Мнухина // Указ. изд. С.235).

²⁴ Барон *Антон Константинович Врангель* (1890-1916) — согласно воспоминаниям М.В. Бабенчикова — племянник В.Ф. Коммиссаржевской (С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.1. С.240). Учился в петербургской 6-й гимназии, в 1911-1913 — в Петербургском ун-те на историко-филологическом факультете (уволен за неуплату). Покончил с собой в октябре 1916, о чем сообщалось в газете «Речь» в разделе «Происшествия»: «В селе Новопятницком, Гдовского уезда, застрелился барон А.Врангель. Причина самоубийства неизвестна» (1916. 30 октября. С.5).

²⁵ В Библиотеке Эрмитажа О.Н. Гильдебрандт работала в начале 1950-х.

²⁶ Имеется в виду цикл «Стихи о Франциске», написанный в марте 1915 и впервые опубликованный в журнале «Русская мысль» (1915. Кн. VIII).

²⁷ *Юрий Иванович Юркун* (1895-1938) — прозаик, драматург, художник и коллекционер, многолетний друг Кузмина. Каннегисеру посвя-

щен рассказ «Двойник» из его книги «Рассказы, написанные на Кировочной улице, в доме под №48» ([Пг.], 1916).

²⁸ Мать Ю.И. Юркуна — *Вероника Карловна Амброзевич* (?-1938).

²⁹ Вопрос о конфессиональной принадлежности Каннегисера остается пока открытым: его студенческое дело, очевидно, содержащее документальный ответ на этот вопрос, было изъято следствием ЧК в 1918 и остается недоступным. Известные нам документы не противоречат утверждению И.Ф. Мартынова, называющего Каннегисера «выходцем из ассимилированной семьи» (Вестник РХД. 1990. №159. С.208). Так, в метрическом свидетельстве брата Каннегисера Сергея, выданном Петербургским общественным раввином 15 января 1895, указано, что он «значится записанным с примечанием, что обряд обрезания не был учинен» (РГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.59257. Л.6). Однако каких-либо свидетельств о крещении С.Каннегисера не обнаружено (ср. также описание панихиды по нем в тексте воспоминаний О.Н. Гильдебрандт). Вывод И.Ф. Мартынова (там же) об «убежденном христианстве» Каннегисера (неоправданно абсолютизированный В.Бондаренко, причислившим Каннегисера к «православным христианам» [День. 1992. №1. С.7]) также не находит *документальных* подтверждений. Ср. в связи с этим позднее свидетельство О.Н. Гильдебрандт о Каннегисере («Хотел креститься и жениться на мне» [дневниковая запись 2 октября 1945. — РГАЛИ СПб. Ф.436. Оп.1. Ед.хр.11. Л.10об.; речь идет о 1915 годе]) и его стихотворение «Еврейское венчание» (1916). Известно в то же время об участии И.С. Каннегисера — отца Леонида — в деятельности Петербургской еврейской общины (см. воспоминания С.М. Дубнова «Книга жизни» [Рига, 1935. Т.2. С.267]).

³⁰ Ср. запись в дневнике О.Н. Гильдебрандт, сделанную 2 октября 1945: «Сентябрь! Месяц Ленички!.. Леонида!.. 30 лет назад... да, ведь это был 15 год. Черные глаза, матовая кожа, родинка на щеке... Дождь... Черный вечер... Запах прелых листьев... Почти танго на извозчике... запах духов, табака и кожи. Горячие руки, горячие губы. Горячие слова /.../» (РГАЛИ СПб. Ф.436. Оп.1. Ед.хр.11. Л.10об.).

³¹ Юркун жил в доме на углу Потемкинской и Кировочной улиц; ср. название сборника его рассказов 1916 г. (прим.27).

³² О.Н. Гильдебрандт, согласно ее мемуарной заметке «Юркун» (в кн.: Художники группы «Тринадцать». Указ. изд. С.201), познакомилась с Юркуном в конце 1920. См. также январские записи в Дневнике Кузмина 1921 г., опубликованные Н.А. Богомоловым и С.В. Шумихиным (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. Paris, 1991. С.435, 437).

³³ В Сосновке, одном из бывших петербургских пригородов, помещается Политехнический институт. Ср. в воспоминаниях Г.Адамовича: «Как-то, чуть ли не в первый месяц нашей дружбы, я вечером был у него в Сосновке. Он учился тогда в Политехническом Институте и, чтобы не возвращаться ежедневно в город к родителям, жил где-то поблизости» (Леонид Каннегисер... Указ. изд. С.56).

³⁴ Брак С.И. Каннегисера с Наталией Исааковной Цесарской был заключен 24 января 1914.

³⁵ К.Ляндау жил по адресу: Фонтанка, д.23. См. в воспоминаниях М.В. Бабенчикова: «Комната Ляндау помещалась в нижнем этаже типично петербургского дома, из окон которого виднелся мощный ансамбль Екатерининского института и силуэт вздыбленных клодтовских коней. Старинная обстановка: мебель, полки с книгами и гравюры на стенах — делали ее похожей на интерьер первой половины прошлого века, а вечерние сборища, происходившие в ней, — на собрания пылких "архивных юношей" "пушкинской поры» (С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.1. С.236). Ср. также стихотворение К.Ляндау «Подвал» (в его сборнике «У темной двери» [М., 1916. С.21]).

³⁶ С.И. Каннегисер покончил с собой вечером 9 марта 1917, похоронен на Преображенском кладбище (см. извещения о его смерти от семьи и родственников и от правления гимназии Я.Г. Гуревича, членом ревизионной комиссии которой он состоял: Русская воля. 1917. 11 марта. №10. С.1; 12 марта. №11. С.1).

³⁷ В воспоминаниях Н.Г. Блюменфельд, записанных и опубликованных ее дочерью Н.Соколовой, приводится следующая мотивировка самоубийства С.И. Каннегисера: «/.../ приехал из Петербурга информированный человек и объяснил: "Был в списках осведомителей полиции. Боялся, что про это узнают". Оказывается, Сережа, заигрывая с революционным подпольем, в то же время доносил на революционеров /.../ главным образом на эсеров» (Соколова Н. Особняк в стиле барокко: Из истории семьи Каннегисеров // Столица. 1992. №5. С.55). Воспоминания Н.Г. Блюменфельд отличает ряд неточностей, поэтому и это свидетельство нуждается в дополнительной проверке; известно, однако, что 30 марта 1914 Сергей Каннегисер был арестован вместе с группой студентов Петербургского университета, среди которых были два видных в будущем эсера — В.Н. Мерхалев и М.А. Лихач (в 1917 — член военной комиссии ЦК партии эсеров). Арест был, видимо, непродолжительным и каких-либо последствий для университетской карьеры С.Каннегисера не имел (см. его университетское дело. — РГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.59257. Л.22).

³⁸ Речь идет о *Екатерине Александровне Черновой* (?-1966) и ее сыне *Андрее Дмитриевиче Гоголицыне* — в будущем журналисте, репрессированном в период войны с Финляндией. Иными сведениями о нем и о сестрах Черновых мы не располагаем.

³⁹ Имеется в виду письмо Цветаевой Кузмину, написанное в июне 1921 и описывающее их единственную встречу в январе 1916 в доме Каннегисеров в Саперном пер. Оригинал письма, полученного Кузминым, согласно дневниковой записи, 8 июля, неизвестен; черновик сохранился в архиве Цветаевой (РГАЛИ), опубликован в книге С.В. Поляковой «[Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок» ([Ann Arbor], 1983. С.110-114). Письмо это с внесением определенных корректив (о характере их см. в указ. кн. С.В. Поляковой, с.67-68) послужило основой для создания в марте 1936 мемуарного очерка «Нездешний вечер».

⁴⁰ Визит Пастернака состоялся, согласно дневниковой записи Кузмина, 16 августа 1922: «В Литер[атуре] все видали. Юр[кун] рад, кажется. Покупали все для вечера. Даже вина достали, а Пастернак долго не шел. О[льга] Н[иколаевна] Арбенина сидела. Но в конце концов и москвич пришел. Очень душевно и дружески к Юр[куну] толковал, хотя и не особенно толково. Меня, по-моему, и не читал, но это не важно /.../» (цит. по публ. Н. Богомолова «Письмо Б. Пастернака Ю. Юркуну» — Вопросы литературы. 1981. №7. С. 226). В предшествовавшем этому визиту письме Юркуну от 14 июня 1922 (впервые опубликовано Г. Г. Шамаковым [Глагол. №1. Ann Arbor, 1977]) Пастернак называл «Версты» Цветаевой «прекрасной книгой». Ср. также упоминание Цветаевой и Рильке в дарственной надписи Пастернака Кузмину на «Избранных стихах» (М., 1926): «Мне почему-то мерещится встреча с Вами в обществе Марины Цветаевой, если это случится у Вас, и в обществе ее и R. M. Rilke, если мы попадем за границу. Основание для такой, не справляющейся с Вашими симпатиями мечты нахожу в собственном чувстве сквозной и круговой тяги» (цит. по указ. публ. Н. Богомолова. С. 227).

⁴¹ Цветаева упоминает стихотворения Кузмина «Пушкин» (1921), «Гете» (1916) и кантату «Св. Георгий» (1917), вошедшие в состав его сборника «Нездешние вечера» (Пб., 1921).

⁴² Более подробных сведений об указанном лице установить не удалось.

⁴³ *Алексей Николаевич Савинов* (1906-1976) — искусствовед.

⁴⁴ *Юлия Казимировна Полаймо* (?-1976) — соседка О. Н. Гильдебрандт.

⁴⁵ Ср. отзыв Ахматовой о Кузмине, переданный Н. А. Струве: «Волошин, Кузмин, Вячеслав Иванов — все они для нас больше не существуют» (Восемь часов с Ахматовой. — А. Ахматова. Сочинения. Т. 2. Мюнхен, 1968. С. 340).

⁴⁶ *Михаил Александрович Струве* (1890-1948) — племянник П. Б. Струве, выпускник 6-й гимназии (1909), поэт, автор сборника «Стая» (Пг., 1916; см. рецензию Гумилева: Гумилев Н. Сочинения: В 3-х тт. Т. 3. М., 1991. С. 161), участник 2-го Цеха Поэтов и возникшего в апреле 1917 литературного кружка «Марсельские матросы», группировавшегося вокруг М. Кузмина (подробнее см.: Никольская Т. Юрий Деген // Russian Literature. 1988. XXIII-2; см. также: Тименчик Р. Д. По поводу «Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. V. 4. P. 316). С 1920 — в эмиграции.

⁴⁷ *Лина Ивановна Тамм* (1875?-1941) — родственница и близкий друг семьи Гильдебрандт-Арбениных, воспитательница О. Н.

⁴⁸ В. Чернявский, как и поэт *Рюрик Ивнев* (псевдоним Михаила Александровича Ковалева; 1891-1981), а также названные выше К. Ляндау и М. Струве познакомились с Есениным 28 марта 1915 на вечере «Поэты — воинам» в Зале Армии и Флота. Все они входили в ближайший круг обще-

ния Есенина в 1915-1918 (см. воспоминания: В. Ч[ерняв]ский. Первые шаги // Звезда. 1926. №4; он же. Встречи с Есениным // Новый мир. 1965. №10; Ивнев Р. У подножия Мтацминды. М., 1973. С.43-89). Свидетельства о знакомстве Каннегисера с Есениным (состоявшемся, возможно, через посредство Чернявского: ср. воспоминания М.В. Бабенчикова — С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Указ. изд. Т.1. С.240) содержатся в четырех письмах Каннегисера Есенину за июнь-сентябрь 1915, опубликованных с неверным указанием на архивную единицу хранения в 1990 (см.: [Б.п.] Письма Леонида Каннегисера Сергею Есенину // Наш современник. 1990. №10), а также в письме Есенина Чернявскому, написанном, очевидно, в июле 1915 (предложенная В.В. Базановым в его публикации «Материалы к биографии С.А. Есенина» [Есенин и современность. М., 1975. С.302] датировка «не ранее 10 и не позднее 12-15 июня», не учитывающая письма Каннегисера от 21 июля 1915, представляется неосновательной) и упоминающем о совместном путешествии Есенина и Каннегисера в Рязань в начале июля 1915 (письмо впервые опубликовано в тексте воспоминаний Чернявского [Звезда. Указ. изд. С.222], автограф неизвестен; криптоним К[аннегисер] раскрыт В. Белоусовым [Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч.1. М., 1969. С.70-71, 226, 244]); о поездке Каннегисера «к Есенину в деревню» упоминает в «Нездешнем вечере» и Цветаева.

О первых петербургских знакомых Есенина вспоминает также Инн. Оксенов в своих неопубликованных записях 1920-х, говоря о «группе молодых поэтов, в которую меня /.../ ввел в Петербурге В.С. Чернявский (/.../ окончивший ту же Шестую гимназию, что и я, но бывший значительно старше меня). Здесь — для меня — центральным лицом являлся Рюрик Ивнев, с которым я, насколько позволяла разница наших лет и мировоззрений, сблизился. Рюрик представлял собою в те годы страшную смесь черт вырождения, истерии, развращенности (не столько приобретенной, сколько органической) и совершенно детской, огромной и чистой нежности и любви к миру. И в мировоззрении, и в творчестве он давал только "свое", выношенное и выстраданное, чем был на голову выше всех своих друзей ("рюриков", по слову нашего общего знакомого). Но был ли он поэтом? Этот вопрос для меня не решен до сих пор. Бывая на часто менявшихся квартирах Рюрика, я встречал у него, кроме неизменного Нила Сорского на письменном столе, многих более или менее известных литераторов и поэтов. Помню В.Н. Гордина, Е.А. Нагродскую (произведшую на меня впечатление простой буржуазной дамы), Т.Г. Шенфельд, Н.Бальмонта, — здесь же я впервые увидел Сергея Есенина, только что приехавшего тогда в Петербург. Просто одетый, угловато державшийся, он тогда еще не был заласкан аудиторией, его звезда еще только восходила. Помню, как, оставшись под конец вечера в исключительно мужском обществе, Есенин читал нецензурные частушки...

Частыми гостями Рюрика были М.А. Кузмин, Георгий Иванов, Л.А. Каннегисер. Последний, приобретший впоследствии трагическую известность, был также одним из моих "героев". /.../ В нем все гармонировало: его мягкие, плавные движения, прекрасная фигура сына бес-

смертной расы, его вкрадчивые интонации, которых он почти не изменял, переходя от разговора к чтению стихов, формально всегда безупречных. Его отношение ко мне заключалось на три четверти в любопытстве, с которым он изучал меня, кончающего гимназиста. Встретившись с ним позже и сообщив в разговоре о моем влечении к естествознанию и о выборе мед[ицинского] ф[акультета], я услышал от Л.А. признание: "Я тоже иногда тоскую по точным наукам". А в тот вечер (это было у С.И. Аносовой, осенью 1916 г.), Каннегисер читал прекрасные стихи "Ярославль", которые затем записал в альбом хозяйке по ее просьбе. Последний раз я видел Л.А. на вечере поэтов в Тениш[евском] зале весной 1917 г. — он был в военной форме и читал стихи, произведшие на меня впечатление довольно слабых. [Возможно, имеется в виду "Вечер свободной поэзии", устроенный художественным обществом "Искусство для всех" в зале Тенишевского училища 13 апреля 1917; не исключено участие в нем Каннегисера — см. газетный анонс: Русская воля. 1917. №58. 12 апреля. С.6. Напротив, дважды засвидетельствованный позднее Л.Страховским факт выступления Каннегисера в Тенишевском зале 13 мая 1918 на "Вечере петербургских поэтов", организованном обществом "Арзамас" (см.: Страховский Л. Рыцарь без страха и упрека: Памяти Н.С. Гумилева // Возрождение. 1951. №16; он же. О Гумилеве. 1882-1921 // Современник [Торонто]. 1961. №4) — не подтверждается данными об этом вечере, собранными в 1920-е у его участников П.Н. Лукницким и любезно сообщенными нам Р.Д. Тименчиком. — Г.М.] Больше я его не встречал.

Мне невольно вспоминается вновь Рюрик Ивнев, в комнате которого в конце 1917 г., после Октябрьской революции, появилась тоненькая книжка — программа РСДРП(б) — путь Рюрика резко разошелся с дорогой Каннегисера, и не могло быть иначе — слишком различного духа были эти люди, стоявшие, быть может, на полюсах мировоззрений. Литературная среда 1915-17 гг. была чрезвычайно пестра, в ней мирно сожительствовали люди самых разнообразных верований. "Как велик диапазон наших друзей — от Каннегисера до Рюрика!" — услышал я от О.Мандельштама осенью 1918 г. в Москве» (частное собрание).

⁴⁹ Фотография С.Есенина, В.Чернявского и Р.Ивнева, сделанная вскоре после их знакомства в конце марта 1915, опубликована в Собрании сочинений Есенина (Т.6. М., 1980. Между с.64 и 65).

⁵⁰ Ср. в «Нездешнем вечере»: «Осип Мандельштам, полузакрыв верблужьи глаза, вещает /.../»; ср. также: «Наибольший успех был у Мандельштама, читавшего, высокопарно скандируя, строфы о ритмах Гомера ("голову забросив, шестует Иосиф" — говорили о нем тогда)» (В.Ч[ернявский]. Первые шаги // Звезда. Указ. изд. С.215). Подробный анализ декламации Мандельштама см. в работе С.И. Бернштейна «Голос Блока» (Блоковский сборник. Вып. II. Тарту, 1972; публ. А.Ивича и Г.Суперфина).

⁵¹ *Георгий Владимирович Иванов* (1894-1958) печатался с 1910, в 1911-1912 примыкал к эгофутуристам, позднее сблизился с акмеистами. Автор

стихотворных сборников «Отплыть на о.Цитеру» (СПб., 1912), «Горница» (СПб., 1914), «Памятник славы» (Пг., 1915), «Вереск» (М.; Пг., 1916). В 1915-1917 возглавлял — вместе с Г.В. Адамовичем — 2-й Цех Поэтов. С 1922 — в эмиграции. Главу о Каннегисере, которого он знал с 1913, Иванов включил в книгу мемуарной прозы «Петербургские зимы» (Париж, 1928; вошло в сборник «Леонид Каннегисер...» Указ. изд.; см. также: Иванов Г. Л.Каннегисер: Из воспоминаний // Сегодня. 1927. 24 июля).

⁵² Цветаева упоминает в «Нездешнем вечере» критиков Григория Адольфовича Ландау (1877-1940), постоянного автора «Северных записок», и Луарсаба Николаевича Андронникова, адвоката, отца Ираклия Андронникова.

⁵³ Более подробных сведений об этом лице мы не могли установить.

⁵⁴ Александра Яковлевна Трусевич — с осени 1917 жена К.Ю. Ляндау, в 1918-1920 вместе с Ляндау играла в труппах Театра экспериментальных постановок (руководитель С.Э. Радлов), Театра-студии (в составе художественной комиссии театра — С.Э. Радлов, К.Ю. Ляндау, М.А. Кузмин) и Малого драматического театра (руководитель Н.В. Петров) (подробнее см. обзор Г.З. Мордисона «Театры Петрограда» в кн.: Советский театр: Документы и материалы: Русский советский театр 1917-1921. Указ. изд. С.391-402). С 1920 — в эмиграции, где сотрудничала в Русском Балете С.П. Дягилева, работая «чем-то вроде секретаря» (Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым. Париж, 1939. С.378).

⁵⁵ Николай Авдиевич Оцуп (1894-1958) — в 1915-1918 участник университетского кружка поэтов, связанного «не столько организационно, сколько своим личным составом — с Венгеровским семинарием и с Пушкинским обществом при университете» (Струве Г. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979. С.16). Участвовал в изданном членами кружка сборнике «Арион» (Пб., 1918), отрецензированном Гумилевым (см.: Гумилев Н. Сочинения. Указ. изд. Т.3. С.163-168). С 1922 — в эмиграции.

⁵⁶ Весной 1916 поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884-1967) уехал на Кавказский фронт в качестве корреспондента газеты «Русское слово» и вернулся в Петроград только в конце июля 1920.

⁵⁷ Духи «Jasmin de Corse» — подарок Цветаевой от С.И. Чацкиной, издательницы журнала «Северные записки», и ее мужа, публициста Я.Л. Сакера, — упомянуты в «Нездешнем вечере».

⁵⁸ Документально восстановить хронологию событий, непосредственно предшествовавших террористическому акту утром 30 августа 1918 и последовавших за ним, до публикации материалов трехтомного «дела об убийстве Урицкого», на существование которого указывает М.А. Алданов в очерке, посвященном этому событию, вряд ли возможно. (Современный исследователь, ссылающийся на свое «знакомство со следственными делами об убийстве /.../ В.Володарского, /.../ М.Урицкого и о по-

кушении на Ленина», дает следующее точное указание на объем дела Каннегисера и место его хранения: «Архив КГБ СССР. Д.196. В 11-ти томах» [см.: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1917-1922 // Отечественная история. 1993. №6. С.51, 60]). Однако, на основе разнообразных свидетельств, обнародованных к сегодняшнему дню, можно выстроить биографическую канву последнего года жизни Каннегисера в предварительном порядке.

Показания, данные Каннегисером в первый же день после ареста и переданные следствием в печать, подтверждают утверждения Алданова о «захваченности» Каннегисера Февральской революцией (см.: Алданов М. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т.6. М., 1991. С.493): «с первых же дней революции», как указывает источник, Каннегисер поступил в отряд милиции Литейного района (где он жил) и там «пробыл одну неделю» (Северная коммуна. 1918. 31 августа. №93. С.2). Сообщение о том, что «в июне 1917 года он поступил добровольцем в Михайловское артиллерийское училище и находился там до расформирования последнего» (там же) должно быть соотнесено — с одной стороны, с написанным 27 июня стихотворением «Смотр» и со свидетельством автора статьи о Каннегисере в журнале «Камена» (1919. Кн.2. С.31), знавшего его «в моменты действия — защитником революционного Петраграда против Корниловского мятежа» в конце августа 1917 (ср. также стих. «О кровь семнадцатого года...», написанное летом 1917), а с другой — с деятельностью двоюродного брата Л.Каннегисера М.М. Филоненко, назначенного в июле 1917 — одновременно с назначением Л.Г. Корнилова Верховным Главнокомандующим и Б.В. Савинкова товарищем военного министра А.Ф. Керенского — комиссаром Временного правительства при Ставке. Позиция Савинкова и Филоненко, действовавших в тесном сотрудничестве и пытавшихся достигнуть компромисса между Корниловым и Керенским, изменилась после 27 августа 1917, когда после объявления Корнилова «мятежником» — оба они выступили на стороне Временного правительства (см. об этом: Катков Г.М. Дело Корнилова. Париж, 1987. С.123, 129, 161; на близость и определенное влияние Филоненко и Савинкова на Каннегисера указывают Я.Б. Рабинович [Вестник РХД. 1990. №159. С.206], Н.Г. Блюменфельд [Столица. №5. С.54-55], В.И. Игнатъев [Красная книга ВЧК. М., 1990. Т.2. С.107]).

Тогда же, летом 1917, Каннегисер исполняет обязанности председателя Союза юнкеров-социалистов Петроградского военного округа (по данным Я.Гордина, председателем Союза был В.Б. Перельцвейг, о котором см. ниже, а Каннегисер был «товарищем председателя», т.е. его заместителем [см.: Гордин Я. Поэт и хаос // Нева. 1993. №4. С.244]). Я.Б. Рабинович, учившийся вместе с Каннегисером на экономическом факультете Политехнического института, упоминает и его участие в деятельности «Союза евреев-политехников» (Вестник РХД. 1990. №159. С.206). Круг лиц, упоминаемых мемуаристом в связи с этим «Союзом», позволяет предположить, что речь, очевидно, идет об Организации сионистской учащейся молодежи «Геховер», основанной в 1910 в Базеле и активно функционировавшей в России. Так, названные Рабиновичем

И.Я. Виленчук и А.И. Идельсон в 1917 входили в состав центрального комитета — Мерказа — «Геховера». О дружбе Каннегисера с другим студентом-политехником — Е.Я. Шескиным, также близким к кругам российских сионистов, вспоминает его младший брат Мирон, в 1917 — сам член «Геховера» (см.: Шескин М. Мой долгий путь в Иерусалим. Иерусалим, 1980. С.56). Отметим также, что в Политехническом институте в годы учения Каннегисера функционировал Кружок по изучению еврейской истории и литературы (информацию о его деятельности см., например: Еврейский студент. 1915. 10 апреля. №5. С.35). Забегая вперед, нельзя не заметить, что совершенное Каннегисером убийство Урицкого, расцененное С.М. Дубновым как «подвиг» (см.: Книга жизни. Т.2. С.267), вызвало широкий отклик в петербургском еврействе (см.: Шескин М. Указ. соч. С.57-58).

Несмотря на утверждения самого Каннегисера в том, что «активного участия в политической жизни» он «не принимал» (Северная коммуна. 1918. 31 августа. С.2), ряд источников упоминает о его присутствии «у Зимнего дворца в день октябрьской осады» (Камена. Указ. изд. С.31; ср. «ночь 25 октября в Зимнем дворце», отмеченную Я.Б. Рабиновичем [Вестник РХД. 1990. №159. С.206], и свидетельство М.Алданова — «Ленин произвел на него, 25 октября, сильнейшее впечатление» [Собр. соч. Указ. изд. Т.6. С.493]), вероятно, в числе юнкеров Михайловского училища, принимавших участие в охране Зимнего дворца (см.: Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С.231).

Начало деятельности Каннегисера в подпольном антибольшевистском движении относится, согласно большинству свидетельств, к весне 1918. Согласно показаниям В.И. Игнатьева, члена ЦК партии народных социалистов, данным во время процесса правых эсеров в 1922, «в конце марта 1918 года» к нему «явился молодой человек, представивший /.../ рекомендации, оказавшийся Л.А. Каннегисером, и заявил, что обращается ко мне /.../ от имени группы беспартийного, демократически настроенного офицерства с просьбой организовать для них военный и политический штаб. Группа офицерства, довольно многочисленная, поставила своей задачей бороться с большевиками; имея в каждом районе города свои комендатуры, занята установлением дальнейшей связи с воинскими частями» (цит. по: Красная книга ВЧК. М., 1990. 2-е изд. Т.2. С.94-95). Согласно показаниям Игнатьева, Каннегисер был комендантом Выборгского района (см.: Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн.2. С.222) и, кроме того, «ведал связью» в военной организации «Союза возрождения России» (Красная книга ВЧК. Т.2. С.100). «Союз возрождения» был образован весной 1918 в Москве, и в Петрограде существовал с июня 1918 «не как самостоятельная организация, а только как междупартийный контакт на предмет взаимного обмена информацией и выработки /.../ общего отношения к важнейшим вопросам текущей жизни» (из показаний В.Н. Розанова // Красная книга ВЧК. Т.2. С.91). Из показаний Игнатьева известно также, что Каннегисер состоял и в подпольной организации, возглавлявшейся М.Филоненко (ср.: П.Н. Белые террористы // Голос минувшего на чужой стороне. 1926.

№1 [XIV]. С.147). Возможно, организация Филоненко, именовавшаяся «Союз спасения Родины и революции», принимала участие в деятельности «Союза возрождения», во всяком случае, Каннегисер склонен был разделять его общую платформу — «непризнание Брестского мира» и «возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания» (Красная книга ВЧК. Т.2. С.91; «Брест-Литовский мир» Алданов упоминает в числе событий, «переменивших мысли Каннегисера» [Собр. соч. изд. Т.6. С.496]). Из действий, совершенных Каннегисером в рамках подпольной деятельности, Игнатьев называет поездку в Вологду с целью «передачи связи с командным составом» двух полков, передислоцированных из Петрограда в Вологду летом 1918 (Красная книга ВЧК. Т.2. С.113).

О встрече с Каннегисером в Москве, возможно, по возвращении из Нижнего Новгорода, где Каннегисер был в марте 1918 (см. датировку его последнего стихотворения «Снежная церковь»), или из Вологды, рассказывает Л.В. Никулин, относя это событие к апрелю 1918, что противоречит его же словам о том, что приехав из Москвы в Петроград, Каннегисер «через несколько дней» убил Урицкого: «Пишущий эти строки в последний раз видел Л.А. Каннегисера в Москве, в апреле на Кузнецком мосту... Была весенняя грязь... Л.А. в длинной кавалерийской шинели, без офицерских погон, изможденный, бледный, мало напоминал изнеженного, немного томного юношу из петроградского подвала. Он был проездом, один день, в Москве и возвращался в Петроград с юга... Какая-то усталость, разочарование, небрежные вопросы о друзьях и равнодушные к прежней мечте, к поэзии говорили о сильном переломе в этой странной душе... В получасовой прогулке по шумной улице трудно было сказать о том, что произошло... Проезжали автомобили с лихими молодыми людьми во френчах... В шикарном экипаже прокатили два пьяных матроса... — Флотский экипаж... — грустно сострил Каннегисер. Уехал он в тот же день /.../» (Зритель. 1918. 4 сентября. №3. С.6). В конце апреля Каннегисера посетил в его квартире на Саперном М.А. Кузмин, записавший в Дневнике: «28 [апреля 1918 г.] /.../ У Каннегисеров /.../ Хозяйва нервные, угощение [поприпало?]. Ленечка подпоясался высоко и держался [норд-стильно?]. Последний раз Кузмин видел Каннегисера 15 июня 1918 у себя дома: «Заходили Ленечка, Лулу [Е.И. Каннегисер] и Софья Ис[ааковна Чацкина]. Они постарели все, или я отвык от них». 24 августа 1918 Кузмин посещает дом Каннегисеров, но Леонида там не застаёт: «Днем ходил к Розе Львовне за чаем. Там одиноко и мрачно. Куда все отлетело? И вечера у них, открытый дом /.../, карты, "Северные записки", Софья Исааковна, как тетушка из Гейне, чай после Михайловского театра?»

Между тем, именно в эти дни произошло событие — «гибель друга» — «сделавшее», по слова Алданова, Каннегисера «террористом»: 21 августа «Петроградская правда» публикует сообщение о расстрелах по постановлению ЧК, и в частности, о расстреле «по делу об агитации среди курсантов Михайловского Артиллерийского училища после выступления левых эсеров» бывшего офицера Владимира Борисовича Перельцевейга (с.2). Постановление о расстреле было подписано Урицким, как предсе-

дателем ПЧК (при голосовании о целесообразности применения высшей меры на коллегии ПЧК Урицкий воздержался; см.: Уралов С.Г. Моисей Урицкий. Л., 1929. С.117).

Подробности террористического акта освещены в сообщении «Северной коммуны» (1918. 31 августа. С.2) и в статье Х. «Несколько слов о Каннегисере» (Голос минувшего на чужой стороне. 1927. №5 [XVIII]. С.315-317). Следствию не удалось документально подтвердить первоначальные заявления о «ликвидации грандиозного заговора как партийных организаций, так и иностранных деятелей англофранцузского капитализма» (Петроградская правда. 1918. 4 сентября. №191. С.3). А.Л. Литвин, на основании знакомства с делом Каннегисера, указывает также, что «следователи петроградской ЧК Отто и Рикс, вначале ведшие дело, заявили, что убийство Урицкого — дело рук сионистов и бундовцев, отомстивших председателю ЧК за интернационализм. Это утверждение было отвергнуто председателем петроградской ЧК Н.Антиповым, уволившим этих следователей за антисемитские настроения (в 1919 г. их вновь приняли на службу в ЧК) и написавшим 4 января 1919 г. в "Петроградской правде": "При допросе Леонид Каннегисер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-либо организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за аресты офицеров и за расстрел своего друга Перельцевейга, с которым он был знаком около 10 лет"» (Литвин А.Л. Указ. соч. С.60). Несмотря на развязанный «красный террор», непосредственно по «делу об убийстве тов. Урицкого» был казнен только Каннегисер. Известия о его расстреле появились, со ссылкой на «сведения, полученные из Петрограда», 1 октября 1918 в архангельской газете «Отечество», ближайшее участие в издании которой принимал М.М. Филоненко (см.: Расстрел Л.А. Каннегисера // Отечество. 1918. 1 октября. №8. С.3). Официально о расстреле было объявлено в сообщении от ЧК 18 октября 1918 (см.: Петроградская правда. 1918. 18 октября. №228. С.2).

⁵⁹ Аресты «по делу об убийстве Урицкого» начались сразу же после задержания Каннегисера в доме №17 по Миллионной ул., куда он забегал, пытаясь скрыться от погони. Арестовывали, видимо, всех, упоминавшихся в записной книжке Каннегисера (ср. эпизод с арестом генеалога и нумизмата А.А. Сиверса, лично Каннегисера не знавшего, однако бывшего клиентом одного с ним мебельного магазина, телефон которого был записан Каннегисером. — Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Paris. 1988. Кн.1. С.301-302). «В связи с арестом убийцы комиссара М.С. Урицкого, студента Каннегисера членами чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией был произведен ряд обысков особой важности, — сообщала "Петроградская правда". — /.../ Сейчас выясняется вопрос, имели ли какое-нибудь отношение к преступным замыслам Каннегисера его домашние. Все они находятся под арестом. При обыске в квартире Каннегисера взята переписка» (1 сентября. №189. С.2).

Ю.И. Юркун был арестован утром 31 августа 1918. Дневниковые записи Кузмина позволяют восстановить обстоятельства его ареста и почти трехмесячного задержания. 31 августа Кузмин записал: «Я еще спал, слышу шум. Обыск. Начали с Юр. комнаты. /.../ "Юр. увели". Бегу.

Сидит следов[атель], красноармейцы. "Юр., что это?" — "Не знаю". Арестовывают, говорят, что ненадолго, недоразумение. /.../ Побегал к Ляндау. Оказывается, Урицкого убил Леня Каннегисер. Отмстил за расстрел Перельцевейга. Все родные арестованы. /.../ Посылку не приняли. Нету в списках. Смотрел списки. Нет. Но сколько знакомых /.../ Горький хлопотать отказался и думает, что я сам сижу». 3 сентября арестованные (и Юркун в том числе) были переведены в Дерябинские казармы, о чем Юркун известил Кузмина в письме, полученном им в тот же день. На следующий день Кузмин записывает: «Ходил в тюрьму. Там лучше, насколько может быть лучше в таких местах». С середины сентября начинаются хлопоты по освобождению арестованных; некоторые из них освобождены — 12 сентября Кузмин фиксирует в Дневнике: «Надеждин говорит, что "следственная комиссия" мягче, чем в начале. [Непосредственно после убийства Урицкого расследование возглавлял прибывший из Москвы Ф.Дзержинский. — Г.М.]. Сиверса отпустили». 18 сентября: «Вчера Горький подал Зиновьеву список, там и Юрочка. /.../ Слег, еле добился, чтобы Луначарский послал бумагу /.../ Некоторых знакомых Каннегисера уже выпустили». 26 сентября: «Многих освобождают». Задержание Юркуна, однако, продолжается. 14 октября Кузмин записал: «Дело с Юр. все затягивается. Все врут безбожно. Яковлева уехала в Москву ликвидировать дело Каннегисера и "попутно" будет освобождать ранее амнистир[ованных]. Ленечку не расстреляют». Следующий месяц проходит в ожидании освобождения и фиксации слухов о его сроках: 19 ноября «Жак [Израилевич] уверяет, что распоряжение освободить Юр. уже дано». Наконец, 23 ноября Юркун был освобожден.

⁶⁰ 6 сентября 1918 было опубликовано сообщение о расстреле «в ответ на белый террор» 512 человек и одновременно начата публикация списков заложников (общей численностью 476 человек), продолжавшаяся 7, 8 и 10 сентября (см.: Петроградская правда. №193, 194, 195, 196; ср. также: Смолин А. У истоков красного террора // Ленинградская панорама. 1989. №7. С.27). О событиях, сопутствовавших аресту и заключению Юркуна, см. также: Морев Г.А. Из комментариев к текстам Кузмина [I] («Баржи затопили в Кронштадте...») // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С.25-30.

⁶¹ О встрече с Чернявским в эвакуации, в Новосибирске, зимой 1943 вспоминает Д.Н. Журавлев (см.: Журавлев Д.Н. Жизнь. Искусство. Встречи. М., 1985. С.153).

⁶² Александр Григорьевич Мовшенсон (1895-1965) — искусствовед и переводчик, брат поэтессы Е.Г. Полонской (см. ее стихотворение «Чтец», посвященное памяти Чернявского: День поэзии — 81. Л., 1981. С.351-352).

⁶³ *Un peu gaga* (франц.) — впавший в слабоумие.

⁶⁴ Николай Михайлович Романов (1859-1919) — великий князь, внук Николая I, старший сын вел. кн. Михаила Николаевича, младшего брата Александра II, автор известной монографии «Император Александр I» (СПб., 1912; 2-е изд. — 1914), арестован в июле 1918, объявлен заложником 6 сентября 1918 (см.: Ответ на белый террор. Первый список залож-

ников // Петроградская правда. 1918. 6 сентября. №193. С.1), содержался в Петропавловской крепости; расстрелян там же по постановлению ПЧК от 24 января 1919. См. оставшийся неопубликованным некролог, написанный П.Б. Струве (Новый мир. 1991. №4. С.229; публ. Н.А. Струве), а также публикацию Н.Сидорова «Великий князь Николай Михайлович. Письмо из заточения [Д.Б. Рязанову]» (Наше наследие. 1992. №25. С.86-87).

⁶⁵ Близкие Каннегисера — мать, отец и сестра, арестованные 30 августа, были освобождены, по-видимому, в конце декабря 1918. М.А. Алданов в очерке «Убийство Урицкого» рассказывает о визите Р.Л. Каннегисер к умирающему Г.А. Лопатину в день ее освобождения; Лопатин скончался 26 декабря 1918 (см.: Алданов М.А. Собр. соч. Указ. изд. Т.6. С.508). О четырехмесячном пребывании родственников Каннегисера в Дерябинских казармах упоминает и Н.Н. Каннегисер в биографическом очерке своего отчима — переводчика И.Б. Мандельштама, также подвергшегося аресту и заключению (Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. Paris, 1991. С.386). Дело об убийстве Урицкого было прекращено следователем Антиповым 24 декабря 1918 (Литвин А.Л. Указ. соч. С.60). В марте 1921, вскоре после подавления Кронштадтского мятежа, Каннегисеры и И.Б. Мандельштам были вновь арестованы, но вскоре — возможно после заступничества М.Горького — освобождены (см. дневниковые записи Кузмина от 26 и 28 марта и 14 апреля 1921 г. // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1992. С.456, 457, 462). Родство с семьей Каннегисеров — И.Б. Мандельштам был двоюродным дядей Леонида — сыграло роковую роль в его судьбе: И.Б. Мандельштам позднее неоднократно арестовывался и умер в казахстанской ссылке.

⁶⁶ Об отношениях с *Гумилевым*, которого О.Н. Гильдебрандт знала с 1916, см. подробнее в ее воспоминаниях о нем, в сб. «Творчество Н.Гумилева: Исследования. Материалы. Библиография» (СПб., в печати; публикация М.В. Толмачева, комментарии Т.Л. Никольской).

⁶⁷ *Елена Анатольевна Долинова* — сестра поэта Михаила Долинова (1892-1936), автора сборников «Струнные напевы» (в составе совместной с А.Конге книги «Пленные голоса» [СПб., 1912]) и «Радуга» (Пг., 1915). См. также прим.6.

⁶⁸ «Лордом» в очерке Цветаевой назван *Иоаким Самуилович Каннегисер* (1860-1930) — видный инженер-путеец, потомственный дворянин с 1883, к 1917 — коллежский советник, директор правления Русского акционерного общества «Металлизатор». Эмигрировал вместе с семьей, видимо, в 1924 (в 1923-1924 в издательстве Северо-западного промбюро ВСНХ еще печаталось его трехтомное «Практическое руководство по административно-хозяйственной организации предприятий» [ч. I-III, Пг.; Л.]; подробный обзор разработанной в этом труде концепции организации управления см. в кн.: Корицкий Э.Б., Лавриков Ю.А., Омаров А.М. Советская управленческая мысль 20-х годов. М., 1990. С.136-143). Умер в Варшаве 16 марта 1930 (см. некрологи: Последние новости. 1930. 20 марта; Сегодня. 1930. №80).

⁶⁹ Неточная цитата из стих. А.Ахматовой «Встреча» (цикл «Новоселье», 1943).

⁷⁰ *Паллада Олимповна Богданова-Бельская* (1885-1968) — поэтесса, автор сборника «Амулеты» (Пг., 1915), активная участница литературно-художественной жизни Петербурга 1910-х. О знакомстве Каннегисера с Палладой упоминает в своих неизданных «Воспоминаниях» граф Б.О. Берг, рассказывая о событиях 1918: «Весть об убийстве комиссара Урицкого быстро распространилась по городу, а из газет узнали, что убийца его — Каннегисер. Это был тот самый Леонид Акимович, которого я видал в "Бродячей Собаке" и встречал у Паллады Олимповны, где он читал отрывки из своей поэмы "Путешествие на луну". Это был милый воспитанный юноша, производивший симпатичное впечатление. Я к нему относился хорошо, но он почему-то — в этом сомневался и помню, как в одну из наших встреч в начале войны, он мне сказал такую фразу: "Я знаю, что Вы ко мне скверно относитесь, но я когда-нибудь сделаю такую вещь, которая заставит Вас переменить обо мне мнение!" /.../ Я считаю, что он был романтично настроенный юноша, способный на сильные и благородные порывы и кто знает — когда он шел на это дело не мелькнула ли у него мысль, что убийство Урицкого — столь же полезный и необходимый поступок как убийство Марата» (Бахметьевский архив при Колумбийском ун-те; сообщено Р.Д. Тименчиком).

⁷¹ Возможно, имеется в виду один из братьев П.Богдановой-Бельской — Кронид или Леон Олимпович Старынкевич. О пребывании самой Паллады в 1920 в Крыму см. в воспоминаниях Б.О. Берга (Русская мысль. 1990. 2 ноября. Лит. приложение №11. С.ХІ. Публ. Р.Д. Тименчика); там же см. выразительные свидетельства о «ее мягущейся и непосредственной натуре, поставленной вне рамок и привычных условностей».

⁷² *Роза Львовна Каннегисер* (урожд. Сакер, 1863-1946) — жена И.С. Каннегисера, врач, умерла в Париже (см. некролог: Русские новости. 1946. 14 июня. №57).

⁷³ Сохранилось несколько свидетельств о ранних стихотворных опытах О.Н. Гильдебрандт; важнейшее из них — ее письмо В.Брюсову от 7 сентября 1917 с благодарностью за отзыв о присланных ему ранее стихах (стихи, как и ответное письмо Брюсова, неизвестны) и стимулированными этим отзывом признаниями: «/.../ Я вряд ли перестану "писать" ... Но я никогда больше не осмелюсь назвать мою чепуху — стихами.

Даю Вам честное слово /.../, что я никогда не называла мои писания — стихами, и то, что я к Вам обратилась, было какой-то ошибкой. /.../ Писала я стихи потому только, что не находила другого средства "успокоиться", вот и Вам пишу теперь поэтому — меня давит будто впечатление Вашего такого ужасно справедливого письма, — если не напишу, будто разорвется что-то. Ведь не всегда в жизни — когда чувствуешь себя счастливой, есть возможность действительно пережить свою радость, не всегда — в горе — есть смелость топиться... а у меня только одна возможность сладить со своими чувствами — написать. А почему-то моего глупого, обычного дневника — мне не всегда хватает, выходят против

воли строчки с чем-то вроде ритма и рифм, и их-то я Вам осмелилась прислать.

Вы своим письмом помогли мне уяснить себе то, что я раньше, кажется, чувствовала: что все образы и слова стихов должны иметь основание в себе самих, вытекать по необходимости друг из друга, что искусство имеет свою собственную жизнь, а я стремлюсь только отразить в своих стихах чувства и мысли, аналогичные с теми, что были у меня в действительности /.../» (ОР РГБ. Ф.386. Карт.75. Ед.хр.3. Л.2-2об.).

В 1921 о стихах Гильдебрандт отозвался в Дневнике Кузмин: «Юр. показывал Оленькины стихи, будто пятилетняя писала. Смешно, но даже не оскорбительно» (М.Кузмин. Дневник 1921 года / Публ. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. С.468).

⁷⁴ Ср. в стихотворении А.Ахматовой «Годовщину последнюю празднуй...» (1938): Из тюремного вынырнув бреда / Фонари погребально горят.

«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК»
Переписка Пастернаков и Ломоносовых
(1925-1970)*

Публикация Кристофера Барнза и Ричарда Дэвиса.
Подготовка текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс

31. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

21 февраля [1929]

Дорогая Раиса Николаевна, я страшно долго, кажется вечность, Вам не писала. С осени одно за другим следовали несчастья и неприятности, одно сменялось другим, жизнь пошла под уклон. Уже одно возвращение с знойного, светлого Кавказа в наш/у/е полу-темное, мелочно-суетливое, душное жилье — чем-то грозило. Вскоре вызвали меня в Ленинград к сестре¹ заболевшей [sic] тифом; едва я вернулась в Москву скончалась от уремии моя мама. Не расскажешь и вновь не переживешь. Еще на первой же неделе, когда я ежилась и забивалась под подушки и в углы, и одинакого [sic] страшной вставала жизнь и смерть, сошла с ума прислуга², бывшая няней у Женички. Трудность помещения в больницу, трехнедельное пребывание с ненормальной, отвращение и жалость к ней, диагноз: прогрессивн[ый] паралич на почве и т.д. Потом оказалось, что болезнь ее 20-тилетней давности и нас заразить она не могла, но об этом мы узнали пережив несколько ужасных дней. Милая Раиса Николаевна, не обижайтесь же на нас, что мы не писали вам, не подавали о себе вестей.

---

* Продолжение. Начало см.: Минувшее: Исторический альманах. Т.15. М.; СПб., 1994. С.193-247.

Теперь понемногу отхожу, но найти себя очень трудно и настроение очень неровное, какая-то большая апатия, я ее называю «болезнью воли», когда проще всего поддаваться инерции и уже не механическим, а требующим напряжения, кажется любой шаг, любое движение. Крепко Вас целую. Где Вы, как Ваше здоровье, настроение? Мы очень, очень рады бываем Вашим письмам, Вашему непосредственному и живому отношению к жизни и к людям. Еще раз крепко Вас целую. Сердечный привет Юрию Владимировичу и Юре.

Ваша Женя.

Год установлен по почтовым штемпелям. Отправлено из Москвы в Санта Маргериту (Италия) и оттуда переадресовано в Рим и Балтимор (США).

¹ Гера (Гита) Владимировна Лурье (1897-1975).

² Подробнее об истории с бывшей няней Феней см.: Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг / Под ред. и с комментариями Эллиты Моссмана. New York & London: «Harcourt Brace Jovanovich», 1981. С.115-117.

32. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[28 февраля 1929]

Раиса Николаевна, дорогой друг мой, как понять, что до сих пор, с самого лета я не постарался сказать Вам, что молчу не случайно, а оттого, что письма — пустяки в сравнении с тем, что я должен сделать не столько Вам, сколько благодаря Вам. Когда я весной собрал из старых вещей книжку¹, то увидел, что все хорошее что было в моей жизни до 30 лет, я как-то, прямо или косвенно, а словом добрым все же помянул, и только /с по-/ перед последними годами в черном, неоплатном, позорном долгу. Вас не обидит, что Вы не в одиночестве? Но среди неотложных работ, вдруг скопившихся к концу этого года, за писаньем прозаической повести² я не расстанусь с мечтой написать несколько настоящих т.е. достойных Вас и В[аших] соседей посвящений:

Марине [Цветаевой], Ломоносовой, женё,

Ахматовой, обоим Мейерхольдам³.

Мне хочется так хорошо написать Ваше (т.е. обращенное к Вам), что просто страшно: разумеется, /это/ не получится, как я бы того хотел. И конечно я /В/ всех Вас друг к другу ревную и не понимаю, как кто-нибудь из вас не съел всех остальных.

Итак вот то наименьшее, что может меня избавить от того, что меня преследует, когда я, например, обращаюсь к Вам. От сознания, что бесплодно зная Вас, я как бы Вас украл, и отойдя на краже и отъевшийся, никому не показываю. Так я отдам и покажу.

А между тем идет время, и я не знаю, как Ваше здоровье. Я допустил почти что преступление по отношению к самому себе, когда оставил Ваше летнее письмо без ответа. Если бы Вы знали, в какой урочный час оно пришло! Но не все можно называть, и не на все хочется оглядываться. У меня нет чувства, что я Вам сейчас пишу, вся моя чувствительность поглощена надеждой /что Вас я порадую [?] другим/ на посвящение. Но сообщите мне, не откладывая, как Ваше самочувствие, и напишите, пожалуйста вообще о себе. — Знаете, чем я занят? Мне на днях минуло 39 лет (как стыдно! — не цифра сама по себе — а уровень мыслей и забот в связи с нею). Я хочу подвести и закончить все недоделанное /в такой дозе/ настолько, чтобы к 40 годам этот цикл был готов, и можно было бы либо спокойно умереть, либо остаться жить, и тогда как бы снова, новым циклом. Привет Юрию Владимировичу и Вашему сыну. Не забудьте написать о себе. О как помню я ту Вашу руку, что писала, превозмогая боль.

Преданный Вам Б.П.

[Приписка:]

Женя Вам написала большое письмо и на днях посылает.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Санта Маргериту и оттуда переадресовано в Рим и Балтимор

¹ По всей вероятности, речь идет о кн.: Избранные стихи. М.: «Огонек», 1929.

² «Повесть».

³ О стихотворениях, посвященных М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой (Горенко; 1889-1966) и В.Э. Мейерхольду (1874-1940) и его жене З.Н. Райх (1894-1939), см.: ЛН93. С.656-658.

33. Б.Л. Пастернак — Ю.В. Ломоносову

20.IV.[19]29

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Без меры буду Вам признателен или Вашему сыну, если Вы или он вкратце, в открытке известите нас о том, как здоровье Раисы Николаевны. В ее молчании в ответ на наше письмо нет ничего такого, что бы не оправдывалось еще более длительными случаями отмалчивания с нашей стороны, которых было не мало.

Но на этот раз ее безмолвие странно пугает и беспокоит меня. У ней бывали случаи невралгии, когда писанье сопряжено /было/ для нее с физической болью, и вот из опасенья, не так ли это и сейчас, я решаюсь обременить Вас или Юрия Юрьевича своим запросом. Посылаю письмо наудачу в Италию, хотя вероятно Вы оттуда уже выехали, — но авось дошлют по Вашему новому адресу¹. Если на него не получу ответа, попытаюсь запросить Вас телеграммой на Leitzenburgerstr[asse] 11. Простите за беспокойство. Заранее благодарный Вам и глубоко Вас уважающий

Б. Пастернак

Адрес наш: Москва 19 Волхонка 14 кв 9. Б.Л. Пастернаку.

Отправлено 22 апреля 1929 из Москвы в Санта Маргериту и оттуда переадресовано в Рим и Балтимор.

¹ С февраля 1929 по весну 1930 Ломоносовы находились в США, где Юрий Владимирович пытался наладить свои профессиональные дела, работая сначала консультантом по дизельным локомотивам на Болдвинском паровозостроительном заводе (Baldwin Locomotive Works) в Филадельфии, а потом занимаясь исследованиями в той же области в Калифорнийском технологическом институте (California Institute of Technology) в Пасадене.

34. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

23.IV.[19]29

Дорогая Раиса Николаевна!

Какую радость доставили Вы нам вчера! Обходом и, вероятно позднее придет к Юрию Владимировичу запрос о Вашем здоровье, отосланный с неделю назад¹. По его содержанию Вы догадаетесь, как склонен я сейчас к мрачнейшим предположениям и каким подарком были вчерашние вести от Вас. Письмо Вы заканчиваете обещаньем /ответ/ написать в скором времени и мне. Мне хочется уверить Вас, что Вы это уже сделали, потому что после пережитой тревоги радость, заключавшаяся в Вашем вчерашнем письме так велика и всесторонняя, что я не знаю, что Вы смогли бы еще сказать такого, что не покрыто ею. Это один из тех случаев когда реальный факт жизни говорит за человека, и своим дорящим красноречьем далеко обгоняет его. Разумеется я буду рад всякой Вашей строчке, но не мог умолчать и об этом ощущении. Во всяком случае не думайте об ответе мне и не спешите им, я все еще в том долгу перед Вами, о котором писал в послед-

ний раз², и если бы Вы принялись разубеждать меня в этом сознании, то только бы огорчили.

Мне удастся отправить Женю на месяц в Крым. В конце недели она, вероятно, выедет в Гаспру³. Я думаю, она оттуда ответит Вам.

У меня работ по горло, год сложился не совсем так, как я предполагал, хотя и довольно удачно в материальном отношении, — но чего это стоит! Впрочем эти все решительные пустяки, и если они могли вкратце к концу письма, то только потому, что самое главное я уже сказал: что Ваше письмо ведет самостоятельное существование *и само пишет письма*, потому что оно означает, что Вы живы и здоровы, а это все, и даже больше Вас и меня. Как только у меня несколько разрядится время, напишу Вам больше. Я пока спешу горячо поблагодарить Вас за известия. Неужели мы никогда не увидимся?

Ваш Б.П.

Привет от всего сердца Юрию Владимировичу.

[Приписка 1:]

Завидую Юрию Юриевичу. Как я любил в молодости эту регулярную «Экзальтацию недосуга», когда дело начинает за-

[Приписка 2:]

бавлять и радовать, как спорт⁴. Любил экзамены и пр.

Отправлено 24 апреля 1929 из Москвы в Нью-Йорк и оттуда передано в Чикаго.

¹ См. №33.

² См. №32.

³ См. №37.

⁴ Ср. конец №36 и прим. 3 к нему.

35. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

16.V.[19]29

Дорогая Раиса Николаевна!

Давно следовало рассказать Вам, как я опять нашел Вас, во всем проявлении Вашего неповторимого существа, где всего меньше ожидал встретить. Когда мне позвонила неизвестная американка, я предположил, что это журналистка, т.е. что она интересуется мною лично, как литератором (после трехгодовой ста-

тьи Св[ятополка-] Мирского в London Mercury¹ такие случаи бывали). И потому я отвечал ей сдержанно и м[ожет] б[ыть] без достаточного уваженья. Разговор происходил по-французски, и когда она, (может статься) Вас назвала, то дала Ваше имя в англ[ийском] произношении. Когда я в коридоре гостиницы увидел этих милых и наивных сорокалетних детей², то уже и тут почувствовал, что ошибся в своем толкованьи. Когда же мне подали конверт с таким знакомым почерком, я сразу понял, что обозначало то смутно скользнувшее французское слово: la manasse³, которого я так и не понял по телефону. Говорить ли, как Вы по-прежнему внезапны и удивительны, и насколько все остается нетронутым и неизменным вне зависимости от того, мог ли я или не мог принять Ваш подарок Жене. Все равно он получен и никаким выраженьем благодарности не может быть возмещен. Настроясь на деловой лад, я принялся объяснять Mrs⁴ Ку, какое, ничуть не меньшее, а бóльшее одолжение Вы бы нам сделали, если бы согласились вперед назвать мне место, куда бы я тут мог внести русский эквивалент этих денег, а потом по сделанном вкладе, согласились бы Ваш подарок перевести на Женино имя, куда бы я Вам указал, потому что я не теряю надежды попасть когда-ниб[удь] с семьей за границу, и при трудности получения и вывоза валюты отсюда, иметь ее наготове у Вас — настолько большое облегченье, что значеньем своим оно превосходит всякий подарок. Но /э/ предлагаемого обмена я ей, как иностранке, никак не мог растолковать, сложность дела разошлась с ее привычками, мое же утвержденье, что этот обмен вызвал бы еще бóльшую благодарность, чем односторонняя дача, вовсе ее спутало. Был момент, когда мне показалось, что она заподозрела [sic] во мне спекулянта.

Это очень, очень милые люди. Я там познакомился, кроме Ваших непосредственных друзей, еще с четою Купер. Я был там два раза, и разговорился с ними лишь во второй. Мне они все очень понравились, и Вы наверное не ошиблись в них, доверив им ломоносовскую волну: они ее хорошо приняли и полностью докатили, мне за /волну/ суд волны болеть душой не пришлось. Иное дело — я. Я наверняка (через их преломленье) обманул Ваше доверье. Во-первых, Жени уже не было в Москве ко времени их приезда. Было 1е мая и дни страстной. Учрежденья, музеи и пр. были закрыты по майским основаниям, дома у нас на два на три дня разбежалась по другим, бытовым причинам генеральная предпраздничная уборка. Все стояло кучею и вверх-ногами: мне некуда их было пригласить. Далее, хотя я предлагал им свои услуги, но так и остался совершенно бесполезным для них — у них были другие пути и связи. Наконец, сильнее всего уронил я Вашу рекомендацию

вероятно тем, что они с Ваших слов ждали увидеть другого человека, и, думаю, по нраву я им прийти не мог. В те дни они собирались в Ленинград и я не знал, что второе мое посещение будет последним: у нас был уговор повидаться опять при их проезде через Москву на Кавказ. Судя по срокам, они уже туда проехали⁵, и встречи, стало быть, не состоялось. Вполне ли уясняете Вы себе назначение этих последних строк? Они полны извиненьями, я ишу способа перед Вами оправдаться. Людей, Вами как бы отряженных, следовало с ног до головы окатить задушевностью, немного напоминающей то, что вызывает Ваше имя. И я этого не сумел сделать. Я назвал Вам несколько причин, явившихся внешними препятствиями. Однако внутренне кое-чем помешали мне и сами они. Я несколько раз понимал их превратно. Говоря о перенесенных нами испытаньях они разумели меня с Женей и историю с нашей nurse⁶ (как потом выяснилось) я же сперва вообразил что речь о революции и обо всем населении. И о маленьком Жене они справлялись чаще и теплее, чем это тут у нас в обычае. Вы видите, как высоки и трогательны их недостатки. Я не всегда поспевал за их завидною переоценкой семейного и личного, и за их верою в те человеческие права, которых я за собой не знаю. В эти мгновенья разговор, происходивший на иностранном языке и одним своим звуком взывавший к расширенным горизонтам, казался мне без пользы /оставленной/ потраченной, продешевленной возможностью. Я очень надеялся все загладить в новую встречу, и не знал что случая к ней больше не представится. И оттого до сих пор не писал Вам.

Теперь о Вашем письме, с которым я тогда ж расставался. Я ужасно люблю Ваши недосказанности, достойные, достойные и темные. Они, не становясь ясными, доступны подхвату, ими можно дышать. И потом, вся жизнь последних лет, вся кругом, так же облачна и недоговорена (при страшно счастливом газетном треске). Так что это не только Ваше, а и общее. А я больше всего люблю именно эти стороны в человеке. Ну, — руку, Раиса Николаевна, или — обе.

Ваш Б.П.

[Приписка в нескольких строках перечеркнута].

Отправлено 18 мая 1929 из Москвы в Нью-Йорк.

¹ В статье «The Present State of Russian Letters» в журнале «The London Mercury» (Vol. XVI. №93. 1927. P.275-286) Д.П. Святополк-Мирский посвятил творчеству Пастернака полторы страницы.

² Речь идет о группе американских специалистов по проблемам детской и молодежной преступности, прогрессивной педагогике и другим социальным вопросам, посетившей Москву и Ленинград с 30 апреля по 16 мая 1929 и привезшей письма к Пастернакам (и Чуковскому) от Ломоносовой. В группу вошли знакомые и друзья Ломоносовых со времен их пребывания в Hull House Settlement (см. прим.8 к письму №20): Эстер Кон (Esther Kohn — урожд. Лёб/Loeb; 1875-1965), Эдвин Ку (Edwin Kuh; 1858-1940) и его жена (или, возможно, их сын, тоже Эдвин, и его жена Шарлотт [Charlotte — урожд. Гринбаум/Greenebaum]), руководитель группы, журналист Фредерик Ку (Frederick Kuh; 1895-1978), Декстер Купер (Dexter Cooper) и его жена, и оставившая отчет о поездке Джулия Лэйтроп (Julia Lathrop; 1858-1932). Отчет Дж.Лэйтроп под названием «Memoandum of Russian Journey /.../» хранится в рукописном отделе библиотеки Иллинойского университета в Чикаго. В нем не зафиксированы встречи членов группы с Пастернаком, но подробно и любопытно рассказывается о встрече 13 мая 1929 в Ленинграде с Чуковским и молодым Пантелеевым (А.И. Еремеевым; 1908-1987), который посвятил этому эпизоду мемуарный очерк «История одного автографа» в кн.: Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: «Советский писатель», 1977. С.94-100.

³ Вероятно, американское — а не английское — произношение позвонившей Пастернаку дамы вызвало у него такой «звуковой образ» фамилии «Lomonossoff».

⁴ Транскрипция английского сокращения «Mrs.» — миссис.

⁵ Американская группа не собиралась на Кавказ после посещения Ленинграда 10-13 мая, а вернулась в Москву, откуда уехала в Берлин вечером 16 мая — в день написания №35.

⁶ Няня (англ.). См. №31.

36. Р.Н. Ломоносова — Е.В. Пастернак

[На бланке:] The Grosvenor [Hotel]
35 Fifth Avenue, New York
Greenwich House,
27 Barrow street
New York City
U.S.A.

24 Мая, 1929 г.

Дорогое мое Дитятко,

Я так была рада получить Вашу открытку и знать, что Вы выбрались из кошмарной обстановки. Грейтесь, отдыхайте и старайтесь забыть. Жизнь так коротка и полна горя и нужды. Надо иметь силы забыть прошлое, жить настоящим и мечтать о буду-

шем. Не тоскуйте, родная. Мне кажется у Вас так много хороше-го, особенно настоящая дружба с Бор[исом] Леон[идовичем], а это редкий дар в супружеской жизни.

Сколько так называемых счастливых браков, где любовь жидется [т.е. зиждется] на ревности, страхе потери [sic] и... полном недоверии.

Здесь много суеты. Время летит и создается большая усталос[т]ь и душевная неудовлетворенность.

Были мы почти три недели в Чикаго. Там старый наш друг Helen Mead¹, жена философа Mead'a умирает от рака. Семья, думая что H[elen] M[ead] не знает существа болезни, делает веселый вид и говорит о скором выздоровлении, а Helen чтобы не огорчать окружающих... говорит о предстоящей поездке в Гонолулу, где у них родные и небольшой клочок земли. Вот уже четыре месяца, как она не встает с постели. Комната полна цветами и книгами. Приходят знакомые, разговаривают и все как бы обыкновенно.

Как-то вечером накануне нашего отъезда она говорит: «Вот Толстой был верующий, а тяжело умирал², я агностик и мне тоже тяжело, должно быть смерть ненормальное явление». Потом пришли в комнату другие и мы простились «весело».

Лучше было бы Вам этого письма не отправлять, но боюсь опять заматаюсь и не собираюсь [sic] написать скоро.

Крепко целую Вас и Женюрочку, и Бор[иса] Леон[идовича] если он с вами. Юр[ий] Вл[адимирович] шлет Вам троим сердечный привет.

Чуб в Филадельфии³. Работает, бедняга, по 10 часов в день. Очень устает и пишет редко.

Всегда Ваша

Р.Ломоносова

Отправлено 25 мая 1929 из Нью-Йорка в Гаспру (Крым) и оттуда переадресовано в Москву.

¹ Сотрудница знаменитого американского философа и педагога Джона Дьюи (John Dewey; 1859-1952), Хелен Мид (Helen Mead, урожд. Кастл/Castle; 1860-1929) и ее муж Джордж Мид (George Mead; 1863-1931), профессор философии Чикагского университета (1907-1931), — друзья Ломоносовых по Hull House.

² Неясно, на чем основано это утверждение, поскольку в доступной Х.Мид англоязычной и переводной мемуарной и биографической литературе о Л.Н. Толстом его последние дни и смерть на станции Астапово не освещаются в особо мрачных тонах. Возможно, что она имела в виду

не самого Толстого (1828-1910), а действительно тяжело умирающего героя его повести «Смерть Ивана Ильича» (1886).

³ В 1929 Ю.Ю. Ломоносов работал на Болдвинском паровозостроительном заводе в Филадельфии (см. также прим.1 к №33).

37. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

12 июня [1929]

Москва

Дорогая, /(по-настоящему дорогая, а не как принятое начало письма)/ Раиса Николаевна, и опять я Вам напишу то же, что я уже много раз писала, что мне хочется Вас видеть, с Вами побыть, что я Вам благодарна за ласку, что такая забота как Ваша возвращает бодрость, веру в себя и судьбу, не найду новых слов не сумею детализировать мое отношение к Вам. (Я потому и не могу писать писем). Я была в Крыму, когда здесь были Ваши друзья¹ и узнала все только потом. Я счастлива дважды, во-первых, что мне был от Вас подарок, во-вторых, что он уехал к Вам обратно, это облегчает мне мое отношение к Вам. Я была в Крыму одна без Женички. Женичка оставался с папой. Поправилась и отдохнула, а главное успокоилась. Я жила там на всем готовом среди меня не знающих людей связанная с ними только /месячным пре/ на время, забыв что есть семья, мысли, Москва, время, порою чувствуя себя бродягой. Такой же я и вернулась и этим заразила /дня/ и дом /2/ дня на 2. А потом Москва опять стала одолевать. Главное же что теперь Борису Леонидовичу предстоит операция, у него образовалось нагноение в нижней челюсти. Вероятно в начале будущей недели будут оперировать². Если все благополучно обойдется мы к 1-му перееедем в деревню, в 5 верст[ах] от Можайска³. А что если бы Вы вдруг приехали к нам летом! Еще раз крепко Вас целую

Ваша Женя

Отправлено из Москвы в Нью-Йорк и оттуда переадресовано в Филадельфию.

¹ См. №35.

² См. №38.

³ См.: ЛН93. С.678, 708-709 и Материалы. С.458-459.

Дорогая Раиса Николаевна!

Как бы мне хотелось по-настоящему ответить на оба Ваши последние письма, и как это сейчас невозможно! Я в большой растерянности и меня не столько смущает предстоящая операция¹, сколько целое множество забот, связанных с переездом семьи на дачу², с появлением новой воспитательницы³ у Женички и с другими вещами того же порядка. Вслед за Вашим письмом мне, которое Вы просите уничтожить (зачем? что в нем роняющего Вас или недостойного, или не похожего на жизнь и ее большую, простую глубину?) пришло письмо, адресованное Жене в Кореиз⁴ (его сюда дослали). Я оттого и сказал, что хотел бы Вам ответить на *оба* письма. Потому что Женина письма⁵, отправленного Вам до получения Вашего, нельзя считать ответом. И мне больно сознавать, что душевная звучность Ваших обоих обращений тонет без явного для Вас отзыва. Итак, не считайте этого ответом: я озабочен, я нездоров, /=/ т.е. я мелок сейчас; я несравненно ниже того уровня, на которой /письма/ приглашают Ваши последние строки. И — чтобы избежать неясностей. В одном письме Вы говорите о Mrs Mead, в другом — о себе, и так, что Вам кажется, будто это можно уничтожить. Так вот, это более чем круг вещей, которыми я живу последние годы: это — мой язык последних лет, это мое существование, это — единственная серьезная музыка которую я еще слышу. Хочу ли я сказать, что при посещении Mrs Mead у меня не сжалось бы сердце? О нет, конечно! Но мне через год будет сорок лет. И как я рад, что это так, как рад, что мне не двадцать! Вы видите, мы с Вами почти что однолетки, и в современной смешанной школе мы сидели бы в одном классе, мы с Вами не знали бы приблизительно одного и того же. Но /как/ насколько радостнее знать одно и в этом одном узнавать живую связь! Разве *знание само* не волнуется, не отливает красками, не старается нравиться, разве знание /гр/ больших, грустных, притихших людей не похоже на то, чем эти люди были в молодости и в детстве? И я вдруг повеселел и успокоился, когда не на словах только, а всей манерою держать себя, всю походкой и пр. впервые почувствовал и понял, как я умру, как переживу то, что меня не станет. Но я лет на 50 старше Вас, и глупо, что так распроповедывался. Зачем я пишу Вам сегодня, в самое неподобающее время? Чтобы Вы знали, что Ваше письмо дошло все полностью, и что мне с ним, среди моей ближайшей житейской

программы легче, чем было бы без него. Я разделил также и Женино волнение, в письмо к ней уложено ведь не меньше души, чем в письмо в Москву. Если обстоятельства сложатся так, что мне не скоро случится опять собраться с духом, как было в последние месяцы, и я Вам не напишу в июле, тогда прошу Вас взглянуть на мою прозу (в июльск[ом] № Нового Мира)⁶ как на какое-то подобье ответного письма. Но, разумеется, это аналогия очень неопределенная и речь может идти только о голосе, который мне сегодня изменяет. Хотя это будет начало большой вещи, и вся она еще впереди, но я уже и в этой первой части поспешил заговорить о тех важных вещах, которые составят завязку целого. Ваши извиненья (по поводу американцев и подарка Жене⁷) меня ошеломляют и конфузят. В чем извиняться *Вам*? И куда мне *деться* от таких извинений? Похоже, будто Вы решили меня совершенно этими тонкостями уничтожить. Я В.Е. Тар⁸ послал, сколько Вы просили, прилагаю квитанцию⁹. Осенью сообщу Женин адрес¹⁰, Вы же не напоминайте мне об этом, а прочтя повесть, напишите непосред-

[Приписка:]

ственно и коротко, легко ли и хорошо Вам читалось или нет. Сердечный привет всем Вашим. Любящий Вас

Б.П.

Отправлено 15 июня 1929 из Москвы в Нью-Йорк и оттуда переадресовано в Филадельфию.

¹ Подробнее об операции см.: ЛН93. С.678 и Материалы. С.457-458.

² См. №37 и 39.

³ Елизавета Михайловна Стеценко (урожд. Гирей, в 1-м браке Лопухина). О ней см.: Материалы. С.456-459.

⁴ №36.

⁵ №37.

⁶ В «Новом мире» (№7. 1929) печаталась «Повесть».

⁷ См. №35 и 37.

⁸ С В.Е. Тар Р.Н. Ломоносова дружила с молодости в Одессе.

⁹ К письму приложена «Расписка в приеме перевода» 200 рублей в Ленинград от 12 июня 1929.

¹⁰ По всей вероятности, речь идет о Ж.Л. Пастернак (ср. в №39: «Тогда я сообщу Вам адрес родных за границей»).

10.VII.29

Дорогая Раиса Николаевна!

Операция моя оказалась болезненнее, чем я думал, но теперь по счастью все позади. Женя бедная извелась, ухаживая за мною, и спустила все, что приобрела в Гаспре. Порядком тоже выбит и я из колеи. Надо бы продолжать дальше прозу, о /котор/ начале которой Вам писал, надо бы закончить кое-что другое¹, пора бы опять вспомнить, что смысл всего предстоящего года, как я его понимал, сводился к исполнению всего недоделанного и к подготовке в заграничную поездку, но инерция временно утрачена, и я еще не могу почесть себя здоровым, рана еще не зажила, хотя заживает нормально.

Едва ли Вы на лето останетесь в Нью-Йорке. Напишите же, как переберетесь, каково Вам там. Не сердитесь на меня за механически-спокойное течение письма, мне хочется поскорей избавиться от забот о себе, и я держусь предписанного режима с преувеличенной и суеверной точностью. На днях Женя с маленьким Ж[еней] и одной очень милой дамой² переедут в деревню под Можайском, мне же еще нельзя будет, п[отому] что надо еще ходить на осмотр в амбулаторию и я наверное к ним подъеду спустя неделю-другую. Мне не следовало бы писать Вам сейчас п[отому] что интересного сообщать нечего, и Вам будет неприятно это пустое и, если его можно так назвать, — диетическое письмо. Чтобы его как-нибудь осмыслить, я закончу его просьбой. Я был бы очень рад и еще больше того Вам благодарен, если бы Вы мне дали порученье подобное прежнему³, хотя бы в остающихся до Вашего подарка размерах. Тогда я сообщу Вам адрес родных за границей. Если же Вы раздумали, или не хотите, или если это в каком бы то ни было отношении неудобно, то пожалуйста не навольте себя, это не так настоятельно нужно, хотя и очень было бы кстати. Всего, всего лучшего. Забудьте про это письмо. Женя крепко целует Вас и я присоединяюсь к ее порыву.

Ваш Б.П.

Отправлено из Москвы в Нью-Йорк.

¹ По-видимому, речь идет о последних главах романа в стихах «Спекторский».

² Е.М. Стеценко.

³ Ср. конец №38 о передаче денег В.Е. Тар в Ленинград.

Раиса Николаевна, дорогая! Мало интересного скажу я Вам на этот раз. Только что писал в Лондон Св[ятополку]-Мирскому после полуторагодичного перерыва, и письмо вышло неприлично длинным, потому что вдруг заговорил о Вас, и рассказ об этой изумительной, почти незатронутой словами и фактами дружбе и о Вас, ее главном лице, дареном и далеком, распер бока конверта, как гармонику¹.

Тишину Вашего дома, о кот[орой] Вы писали, очень легко увидеть на приложенной фотографии. Мы ею любовались. Но Вы удивительны. Вы в чем-то извиняетесь, касаясь встречи с Mrs Kohn². Вы, разумеется, знаете, что извиняться Вам в том, что Вы меня растрогали и доставили мне радость, (независимо от практических перипетий последней), — абсурдно. Но это же должен подтвердить и я. Итак, подтверждаю. Вам не только не надо извиняться передо мной в случаях Вашей благороднейшей невинности, но у Вас даже есть право /даже/ и огорчить меня, не извиняясь. И как мне его не любить?

Неудовлетворенность, которую должна была ощутить Mrs Kohn от нашей встречи, она м[ожет] б[ыть] ошибочно относит к случаю с передачей. И м[ожет] б[ыть] в неловкое положение поставил Вас я, (как уже и писал Вам тогда же), не оправдав Ваших надежд и Вашей рекомендации. Однако я не прошу прощения, п[отому] что причины всего этого вне меня. Причины этого лежат в непредставимости нашего общего русского обихода последних лет. Вещам неуловимым, но разлитым в воздухе, основным, всех касающимся и т.д. я поддаюсь почти по-женски. И если я говорю, что теперешний наш обиход трудно себе представить, /на живой независимый человеческий взгляд,/ то это значит, что всего труднее себе представить — мой собственный и людей моего склада и в моем положении. Разумеется я тот, кому Вы пишете, кто радуясь отвечает Вам, и не договаривает, и посылает Вам поклонны в «Повести» и т.д. и т.д. Но я не тот, кому Вы поручаете Ваших друзей. Они должны разочаровываться, не столько во мне (это меня не интересует, потому что касается прямо меня, и тенью, которая при этом на меня падает, я Вас не задеваю). Они должны разочаровываться в моем поведении, в порядке встреч, в несоответствии перспектив от этого знакомства с тем, на что они могли рассчитывать, зная Вас.

И вот /в/ только в этом подчеркнутом отрезке меня их разочарованье интересует и печалит. Повторяю: это не про-

явление небрежности к Вашей рекомендации, а то, что я живу совсем не так, как надо жить, чтобы подхватывать людей и им что-то открывать и показывать. Позвольте мне не разьяснять этого во всех подробностях: это — беднейшая из тем, но это тема нашего существования.

Причины эти могли сказаться при знакомстве с Mrs Kohn. Но они выступили с такой фатальной остротой в судьбе моего знакомства с достойнейшей и очень нам понравившейся Miss Kelsey³, что просто страшно, что она должна обо мне думать. И как на зло я занят был труднейшим (тематически и политически) окончанием одной вещи⁴, которую по договору должен был сдать прошлой зимой, и которую сел дописывать именно в это время, под градом участившихся напоминаний из Ленинграда. Но суть не в том, что мне было некогда. Нет, нет. А в том, что я с дня на день надеялся ее кончить и *вздохнуть свободно*, и потом повидать Miss Kelsey вновь, в самый миг этого вздоха: я рассчитывал что эта ремесленная и мгновенная радость хоть на минуту подымет над мизерным и подневольным уровнем первой встречи человека, ей названного *Вами*. Но я переоценил свои силы, хотя и опоздал всего на два на три дня. И Miss Kelsey никогда не узнает, какою краской стыда и невольного позора она меня покрыла, не известив заблаговременно о своем отъезде. Конечно мы бы еще увиделись, и ряд случайных обстоятельств, отягчающих мое положение перед ней, был бы устранен. Я не знаю ее адреса, и пользуюсь Вашим, чтобы переслать ей мои пространные извиненья. — Все же это в сумме совершенные пустяки, и довольно об этом.

«Повесть» — начало романа. Не знаю, напишу ли я его. Но это третья, приблизительно (по размеру) часть задуманного целого. Ошибкой редакции было не /дать/ указать этого. Концом этой части я был как раз занят весной, в бытность тут Mrs Kohn.

И это трудно выразить, но воздух повести Вы могли признать, как в каком-то отношении знакомый, свой и родной: Вы в нем побывали. Я не мог бы Вам назвать места или лица, где Вы бы себя нашли, (и я этого не умею, /и/ не в этом мое назначение), но в лучших частях ее состава Вы принимали участие, чему-то Вашему я искал выраженья, какую-то высоту, подсказанную Вами, брал для вас; короче, все это явилось *и с Вашей помощью*. Разумеется, Вы об этом догадываетесь, и о том, что житейски это ровно ничего не значит, что этим нельзя воспользоваться, что это никому ничего не прибавляет, и не отымает ничего. И вместе с тем это теплее всякого жара, /и теплее и точнее/ и больше и точнее любого вида преданности.

Простите мне все убожества этого отвратительного письма. Так ли должен я говорить с Вами при всем том, что я о себе знаю! И содержанье этих последних страниц не ново. Оно известно Вам. И в замечаньях о «Повести» нет ничего неожиданного. Я не мог не писать Вам чего-нибудь такого уже и раньше, и как раз в те весенние дни. И наверное так и сделал. Или меня что-ниб[удь] остановило? Теперь не помню. А литературно это вещь уж не ахти какая, и в журнале много замечательного. Так напр[имер] я в восхищеньи от Толстовского «Петра» и нетерпеньем жду его продолженья⁵. Сколько живой легкости в рассказе, сколько мгновенной загадочности придано вещам и положеньям, именно той загадочности, которую ды-

[Приписка 1:]

шет всякая подлинная действительность. И как походя, играючи и незаметно

[Приписка 2:]

разгадывает автор эти загадки в развитии сюжета! Бесподобная вещь. Посылаю

[Приписка 3:]

письмо без Жени, чтобы не задерживать. Она на заводе, пишет кузнецов⁶. Мне попадет, когда она узнает, что письмо послано без

[Приписка 4:]

ее участия. Этот пробел восполню в ближайшем следующем письме. Крепко Вас любящий

Б.П.

Отправлено 5 декабря 1929 из Москвы в Пасадену (США).

¹ Описываемое письмо от Пастернака Святополк-Мирский переслал Цветаевой, которая привела большой отрывок из него в своем письме Ломоносовой от 1 февраля 1930 (см.: Минувшее. С.221-222).

² См. №35.

³ Мэри Кельси (Mary Kelsey; 1877-1948) — американская квакерша, активно участвовала в благотворительной работе квакеров в пользу пострадавших от войны (Freinds Emergency War Victims Relief Committee) во Франции после Первой мировой войны и организовала в 1920-х в своем французском имении ряд конференций (Conférences de Honfleur), посвященных поискам мира в международных отношениях. О ней читаем в дневниковой записи от 24 апреля 1929 находившегося тогда в Филадельфии Ю.В. Ломоносова: «Третьего познакомился с очень милой квакершей Miss Kelsey: она состоит здесь председательницей общ[ества] культурного сближения с Сов[етской] Россией; в 1925 была в России /.../» (РАЛ

MS. 716.3.17). В октябре 1929 Мэри Кельси еще раз ездила в СССР и встрети-
лась с Пастернаками. Об этой встрече см.: Минувшее. С.222.

⁴ Речь идет о последних главах романа в стихах «Спекторский».

⁵ В одном из номеров журнала «Новый мир» с пастернаковской «По-
вестью» (см. прим. 6 к №38) появилась первая глава первой книги романа
А.Н. Толстого (1883-1945) «Петр Первый», который потом выходил це-
лый год в каждом номере журнала.

⁶ См.: Материалы. С.459.

41. Р.Н. Ломоносова Б.Л. и Е.В. Пастернакам

12-го декабря, 1929 г.

Дорогие друзья мои Евгения Владимировна и Борис Леонидович,

Скажите что с вами случилось? Уж так давно не было от вас
вестей. Здоровы ли? Не случилось ли какой беды. Очень беспоко-
юсь, пожалуйста, напишите как вы и где вы и как Женюро-
чка /.../? Из русских газет кажется что в Москве эпидемия скарлати-
ны и это еще больше нас беспокоит не захворал ли ваш мальчик.
Книги и журналы из СССР приходят с большим опозданием. Их
здесь по-видимому держат долго в цензуре. В нашем штате царит
мракобесие. Недавно засудили одну девушку на десять лет тюрь-
мы за поднятие Красного флага. Теперь новый лозунг: борьба с
большевиками, самогонщиками и «незаконными» эмигрантами.

Но за то в смысле климата Калифорния, особенно южная, Рай
земной. Сейчас цветут Розы и Нарциссы [sic].

Хотелось бы послать вам большущий букет и нашего тепла
в придачу.

Крепко обнимаю и целую вас троих. Юр[ий] Вл[адимирович]
шлет сердечный привет.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено из Пасадены в Москву.

42. Дарственная надпись Б.Л. Пастернака Р.Н. Ломоносовой

Дорогому моему другу Раисе Николаевне Ломоносовой несколько
страниц и строчек, ее достойных, среди огромной кучи других,
служащих упаковочными стружками.

Б.Пастернак

21.II.30.

Дарственная надпись в кн.: Пастернак Б. Поверх барьеров: Стихи разных лет. М.;Л.: «Государственное изд-во», 1929.

43. Дарственная надпись Б.Л. Пастернака
Р.Н. Ломоносовой

[21 февраля 1930]

Вместо фотографии¹.

Дарственная надпись в кн.: Пастернак Б. Избранные стихи. М.: «Огонек», 1929. Датируется по упоминанию №42 и 43 в начале №45.

¹ Написано над портретом Пастернака на обложке книги.

44. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. и Е.В. Пастернакам

504 South Los Robles Avenue^{*}
Pasadena, California
9 марта 30 г.

Дорогие мои М-ме Рин Тин Тин и Борис Леонидович: —
Здоровы ли вы все, не приключилось ли другой беды? Очень беспокоюсь. Хотела посылать каблеграмму [sic], но передумала. Не хочу беспокоить. Знаю забот и тревог у вас много, не до меня и далекой переписки. Расстояние отчуждает людей, даже очень близких. Мы здесь чувствуем себя совсем на краю света. Никак не дождусь 15-го мая, день нашего отъезда в Европу.

Несколько месяцев тому назад Юр[ий] Вл[адимирович] шутя сказал, что если Институт откроет для него специальный локомотивный факультет, то он согласен остаться работать надолго. Теперь оказывается этот факультет совсем на мази и Юр[ию] Вл[адимировичу] не отвертеться. Вот и придется академический год проводить здесь, а лето в Европе¹.

Для меня переезд через океан — мука. Такие головные боли что приходится все время лежать пластом. Но жить до конца дней на одном месте еще хуже. Мне все интересно, новые места и новые люди. Люди всегда новы, даже те которых знаю много, много лет. Вас Бор[ис] Леон[идович] совсем не знаю. В каждом Вашем письме Вы другой. И М-ме Рин Тин Тин вот уже четыре года как видела. Была она как верба весной, тонка, пушиста, душиста. И Женичка восторгался словом «треугольник». Юр[ий] Вл[а-

димирович] часто его вспоминает. Хочется ему внуков. Вот приехали бы провести лето с нами и оставили бы нам Женичку на воспитание.

Всегда Ваша,

Р. Ломоносова

За каракули прошу извинения. Ужасно спать хочу.

Отправлено из Пасадены в Москву.

¹ Надежды Ю.В. Ломоносова на получение постоянной работы в Калифорнийском технологическом институте так и не сбылись, и в апреле 1930 Ломоносовы уже окончательно уехали из Пасадены, чтобы в мае вернуться в Европу.

45. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

504 South Los Robles Avenue
Pasadena, California
18 марта, 1930 г.

Друг мой милый, Борис Леонидович: —

Сейчас получила «Поверх барьеров» и «Избранные стихи». Спасибо за стихи, за торжественно-трогательную надпись и наиболее за то, что датировано 21.II.30¹, т.е. что Вы живы и здоровы. Надеюсь М-ме Рин Тин Тин и Женя тоже здоровы. На таком расстоянии как мы с Вами находимся все боишься не случилось ли какой беды. Письма идут так долго и все думаешь как то они живут, здоровы ли, есть ли душевный мир. Недавно получила длинное письмо от М[арины] И[вановны] Ц[ветаевой]². Какой она интересный и хороший человек. А встречи боюсь, так же как и с Вами. Вдруг окажутся две М[арины] И[вановны] и два Б[ориса] Л[еонидовича]. Письменные и живые. И за себя боюсь наиболее, скучная, некрасивая. Скажете — «подвела меня Женя, и зачем я ей, т.е. Р[аисе] Н[иколаевне] такие хорошие письма писал».

Mary Kelsey пишет часто и всегда просит кланяться вам обоим.

Целую обоих Жень. Юр[ий] Вл[адимирович] шлет сердечный привет.

Любящая Вас,

Р. Ломоносова

Отправлено 19 марта 1930 из Пасадены в Москву.

¹ См. №42 и 43.

² Речь идет о письме М.И. Цветаевой от 1 февраля 1930 (см.: Минувшее. С.218-223).

46. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

16 [апреля 1930]

Дорогая, родная Раиса Николаевна. Я сидела днями не расставаясь с Вашим письмом¹, о встрече, мечтая о Passadene как об острове Робинзона Круза — я сказала что буду на все отвечать /посади/ посади нас². Это было давно, еще были силы мечтать. А теперь даже нет желания куда-нибудь двинуться, подумать о лете, о необходимости вывести Женичку на воздух. 14-ого в 10 ч[а-сов] 15 м[инут] утра застрелился Маяковский³. Борис Леонидович, да и я, любили его как никого другого. Такое чувство сейчас, что из Москвы как от дорогой могилы никуда не уедешь. Я пишу Вам это бестолковое, глупое письмо п[отому] что хочу чтоб оно застало Вас еще до отъезда в Европу. Пожалуйста /на/пишите нам /когда/ не /смотря на/ глядя на наше долгое молчание, ваши письма приносят какую-то радость, какую-то надежду на выздоровление.

Крепко вас /и ваших/ целую вся ваша

Женя

Датируется по содержанию. Отправлено из Москвы в Пасадену и оттуда переадресовано в Нью-Йорк.

¹ №44 или №45.

² Возможно, попытка скаламбурить (Пасадена — посади нас).

³ См. №47.

47. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[14 апреля — май 1930]

Мой друг, я хотел и должен был давно ответить Вам. Сообщите Ваш европейский адрес¹. Я Вам еще напишу, положив перед собой оба Ваших последних письма². Сейчас я не могу этого сделать. Не потому, чтобы совершившееся заслонило от меня то, что было и осталось крепким, дорогим и высоким в моей жизни. Нет напротив, всякая крупная определенность возвышает и очищает

жизнь. Но здешние *отклики* на смерть Маяковского прокатываются странно и как-то не вполне по-человечески³. Мне надо дождаться, чтобы выздоровела ближайшая ко мне почва, чтобы участок, на котором я стоял, когда это случилось, освободился от нахлынувших на него пустяков. Если бы я обращался к Вам *только* как человек, убитый утратой, /к Вам бы обращался/ перед Вами было бы здоровое, настоящее, в каком-то смысле и к Вам тянувшееся горе, побежденное восхищением. По счастью я иду к этому уединению, и его скоро достигну. Тогда и напишу Вам, как раньше. А сейчас я, как сыпь, покрыт посторонними наблюдениями, и в этом виде даже не хочу приближаться к Вам.

Ваш Б.

Датируется по содержанию. Отправлено из Москвы в США в одном конверте с №46.

¹ Летом 1930 Ломоносовы путешествовали по Европе (Англия, Германия, Швейцария, Чехословакия, Италия, Франция), а осенью поселились в Кембридже.

² №44 и 45.

³ Подробнее о реакции Пастернака на самоубийство Маяковского см. ч. III повести «Охранная грамота».

48. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

3.VI.[19]30

Дорогая Раиса Николаевна!

Я не знаю где Вы, и сейчас пишу Вам по делу по стар[ому] адресу; Бог знает, когда и где нагонит Вас это письмо. Мне хочется знать, остается ли в силе возможность с В.Е. Тар¹, могу ли я ей воспользоваться и не переменяла ли она своего адреса. Не исключена, кажется, возможность, что мы увидимся. Я произвел кое-какие попытки, но получил отказ. Однако, хлопот не оставляю. Если эти расчеты придется ограничить, я постараюсь добиться этого хотя бы для Жени с сыном².

Вот собственно и все, но Вы напишите мне подробно о себе. Ведь Вы живете в других широтах, и именно в тех, которыми мне хочется подышать; и если Ваше письмо будет, как мое, я сделаю кучу ложных заключений о жизни на западе, и рвенье мое ослабнет. Меня же эта зима, тяжелая во многих отношениях, измотала до крайности. Вы простите мне, что я мало писал Вам?

Если не я, то м[ожет] б[ыть] Женя опишет Вам когда-ниб[удь] среди каких обстоятельств протек этот год.

Они сейчас в Киевск[ой] губ[ернии] на даче³, куда нас сманили знакомые⁴. — Сердечный привет Юрию Владимировичу и Вашему сыну. Я еще по-другому на-

[Приписка:]

пишу Вам, и по-другому подпишусь, и, вероятно, до Вашего ответа на эту деловую записку. Наш адр[ес]: Киевский Округ, ст[анция] Ирпень, Юг[о-] Зап[адная] ж[елезная] д[орога,] Пушкинская, 13, нам.

Ваш Б.П.

Отправлено заказным из Москвы в Пасадену и оттуда переадресовано в Нью-Йорк и Берлин.

¹ См. №38.

² См.: Материалы. С.461-462.

³ С конца мая 1930 Е.В. и Е.Б. Пастернаки жили на даче в пос. Ирпень под Киевом. Пастернак жил там с ними с 22 июня по 22 сентября. (См.: Материалы. С.467-470).

⁴ Речь идет о философе и литературоведе Валентине Фердинандовиче Асмусе (1894-1975) и его жене, Ирине Сергеевне.

49. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

9.X.[19]30.

Дорогая Раиса Николаевна!

Приятельница Ваша¹ не застала меня дома, — с ней говорила Женя. И — прежде всего: как здоровье Юрия Юрьевича²? Нас это очень беспокоит. Хорошо ли срастается кость? Пожалуйста сообщите, независимо от общего желания писать, хотя бы открыткой.

То, что Вы называете своим долгом мне — только погашает мою давнюю задолженность Вам, — не более того, и пусть об этом больше не будет разговоров.

Как Ваше здоровье? Если Вы простили мне мое длительное молчанье, сообщите, что с Вашей рукой. Я ее очень помню по лету [19]28 года, когда я точно вел с ней отдельную от Вас переписку. Правда правда, — как Вам?

Помните, я писал Вам о своих весенних планах? Они рухнули, категорически и навсегда, в части, касавшейся меня. Но м[ожет]

б[ыть] Женя и Женичка Вас увидят³. Я не сразу привык к этому; теперь же (прошло три с лишним месяца) свыкся.

Этому помогли друзья⁴, окружавшие нас этим летом. Они сыграли очень большую роль в моей летней судьбе. Я работал, количественно не столь уж /пр/ плодотворно, но со следами, которые вероятно скажутся в будущем.

Между прочим прочел большой многотомный роман Р.Роллана, и написал ему, и он мне ответил⁵. И — удивительно! Письмо — совсем как от Вас, или М[арины] И[вановны] Цветаевой], или от Св[ятополка-] М[ирско]го. Сколько не зависящей от нас цельности в том, что окружает нашу жизнь и входит с ней в соприкосновение!

4.XI.[19]30.

Знаете, отчего так непростительно залежались эти строки? Ведь вторичными были уже и они. До них я написал Вам большое письмо, в день посещения Вашей знакомой. Но когда я перечел его, я согласился с Женею, нашедшей его излишне грустным. И мы его забраковали.

А теперь прошел месяц, ничего нового не прибавивший к сказанному, кроме того лишь, что и мои хлопоты о семье ни к какому результату не приводят. Не могу передать Вам чувства униженья, с каким я тут столкнулся. Итак, всей своей работой я не заработал и ничтожной любезности, которая ничего решительно бы не стоила людям, от к[оторы]х это зависит, потому что я прошу одного разрешенья, без всяких денег, и для людей, ничем нигде незаметных. И не отказывают прямо, а подчеркнуто дружественно, со знаками уваженья тянут, и будут тянуть годы, пока сам я не попрошу это дело похоронить, чтобы покончить с неопределенностью.

Что сказать Вам? Писать письма становится все труднее. Отвечайте скорей. Главное, своей задержкой я лишил себя известий о Ю[рии] Ю[рьевиче]. Кончаю без извинений. Много такого в обстановке, что оправдывает всякие странности. И всего естественнее было бы в ней полное гробовое молчанье. Итак, пишите.

Преданный Вам Б.П.

Отправлено из Москвы в Лондон и оттуда переадресовано в Кембридж.

¹ По всей вероятности, Надина Кавиноки (ср. №51 и прим. 5 к нему).

² В августе 1930 Ю.Ю. Ломоносов попал в очередную аварию, но в этот раз последствия оказались весьма серьезными: сложный перелом ноги в четырех местах с последующим заражением поврежденной ноги и длительное лечение в английских и немецких частных клиниках, после которого одна нога осталась короче другой. (См. также №51).

³ Ср. №48.

⁴ Асмусы (см. прим. 4 к №48) и Нейгаузы (см. №52).

⁵ О переписке Пастернака с Ролланом в 1930 и о поощрявшей переписку М.П. Кудашевой (1895-?), будущей жене Роллана, см.: Материалы. С.469 и изд.: [Romain Rolland]. *Voyage à Moscou /.../ // Cahier Romain Rolland*, 29. Paris: «Albin Michel», 1992. С.57-59, 117.

50. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

12.X [т.е. XI].[19]30

Дорогой друг!

Деловое, — и главное, — противоречащее сказанному в прошлом письме¹.

Но только что получил письмо от М[арины] Ц[ветаевой]². Их описывают, у них критическое матерьяльное положение.

Я косвенно предлагал ей помощь. Но это было летом, и затем это сложный способ, который затянет процедуру. Может быть сумму, о кот[орой] Вы спрашивали, Вы переведете ей по телеграфу в Meudon (S-et-O), 2, Avenue Jeanne d'Arc, Marina Tsvétaïeva-Efrop³? Я постараюсь вновь ее возместить, и хорошо бы опять через кого-ниб[удь], как через г[оспожу] Тар. Предложенный Вами летом способ не приложим на практике. И ничего не говорите об этом Жене. Но придумайте, как мне опять их Вам вернуть через знакомых, и при случае сообщите. Заранее горячо Вас благодарю. — Я колебался, к кому из друзей обратиться с этой просьбой, и выбор был только между Вами и Рол[л]аном⁴. И я пожертвовал Вами только потому, что франц[узское] письмо мне *долго писать*, а помощь нужна немедленная; докучать же этим *Вам* мне одинаково больно, как было бы ему. Но все это пустяки, и какое счастье для нас, что можно что-то сделать!

Ваш ответ на наши расспросы о Ю[рии] Ю[рьевиче] вероятно уже в пути? Если нет, то хотя бы в двух строчках.

Из хлопот о Жене ничего не выходит. Это очень отражается на нас обоих. — Вы прекрасный друг, я ничего не могу сказать Вам, чего бы Вы не

[Приписка:]

знали. И вот, в духе этих последних слов —

Ваш Б.П.

Месяц установлен по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон и оттуда переадресовано в Кембридж.

¹ По-видимому, №49.

² См. прим. 4 к №28.

³ См. №51 и прим. 2 к нему.

⁴ См. прим. 5 к №49.

51. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

[На бланке:] Garden House Hotel,
Belle Vue, Cambridge

18-XI-[19]30

Милый друг. Сейчас получила Ваше письмо от 12-XI-30¹. То что Вы просите, сделала десять дней тому назад от нас². Через недели три опять смогу послать пятьдесят-сто долларов. Понимаю что с двумя детьми и больным мужем это помощь небольшая. Сделаю все, что могу. Нам много легче чем Вам во всех отношениях.

Мы так надеялись все лето, что Вы и Жени сможете приехать на Запад, хотя бы на несколько недель. Возмутительная несправедливость. Думаете ли Вы что мое письмо к А.М. Коллонтай³ может помочь. Мы с ней были когда-то большими друзьями. Также к Горькому. Его я лично не знаю, но у нас есть общие друзья — Коненковы⁴. Без Вашего на то согласия писать им не буду, т[ак] к[ак] Вам на месте виднее. Когда просила Дг. Кавиноки⁵ зайти к Вам, это было не с целью только простого знакомства, но я думала что она через ее [т.е. своего] отца Ро/тh/тштейна⁶ сможет Вам помочь получить разрешение на выезд. Надо мне было об этом написать Вам и Жене заранее, но все это случилось очень неожиданно.

Юру вчера выписали из госпиталя. Нога все еще в гипсе, ходить без костылей сможет только через 6-9 месяцев. Будет ли хромать сказать сейчас трудно. По измерениям нога не укоротилась, но шок ужасный. Первое время боялись, что придется ампутировать. Был не только перелом костей но и разрыв мышц и сосудов. И несмотря на все он опять только и думает, что о гонках. Невеста его Бесси Уокер⁷, хотя на 6 лет старше его, находится в полном его подчинении и не осмеливается противоречить. Она из «нижесредней» семьи (lower middle class) где по сию пору авторитет мужа поддерживается силой кулака.

Мы еще останемся здесь недели две, потом Юр[ий] Вл[адимирович] плывет в С.Ш.[А.] а я останусь в Англии пока Юра окончательно не выздоровеет. Он т.е. Юра получил место в инженерном бюро в Лондоне и после Нового Года начнет там работать⁸, я тоже в одном книжном издательстве. Юр[ию] Вл[адимировичу] очень не хочется возвращаться в С.Ш.[А.] Обстановка там для научной работы тяжелая. Большинство университетов зависит от частных пожертвователей, которые ничего не смысля в науке, вмешиваются и мешают работать. Во многих отношениях похоже как у нас дома, только, конечно, со сдвигом на 180 градусов.

Плечо мое много лучше, последний снимок показывает, что почти все зарубцелось.

Все наши невзгоды так незначительны со всем что приходится переживать Вам и Жене. Но могу сказать, что безработица и нищета миллионов людей здесь и в С.Ш.[А.] с одной стороны и возмутительное равнодушие буржуазных классов с другой заставляет оправдывать всю ненависть, месть и недоверие, кот[орые] у нас питают к капиталистическим странам. Но почему это делается и по отношению к пролетарской интеллигенции — мало понятно.

Очень, очень прошу пишите. Когда долго нет от Вас и Жени вестей ужасно беспокоюсь. Хоть открытку, но каждую неделю. *Luceum Club* — самый достоверный адрес. Обнимаю и целую крепко обоих Жень. Юр[ий] Вл[адимирович] и Чуб шлют вам всем сердечный привет.

Любящая вас

Р.Ломоносова

Письмо это получилось не такое как мне хотелось бы. Ласки и любви [sic] как я чувствую к троим вам и интереса /в/ к Вашей работе.

Р.Л.

Отправлено из Кембриджа в Москву.

¹ №50.

² См. №50 и письмо Цветаевой к Ломоносовой от 15 ноября 1930 (Минувшее. С.234-235).

³ В 1923-1926 Р.Н. Ломоносова переписывалась с видным большевистским деятелем и советским дипломатом А.М. Коллонтай (1872-1952), главным образом по поводу предполагаемого участия советской делегации в работе Международной лиги женщин за мир и свободу (*Women's International League for Peace and Freedom*). Сохранилось 8 писем и открыток (РАЛ MS. 717.2.163).

⁴ Ломоносовы знали скульптора С.Т. Коненкова (1874-1971) и его вторую жену, Маргариту Ивановну (урожд. Воронцову), по США, где

последние жили в 1924-1945. В 1927 Коненковы посетили Горького в Сорренто, и С.Т. Коненков вылепил его бюст.

⁵ Р.Н. Ломоносова познакомилась с гинекологом Надиной Кавиноки (Nadina Kavinoiki; 1888?-1974?), дочерью русско-американского революционера и деятеля Коминтерна Б.И. Рейнштейна (1866-1947), в США в 1919, и общение с ней возобновилось в Пасадене в 1929-1930.

⁶ Т.е. Рейнштейн (см. выше прим.5).

⁷ См. прим.1 к №20.

⁸ Ко времени выздоровления Ю.Ю. Ломоносова лондонская инженерная фирма Лайонел Стюарт (Lionel Stuart) уже назначила другого человека на его место, и он вынужден был найти другую работу, но вскоре снова заболел и по-настоящему начал работать лишь в 1932.

52. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

23.III.[19]31

Дорогой мой друг!

В этом письме будет просьба, но этот деловой налет придаст ему только срочности, а не испортит его. — Я больше 3-х месяцев не писал никому из близких. На днях написал М[арине] Ц[ветаевой]¹, только что — родным в Берлин², теперь пишу Вам.

Судя по словам М[арины], Вы что-то уже знаете³. Итак, вкратце. Я не расхожусь с Женей. Она остается для меня близким человеком, с которым я разделил жизнь и в мыслях вижу /не/ разделенной в каком-то неопределенном будущем. Но я разлучаюсь с ней на некоторое, вероятно, продолжительное время. — Я полюбил жену друга, замечательного пианиста и очень большого во всех отношениях человека⁴, — это Вы откуда-то, видимо, знаете. Что мне сказать о ней⁵? Я люблю ее. Мне кажется это самое большее, что можно сказать в таких случаях. Всякий прямой разговор о ней отдельно был бы частностью. Но она тоже пианистка, лет 12 не занимавшаяся музыкой, частью из-за семьи⁶, главным же образом потому, что ее муж несравненно сильнее художник в той же области, что, разумеется, было счастьем для нее, а не горем. Она из старой военной петерб[ургской] семьи, с долей греческой крови. — Всю зиму я тщетно хлопотал о паспорте для Жени. С января в дело вмешался Р.Рол[л]ан. Он взял с ездившего в то время в Женеву Луначарского слово, что А[натолий] В[асильевич] по приезде в Москву сделает все возможное, чтобы помочь мне⁷. А[натолий] В[асильевич] показал себя тут с благороднейшей стороны. На днях нам было сказано, что можно подавать заявление, и обещан благоприятный результат. — Женя страшно измучилась за это последнее время. У ней нет прирощ-

денной тяги к здоровью, к забвению неприятностей, в ее характере есть черты, тяжелые для нее самой, — она упорна в страданиях. Жизнь со мной была для нее постоянным испытанием. Вероятно она была бы такою и для всякой на ее месте, но в столкновении с ее гордостью, вызывающей и непримиримой, эта жизнь превращалась временами в чистое наказание. /.../ Без всякого лицемерья, мне кажется, освобождение от меня (если бы она пожелала, то и — полное) ей во благо. Когда минует острота случившегося, это скажется. — Я люблю жизнь, но не так, как это обычно понимают. Я никогда, даже и в детстве, в родительской семье, не располагался как на стуле, вкусно, прочно и надолго. Сознание какого-то *права* на судьбу, на счастье, на что бы то ни было такое, что свойственно всем, было всегда чуждо мне и казалось недоступным, незаслуженным. В то же время счастье никогда не изменяло мне, и я всегда считал его и продолжаю считать необъяснимым чудом. Сколько помню себя, я везде себя чувствовал гостем, временно приехавшим на праздники, которого балуют, потому что баловать — в духе торжеств и каникул. Так я чувствовал себя в родной семье, которую любил горячо и ревниво именно потому, что с пятилетнего возраста считал себя чем-то таким, что в переводе с детского языка на взрослый пришлось бы назвать найденным или незаконным сыном. — Я люблю жизнь не как блюдо, уверенно и спокойно выбранное из других и наиболее вкусное, но как наиболее незаслуженный и удивительный эпизод большого одинокого путешествия, начало и конец которого утрачены и недоступны сознанию. Все высокое и прекрасное действует на меня так, точно оно прямо ко мне и адресуется, и без моего ответного порыва ушло бы из двухтысячного зала несчастным. За его мгновенный луч я должен заплатить мгновенной преданностью, и когда эта высота и прелесть воплощается в женщине или в женском, хотя бы в духе, хотя бы на расстоянии, — эта преданность может меня завести далеко. — Я любил Женю, я (просто, необязательно и добродушно) люблю ее и сейчас, но возможность измены, потенциальная измена никогда нашего дома не покидала. Зачем далеко ходить. Мог ли бы я сказать по совести, когда и что действовало сильнее или слабее в моей переписке с Вами, и как это называется. Я завидую людям, которые родились с готовым различием чувств или успели в них разобрататься. Я — не то что дружбы, я *вниманья* без примеси любви никогда не переживал.

Вы наверное встретитесь с Женей⁸, Вы знаете, что Вы для нее, — Вы будете для нее большой поддержкой. Встретимся /с Вами [?]/ вероятно и мы, но до этой живой настоящей встречи не

раз будем встречаться письмами и в мыслях. Горячо благодарю Вас за все прошлое и будущее. — У меня к Вам две просьбы, одна пустяковая и необязательная, другая очень серьезная. Начну со второй. Переведите уже и сейчас, до ее приезда, деньги для Жени по адр[есу] Berlin W.30, Motzstr. 60 Herrn. Prof. L.Pasternak, für Eugenie⁹ (впрочем последнее, т.е. как обозначить назначение денег технически Вам будет видней). Пошлите пожалуйста сколько можете и хотите. Говорю это так свободно и без стеснения вот почему. У меня будут некоторые матерьяльные перспективы на Западе. Я недавно кончил книгу, род отрывочной автобиографии, написанной с единственной целью ответить в меру своего опыта, реально пережитого, на вопрос: что такое искусство и как оно рождается из жизни. Это очень небольшая книжка, страниц до ста, и не надо наперед переоценивать ее значенья. Я несколько не обнял философии вопроса, который Вам назвал. Напротив, я стремился к предельному лаконизму и совершенной свободе от философской терминологии. Но особую *ноту* предмета я, кажется, передал со счастливой чистотой и ясностью. Книга называется «Охранная Грамота»¹⁰. Так вот, мне кажется, ее будут переводить¹¹. У меня есть уже и практические основания так думать. И, — (я знаю что *Вас* это не интересует, но это интересует меня) — у меня есть надежда мой долг Вам вернуть, даже если бы он немного возрос. Кроме того я мечтаю дописать «Повесть», к[отор]ая была третьей, примерно, частью романа, тогда задуманного и в ней начатого. Может быть и он удастся мне, и будет достоин перевода. Вы простите мне прямую беззастенчивость этой первой просьбы? — Другая просьба просто дурацкая. Подарите мне, пожалуйста, и пришлите зак[азной] бандеролью, как книгу, почтовый блок, того типа, который сейчас у меня кончается данным листком. Мне его подарила Miss Kelsey. Его название: Keystone Typewriter Tablet, extra bond (№ 6004), но ведь необязательно

[Приписка 1:]

этот самый. Материю для моих сношений с Западом, вступающих теперь в

[Приписка 2:]

такую новую и трудную фазу, мне бы хотелось получить из Ваших рук. — Не осуждайте меня. Напишите. Целую Ваши руки.

Любящий Вас Б.П.

[Приписка 3:]

Пишу не из дому. Если скоро ответите, ответьте по адр[есу] Москва 40. 2-я ул. Ямского поля. д. 1а, участок 21, кв. Б.А. Пильняка¹², мне.

[Приписка 4:]

Жене про грустное не пишите, это после, не сейчас.

[Приписка 5:]

Перечел Ваше последнее письмо, и строчку о Ваших 43-х годах. Вы — маленькая еще девочка, а вот мне — восемьдесят с лишним при моих сорока одном. — Напишите мне.

Отправлено из Москвы в Кембридж и оттуда переадресовано в Лондон.

¹ Текст упоминаемого письма не сохранился.

² Письмо к родным в Берлине от 8 марта 1931 входит в издание переписки Пастернака с семьей, подготовленное к печати Е.Б. и Е.В. Пастернаками.

³ См.: Минувшее. С.245-247.

⁴ Генрих Густавович Нейгауз (1888-1964), пианист, профессор Московской консерватории.

⁵ Зинаида Николаевна Нейгауз (урожд. Еремеева; 1897-1966), вторая жена Б.Л. Пастернака с 1934.

⁶ У Г.Г. и З.Н. Нейгаузов было двое сыновей, Адриан (1925-1945) и Станислав (1927-1980).

⁷ Бывший нарком просвещения (1917-1929) А.В. Луначарский (1875-1933) находился в Женеве с 4 ноября по 13 декабря 1930, участвуя в 6-й сессии Подготовительной комиссии к конференции по разоружению. В письме к Роллану от 3 декабря 1930 он написал: «Посоветуйте /.../ Пастернаку обратиться непосредственно ко мне: я сделаю все от меня зависящее, чтобы быть ему полезным» (цит. по русскому переводу с французского оригинала в изд.: Литературное наследство. Т.82: А.В. Луначарский: Неизданные материалы. М., 1970. С.487 — в примечаниях относят данное упоминание не к Б.Л. Пастернаку, а к его отцу).

⁸ В течение длившегося с мая по декабрь 1931 пребывания Е.В. и Е.Б. Пастернаков в Германии Ломоносовой не удалось приехать к ним из Англии (см. №65).

⁹ Ср. №62-64.

¹⁰ «Охранная грамота» появилась сначала в журналах «Звезда» (1929. №8) и «Красная новь» (1931. №4); потом отдельным изданием: Л.: «Издво писателей в Ленинграде», 1931.

¹¹ О предполагаемом переводе «Охранной грамоты» через посредничество Горького см.: Известия Академии Наук СССР: Серия литературы и языка. Т.45. №3. 1986. С.269. См. также №55 и 58.

¹² Пастернак и писатель Борис Андреевич Пильняк (Вогау; 1894-1937) дружили, и в марте-апреле 1931, когда Пильняк находился за границей, Пастернак и З.Н. Нейгауз жили на его квартире.

[28 мая 1931]

Дорогая Раиса Николаевна!

Было много сложного, и хлопоты, и все я в разъездах: сейчас еду на 3 нед[ели] в Магнитогорск¹. Но нельзя же Вас оставлять без ответа, — итак, вкратце, за сборами, за час до отъезда: Вы не огорчили, а восхитили меня и растрогали своим чудесным первым письмом, *Вы еще ближе стали мне, став на сторону Жени*. Будьте другом ей, она в этом очень нуждается.

Сейчас брошу писать и побегу укладываться. Через три нед[ели] вернусь, и тогда напишу по-человечески. Все это временно простите мне. Меня обрадовало Ваше последнее письмо, известиями о Вашем сыне, ведь ко времени первого В[ашего] письма все было очень тревожно, и какое счастье, что он поправляется. Приложите все возможное, чтобы своей любовью к жизни заразить Женю: у ней тот же прирожденный дар и тяга к радости и здоровью. Но все это сковано сейчас и вот, это надо расковать.

Глубокое мое убеждение, что по прошествии первого, вынужденно тоскливого периода, разрыв наш скажется на Жене благотворно. Меня всегда преследовало ощущение, что я ограничиваю ее возможности, заслоняю от нее живую и м[ожет] б[ыть], без встречи со мною ей сужденную действительность. Задолго до встречи с человеком, по отн[ошению] к которому ни одно из этих ощущений немыслимо, меня угнетало уже и одно это наблюденье, и мы часто и давно поговаривали о взаимном освобождении.

Но заводить об этом речь в такой спешке и над чемоданами — безумье, я наверное не те слова говорю, что надо, и рискую остаться и не уехать. Особенно горячее спасибо Вам за все то, в чем Вы зачем-то извиняетесь. И о бумаге². В какие хлопоты втянул я Вас с ней! И совсем ее не нужно, — есть, достал себе.

Спасибо, спасибо. Целую Вашу руку

Ваш Б.П.

Я — на Волхонке, адрес прежний³.

Дата установлена по содержанию. Отправлено 29 мая 1931 из Пачелмы (под Пензой) в Кембридж.

¹ См.: Материалы. С.480 о поездках Пастернака в Киев к З.Н. Нейгауз в середине мая 1931 и в Челябинск (до Магнитогорска Пастернак не доехал) 28 мая — 7 июня 1931 в составе бригады газеты «Известия».

² См. конец №52.

³ Волхонка, д.14, кв.9, была квартирой семейства Пастернаков в 1911-1936.

54. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Дорогая Раиса Николаевна! О как грустно мне сегодня. Чудный солнечный день — и ни одной близкой души. Ко мне тут очень хорошо относятся — но вдруг чувствую что все чужое, чужое — о как печально и как дико одиноко. Возьмите меня к себе. Мне близкой /мо/ могла бы быть Жозефина — сестра Б[ориса] Л[еоновича]. Но она нервно-больна, а я сплошное волнение. Я приняла 7 кило и думала, что больше не буду плакать, но вот уже два дня как опять то и дело подступают рыдания, но иначе чем раньше. В Москву я не вернусь. Шлю Вам фотографии двух своих рисунков. Меня здесь захвалили. Получила два небольших заказа, но не знаю выполню ли их — это тяжело больным. 15-ого вероятно уеду в München. Крепко Вас целую. Чубу и Юрию Владимир[овичу] привет.

Женя

Воскресенье 2/VIII [1931]
Schömberg¹

Год установлен по содержанию. Отправлено из Шёмберга (Германия) в Лондон.

¹ Городок в Шварцвальде.

55. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[28.VIII - 22.IX. 1931]

Дорогая Раиса Николаевна, я попробую Вам написать, но не знаю, как выльется в словах все то о чем ночи и дни напролет. Мне дико сложно и трудно и я писала уже Вам в открытке, что отчаявшись сложу вещи и уеду обратно — но это страшнее смерти. Я очень хочу жить, но есть две вещи от котор[ых] я не могу отказаться, это работа моя и сознание что Женичке хорошо. И одно и другое искалеченное и несчастное и нависающее надо мной и требующее без отлагательств жертв. Я попробую Вам рассказать о моей работе, нет, рассказывать очень долго, это надо тогда о всей жизни короче — если я работаю, я все понимаю, вокруг меня мир и люди, общение с ними радость; дружба, любовь, бли-

зость — все приходит как неотъемлемое состояние живого человека, до чего это /действительно [?]/ сказочно [sic] реально покажет Вам письмо, котор[ое] я получила: там встречаются по вечерам двое людей котор[ых] я рисовала больная (заказ за деньги) и /врач/ доктор и самое дорогое что у них там есть — ну, все это по письму увидите, а письмо мне потом обратно пришлете. Только не подумайте, что я из хвастовства. — это как что-то объективное. Без нее (без работы) я теряю способность *общаться*, я не знаю поймете ли, что я этим хочу сказать, я лишилась всего сразу, как как [sic] лошадь без ног, как белка без зубов. Я надеялась, что родные Б[ориса] Л[еонидовича] особенно теперь помогут мне выбраться т.е. мне казалось, что они помогут мне растить Женичку и устроят мне возможность несколько часов в день работать. Но у них такой страх перед завтрашним днем. Ах как трудно об этом говорить. Они старики, отцу исполнится скоро 70 л[ет]. Они хотят покоя, а в наши дни все так беспокойно, а тут еще конечно волнующая, конечно пугающая моя судьба, а главное Женичкина. Ох это гораздо все сложнее, но короче говоря. — Мы с Женичкой живем отдельно и должны сами /справи/ справляться со своими трудностями. В основе этого лежит мудрость их возраста — вернуть поскорее /(главным обр[азом] Б[ориса] Л[еонидовича])/ /пусть не рас[с]читыв/ /людей к долгу, к труд/ (главным образом Б[ориса] Л[еонидовича] пусть не рас[с]читывает на помощь других, пусть не сбрасывает на шею других свою семью со всеми трудностями и заботами) людей к долгу, к трудностям жизни. Я им очень благодарна за то, что они дали возможность мне летом восстановить здоровье и возились с Женичкой. И вообще я их очень люблю. Да вероятно и они нас. Женичке 23-ьего исполнится 8 лет. Ему нужно в школу. Он за лето стал читать, /и/ писать и кое-как объясняться по-немецки, /М/ в Москве он /тоже/ столько же знал по-французски, но теперь стал забывать, вообще же /он/ все с налета, без труда и все так же быстро забывается как усваивается. Ему нужно в школу и как можно скорее — это одна из главных причин, /почему я буду Вас просить/ почему я прошу Вас как можно скорее мне ответить есть ли действительно у Вас возможность и желание провести вместе с нами зиму и где. Я об этом могу мечтать, как о большом счастье. Теперь несколько слов о моих матер[иальных] возможностях. У меня есть теперь только 1500 марок. Б[орис] Л[еонидович] употребит все возможности чтобы нам послать, но здесь приходится опасаться того, что это запрещено и что /это/ счастливой случайности это устроить не представится. Хотя летом Горький ему обещал за перевод перевести нам 3000 /но/ мар[ок], но потом это

опять сорвалось¹. Сама я с Москвой не переписываюсь п[отому] ч[то] меня еще в самом начале заставили принять это решение письма Б[ориса] Л[еонидовича]. В них все перевернуто, выводы совершенно не совпадают с предпосылками и я теряю окончательно равновесие, нет это слабо сказано. Я нахожусь тогда на границе безумия и боюсь очутиться на той стороне, а потому совершенно отказалась от любых сведений из Москвы. Самое безнадежное, самое трудное, это то, что я здесь без друзей, без /моих друз/ среды. Это всегда приходит не сразу, но должно быть то, за что можно зацепиться. К тому же положение в Германии такое удручающее, как мне говорят родные, что каждому не до /др/ другого. И вот представьте себе Берлин, гостиницу в /ней д/ одной из комнат диван и в углах дивана /двух Жень/ меня и Женичку. Женичка сидит книжку читает, а я — но как каким путем войдет в эту изолированную и оторванную от всего мира комнату — реальная жизнь, как стать на ноги, как перестать бояться /как по/ жизни. Кланяйтесь очень Чубу скажите ему что я так счастлива буду быть с вами, что прогоню все его болезни, а от апатии и хандры и следа не останется. Но дорогая Раиса Николаевна не насилуйте себя в своих симпатиях ко мне и в возможностях мне помочь. /Я очень была дово/ Откровенность родных Б[ориса] Л[еонидовича] по крайней мере не создает иллюзий и поможет мне поскорее прийти к какому-нибудь решению.

Вся Ваша Женя

Адрес /лучше/ родителей Motzstr. 60 Berlin W20

/Мой телефон/ Т.Barbarosa 59-96

[Приписка:]

Фотографию портрета Fr.B[??]rman послать сейчас не могу нету.

Датируется предположительно по приложенной к письму фотографии Е.В. Пастернак с надписью: «Это я толстая. Скоро вероятно похудею. Женя. Schwarzwald. 28 Августа [19]31 г.» и по содержанию. Отправлено из Берлина в Лондон.

¹ См. также №58.

56. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

17/IX [19]31 г.

Дорогая Раиса Николаевна, моя хорошая, необыкновенная, как бы я Вас теперь хотела расцеловать. Вы в предпоследнем письме писали, что Чубу лучше и потому я осмелилась Вам писать о себе. Но как у Вас хватает сердца еще думать даже обо мне, ког-

да своего довольно. Ужасно, ужасно жалко, что Чуб не хочет сюда ехать, ведь здесь правда как-то умеют быстро ставить на ноги.

Я страшно бы хотела быть с Вами, но ехать сейчас /к/ с Женичкой к Вам в Лондон пока не поправится Чуб в нормальном состоянии, не в минуты отчаяния об этом и /гово/ разговаривать нечего. Я буду очень надеят[ься] что мы встретимся еще с Вами спустя несколько месяцев если я /останусь/ здесь. Я предполагаю отдать Женичку в обыкновенную немецкую городскую школу, где он будет с 9 до 12. Эти часы [sic] я постараюсь всеми силами использовать для работы, остальную часть дня придется верно тратить на него и на всякую стряпню, чтобы сытнее и дешевле жить. Женская доля, я не могу еще пока решиться отдать его на целый день, хотя вероятно придется в будущем, п[отому] ч[то] нужно, нужно становиться на свои ноги, нужно работать (но вероятно этой возможности никогда не будет). Тут невольно начинаешь злиться! Почему другой зная эту слабость материнскую так легко сбрасывает на тебя всю ответственность, а потом если что не так выйдет еще упрекать будет. Но ведь об этом можно без конца. Ругаться хочется, хочется ненавидеть все красивые слова, котор[ые] непременно будут сказаны о женщине и которыми будут восхищаться в то время, как их надо презирать. Я буду Вам очень благодарна если Вы напишете Б[орису] Л[еоновичу] о деньгах, я думаю он будет этому очень рад, п[отому] ч[то] вероятно беспокоится о том на что мы в дальнейшем будем существовать. Но как писать туда об этом. Ведь любой разговор о деньгах считается валютным *преступлением*, а такие страшные слова как текущий счет — это могут раздуть, ведь здесь забываешь об этом. Может Вы /напи/ можете ему дать просто адрес куда послать деньги и написать ему, что Вы просите его по такому-то адресу послать столько-то денег. Пусть напишет может ли он точно выполнить Вашу просьбу. А для меня 1000 р[ублей] конечно это огромное благо, я тогда может действительно могу до весны продержаться. Недавно приехал один знакомый из Москвы и говорит, что после туберк[улезного] процесса возвращаться на зиму в Моск[овские] условия — это на верную гибель. Крепко Вас целую

Ваша Женя

Юрию Владимировичу и Юре привет.

Отправлено 18 сентября 1931 из Берлина в Кембридж.

6.X [1931]

Дорогая Раиса Николаевна! хочу Вам на спех написать несколько слов. Вчера получила Ваше письмецо, сегодня деньги. Огромное Вам спасибо. Борис Леонидович писал, что будет в Москве 10 или 15 [октября], этим самым передача денег вашим родным несколько задерживается. Хотелось бы мне чтобы это сделал Борис Леонидович, но если там не могут подождать напишите мне пожалуйста адрес /р/. Леониду Осиповичу (отцу Б[ориса] Л[еонидовича]) в Москве должны деньги и не знают как переслать в Берлин поэтому он может всегда распорядиться там внести¹. Мне бы конечно хотелось чтобы /не были деньг/ эти денежные дела не усложнялись п[отому] ч[то] пока Борис Леонидович денег не внесет, я не считаю себя обладательницей этой 1000, но конечно Вы с этим не /счи/ очень считайтесь и если нужно ускорить напишите. Я знаю что это огромное отдолжение [sic] и Вам и Юрию Владимировичу бесконечно благодарна. Крепко Вас целую. Это не письмо /, а/. Я напишу Вам когда буду наконец знать где и как я начну жить. Пока же я как на вокзале.

Ваша Женя

Адреса Б[ориса] Л[еонидовича] я не знаю он где-то теперь около Батума², где собирался пробыть дней 10.

Год установлен по почтовому штемпелю. Отправлено из Берлина в Кембридж.

¹ См. №63.

² В июле-октябре 1931 Пастернак находился с З.Н. Нейгауз и ее сыном Адрианом в Грузии. В сентябре-октябре они отдыхали на берегу Черного моря в Кобулети (между Батуми и Поти) и уехали в Москву из Тифлиса 16 октября (см.: Материалы. С.483-488).

20.X.[19]31

Дорогая Раиса Николаевна!

Вчера я вернулся с Кавказа¹, и первым из непересылавшихся мне за последнее время писем вскрыл и пробежал глазами Ваше.

Как всегда или часто, в Вас я нашел единственную поддержку в минуту, когда так в ней нуждался, что принял бы ее с любой стороны.

Весною Горький без какого бы то ни было побуждения с моей стороны затребовал у меня через секретаря² одну мою рукопись с целью пересылки ее за границу и перевода на иностр[анные] языки, и пообещал, в предвиденьи будущего гонорара, в недельный срок устроить выплату Жене довольно крупной суммы в 3000 марок³.

Затем это стало задерживаться, затем я усомнился в осуществимости его литературной услуги, и ухватясь за сохранение одной денежной, никогда не уехал бы на Кавказ, если бы его секретарь (обещанная сумма от переговора к переговору все таяла) не дал /бы/ мне слова, что я могу ехать спокойно, и известия о /выплате/ переводе 1000-чи марок вероятно застанет меня по прибытьи /на место/ в Тифлис.

Ничего из этого ни в копеечной доле не сделано и по сей день, и это не было бы так обидно, если бы обещанья эти давались в ответ на какие-либо домогательства с моей стороны. Дело же в том, что, по многим причинам, я Горькому ничего не давал знать о своем существовании в дни его приезда, и знаки его вниманья как с неба свалились на меня, — его никто за язык не тянул.

Я имел в виду по возвращении в Москву тотчас же повидаться с его секретарем. Случилось так, что Горький со всем своим штабом (и им в том числе) отбыл в Италию накануне моего приезда⁴, я это узнал на вокзале от встречавшего меня брата. Короче говоря, первое, что меня ждало в Москве, это достоверное сознание, что Женя сидит в Берлине без денег.

И Вы легко себе представите, какой /неожи/ драгоценной неожиданностью явилось Ваше предложение. Посетив С.А. [Ломоносову]⁵, я понял, что столько же, сколько Вам, обязан этой помощью и Юрию Владимировичу. Горячее же ему спасибо. Вчера я телеграфировал Вам в Кембридж о состоявшейся передаче. Разрешите мне, если это возможно, внести и вторые, апрельские 500 р[ублей] на ближайших же днях. Если Вас затруднит реализовать их тут же осенью для Жени, то все равно, мне будет легче от мысли, что с моей стороны это уже сделано и этой возможности не грозит никакая превратность моего заработка. — Целую Ваши руки, Вы удивительный друг. Я не знаю где б я теперь был без Вас.

Еще большее Вам спасибо за сообщенье о Жене. Спасибо за то, что Вы догадались, как я нуждаюсь в нем, и какую мукой была мне полная о ней и Женюточке неизвестность, усугубленная обоюдосторонним молчаньем: родные просили меня весной вовсе не писать ей, если я дорожу ее здоровьем.

Я сегодня же хотел рассказать Вам все, пережитое за лето по их живейшему и самому дороговому в мире поводу. Но это целый мир, и этого нельзя сделать сегодня, сейчас же по свежем въезде в квартиру, запущенную так, как они /только/ запускаются только тут у нас, и о чем Вы не имеете ни малейшего представления. М[ожет] б[ыть] я это сделаю завтра или послезавтра. Не удивитесь, если письмо начнется сразу с них, гл[авным] обр[азом] с Жени. На сегодня же еще только вот что. Незаслуженным счастьем, о котором я мечтать не смею /явило/ было бы для меня, если бы Вы пожил с ней некоторое вре-

[Приписка 1:]

мя вместе. Пишу Вам на днях. Крепко любящий Вас

Б.П.

[Приписка 2:]

Мне хочется также сблизить Марину Ив[ановну Цветаеву] с ней. Опять непобудимо [sic] естественная потребность, с виду вероятно кажущаяся.

[Приписка 3:]

Сообщите пожалуйста Жене, что 105 руб[лей] родственнице Розенфельд⁶ перевел, квитанцию перешлите (прилагаю ее.)

[Приписка 4:]

Первую попытку написать Ж[ене] поведу [?] через Вас. М[ожет] б[ыть] даже сделаю вещь, не имеющую прецедента: письмо к ней проведу через Вашу цен-

[Приписка 5:]

зуру, т.е. попрошу прочесть его и решить, увеличивают ли такие вещи печаль на свете или ее уменьшают.

Отправлено заказным 21 октября 1931 из Москвы в Лондон.

¹ См. прим. 2 к №57.

² П.П. Крючков (1889-1938).

³ См. также №55.

⁴ В 1931 Горький находился в СССР с середины мая, и он уехал из Москвы в Сорренто 18 октября 1931.

⁵ Софья Александровна Ломоносова (урожд. Антонович; около 1879-?), первая жена Ю.В. Ломоносова (с 1897).

⁶ С очень давно проживающим в Берлине Юлиусом Розенфельдом и его женой Розалией Александровной (урожд. Гедульд) Л.О. и Р.И. Пастернаки дружили еще с одесских времен. Здесь речь идет, по-видимому, о родственнице Р.А. Розенфельд в СССР.

120 Ashley Gardens
London S.W.1
21-X-[19]31

Дорогой Борис Леонидович,

Сейчас получила Вашу телеграмму¹. Спасибо. Жене все послано недели три тому назад. Опять она пишет редко. Мечется, бедная. Живи мы меньше на бивуаке, звала бы ее усиленно сюда. Но климат, но новый язык, но неопределенность. А главное климат. Лондонская зима даже для людей с здоровыми легкими — трудна, а для Жени может оказаться совсем не по силам. Думала съездить в Берлин побыть с ней неделю, другую, но Чуба нельзя оставить. Из-за него переехали сюда, т[ак] к[ак] это в 5 мин[утах] ходу от инженерного бюро где он работает. А работать начать ему надо было обязательно, несмотря на то что он не совсем выздоровел еще, и, что, вероятно, придется выпилить часть заряженной [sic] кости. 14 месяцев пребывания в больнице начало сказываться на нем психологически и создало ему убеждение, что он останется инвалидом на всю жизнь.

Теперь ковыляет на костылях на работу почти неделю. К счастью ухудшения нет, а духом очень приободрился.

Живем в квартире знакомых, /которые уехали/ уехавших на зиму в Шотландию. Кв[артира] запущена и вот я мою, чищу, стряпаю. Давно такой работой не занималась. Устаю, но интересно. Боюсь только что от моей стряпни Юр[ий] Вл[адимирович] еще больше растолстеет.

Здесь — предвыборная горячка². Митинги и кандидаты зазывают. Их жены, родные и друзья катают избирателей на машинах и т.д.

А безработица увеличивается³, фунт как покупательная единица падает⁴. Закат Западной цивилизации⁵. А во что наша выльется — трудно предвидеть даже при Марксистском миропонимании. Вот прожить бы еще лет 50 и посмотреть.

Будет охота, напишите как Вам живется. Счастливы ли? Нашли ли мир и спокойствие духа? Не так как к старости находишь мир, а от полноты жизни.

Будьте здоровы, родной, и благополучны.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено из Лондона в Москву.

¹ См. №58.

² На проведенных 27 октября 1931 всеобщих выборах победила партия консерваторов.

³ В октябре 1931 в Англии насчитывалось около 3 миллионов безработных.

⁴ Падение фунта привело в конце сентября 1931 к отмене введенного в 1925 золотого стандарта фунта стерлингов.

⁵ Возможно, намек на название знаменитого труда немецкого философа Освальда Шпенглера (Oswald Spengler; 1880-1936) «Der Untergang des Abendlandes» («Закат Европы» — точнее «Запада») (1918-1922).

60. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

120 Ashley Gardens
London S.W.1
7-12-[19]31

Дорогой Борис Леонидович,

Сказать не могу как беспокоюсь о Жене. То письмо которое послала Вам было последним. На мои два письма ни звука. Даже не знаю где она теперь. Очень прошу сообщите если у Вас имеются более поздние сведения. С.А. Ломоносова сообщила Юр[ию] Вл[адимировичу] что Вы ей передали еще 500 руб[лей], но как мне вернее куда мне переслать соответст[вующую] сумму Жене — не знаю.

Но не в этом дело, а не случилось ли с ней беды.

Напишите скорее, пожалуйста.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено 8 декабря 1931 из Лондона в Москву.

61. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[14 декабря 1931]

Дорогая Раиса Николаевна! Вы /нав/ может догадываетесь, что мне было очень тяжело и что поэтому я Вам не писала. Большое Вам Спасибо за готовность прислать мне деньги. Мне было так тяжело, что нервы не выдержали и я /../ попала в руки /врачей-п/ врачей. Теперь окончательно убедившись, что мне страшно жить одной, я собираюсь еще в Декабре уехать в Москву хотя ме-

ня там ждут сплошные муки. Б[орис] Л[еонович] предлагая мне на словах счастливое будущее на деле занял другой семьей¹ уже мою комнату и говорит что надеется что я по своей воле с ним рас[с]танусь /И так/ И так мы поедем с Женей неизвестно куда, комнаты у нас пока нет, неизвестно зачем, но куда же нам деваться и как жить. Вновь пробовать свои силы в Париже² или временно найти покой около вас — /уже/ я решила /уже п/ выбрать самое плохое — Москву. Там какой-нибудь конец да будет. О деньгах я если можно Вам еще напишу я и сама толком не знаю как с ними лучше поступить и сколько мне понадобится [sic] для отъезда.

Крепко Вас целую

Женя

Адрес Berlin W30 Victoria Luiseplatz 2 Pension Kuhr

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Берлина в Лондон

¹ Т.е. З.Н. Нейгауз с сыновьями.

² О первоначальном плане Е.В. Пастернак продолжить занятия живописью у поселившегося в Париже бывшего ее учителя, Р.Р. Фалька (1886-1958), см.: Материалы. С.478.

62. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломонсовой

[15-21 декабря 1931]

Дорогая Раиса Николаевна

Собираю последние силы, чтобы уехать, если Бог Даст не сваюсь, то во вторник 22 [декабря 1931] уеду. Деньги взяла у родителей Бориса Леонидовича, а Вас буду просить послать на их имя. Леонид Осипович Вам тут же напишет как ему удобнее. Крепко Вас целую. Подарка Женичке не купила п[отому] ч[то] и так тону в каких-то вещах. Жить буду пока у брата¹.

Ваша Женя

Привет Юрию Владим[ировичу]

[Приписка:]

и Чубу. За все большое спасибо.

Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с №61 и 63. Отправлено из Берлина в Лондон.

¹ Семен Владимирович Лурье (1895-1960).

26.XII.[19]31

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Если можно то я просил бы Вас прислать эту сумму чеком на мое имя Herrn. Prof. Leonid Pasternak, Motzstrasse 60. Berlin W30; но можно также и по почте, как Женя от Вас получала (в последний раз кажется 1080 марок) на мой адрес.

Пользуюсь при сем случаем просить Вас, если Вам это возможно — оказать мне (конечно если это не убыточно для Вас) услугу следующего рода: Профессор Борис Ильич Збарский¹, будучи за границей два года тому назад взял у меня займы некую сумму денег и если бы у Вас и впредь предстояли платежи в Москве Вашим родным — нельзя ли было бы (как с Женей и моим сыном) устроить так, чтобы Збарский в Москве внес в два срока по 500 руб[лей] куда Вы прикажете, а Вы были бы столь добры проводить этот оставшийся

[Приписка 1:]

его, Збарского, долг сюда мне по 1000 марок в два приема. Буду Вам премного благодарен,

[Приписка 2:]

если эта комбинация не представит Вам *никаких трудностей*. Я тогда мог бы с ним списаться или с сыном моим.

[Приписка 3:]

Заранее благодарю Вас, привет уваж[аемому] Юр[ию] Влад[имировичу] и очень извиняюсь за хлопоты Вам.

Л.Пастернак

Отправлено вместе с №62 из Берлина в Лондон.

¹ Б.И. Збарский (1885-1954) — биохимик, познакомился с Пастернаком на Урале зимой 1915-1916, в 1924 вместе с В.П. Воробьевым (1876-1937) забальзамировал труп В.И. Ленина.

Motzstr[asse] 60
Берлин. 4.1.[19]32.

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Только что вернулся из Dresd[ener] Bank, где без особых трудностей получил по Вашему чеку тысячу восемьдесят марок и 60 пфен[нигов] (для Жени) о чем и спешу Вас уведомить и сердечно

благодарить. Я был занят эти дни и только сегодня мог отправиться за деньгами. Спасибо за Ваше милое письмецо. Очень жалею, что на мою долю не доведется так легко «ликвидировать», т.е. попросту получить свой долг из Москвы (третий год!). Уехали Женя и Женичка очень хорошо (как раз возвращался в Москву наш бывший домашний Моск[овский] врач Д-г Л.Г. Левин¹ с женой) и Женя очень хотела с ними ехать). Получили из Москвы телеграммы о благоп[олучном] приезде, также и письмо от Жени и видимо все обстоит там сл[ава] Богу — благополучно.

Пользуюсь случаем поздравить Вас и уваж[аемого] Юрия Владимировича с Нов[ым] Годом и пожелать Вам от нас обоих — всего наилучшего и окончательного выздоровления Вашему сыну!

Преданный Вам

Л.Пастернак

Отправлено из Берлина в Лондон.

¹ Лев Григорьевич Левин (1870-1938), врач и друг семейства Пастернаков, в советский период кремлевский врач и личный врач Горького, ездил регулярно в Италию его лечить, впоследствии репрессирован.

65. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

7-1-[19]31 [т.е. 1932]

Дорогой Борис Леонидович,

Не могу себе простить что не съездила в Берлин повидать Женю. В Чубиной болезни были сравнительно спокойные дни и я могла бы выкроить неделю.

Всегда так: откладываешь, откладываешь, а потом поздно. Все завтра, а жизнь бежит, летит, оглянешься а «завтра»-то уже больше нет.

Ваше письмо обещанное в телеграмме так и не пришло. Думаю некогда Вам, да и не до меня.

Женя написала перед отъездом из Берлина, что в Москве будет жить с братом, но адреса не дала¹. Сообщите, пожалуйста. А также передайте ей прилагаемое письмо Л[ео니다] О[сиповича]², чтобы она знала, что он получил долг.

Здесь у нас слякоть, болезни и общий пес[с]имизм.

Солнце показывается редко. Вспоминаю нашу зиму в Калифорнии, где 1-го января было 28°R в тени. Чудесно! Особенно в пустыне, песок, скалы, кактусы сотни разновидностей, синее бездонное небо и все вместе как сказочное морское дно.

Ваша Р.Ломоносова

Год уточнен по содержанию. Отправлено из Лондона в Москву.

¹ См. конец №62.

² №64.

66. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[31 января 1932]

Дорогая Раиса Николаевна! Я очень очень обрадовалась Вашему письму. Мне было очень худо, я писала Вам и рвала письма, Вы были очень далеко. Теперь временами я совсем счастлива, временами опять темно и я боюсь жизни. /Мы с Жен/ Я с Женичкой переехали с Волхонки в маленькую отдельную квартиру¹, у нас очень хорошо. Я надеюсь за зиму начать по-настоящему работать и зарабатывать и стать на свои ноги. У меня есть друзья. Я Вас очень люблю и часто о Вас рассказываю. Шотланду шлю свой привет². Еще в последнем классе гимназии я мечтала о Бразилии и мой полудетский роман с учителем математики прошел в разговорах о Бразилии, куда он обещал меня увезти. Крепко Вас всех целую. Пишите

Женя

Адрес Тверской бульвар д.25, кв. 7.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ О квартире на Тверском бульваре (см. конец письма) см.: Материалы. С.493-494.

² Возможно, от Schottland (нем.) — Шотландия. Не установлено, о чем (или о ком) идет речь.

67. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

27.V.[19]32

Дорогая Раиса Николаевна!

Непростительно, что я так долго оставлял Вас без известий, после всего перекрестно сказанного и понятого за эти годы, после всего сделанного за них Вами, Вами одной. Чем же объяснить мое молчанье? О, — слишком сложно было все, слишком трудно. И когда меня заставляли Ваши запросы за последовательными

частями совершавшегося, я остерегался писать Вам из их разгара, [перечеркнута фраза из 8-9 слов] потому что и без того всякое душевное осложнение заставляет нас задерживаться на переходящих стадиях страдания, точно на всей нашей жизни, и принимать отдельные события нашего существования за весь его смысл. Мы и молча преувеличиваем и гиперболизируем. Когда же обстоятельства заставляют нас еще и выражать испытанное в разгаре испытаний, то это не облегчает их, как напрасно думают, а только усугубляет. Итак я не писал Вам, потому что не мог, а мог бы, — все равно не написал бы, из предосторожности.

Роковою ошибкой было возвращенье Жени, в котором отчасти виноваты мои родные. Горе ее или раздраженье или недовольство все еще не унялось. Бытовые московские особенности (гл[авным] обр[азом] отсутствие комнат для найма) все это очень усложнили. Не могу пересказать Вам всех глупостей, которые я делал и готов был довести до конца в течение этого года. Сосредоточивать все в отношении Жени в одной участливой заботе, пусть и достаточно горячей, не запрашивая никаких других сторон сердца, точно их и не бывает, стало такою прочной для меня привычкой, что и сильно любя другого человека и вырвав его из его налаженной семейной жизни, я готов был ото всего отказаться, только бы успокоить свою совесть, напуганную Жениными состояньями. В этом направленьи было сделано так много шагов, роковых и непозволительных, что просто чудесно, что этого не случилось. Я искушал судьбу больше, чем на это решается счастливый, изумленный своим собственным счастьем человек, я два три раза так все подводил, что как бы предоставляя обстоятельствам самим от меня отвернуться, если бы это было угодно случаю. Я не скажу Вам, как бы я стал жить дальше, лишившись Зины, но я вообще не смотрел вперед, потому что знал, что увижу, и руководствовался только невыносимою болью минуты. А когда, подчас, все же заглядывал в будущее, и не бог весть какое отдаленное (оно представлялось мне немыслимым), в будущее ближайшей недели, то жадно и почти практически желал себе смерти, как единственного выхода. Я даже травился тогда зимой, и меня спасло только то, что меня спасли в /веч/ самый же вечер этого поступка¹. А теперь, излагая Вам это все, я уже того себя тогдашнего не понимаю.

Я пишу Вам из еще недоделанной двухкомнатной квартиры в доме Герцена на Тверск[ом] бульваре², предоставленной нам Союзом писателей³. Несколько дней, как мы сюда переехали. Мне страшно хорошо тут с З[иной]. И как ни трудно ей с двумя маль-

чиками на руках без прислуги (на днях мы все поедem на летние месяцы на Урал⁴ и работницы не стоит на такой срок нанимать) — неплохо, вероятно, и ей. Я так распространяюсь о своей радости, что Вы, пожалуй, в ней усомнитесь. Тогда в двух словах. Удивительна ее жизнь, трудная, исключительно страшная⁵. Удивительно, по глубокой близости [перечеркн. 4-5 слов] мне всего того, что ее сложило, — удивительно, говорю я, что я так опоздал, что я не узнал ее 18 лет назад, когда, в пятнадцать лет началась эта ее безжалостно страшная жизнь. Помните мою «Повесть»? Помните, я писал Вам об участии некоторых встреч и привязанностей в образовании главного заряда повести, и должен был написать о Вашем⁶. Ну вот, так З[ина] — сама, «Повесть», судьбой, внешностью, осуществленной идеей, тем, что она берет от меня и что делает со мною, она — сама Повесть и ее больше не надо писать⁷.

Теперь о Женях. Они живут на старой Волхонской квартире (Волхонка 14 кв. 9). Месяц назад маленький Женичка заболел скарлатиной, и обеспокоенный скорее за Женю большую, я временно у них поселился. Я провел там около месяца. Вероятно я несносно тяжелый и м[ожет] б[ыть] просто дурной человек, и по-видимому моя неискоренимая потребность в широкой, исполненной взаимным уваженьем Жениной дружбе, — неслыханная и житейски невоплотимая претензия, но я въехал туда с этим притязаньем, кажется, в последний раз, и выехал, совершенно от него навсегда отказавшись, так непохоже было, чтобы оно когда-нибудь было удовлетворено, так далеко все то, что я там увидел, от /всего/ того, что я лишь мыслью, хотя бы отдаленно мог бы считать себе родным, даже если бы у меня не было полного контраста для сравнения.

Простите за глупое письмо. Мне очень хотелось поблагодарить Вас за все и рассказать, как хорошо мне и легко и как хочется жить. Простите, далее, что мне так хотелось сказать Вам хоть что-нибудь о Зине, и я так был полонен этой потребностью, что лишь сейчас только доставши В[аши] последние открытки, перечел несколько строк которыми Вы к нам прикоснулись, и увидел, как они тревожны. Но это ведь ужасно, — операция за операцией, — воображаю, как это Вас всегда волнует! Вы наверное не захотите написать мне, но не откажите в одном. Сообщите хотя бы открыткой о состоянии здоровья Чуба, очень прошу Вас, и т[ак] к[ак] я сейчас не знаю нашего будущего адреса, то в Свердловск, главн[ый] почтамт, до востребования, — мне. Всего лучшего. Не смейтесь над моими признаньями. Сердечный привет всем Вашим. Преданный Вам

Б.П.

Отправлено 30 мая 1932 из Москвы в Лондон и оттуда переадресовано в Кембридж.

¹ Точные обстоятельства попытки Пастернака покончить жизнь самоубийством остаются неясными, но отчаяние перед накопившимися семейными и творческими проблемами, по-видимому, достигло крайнего предела зимой 1931/32 (см.: Материалы. С.491).

² См. прим. 1 к №66.

³ Речь идет об учрежденном в 1918 Всероссийском союзе писателей.

⁴ Пастернак, З.Н. Нейгауз и ее сыновья провели июнь-август 1932 в Свердловске и под Свердловском в качестве официальных гостей Свердловского обкома и правления Всероссийского союза писателей. (Подробнее об этом см.: Материалы. С.493-494; Флейшман. С.78 и сл.)

⁵ См.: Материалы. С.495-496.

⁶ См. №40.

⁷ Здесь, вероятно, косвенная ссылка на сходство между «женской долей» некоторых персонажей в «Повести» и ранней судьбой З.Н. Нейгауз.

68. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

19/XI [19]32 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Что же Вы мне не отвечаете? Вчера Борис Леонидович приносил книгу о Вашем друге¹. Вот молодчина, а почему бы ему не приехать в Москву? /Крепко/ /Приезжайте вообще ко мне в гости/ Крепко Вас целую Женя /и/ ревную ко всем друзьям

20/XI [19]32 г.

Москва

Вот, что я написала Вам до вашего письма, а теперь что же прибавить, по-моему пусть сам приедет фильм покажет, а там и книгу переведут. Вы пишете, что между нами рас[с]тояние только пространственное, а я-то его-то это пространство-то очень сильно чувствую и мне это не нравится. Нарисовала я Женичку /там/ если бы могла снять с рисунка фотограф[ию] прислал бы, но увы... «Мессапо»² Женичке не надо по-моему вообще посылки (я правда не узнавала) так чтоб у нас пошлину платить не получают, а если кто-нибудь поедет может ему детский фотоаппарат Voubi³ захватит Крепко вас целую привет Юрию Вл[адимировичу], Юре и Алекс[андру] Иван[овичу] Зимелю).

Женя

Письмецо пролежало опять неделю, перечла я его, простите, Раиса Николаевна, не умею я писем писать прямо совестно, крап крап два три слова, это вовсе и не письмо

Вы так и считайте его только приветом.

Ваша Женя

Отправлено 1 декабря 1932 из Москвы в Лондон.

¹ Речь идет о книге «Tiger-Man: An Odyssey of Freedom» (1932) английского путешественника, журналиста и писателя Джулиана Дюгида (Julian Duguid; 1902-1987), посвященной жизни и приключениям охотника на тигров и исследователя южноамериканских джунглей латышского немца Александра Ивановича Зимеля (Alexander [Sasha] Siemel/Setmel; 1890-1970). Ломоносовы познакомились с А.И. Зимелем в Лондоне в сентябре 1932. (Дневник Ю.В. Ломоносова: РАЛ MS. 716.3.20).

² Подобная «Конструктору» «инженерная» игра для детей.

³ См. №71.

69. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

22.XI.[19]32

Дорогая Раиса Николаевна!

От души и без счета благодарю Вас за Ваш подарок¹. Какой удивительный человек! Ну как, объясните мне, пожалуйста, читать мне эту захватывающую книгу, если: 1) я настолько плохо знаю англ[ийский] яз[ык], что не могу читать без словаря и даже с ним это делается неопишимо медленно (когда-то я знал его лучше, но за последние годы совершенно перезабыл); 2) если поминутно я всюду с собой ее таскаю и всем показываю, (благо такие замечательные фотографии с *такой* жизни и *такой* природы²), — показываю, с пояснительной лекцией об А[лександр]е И[вановиче] Зимеле, о Julian Duguid'е и о Вас, на основании того, что я успел прочесть в первые минуты (более всего я был потрясен биографич[ескими] подробностями на обертке, левый внутренний столбец, абзац второй). Вот как поступают настоящие люди, вот как надо понимать дружбу. Я был этою деталью нравственно уничтожен. Только из редкостного Вашего такта Вы не подчеркнули эти 7 строк специально для меня³. 3) Как мне ее читать, при такой медленности этого процесса, если книга выслана для пере-

вода, а не для моих восторгов, и, значит, очевидно, мне надо, отказавшись от ознакомленья с ней, знакомить с нею кандидатов в переводчики.

Ответьте мне поскорее, прислали ли Вы кому-ниб[удь] из здешних еще экземпляр, или мой — единственный? В ожидании Вашего ответа я успею еще несколько продвинуться в чтеньи (книга сейчас не у меня, но я возьму ее обратно). Если Вы ее послали мне одному, и дальнейшее пристраиванье книги поручаете мне, то мне по полученьи Вашего ответа придется с нею расстаться. Тогда, поскольку здесь требуется высокий литературный уровень перевода, я пошлю ее, предварительно с ним списавшись, Стеничу⁴ в Ленинград. Я забыл его имя и отчество и знаю его недостаточно близко. Но это прекрасный молодой переводчик, автор переводов (авторизованных) Джона Дос Пас[c]оса⁵. Теперь ему поручают труднейшего Джеймс Джойса⁶. Он личный друг Николая Корнеевича Чуковского⁷ и, если бы Вы пожелали для перевода прислать еще экземпляр, процедуру с пересылкой можно было бы сократить. Если бы это Вас не затруднило и Вы это для себя почли удобным, Вы могли прямо бы послать ее по адресу «Ник[олаю] Корн[еевичу] Чуковскому, Ленинград, Надеждинская 9 кв. 31, для Стенича». А я бы по первому Вашему распоряженью с ним списался. Кстати и как характер, Стенич фигура подходящая: это человек риска и вызова и крайне острого ума. Словом, напишите мне поскорее, могу ли я свободно, на досуге, перемежая это с текущими работами, наслаждаться чтеньем книги, или назначенье присылки прежде всего практическое, и от безраздельного пользования ею надо отказаться. Вероятно еще до Вашего ответа у меня будут некоторые результаты (для того я ее и отдал) редакционной экспертизы официального, издательского характера. Мне это нужно для определенья дальнейшего *поведенья* насчет книги, а не ее *судьбы*, конечно.

Итак, не удивляйтесь ничему. Естественнее всего было бы, если бы я сам напросился на перевод, но для этого надо знать язык хотя бы посредственно, я же знаю его очень плохо. Далее, совершенно очевидно, что талантливая книга о таком чистом, глубоком, ярком и увлекательном явлении, как А[лександр] И[ванович] и его жизнь, ни в какой рекомендации не должна бы нуждаться, дело говорит за себя. Это не бедный родственник какой-нибудь, которого, стесняясь, и с большими усилиями, определяют в люди. Но Вы должны ясно себе представить нашу обстановку, природу господствующих вкусов и пр. и пр.

Вот если бы тигры были капиталистами а джунгли рабочим движеньем, жизнь же А.И. [Зимеля] не жизнью на его собственный

лад, страх и риск, а во исполнение данного организацией поручения и пр. и пр., тогда совсем другое бы дело.

В настоящем же случае реализация перевода должна будет исходить от переводчика, и вероятно натолкнется на всевозможные затруднения. /и/ Во всяком случае, увидим, я уже почву зондирую, и скоро, вероятно, что-ниб[удь] узнаю.

Тогда и отвечу Вам на главные вопросы Вашего письма, касающиеся ближайших планов Ал[ександра] Ивановича. Я от него в совершенном восхищении, но пока не проверю, ориентировочно, действия его на местное воображение, пусть сюда не торопится. Здесь ничего, кроме революционной политики возвеличивать не любят, а ко всему замкнутому, анархо-индивидуалистическому и самостоятельному относятся с тем большею враждебностью, чем больше, в каждом отдельном случае, заключено в нем силы.

Что за неожиданности происходят с Вашим сыном, как это ужасно! А на карточке, которую показала мне Женя, он производит впечатление такого веселого и здорового молодого человека, прямо загляденье! И Вы как хорошо и удачно снялись!

Ах, Раиса Николаевна, вот ведь случай (и такой легкий), последовавши своему же собственному побуждению, сделать приятное Вам, а я к этому приступаю так медленно и неудачно! И я полдня прописал, и Вас утомил, и ничего не сказал Вам.

Затем, не сердитесь... Если бы я был женщиной... Ах, как это сказать... Словом, тогда бы все это угрожало устойчивости моего почтового адреса. Но серьезно, без усмешек, перечтем 7 строк желтого столбца (какой замечательный поступок!).

[Приписка:]

Знаете ли Вы, что значит такой choice of the lonely existence⁸, и в состоянии ли его оценить?

Ваш Б.П.

Отправлено заказным 23 ноября 1932 из Москвы в Лондон.

¹ См. прим. 1 к №68.

² В книге «Tiger-Man» воспроизведено 16 фотографий людей и животных — «действующих лиц» повествования и мест его действия.

³ В указанном Пастернаком абзаце сообщается о переломном моменте в биографии А.И. Зимеля и о его столь непохожей на пастернаковскую реакции: «Саша Зимель /.../ выбрал одинокую жизнь охотника, потому что он влюбился в жену своего лучшего друга. Это произошло в Буенос-Айресе, когда ему было двадцать три года. Он отправился на север в Бразилию».

⁴ Валентин Осипович Стенич (Сметанич; 1898-1939) — переводчик и критик.

⁵ Джон Дос Гассос (John Dos Passos; 1896-1970) — американский писатель. В 1931 вышел его роман «The 42nd Parallel» («42-я параллель») (1930) в переводе В.О. Стенича.

⁶ Джеймс Джойс (James Joyce; 1882-1941), ирландский писатель. Выдержки из его романа «Ulysses» («Улисс») (1922) в переводе Стенича были опубликованы в журналах «Звезда» (1934. №11) и «Литературный современник» (1935. №5).

⁷ Николай Корнеевич Чуковский (1904-1965), писатель, старший сын К.И. Чуковского.

⁸ Выбор одинокой жизни (*англ.*) (см. выше прим.3).

70. [Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку]

[30 ноября 1932]

Сохранился конверт от отправляемого Ломоносовой 30 ноября 1932 из Лондона заказного письма, которое пришло в Москву 5 декабря 1932.

71. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

5.XII.[19]32

Дорогая Раиса Николаевна!

Ах, какую радость доставили Вы мне своим сегодняшним письмом!: я почему-то не ждал, что Вы мне ответите так сердечно и задушевно.

Стенич уже прочел книгу. Он был тут в Москве, и взял ее прочесть, *наперед* сказав мне, что так загружен Джойсом, что ничем другим в течение года заниматься не сможет. Но наперед зная, что практического применения это не сможет получить, он попросил ее у меня на прочтение, заинтересованный с одного перелистыванья. Книга произвела на него большое впечатление.

Сейчас она находится у одной очень хорошей московской переводчицы, и по всему тому, что я успел выяснить, вероятная судьба книги будет такова: ее в некоторой переработке т.е. в сокращении, если это потребует, предложат издательству «Молодой Гвардии», выпускающему книги для юношества².

Я не знаю, надо ли отказываться, для первого опыта от такой, пусть может быть и обидной некоторыми урезками и стран-

ным назначением возможности, если, по некоторым причинам, пока не предвидится другой, более полной. На случай такого исхода мне хотелось бы знать желание А.И. [Зимеля], т.е. согласен ли будет он. Посоветуйтесь, пожалуйста с ним³.

Какие у Вас замечательные муж и сын, — какие настоящие, не предполагаемые, истинные, весомые, красивые! И как подчеркнуто скромно вышел А[лександр] И[ванович], почти застенчивый среди Вас, вечною застенчивостью человека, никогда недовольного собою среди людей, никогда не умеющего опереться на что-нибудь свое, уже достигнутое и доказанное, и всегда отвлекаемого тоской по тому абсолютному и совершенному, что открывается в одиночестве, все равно, на поприще ли бесстрашия или мастерства или размышленья, — положение правды, тяготящейся среди людей своею собственной силой и ее тайнами, тихой и дремучей, как музыка и природа.

Вы могли и не надписывать Вашей карточки: я сразу догадался, что это когда у Вас рука болела (я страшно Вам тогда сочувствовал, с каким-то большим жаром, — помните?)⁴ Или я ошибся, и это в какое-нибудь другое Ваше больничное лежанье?

14.XII.[19]32

Видите, письмо провалялось больше недели. За это время пришла книга в др[угом] издании с надписью Александра Ивановича, — сердечное ему спасибо. Кроме того узнал, что Женя некстати обмолвилась одной просьбой к Вам, нарушившей мои собственные шаги в том же направлении, кот[орые] ей не были известны. Я выписал маленькому Жене фотогр[афический] аппарат из Берлина, и он уже получен⁵.

Письмо залежалось в неоконченном виде. Я жалею, что не написал его тогда же и не отправил. Что же осталось в нем еще сказать?

Собственно ничего, потому что главное уже было сказано и его надо было только выделить и оттенить в некотором *sumé*⁶.

Я хотел повторить, что всего больше порадовали Вы меня тем, что разрешили мне говорить с Вами или думать о Вас с прежнею нотой, с той нотой, без которой никакой разговор о жизни, мужестве и искусстве немыслим; с той нотой, которая питает скрытым и сдержанным теплом лучшие человеческие отношения; что, ничего не говоря, Вы сказали мне, что мы по-прежнему друзья, что Вы позволяете мне так думать. Спасибо.

Удивительным образом я на это не рассчитывал, и в Вашем письме было много для меня неожиданно радостного.

Я также хотел Вам рассказать немного о себе, и сделаю это в другой раз. Только недавно, с неделю, не больше, взялся я за работу (за прозу) после более чем годичного ничегонеделанья. Ничего хорошего, во внешне-общественном смысле, я от этой работы не жду, и буду писать эту вещь только для собственного удовлетворенья⁷. — И еще, в двух словах. Мне чем-то очень близок мир А[лександра] И[вановича]. Наверно это чувство будет иметь какое-то будущее. Я его не знаю и не могу предрешать. Если это ощущение меня не обманывает, оно придет само собой. — Целую Вашу

[Приписка:]

руку. Всей душою преданный Вам

Б.П.

Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ Предположительно №70.

² «Молодая гвардия», созданное в Москве в 1922 изд-во ЦК ВЛКСМ.

³ Судя по сохранившимся письмам А.И. Зимеля к Ломоносовой за 1932-1934 (РАЛ MS. 717.2.282), он ничего не знал о ее попытке устроить перевод книги о нем.

⁴ Ср. №49.

⁵ См. №68.

⁶ *Résumé (фр.)* — резюме.

⁷ Речь идет о незаконченном произведении, известном под разными названиями: «Роман о Патрике», «Начало прозы 1936 года» и др. См. публикации: Пастернак Б. Фрагменты романа. London: «Harvill Press», 1973; Пастернак Б. Воздушные пути: Проза разных лет. М.: «Советский писатель», 1982. С.285-348.

72. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

12.XI.[19]33.

Дорогая Раиса Николаевна, страшно рад Вашей открытке (какой замечательный вид!), и только огорчает причина, опять погнавшая Вас в Италию¹. Напишите мне подробнее, как Ваше здоровье. Откуда Вы взяли, что Вы можете быть виновницей моего молчанья? Вы должны раз навсегда знать, что можете быть поводом только одного хорошего.

Я так давно не писал Вам, что не знаю, с чего и начать. Давайте по порядку. Начнем с тигров².

Принципиальных возражений против духа книги быть не может, и я напрасно их преувеличивал в прошлом году. В том, что книга лежит без движения у переводчиц — а они в восхищеньи от нее и, кроме того, заинтересованы в ее реализации материально, виноваты не убеждения А.И. [Зимеля] как и не отдельные из здешних авторитетов, — причины этого шире и они неуловимы. Это те же причины, по которым вот уже третий год я не написал ничего но/вов/вого, и начинаю забывать как это делают. Я хотел войти в анализ этого временного застоя, но сейчас узнал, что завтра еду с одной писательской бригадой в Тифлис, и должен подготовиться к поездке и собраться в дорогу³. По-настоящему следовало бы эту беседу с Вами отложить до возвращения и более спокойного времени, но я так боюсь, что в течение этого перерыва Вы вдруг вспомните обо мне и не будете знать причины моего молчанья, что хочу договорить хотя бы второпях.

Итак, главное, — спасибо. И прежде всего спасибо за снисходительность, с которой Вы прощаете мне глухоту, незамечательность и непродуктивность моего существования, и, вот, вспомнили обо мне.

Все мои близкие здоровы, все у Жени на Тверском б[ульваре] в порядке, маленький Женя ходит в школу и недавно был зачислен в пионеры⁴.

Родители и сестры в Германии, я их зову к себе, они отказываются, и потому, как это все рисует печать, их вкусы меня удивляют⁵.

Тяжестью во все последнее время лежит на мне то, что я ничего не пишу, при довольно благоприятных для этого личных и материально бытовых условиях.

Совсем недавно я перевел двух совр[еменных] грузинских поэтов⁶ и подписал договор на целую книгу таких переводов. Для того-то и еду я в Тифлис, чтобы раздобыть на месте подстрочники для книги, потому что по почте этого никак не достать, так избеждельничались люди или настолько привыкли к работе не из живых и личных побуждений и не по специальности.

Меня страшно радует Ваша англ[ийская] книга о Пушкине⁷! Когда я вернусь, нам с Вами надо будет еще списаться, ведь Вам потребуются книги, ну так вот, напишите, что Вам нужно и располагайте мной. В последнее время исследованиями о Пушкине стала тут заниматься Анна Ахматова с большою дельностью и рядом неожиданных и удачных находок⁸.

В торопливости, в которой я заканчиваю письмо, наиважнейшим остается пожеланье Вам здоровья и бодрости, просьба о скорейшей вести, сообщенье о благополучном здоровье обоих Жень

и уверенность в постоянной моей преданности Вам, при всей печали, которую всегда вызывает мысль, что я до сих пор доверья Вашего не оправдал и, по-видимому никогда не оправдаю.

Целую Вашу руку и еще раз горячо желаю Вам, чтобы Италия совершенно Вас излечила.

Ваш Б.Пастернак

Отправлено из Москвы в Рим.

¹ Ломоносовы отдыхали вместе в Италии в июле-сентябре 1933, и после отъезда Юрия Владимировича в Англию Раиса Николаевна поселилась в Риме до середины декабря 1933.

² См. №69 и 71 об А.И. Зимеле.

³ Пастернак отправился в Тифлис 14 ноября 1933 и провел там 2 недели (см.: Материалы. С.505).

⁴ В 1933 Е.Б. Пастернаку исполнилось 10 лет, официальный возраст для вступления в существующую с 1922 под разными названиями Всесоюзную пионерскую организацию им. В.И. Ленина.

⁵ Намек на «нацификацию» Германии после назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933.

⁶ См. прим 6 к №79.

⁷ См. прим.3 к №73.

⁸ Большинство из работ Ахматовой, посвященных А.С. Пушкину, увидело свет после написания №72, но к тому времени уже вышла ее статья: Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. №1. (См.: Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. Л.: «Советский писатель», 1977).

73. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

c/o Hotel Alexandra
Via Vittorio Veneto 18, Roma
20-XI-[19]33

Дорогой Борис Леонидович,

Так рада Вашему письму¹, тому что хоть внешне у Вас благополучно. Что Вы пишете [т.е. пишете] о глухоте и немоте Вас удручающей, не знаю, смею ли я касаться этого Вашего мира, но думается, что это временное, что внутри Вас все накапливается, а потом и хлынет наружу. Ваши слова, что теперь больше работают из-за принуждения а не из-за живых, личных побуждений — замечательно верны. Это наблюдается всюду. И вот думается,

что началось это еще во время войны. Испугался человек одиночества, хочет всегда быть на людях, в стаде. Там одиночество было невыносимо. Монотонное ожидание ужаса гонит в стадо — на людях и смерть красна. Красна она никогда не бывает, но не так страшно умирать. Видела это на раненых²: они всегда предпочитали общую палату одиночной. И возможно что это товарищество и послужило психологическими дрожжами для всего последующего, т[ак] н[азываемого] современного человека. Это не в осуждении, а только что нашему переходному поколению трудно понять как можно жить без поэзии, без света внутренне-го, без того чтобы самому себе рассказывать сказки. Теперь еще трудно сказать являются ли спорт, жизнь в группе, в массе прогрессом или регрессом, и является ли новый ритм, ритм человека-машины поэзией жизни. Не знаю как у нас, но здесь молодое поколение растет без смеха, без юмора над самим собой. Вся жизнь в маршах, в ритмичном топоте ног, а головы как будто бы и не имеется, и сердце как будто бы довольно своими чисто физиологическими функциями и большего не жаждет.

Но ведь это все было и раньше. Рим был свидетелем бесконечных организованных маршей. Не хочется думать, что мир наш ограничен, что движемся мы по кругу...

Не знаю как и благодарить Вас за помощь в связи с книгой о Пушкине³. Когда вернетесь из Тифлиса и будет у Вас свободное время, сообщите название новейших исследований [т.е. исследований] о нем. Жду с нетерпением нового Академического издания всех его трудов⁴. В Британском Музее имеется много материала, но все заканчивается Щеголевской — «Дуэль и смерть П[ушкина]», дальнейших исследований [т.е. исследований] нет. Его же «Из жизни и творчества П[ушкина]» — нового материала почти не дает⁵. Святополк-Мирский написал книгу «Pushkin» на Английском языке⁶. Нечто вроде литературного пособия. Свысока и снисходительно. А главное (не сердитесь, если С[вятополк]-М[ирский] Ваш друг) скучно. Разделал бы его Александр Сергеевич двумя строчками. Для меня П[ушкин] живой, обожаемый, со всеми своими негритяно-русскими особенностями человека, и Аполлона на земле. Но писать о нем книгу не знаю осмелюсь ли. Скажу Вам по секрету, что написала драму из его жизни. Вернее 3 последние месяца его жизни⁷. Но она внешняя, неудовлетворяющая... Она сейчас в New York Guild Theatre⁸... и я дрожу ее появления и своей дерзости... .. и если ее в конце концов не поставят это, не будет огорчением.

А.И. [Зимель] все еще в Голландской Гвиане. В Декабре собирается в Соедин[енные] Штаты, а на лето возможно к нам, вер-

нее в Англию. Пишет к своему необыкновению и моей радости довольно часто⁹. Мы с ним побратались. И я беру много больше чем даю, потому что он во всем полнее и великодушнее меня, как бывает с братьями.

Женям обоим напишу на днях. О Жене «большой» думаю часто. Примирились ли ее мятежная душа и женское самолюбие со случившимся? Юр[ий] Вл[адимирович] и я чувствуем себя очень виноватыми, что не пришли ей на помощь, когда она в ней нуждалась. Но боялись, что Английский климат будет вреден для ее слабых легких, боялись ответственности за ее здоровье, да и Чуб был между жизнью и смертью и наша печальная обстановка еще более обострила бы ее боль¹⁰. А может чужое горе ослабило бы ее собственное? Не знаю... Тогда же приходили отчаянные письма от М[арины] И[вановны] Ц[ветаевой] с просьбами о денежной помощи, а мы сами были в долгу у всех друзей. Каждая Чубина операция, больничные счета увеличивали долги... и наша переписка с М[ариной] И[вановной] прервалась. Она приняла невозможность за нежелание¹¹.

Чубина долгая и мученическая [sic] болезнь состарила его внутренне, глубоко. Стоять на грани и вернуться беспечным нельзя. Надеялась что он сможет приехать сюда на Рождество вместе с Юр[ием] Вл[адимировичем], но он пишет, что на заводе где он теперь работает много новых заказов и он не может получить отпуска¹². Я себя чувствую много лучше и думаю в Марте вернуться в Лондон. Д[окто]р говорит, что это равно самоубийству, но Д[окто]ра все на один лад, а от смерти не убежишь даже в Риме, прекраснейшем из городов. Каждое утро просыпаюсь с радостью от его гармонии и красоты, вернее что вот сейчас увижу его опять. Даже смесь стилей и преобладание аляповатого Барока [sic] роскошных Пап не нарушает общего впечатления величия и мира. Прошу у Вас прощения за небрежное писание и каракули. Это все от плеча там где засел гнусный микроб. Еще раз спасибо за Ваше дружеское письмо. Беспokoило меня Ваше молчание тем, что забывши условия [т.е. условия] быта я могла написать не так как принято... В этой стране не забудешь, а в Германии должно быть ужасно. Немцы всегда и во всем основательны и механичны, вроде танков — пощады нет.

Семь лет тому назад провела счастливых 2 месяца в Тифлисе. Было это в Апреле и Мае¹³. Желая Вам вернуться полным творческих сил, радости жизни и любви...

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено из Рима в Москву.

¹ №72.

² В 1914-1917 Ломоносова работала сестрой милосердия в Царско-сельском дворцовом лазарете Красного креста и, в частности, заменяла возглавлявшую лазарет императрицу Александру Федоровну (1872-1918).

³ См. №72. Интерес Ломоносовой к жизни и творчеству Пушкина был активным и продолжительным. В течение ряда лет она собирала биографические и другие материалы о Пушкине и издания его произведений (см. отдел Пушкинианы в библиотеке Р.Н. Ломоносовой) и хотела написать о нем книгу. В 1936 она участвовала в издании изящно оформленной отдельной книги перевода на английский язык «Сказки о золотом петушке» (The Tale of the Golden Cockerel / Translated by Hannah Waller, note on Pushkin and the Tale by Raïssa Lomonossova) в по-пушкински названном лондонском издательстве «The Golden Cockerel Press». В юбилейном 1937 она подготовила радиопередачу о Пушкине для Би-Би-Си (РАЛ MS. 717.1.4.2).

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 тт. [Л.]: Изд-во Академии Наук СССР, 1937-1949.

⁵ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранятся книги П.Е.Щеголева (1877-1931) «Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы» (3-е переработанное и дополненное издание. М.;Л.: ГИЗ, 1928) и «Из жизни и творчества Пушкина» (3-е исправленное и дополненное издание. М.;Л.: ГИХЛ, 1931).

⁶ D.S.Mirsky. Pushkin. London: «George Routledge» / New York: «E.P. Dutton», 1926.

⁷ Речь идет о пьесе Ломоносовой о гибели Пушкина под названием «Дуэль» (1933-1937) (РАЛ MS.717.1.3.1). (О переговорах с МХАТ по поводу предполагаемой постановки пьесы см. №96 и 107). Сохранилось два варианта пьесы по-английски: «Pushkin (The Duel)» и «Pushkin (The Tsar and the Poet)» (1933-1937) (РАЛ MS.717.1.3.2-3).

⁸ Ко времени написания №73 созданный в 1922 с новаторскими целями нью-йоркский Гилд театр (Guild Theatre) превратился в обыкновенный бродвейский драматический театр. Судя по письмам Ломоносовой к мужу от 30 октября и 29 ноября 1933, контакт с театром был налажен через американскую журналистку Каролайн Сингер (Caroline Singer; 1888-?) (РАЛ MS.717.2.1.151 & 165).

⁹ См. прим.3 к №71.

¹⁰ См. №59.

¹¹ Если судить по последним письмам к ней от Цветаевой (см.: Минувшее. С.266-273), то Ломоносова несколько несправедливо комментирует прекращение их переписки.

¹² В начале 1933 Ю.Ю. Ломоносов переехал из Лондона в Ньюкастл, где он работал на крупном машиностроительном заводе Sir W G Armstrong Whitworth & Co.

¹³ В апреле-мае 1925 Ломоносовы провели месяц на Кавказе в связи с опытной поездкой построенного по проекту Юрия Владимировича тепловоза. Об этом см. кн.: Ломоносов Ю. Опыты 1925 года над тепловозом Ю³ №001 на железных дорогах СССР. Берлин: «Буква», 1927.

(Окончание следует)

«В ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА...»
Письма Н.А. Бердяева к кн. И.П. Романовой. 1931-1947

Публикация В.Аллоя и А.Добкина

Публикуемые письма охватывают поздний период жизни Николая Александровича Бердяева (1874-1948), время творческой зрелости, когда он формулирует в окончательном виде основы своего мирозерцания, осмысляет свое место в европейской философской традиции, подводит первые жизненные итоги. Все это происходит на фоне трагических событий 30-40-х годов: прихода к власти в Германии нацизма, укрепления сталинского режима в Советской России, политических процессов и террора в обеих странах, на фоне ужасов Второй мировой войны... И все-таки ни тяготы эмиграции, ни мучительное чувство оторванности от родины, ни ощущение одиночества и вполне адекватно переживаемая Бердяевым трагедия войны, ни, наконец, нарастающая физическая немощь, — отражаясь в его размышлениях, не могут помешать философу делать главное: метафизически преобразовать мир в текст. Эпизоды этого процесса и запечатлены в помещенных ниже письмах.

Корреспондент Бердяева — княгиня Ирина Павловна Романова, урожденная Гогенфельзен, княжна Палей (далее — И.П.). Она родилась в 1903 от второго брака вел. кн. Павла Александровича, сына Александра II. Брак этот был морганатическим, заключенным тайно, против воли Николая II, поэтому в девичестве И.П. носила фамилию матери, графини Ольги Валериановны Гогенфельзен¹ (урожд. Карнович, в первом браке — фон Пистолькорс, 1865-1929). Государственная карьера отца И.П. была этим браком разрушена. На несколько лет ему и семье был даже воспрещен въезд в Россию. Только после гибели в 1905 брата, вел. кн. Сергея, Павлу Александровичу разрешили сначала приехать на похороны, а потом и вернуться с семьей ко двору. В 1915 по просьбе О.В. Гогенфельзен ее немецкая фамилия была заменена на родственную казачью и присвоен титул княгини Палей. Отца И.П. и ее брата — молодого поэта князя

¹ Этот титул был ей пожалован баварским королем в 1904.

Владимира Палея — в 1919 постигла общая участь императорской семьи: первый был расстрелян в Петрограде, второй — в Алапаевске. Княгиня Ольга, после долгих, но безуспешных попыток спасти мужа и сына, бежала с дочерьми Ириной и Натальей во Францию.

В мае 1923 в Париже И.П. вновь становится Романовой — выходит замуж за князя императорской крови Федора Александровича.

Знакомство И.П. с Бердяевым, поначалу заочное, состоялось, видимо, в самом начале 1930-х (первое письмо философа датировано 24 февраля 1930) и на первых порах носило исключительно деловой характер: И.П. переводила на французский его книги «О назначении человека», «Философия свободного духа», ряд брошюр, статей и докладов. В этой работе И.П. помогал ее друг, издатель и художник Юбер Монбризон. Бердяев вполне сознавал, что передача его мыслей на чужом языке — трудное дело. Тем большую признательность вызывали у него усилия переводчицы: «В общем перевод произвел на меня благоприятное впечатление, — писал он 17 октября 1930. — Есть ошибки, которые легко исправить, есть места, которые вызывают во мне сомнение. Но есть также места, которые почти невозможно передать на французском языке. Беда не только в том, что я русский и пишу по-русски, но также в том, что я прошел через школу немецкой философии, которая всегда с трудом передавалась по-французски и во французской манере мыслить».

Постепенно знакомство переросло в дружбу, и И.П. стала необходимым Бердяеву собеседником. Он делится с нею своими замыслами, обсуждает текущие события, положение в эмигрантской среде, отношения с коллегами-философами, поясняет свои взгляды, пытается морально поддержать «милую принцессу» (так иногда он именует свою корреспондентку) в тяжелых для нее обстоятельствах. И.П., в свою очередь, трогательно заботится о Бердяеве, всячески стремится облегчить ему жизнь, если не сама, то используя свои связи и влияние. С годами Бердяев становится для И.П. едва ли не духовником, во всяком случае — учителем жизни. Эта близость поразительна: блистательной аристократке и «государственнице» по рождению и воспитанию не удалось устоять перед обаянием одного из самых вольнолюбивых и неистовых умов Европы. Сам же Бердяев, при всей своей склонности к обособленности и «духовному одиночеству», не только ценил в И.П. благодарного и вдумчивого слушателя, но и видел в ней вполне равноправного сотрудника по осмыслению сущего. Это сотрудничество и диалог продлились почти до самой смерти философа. И до конца своих дней И.П. бережно хранила письма и творческие рукописи Бердяева².

Всего до нас дошло 137 писем Бердяева к И.П., хранящихся ныне в семье ее потомков во Франции, а также 34 встречных письма (РГАЛИ. Ф.1496. Оп.1). Мы отобрали для публикации 36 писем Бердяева за весь

² В архиве потомков И.П. хранятся автографы статей Б.: «Судьба века», «Философ и существование», «Братство людей и религий», предисловия к французскому изданию «Оправдания добра» В.С. Соловьева, а также французские переводы его работ: «Христианство и деятельность человека», «Христианство и опасность материалистического коммунизма» и «Христианство и антисемитизм».

период переписки, включая последние письма философа. Тексты печатаются по ксерокопиям автографов, любезно предоставленным С.-Петербургскому фонду культуры г-жой Гуннель Вальстрём (Швеция). Выражаем ей нашу глубокую признательность; пользуемся случаем поблагодарить внуков И.П. — г-на и г-жу Allaine Pelle и вице-президента С.-Петербургского Фонда культуры А.В. Кобака за доброжелательное и деятельное содействие в появлении этой публикации.

Орфография и пунктуация писем Бердяева приведены нами в соответствии с современной нормой. Допущенные в ряде случаев отступления от этого принципа диктовались стремлением сохранить индивидуальные особенности авторской манеры. Годы на письмах проставлены рукою неустановленного лица, возможно, адресата (недостаток графического материала не позволяет судить об этом более уверенно). Поэтому при публикации мы заключили их в квадратные скобки. Так же оформлены все конъектуры публикаторов, дописывания слов и условно прочтенные фрагменты текста (в последнем случае в конце стоит знак вопроса).

1

Clamart
15 Января [1931]

Дорогая княгиня! Очень обрадовался Вашему письму. Благодарю за привет и поздравление. Я хотел Вам написать, поздравить Вас с праздниками и пожелать счастья на Новый год, но не знал Вашего адреса. Большая радость видеть иногда только горы и небо и дышать свежим горным воздухом. Для нас этот год начался неприятными волнениями. Американский экономический кризис привел к тому, что американцы, которые помогали целому ряду русских начинаний, хотят очень уменьшить свою помощь. Это может создать очень большие трудности и для меня и для многих русских. Придется может быть искать других путей¹.

Меня трогает, что Вы даже во время праздничного отдыха продолжаете перевод моей книги². Св. Иоанна Крест[ителя] переводить не нужно, можно просто взять соответствующие места из французского издания. С Экхардтом труднее, он не переводился на французский язык и его нужно переводить³. «Тварность» трудно передать на французском языке. Мы поговорим об этом при свидании.

Хотел я расспросить Вас о Вел. Кн. Александре Михайловиче, который ведь отец Вашего мужа⁴. Меня просили прочесть его книгу «La religion d'amour» и способствовать тому, чтобы его пригла-

силы читать доклад христианской молодежи на Монпарнасе. Мне нравится его свободолюбие и широта, но думаю, что он ближе к теософии, чем к православию. Его посему также считают спиритом.

Во Вторник 20 Января в 4 ч[аса] дня у нас будет собрание с французскими католиками, о которых я Вам говорил⁵. Будет читать доклад Маритен⁶. Вам было бы интересно. Но боюсь, что Вы еще не будете здесь.

Надеюсь скоро Вас увидеть, дорогая княгиня, и шлю Вам привет от всего сердца.

Душевно Ваш Николай Бердяев

Напишите мне, когда захотите возобновить наши занятия.

¹ Среди «русских начинаний», которым помогали американцы, в первую очередь имеется в виду основанное в 1921 издательство «YMCA Press». Б. принимал в его работе деятельное участие. См. подробнее: Андерсон П.Ф. Бердяевские годы 1922-1939 // Вестник Русского христианского движения (Париж). 1985. №144. С.244-291. Другим таким начинанием было Русское христианское студенческое движение, возникшее в октябре 1923. Ср. в письме Б. от 7 февраля 1931: «/.../ меня тронул Monbrison [О нем см. прим.5 к письму 2. — Публ.]. Он пожертвовал 10000 фр[анков] русскому христианскому студенческому движению. Этот год был особенно трудный для движения, нужно было сделать огромное напряжение для сбора денег и такой большой единоличный взнос спасает положение. Думаю, что отчасти это произошло благодаря Вам, так как через Вас Monbrison связан с русскими. Я работаю среди этой молодежи и потому был взволнован этим фактом».

² Речь идет о переводе «Философии свободного духа» (1927-1928), над которым И.П. работала с весны 1930. Под названием «Esprit et Liberté» книга вышла в 1933 (Изд-во «Je sers», Париж).

³ *Экхарт* Иоганн (ок.1260 - кон.1327/нач.1328) — немецкий мыслитель-мистик. Б. цитирует русский перевод его «Духовной проповеди и рассуждений» (М., 1912; см.: Бердяев Н. Философия свободного духа. Ч.2. Париж, 1928. С.12, 83).

⁴ Вел. кн. *Александр Михайлович* (1866-1933) был отцом первого мужа И.П. — кн. императорской крови *Федора Александровича* (1898-1968), за которого она вышла замуж в мае 1923. В 1936 И.П. и Ф.А. развелись.

⁵ Ср. в «Самопознании»: «Были годы, когда в Париже происходил ряд интерконфессиональных собраний. Инициатива этих собраний принадлежала мне. В течение нескольких лет, на русской почве, в русском доме на Boulevard Montparnasse происходили встречи православных с француз-

скими католиками и протестантами. Интересно, что французские католики и протестанты впервые встретились и разговаривали лицом к лицу на религиозные темы на русской почве. Также впервые встретились на русской почве и спорили католики-модернисты и католики-томисты» (Бердяев Н. Собр. соч. Т.1: Самопознание. Париж, 1983. С.301). Позднее эти собрания, хотя и в более узком составе, происходили также дома у Б. в Кларамаре. 24 марта 1931 Б. читал там доклад о религиозной проблеме человека. Приглашая на этот доклад И.П. и Монбризона, Б. пояснял: «Хотя по уговору с французскими католиками на этом собрании должны быть только католики и православные, но на свой доклад я могу пригласить и протестанта, да и не нужно слишком педантически к этому относиться» (письмо от 22 марта 1931).

⁶ *Маритен Жак* (1882-1973) — французский религиозный философ, неотомист. Протестант, перешедший в католичество и отрицавший модернистские веяния. Отношения с Б. начались в 1925 и переросли в дружбу, несмотря на идейные расхождения. См.: Бердяев Н. Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.305-307 и по именному указ.

2

Clamart (Seine),
14, rue de St.Cloud
11 Августа [1931]

Дорогая княгиня! Очень тронуло меня Ваше милое письмо и мне стало очень грустно, что я не с Вами. Мы с Вами общались до сих пор главным образом на почве перевода моей книги и мне очень хотелось поговорить в Вами больше по душе, но нелепый случай помешал этому. Очень досадно, что я заставил Вас напрасно рано встать в день моего предполагаемого приезда. Я должен был приехать в 10 ч[асов] 22 м[инуты]. Не обозначал часа в телеграмме, потому что предполагал, что это единственный прямой поезд приходящ[ий] утром. Ваш случай с пропажей всех документов кончился благополучно, а он мог быть кажется еще более катастрофический, чем мой. Мой бумажник был несомненно украден, а не потерян, и найтись ничего не может. Очень неприятная возня с восстановлением *carte d'identité*¹. В ближайшее время, в течение Августа, я, конечно, никак не смогу приехать в Biarritz. У меня много хлопот. Но мне очень хочется побывать у Вас. И вот такая возможность мне представилась. Я вероятно поеду в Сентябре на три недели в Виши лечиться. Может быть я мог бы после Виши приехать к Вам на неделю или дней на десять отдохнуть после лечения. Но это может быть только в самом конце Сентября и в начале Октября. Я совсем не знаю, будет ли это

удобно Вам, не будет у Вас кто-нибудь в это время и не будет ли это уже канун Вашего возвращения в Париж. До Виши было бы труднее приехать. У нас тоже ужасная погода, сырость и холод. Я совсем почти не могу ездить на велосипеде в лесу. Не выношу климат Франции, от сырости я чувствую себя совсем больным, все болит. Неужели Вы и в Biarritz заняты еще переводом моей книги? Вам бы следовало отдохнуть. И от школы Вам бы следовало отдохнуть². Я сам очень плохо умею отдыхать, но других наставляю. Мне все-таки весь Август и Сентябрь придется писать, есть срочная работа. Всякое дело в мире, самое даже творческое и интересное, имеет свою тяжелую и мучительную сторону. Это — закон жизни.

Читали ли Вы книгу воспоминаний Вашей сестры Марии Павловны?³ Книги я не видел, но прочел о ней страшно хвалебную статью André Maurois⁴, который сопоставляет ее даже с Прустом.

Благодарю Вас за все приготовления к моему приезду и не теряю надежды Вас увидеть.

Сердечно преданный Вам Ник[олай] Бердяев

P.S. Получил от Monbrison⁵ чек на денежную сумму, которая должна означать гонорар за мои французские брошюры. По моему, эта сумма слишком велика и вероятно превышает следующий за брошюры гонорар. Это меня смущает. Выход я вижу в том, чтобы излишки отнести к авансу в счет гонорара за французское издание «Философии свободного духа». Monbrison очень милый и внимательный человек. Кстати, я считаю принципиально необходимым, чтобы французское издательство, которое будет издавать «Фил[ософию] свободного духа» заплатило Вам гонорар за перевод.

Одну пересланную Вами открытку я получил, но писем не получал. Благодарю за пересылку. Еще что-нибудь может получиться.

¹ История несостоявшейся поездки Б. к И.П. в Биарриц, где она проводила лето, изложена в его предыдущем письме от 4 августа: «3 Августа вечером я не только поехал на вокзал, но и сел в вагон. И вдруг я обнаружил, что у меня украли бумажник, в котором было 800 франков, carte d'identité и нансеновский паспорт. Очевидно, это произошло, когда я садился, в коридоре было еще темно и была страшная давка. Я принужден был остаться, сделать заявление в комиссариат полиции вокзала. Ехать в Биарриц не могу и никуда не могу ехать, во всяком случае в близком будущем. Пропажа 800 фр[анков] очень расстраивает мои финансы. Предстоят всякие хлопоты. Нужно хлопотать о новых документах, что

очень скучно. И это вместо приятного отдыха у Вас. /.../ Очень глупая вышла история. Я не только уже спокойно сидел на своем месте в вагоне, но даже начал читать книгу. Открытие сделал случайно прикоснувшись к боковому карману». Carte d'identité — удостоверение личности.

² В 1920-40-е И.П. участвовала в деятельности ряда благотворительных организаций для русских эмигрантов: была товарищем председателя беженской «Быстрой помощи» и возглавляла детский приют и школу для детей эмигрантов в Quincy (в 45 минутах езды от Кламара). Б. сочувственно относился к этим делам И.П. и несколько раз выступал с лекциями в этой школе (например, в мае 1935), а также принимал участие в проводившихся там встречах русской религиозной молодежи (напр., он читал там доклад на англо-русской конференции в январе 1936). Школа в Quincy давала не только приют детям эмигрантов, но работу некоторым из взрослых беженцев: так, летом 1930 в ней провела несколько месяцев знаковая Б. — Н.Д. Городецкая.

³ Единокровная сестра И.П. — вел. кн. *Мария Павловна* (1890-1968) — в первом браке (1908-1914) была замужем за Вильгельмом, герцогом Зюдерманландским (1884-1965). Разведясь с ним, вышла в 1917 замуж за кн. Сергея Михайловича Путятина (1883-1966), что облегчило ей бегство из России. В 1930-е снималась в кино, о чем Б. упоминает в одном из писем: «/.../ видел фильм, в котором Ваша сестра играла вместе с Шевалье. Она играла хорошо, но немного сухо» (письмо от 14 августа 1937). Ее воспоминания: *Marie, Grand Duchess of Russia. Education of a princess: A memoir / Translation from the French and Russian under supervision of Russell Lord. N.Y., 1931.*

⁴ *Моруа* Андре (наст. имя Эмиль Эрцог, 1885-1967) — французский писатель.

⁶ *Монбризон* Юбер Конкере де (Hubert Conquere de Monbrison, 1892-1981) — французский издатель, меценат и художник. Основал издательство религиозно-этической литературы «Je sers», в котором вышли многие произведения Б. Совместно с И.П. перевел на французский многие работы Б. Постоянно помогал Б., в т.ч. материально, в 1930-40-е. Философ отзывался о нем с неизменной теплотой: «Он такой прекрасный, редкий человек, с совсем не французскими свойствами щедрости и широты в помощи разным идейным начинаниям» (письмо от 19 ноября 1932); «Он настоящий художник. Мне очень приятно было смотреть его картины, особенно изображения страны басков» (письмо от 25 апреля 1934). С 1950 — муж И.П.

3

Vichy, Hôtel de Plaisance
22 Сентября [1931]

Дорогая княгиня! Шлю Вам привет из Виши, к сожалению погода здесь ужасная, такой холод, какого я давно уже не испыты-

вал. 29 Сентября возвращусь уже в Париж. Очень огорчен, что нелепый инцидент с кражей моего бумажника помешал мне побывать у Вас, увидеть Вас и говорить с Вами о многом. Меня очень радует, что Вы хотите переводить мою новую книгу, которая имеет для меня большое значение¹. Меня очень, очень тронуло Ваше отношение к переводу моей предшествующей книги. Теперь Вы опять хотите взять на себя преодоление больших трудностей, быть может бóльших, чем те, которые были с «Философией свободного духа». Меня радует, что мы опять будем вместе работать. Надеюсь, что после Вашего возвращения в Париж мы с Вами скоро увидимся. Вы мне напишите, когда приедете и отдохнете от хлопот, которыми всегда сопровождается возвращение домой. Мы поговорим с Вами о том, что Вас особенно напрягает в моей книге или вызывает в Вас недоумения и вопросы. Я считаю свою книгу «О назначении человека» не легкой и способной вызвать разные недоумения, хотя все же я старался ее писать ясно. В ней заключены некоторые мои интимные и заветные мысли.

Я знал, что Маугу² был в отъезде и кроме того у него были беды в семье. Не знаю получил ли Monbrison мое ответное письмо, написанное в Аркашон³.

Лечение в Виши не есть отдых, оно даже утомляет и после него нужно отдыхать. Но потом оно очень помогает.

Надеюсь, что до скорого свидания.

Ваш Николай Бердяев

¹ Речь идет о кн. Б. «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (Париж, 1931). В конце 1931 Б. получил предложение о ее издании по-французски от одного из крупнейших издателей страны Бернара Грассо, но по настоянию Монбрисона отклонил его, хотя и не был вполне уверен в правильности этого шага: «Решено, конечно, — писал он 23 апреля 1932, — что книгу я даю издательству "Je Sers"». Важно только выяснить, не смутят ли пастырей некоторые места моей книги, которые я считаю очень существенными». В конце концов, французский перевод этой книги, выполненный И.П. и Монбризоном, вышел в 1935 (изд-во «Je sers», Париж) под названием «De la destination de l'homme»).

² Мори (Морри, *Mauru*) Пьер — французский католический публицист и общественный деятель. Редактор журнала «Foi et Vie». В январе 1933 был одним из организаторов собрания Французской федерации католиков, на котором делал доклад Б.

³ Неподалеку от Аркашена (деп-т Жиронда), в местечке Пила располагалось имение родителей Монбрисона — вилла Гиллари.

Clamart
10 Августа [1932]

Дорогая княгиня! Очень жалею, что не повидал Вас перед Вашим отъездом. Как я потом узнал, я вернулся до Вашего отъезда. После этого я побывал на съезде в Эльзасе, который был очень интересен по опыту общения разных вероисповеданий и разных национальностей. Там были и протестанты, и православные, и католики, были даже представители Индии, Японии, Канады и Австралии. Это дает много человеческих впечатлений. К сожалению только там было такое сырое место и сырая погода, что я чувствую неприятные последствия этого. Надеялся увидеть там Монбризона, но он не мог приехать, так как был занят экстренными делами типографии. Вам следовало бы когда-нибудь побывать на такого рода съезде. На съезде продавалась «Le christianisme et la lutte de classes»¹ и мне пришлось сделать очень много надписей. Мори сказал мне, что французская философская терминология «Философии свободного духа» должна быть просмотрена Мираглио, которого я знаю. Он профессор философии, протестант, знает русский язык. А как идет перевод «О назначении человека»? Я надеюсь, что Вы не слишком себя утомляете, не ложитесь слишком поздно и я не мешаю Вам отдыхать. Но если Вам нужна будет моя помощь для некоторых трудных выражений, то напишите мне и я сейчас же Вам отвечу. Но очень прошу Вас не слишком себя мучить переводом, меня это беспокоит. Я по многим основаниям настроен довольно меланхолически и не очень отдыхаю душевно. Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и что погода Вам более благоприятствует, чем в прошлом году.

Душевно Вам преданный Николай Бердяев

¹ Французский перевод книги Б. «Христианство и классовая борьба» (1931) был сделан весной 1932 И.П. и Монбризоном и сразу вышел в изд-ве Demail. Во время работы над ним Б. пришлось участвовать в различных съездах и конференциях в Швейцарии, Англии и Германии.

Clamart
29 Января [1933]

Дорогая княгиня! Памятуя о Вашем милом отношении, опять принужден прибегнуть к Вашей помощи, хотя и боюсь Вас затруд-

нить. Дело вот в чем. Я написал статью «Человек и машина», которая должна быть напечатана в журнале «Esprit» и которую я предполагаю читать в качестве публичной лекции в Бельгии и Швейцарии¹. Мне говорили, что М.И. Цветаева хорошо переводит на французский язык. Так как она нуждается и хотелось ей дать заработок, то я поручил ей перевод этой статьи. Она мне представила перевод и он оказался плохим. Не может быть даже отдаленного сравнения с качеством Ваших переводов. Это есть буквальное переложение, язык совсем не французский, есть и ошибки, хотя их и не так трудно исправить. В таком виде статью нельзя читать и печатать. И вряд ли мы в силах будем вместе с переводчиком улучшить перевод. Я отметил очень много мест, которые во всяком случае требуют исправления. Вот я и решаюсь просить Вас посмотреть этот перевод и, если это окажется возможным, сделать некоторые исправления. Это будет огромная услуга. Вы уже так хорошо знаете мою манеру писать и мои мысли, лучше всех. Может быть это будет не так трудно для Вас. Но скажите мне откровенно, не слишком ли это Вас затруднит. Я должен ехать в Брюссель для чтения лекции 17 февраля, так что статья должна быть готова по-французски к этому времени. Меня беспокоит, что времени осталось не так уж много. Вообще я считаю, что меня подвели, рекомендовав Цветаеву, как переводчицу. Если Вы согласны просмотреть перевод, то я Вам немедленно его вышлю вместе с русским текстом. Вы мне скажите, можно ли что-нибудь сделать с этим переводом.

Сердечный привет, милая княгиня. Всегда радуюсь, когда Вас вижу.

Ваш Николай Бердяев

¹ Международный журнал «*Esprit*» («Дух») начал выходить в Париже в октябре 1932 под редакцией философа Эммануэля Мунье (1905-1950), вскоре стал центром движения молодых французских интеллектуалов, преимущественно католической ориентации. Статья Б. «Человек и машина: Проблема социологии и метафизики техники» была напечатана сначала по-русски (Путь. 1933. Май. №38. С.3-37). Из-за возражений Монбризона (ср. следующее публикуемое здесь письмо) Б. отказался от намерения поместить ее французский перевод в «*Esprit*»: он вошел в состав подготовленного И.П. и Монбризоном сборника «*L'homme et la machine*» (Paris: «Je sers», 1933). Для первого номера «*Esprit*» была переведена из «Путь» (1931. Октябрь. №31) статья «Правда и ложь коммунизма: К пониманию религии коммунизма» (*Verité et mensonge du communisme*). Отклик Б. на деятельность издателей журнала см.: Журнал *Esprit* и духовно-социальные искания французской молодежи // Путь. 1933. Июнь. С.78-82.

Vichy
25 Июня [1933]

Дорогая принцесса!¹ Я очень счастлив буду после лечения в Виши поехать к Вам и побыть с Вами неделю. Но меня все беспокоит, не будете ли Вы спешить из-за меня уехать из Парижа. Я остаюсь в Виши до 5 Июля, так что в Биарриц я могу приехать или 5 Июля вечером или, вернее, 7 Июля утром. Удобно ли это Вам? Напишите мне сюда, когда Вы уезжаете в Биарриц и можно ли к Вам ехать 5 Июля. Мой адрес: Vichy, Hôtel de Plaisance et Beau Rivage, Boulev. des Etats-Unis. Передайте, пожалуйста, Монбризону, что, если около 12 Июля он будет в Аркашоне, то я могу воспользоваться его любезным приглашением и на обратном пути заехать к нему на день или два. Вот еще какая у меня просьба. Я получил от редактора «Esprit» письмо, в котором он очень настаивает на том, чтобы моя статья «Человек и машина» была напечатана в их журнале. Редакция, по-видимому, дорожит статьей, но напечатать ее может по разным условиям лишь в Августовской книжке журнала. Я на это согласен и даже хотел бы этого. Но создается непорядок с выпуском брошюры. После выхода брошюры нельзя уже печатать в журнале. Вот мне и хотелось бы выяснить, необходимо ли выпускать брошюру сейчас или можно отложить ее выпуск до конца Августа? Буду Вам очень благодарен, если после разговора с Монбризоном Вы мне об этом напишете. Я должен ответить «Esprit»².

В Виши погода ужасная, дождь не прекращается, солнца не видно и это делает жизнь здесь очень унылой. Совсем не чувствуется лето. Кроме того меня удручает мешанский стиль публики вод. Это уже жалоба чисто эстетическая. Мы вообще вступаем в царство всеобщего мешанства. Это обратная сторона той социальной демократ[иза]ции, которую я сам считаю справедливой и неизбежной. Впрочем я совсем не люблю и блестящего и роскошного светского стиля. Трудно получить удовлетворение. Я все-таки каждый день понемногу пишу новую книгу.

Всегда рад получить от Вас весть.

Душевно Ваш Николай Бердяев

¹ Ср. в письме от 31 января 1933: «Дорогая принцесса (это новое обращение мне представляется более красивым и менее банальным)!» На смену этому обращению в 1935 пришли слова «Дорогой друг!», сохранившиеся в переписке до самого ее конца.

² См. прим.1 к предыдущему письму.

Clamart
18 Июля [1933]

Дорогая моя принцесса и друг! Начинаю письмо с того, что делаю Вам сцену. Прежде всего Вы телефонировали Монбризону, когда я сидел у него в соседней комнате, и не подозвали меня к телефону. Этим Вы лишили меня возможности услышать Ваш милый голос хотя бы по телефону. Во-вторых, я протестую против Вашего заявления, что я недостаточно придавал значения тому, что Вы говорите, в течение всего моего пребывания у Вас. Что-то в этом роде было сказано по телефону. Я же в печали и грусти сидел по соседству с местом телефонного разговора. После этой маленькой сцены перехожу к письму по существу. Приехал я домой в плохом состоянии. У меня оказалась температура 38,3 и я чувствовал себя совсем больным. Думаю, что меня отравили в вагоне-ресторане, где я должен был есть, так как забыл в автомобиле или на вокзале еду, которую мне дали у Монбризонов. Сегодня уже чувствую себя гораздо лучше. Возможно, что я также простудился в дороге. Дом Монбризона очень интересный, в очень выдержанном стиле. Такого оригинального дома я еще не видел. Мы совершили большую прогулку по лесу. Но мой любимый лес лиственный, а не сосновый. Монбризон был так же очаровательно мил, как всегда. Его восьмилетняя дочка, которая ехала с нами на вокзал, очень хорошенькая и в этом возрасте уже ужасная кокетка.

Я вспоминаю о днях, проведенных у Вас и с Вами, как о празднике. Сейчас я невольно погрузился в будничные заботы и дела, это неотвратимое последствие близости Парижа, хотя дома меня и стараются охранять. В Англию я не еду¹. Поездке мешает мое нездоровье и необходимость более продолжительного отдыха. Я мог бы остаться у Вас еще несколько дней. Сейчас очень жалею, что не сделал этого. Помешало то же свойство, которое есть и у Вас, — слишком большая обеспокоенность будущим и недостаточная отдача себя настоящему. Зато отдаюсь сейчас прошедшим дням. Я очень сблизился и сдружился с Вами за дни, проведенные в Биаррице. Мне кажется, что я Вас почувствовал и узнал. И образ Ваш стал для меня еще милее. Я считаю счастливым для себя самый факт Вашего существования на свете. Имейте в виду, что я с большим трудом сближаюсь с людьми, всегда чувствую большое расстояние ([иначе?] дистанцию) и кроме того выражаю обыкновенно меньше, чем чувствую, вообще очень мало выражаю себя эмоционально. Это очень неприятная черта характера, которая

оставляет впечатление сухости и слишком большой сдержанности, но эта же черта может делать более ценным то, что человек говорит. Очень вспоминаю наши разговоры вечером в Вашей гостиной и наши поездки, когда Вы открылись мне, как очаровательный шофер. Писал я у Вас главу своей книги «Я, одиночество и общество»². Но я не чувствовал одиночества, которое переживаю иногда очень остро. Я делаю основное различие между «обществом» и «общением». С Вами чувствовал я себя в «общении», а не в «обществе». В «обществе» же как раз одиночество наиболее остро. Есть в Вас для меня точки, которые остаются темными, но может быть это так и должно быть.

Я нахожу, что из Парижа уезжать не стоит на Июнь и начало Июля, лучше уезжать на конец Августа и Сентябрь. В начале Августа меня приглашают в Женеву на тот же съезд, на который едет Монбризон, но я наверное не поеду.

Буду очень ждать от Вас письма. Если Вам легче и приятнее писать письма по-французски, то пишите по-французски. Передайте мой привет Монбризону, который сейчас у Вас, Кн. Федору Александровичу, детям и всем. Еще раз Вас благодарю за гостеприимство.

Целую Ваши руки.

Любящий Вас Николай Бердяев

Жизнь в Вашем доме была для меня очень уютной.

¹ По-видимому, речь идет о предполагавшемся участии Б. в конференции «Русский коммунизм», проводившейся в Лондоне британским Национальным миссионерским движением мирян.

² Имеется в виду III глава книги «Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения» (Париж, 1934).

Clamart
1 Августа [1933]

Дорогая принцесса! Очень счастлив был получить Ваше милое письмо. Дни, проведенные с Вами в Биаррице, сейчас представляются мне сновидением. Наступил трезвый день с его заботами и трудом. Впрочем творчество для меня не есть трезвый день. Я часто пишу так, как будто бы нахожусь в сновидческом и бессознательном состоянии. Продолжаю писать книгу и думаю в Сентябре ее окончить. Я вполне согласен с Вами, что встреча с людьми име-

ет религиозный смысл и общение человеческих душ есть величайшая тайна мира. Мне очень близко то, что Вы об этом пишете. Проблема одиночества и общения есть основная моя проблема. В значительной степени о ней я теперь пишу трудную и мудреную философскую книгу. Сам я в этом отношении очень трудный человек. Главное мое несчастье в том, что мир и жизнь постоянно вызывают во мне чувство брезгливого отталкивания. И я радуюсь, когда этого не бывает, я счастлив, когда испытываю притяжение без отталкивания. Так у меня это с Вами, милой принцессой. Я с такой страстью ухожу в творческую мысль, потому, что «жизнь» так часто вызывает во мне болезненное отталкивание, слишком многое кажется мне уродливым. Вы мне сказали, что я от скромности ничего не говорил о себе. Вот я и сказал сейчас о своем свойстве, которое внешне стараюсь всегда не показывать, так как считаю дурным его показывать. Я старался бороться со своей метафизической и физической брезгливостью к миру, которая вызывает уединение, но мне это больше удалось в творчестве, чем в отношениях с непосредственной жизнью. При этом нужно сказать, что мне совсем не свойственно презрение, я никого и ничего не презираю, я не способен высокомерно относиться даже к самому последнему из людей. Мое свойство не столько нравственного, сколько болезненно-эстетического характера. Впрочем, у меня есть и нравственная брезгливость.

Я прочел на днях в газете, что одна русская, член студенческого христианского движения, т.е. значит еще молодая, умерла в Биаррице от солнечного удара во время купания. Я вспомнил о Вас и испугался. Принимаете ли Вы все предосторожности при купании и при лежании на солнце на пляже? Кажется, необходимо мочить холодной водой голову. Я давно слышал, что такое лежание на солнце может быть опасно, если это делать неосторожно. Как вообще Ваше здоровье? Мне кажется, что у Вас не особенно хорошее здоровье. Я уже поправился и жалею, что не поехал в Оксфорд. У нас около недели была ужасающая, давно уже не бывшая жара. Нечем было дышать и совершенно невозможно было спать. Около океана не бывает такой духоты. Можете себе представить, совершенно неожиданно я опять попаду к океану, на этот раз на север, в Нормандию. Хорошие знакомые французы пригласили нас приехать в Pourville около Dièppe. Там у них вилла, в которой они сами не живут, так что мы будем одни. Едем мы туда 8 или 9 Августа. В конце Августа я вернусь. Адрес мой это время будет: Pourville, par Dièppe, Villa Belle-Vue. Нормандия есть, конечно, совсем иной мир, чем тот южный мир, который Вы мне показывали. В нем Вас, друг мой, не будет.

В «Le Temps» напечатана большая статья философа Лавелля об «Esprit et liberté»¹. Я Вам ее покажу в Париже. Лавелль вытается в своих категориях с французской элeгантностью выразить мою основную мысль о двух свободах. Статья интересна, написана с симпатией, но в ней притупляется острота моей мысли. Это время меня посещали некоторые немецкие изгнанники². Производят очень печальное впечатление. У немцев гораздо меньше сопротивляемости, чем у русских, они выносят только организованную жизнь. Русские же могут жить и над бездной, как-то изворачиваются.

Целую Ваши руки, друг мой, и всем шлю привет.

Ваш Николай Бердяев

¹ Лавелль Луи (Lavelle Louis, 1883-1951) — французский философ-спиритуалист. Преподавал в Сорбонне (1932-1934), затем — в College de France (до 1941).

² Имеются в виду беженцы из Германии, спасавшиеся от нацистов.

9

Pourville, Villa Belle-Vue
23 Августа [19]33 г.

Дорогая моя принцесса! Пишу Вам из Нормандии, где живу уже две недели. Первую неделю была чудесная погода и не жаркая, было очень приятно. Но в последние дни погода испортилась. Живем мы в большой вилле с садом, сад полный цветов, хотя сад не в моем вкусе, я люблю заросшие сады, когда много деревьев и кустов. Вилла пустая, хозяева не живут, по соседству только садовник. Но мы должны сами заниматься хозяйством, готовить еду, что, конечно, скучно. Из окон виден океан и зеленый луг с пасущимися коровами и овцами, странное сочетание. В Биарицц (вместо двух р. поставил две ц.) океан более грандиозный и суровый, здесь более мягкий и напоминающий море. Нормандия более зеленая, в ней более богатая растительность. То, что около Биарриц[а] можно увидеть, отъехав на автомобиле в деревню басков, здесь находится около самого океана. Стиль нормандских домов очень напоминает стиль басков. Но все-таки здесь чувствуется север. Юг имеет свою прелесть. Кроме того здесь нет около океана милой принцессы. Pourville маленький, но довольно модный пляж. Особенно в дни жары был наплыв купающихся и наслаждающихся. Я мог наблюдать оголившуюся и наслаждающуюся буржуазию. Не могу сказать, чтобы она мне понравилась.

Отталкивает не само оголение, а его профанация и опошление, часто уродство физическое и душевное. Возвращаемся мы 29 или 30 Августа и после я уже твердо буду в Кламаре. Свою новую книгу я уже кончил. Теперь переписываю и делаю небольшие вставки. В Октябре вероятно будет совсем кончена. Я очень рад, что Вы перевели «Смысл любви» Вл. Соловьева¹ и не вижу в этом никакой измены, друг мой. Изменой было бы, если бы Вы бросили переводить «О назначении человека» и начали переводить какого-нибудь современного автора. Я прочел Ваш перевод моей статьи о марксизме и детерминизме² и нахожу его превосходным. Только одно слово переведено неверно, «общее» нужно переводить «general».

Часто ли у Вас бывает тоска, свойственно ли Вам это состояние? Когда я был совсем молод, у меня бывали ужасные состояния тоски. Иногда ведь бывает беспредметная, необъяснимая тоска. Тоска в молодости часто означает, что душевные силы человека не раскрылись, не выявлены, что потенциально заложенное в человеке не перешло в актуальное состояние. Есть особенная меланхолия от неуверенности, что надежды на полноту жизни осуществятся. В человеке происходит пробуждение дремлющих сил, открываются все новые и новые миры. Это сопровождается не только радостью, но и тоской. Душа выходит из замкнутого мира, в котором она находилась и который иногда принимала за полноту бытия, и это сопровождается острым и мучительным чувством недовольства своей жизнью. Рост души может увеличивать недовольство жизнью и тоску. Поэтому тоска может быть и положительным симптомом. Самая большая тайна человеческого существования это, что в человеке потенциально заключена целая вселенная, но он сам об этом не подозревает. И в человеке происходит пробуждение к новой жизни и к новым мирам.

Очень мечтаю о разговоре с Вами в октябрьский вечер. Когда Вы возвращаетесь? Я уже по Вас соскучился, что нехорошо. Под темными точками я понимал не что-нибудь отрицательное, а остающееся неизвестным, неразгаданным, непонятым в другом человеке. Но об этом не стоит рационально разговаривать, это раскрывается в опыте общения.

Я здесь плохо сплю, хуже чем у Вас под грандиозной сеткой. Отдыхаете ли Вы и поправляетесь ли?

Часто о Вас думаю. Целую Ваши руки.

Ваш Николай Бердяев

¹ Перевод И.П. «Смысла любви» нами не обнаружен. Вместе с другими произведениями В.С. Соловьева этот текст был издан по-русски в

Берлине в 1924. В 1939 Б. написал предисловие к французскому переводу «Оправдания добра», напечатанному Обье. С просьбой о переводе он обратился также к И.П.

² Статью Б. «Марксизм и детерминизм» И.П. переводила для издательства «Detaim». Там она издана не была. Осенью 1933 Б. получил предложение напечатать ее в англоязычном журнале в США. По-видимому, и этот перевод также не был опубликован.

10

Clamart
18 Сентября [1933]

Дорогая принцесса! И все-таки Ваша тоска есть знак роста души. Если у Вас тоска от фальши и лжи жизни, то это значит, что Вы переросли те условия жизни, в которых приходится жить. Ведь другие очень хорошо себя чувствуют в этой фальши и лжи, с восторгом купаются и плавают в этой атмосфере. В Вашей тоске есть и что-то положительное, хотя Вам от этого не легче. Мне почти с детства присуще это мучительное чувство лжи, на которой основана жизнь, и в молодости у меня много было революционных восстаний против лжи, на которой построена вся жизнь общества. Это очень сильно у Л.Толстого, и именно в его романах. Но революция, которая есть одна из форм восстания против лжи, фальши и неправды, сама обыкновенно создает новую ложь, новую фальшь, новую условность, за которой не скрыто подлинных реальностей. Русская революция, в которой есть своя правда, поразительна по количеству созданной ей лжи. Ложь русских коммунистов быть может еще более ужасна, чем их насилие. Жизнь «светского общества» основана на той фальши, которая Вас мучит и вызывает в Вас тоску. Л.Толстой лучше всех обличал это. Но на смену фальши и лжи аристократического «светского общества» приходит фальшь и ложь буржуазного «светского общества» и потом пролетарского «светского общества», которые кристаллизуются после революций. Это есть закон социальной обыденности. Но страшнее всего то, что религия, которая должна восставать против всей фальши и лжи во имя подлинных реальностей, создавала в истории непомерное количество лжи и принуждала человеческие души к фальши. Религия в истории тоже подчиняется законам социальной обыденности, это мы видим в истории церкви. И все-таки возможен прорыв к подлинной жизни и правде для души, которая к этому стремится. Но человек не может только восходить, он принужден также нисходить. Неиз-

бежна смена состояний радости от восхождения и подъема и тоски от нисхождения в обыденность. И слава Богу, что есть эта тоска, а не довольство низменным состоянием.

Я сейчас очень занят, мне очень многое нужно сделать за Сентябрь и Октябрь, до начала лекций, семинара, собраний и пр. Нужно прежде всего совсем кончить новую книгу, переписать ее в окончательном виде. Нужно выработать несколько циклов лекций, план семинара, просмотреть немецкий перевод «О назначении человека»¹ и мн[огое] др[угое]. Сейчас у нас в доме болезни, больна сестра моей жены². Так как у нее слабое сердце, то мы беспокоимся, хотя болезнь и не очень тяжелая. Но у нас создается много осложнений, связанных с обыденностью.

В Биаррице и Пурвилле я полюбил океан. Близость большой и мощной стихии создает особое чувство жизни. Но люди умудряются около океана создать пошлую жизнь. Я видел большое количество дам в синих штанах книзу расширяющихся и пришел к тому заключению, что для дам молодых, тонких и высоких это красиво. Значит это должно быть красиво для Вас, друг мой. Вы можете быть очень красивым матросом. Это связано с тем, что в Вас [от датчан?]. Об этом мы много говорили.

Пишу Вам уже последнее письмо в Биарриц. Надеюсь, что скоро получу от Вас известие, что Вы уже в Париже и что мы можем увидеться, о чем очень мечтаю. Как жаль, что мы так далеко живем друг от друга.

Ваш Николай Бердяев

Неприменно напишите мне, когда Вы приедете в Париж и отдохнете от путешествий. Меня возмущает, что принцесса не хочет мне дать свою фотографию. Помните об этом возмущении.

¹ Немецкий перевод «О назначении человека» был сделан И.Шором: Von der Bestimmung des Menschen. Bern, Gotthelf-Verlag, 1935.

² С 1909 Б. был женат на Лидии Юдифовне (урожд. Трушевой, 1874-1945). С 1914 в доме Б. жила ее сестра, Евгения Юдифовна Рапп (1875-1960). Первым браком Л.Ю. и Е.Ю. были замужем за братьями В.И. и Е.И. Раппами.

Дорогая моя принцесса! Сообщаю Вам, что я уезжаю в Прибалтику 27 Февраля и вернусь к концу Марта¹. Надеюсь, конечно,

до отъезда Вас увидеть и чтобы докончить исправление главы книги и чтобы просто иметь с Вами общение. Новую главу перевода до моего отъезда я уже не успею просмотреть и с Вами исправить. Единственное, что можно сделать, это докончить исправление третьей главы, что было бы хорошо. Последнюю неделю перед отъездом я буду очень занят. Единственный день, который у меня более свободен, это Пятница 23 Февраля. Если хотите, в этот день я мог бы приехать к Вам, что мне было бы очень приятно. Тогда можно было бы докончить и просмотр небольшого оставшегося куска третьей главы. Неприятно только, что это отнимет время от разговора и общения с Вами. Можно, конечно, встретиться для этой работы специально у меня, но тогда уже в тот же день утром, что кажется неудобно Монбризону. Буду ждать от Вас сообщения.

Возникает новое французское издательство с специальной философской серией, которая будет называться «Философия духа». Во главе, в качестве редакторов философской серии будут стоять два философа спиритуалистического метафизического направления Лавелль и Ле-Сенн². Они были у меня и очень просили дать книгу для их философ[ской] серии. О книге «Назначение человека» не может быть и речи, как я им объяснил. Но они хотят мою новую книгу «Я и мир объектов». Выпустить эту книгу они хотят непременно осенью согласно издательскому плану. В принципе я согласен дать книгу новому издательству, которое будет новым и заслуживающим сочувствия явлением французской философской культуры. Но есть трудность с переводчиком. Я не могу с этим обратиться к Вам, моему милому другу и моему очаровательному переводчику³. Это значило бы бросить перевод «Назначения человека», книги основной для меня и выходом которой на французском языке я особенно дорожу. Хотя книга «Я и мир объектов» небольшая, половина «Назначения человека», но ее нужно переводить быстро, это связано с издатель[ски]м планом. Переводчика найти можно, но вопрос этот не такой простой для меня.

Совсем не знаю, как Вы живете, как себя чувствуете в последнее время? За это время, что мы с Вами не виделись, в Париже произошла маленькая революция⁴. Во всяком случае очень надеюсь увидеть Вас, друг мой, до моего отъезда.

Ваш Николай Бердяев

¹ Эта поездка Б. оказалась неудачной: «В Риге я заболел ангиной, — сообщал он И.П. 25 марта, — и это помешало мне полностью осуществить план лекций. Кроме того меня бойкотировало немецкое об-

щество, которое все симпатизирует гитлеризму и из газет узнало, что я противник гитлеризма, а также известная часть русского общества. Не так просто мне читать лекции в стране с запутанными национальными и политическими отношениями».

² Имеется в виду издательство Фернана Обье «Montaigne». Ле-Сенн Рене (Le Senne René, 1882-1954) — французский философ, лидер спиритуалистической философии в университетской традиции Франции между двумя войнами. Является также основателем системы категорий, построенной на интроспективистском анализе.

³ Кн. «Я и мир объектов» (1934) была в конце концов переведена Irène Vildé-Lot для упомянутой Б. серии (Philosophie de l'Esprit) и вышла в ее составе в издательстве Фернана Обье (Ed. Montaigne) в 1936 под названием «Cinq méditations sur l'existence». Тому предшествовало некоторое «выяснение отношений» Б. с Монбризоном, ревниво относившимся к творчеству философа: «С книгой "Я и мир объектов" произошло недоразумение, — писал Б. 21 февраля 1934. — Лаги [сотрудник Монбризона. — Публ.] начал говорить со мной об издании этой книги в "Je Sers" и находит трудным выпустить две книги в одном издательстве почти одновременно. Но ведь об этом у меня не возникало и вопроса. Я определенно обещал эту книгу для философской коллекции Лавелля и Ле-Сенна и даже вопрос о ее переводе на французский у меня возник в связи с их предложением. И книга "Я и мир объектов" совсем не подходит к плану издательства "Je Sers", как издательства религиозного, издающего специально христианские книги. "Назначение человека" есть прежде всего христианская этика. А "Я и мир объектов" есть специальная чисто философская книга, в которой почти не упоминается даже имя Божье. Эта книга подходит для такого специфически философского начинания, как начинание Лавелля и Ле-Сенна, которое заслуживает поддержки с точки зрения философской культуры».

Ф. Обье (Aubier Fernand) начинал в 1910-е как романист-мистик (La piste hallucinante. Paris, 1913). В 1930-40-е издавал философскую и другую гуманитарную литературу.

⁴ Речь идет о массовых демонстрациях протеста против коррупции в парламенте и правительстве (дело Ставиского). 6 февраля 1934 одна из таких демонстраций завершилась кровавым столкновением с полицией: 11 убитых и 300 раненых.

Дорогая принцесса! У меня осталось тяжелое впечатление от разговора с Монбризоном о правах перевода моих книг на другие языки. Я бы очень не хотел, чтобы у нас были недоразумения по этому поводу. Поэтому я Вам пишу. Монбризон принципиально

неправ. Но неправота его происходит совсем не от того, что он склонен защищать материальные права издателей и утеснять писателей. Он человек щедрый по характеру, я это хорошо знаю. Все происходит от того, что он плохо знает существующие в этом отношении правила и обычаи, а может и потому, что у него есть некоторый деспотизм в отношении к делам, которыми он занимается.

Приведу Вам целый ряд аргументов, которые очень прошу Вас сообщить Монбризону.

1) Одно английское издательство заказало мне одну книгу, которую я уже почти кончил. Книга будет издана прежде всего по-английски, раньше чем по-русски. Когда мы выработывали условия, я написал издателю, что хочу издать эту книгу также по-французски и на других языках. Он мне ответил, что это его совершенно не касается, что это мое дело, что его права распространяются исключ[ите]льно на издание на английском языке.

2) Немецкие издательства, которые издавали мои книги раньше, чем они были изданы по-французски, никогда не поднимали вопроса о их правах на издания на других языках. Совершенно очевидно, что издатель *переводной* книги имеет права только на издание этой книги на одном языке данной страны. Права имеет только издатель оригинального издания, в данном случае русского. Иначе книга изданная на двенадцати языках (случай с «Новым средневековьем»¹) создала бы нелепое положение: каждый из двенадцати издателей предьявлял бы исключительные права на издания на других языках.

3) Два крупных французских издательства Plon и Desclée² никаких прав за собой не признают на издания моих книг в переводе на другие языки и такого рода параграф исключают из договора. Как я говорил, «Новое средневековье» переведено с французского на испанский и другие языки, и Plon считал, что это не имеет к нему никакого отношения. Я теперь много издаюсь по-английски и ни один издатель не считает, что он имеет какие-либо права на мои книги, кроме изданий на английском языке.

4) Представьте себе такой случай. Я имею полное право продать какую-нибудь книгу, напр[имер] «О назначении человека», разом нескольким иностранным издателям, французскому, немецкому, английскому и др[угим]. Книга может появиться на нескольких языках в одно и то же время, в один месяц и даже в один день. Может ли какое-нибудь издательство претендовать на преимущественное право на переводы на других языках. Получается абсурд. Очень возможно, что «О назначении человека» выйдет разом на двух языках.

5) Недоразумение происходит от того, что Монбризон стоит на чисто французской точке зрения и трактует меня как французского писателя. Но я русский писатель, оригинальные издания моих книг русские. Французский издатель не имеет больше прав, чем испанский, португальский или сербский. Ведь переводчик имеет полное право пользоваться не только оригинальным текстом, но и всеми переводами, если это помогает ему переводить.

Как русский писатель я нахожусь в особенно тяжелом положении. Если я все-таки еще кое-как существую, то исключительно потому, что книги мои переводятся на разные языки. Это один из главных источников моего существования. Между тем как вышло так, что я нарушаю какие-то права.

Очень прошу Вас перевести содержание этого письма Монбризону.

Жду Вас в следующий Понедельник. Желаю Вам радостных праздников.

Душевно Ваш Николай Бердяев

¹ К концу 1934 были изданы переводы кн. Б. «Новое Средневековье: Размышление о судьбе России и Европы» (Берлин, 1924) только на французский, немецкий, испанский, хорватский и английский. Переводы еще на 6 языков появились позже.

² Издательство *Plon* было основано семьей печатников-датчан в XVIII в. Анри Плон (1806-1872) и его братья в 1852 получили титул императорских печатников. Приобрели исключительное право на издание документов Людовика XIII, Марии Антуанетты и Наполеона. Известны изданиями исторических книг и альбомов, произведений французской и зарубежной классики. В 1927 Плон издал французский перевод книги Б. «Новое Средневековье», годом ранее — его статью «Судьба культуры».

Основанное в Брюгге в 1877 бельгийское издательство *Desclée de Brouwer*, перенеся свою деятельность в Париж, специализировалось в области теологии, философии и др. гуманитарных дисциплин. В 1933 оно выпустило на французском сборник работ Б. «Проблема коммунизма».

Дорогой друг! Очень хочу поговорить с Вами и иметь общение с Вами хотя бы на расстоянии. Прежде всего мне хочется сказать Вам о впечатлении от посещения школы. Мне очень понравилась атмосфера простоты и дружелюбности. Я очень боюсь всего

официального и казенного. Но этого как раз совсем нет. Мне было очень приятно.

Моя поездка очень откладывается. 23 Августа я поеду в Poutigny на 3-4 дня, там будет разговор об аскетизме и меня очень зовут¹. Только в самом конце Августа еду в Виши. В этом году мы собираемся ехать втроем, для чего нужно, конечно, преодолеть ряд трудностей. Очень счастлив был бы потом поехать к Вам и побыть с Вами хотя бы неделю, но в этом году это не удастся сделать.

Настроен я довольно печально и по причинам сверхличным и по причинам личным. Меня освобождает от печальных и тяжелых настроений творческий процесс. Но сейчас условия так складываются, что мне трудно сосредоточиться на писании моей книги о духе и духовной жизни². Сознание разбито мелкими делами и писанием обязательных статей.

По поводу «Назначения человека» получил ряд писем, некоторые очень сочувственные, но не скажу, чтобы письма были очень интересны. Очень милое письмо написал Бруншвиц³. Это меня удивляет, т.к. он совсем не должен сочувствовать моей философии.

А как Вы живете, как себя чувствуете, что делаете? Вы не очень любите писать письма, но я все-таки надеюсь получить от Вас известие.

Хотел еще Вам писать, но меня отрывают от писания письма и я спешу кончить.

С 1 Сентября мой адрес будет — Vichy, Hôtel de Plaisance et Beau Rivage. До этого писать можно сюда.

Ваш Николай Бердяев

¹ Летние «декады» в Понтины, имени французского общественного деятеля и мыслителя Поля Дежардена (1860-1940), собирали в 1910-1939 цвет международной интеллектуальной и культурной элиты. Б. принимал участие в этих встречах с 1928. См.: Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.312-313.

² Речь идет о книге «Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности» (Париж, 1937). См. также прим.2 к письму 18.

³ Бруншвиц (Брюншвик, Brunschvicg) Леон (1869-1944) — французский философ. 28 июня 1933 Б. сообщил И.П.: «/.../ французская Académie des Sciences morales et politiques присудила мне премию за мою книгу "Esprit et liberté". Я уже раньше знал об этом от Бруншвига, который это и устроил». Подробнее об отношениях Б. с Бруншвигом см.: Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.405.

Vichy, Hôtel de Plaisance et Beau Rivage
4 Сентября [1935]

Дорогой друг! Рад был получить от Вас письмо. Я знаю, что Вы пишете письма не легко. Я сейчас в Виши. Мы здесь лечимся с моей женой и ее сестрой. После больших затруднений нам удалось-таки выбраться в Виши. К нашему удивлению погода довольно сносная. До Виши был в Pontigny на декаде, посвященной аскетизму. Мог быть всего четыре дня вместо десяти. Было довольно интересно. Особенно интересно мне было встретиться с Боналутти¹ и Мартином Бубером², которого я впрочем встречал и раньше. Боналутти очаровательный человек, но судьба его очень трагична. Он профессор истории христианства в Риме и священник, отлученный от церкви и обвиненный в модернизме и вместе с тем выгнанный из университета за отказ присягнуть фашистскому правительству. Он очень верующий человек, глубокий христианин. Мартин Бубер замечательный еврейский религиозный мыслитель, мистик, человек необыкновенной доброты. Он тоже в Германии выгнан из университета, как еврей, ему запрещены какие-либо публичные выступления. Я сопоставил это с тем, что я изгнан из моей родины и что православные постоянно подозревают меня в ересях. Был также Андре Филип³, которого я давно знаю, и [два слова нзрб.] из группы «Esprit», с которым я в хороших отношениях. Атмосфера была хорошая. Была одна дама, пожилая и на вид очень больная, которая Вас знает и говорила со мной о Вас. Я делал доклад о разных типах аскетизма.

Получил письмо от жены Маритена, которая восторженно отзывается о моей книге «О назначении человека». Меня это поразило, так как она католичка и томистка. Сам Маритен книги еще не прочел. Я все-таки думаю, что французам трудно будет переварить мою этику, она очень противоречит их общеприня[ты]м принципам. Моя революционность лежит не в обществе, а в личности, в неповторимом индивидуальном. Французское же мышление совершенно социализировано.

Сейчас я уже занят подготовлением курса, который буду читать в эту зиму, он совершенно новый и довольно трудный.

Вопрос о соотношении женского и мужского начала в Вас очень сложен, как и вообще он сложен. Материнское начало, которое вообще сильно в Вас, может обращаться против другой стороны женского начала в Вас и даже получать поддержку мужского начала в Вас. Но все очевидно слагается по периодам, одно

вытесняется другим. Я думаю, что мужская природа менее периодична в отношении пола, чем женская. Отсюда частое несоответствие и взаимное непонимание.

Возвращаемся домой мы 17 или 18 Сентября.

Всегда рад буду получить от Вас письмо. В Октябре увидимся. Если Вы перемените квартиру, то может быть будете ближе и к Вам легче будет ездить. Но переменять квартиру очень скучно.

С сердечным приветом.

Ваш Николай Бердяев

¹ *Боналутти* (Буонаюти) Эрнесто (1881-1946) — итальянский священник-«модернист». В 1925 отлучен от Церкви. В 1927 лишен кафедры в Римском ун-те.

² *Бубер* Мартин (1878-1965) — еврейский философ и писатель. Отклик Б. на его труды см.: *Путь*. 1933. Май. №38. С.87-91.

³ С французским экономистом и политическим деятелем *Андре Филлипом* (Philip André, 1902-1970) Б. познакомился в Понтиньи. Позднее Ф. стал депутатом от социалистов, участником Сопротивления, в 1946-1948 — министром финансов и экономики.

Clamart
17 Мая [1936]

Дорогой друг! Все это время очень хотел Вас повидать. Но я чувствую себя очень плохо, хуже чем обыкновенно весной. У меня постоянная тяжесть и сдавленность головы, боль вокруг ушей и головокружение. Необходимо отдохнуть, но сейчас еще не могу этого сделать. Если буду себя так чувствовать, то вряд ли смогу поехать в Июле в Англию на конгресс религий.

Пишу Вам вот по какому поводу. Как Вы знаете уже, редактируемый мной журнал «Путь», который существовал десять лет, не имеет более ни одного сантима¹. Были сделаны попытки достать средства для продолжения «Пути» в Англии. Обещали дать очень небольшую сумму, которая не делает возможным существование журнала. На днях у нас было собрание, на котором обсуждался вопрос о способах спасения журнала. Вот к какому результату пришли. И.И. Фондаминский, который спас уже «Современные записки»², предложил такой план. «Путь» сможет существовать, если добыть еще 100 подписчиков, это минимальная

цифра, лучше, конечно, больше. Речь идет именно о подписчиках на год, а не о подписчиках отдельных номеров. В год журнал стоит всего 35 франков, это сумма небольшая. Нам нужно составить список адресов лиц, сколько-нибудь интересующихся журналом, и разослать воззвание с предложением подписаться, объяснив, что от этого зависит возможность существования журнала. 25 Мая у П.Ф. Андерсона предполагается собрание сочувствующих лиц, которые могли бы указать адреса и взять на себя добытие подписчиков, каждый хоть по несколько человек³. К Вам имею следующую просьбу, предположим, что Вы интересуетесь редактируемым мной журналом, посвященным русской религиозной мысли. Прежде всего подписаться лично на журнал, Вас нет в числе подписчиков, указать некоторые адреса и, если возможно, найти хоть несколько подписчиков. Это для нас единственный способ спасти журнал. Это некоторое обложение, но обложение очень скромное. Подписаться на «Путь» можно, когда я буду у Вас. Надеюсь скоро Вас увидеть и говорить с Вами о более интересных вопросах, чем финансовые способы продолжения журнала. Я условлюсь с Вами по телефону, когда лучше нам увидеться.

Хотя я безумно устал и плохо себя чувствую, но все-таки каждый день пишу книгу.

Надеюсь, до скорого свидания. Я по Вас соскучился.

Ваш Николай Бердяев

¹ Журнал «Путь» — орган русской религиозной мысли. Выходил под ред. Б. с сентября 1925 по март 1940. Вышел 61 номер. О бедственном положении журнала Б. сообщал И.П. еще 26 декабря 1935: «Американские деньги, которые лежали в банке в бумагах для нашего издательства (YMCA Press) и для "Пути", аннулированы, потеряли всякую ценность. Теперь приходится искать новых средств для продолжения хотя бы в скромных размерах издательства. Я наиболее озабочен материальным базисом для "Пути". Думаю сделать попытки в Англии, но это нелегко».

² *Фондаминский* (псевд. Бунаков) Илья Исидорович (1880-1942) — публицист, видный эсер. В 1917-1918 — член Учредительного собрания. С 1919 — в эмиграции. С 1925 — член редколлегии «Современных записок». О роли его в спасении русских печатных органов см.: Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.201-204. Погиб в фашистском концлагере.

³ *Андерсон* Поль (Павел Францевич, 1894-1985) — секретарь YMCA, один из основателей и постоянный покровитель YMCA Press. О результатах упомянутого собрания Б. сообщал И.П. 10 июня: «По поводу спасения журнала "Путь", о котором я Вам писал, у нас было собрание сочувствующих. Все обещали помочь, найти по известному количеству под-

писчиков и сами подписались, если не были еще подписаны. Уже определилось около 80 новых подписчиков, но этого еще мало для продолжения журнала. Буду Вам благодарен, если Вы найдете хоть несколько подписчиков, хотя не уверен, что это Вам легко по характеру Ваших знакомств, больше французских, чем русских. Но благодарны будем за всякого лишнего подписчика». Неделю спустя в Париж приехал американский руководитель YMCA д-р Джон Мотт (1865-1955), Б. встречался с ним и, вероятно, вопрос о финансовой поддержке журнала был решен.

16

Clamart
26 Июля [1936]

Милый друг! Меня очень обрадовало Ваше письмо, обрадовало выраженное Вами чувство духовного родства со мной. Я придаю принципиальное значение о Четверикову и В.Лосскому, у них многое заострено и откровенно высказано¹. Но в русской эмигрантской среде ничто не имеет резонанса, это среда мертвая, пишешь как в пустое пространство². Поэтому особенно дорог Ваш отклик. Интерес есть только к скандалам, таков характер интереса к осуждению учения о.С.Булгакова о Софии, как еретического³. Совершенно верно то, что Вы пишете о конфессиях. Но помните, что это относится и к протестантизму, который тоже есть индивидуализированная, а не универсальная форма христианства. Кальвин тоже сжигал еретиков.

В Лондоне я был, но не оставался до самого конца конгресса, так как было очень утомительно. Конгресс мне не особенно понравился. Прежде всего там было совершенно утеснено христианство, подавлено религиями Востока, индуизмом, буддизмом, магометанством. Христианство было довольно слабо представлено и в меньшем количестве. Мне было интересно видеть такое количество индуссов [так! — *Публ.*]. Но все все-таки были очень заключены в своих конфессиях. И я не чувствовал настоящей тревоги за будущее духа и духовности в мире⁴.

Я кончил уже свою книгу о духе и духовной жизни. Но нужно еще переписать, сделать вставки, ссылки на книги. Окончательно будет готова книга лишь к Ноябрью или Декабрью. Меня огорчает, что, хотя обо мне много пишут во Франции, но мало обратили внимания на книгу «О назначении человека», которую я все-таки считаю основной своей книгой.

Жалею, что не увидел Вас еще перед отъездом. Перед отъездом в Англию я себя не очень хорошо чувствовал, а после возвращения Вас уже не было.

Получил очень милое и очень печальное, исполненное тоски письмо от Генриеты Леопольдовны Гиршман⁵. Думаю съездить на один день в Quinsy, на большее время не смогу.

В Виши я поеду, вероятно, после 20 Августа.

Сердечно Ваш Николай Бердяев

Какие ужасы происходят в Испании! Вы будете совсем около и возможно, что увидите бежавших испанцев⁶.

¹ Прот. Сергей Иванович *Четвериков* (1867-1947) и богослов и философ Владимир Николаевич *Лосский* (1903-1958) выступили с полемическими «Открытыми письмами к Н.А. Бердяеву» (Путь. Март/Апрель. 1936. №50). Там же помещен ответ Б.: «Об авторитете, свободе и человечности: Ответ В.Лосскому и о.С.Четверикову». Несмотря на то, что полемика велась вокруг фигуры о.С.Булгакова (см. прим.3 к этому письму), ее содержание переросло рамки этой темы: «/.../с Русской ли Вы Церковью, или против нее?» — спрашивал напрямую Бердяева о.С.Четвериков. Б., ссылаясь на католического патера Липперта, отвечал: «Церковь есть гораздо более, чем какая-либо видимая организация».

² В другом месте Б. так сформулировал свое ощущение: «В числе прочих причин не особенно приятного настроения есть еще и та причина, что меня до чрезвычайности утомляет работа в нынешней русской среде. Это в высшей степени неблагоприятная работа и иногда мне начинает казаться, что тут все исчерпывается. Мне гораздо большее удовлетворение доставляет деятельность международная. Но нужно сказать, что мы вообще живем в дни агонии всего мира. Должна народиться новая жизнь, новый порядок вещей, но радости никто не испытывает, испытывают тоску и страх завтрашнего дня. Процессы разрушения очень преобладают над процессами созидания и творчества. Нужно сказать, что у меня вообще есть катастрофическое чувство жизни, издавна мне присущее, как есть склонность к пессимизму, которая впрочем никогда не подавляет во мне творческого порыва. Может быть поэтому мне даже легче, чем другим, расчи[ты]вающим на спокойную и устроенную жизнь. Но бывают времена, когда следует так много неприятного и тяжелого» (Письмо к И.П. от 24 декабря 1933).

³ Указом митр. Сергия и определением архиерейского Собора в Карловцах (17-30 октября 1930) ряд сочинений о.С.Булгакова, в т.ч. «Свет Невечерний» (1917), был признан еретическим. См. «Докладную Записку» Булгакова по этому поводу, обращенную к митр. Евлогию: Путь. 1936. Март/Апрель. №50. Приложение. С.1-24.

⁴ Речь идет о международном конгрессе религий в Лондоне, на котором Б. читал доклад «Братство людей и религий». Ехал он туда с большим воодушевлением, чем вернулся: «Конгресс религий меня заинтересовал. Там будут и индуссы [так! — *Публ.*], и представители всех религий и рас. Председатель какой-то индусский магараджа» (Письмо от 2 февраля).

⁵ *Гиршман Генриетта Леопольдовна* (1885-1970) — в 1900-1910-е — московская художница и меценатка, жена антиквара В.О. Гиршмана. После 1917 — в эмиграции. Сотрудничала в патронируемой И.П. школе в Quincy. См. также прим.2 к письму 2.

⁶ Речь идет о гражданской войне в Испании. Ср. в письме от 12 февраля 1939: «/.../ я получил письмо от моего знакомого испанского философа, в котором он пишет об устройстве бежавшей испанки, его ученицы, уже читавшей лекции по философии, с пятилетним ребенком. Думаете ли Вы, что можно что-нибудь сделать? Я получил письмо от Общества помощи испанским детям с просьбой о помощи за подписью жены Монбризона. В ближайшие дни я переведу посильную сумму».

17

Vichy, Hôtel de Plaisance et Beau Rivage
31 Августа [1936]

Дорогой друг! Пишу Вам из Виши, где уже нахожусь более недели и пользуюсь чудной погодой. Но настроен я не очень радостно. Меня совершенно терзает чтение газет, события в Испании, московский процесс¹. Мир находится в состоянии кровавого бреда. Я не знаю ничего более возмутительного, лживого и подлого, что [так! — *Публ.*] московский процесс старых коммунистов. В этом отношении в России нет никаких улучшений, та же ложь, фальсификация и кровавая жестокость. История этим наполнена, но сейчас все превзойдено по организованной фальсификации и цинизму. Никогда еще обвиняемых не присуждали к тому, чтобы они сами для себя требовали казни и возводили на себя все преступления.

В связи с прошлым письмом мне хочется высказать Вам несколько мыслей о протестантизме. В протестантизме есть относительно большая свобода, вследствие его менее иерархически-авторитарного и догматического характера. Но в нем происходят те же процессы, что и во всех вероисповеданиях. Пасторы не обладают авторитетом епископов и священников, но они истязали людей так же, как истязали католические и православные священники. На почве кальвинизма и лютеранства расцвело моральное лицемерие. Я терпеть не могу кальвинистического пуританизма и лютеранского пиетизма². От мировых болезней христианского мира нет спасения ни в одной конфессии. Спасение лишь в возвышении над ограниченностью конфессий в очищенном христианском универсализме. Наша русская православная среда за границей вызывает во мне почти отвращение. Но и среди православных,

и среди католиков, и среди протестантов есть чудесные люди, возвышающиеся над этим мраком, ограниченностью и лицемерием.

Не доходят ли до Вас отголоски испанских событий? Вы ведь совсем около Испании. Испания может совсем погибнуть.

В Виши остаюсь до 12 Сентября. Как Вы себя чувствуете, как проводите лето? Рад был бы получить от Вас весть.

Сердечно Ваш Николай Бердяев

Надеюсь, что Вы получили мое ответное письмо, адресованное в Biarritz.

¹ Имеется в виду процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра», проходивший в Москве с 19 по 24 августа 1936. По нему были расстреляны Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов и еще 13 человек.

² *Кальвинистический пуританизм и лютеранский пиетизм* (от лат. pietas — благочестие) — направления в протестантизме конца XVII — XVIII вв., возникшие в ответ на отвлеченность протестантского богословия и подчеркивавшие необходимость практического переустройства жизни.

Clamart
28 Января [1939]

Дорогой друг мой! Так как я Вас считаю безусловно лучшим переводчиком моих книг, то Вам приходится испытывать нападения с моей стороны. От своих качеств приходится иногда страдать. На этот раз нападение более серьезное. И я опять прошу Вас ответить мне прямо и просто, насколько не стесняясь отказом. Издатель Aubier (Editions Montaigne), который издал мою книгу «Cinq méditations sur l'existence»¹, обратился ко мне с предложением издать еще какую-нибудь мою книгу. Я ответил, что мог бы предложить книгу «Дух и реальность»². Она подходит к серии «Philosophie de l'esprit», которую редактируют философы Le-Senne и Lavelle. У меня был с ними разговор и было решено, что «Дух и реальность» будет напечатан в редактируемой ими серии. Теперь самое важное найти хорошего переводчика. Я, конечно, более всего хотел бы, чтобы книга была переведена Вами. Но я совсем не знаю, возможно ли это для Вас, есть ли у Вас свободное время и желание. Боюсь, что нет. Книга небольшая, всего

170 стр[аниц]. У Вас она есть. Перевод не очень спешный. Издатель уплотит [так! — *Публ.*], конечно, нормальный гонорар за перевод. Но вопрос нужно решить сейчас. Если для Вас это невозможно, то я должен найти другого переводчика, менее для меня приятного. Но убедительно прошу Вас не соглашаться, если в этом есть для Вас хоть малейшее неудобство. Буду ждать Вашего ответа.

Когда будет окончен перевод «Христианство и антисемитизм», то сообщите мне³. Но я Вас не тороплю.

Сердечно преданный Вам Николай Бердяев

¹ См. прим.3 к письму 11.

² Книга «Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности» вышла в 1937 (Париж: YMCA Press). Перевод ее на французский затянулся. Первоначально за эту работу взялась И.П., однако, по-видимому, из-за начала войны и домашних неурядиц не смогла ее завершить. 1 ноября 1939 Б. возвращается к этой теме: «Издатель Aubier, который должен издавать по-французски мою книгу "Дух и реальность", запрашивает, в каком положении перевод книги. Он все-таки думает издавать книгу несмотря на трудные обстоятельства и интересуется, можно ли рассчитывать на ее перевод. Меня это не удивило, потому что я слышал, что французские издатели предполагают продолжать издавать книги и при нынешних условиях. То же самое и английские издатели. Возможно, что Вам сейчас трудно переводить, не до этого. Я могу сказать об этом издателю». В январе 1940 Б. нашел другого переводчика, но работа с ним не вполне его удовлетворяла: «Это время я поправлял французский перевод моей книги "Дух и реальность", — писал он 27 декабря 1941, — по обыкновению поправлял вместе с переводчиком. Часто вспоминал Вас и нашу совместную работу. Ваш перевод был совершеннее, работа была приятнее, переводчик был очень опытный». В конце концов Ф.Обье издал этот перевод в Париже в 1943 (*Esprit et réalité*).

³ Брошюра «Христианство и антисемитизм: Религиозная судьба еврейства» была опубликована на страницах журнала (Путь. 1938. Май/Июнь. №56. С.3-18) и вышла отдельно (Париж: Изд. Религиозно-философской академии. [1938]). История перевода этой работы на французский выглядит следующим образом. «Бюро, которое взялось устроить мою статью "Христианство и антисемитизм" на всех языках, — писал Б. 14 августа 1938, — оказывается уже дало перевести ее на французский язык и она принята в журнале "Vie intellectuelle". /.../ Перевод оказался плохим, много ошибок, переводчик не знает терминологии. Я мучился над исправлением перевода. Как я жалел, что перевод не сделан Вами, какой он был бы хороший. Очень неприятно, что я связался с этим бюро, теперь уже ничего поделать нельзя. Может быть редакция журнала еще со своей стороны исправит французский стиль. Вы хотели перевести эту статью и мне это было бы так приятно. Но я оказался связанным». Одна-

ко к январю 1939 выяснилось: «Бюро, которое взялось статью устроить, ничего не сделало и перевод оказался потерянным. YMCA Press хочет издать статью во Франции отдельной брошюрой. Но до этого можно было бы ее напечатать в "Le christianisme social". /.../ Нужно сделать новый перевод. Мне помнится, что Вы хотели перевести статью. Если бы Вы взялись перевести ее, то это было бы самое лучшее». К марту 1939 И.П. уже закончила работу и отослала ее в журнал, а Б. вспомнил о своих обязательствах перед YMCA Press: «Я не получил от Вас французского перевода "Христианство и антисемитизм". Один экземпляр Вы вероятно отослали в "Christianisme social". Другой экземпляр Вы предполагали отослать мне. Издательство YMCA, которое должно издавать статью брошюрой по-французски, просит переслать французский перевод прямо по адресу издательства: madame Irène Okouneff, 29, rue St.Didiér, YMCA Press, Paris (16). /.../ Так [как] Вы находитесь в сношениях с "Christianisme social", то может быть Вы напишете в редакцию и сообщите, что моя статья "Христианство и антисемитизм" выйдет отдельной брошюрой по-французски. Важно знать, когда напечатают статью и когда по мнению редакции можно выпускать брошюрой». В журнале перевод был напечатан (Le Christianisme social. 1939. №4), а брошюра, по-видимому, так и не вышла, хотя в мае 1939 И.П. держала корректуру, а Б., по ее просьбе, заботился о том, чтобы на брошюре было обозначено имя переводчицы (такое желание было проявлено И.П. в первый и последний раз за всю историю их отношений с Б.: на всех других переводах стоят инициалы).

19

Clamart
25 Марта [1939]

Дорогой друг! Я знаю, что Вы не любите писать письма, и потому очень ценю, что Вы написали большое письмо, в котором много говорите о себе. Это хоть немного заменяет непосредственное общение, которое для нас затруднено расстоянием, а также моей постоянной усталостью. У меня очень плохое состояние головы от постоянного бессильного возмущения, которое я испытываю против торжествующего в мире зла.

Я сообщил в YMCA Press все необходимые разъяснения относительно моей французской брошюры об антисемитизме, между прочим и о Вашем желании, чтобы на переводе было обозначено Ваше имя. Я нахожу, что вообще на моих книгах переводы должны быть обозначены Вашим именем. Мне это было бы приятно, как знак дружбы, и это по существу правильно.

Я понимаю, что Вы иногда тяжело переживаете конфликты с русскими. Но не придавайте значения русским эмигрантам, их суждения не имеют никакой цены. Это бывшие люди, озлоблен-

ные, не способные ничего увидеть и в сущности полупомешанные. Я очень ценю, что Вы приютили детей преследуемых испанцев, немецких евреев и пр. Это очень благородно, и очень низко не почувствовать преследуемым. Я уверен, что против Вас будут направлять обвинение в измене памяти отца, которого Вы очень любили¹. Об этом мне хочется сказать несколько слов. Это совершенный предрассудок, что дети должны разделять убеждения и верования своих отцов, это есть отрицание личной совести. Убеждения и верования есть достижение личности, а не рода, и они ценны именно, если они дело личных духовных усилий, а не семейных традиций. Очень многие выковали свои убеждения в борьбе с семьей и родителями и это делало им честь. Можно очень любить своего отца и не разделять его взглядов. Нельзя смешивать личные чувства с вопросом об идеях, которые исповедует человек. Отец может принадлежать к другой этике, другой среде, другим мировым условиям, иметь другой опыт, чем сын или дочь. Можно уважать убеждения отца, если они искренние, и не разделять их. Истина и правда выше семейных традиций. Это все очень элементарно и бесспорно. Вас совсем не должны смущать инсинуации, у Вас ведь очень самостоятельный характер. Я очень ценю в Вас независимость и самостоятельность. Вы из немногих, редких, возвысившихся над личным озлоблением, над семейными предрассудками и интересующихся прежде всего правдой. Это одна из причин моей любви к Вам.

Интересно, будете ли Вы на Пасхальной неделе дома или уедете на праздники. Очень хочу Вас увидеть.

Ваш Ник[олай] Бердяев

¹ Отец И.П., вел. кн. Павел Александрович (1860-1919), как и три других великих князя, взятый большевиками в заложники, был расстрелян 15(28) января 1919 в Петрограде.

Clamart
14 Октября 1939 г.

Дорогой друг! Я очень обрадовался, получив Ваше письмо. Меня очень огорчало, что мы разобщены, и я совсем не знал, когда какое-нибудь общение будет возможно. Неужели мы не увидимся в течение этой тяжелой зимы? Когда будете в Париже, то непременно дайте о себе знать.

Когда будете писать Монбризону, то скажите ему, что я был очень тронут его заботой обо мне и желанием прийти мне на помощь. Передайте ему, что сейчас у меня нет материальных затруднений и пока помощь мне не нужна. Но вероятно наступит время, когда эти затруднения будут и помощь мне будет нужна. Сердечно благодарю его за память обо мне. Я очень хочу его повидать, если это будет возможно по условиям его службы.

Много размышляю о войне. Смысл ее более глубок, чем обыкновенно думают. Мы вступаем в совершенно новый исторический период¹. Но сейчас ближайшая задача покончить с гитлеровским царством, которое несет миру порабощение. Вот почему необходимо продолжать войну до конца. Это очень тяжело, но необходимо принять эту тяжесть, чтобы через полгода не было новой войны. Предстоит очень суровая жизнь, большие испытания.

Мы решили остаться у себя в Клараре до крайней возможности. Пока здесь спокойно и думаю, что особенной опасности нет. Что же делать, если бы пришлось уехать, не представляю себе и пока об этом не думаю. Лекций по вечерам читать нельзя, но предполагаю вести небольшой семинар днем. По обыкновению пишу книгу. Я давно задумал написать что-то вроде философской автобиографии². Но отвлекает писание статей для иностранной печати.

Я очень мучительно пережил низкую роль Советской России. В войне виновно советское правительство. Но для Германии Советы создали огромные затруднения. Это может быть благоприятно для Франции и Англии. Но даже когда коммунисты делают что-нибудь, что может иметь положительное значение, они делают это в морально безобразной форме.

Французская брошюра об антисемитизме уже напечатана, но еще не поступила в продажу. К моему удивлению, меня спрашивают, переводится ли книга «Дух и реальность». Очевидно, французский издатель не совсем отказался от мысли издать книгу. Что Вы об этом думаете? Я слышал, что французские издатели вообще предполагают продолжить издавать, несмотря на трудные условия.

Очень неприятно в такое время болеть. У меня полтора месяца была серьезная инфекция кишечника и болезнь зубов, которая кончилась операцией, открывали корни и пилили кость. В результате я очень ослабел, очень похудел. А теперь очень нужны силы.

Буду ждать от Вас сообщения о Вашем приезде в Париж. Пишите, не забывайте меня.

Целую Ваши руки.

Ваш Николай Бердяев

¹ Еще 18 марта 1939 Б. негодовал: «Невозможно вынести того, что происходит в Европе, безобразия превосходит всякое воображение. Я нахожусь в состоянии бешенства, от которого очень страдает моя голова». Совершившееся потребовало отклика метафизического: «По телефону из Clamart разговаривать нельзя. Поэтому пишу Вам, пишу в самые страшные и трагические дни. Не знаю, где Вы, в Париже ли Вы. Если письмо дойдет до Вас, то напишите мне, где Вы и какие у Вас планы. Думаете ли Вы быть в Париже? Так хотелось бы Вас повидать. Что с Монбризоном, мобилизован ли он? И его хотелось бы повидать. Трудно поверить, что начинается такой ужас. И никто не может сказать, как долго это продлится. Я считаю войну неотвратимым роком, другого выхода нет. Это заложено в духовном состоянии народов. Люди сами себя подчинили року. Современные поколения обречены на непомерные страдания. /.../ Я считаю очень тяжелым, когда ничем не можешь помочь» (3 сентября 1939).

² Речь идет о замысле книги «Самопознание: Опыт философской автобиографии». Книга вышла посмертно: Париж, YMCA Press, 1949.

21

Villa Chevreuilles, Pilat-Plage (Gironde)
18 Августа [1940]

Дорогой друг! Меня очень тронуло, что Вы несмотря на Вашу нелюбовь писать письма, написали мне большое письмо и так много сказали о себе. Но огорчила меня печальность Вашего письма. Я думаю, что невозможно не страдать, не испытывать печали, это путь человека. Но нельзя допустить себя до безнадежности и отчаяния. В мире такое страшное преобладание зла над добром и тьмы над светом¹, что традиционное учение о Промысле Божьем, которое повсюду видит действие Божьего всемогущества, требует пересмотра. Я никогда не разделял в такой форме этого учения и всегда думал, что оно ведет в конце концов к атеизму. Бог не действует в необходимости и на необходимость, не управляет природным и историческим миром, он действует лишь в свободе и на свободу, он царствует лишь в мире духовности. Отсюда трагедия мира, зло и страдание. Я боюсь, что Вы могли не совсем верно понять то, что я Вам писал в прошлом письме. Я недостаточно объяснил свою мысль. Я совсем не думаю, что человек может достигнуть совершенного бесстрастия и безразличия в отношении к событиям внешнего мира, не думаю даже, что это было бы желательно. Даже святые не достигали совершенного освобождения от внешнего мира. И менее всего я считаю себя достигшим этого освобождения. Я человек очень чувствительный и восприимчивый, бываю поглощен заботами, завишу от внешних со-

бытий. Но вот, что я имел в виду. Все существо человека и вся его жизнь не могут быть освобождены от гнетущих впечатлений внешнего мира. Но в человеке может образоваться внутреннее духовное ядро, в котором он свободен от власти мира. Именно это духовное ядро не допускает человека до того, чтобы быть раздавленным миром. В человеке должен быть внутренний мир, в который он может уйти от ужасов жизни, именно в нем он соприкасается с Богом, только это я и хотел сказать. Вы пишете о разочарованиях в людях. И предстоит еще много разочарований. У меня есть высокая идея о человеке. Но у меня нет никакой идеологии и я совсем не склонен очаровываться людьми. Высокая идея о человеке есть Божья идея о человеке, Божье задание человеку. Человек очень плохо осуществляет эту идею и сам имеет совсем не высокую идею о человеке. Это как с свободой. Это Бог хочет свободы человека и ждет и от него свободы. Сам же человек больше любит рабство. Мое письмо приняло, как видите, философский характер.

М-те Монбризон² поехала в Париж. Там сейчас Монбризон. Очень жду их сюда, очень интересно их впечатления о Париже. Мы предполагаем возвратиться в Париж между 10 и 15 Сентярем. По-моему следует жить в Париже. Очень хотел бы, чтобы Вы туда вернулись. В последнее время я себя довольно плохо чувствую, бывают головокружения, тяжесть в голове и усталость. И это несмотря на то, что я дышу в Pilat³ свежим воздухом. Но я тяжело все пережил. Я уже написал десять глав своей философской автобиографии, осталось всего две главы. Не знаю, сможет ли книга быть изданной.

Так хотелось бы Вас повидать. Все-таки письма плохое общение, хотя без них нельзя обойтись. Часто о Вас вспоминаю.

Сердечно Ваш Ник[олай] Бердяев

¹ Ср. несколько иное развитие этой темы в письме от 14 июля 1940: «Меня не удивляет все, что происходит с миром, я давно предвидел наступление такой эпохи. Я думаю, что меньше всего это должно удивлять христиан. Необходимо внутренне себя перестроить, т.е. приучиться жить среди катастроф и испытаний. Я верю, что это возможно. Все, что происходит, даже самое бессмысленное, имеет смысл и является знаком происходящего на большой, скрытой от нас глубине. Особенно важно достигнуть освобожденности от внешнего мира, особенно от политики, которая проникнута ложью. Меня сейчас более всего печалит духовное и нравственное состояние людей и общества».

² Желю Монбризона Б. находил поначалу «очень симпатичной», хотя затем отметил странности ее характера (см. следующее письмо).

³ Уехав из оккупированного немцами Парижа, Б. с семьей проводил лето 1940 на юго-западе Франции, в местечке Пила, вблизи имения Монбризонов. «Мы живем в лесу в небольшом деревянном домике, — сообщал он И.П. 14 июля. — Воздух тут чудный. При других условиях тут было бы очень хорошо. Не могу Вам выразить, как меня глубоко трогает Монбризон. Ведь это он нас устроил, без него не знаю, что бы мы делали. /.../ Семья Монбризонов тоже очень внимательна и оказывает нам много услуг. /.../ К сожалению все мы по очереди болеем и это трудно в нынешних условиях. Мы очень мечтаем к осени вернуться в Париж в свой дом. Но вероятно нужно будет преодолеть разного рода трудности. А думаете ли Вы возвращаться в Париж? /.../ Город Аркашон мне не нравится, здесь вся прелесть это Pilat».

22

Clamart
18 Января [1941]

Дорогая принцесса! Так начинал я письма, когда у нас была более интенсивная дружба, чем когда письма начинались «дорогой друг». Я очень обрадовался Вашему письму, мне очень хотелось иметь от Вас вести. И я как раз сам собрался Вам писать. Я как-то видел фильм, в котором немецкая принцесса ехала верхом в лесу в соответствующем костюме. Я подумал, что Вам бы это очень шло, хотя я знаю, что Вы не ездите верхом. Из письма Вашего не мог сделать заключения, предполагаете ли Вы как-нибудь приехать в Париж. Я Вас заподозреваю в том, что Вы могли бы приехать в Париж, не телефонировав мне и не повидав меня. По письму представляю себе Вашу жизнь. Она сносная по нынешним временам, но в ней мало радости. Не знаю, есть ли люди, с которыми Вы можете общаться. Мы живем в Кларамаре так тихо, спокойно и уединенно, как никогда. В этой тишине есть что-то почти жуткое, если принять во внимание характер нашей эпохи. Я редко езжу в Париж. Очень много работаю у себя в кабинете. Кончаю переписывать мою философскую автобиографию и подготавливаю новую философскую книгу, которая должна объяснить основы моего философского мирозерцания, обыкновенно плохо понимаемого¹. Очень много также читаю и много мыслей приходит в голову. Менее всего читаю газеты. У меня очень сильная реакция против всякой политики. Каждый вечер мы громко читаем, перечитываем русскую литературу, а также французскую. Болезни в этом году нас менее преследуют, чем в прошлом году. После Pilat я даже почувствовал себя гораздо лучше. Но в последнее время опять есть редкие недомогания, хотя и не острые. Очень плохо

сейчас с удовольствием, наверное хуже, чем у Вас. И нужно тратить много времени, чтобы хоть что-нибудь получить. Впрочем другим наверное хуже, чем нам. Все это время стоят морозы и это очень жестоко. Мы кое-как отапливаем часть дома и надеемся отопить до конца Марта. Но наша столовая с подаренным Вами чудным ковром закрыта, целая часть дома отрезана от отопления. Мы часто вспоминаем годы жизни в Советской России, много внешнего сходства.

Где же живет Монбризон? По-видимому не в Pilat. Странное впечатление произвела на меня его жена. У нее по-видимому есть очень большие качества. Думаю, что она очень хороший человек. Но она производит впечатление человека отсутствующего, все время думающего о чем-то своем. Это затрудняет общение.

Помните, друг мой, что я всегда буду рад получить от Вас письмо.

Когда мы теперь увидимся?

Ваш Николай Бердяев

¹ Видимо, речь идет о книге «Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация». Б. закончил работу над ней в 1942. Когда И.П. предложила ему перевести что-нибудь вновь, он обрадовался и в числе других имел в виду и эту работу: «Сейчас еще нет ничего для перевода, — сообщал Б. 15 февраля 1942, — но может быть скоро будет. Я имею в виду две книги — новую книгу, представляющую мою метафизику, которую я сейчас переписываю, и старую еще не переведенную книгу "Смысл истории", к которой я хочу прибавить новую главу. Обе книги, не очень большие по размеру, еще не приготовлены и издатель еще не определен. Я бы очень хотел Вас как переводчика». К лету 1942 издатель нашелся: Б. получил предложение от Ф.Обье, но, вероятно, у И.П. к тому времени изменились обстоятельства, и переводчик был найден другой (см. прим.2 к письму 27). Книга вышла по-французски в 1946, по-русски — в 1947. См. о ней также в письмах 23, 26 и 27.

Clamart
30 Апреля [1941]

Дорогой друг мой! Я хотел было отблагодарить Вас за «мноغوважаемого» и начать письмо с обращения «мноغوважаемая княгиня», но преодолел этот соблазн и пишу в соответствии с своими чувствами. Лучше объяснить мое предшествующее письмо, которое Вы напрасно восприняли как несправедливое и неприятное для Вас. Наоборот, оно было приятное и обнаруживало

мои чувства к Вам. Вот что я думаю. Если дружба между людьми не возрастает, не развивается, то она обыкновенно идет назад и уменьшается. Винаваты бывают обе стороны, но в разной степени. Я выразил свое огорчение по этому поводу. Я кое-что должен принять на свой счет, но совсем не потому, что моя дружба к Вам охладела. Я вообще человек затрудненный в своем общении с людьми, особенно затрудненный во внешнем выражении своего отношения к людям. Меня часто это мучало. Многие воспринимали это как сухость и далекое расстояние от людей. Почему это так, вопрос сложный. Впрочем должен сказать, что, по моему мнению, довольно пессимистическому, между человеческими душами нет настоящего общения. Это результат первородного греха самоутверждения и замкнутости человека. Но встречаются люди, у которых есть ббльший дар общения. У меня мало инициативы в общении и потому я так легко перехожу в область отвлеченную, как более для меня легкую. Это о себе. Но я думаю, что у Вас тоже есть некоторая затрудненность в дружеском общении, хотя может быть в меньшей степени, чем у меня. Немалую роль тут вероятно играет Ваша застенчивость. Застенчивость иногда бывает связана с тайной гордостью. Согласны ли Вы со мной? Кстати, я не заподозрил Вас в том, что Вы можете приехать в Париж, не повидав меня, я констатировал факт. В прошлую зиму Вы приезжали в Париж, не позвонив мне по телефону. Но я допускаю, что у Вас было много дел и забот. Я совсем не жаловался на Вас Монбризону. Но забудем об этом.

Меня удручает, что в результате пережитой катастрофы во Франции образовалась очень прозаическая атмосфера. Совсем иначе было в Советской России, где катастрофа вызвала духовное углубление. Я имею в виду главным образом самих французов, у русских нет такого прозаизма в переживании событий. Впрочем я общаюсь почти исключительно с элитой. То, что люди сейчас принуждены уделять столько времени и сил добыванию продовольствия, есть тоже некоторый духовный и поучительный опыт¹. Мы тоже пытаемся посадить картофель в собственном саду, но не знаем еще, что из этого выйдет.

Читая Ваше письмо, я подумал, как не походит Ваше путешествие за продуктами питания на наше путешествие в окрестности Biagritz. Как будто это было в другом столетии. Необходимо переделать себя для совершенно новой жизни.

Весной в Париже с продовольствием стало гораздо хуже. Но мы все-таки кое-как существуем и не очень жалуемся. Жизнь наша в Клараме очень спокойная и сосредоточенная. В Париже бываю редко.

Я закончил одну книгу и сейчас поглощен подготовкой новой, очень важной для меня философской книги. Отсутствие внешней активности очень благоприятно для философских занятий. Я чувствую себя живущим в совсем ином мире, чем мир окружающий, как будто в четвертом измерении пространства. От политики у меня сильное отталкивание.

Когда мы увидимся, друг мой? Может быть в новую историческую эпоху.

Целую Ваши руки.

Ваш Николай Бердяев

¹ Ср. на ту же тему в письме от 15 февраля 1942: «Это время кроме переписки уже оконченной книги занят подготовкой плана книги о смысле страдания. Занят не только книгой о страдании, но и переживанием самого страдания. Это время было для нас очень тяжелым, мы очень страдали от холода. Мы немного топим одну печку, которую поставили в передней и которая должна отапливать две комнаты внизу и две комнаты наверху (часть дома со столовой совсем закрыта). Но в моем кабинете было всего 7°. Когда пишешь, то руки очень мерзнут, а я регулярно пишу каждый день. Наши дамы совсем выбиваются из сил, такая жизнь им непосильна /.../ Перспективы будущего очень неопределенны. Но нужно нести тяжесть мира. Мир вступил в период, когда нет твердой почвы под ногами. Я давно предвидел, что такой период наступит. Все несут какую-то общую вину. Но свет должен победить тьму». И еще о том же, 22 марта 1942: «сердечно благодарим Вас за коли [от фр. colis — пакет, посылка. — Публ.] с сыром. Сейчас сыр здесь редкость /.../ Мы не пострадали от бомбардировки, у нас в доме только очень дрожали окна. Но в Кламаре было несколько разрушенных домов. Об убитых русских я не слыхал. В общем мы живем в тяжелом кошмаре, который приснился миру за его грехи».

24

Clamart
25 Мая [1941]

Мой милый друг! Ваше большое письмо меня очень обрадовало и тронуло, как знак дружбы. В Ваших печальных размышлениях я нахожу много верного. Вы правы, что я часто выражаю серьезные вещи в шутливом тоне. Это свойство скрытных и одиноких людей.

В человеческой жизни и человеческих отношениях нет непрерывного развития. Самое важное в человеческой жизни в отдельных мгновениях, в них только можно пережить наиболее значительное. Но в обыденном процессе жизни мы отпадаем от этих мгновений и даже забываем о них.

Одиночество — одно из главных последствий первородного греха, разрыва и распада в мировой жизни. Люди отчуждены друг от друга и вместе с тем прикованы друг к другу. В себе самом я замечаю желание настоящего общения и вместе с тем страшную боязнь отдачи общению с душой другого существа. Отсюда моя сухость и трудность выражать лирические состояния. Я кроме того думаю, что существует огромное различие, почти пропасть между мужским и женским миром. Мужская и женская психология настолько разные, что в одни и те же слова вкладывают разное содержание. У женщин совсем иные ожидания от жизни и от человеческих отношений, чем у мужчин. Все эти темы с замечательной глубиной поставлены у Ибсена. Я рад, что Вы любите Ибсена. Разочарование в людях — одно из самых тяжелых явлений жизни. Но виноват часто бывает разочаровывающийся в большей еще степени чем тот, в ком разочаровываются. Человек не виноват, если им слишком очаровываются, идеализируют его, наделяют качествами, которых у него нет. Есть жестокость в том, чтобы создавать себе иллюзии о человеке, а потом его низвергать. Мои размышления довольно печальные.

Я давно предвидел, что должна наступить новая историческая эпоха. Предвидел, что этому будет предшествовать ряд катастроф, последствий грехов старого мира. И люди и народы должны пройти через ночь. Но ночь не только есть зло. В ночи видны звезды и может быть большое углубление. У французов господствовал очень поверхностный оптимизм. На жизнь смотрели как на удовольствие и наслаждение. Такое отношение к жизни не могло довести до добра. В суровости нынешней жизни есть своя правда. И я хочу надеяться, что может начаться процесс духовного углубления.

Меня очень огорчило известие о смерти доктора Auzimour'a¹. Это был очень милый человек. Узнал об этом только из Вашего письма.

Очень радуюсь от мысли, что мы можем увидеться. Помните мой телефон — Michelet. 00-12. В это лето мы наверное никуда не уедем.

Особенно тронуло меня то, что Вы написали о моих старых письмах.

Искренно любящий Вас Николай Бердяев

¹ Д-р Озимур был семейным врачом Б. в течение 1930-х. Умер от рака желудка.

Clamart
15 Июня [1941]

Дорогой друг мой! Меня очень трогает, что Вы побеждаете для меня свою нелюбовь к переписке. У Вас очень дружески внимательная реакция на мои письма. То, что Вы пишете о себе, свидетельствует об активности Вашего характера. Я впрочем всегда это думал о Вас, Вы не принадлежите к пассивным натурам. Что касается меня, то во мне большое место занимает элемент борьбы, особенно в отношении к идеям я человек боевой. Но в моей природе заложен элемент пессимистический и он может быть наиболее силен в отношении к эмоциональной жизни людей. Вы же более оптимистичны. Пассивность всегда плоха и человек должен бороться, независимо от того, удастся ли осуществить поставленную цель.

Большого разъяснения требует вопрос об одиночестве. Тема об одиночестве имеет огромное для меня значение. Но тут возможны недоразумения. Когда я говорю о своем одиночестве, то это совсем не значит, что у меня нет близких людей, к которым я привязан, с которыми у меня есть духовное общение и которые обо мне заботятся. Это было бы несправедливо. Речь идет об особом метафизическом одиночестве, о переживании чуждости мира, столь мне свойственном. Также и об одиночестве социальном, похожем на одиночество доктора Штокмана у Ибсена. Кстати, меня радует, что Вы любите Ибсена.

Вы кажется лучше меня самого знаете мои книги и очень верно ссылаетесь на мою мысль о том, что каждый человек заключает в себе и мужской и женский элемент, хотя и в разной пропорции. Без этого невозможно было бы никакое общение и понимание. И мужчина человек и женщина человек. И все же существуют мужские и женские миры, существуют разные ожидания от жизни, разные переживания чувств, существуют большие несоответствия. При этом именно возможно влечение к противоположному, не схожему. Меня всегда более всего беспокоит, что взаимное понимание может быть кажущимся, обманчивым, что в одни и те же слова могут вкладывать разный смысл. Последняя глубина личности все-таки остается непроницаемой и эту непроницаемость лишь отчасти преодолевает самая подлинная любовь.

Более всего меня сейчас ужасает нарастание [так! — Публ.] ненависти в мире. Не видно выхода из магического круга ненависти. Выход указан христианством. Но люди не хотят идти этим путем. Народы находятся во власти фатума.

Я очень занят подготовкой философской книги, которая должна в окончательной форме выразить мое философское мировоззрение. Она должна быть сосредоточена на главной теме всей моей мысли. Но книга не может быть скоро написана. В последнее время я себя хуже чувствую, более всего я страдаю от расстройства кровообращения. В это лето мы, конечно, никуда не поедем. Вспоминаем о чудесном воздухе Pilat. Но Pilat сейчас стало неприятным местом¹. У нас сейчас плохая погода. Приходится также постоянно заботиться о продовольствии, положение очень ухудшилось. Меня беспокоит, что Лид[ия] Юд[ифовна] и Евг[ения] Юд[ифовна] от этого изнемогают.

Миллиотти² талантливый художник и кажется очень милый человек.

Не теряю надежды Вас увидеть.

Любящий Вас Николай Бердяев

¹ Вероятно, речь идет о появлении на курорте отдыхающих немцев.

² *Милиоти* Николай Дмитриевич (1874-1950), художник, член «Мира искусства», эмигрант.

Clamart
9 Августа [1941]

Мой дорогой друг! Меня трогает Ваше беспокойство обо мне¹. Я по-прежнему живу благополучно, если можно говорить о благополучии в нашу эпоху. В нашем Кламаре до странности тихо и спокойно. В Париже я бываю редко. Но внутренне я настроен тоскливо и тревожно. Это не мешает мне быть очень сосредоточенным на моей новой книге, которая должна целостно выразить мою метафизику. У меня особенное восприятие исторических событий и катастроф, я вижу их в очень далекой перспективе и всегда вижу в них знак иного, большой глубины. Это не мешает мне остро и мучительно чувствовать непереносимые человеческие страдания. Я часто вспоминаю странные строки стихотворения Тютчева:

«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали Всеблагие,
Как собеседника на пир».

Но «минуты роковые» мировой истории мы воспринимаем как отвратительную, отталкивающую обыденность, повседневность,

унизительную в своих мелочах. Более «счастлив» тот, кто потом вспоминает о «минутах роковых» или читает о них. Это такого же рода разница, как между переживанием трагедии в жизни и чтением трагедии или представлением ее на сцене.

Я совершенно разделяю Ваше отношение к настроениям эмиграции. Я сейчас от политики дальше, чем когда-либо, но вопрос моральный стоит для меня очень остро. К сожалению, русские слишком часто не стоят на минимальной моральной высоте². Очень хотел бы о многом с Вами поговорить. Вспоминаю о вечерах, проведенных у Вас, как об очень, очень далеком времени, как будто это было совсем в другом столетии. Нет ничего таинственнее времени.

Меня очень огорчило то, что Вы пишете о трудностях жизни семьи Монбризонов. Я не понимаю, почему они не хотят жить в Париже. Ваше печальное письмо подтвердило мое убеждение, что сейчас лучше всего жить в Париже.

По вечерам мы всегда громко читаем под лампой подаренной Вами. Перечитали почти всю русскую литературу, но читали и иностранных писателей. Это очень приятно.

Сейчас нас более всего беспокоит вопрос об отоплении зимой. Придумали отопление опилками, их легче достать.

Думаете ли Вы раньше или позже попасть в Париж?

Любящий Вас Николай Бердяев

¹ По-видимому, И.П. не исключала возможности ареста Б. оккупантами. Ср. в «Самопознании» (Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.380-381).

² Вероятно, речь идет о проявлениях коллаборационизма в среде эмиграции. Отношение к оккупантам и начавшейся войне Германии против Советского Союза, сотрудничество в «Русском Вестнике» Жеребкова и других прогерманских изданиях, попытки с помощью немцев активно влиять на изменения в политическом устройстве России — резко поляризовали эмигрантскую среду и, в особенности, ее культурную элиту.

Clamart
30 Сентября [1943]

Дорогой друг мой! Мне очень приятно было Ваше письмо. Я рад за Вас, что Вы можете остаться у себя в Biarritz. Но мне было бы приятнее, если бы Вы жили в Париже. Вы очень хорошая мать и это должно доставлять Вам большое удовлетворение. Ме-

ня поразило, какие серьезные и трудные темы задают для экзамена. Некоторые темы непосильны для юношей.

Меня тронуло Ваше предложение исправить перевод моей книги. Это самая отвлеченно-философская из моих книг¹. Я очень мучаюсь с исправлением перевода книги. Беда в том, что переводит профессор русского языка и славянских языков в университете Лилля². Его трудно исправлять, может обидеться. Единственное, что можно придумать, это, чтобы его исправлял профессор философии. Мне никогда еще не было так неприятно и трудно работать над переводом. Все время вспоминаю о нашей совместной работе. Кончаю мою новую книгу на русскую тему, но нужно еще переписывать³.

Мою точку зрения на мировую и историческую жизнь можно было бы назвать скорее трагической, чем пессимистической, что совсем не то же самое. Во всяком случае мой пессимизм относительный, а не абсолютный. Но думаю, что весь XX век будет очень беспокойный и катастрофический.

Я думал эти дни, что в начале марта 44 года, т.е. очень скоро уже будет мой очень неприятный юбилей — мне исполнится 70 лет. Дата тяжелая. Это очень не соответствует моему самосознанию и самочувствию, я очень молод умственно и духовно. Каждый человек имеет свой вечный возраст, мой вечный возраст юношеский.

Очень рад был бы повидать Монбризона, когда он будет в Париже.

С продовольствием мы начинаем испытывать большие затруднения.

С сердечным приветом.

Ваш Николай Бердяев

¹ Б. имеет в виду «Опыт эсхатологической метафизики».

² Перевод осуществлял французский славист Максим Эрман (Maxime Herman), с которым Б., вероятно, познакомился еще в 1937, когда сам читал лекции в Лилле. 31 августа 1943 Б. жаловался на него И.П.: «Переводит французский профессор, специалист по русскому языку, живет он не в Париже. Исправление перевода необыкновенно скучное и мучительное занятие. Перевод плох и бездарен, есть непонимание моей мысли. Вспоминаю о Вас, о наших занятиях по проверке перевода. Это блаженство по сравнению с тем, что сейчас мне приходится делать. Вы лучше всех меня переводили».

³ Речь идет о книге «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (Париж, 1946). Над ней Б. начал работать в начале 1943. Ее французский перевод был выпущен только в 1970.

Clamart
26 Января [1944]

Дорогой друг! Что с Вами, как Вы поживаете? Очень давно от Вас нет никаких вестей. Не знаю, получили ли Вы мое последнее письмо. В последнее время у меня печальное и тяжелое настроение и причины для этого разнообразны. Все мы бодем и чувствуем себя слабыми и практически беспомощными. Жизнь делается очень трудной и маленькие заботы дня поглощают много внимания. Я удивляюсь, как я еще нахожу достаточно духовных сил, чтобы все время писать, думать и читать. В последнее время я очень интересуюсь религиозной философией Индии и завидую духовной концентрации и отрешенности индусских мыслителей. Это совсем другая атмосфера, чем та, в которой протекает мысль Запада, поглощенного борьбой, активного, раздвоенного, постоянно переживающего драматические конфликты. У меня самого трагическое чувство жизни, не случайно мне так близок Достоевский. Несмотря на мучительную разорванность и трудность жизни я очень поглощен задуманной новой книгой. Но хотелось бы иметь немного больше покоя для ее написания. Должен еще сказать, что я совершенно не переношу парижского климата, он всех нас делает больными. Иногда очень мечтаю пожить некоторое время в хорошем, не сыром, теплом климате. Я все думаю о происхождении зла. Вопрос не разрешен удовлетворительно ни христианством, ни религиозной философией Индии и новой философией. Думаю упорно о метафизических вопросах. А вот сейчас нам закрывают газ, сначала на четыре дня, но грозят: совсем закрыть за перерасход. А у нас нет угля, чтобы топить плиту в кухне. И такие затруднения, совсем не метафизические, являются каждый день. Со всех сторон кричат, что нужно запастись продуктами, как будто это легко. Спасает мысль, что авось как-нибудь проживем, уже многое пришлось испытать и пережить, слишком много для короткой человеческой жизни.

Я не пожелал Вам еще всего лучшего на новый год, но пожелания всегда одни и те же. Как Вы живете, как себя чувствуете?
Ваш Ник[олай] Бердяев

Clamart
9 Февраля [1944]

Дорогой друг! У нас был на днях М.Н. Энден¹ и сообщил мне, что мое последнее письмо, которое было довольно мрачное, вы-

звало в Вас беспокойство и желание помочь мне. Ваша забота меня очень тронула. Но Вы неверно поняли мое письмо, подумав, что оно заключало в себе жалобу на тяжелое продовольственное положение. Вероятно сам я виноват, так как сказал, что нелегко было бы делить деньги на несколько месяцев, как советуют. Но совсем не в этом главное наше несчастье. Пока что мы питаемся вполне сносно. У нас много связей в Кламаре. Главное наше несчастье в том, что мы постоянно болеем, что у всех есть хронические болезни и что у нас в семье нет молодых, все преклонного возраста. При этом нынешняя жизнь непосильна. Правда, к нам приходит каждый день женщина помогать по хозяйству и по поручениям. Но этого недостаточно. Помочь тут невозможно. Но для тяжелого настроения есть и внутренние причины. Трудно выносить состояние мира. Тяжело действует пассивность, невозможность помощи, какой-либо активности для улучшения жизни мира. Очень много страданий кругом. И я мало надеюсь увидеть лучшее состояние мира. Смутное состояние мира будет долго. Но все это не мешает мне много работать, создавая новый план книги. Энден говорил мне о Вашей жизни. Он сказал мне, что Миша² тут и хотел ко мне приехать, чему буду рад.

Благодарю за заботы.

Ваш Ник[олай] Бердяев

¹ Энден Михаил Николаевич — литератор, сотрудник «Вестника русского студенческого христианского движения».

² Кн. Михаил Федорович Романов (р. 1924) — сын И.П. Б. заинтересованно следил за его воспитанием: «Очень меня огорчило то, что Вам пришлось пережить в связи с болезнью Миши. Слава Богу все кончилось благополучно, но Вы пережили потрясение и это наверняка Вас очень ослабило, а физических сил у Вас немного. Меня всегда поражает, как в жизни и то, что дает радость, имеет свою мучительную сторону. Дети дают радости, но постоянно приходится за них дрожать, беспокоиться за их жизнь, мучиться от опасностей, которые им угрожают. И так во всем. Это верно о всякой человеческой любви. Никакая радость не дается в чистом виде, всегда имеет обратную сторону. Это свидетельствует о том, что мы живем в испорченном, падшем мире. Нужны большие духовные силы, чтобы выносить жизнь, и в особенности нужно быть свободным от иллюзий, от обманчивых ожиданий. Невозможно понять в пределах нашей жизни то, что нам посылается» (25 апреля 1934); «Михаил, которого я знал еще маленьким мальчиком, стал уже взрослым. Хорошо, что у него пробудились умственные интересы! Но возраст этот труден для матерей» (22 марта 1942).

Clamart
11 Января [1945]

Дорогой друг! Узнал от М.Н. Эндена, что Вы опять в Biarritz и что адрес Ваш старый. Поэтому решил написать Вам. Я совсем не понимаю, что случилось. Почему Вы не ответили на три письма и при том письма, которые обнаруживали, что я прохожу через довольно тяжелый период жизни? Я не имел от Вас известий уже вероятно месяцев восемь. Ввиду старых дружеских отношений никак не могу этого объяснить. Пишу сейчас в очень тяжелом настроении. Никогда еще не было у нас такого тяжелого периода. И это несмотря на то, что мы освобождены от немецкого рабства и мне не приходится постоянно ждать возможности ареста. Мы уже много испытали в жизни, испытали первые годы революции в России, испытали немецкую оккупацию. Прежде всего Лидия Юдиф[овна] очень серьезно больна уже более шести месяцев. У нее болезнь мускулов горла или нервный паралич. Она с трудом говорит и с трудом глотает пищу. Очень большая слабость. Она лечится разными способами, но пока ничто не помогает. Сестра ее тоже постоянно болеет. Самое трудное, что у нас в доме нет никого моложе 68 лет. Приходит *femme de menage*, но этого недостаточно при нынешних условиях, когда нужно все время бороться за жизнь. Сейчас мы очень страдаем от холода. Это особенно плохо для Лид[ии] Юд[ифовны], ухудшает болезнь. У нас есть маленькое отопление мокрыми дровами (уже срубили два дерева в саду). Но если не достанем еще дров, то через неделю у нас не будет никакого отопления. Никогда еще не было так плохо с отоплением.

Общая нравственная атмосфера мира не доставляет никакого утешения. Война затягивается. На меня плохо действует, что нужно целый день о чем-то заботиться. Меня поражает, что при таких неблагоприятных условиях я все-таки нахожу возможность каждый день писать новую книгу¹. Недавно читал публичную лекцию на тему «Русская и германская идея»². Это первое русское публичное выступление после насильственного четырехлетнего молчания. Но нужно делать огромное духовное усилие, чтобы умственно сосредоточиться.

Вы не любите животных и потому плохо поймете меня. Умер мой любимый кот Мури. Это было для меня настоящее горе и я до сих [пор] не могу с этим примириться и не могу спокойно об этом говорить.

Буду очень рад узнать, как Вы живете и как себя чувствуете, а также иметь объяснение Вашего длительного молчания. О Монбризоне тоже ничего не знаю.

Душевно преданный Вам Николай Бердяев

¹ Имеется в виду книга «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого». По-французски она вышла в 1947, по-русски — в 1952.

² В Париже состоялась специальная конференция на эту тему.

31

Clamart
3 Февраля [1945]

Дорогой друг! Рад был получить от Вас весть после долгого перерыва и узнать, что у Вас все более или менее благополучно. Очевидно одно мое письмо к Вам пропало. Сейчас кончились морозы, стаял снег и нам стало немного легче. Но Январь месяц был совершенно кошмарный. Меня это особенно беспокоило из-за Лид[ии] Юд[ифовны], которой нехорошо. Эта болезнь с трудом поддается лечению. Нужно было бы жить в других условиях, в другом климате. Сейчас весь мир горит и полон непомерных страданий. Почти неловко думать о себе. Мне приятно настроение Вашего сына и сыновей Монбризона. К сожалению, не все французы так настроены. Положение Франции трудное. Одно время я думал, что война может очень затянуться. Но теперь я начинаю думать, что все могут скоро решить русские. Пока же жизнь очень трудна. Каждый день нужно бороться с величайшими трудностями, а это не легко делать в нашем возрасте. На днях кончил новую книгу, но нужно ее еще переписывать, исправлять. Это еще целая работа. Эта книга написана в очень тяжелых условиях, в очень трудный период жизни. Но сейчас я уже весь обращен к новой еще книге, которая вероятно будет называться «Истина и откровение»¹. Я очень мучаюсь с новыми переводчиками моих книг. Одна книга очень плохо переведена. Другой переводчик имеет очень неприятный характер. Он перевел книгу, но с ним невозможно иметь дело для исправлений. Я все время вспоминаю Вас и нашу общую работу. Вы лучший и самый приятный из моих переводчиков.

Когда мы увидимся?

Меня очень тронуло письмо Монбризона. Я не знаю, куда ему адресовать мой ответ. Поэтому я решил вложить мой ответ в письмо к Вам и просить Вас переслать его ему.

Ваш Ник[олай] Бердяев

¹ Это произведение опубликовано пока только по-английски (1953), по-французски (1954) и по-японски (1959).

32

Clamart
12 Декабря [1945]

Дорогой друг! Наконец Вы обо мне вспомнили и вспомнили в один из самых тяжелых периодов моей жизни. В конце Сентября умерла моя жена. У нее полтора года была очень тяжелая болезнь, которую она замечательно выносила. Но смерть не была тяжелой, была духовно очень просветленной. У нее была огромная сила веры. Я не встречал человека с более сильной верой и устремленностью к духовному миру. Я философ, но чувствую себя слабее. Мне очень трудно примириться со смертью близкого существа, с образовавшейся пустотой, победить тоску. Сам я чувствую себя плохо, у меня сердце в плохом состоянии, по ночам задыхаюсь и кроме того большое нервное переутомление. На днях я еду с сестрой Лидии Юдиф[овны] в Швейцарские горы. Друзья устраивают эту поездку. Поездка предполагается на три недели. Но отдохнуть мне нужно было бы на более продолжительный срок. Меня утомляет не писание и не чтение, а количество забот и трудностей жизни, количество людей, которые меня осаждают. И необходимо переменить обстановку. У меня бывает много иностранцев.

Я рад был получить о Вас известия и узнать, что у Вас все более или менее благополучно. Неужели Вы окончательно покинули Париж и не думаете сюда возвращаться?

Мне звонила по телефону представительница литературного бюро, о котором Вы пишете по поводу португальских изданий. Я направил в то Парижское литературное бюро, которое занято моими книгами на иностранных языках.

На состояние мира я смотрю довольно мрачно. Внутренно война продолжается. И очень нарастает [так! — Публ.] вражда к России. Я не вижу, чтобы на почве обыкновенной международ-

ной политики можно было достигнуть замирения и единства. Нужен духовный переворот, но он совершается медленно.

О Монбризоне давно ничего не знаю.

Надеюсь Вас еще встретить на этой земле.

Любящий Вас Николай Бердяев

33

Clamart

24 Января [1946]

Дорогой мой друг! Меня очень тронуло Ваше последнее письмо. Оно мне доказало, что у Вас вполне сохранились дружеские чувства ко мне. В предшествующем письме Вы ничего не могли мне выразить, не зная о случившемся. В Швейцарию я не мог поехать, хотя были уже готовы все визы. Я заболел гриппом с осложнением бронхитом и трахеитом, месяц не выходил из дому. Доктор говорит, что раньше весны я никуда поехать не смогу. Это очень неприятно. Мне очень нужно было переменить обстановку и отдохнуть нервно и душевно. Мне очень тоскливо в нашем доме. Очень благодарю Вас за милое приглашение в Biarritz. Мне было бы очень приятно приехать к Вам, но я не уверен в возможности такого путешествия. Вероятно весной или летом мне нужно будет поехать для специального лечения.

О состоянии мира и о возможности духовного улучшения нужно было бы очень многое сказать. Я совсем не оптимист, но я стою на том, что нужно всегда верить в возможность лучшего, таково должно быть направление воли. Когда я сейчас пишу статью о России, то придерживаюсь определенной тактики¹. Я не делаю себе никаких иллюзий. Но нужно поддерживать всякое улучшение в России.

Думаете ли Вы как-нибудь приехать в Париж? Только тогда мы и смогли бы встретиться.

Привет Монбризону.

Целую Ваши руки.

Искренне любящий Вас

Ник[олай] Бердяев

¹ Вероятно, речь идет о статье: Почему Запад не понимает Советской России? // Русские новости (Париж). 1945. 7 декабря. №30.

Clamart
16 Декабря [1946]

Дорогой друг! Вы вероятно совсем забыли о моем существовании и даже не помните моего имени. Но я очень вспоминал о Вас в последние дни и у меня явилось желание написать Вам. Почему иногда вдруг пробудится воспоминание, объяснить трудно. Я совсем ничего не знаю о Вас, не знаю, как Вы живете и чем живете. Сам я очень занят, даже задавлен количеством разнообразной работы, между прочим необходимостью отвечать на неисчислимое количество писем со всех концов мира. Это обратная отрицательная сторона возрастающей известности, которая доставляет мне мало наслаждения вследствие полного отсутствия в моем характере честолюбия. Сейчас пишу новую книгу «Истина и откровение», но задумал еще другую книгу, посвященную кризису современного мира, кризису человека¹. Последняя тема меня сейчас очень мучит. Должен сказать, что у меня сейчас очень преобладает чувство тоски. Мне трудно примириться со смертью Лид[ии] Юд[ифовны]. Недавно получил известие о трагической гибели почти всего семейства моего племянника в Югославии², а также о смерти моего близкого друга в Москве, очень замечательной женщины. Люди моего поколения уже уходят из жизни. Сам я часто болею, но все находят, что очень молод. Думаю, что это верно в отношении умственного творчества. Да и у меня слишком большая чувствительность ко всему происходящему в жизни. Очень сложно мое отношение к Советской России и ко всему тому, что там происходит. Я готов защищать Советскую Россию, как мою родину, вижу в ней и правду, которую многие не хотят видеть. Но многое меня возмущает и отталкивает, особенно в последнее время. Не происходит тех изменений к лучшему, на которые можно было рассчитывать после потрясения войны. Трудно примириться с таким количеством лжи и насилия. Все это очень мучительно. Но я продолжаю верить в великую миссию России. Мое положение очень трудное и на меня нападают с противоположных сторон. В Октябре я был в Швейцарии и прочел целый курс в десять лекций в Экуменическом Институте. Там случайно в парке я встретил дочь Монбризона с ее мужем. А как поживает сам Монбризон, я давно о нем ничего не знаю. Меня огорчает плохой перевод моих последних книг. Я вспоминаю Ваши переводы и нашу взаимную работу. Думаю, что Вы лучше всех меня переводили.

Надеюсь, что раньше или позже мы все-таки с Вами встретимся. Пока же очень рад буду получить от Вас весть.

Ваш Николай Бердяев

¹ Возможно, речь идет о незавершенной книге «Царство Духа и Царство Кесаря» (изд. в 1949).

² Племянником Б. был Алексей Николаевич Можайский. 11 февраля 1932 Б. писал о нем И.П.: «Вы спокойно можете его рекомендовать: он безукоризненно порядочный, добросовестный и трудолюбивый молодой человек. Оказывается, что он был в одном классе в Пажеском Корпусе с Вашим мужем».

35

Clamart
17 Марта [1947]

Дорогой друг! Вы очень мило и остроумно подписали свое письмо. О «прусском юнкере»¹ я думаю, что он был очень вреден, как глава государства, без его царствования может быть не было бы большевизма в России. Но лично он был очень честный человек и в нем было своеобразное благородство. Да и я думаю, что даже за родителей человек не может быть ответствен, а тем более за прадедов. Мой прадед генерал-аншеф Николай Мих[айлович] Бердяев был новороссийским генерал-губернатором². Я о нем мало знаю, но возможно, что он был свирепым генерал-губернатором. Все это неважно. Важнее то, что я очень обрадовался свиданию с Вами. Прошла некоторая отчужденность, которая одно время чувствовалась.

Я буду очень рад, если Вы возьметесь за перевод «Русской идеи», несмотря на нападения на Ваших предков. Если Вы укажете на повторения, которыми я вообще грешу, то я буду Вам очень благодарен. Но выбрасывать нужно осторожно, так как повторение иногда дается в совершенно новой связи. Для меня остается вопросом, что лучше Вам переводить: «Русскую идею» или новую книгу «Истина и откровение», которую еще не кончил переписывать.

Возможно, что в Июле мне придется ехать к Кембридж, так как Кембриджский университет сделал меня доктором *honoris causa* и нужно получить докторат. Меня оденут в красную мантию и средневековый головной убор, пестрое театральное представление. Но путешествия мне трудны.

Я прочел с интересом краткие замечания Вашего знакомого норвежца. Он человек общественный, культурный, умный. Повидимому он правоверный протестант. Его смущает то, что обычно смущает в моих взглядах, учение о несотворенной свободе, творчестве человека, отрицание ада. Наибольшую [так! — *Публ.*] трудность представляет моя идея объективации. Некоторый ответ на это недоумение может дать моя последняя книга «Опыт эсхатологи[ческо]й метафизики», плохо переведенная на французский язык.

Благодарю Вас за справки о Pilat. 500 фр[анков] в день для нас непосильно дорого. В Виши, в городе вод, в хорошем отеле мы платили в прошлом году 350 фр[анков] в день. Боюсь, что нам будет трудно поехать в Pilat.

Очень надеюсь, что с осени Вы будете в Париже.

Ваш Николай Бердяев

¹ Речь идет о Николае II.

² О Н.М. Бердяеве см.: Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.13.

Clamart

24 Августа [1947]

Дорогой мой друг! Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием. Причин для этого несколько. Я переезжал с места на место. Вернувшись в Кламар был безумно занят и к тому же чувствовал себя плохо. Но самое главное то, что письмо Ваше очень серьезное и требует очень серьезного и обстоятельного ответа, что мне сейчас сделать трудно. Наше лечение и наш отдых этим летом были очень неудачны, особенно для Евген[ии] Юдиф[овны], которая почувствовала себя очень плохо. Нас вообще преследуют всякого рода болезни. Мы очень плохо выносим небывалую жару. В конце Августа, т.е. уже на днях, я еду в Женеву, где буду читать доклад в «Rencontre Internationales de Genève»¹. Собрание будет продолжаться две недели. После этого пригласили отдыхать в Швейцарии. Вернусь к концу Сентября. В Июле я был в Англии. Получил в Кембридже степень доктора honoris causa. Читал доклад.

По поводу перевода моей книги «Русская идея» мне пришлось в голову, что может быть Вам неприятно переводить книгу, с многими идеями которой Вы не согласны. Скажите откровенно, что Вы об этом думаете.

Теперь по поводу перевода слов, список которых Вы мне прислали. Я сам испытываю очень большое затруднение. Думаю, что многие из этих слов совершенно непереводимы. Я должен с кем-нибудь посоветоваться. Но могу это сделать только после возвращения из Швейцарии. Многие слова нужно оставить по-русски латинскими буквами и сделать объясняющие примечания.

Противоречие, которое Вы видите, не так велико. Я хотел сказать, что раскол в русской жизни начался с раскола XVII века, но реформы Петра Великого очень углубили и усилили раскол, придав ему другое направление.

По поводу моего отношения к Советской России нужно было бы очень многое сказать. Мое отношение очень отличается от обычного в обе противоположные стороны. Моя точка зрения не политическая, не отвлеченно моральная и не отвлеченно правовая, а историческая, это есть точка зрения философии истории, я бы даже сказал мистики истории. У меня есть свое понимание смысла революций в судьбе народов. Революции всегда ужасны и жестоки, но они связаны с судьбой народа, с изживанием зла прошлого, с слабостью положительных духовных сил. Я отлично знаю все отрицательные и безобразные стороны советского режима, меня ничем удивить нельзя. Я знаю, что свободы в России нет и что мне гораздо легче было печатать книги и читать лекции в царском режиме. И все-таки через ужасную революцию пробудились к исторической активности огромные массы русского народа, которые раньше находились в тьме, безграмотности и пассивности, уровень их очень поднялся. Но это процесс очень тяжелый для верхнего культурного слоя. Отношение к советской власти не может не быть двойственным. Она делает много дурного и непосредственно у меня к ней нет никакой симпатии. Но она является единственной исторической властью, принужденной защищать Россию перед лицом мира. Вы сами указываете и на положительное. Такие люди, как Кестлер или Кравченко², которого я впрочем не читал, слишком движутся *ressentiments*³, хотя фактически и говорят много верного.

Я отношусь с абсолютной враждой ко всякой иностранной интервенции. Судьба русского народа должна быть решена самим русским народом и нужно лишь рассчитывать на процессы, происходящие в русском народе. Вот почему я отрицательно отношусь к западному антикоммунистическому фронту, к вражде Америки к Советской России, все это только мешает развитию свободы внутри России. Меня плохо понимают и неверно истолковывают с противоположных сторон. Люди стопроцентно советской ориентации меня сейчас бойкотируют, а другие считают меня

чуть ли не большевиком. Мое положение вообще тяжелое и в конце концов я довольно одинок.

Против чего я всем своим существом восстаю, так это против страха. Нужно победить страх и не определяться им. Это важная духовная задача. Войны не будет и ее меньше всего хочет Советская Россия, но будет психология войны, которая будет терроризировать мир.

Хотел бы обо всем поговорить с Вами, и о переводе книги, и о положении мира, и о России. Вопрос о России меня терзает, я болен Россией.

Будете ли Вы в Париже?

Ваш Николай Бердяев

¹ Эта встреча была посвящена теме «Прогресс технический и прогресс моральный». Ср. описание *Rencontres* в «Самопознании» (Собр. соч. Указ. изд. Т.1. С.397-398).

² Артур *Кестлер* (1905-1983) — английский писатель и философ. Вероятно, речь идет о его романе «Тьма в полдень» (1941) и поставленной в Париже в 1946 пьесе «Воры в ночи» («*Twilight Bar*»).

Виктор Андреевич *Кравченко* (1905-1966) — бежавший после войны из СССР инженер, автор книги «Я избрал свободу» (по-русски издана впервые в 1950, перед тем — на других языках).

³ *Ressentiments* — обида, злопамятство (*фр.*).

«БЫЛ ТАКОЙ ПИСАТЕЛЬ АГЕЕВ...»

Версия судьбы, или о пользе наивного биографизма

Публикация Г.Г. Суперфина и М.Ю. Сорокиной

В 1990, когда в московские киоски «Союзпечати», традиционно торговавшие газетами, вдруг хлынул поток книжной продукции, в его мутных водах взору изумленного читателя предстала новая реклама: «Международный бестселлер. Книга Владимира Набокова "Роман с кокаином"». Всего за 5 рублей — сказали бы мы сегодня, а тогда — четыре года назад, такая цена за маленькую книжицу — почти брошюру — казалась непомерно высокой. Но Набоков! — и полумиллионный тираж книги, дважды изданной в СССР на протяжении 1990 (а до этого, в 1989, в рижском журнале «Родник») быстро расхотился. Справедливости ради заметим, что на титульном листе изданий значилось все же совсем другое, не выигрышное для рекламы имя — «М.Агеев», — то самое, которое сопровождало «Роман с кокаином» с момента его первой (парижской) книжной публикации в 1936. Кто скрывался за этим явным псевдонимом¹, оставалось долгие годы неизвестно.

«М.Агеев» принадлежал к младшему поколению русского литературного зарубежья (Б.Поплавский, Ю.Фельзен, А.Штейгер и др.) — «незамеченного», по выражению В.Варшавского. Жизненная и посмертная судьба этих писателей кажется равновелико трагичной — оттесненные на периферию читательского внимания своими более знаменитыми и удачливыми «отцами», они по-прежнему остаются известны преимущественно специалистам-литературоведам и немногим почитателям их творчества. Исключение — конечно, В.Набоков и, пожалуй, «М.Агеев». Впрочем, современным издательским успехом «Роман», вероятно, во многом обязан атмосфере таинственности вокруг его авторства и попыткам его разрешения «от Набокова». Но прежде чем представить имя подлинного автора, напомним вкратце историю его появления на литературном горизонте.

¹ Его перу принадлежит также рассказ «Паршивый народ», опубликованный в 1934 в журнале «Встречи».

Летом 1933 никому неведомый автор — «М.Агеев» — прислал из Константинополя в Париж пухлый пакет с рукописью. В отличие от большинства отдающих графоманством опусов начинающих писателей, она произвела впечатление образностью языка и глубоким психологизмом. И с марта 1934 под названием «Повесть с кокаином» (очевидно, авторским) начала публиковаться в отрывках парижским журналом «Иллюстрированная жизнь». В этом же году ее первая часть появилась в журнале «Числа», которому принадлежала честь открытия нового автора, а в 1936 «Издательская коллегия парижского объединения писателей» выпустила отдельное, полное издание книги уже под названием «Роман с кокаином»². Многочисленные рецензенты романа — среди них Д.Мережковский, Г.Адамович, В.Ходасевич, А.Бем и др.³ — при всех различиях в оценке художественных достоинств произведения, единодушно отметили появление нового литературного таланта. «Не первая ли это его вещь?» — проницательно спрашивал Д.Мережковский и далее ставил «Роман с кокаином» в один ряд с сочинениями И.Бунина и В.Сиринана-Набокова, но буквально в следующей же строчке, отказываясь от этого сравнения, заявлял: «...надо забыть и Бунина с его плотностью, и Сиринана с пустым блеском искусственного шелка, а вспомнить ... пожалуй, Достоевского — только Достоевского тридцатых годов нашего века».

С помощью ехавшей в Константинополь поэтессы Л.Червинской (1906-1988) редакции «Чисел» удалось связаться с «М.Агеевым», и, как теперь стало известно, по крайней мере один из редакторов журнала — Г.В. Иванов узнал, кто скрывался за псевдонимом⁴. Однако по непонятным нам пока причинам ни он, ни редактор рижской газеты «Сегодня» М.С. Мильруд, извещенный Г.Ивановым об истинном имени «М.Агеева», предпочли не открывать его публично. Еще более удивительно, что в декабре 1936 литературный критик той же газеты П.Пильский в очередной раз задавал в рецензии, помещенной в «Сегодня», вопрос «Кто такой Агеев» и с интонацией первооткрывателя сообщал то, что на самом деле являлось для редакции «Сегодня» (или только для определенного, посвященного круга лиц?) секретом Полишинеля: «...несколько месяцев тому назад я получил от Агеева письмо. Оказывается, он живет в Константинополе, и его подпись "Агеев" — псевдоним. Насколько можно судить на основании романа, этому беллетристу теперь перешло за сорок. Вот и все. Других сведений об Агееве у нас нет, а жаль. Это действительно приобретение, новый человек в нашей литературе, и в ней ему, по праву, должно быть отведено заслуженное место»⁵.

² Драматические обстоятельства публикации см. в воспоминаниях издателя книги В.Яновского «Поля Елисейские» (СПб., 1993. С.27).

³ Адамович Г. // Последние новости. 1936. 3 декабря; Бем А. // Меч (Варшава). 1938. 7 августа; Мережковский Д. // Меч. 1934. 5 августа; Пильский П. // Сегодня. 1934. 12 июля; 1936. 10 декабря; Резникова Н. // Рубеж. 1937. №5. С.24; Ходасевич В. // Возрождение. 1937. 9 января и др.

⁴ Об этом см.: Равдин Б. Об авторе «Романа с кокаином» // Даугава. 1992. №2. С.171-174.

⁵ Цит. по указанной публикации Б.Равдина (С.174).

Но признание не состоялось. И хотя в прессе еще появлялись отклики на роман, автор своих прав не заявлял, а в атмосфере предвоенной Европы литературные проблемы отошли на второй план. Роман забылся, литературоведы констатировали: «Пропал без вести Агеев»⁶.

Второе рождение «Романа с кокаином» произошло в начале 80-х годов, когда после перевода на многие языки (прежде всего усилиями Л.Швейцер) он получил международное признание. Большой читательский успех реанимировал поиски автора. Еще жива была Л.Червинская, но ее рассказ о некоем «Марко Леви», приехавшем в Константинополь из Берлина, куда он якобы попал после бегства из СССР ценой убийства красного офицера, и затем вернувшемся в СССР, — был признан сбивчивым и фантастическим. По-видимому, плохую услугу в доверии к ее версии сослужили намеки престарелой поэтессы на любовную связь с М.Леви. Другой свидетель — издатель романа В.С. Яновский⁷ — вспоминал о южноамериканском паспорте того же М.Леви, присланном из Константинополя в Париж для продления и затерянном Л.Червинской — его слова также показались легендарными и отмечены в статье Н.А. Струве «Роман-загадка», сопровождающей московское издание «Романа» 1990 года шестью (! — не можем удержаться от этого знака и мы) восклицательными знаками. Сам Никита Алексеевич выступил со смелой гипотезой, что «Агеев сверхгениальный подражатель Набокова, наперед знавший все дальнейшее его творчество, его совершеннейший alter ego, то есть попросту сам Набоков, приучивший нас к псевдонимам и мистификациям»⁸. Тем же, кто не разделил его убеждения в принадлежности «Романа с кокаином» Набокову, «остается, — считает Н.А. Струве, — только гадать, кто же мог быть автором прекрасного романа, ни в чем не уступающего мастерству Набокова 30-х годов...»⁹

Рискнем не согласиться с уважаемым автором — все же, кроме гадания, есть и другие, более надежные пути поиска истины.

«Роман с кокаином» предвставляет собой широко распространенный в 20-е годы тип «романа с ключом». Приметы времени, места, фигуры реально существовавших лиц буквально в изобилии рассыпаны по всему тексту, образуя не слишком сложную литературную головоломку.

Несколько лет тому назад один из авторов этой статьи (Г.Суперфин) высказал предположение, что хронотоп романа носит явственно очерченный автобиографический характер; «биографическое время» пронизывает всю сюжетную канву произведения и, следовательно, можно попытаться «математически» вычислить имя его автора. Для этого надо сравнить список выпускников московской частной гимназии Р.Ф. Креймана¹⁰ (в романе — Клеймана) 1916-го со списками поступивших в том же году на юридический факультет Московского университета (главный ге-

⁶ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М., 1992. С.170.

⁷ Яновский В.С. Указ. изд. С.218.

⁸ Струве Н.А. Роман-загадка // Агеев М. Роман с кокаином. М., 1990. С.202.

⁹ Струве Н.А. Роман-загадка. Указ. изд. С.221.

¹⁰ Об этой гимназии и ее отце-основателе см. комментарий к публикуемым документам.

рой романа Вадим Масленников учился именно там). Совпадение имен могло бы указать на возможного автора. Первая же попытка проверить эту гипотезу привела к самым неожиданным результатам. Среди фрагментарно сохранившихся материалов креймановской гимназии удалось обнаружить протокол (см. документ №1) заседания педагогического совета от 28 апреля 1916, зафиксировавший отметки учеников выпускного класса. Под номером 12 в нем значился Марк Леви! И рядом еще три имени действующих лиц «Романа» — Василий Буркевич, Айзенберг, Тикиджянц (в романе — Такаджиев). В числе прочих педагогов протокол подписан С.В. Семеновым и В.В. фон Фолькманом — учителями, также фигурировавшими в романе¹¹. Разумеется, обнаруженный документ не мог служить подтверждением авторства именно М.Леви, но заставлял со всем вниманием отнестись к свидетельствам Л.Червинской и В.Яновского, другим возможным автобиографическим деталям самого романа.

Дальнейшие поиски подтвердили правильность избранного пути. Архивы — отнюдь не закрытые и всем доступные — сохранили немало материалов, проливающих свет на жизненные реалии «загадочного господина Агеева» — Марка Леви. Конечно же, в фонде Московского университета нашлось его личное дело студента¹² — как и Вадим Масленников, он учился здесь с осени 1916. Но самое удивительное ожидало нас прямо на первой странице личного дела. Подшитое в обратном хронологическом порядке, оно начиналось с документа июля 1952 года! Ереванский государственный педагогический институт иностранных языков запрашивал МГУ о том, какие документы представлял «преподаватель нашего института Марк Лазаревич Леви» при поступлении в университет¹³. Получалось, что слова Л.Червинской о возвращении М.Леви в СССР также абсолютно точны. И таинственный автор «Романа с кокаином» теоретически мог быть еще жив, не ведая о мировой славе своего произведения.

Пока мы, из Мюнхена и Москвы, с 1991 запрашивали ереванские архивы об обстоятельствах жизни М.Леви в послевоенные годы, пришло и окончательное подтверждение его авторства по материалам Архива внешней политики СССР МИД РФ (см. настоящую публикацию), об этом же свидетельствовали и обнаруженные Б.Равдиным в фонде редакции газеты «Сегодня» письма Г.В. Иванова и самого М.Леви.

Итак, в основном проблема авторства «Романа с кокаином» решена. Литературной тайны, будоражившей столько лет воображение маститых литературоведов и поклонников «М.Агеева», больше не существует. Признаемся, мы и сами с некоторой долей грусти прощаемся с ней. Ибо, по верному замечанию публикатора «Романа» Д.Волчека, «привкус загадки никогда еще не вредил хорошей литературе»¹⁴. Впрочем, с подтверждением авторства настоящее «агееведение» только начинается.

¹¹ Краткое сообщение об этой находке см. в парижской «Русской мысли» от 15 ноября 1991.

¹² Московское городское объединение архивов (далее — МГОА). Ф.418. Оп.330. Д.1186. Одновременно с нами с этим делом ознакомился А.И. Рейтблат.

¹³ Там же. Л.1.

¹⁴ Агеев М. Роман с кокаином. М.: Терра, 1990. С.10.

«Роман с кокаином» никак не хочет расставаться со своими тайнами — и загадка авторства перерастает в загадку автора, возможно даже более увлекательную и волнующую.

В самом деле, сообщая в «Русской мысли» о первой архивной находке, мы никак не предполагали, что последующее увеличение корпуса биографических документов так запутает реконструкцию биографии Марка Леви, что и по сей день только некоторые факты его жизни можно считать окончательно проясненными.

С них и начнем.

Марк Лазаревич (Людвигович) Леви родился 27 июля 1898 (ст. ст.) в Москве в семье купца 1-й гильдии. Его отец — Лазер (Людвиг) Абрагам Леви¹⁵ (род. ок. 1843-ум. 10.10.1905) — выходец из Курляндской губернии, иудейского вероисповедания. Занимался торговлей коженными и меховыми товарами. Брат отца — Марк Абрамович Леви (род. ок. 1836), также имел в Москве торговлю коженными товарами, но постоянно проживал в Казани¹⁶. Мать — Цецилия Мироновна (род. ок. 1858-1933; урожд. Лев) — после смерти мужа вступила в купечество по 2-й гильдии¹⁷. В семье Леви, кроме Марка, было еще трое сыновей: Александр (25.06.1881-1939?) — служащий банка (только о нем упоминает М.Л. Леви в различных документах и в рассказе «Паршивый народ»); Мирон (Мейнгард, 13.06.1882-?) ; Владимир (Вольдемар, 17.03.1889-?) — юрист (в 1916 был принят в сословие присяжных поверенных), после революции, по-видимому, работал в ВСНХ (помощник начальника инспекторского отдела (1919), член коллегии организационно-инспекторского подотдела транспортно-мобилизационного отдела)¹⁸.

Многие годы семья Леви проживала на Цветном бульваре, д.22 (строение 5); опись домового владения, принадлежавшего московскому купцу 1-й гильдии А.Р. Герценбергу¹⁹, зафиксировала, что Леви занимали в доме четырехкомнатную квартиру (№33) на 3-м этаже²⁰ — именно этот дом и эта квартира с топографической точностью описаны в «Романе с кокаином», в чем легко убедиться каждому, ибо дом сохранился и даже не поменял своей нумерации.

В августе 1912 Марк Леви поступил в Креймановскую гимназию и проучился там до мая 1916. Почти сразу после окончания гимназии, в июне 1916 крещен пастором Брюшвейлером в евангелическо-реформатском приходе г.Москвы.

¹⁵ Сведения о нем см., например, в «Справочной книге о лицах, получивших на 1894 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве» (М., 1894. С.27), а также «Дело по предписанию Московской казенной палаты о причислении на 1890 год в Московское купечество газенпотского 1 гильдии купца Лазера (Людвига) Абрагама Леви» (МГОА. Ф.3. Оп.4. Д.1057).

¹⁶ МГОА. Ф.3. Оп.4. Д.1058.

¹⁷ Там же. Д.3468.

¹⁸ См.: РГАЭ. Ф.3429. Оп.2. Д.2284. Л.1об., 73.

¹⁹ Описание владения см.: МГОА. Ф.179. Оп.63. Д.12951.

²⁰ Там же. Л.2об.

В июле 1916 Леви подает прошение ректору Московского университета «о зачислении в студенты математического, а при отсутствии вакансии юридического факультета»²¹ и с сентября начинает заниматься на математическом отделении физико-математического факультета. Осенью следующего года он все же переводится на юридический факультет; учеба, видимо, не заладилась — достоверно известно только то, что в мае-июне 1922 Леви забирает документы из университета, а на его заявлении появляются две пометы: «Из числа студентов выбыл в 1918 г.» и «Увол[ен] 12.11.1920 г. за непредост[авление] док[ументов] по воин[ской] пов[инности]»²².

В известных нам автобиографиях М.Леви 40-х и 60-х годов, написанных по разному поводу, он примерно одинаково повествует о годах гражданской войны — с 1918 работа в транспортно-мобилизационном отделе ВСНХ, затем откомандирование в поезд особоуполномоченного Совета труда и обороны М.К. Владимирова, поездки с ним на фронт и даже контузия. Попытки хоть как-то документировать этот «героический» период его жизни пока ни к чему не привели. И, кажется, не приведут. Как мы увидим ниже, почти всякий раз стремление документально подтвердить его собственное жизнеописание наталкивается на отсутствие документов или упоминаний в них М.Леви. Для периода гражданской войны это неудивительно. Настораживает другое — знакомство с источниками непременно обнаруживает какую-нибудь похожую фигуру, этакого двойника — Леви да не тот. Вот и в Трамате ВСНХ как минимум в течение 1918-1919 служил его брат, но никаких упоминаний Марка Леви нет.

В период нэпа, примерно с 1923, Леви, по его рассказам, служил переводчиком в Аркосе (All Russian Cooperative Society Limited) — скандально знаменитой ГПУ-шной организации. Материалы Аркоса, в т.ч. и по личному составу (вплоть до курьеров и уборщиц), за начало 20-х годов сохранились неплохо, однако и здесь никаких следов М.Леви мы не нашли. Безусловным фактом можно считать только его отъезд в Германию на рубеже 1924-1925. Чем занимался Леви в Германии? По одной из его версий — «хотел изучать красильное дело», а директор фабрики, на которой он работал, купил ему парагвайский паспорт (ср. воспоминания В.С. Яновского). По другой — он еще и успел закончить в Лейпциге филологический факультет местного университета, вот только в ответ на наш запрос университетский архив ответил, что такой студент не числился и за последние двести лет. Как бы там ни было, но в начале 1930-х он уже в Турции (Константинополь). Последующие десять лет его жизни полны еще больших неясностей и загадок. Так, в документах на получение советского гражданства, адресованных Наркомату иностранных дел (и соответственно для НКВД), он рассказывает о своем пребывании в Турции в течение 1930-1942, работе в книжном магазине известной французской фирмы «Ашет», конечно же в отделе по распространению советской книги, о переводческом содействии корреспонденту ТАСС в Стамбуле (см. публикацию). Когда же заполняет советские вузовские анкеты в 60-е годы, то

²¹ МГОА. Ф.418. Оп.330. Д.1186. Л.15.

²² Там же. Л.10, 10об.

придерживается совершенно иной канвы: получается, что за эти годы он успевает по несколько лет пожить во Франции, Швейцарии, Турции, занимаясь преподаванием иностранных языков, т.е. непосредственно тем, что подтверждало бы его профессиональный статус.

В 1942 Леви высылается турецкой полицией в СССР. Как видно из публикуемых документов, это соответствовало его желанию вернуться на родину²³, но связано, по-видимому, было с громким «делом Палена» — попыткой покушения на германского посла в Турции, в причастности к которой турецкие власти обвиняли некоторых советских граждан.

Сразу после возвращения в СССР М.Леви поселился в Ереване, где провел все оставшиеся годы жизни. Преподавал немецкий язык в университете, на кафедре иностранных языков Академии наук Армении. Рассказывают, что написав кандидатскую диссертацию о глаголе, уничтожил ее — за ненадобностью? Женился, вел довольно замкнутый образ жизни, предпочитая семейный круг общения и немногих друзей. Не менее раза в год ездил в Москву — к кому неизвестно. Хобби — любительская киносъемка, музыка. Много курил, собирал игральные карты и любил повторять, что в жизни надо испробовать все. Скончался 5 августа 1973 в Ереване, здесь же похоронен. Это почти вся информация, которую нам смогли сообщить его родственники. Маловато? — но очень в стиле «загадочного господина Агеева».

Его судьба совершенно особого, парадоксального свойства: в контексте отечественной культуры начала века, где личное, индивидуальное начало становится смыслообразующим ядром эстетической и духовной систем, абсолютно самодостаточной ценностью, претендующей на доминирование и даже подавление, фигура Марка Леви, подобно вагиновскому Свистонову «целиком перешедшего в свое произведение», растворившегося в нем, — выглядит антикультурно, а его поступок — отказ от авторства — просто вызывающим.

Подчеркнутая невключенность в литературный процесс российского зарубежья, несвязанность (а может, и несовместимость?) с какими-либо группами или течениями, обособленность, одиночество и анонимность, в то же время — авантюризм, склонность к мистификациям и жажда риска составляют органические черты этой маргинальной личности.

Почему Леви «не обнаружился» после появления хвалебных рецензий на «Роман»? Не знал о них? — вряд ли. А может быть, ответ следует искать опять в самом «Романе»: «...сплошь да рядом уже случалось, что зарекомендованные знаменитости, эти пятерочки изящного искусства, получали у своих критиков восторженные отзывы даже за такие слабые и безалаберные вещи, что будь они созданы кем-нибудь другим, безымянным, то разве что в лучшем случае он мог бы рассчитывать на такаджиевскую тройку. Главной же трудностью /.../ была не его безымянность, а что гораздо хуже, годами установившаяся репутация посредственно-троечника, и вот эта-то репутация посредственности особенно ме-

²³ Установить время получения М.Л. Леви советского гражданства не удалось. Ни в картотеках бывшего Верховного Совета РСФСР, ни в материалах ГА РФ он не числится.

шала ему двигаться и стояла пред ним нерушимой стеной»²⁴ — и это сказано о себе?

При отсутствии надежных материалов легко предложить еще множество вариантов. Ясно одно — художественный текст этого автора более документален²⁵, чем любые исходящие от него официальные материалы. Стоит вообще серьезно подумать о том, какие источники наиболее полно и точно отражают бытие 20-30-х годов. Такое впечатление, что художественная литература XX века оказывается часто более документальной, чем многие привычные профессиональному историку материалы.

Вот почему для настоящей публикации мы отобрали лишь несколько из имеющихся в нашем распоряжении биографических документов М.Л. Леви. Степень их достоверности еще не выяснена окончательно; это скорее заявка на тему, чем ее решение. То же касается и кратких примечаний к публикуемым документам. Нисколько не претендуя сейчас на точное установление прототипов персонажей «Романа», мы все же решились обозначить некоторые, перспективные для разработки с этой точки зрения, персоналии. Будем благодарны всем, кто сможет дополнить или опровергнуть наши материалы.

Текст документов передается в современной орфографии с сохранением всех стилистических особенностей их создателей; заголовки документов, не отмеченные квадратными скобками, — принадлежат оригиналу, отмеченные — публикаторам. В квадратные скобки заключены и все их добавления.

Приносим искреннюю благодарность за большую помощь в работе М.Е. Халеян, Ю.Д. Отставнову и В.Г. Виноградовой, К.Д. Крейману, В.А. Мемеловой; А.И. Добкину, без которого архивный мост «Москва—Мюнхен» не состоялся бы.

---

²⁴ Агеев М. Указ. изд. С.30-31.

²⁵ Единственный известный рассказ М.Леви «Паршивый народ» также построен на вполне конкретных реалиях московской жизни начала 1920-х. Имена упоминаемых в нем «защитника Усова» (Николая Андреевича) и «председательствующего» в Мосгубсуде Сината (Эдуарда Карловича), официальных судебных разбирательств по делам «студийек», «судейских», «кассиров», «милицейских» и др. фигурируют в центральной и городской прессе 1923-1924 (см., напр.: Известия. 1923. 5 апреля, 29 мая, 4, 6, 8 июня и др.; Вечерняя Москва. 1924. 29 февраля). Прототипом «дела Руденко» могло послужить рассматривавшееся дважды на протяжении 1923, сначала в апреле (Военной коллегией Верховного Суда РСФСР), затем в ноябре (Мосгубсудом) дело Дмитрия Трофимовича Стецуря, обвинявшегося в еврейских погромах на Украине и Северном Кавказе и приговоренного к расстрелу (Судебное дело см.: ЦГАМО. Ф.5062. Оп.3. Д.253; о процессе см.: Известия. 1923. 24 апреля). Отметим, что немало страниц посвящено Стецуре в мемуарной книге Ильи Сельвинского «О, юность моя!» (Собр. соч.: В 6 тт. Т.6. М., 1974). Ему же принадлежит поэма «Казнь Стецюрю», впервые опубликованная в 1925 (Госплан литературы: Сборник литературного центра конструктивистов. М.; Л.).

Б.Л. Пастернак. 1948.

Мари Леви

М.Л. Леви. 1916. Фото из студенческого личного дела.
ЦГИА Москвы. Ф.418. Оп.330. Д.1186. Л.23.

Р.Ф. Крейман на крыльце своей гимназии. 1910-е.
Из собрания семьи В.Д. Отставнова — В.Г. Виноградовой.

А.А. Корнилов с сыном Володей. 1890-е.

**А.А. Корнилов с дочерью Талочкой.
Галахи (?). 1913-1914 (?).**

П.Н. Милуков. Рис. А.А. Корнилова. 1916.

Наталья Павловна Милюкова, дочь П.Н. Милюкова. 1913.

Д.И. Шаховской. 1905.

Д.И. Шаховской. Рис. А.А. Корнилова. 1916.

Слева направо: Н.В. Ильинская, Н.Д. Шаховская,
А.Д. Шаховская (?), Г.В. Вернадский (?), М.В. Шик. 1910-е.

С.Ф. Ольденбург. 1920-е. ЦГАКФФД С.-Петербурга.

**Наталья Федоровна Корнилова (ур. Ольденбург),
дочь Ф.Ф. Ольденбурга, жена В.А. Корнилова. 1930-е.**

Э.Ф. Голлербах в Ленгизе. 1925.

И.И. Лазаревский у себя дома. 1930-е.

Экслибрис Э.Ф. Голлербаха работы А.М. Литвиненко.

Экслибрис И.И. Лазаревского работы Н.Н. Купреянова.

А.М. Ремизов. 1954. Фото Pierre Ligeу. На обороте автограф:
«Наташе Резниковой Алексей Ремизов. 24.XI.1954. В жизни мученика
вы были свидетельница моих последних дней — такое мое чувство,
когда пробудясь от кашля я лежу (и курю) безнадежно в "смертной
тоске". Последние силы ушли за болезнь в ваши две недели ночного
тревожного надзора-"креста" и сохранили мне жизнь».

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗИИ КРЕЙМАНА¹
28 апреля 1916 г.

На заседании присутствовали: Г. Директор гимназии Р.Ф. Крейман², И.об. Инспектора А.А. Победоносцев, законоучитель протоиерей С.Г. Попов³ и преподаватели — Н.С. Титов, С.С. Соколов, С.В. Сергиевский, С.В. Семенов⁴, И.С. Тандов, С.Н. Рукуйж, С.С. Щербаков, В.В. фон Фолькман⁵, А.П. Кедров и К.А. Зарин.

1. Заслушаны были циркуляры Господина Попечителя Московского учебного Округа, а именно от 19 февраля 1916 года за №6642 [от] 17 марта [1916 года за] №9643 [от] 26 [марта 1916 года за] №106 [от] 29 [марта 1916 года за] №10991 [от] 1 [апреля 1916 года за] №11569 [от] 20 [апреля 1916 года за] №12610 [от] 26 [апреля 1916 года за] №13370 и отношение Императорского Общества ревнителей истории от 19 апреля с-г. за №12605 о приобретении портрета Наследника Цесаревича в походной форме с георгиевской медалью.

Решено: принять к сведению, руководству и исполнению.

2. Заслушано прошение Г.М. Арафелова о разрешении сыну его — ученику V класса Александру Арафелову держать экзамен осенью в виду его болезни (скарлатина).

Постановлено: оставить этот вопрос до заключительного Совета.

3. Заслушано полученное из Округа прошение священника Благовидова — опекуна ученика VII класса Татаркина Леонида о разрешении последнему остаться в VII классе на 2-й год по болезни, о чем и представлено свидетельство от доктора.

Постановлено: донести Господину Попечителю Округа, что со стороны Педагогического Совета к удовлетворению означенной просьбы препятствий не встречается, если на то последует разрешение Господина Попечителя Московского Учебного Округа.

4. Во исполнение циркулярного предложения Господина Министра Народного Просвещения от 11 февраля с/г. за №1310, предложенного предложением Г.Попечителя Московского Учебного Округа от 15 марта с/г. за №9487, были выставлены окончательные отметки ученикам VIII класса, а именно:

Фамилия и имя	Закон Божий	Русский яз. и словесность	Философская пропедевтика Латинск. яз.	Математ.	Математ. география	Физика	История	Законоведение	География	Французск. яз.	Немецк. яз.
1. Айзенберг Евгений ⁶	-	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
2. Ауэ Николай	4	3	3	3	3	4	3	3	3	3	3
3. Баруздин Алексей	5	4	3	5	3	5	3	4	3	4	5
4. Большов Иван	4	3	4	3	3	3	3	3	3	3	4
5. Буркевиц Василий ⁷	3	3	3	3	4	4	4	3	3	3	3
6. Гетамянц Сурен	-	3	3	3	3	3	3	3	3	4	3
7. Драбкин Давид	-	3	3	3	3	3	3	3	3	3	4
8. Ерганжиев Степанос	-	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
9. Забелкин Федор	5	4	3	3	4	5	5	4	4	4	4
10. Круковский Конст.	5	4	4	4	3	5	5	3	3	4	3
11. Левенсон Александр	3	3	3	3	4	3	3	3	3	3	3
12. Лави Марк	-	3	3	3	3	3	3	4	3	3	4
13. Лильпоп Стефан	-	3	3	3	4	5	5	3	3	5	4
14. Лямин Глеб	5	3	4	4	4	5	5	3	3	5	5
15. Мау Эрих	-	3	3	3	4	4	3	3	3	4	3
16. Мигачев Александр	5	5	5	4	5	5	4	5	5	5	5
17. Пахомов Георгий	3	3	3	3	3	4	4	3	3	4	3
18. Петин Петр	4	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
19. Протопопов Николай	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
20. Сатаров Николай	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
21. Смирнов Михаил	3	3	4	3	3	4	4	3	3	4	3
22. Стеклов Сергей	3	3	4	3	3	4	5	4	3	5	3
23. Тер-Симонянц Никита	-	3	3	3	3	3	3	3	3	4	3
24. Тикиджянц Григор ⁸	-	3	3	3	3	4	4	3	3	3	3
25. Толстой Павел	5	3	4	4	3	5	5	3	4	3	4
26. Тромщинский Юлиуш	-	3	3	3	3	4	4	3	3	3	3
27. Усольцев Александр ⁹	5	3	4	4	4	5	5	3	5	3	4
28. Флеров Антон	3	3	3	3	3	4	4	3	3	3	3
29. Чистяков Иван	4	3	4	4	4	5	5	4	4	3	4
30. Шик Григорий ¹⁰	-	5	5	5	5	5	5	4	5	4	5
31. Шилов Георгий	3	3	3	3	3	3	4	3	3	3	3

Постановлено выдать медали: золотую Айзенбергу и серебряные — Мигачеву и Шиху.

Директор Р.Крейман
И.об. инспектора А.Победоносцев
С.Сергиевский
И.Тандов
А. ф. Фолькман
С.Семенов
законоучитель прот. С.Попов
С.Щербаков
В. фон Фолькман

МГОА. Ф.359. Оп.1. Д.10. Л.67об.-68об. Автограф.

БИОГРАФИЯ

Леви Марка Леонтьевича¹¹,
 проживающего в г. Стамбуле
 (Турция), Бейоглу Уешил
 Сокак №29

Родился в еврейской купеческой семье в Москве 1898 г. 27.7. ст.ст. Семья разорилась и мне и матери моей помогал брат Александр, ныне проживающий в Москве, служивший тогда в банке. Образование получил среднее (гимназия Креймана) — теперь 1-ая показательная. После окончания пытался продолжать образование в Моск[овском] Ун[иверсите]те, служил в мелком банке, давал уроки.

В 1918-м году работал в Трамот'е ВСНХ, много бывал в командировках. Так всю осень и до начала января провел в поезде или близ уполном[оченного] СТО Мирона Константиновича Владимирова¹² (сдача Курска, Орла, прорыв Мамонтова и снова взятие до полного уничтожения врага)¹³.

В период НЭП'а работал в Аркос'е. В январе 1925 года уехал в Германию по заграничн[ому] паспорту выдан[ному] АОМС'ом¹⁴. Хотел изучить красильное дело, но не сумел попасть на работу в красильную фабрику, получил работу в Лейпциге в фирме Кист Вахтел, а потом в фирме Эйтингон А.Г.¹⁵ В 1930 году остался без работы. В 1927 г. (или в 1926?) директор купил мне парагвайский паспорт (Мюнхен. Консул Мюллер-Гнаденег)¹⁶. По этому паспорту приехал в Стамбул. Здесь в начале попал в большую нужду, потом постепенно оправился, давал уроки, служил немецким корреспондентом у газетчика М.Карака. В фирме Ашет служу 6-ой год.

М.Леви.

1939 год*.

*Архив внешней политики СССР МИД РФ.
 Фонд Генерального консульства СССР в Стамбуле.
 Оп.30. Д.51. Л.18. Машинопись.*

* Имеется помета рукой неустановленного лица: «Копия верна. [Подпись]. Подлинник отправлен в Центр с анкетами. 19.7.42 г. [Подпись]».

[СПРАВКА ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА СССР В СТАМБУЛЕ
В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ]*

ЛЕВИ МАРК ЛЕОНТЬЕВИЧ (Лазаревич) — парагвайский подданный рождения 1898 года в г.Москве. Происходит из бывшей купеческой семьи, уже разорившейся в 1906 г. Получив образование в объеме гимназии в Москве, Леви с 1918 до конца 1924 г. работал в ВСНХ и Аркосе, а затем по советскому заграничному паспорту выехал в Германию для освоения дела крашения мехов. Устроившись на работу в немецком концерне «Эйтингон Шильд», он уже больше не возвращался в Союз, променяв по его словам, советский паспорт на парагвайский.

В 1930 г. он покинул Германию и приехал в Турцию, где занимался преподаванием языков и даже литературной деятельностью. Им написана книжка под названием «Повесть с кокаином» и вышла в парижском эмигрантском издании «Дом книги».

Леви указывает, что это безобидная книжка, в ней не содержится ни одного слова, направленного против СССР, и вообще его вынужденное произведение, написанное ради своего существования.

Из имевших место бесед можно было бы сделать тот вывод, что Леви видимо продумал и осознал глубину совершенной им ошибки и старается заглазить ее на практической работе в фирме «Ашет» путем реализации антифашистской литературы и советских изданий. На протяжении последних лет он работает в этой фирме и поддерживает свои деловые связи с Торгпредством.

Из разговоров можно также усмотреть, что Леви честно настроен в отношении СССР и производит не плохое впечатление. Однако Консульство еще слишком мало его знает, чтобы дать о нем безошибочное и всестороннее заключение. Вместе с тем мы не имеем каких-либо данных, которые компрометировали бы его. Поскольку он нам мало известен, мы считаем целесообразным воздержаться от приема в сов[етское] гражданство и не поддерживаем его ходатайства.

г.Стамбул
22.IV.39 г.

Генконсул СССР в Стамбуле
[подпись] (Георгиевский)

Секретарь [подпись] (Ипатов)

*Архив внешней политики СССР МИД РФ.
Фонд Генерального консульства СССР в Стамбуле.
Оп.30. Д.51. Л.1об. Машинопись.*

* Имеется машинописная помета: «См. наше отдельное письмо».

С.С.С.Р.
 НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
 ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО СССР В СТАМБУЛЕ

№530
 9.5.1942 г.

КОНСУЛЬСКИЙ ОТДЕЛ — НКВД*
 Тов. Беляеву

Настоящим ставим Вас в известность, что советскому гражданину Леви Марк Леонтьевичу 27/4 было предложено стамбульской полицией покинуть в течение недели, т.е. к 4/5 с.г. Турцию. Причины высылки Леви сообщены не были.

30/4 генконсул посетил зам. стамбульского губернатора и просил его сообщить нам мотивы высылки Леви и временно отложить его выезд.

4/5 начальник полиции сообщил нам по телефону, что гражданин Леви высылается из Турции по указаниям, поступившим из Анкары (министерство внутренних дел), причины же высылки ему неизвестны и добавил, что он разрешает отсрочить его выезд до 10-го мая.

Гражданин Леви возбудил ходатайство перед Иранским генконсульством о въезде в Иран, его заявление мы поддерживаем.

За последние годы гражданин Леви заведывал русским отделом книжной фирмы «Ашет», с которой Торгпредство имеет договор на поставку для Союза иностранной литературы и на реализацию советской литературы в Стамбуле.

Генконсул СССР в Стамбуле   [подпись] (Ахимов)
 Вице-консул   [подпись] (Салихов)

*Архив внешней политики СССР МИД РФ.
 Фонд Генерального консульства СССР в Стамбуле.
 Оп.30. Д.51. Л.4. Машинопись.*

* На письме имеется резолюция неизвестного лица: «Т.Голиченкову. См. с/ар. [ПБ-?] 30/V выдана виза на въезд в СССР №150503. См. исх. 1311 от 26.4.42».

[АНКЕТА-ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИЕМЕ
В СОВЕТСКОЕ ГРАЖДАНСТВО]*

Ф. №95.

Фамилия, имя, отчество Леви Марк Леонтьевич (Лазаревич)
Год и место рождения 1898 27.7. ст.ст. Москва
Гражданство (прежде и теперь) . Ранее СССР (РСФСР), ныне Парагвай
Семейное положение Холост
Образование, основная профессия Моск. гимн. — хозяйственник
Цель поездки, куда и на какой срок в СССР на пост.
Когда и по какому документу выехал из СССР и через какой погранпункт в 1925 г. заграничн. паспорт СССР — на Ригу
Последнее местожительство в СССР (России) Москва, Петровка 20
К какой политич.** беспарт.
[Родственники в СССР] брат Александр Леонтьевич Леви Ленинградск. шоссе 26/13
Сообщая о себе вышеуказанные сведения, прошу принять меня в гражданство РСФСР и тем самым в гр. СССР
Подпись (Марк Леви)

*Архив внешней политики СССР МИД РФ.
Фонд Генерального консульства СССР в Стамбуле.
Оп.30. Д.51. Л.1. Автограф.*

* На анкете имеются следующие пометы: 1. В правом верхнем углу: «Ко-11643»; 2. В левом верхнем углу: «Пров. [подпись нрзб.]. 17.IV.39 г. В дело»; 3. Штамп: «Проверено».

** Поверх следующих типографских строк вклеена фотография М.Л. Леви.

[АНКЕТА-ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЪЕЗД В СССР]

Форма №51

*Писать четко, обязательно чернилами или на машинке
Deutlich schreiben. Nur mit Tinte oder an der Schreibmaschine**

1. *Фамилия (для женщин указать также и девичью фамилию).
Familiennamen (bei Frauen auch Mädchenname).*
Леви
2. *Имя и отчество.
Vor-und Vatersname.*
Марк Леонтьевич
3. *Год и место рождения.
Geburtsjahr und Geburtsort.*
1898 Москва
4. *Семейное положение.
Familienstand.*
Холост
5. *Гражданство (прежде и теперь)
Staatsangehörigkeit (früher und jetzt).*
СССР
6. *Национальность.
Nationalität.*
еврей
7. *Образование.
Bildung.*
среднее
8. *Основная профессия, чем занимаетесь и на чьи средства проживаете. Если работаете, то где именно (наименование учреждения, предприятия).
Hauptberuf, gegenwärtige Beschäftigung, Erwerbsquelle, Bei den Arbeitenden: Arbeitsort (Unternehmensbenennung).*
служащий, работаю в книжном магазине Ашет в Стамбуле
9. *Какими властями выдан заграничный паспорт, № паспорта и дата выдачи.
Von welcher Behörde ist ihr Pass ausgestellt? Nummer, Ausstellungsdatum?*
Генконсульство СССР в Стамбуле

* Ниже, в правом верхнем углу вклеена фотография М.Л. Леви.

10. Когда хотите ехать и как долго намерены пробыть в СССР.
Wann wollen Sie reisen? Beabsichtigte Dauer Ihres Aufenthalts in der U.d.S.S.R.?

24.5.42 — на постоянное жительство

11. Через какой пограничный пункт намерены въехать.
Grenzeingangsstelle

Ленинакан

12. Цель поездки и в какую местность СССР предполагаете ехать.

Reisziel und beabsichtigter Aufenthaltsort in der UdSSR.

На жительство в Москву

13. Представителем какого учреждения, организации или фирмы являетесь и с какими учреждениями и организациями в СССР полагаете вступить в сношения и переговоры?

Welche Behörde, Organisation oder Firma vertreten Sie und mit welchen Behörden und Organisationen in der U.d.S.S.R. beabsichtigen Sie in Verkehr bezw. Verhandlungen zu treten?

[прочерк]

14. Фамилия, имя, отчество детей (до 16 лет), едущих с Вами.
Familiennamen, Vor- und Vatersnamen der mit Ihnen reisenden Kinder (unter 16 Jahren)?

[прочерк]

15. Были ли ранее в СССР (или дореволюционной России), где и чем занимались?

Sind Sie schon früher in der U.d.S.S.R. (oder, vor der Revolution, in Russland) gewesen? wo? Art der früheren Beschäftigung?

в Москве до 1924 г. — служил с 1918 г. в
Трамот ВСНХ и позднее в Аркос'е

16. Когда и при каких обстоятельствах выехали, по какому документу и через какой погранпункт?

Wann und unter welchen Umständen sind Sie abgereist, mit welchem Dokument und über welche Grenzstelle?

по советскому паспорту на Ригу

17. Если принимали участие в военных действиях против СССР, то на каком фронте, когда, в какой части, в качестве кого, были ли взяты по набору или добровольно?

Falls Sie an Kriegsaktionen gegen die U.d.S.S.R. teilgenommen hatten: an welcher Front? Wann? Bei welchem Truppenteil, in welchem Grad, mobilisiert oder freiwillig?

Нет

18. Подвергались ли каким-либо судебным преследованиям или наказаниям (где, когда, за что)?

Wurden Sie gerichtlich verfolgt oder bestraft (wo, wann, wofür).

Нет

19. Имели ли недвижимое имущество в СССР, какое именно, где?
Hatten Sie Grundbesitz in, der U.d.S.S.R., was für einen? Wo?

Нет

20. К какой политич. партии принадлежите или принадлежали и с какого времени, а если вышли из партии, то укажите, когда и почему?

Sind Sie oder waren Sie Mitglied einer politischen Partei, welcher, seit wann? Falls Sie aus der Partei ausgetreten sind, so geben Sie an, wann und aus welchem Grunde?

Беспартийный

21. Фамилия, имя, отчество, возраст и подробные адреса родственников, проживающих в СССР?

Familienname, Vor- und Vatersname, Alter und die genaue Adresse der in der U.d.S.S.R. lebenden Verwandten?

брат — Александр Леонтьевич Леви —
адреса не знаю

Сообщая о себе вышеуказанные сведения, прошу разрешить мне въезд в СССР.

Unter Darlegung obenstehender Angaben bitte ich um Einreisegenehmigung in die U.d.S.S.R.

Подпись
(*Unterschrift*)

Марк Леви

Адрес: Стамбул, Альон сок 31
(*Adresse*) Бейоглу

Архив внешней политики СССР МИД РФ.
Фонд Генерального консульства СССР в Стамбуле.
Оп.30. Д.51. Л.14-15. Автограф.

7

[КАРТОЧКА РЕГИСТРАЦИИ
СОВЕТСКИХ ПОДДАННЫХ ЗА ГРАНИЦЕЙ]*

1. Фамилия, имя и отчество (а при перемене и прежняя фамилия, имя, отчество)

Леви Марк Леонтьевич (Лазаревич)

2. Дата и место рождения

27/VII-1898 г. Москва
(ст. ст.)

* В правом верхнем углу вклеена фотография М.Л. Леви.

3. № паспорта, кем выдан и когда
Вид на жительство №58844/134, выданный Генконсульством СССР в Стамбуле от 22/VIII-1940 г.
4. Лица, внесенные в паспорт
Нет.
5. Срок действия паспорта и отметка о продлении
22/VIII-1941 года
6. Дата и цель приезда
Выехал в январе 1925 г. по загранпаспорту АОМС'а в Германию учиться краильному делу (не по командировке, а как частное лицо).
7. Срок пребывания за границей
15 лет.
8. Профессия и средства к существованию за границей
работает в книжном магазине «Ашет» — зав. совет. и нем. отделом и заказами научн. ин-тутов, заработок 120 т.л. в м-ц
9. Где проживал в СССР и чем занимался
Москва, Петровка, 20, служил в Трамот'е ВСНХ, позднее в АРКОС'е.
10. Имеет ли родственников в СССР, их фамилии и адреса
Брат — Александр Леонтьевич Леви, Ленинградское шоссе 26/13, г.Москва
11. Имеет ли родственников за границей, их фамилии и адреса
Нет (были до 1914 г., после чего связь утеряна)
12. Дата регистрации
22/VIII-1940 г.
13. Когда и куда выбыл
24 мая 1942 г. выехал в Сов. Союз*
14. Адрес
Стамбул, Бейоглу, Yesil sok №29 Haset Kitaperi Ietiklal cal.469, тел.49470**.

*Архив внешней политики СССР МИД РФ.
Фонд Генерального консульства СССР в Стамбуле.
Оп.30. Д.51. Л.17-17об. Машинопись, автограф.*

* Запись сделана другим лицом (чернила).

** Запись по-турецки сделана чернилами (М.Леви).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История гимназии начинается в 1858, когда ее основатель — Франц Иванович Крейман (1828 — 30 июля 1902) открыл частную школу в Москве, в 1865 получившую статус гимназии. В 1871-1905 располагалась на углу Петровки и Богословского переулка, в описываемые М.Л. Леви времена — в Старопименовском пер., 5, где существует и поныне (школа №1175). Здесь учились многие известные деятели культуры — В.Я. Брюсов, Ю.В. Готье, Б.Р. Виппер и др. После 1917 в помещении гимназии недолго располагался ветеринарный институт; затем вернулось по назначению.

² Сын основателя гимназии, *Рихард Францевич Крейман* (1872 — 12 апреля 1938; похоронен на немецком Введенском кладбище в Москве), возглавил ее в 1912. В 1898 окончил медицинский факультет Московского ун-та со степенью лекаря. С 1918 преподаватель природоведения, с 1923 на службе в Гослаборснабжении НТО ВСНХ в должности помощника бухгалтера. В начале 30-х — безработный, иногда — на временных работах (технический переводчик на 1-м Государственном автомобильном заводе «АМО», в НИИ станков и инструмента «НИИСТИ»).

Женат на Вере Ивановне Бокк (1876-1931). Ее брат — Борис Иванович Бокк — муж дочери П.А. Столыпина — Марии Петровны. В последние годы В.И. Бокк-Крейман работала библиотекарем НТО ВСНХ. Имели двоих детей: Дмитрия (1904-1963) и Александру (в замужестве Виноградова, 1907-1988).

³ *Попов Сергей Григорьевич* (16.06.1870-?) — сын священника с.Свинорья Звенигородского уезда Московской губ. Г.А. Попова. Окончил Заиконоспасское духовное училище, затем Московскую Духовную семинарию (1884-1890) и Московскую Духовную Академию (1891-1895, со степенью кандидата богословия), до ноября 1897 — псаломщик Московской Георгиевской на Красной Горке церкви, далее переведен на должность учителя арифметики и географии в Волоколамское духовное училище. В гимназии Креймана с августа 1897, в 1915 — ключарь Верхоспасского собора.

⁴ *Семенов Сергей Васильевич*. Окончил Московский ун-т. Преподавал также в дворянском пансионе-приюте.

⁵ *фон Фолькман Василий Васильевич* (Вильгельм Вильгельмович; ?-1919) выпускник Петербургского филологического ин-та. Преподаватель немецкого языка; преподавал в Лицее Цесаревича Николая, в женских гимназиях. По характеристике искусствоведа В.К. Станюковича, выпускника Креймановской гимназии и одноклассника В.Я. Брюсова, соединял «в себе немецкий педантизм с высококлассицизмом остзейского полубарона» (Литературное наследство: Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.717).

Женат на дочери Ф.И. Креймана — Анне Францевне. Имел четверых детей. Одна из дочерей — Елизавета, вышла замуж за Ивана Алексеевича Усольцева.

⁶ *Айзенберг Евгений Евсеевич* (4 января 1899, Пермь — ?) — сын подольского мещанина. В 1916-1924 учился на естественном отделении физико-математического факультета МГУ по специальности «зоология», однако большую часть периода гражданской войны провел в Крыму на лечении (командирован как сын ответственного работника). В анкете 1924 писал, что является членом профсоюза текстильщиков, в графе «на какие средства живете» отметил: «нерегулярно давал уроки музыки». В 1946 — научный сотрудник МГУ (МГОА. Ф.418. Оп.330. Д.35).

⁷ *Буркевиц Василий Евстафьевич* (13 марта 1897 — ?). Сын поручика. В 1916 поступил на юридический факультет Московского ун-та; в этом же году подал прошение ректору о выдаче копий документов для предоставления в Александровское военное училище (без увольнения из университета), к маю 1917 выбыл из университета, далее следы теряются. В Архиве РАН имеется личный фонд Евстафия Евстафиевича Буркевица (1895?-1946) — инженера-технолога стекольно-фарфоровой промышленности; зав. секцией приборов отдела снабжения НТО ВСНХ (1920), автора перевода с английского драмы-феерии «Печаль сатаны» (М., 1917) — возможно, брата В.Е. Буркевица; однако практически никаких упоминаний о семье Буркевица в этом фонде нет.

⁸ *Тикиджянц (Тикиджи) Григор (Кригор) Иванович (Ованесович)* (10 мая 1892 — ?). Уроженец Нахичевани, сын мещанина. В 1916 поступил на медицинский факультет Московского ун-та. В 1929 врач-венеролог клиники 2 МГУ.

⁹ *Усольцев Александр Федорович* (2 мая 1898 — 1929). Сын известного врача-психиатра, директора лечебницы-санатории для нервно- и душевнобольных и алкоголиков, общественного деятеля, переводчика Энгельса, Федора Арсеньевича Усольцева (1863-1947). В.Я. Брюсов вспоминал о нем: «Доктор Усольцев, знакомый всей Москве завсегда́тай всех "премьер", человек поразительно живой, интересный, но со странно сумасшедшими глазами...» (См.: Врубель: Переписка: Воспоминания о художнике. 2-ое изд. Л., 1976. С.296).

Его лечебница-санатория (на 30 коек в Петровском парке — Новое Зыково, 4) была весьма популярна до революции (здесь, например, лечился М.А. Врубель). Существовала в 1902-1931; в 1918 закрыта, но во времена нэпа возобновила свою деятельность. (Подробнее см.: Соколов А.А. Лечебница для нервно и душевнобольных и алкоголиков врача Ф.А. Усольцева // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Т.62. Вып.5. 1962. С.768-771).

А.Ф. Усольцев в 1916-1925 — студент медицинского факультета Московского ун-та. С 1917 и далее — надзиратель в лечебнице-санатории отца, «доброволец» по борьбе с наркотиками среди беспризорных детей (1925). Затем врач-психиатр в психиатрической клинике 1 МГУ и санатории «Коншино». Трагически погиб.

¹⁰ *Шик Григорий Адольфович* (8 июля 1897-1967?). Сын купца-меховщика 1-й гильдии А.М. Шика. Его родной брат — литератор и искусствовед А.А. Шик скончался в 1968 во Франции; двоюродный — священник

и писатель М.В. Шик. В 1916 поступил на юридический факультет Московского ун-та. В эмиграции — торговец картинами в Париже. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹¹ Такое написание отчества встречается и в документах 60-х годов.

¹² *Владимиров (Шейнфинкель) Мирон Константинович* (1879-1925) — в 1919: в апреле-мае — член РВС 1 Украинской советской армии, в июне-декабре — член РВС и председатель особой продовольственной комиссии Южного фронта; в 1920: в январе-июне — член РВС Юго-Западного фронта, в октябре-декабре — Южного фронта. Затем на ответственной хозяйственной работе. Последняя должность (с ноября 1924) — зам. председателя ВСНХ СССР.

¹³ Т.е. осень 1919.

¹⁴ Административный отдел Моссовета.

¹⁵ Так в тексте. Имеется в виду немецкая аббревиатура «А.Г.» — акционерное общество.

¹⁶ *Мюллер-Гнадененгг Карл Иозеф* (1887-1962) — парагвайский консул в Германии до начала 1930-х; одновременно занимался пушным делом.

МАТЕРИАЛЫ
К
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

«ТЕПЕРЬ НЕ НАША ПОЛОСА...»

(Из архива А.А. Корнилова)

Предисловие, публикация и комментарии
М.Ю. Сорокиной

20 мая 1925 в парижских «Последних новостях» появилась крохотная заметка о кончине в России профессора русской истории, бывшего секретаря ЦК конституционно-демократической партии Александра Александровича Корнилова. «Это был самоотверженный работник общего дела, охотно несший невидимую, но громадную организационную работу и всего менее стремившийся выдвигаться на авансцену, всего более далекий от суетного личного честолюбия», — писал позднее А.А. Кизеветтер¹, слова которого отнюдь не дань законам некрологического жанра. Деятели корниловского типа принято называть «вторым рядом» истории. За монументальными фигурами «лидеров» их присутствие обычно мало заметно современникам, а тем более потомкам; между тем именно их кропотливая, повседневная, черновая работа во многом формировала ту социальную среду и атмосферу, в которых развивалось новое общественное сознание в России на рубеже XIX–XX вв.

А.А. Корнилов родился 18 (30) ноября 1862 в Петербурге в старинной дворянской семье². В 1880 окончил 1-ю Варшавскую гимназию, где вместе с ним учились братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.С. Старынкевич, Л.А. Обольянинов, Н.В. Харламов, С.Е. Крыжановский³. С 1881

¹ Кизеветтер А.А. А.А. Корнилов // На чужой стороне. Париж, 1926. №4. С.236. См. также его статью о научном творчестве Корнилова (Современные записки. Париж, 1926. Т.27).

² В отличие от большинства коллег по общественной и научной деятельности, А.А. Корнилову «повезло» в советской историографии: ему посвящена вышедшая в 1982 монография А.А. Левандовского («Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А. Корнилов». М.).

³ Историкам еще предстоит оценить роль и значение «русской Варшавы» в формировании нового поколения российской демократической интеллигенции («русских европейцев», если воспользоваться определением Т.Риха, данным П.Н. Милюкову).

студент юридического факультета Петербургского университета; здесь происходит знакомство его и других «варшавян», также занимавшихся в столичном университете, с В.И. Вернадским, Д.И. Шаховским, А.Н. Красновым, Н.Г. Ушинским и образуется Братство⁴ — духовный союз, основанный на «примате морали и отрицании средств действия, противоречащих ей, уважении к человеческой личности и свободе, в разной форме религиозном искании — и сознании — при широкой нравственной атмосфере — первостепенного значения научного искания, научного творчества, ничем не ограниченного и не могущего быть ограниченным, искании нового строя личности в подъеме семьи и свободной личности, ее высоте...»⁵

Один из участников Братства, выдающийся историк-медиевист И.М. Гревс так описывал Корнилова: «Александр Александрович Корнилов (в компании "Адя") был человеком замечательной доброты и дружелюбия, принципиально и серьезно относившийся к жизни с юности, умный и дельный работник. Он вырос в ладной многодетной семье с несколькими младшими сестрами, о развитии души которых радел братски, почти отечески. Он искренно проникнут был патриархальными традициями теплых и крепких домашних привязанностей... Александр Александрович и на друзей переносил свою способность к глубоким интимным отношениям, становившимся почти кровными в его сердце. Он — сам всегда бесхитростно скромный к себе — высоко ставил членов своего дружеского союза и навсегда остался для тех, кто сами сохранили основы своего духа, верным другом в жизни и незаменимым сотрудником в делах. По занятиям своим А.А. был юрист-историк, с любовью углублявшийся в науку во время студенчества, много от нее научившийся, никогда вполне ее не покидавший во все периоды своей разнообразной, содержательной, всегда стойкой общественной и политической деятельности. В ней он умел не только трудиться не покладая рук, но и жертвовать своей безопасностью... Умственное настроение в студенческие годы клонило его к позитивизму; некоторая рационалистическая складка сохранилась в нем до сих пор. Но широта взора и удивительное беспристрастие избавляли его от доктринерства, помогали ему отзываться на многообразные духовные интересы. Справедливость

---

⁴ Своеобразная идеология и духовно-практическая направленность этого кружка привлекает внимание многих исследователей; отметим появившиеся в самые последние годы публикации эпистолярного наследия членов Братства: Д.И. Шаховской. Письма о Братстве / Публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Rogинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С.174-318 (в предисловии к публикации см. библиографию ранее вышедших работ о Братстве); Каганович Б.С. Люди и судьбы: Д.И. Шаховской, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, И.М. Гревс по их переписке 1920-х — 1930-х годов // Звезда. 1992. №5-6. С.160-170; «...Социализм можно понимать разное»: «Большое письмо» Д.И. Шаховского А.А. Корнилову / Пред. и публ. Н.П. Соколова // Октябрь. 1992. №11. С.156-165 (здесь же статья-послесловие Д.Шушарина «"Торжество и обличение" одной идеи»).

⁵ Это определение было сделано В.И. Вернадским в большом письме-отклике на смерть А.А. Корнилова (цит. по: Звенья. Указ. изд. С.304-305).

в суждениях о людях, в отношении к вопросам были неизменно его отличием, не часто встречающимся, важным и для группы достоинством»⁶.

После окончания университета Корнилов поступает вольноопределяющимся на военную службу в Царстве Польском, затем в 1886-1892 служит там комиссаром по крестьянским делам в Конском уезде; в 1891-1892 вместе с друзьями по Братству участвует в оказании помощи голодающим крестьянам Тамбовской губернии⁷. Накопленный за эти годы обширный социальный опыт существенно трансформировал политические взгляды молодого человека. От «братского», абсолютно искреннего, но по-юношески максималистского «Так жить нельзя», от «хождений в народ» реформаторские поиски Корнилова перемещаются в совершенно иную плоскость — и в 1892 он пишет записку «О необходимости организации партии протеста»⁸, по сути один из программных документов новой генерации общественных деятелей.

Семь последующих лет Корнилов проводит в Сибири чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе⁹, занимаясь проблемами переселенцев; одновременно вокруг необычного чиновника собирается круг политических ссыльных. Последнее не осталось не замеченным для Иркутского губернского жандармского управления, доносившего в Петербург по начальству, что он «ставил их [ссыльных. — М.С.] в известность о касающихся их сообщениях»¹⁰. С 1900 Корнилов снова в Петербурге, но ненадолго — в 1901 за участие в протестах против разгона демонстрации у Казанского собора высылается из столицы и обосновывается в Саратове, где вместе с Н.Н. Львовым, П.П. Подъяпольским и др. издает газету «Саратовский дневник», ставшую рупором либерально настроенной общественности города¹¹. Параллельно Корнилов занимается исторической работой, собирая материалы для исследования по истории крестьянской реформы 1861. Но, пожалуй, свои главные помыслы он связывает в эти годы с организацией «Союза Освобождения» — предтечи кадетской партии; некоторое время работает в Париже у П.Б. Струве в журнале «Освобождение». После образования конституционно-демократической партии Корнилов становится секретарем ее ЦК (до

⁶ Гревс И.М. В годы юности // Былое. 1921. №16. С.145-146

⁷ Об этом см. первое опубликованное сочинение А.А. Корнилова: Семь месяцев среди голодающих крестьян: Отчет о помощи голодавшим некоторым местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии в 1891-92 гг. М., 1893.

⁸ АРАН. Ф.518. Оп.5. Д.69.

⁹ Сибирские главы «Воспоминаний» А.А. Корнилова опубликованы: Минувшее: Исторический альманах. (Вып.11. Париж, 1991 и М.; СПб., 1992)

¹⁰ ГА РФ. Ф.102. ОО. Оп.230(1902). Д.1846. Л.1об. Среди опекаемых А.А. Корниловым ссыльных оказался и В.И. Ульянов (об этом см.: Минувшее. Указ. изд. С.110).

¹¹ Об этом эпизоде жизни А.А. Корнилова см. заметку З.Е. Гусаковой «Историк и общественный деятель в саратовской ссылке» (Отечественные архивы. 1992. №5. С.30).

1908¹², а затем снова с 1915 по 1917). Наряду с политической деятельностью он разрабатывает и начинает читать в Политехническом институте курс истории России XIX века, публикует первые главы «Семейной хроники» Бакуниных, работа над которой началась еще в конце 90-х годов после знакомства с П.А. Бакуниным и «премухинским архивом», издает еще целый ряд работ исторического характера. В июле 1917 он тяжело заболевает (два апоплексических удара, первый из которых случился в ночь со 2-го на 3-е июля непосредственно на заседании ЦК кадетской партии, когда решался вопрос о выходе кадетских министров из состава Временного правительства) и вместе с семьей уезжает на лечение в Кисловодск, где оказывается заложником гражданской войны ровно на четыре года — до июля 1921¹³.

Публикуемые письма как раз и адресованы историку в Кисловодск. Оторванный от друзей и родных, именно в письмах он находил необходимый заряд бодрости и энергии, поддержку и утешение, помощь и заботу и, конечно же, информацию о происходивших событиях. Особенно noteworthy приходивших к нему писем была их «населенность», наполненность сведениями о знакомых, близких, разбросанных российским «смутным временем» по всей стране. При подготовке публикации мы постарались еще более расширить в комментариях круг лиц, так или иначе связанных с корниловским окружением. Нам показалось важным обозначить их как бы «незримое присутствие», столь реальное и действенное в начале века и столь же незаслуженно забытое последующими поколениями. Увы! — «Россия слишком мало известна русским»¹⁴.

Корреспонденты Корнилова — Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, Георгий Владимирович Вернадский и Петр Дмитриевич Долгоруков — каждый по-своему особенно много помогали ему в эти самые трудные годы. Георгий Вернадский, сын старого друга и ученик Корнилова, с которым был на «ты», лично перевозил ученого и его семью в Кисловодск, приехавшая вскоре в город А.В. Тыркова-Вильямс устраивала его санаторное лечение и бытовую сторону жизни, П.Д. Долгоруков помогал материально. Все трое принадлежали к ядру конституционно-демократической партии. Люди разного возраста, политического темперамента и профессиональных занятий, они оказались объединены общей судьбой — судьбой изгнанников. Трагическая логика общественного

¹² Трудности материального характера заставили А.А. Корнилова отказаться на время от должности секретаря ЦК; «...признаю логичность Вашей мотивировки к отставке, — писал ему Пав.Д. Долгоруков, — с другой стороны нахожу Ваш уход из секретарей ужасным ударом для партии, т.к., разумеется, никого подобного Вам не найдем. Петрункевич и Милюков полагают, что прекращение "Речи" равносильно концу партии; я с ними не совсем согласен и нахожу, что Ваш уход из секретарей гораздо больший вред для партии» (ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.542. Л.19).

¹³ В эти годы А.А. Корнилов написал основную часть своих обширных «Воспоминаний» (около 700 машинописных страниц), оригинал которых многие годы хранился в семье В.И. Вернадского и в составе его личного фонда поступил в АРАН. Ныне подготовлены к печати.

¹⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т.11. М.; Л., 1949. С.316.

противостояния заставила их навсегда покинуть Россию. Но в тот момент, когда пишутся письма А.А. Корнилову¹⁵, они еще об этом не знают...

Некоторые биографические сведения об адресатах А.А. Корнилова:

Ариадна Владимировна Тыркова (в первом браке Борман, во втором — Вильямс; 1869-1962) — известная беллетристка, член ЦК кадетской партии с 1906¹⁶. Принадлежала к правому крылу партии, она ярко выражала либерально-консервативное начало и выступала своеобразным «присяжным антагонистом» лидера партии П.Н. Милюкова. В годы Первой мировой войны работала во Всероссийском Союзе городов по организации санитарных отрядов, с которыми неоднократно выезжала на фронт. После Февральской революции входила в состав Продовольственного комитета, возглавлявшегося А.И. Шингаревым, осенью 1917 была избрана во Временный Совет республики. Октябрьскую революцию встретила резко отрицательно. С марта 1918 по июль 1919 находилась с мужем (Г.Вильямсом) в Англии. После возвращения в Россию возглавила Отдел пропаганды за рубежом Осведомительного агентства (Освага) ген. А.И. Деникина. В 1919 издала в Лондоне одну из первых книг о российской революции — «From Liberty to Brest-Litowsk». После эвакуации в 1920 из Новороссийска поселилась в Лондоне, много времени уделяла литературному творчеству. В 1951 переехала в США. Автор многочисленных воспоминаний. Личные архивы А.В. Тырковой-Вильямс хранятся: ГА РФ. Ф.629; The Bakhmeteff Archive (Columbia Univ.); The British Museum.

Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) — известный историк, сын акад. В.И. Вернадского. В 1905 окончил классическую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Несколько семестров занимался на философском факультете во Фрейбурге (Германия). В 1910 закончил Московский университет, а в 1913 после сдачи магистерских экзаменов стал приват-доцентом по русской истории. Кадет. С осени 1917 — профессор русской истории Пермского университета. В мае 1918, предупрежденный о возможности ареста, вынужден был скрываться, затем, побывав летом в Москве и Киеве, переехал в Крым, где стал преподавать в Таврическом университете. В сентябре 1920, по совету П.Б. Струве, был назначен заведующим отделом печати в правительстве бар. П.Н. Врангеля. В ноябре того же года уехал в Константинополь, в течение года жил в Афинах, а с начала 1922 — в Праге, где читал лекции по истории русского права на Русском юридическом факультете. Здесь же выпустил «Очерки истории права русского государства XVIII-XIX в.в.», а также ряд книг в евразийском издательстве: «Начертание русской истории» (1927), «Опыт истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени» (1934) и др. Летом 1927 получил приглашение от Йельского университета (США), куда и переехал

¹⁵ Скончался А.А. Корнилов 26 апреля 1925 в Ленинграде.

¹⁶ Более подробные биографические сведения о ней см. в предисловии к публикации дневника А.В. Тырковой-Вильямс за 1917 (Звенья. Указ изд. С.319-321).

работать. С 1946 — профессор русской истории. В июле 1956 вышел в отставку по возрасту¹⁷.

Автор многочисленных воспоминаний, опубликованных в «Новом журнале»: «Братство "Приютино"» (1968. Кн.93; 1969. Кн.95-97), «Из воспоминаний» (1970. Кн.100), «Константинополь» (1972. Кн.108), «Крым» (1971. Кн.105), «Пермь—Москва—Киев» (1971. Кн.104) и др.

Личные архивы Г.В. Вернадского хранятся: ГА РФ. Ф.1137; The Bakhtmeteff Archive (Columbia Univ.); Hoover Institution of War, Revolution and Peace (Stanford Univ.).

Князь Петр Дмитриевич Долгоруков (1866-1945?) — общественный деятель; брат-близнец Павла Дм. Долгорукова. Родился в Царском Селе; учился в 1-й Московской классической гимназии, затем на историко-филологическом факультете Московского университета, после окончания которого в 1889 поступил вольноопределяющимся в Нижегородский драгунский полк. В 1891 возглавлял продовольственно-санитарный отряд на голоде в Самарской губ. Затем поселился в своем имении в Курской губ. и занялся земской деятельностью: в течение многих лет председатель Суджанской уездной земской управы (в 1904 уволен от должности по высочайшему повелению). Член «Беседы» — земско-либерального нелегального кружка, существовавшего в Москве в 1899-1905. Член ЦК кадетской партии. Депутат 1-й Государственной думы и товарищ ее председателя. В.А. Оболенский вспоминал: «Был в нашей фракции [1-й думы. — М. С.] еще один Рюрикович-аристократ — князь Петр Дмитриевич Долгоруков /.../, демократ по натуре /.../ был очень богат, а по своим связям и привычкам оставался барин-аристократом. Долгоруков /.../ выделялся аристократическим лицом, говором и осанкой. /.../ он специализировался в школьном деле и принимал деятельное участие во всех съездах по народному образованию, где всегда избирался в председатели. Вероятно, на этих съездах он сблизился с Шаховским, который привлек его и брата к нелегальной работе в Союзе Освобождения. Для них, вращавшихся до тех пор преимущественно в аристократической среде и соприкасавшихся с левой интеллигенцией только на земской работе, положение «заговорщиков» было ново, и Петр Дмитриевич со всем пылом неопита включился в конспиративную деятельность. В Союзе он был один из самых активных его членов, организуя местные его отделы и привлекая к ним земцев. Будучи дельным земцем с большой инициативой, Долгоруков, однако, не обладал качествами, необходимыми для крупного политического деятеля. Слишком много в нем было какой-то детской наивности. В Думе он был избран товарищем председателя. Во всем подражая председателю Муромцеву, старался казаться "важным" и властным, и это плохо ему удавалось. Но обаяние личности этого простого душой и добрейшего человека было большое. Свою ясную, чистую душу Петр Дмитриевич сохранил до старости. И теперь [в 1937. — М. С.]

¹⁷ Библиографию трудов Г.В. Вернадского см.: Essays in Russian History. A Coll. dedicated to G.Vernadsky / Ed. by A.Ferguson and A.Levin. Hamden, Conn., 1964.

лишившись своего огромного состояния и живя в Праге в крайней материальной нужде, он переносит ее с большим достоинством, всегда занятый хлопотами за других своих товарищей по эмигрантскому несчастью»¹⁸.

Все публикуемые письма хранятся в ГА РФ в личном фонде А.А. Корнилова (Ф.5102. Оп.1); письма А.В. Тырковой-Вильямс — дело 902 (1-е — Л.12-13об., 2-е — Л.14-17), письма Г.В. Вернадского — дело 467 (номера листов в хронологической последовательности писем — 26-27об.; 28-29об.; 31-31об.; 30-30об.; 32-35об.; 24-25); письмо П.Д. Долгорукова — дело 991 (Л.261-265). Все письма представлены автографами, датировки авторские (унифицированы только названия месяцев). Добавления публикатора отмечены квадратными скобками.

А.В. Тыркова-Вильямс

[Петроград] 3 декабря [19]17

Дорогой Александр Александрович, только вчера получила письмо Ваше от 23/XI. И то спасибо, что дошло. Попробовала навести справки о сенаторском жаловании¹, но, по-видимому, теперь его не получить. Гонорар за брошюру² выслан Вам уже несколько дней тому назад. Николай Ник. Кутлер³ обещал написать Вам, сколько выслано.

Вы из газет уже знаете, какие у нас тут дела. Большевики перещеголяли всех остальных социалистов и от слов перешли к действиям. Запугали они все социалистическое болото. С[оциал]-р[еволюционеры] растеряны, мечутся, с Учред[ительным] Собранием провалились⁴ и совсем не знают, как себя вести дальше. Чернов⁵ надеялся сговориться с большевиками, но он им совсем не нужен.

Мы здесь ждем Schutzman'⁶. Одни говорят, что приедет через две недели, другие ждут позже. Немецкая рука так и тянется к Петрограду. Не сладкое это сознание.

Очень тяжело, что А.Ив. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин замурованы⁷. У обоих ведь здоровье не крепкое. Но все они, конечно, бодры и философски переносят события. К ним пускают на свидание, пропускают им газеты, еду и вообще — с этой стороны все более или менее прилично. Декреты против нашей партии⁸ ставят нас в довольно глупое положение щедринского зайца под кустом. Думается, что надо это время претерпеть, как терпят жители крепости вражескую осаду. Но, конечно, проявляться будет до-

¹⁸ Оболенский В.А. Мои друзья. Мои современники. Париж, 1988. С.370-371.

вольно трудно. Даже члены Учр[едительного] Собр[ания] не видят нужды быть в Питере. Кроме тех, кого засадили на казенные квартиры⁹. Такого тяжелого и гнусного времени не было даже после I Думы¹⁰. Прямо скажу, что тогдашний наш враг был благороднее, чем теперешний. Общий прогноз в нашей среде такой. Это все скоро провалится и даст место или генералу или, что гораздо вернее, самодержцу¹¹.

Часть наших общих друзей в отъезде. Это самое умное, что можно сделать. Я лично все еще не могу решиться, что лучше Кисловодск, Крым, Япония или уж прямо на Сандвичевы острова?

Мой привет Вашей жене и дочке¹². Хотя Вы и томитесь курортной ссылкой, но я рада, что Вы там. Теперь не наша полоса. Сердечно преданная Вам

А.Тыркова

¹ После Февральской революции А.А. Корнилов был назначен сенатором 2-го (крестьянского) департамента Сената. Жалование сенатора (650-700 руб.) составляло единственный постоянный источник его доходов в это время. Уезжая в сентябре 1917 на несколько месяцев, семья Корниловых вынужденно оставалась в Кисловодске до лета 1921. «...Мы ведем такую жизнь, какую никогда не вели, — записывала 11 января 1919 дочь историка Талочка в тетради, названной ею "Дневник русской девочки". — /.../ живем в одной комнате, правда, порядочной и теплой, но сырой. Все углы заплесневели» (ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.1209. Л.7об.).

² Речь идет об изданном в 1917 в Одессе историческом очерке А.А. Корнилова «Партия народной свободы».

³ *Николай Николаевич Кутлер* (1859-1924) — общественный и политический деятель. Занимался адвокатурой, затем служил в Министерстве финансов. Автор проекта принудительного отчуждения земель (1905). Член ЦК кадетской партии, депутат 2-й и 3-й Государственных дум. В годы Первой мировой войны один из руководителей Центрального военно-промышленного комитета, председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли. В 1921 член Всероссийского комитета помощи голодающим; с 1922 член правления Госбанка СССР.

⁴ Открытие Учредительного Собрания намечалось Временным правительством на 28 ноября 1917. В условиях захвата власти большевиками и угрозы непроведения Учредительного Собрания, на выборах в которое эсеры получили 40% голосов, 22 ноября возник эсеро-кадетский Союз защиты Учредительного Собрания, а 26-го находившиеся под арестом в Петропавловской крепости кадетские министры Временного правительства во главе с А.И. Коноваловым переправили своим однопартийцам «государственный акт», согласно которому формально передавали власть Учредительному Собранию. В это же время почти параллельно прошли два съезда расколовшейся партии социалистов-револю-

ционеров: 26 ноября начал работу IV (и последний) съезд партии, собравший правых эсеров, а 19-28-го — I съезд вновь образовавшейся партии левых эсеров. IV съезд принял открыто антибольшевистские резолюции по всем вопросам, в то время как левые эсеры поддержали начинания новой власти. 28 ноября под предлогом, что в лице Учредительного Собрания кадеты хотят «создать якобы "законное" прикрытие для кадетско-калединского контрреволюционного восстания» (Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С.166), СНК утвердил предложенный В.И. Лениным проект декрета об аресте «вождей гражданской войны» против революции, объявлявший кадетскую партию «партией врагов народа» (Там же. С.161). Утром 28 ноября на квартире гр. С.В. Паниной были арестованы приехавшие из Москвы на открытие Учредительного Собрания видные кадетские деятели Павел Дм. Долгооруков, Ф.Ф. Кокошкин, А.И. Шингарев, сама С.В. Панина. После допроса, проведенного в Смольном П.А. Красиковым, она была отправлена в «Кресты», а остальные члены ЦК кадетской партии — в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Учредительное Собрание открылось только 5 января 1918, но было разогнано большевиками, что, по оценке многих исследователей, знаменовало начало гражданской войны в России.

⁵ Виктор Михайлович *Чернов* (1873-1952) — политический деятель. Эсер, член ЦК партии с 1906. Автор теории «конституционного социализма». В мае-августе 1917 министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного Собрания. Летом 1918 возглавил Комитет членов Учредительного Собрания в Уфе. С 1920 в эмиграции (Франция, Чехословакия). Автор мемуарных книг «Записки социалиста-революционера». (Т.1. Берлин; М.;П., 1922) и «Перед бурей» (Нью-Йорк, 1953).

⁶ Идет ли речь о конкретном лице, установить не удалось. Возможна игра слов: Schutzman (нем.) — полицейский, охранник, защитник.

⁷ *Андрей Иванович Шингарев* (1869-1918) — общественный деятель, врач, публицист. После окончания физико-математического и медицинского факультетов Московского университета работал сельским врачом; свои наблюдения изложил в изданной в 1901 книге «Вымирающая деревня». Член Союза освобождения и ЦК кадетской партии. Депутат 2-4-й Государственных дум. В первом составе Временного правительства (март-апрель) — министр земледелия, во втором (май-июль) — министр финансов и зав. продовольствием. После ухода кадетов из правительства (2 июля) — лидер кадетской фракции в Петроградской городской думе, член Предпарламента. Депутат Учредительного Собрания.

Федор Федорович Кокошкин (1871-1918) — общественный деятель, профессор права Московского университета, один из основателей и руководителей кадетской партии, член ее ЦК. Близкий друг и сподвижник П.Н. Милюкова (о нем см. ниже). С мая 1917 председатель Особого совещания по подготовке закона о выборах в Учредительное Собрание.

6 января 1918 Кокошкина и Шингарева перевели из Петропавловской крепости в Марининскую больницу, где они были убиты в тот же день ворвавшимися в здание матросами и солдатами. Размышляя о причинах этого политического убийства, кн. Павл.Дм. Долгоруков, в течение месяца находившийся вместе с Кокошкиным и Шингаревым в крепости, писал: «[Кокошкин] — кабинетный ученый, член губернской земской управы, член первой Думы, выдающийся публицист-передовик серьезной газеты, — откуда он мог быть известен и страшен этим матросам и красноармейцам, сидящим на скамье подсудимых? Им указал на него декрет 28 ноября.

Враг народа Шингарев, которому предлагали остаться при университете, отказался от науки, отказался даже от звания земского врача, чтобы вольным сельским врачом пойти в народ. И тысячи воронежских крестьян повалили к нему лечиться за назначенный им пятикопеечный гононар. Они ли, воронежские крестьяне, подбили обвиняемых убить своего врага? Кто указал на него? И какого народа он был врагом?

Оба — бессеребрянники, все здоровье, всю душу свою они отдали русскому народу и на обеспечение осиротелых семей после убийства их пришлось собирать деньги по подписке. /.../

Какой ужас! Какое озверение! От этого убийства содрогнулись не только в России, но и в Европе, несмотря на ужасы войны». (Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С.84-85).

⁸ По-видимому, Тыркова имеет в виду целый ряд актов новой власти, как прямо направленных против конституционно-демократической партии (упомянутый выше Декрет от 28 ноября), так и затрагивавших судьбы отдельных ее членов, а также государственных и общественных организаций. 16 ноября 1917 был принят декрет о роспуске Петроградской городской думы. Находившийся в городе товарищ министра народного просвещения акад. В.И. Вернадский, старый друг А.А. Корнилова, записал 19-го в дневнике: «Вчера был ряд довольно непонятных обысков. Гл[авным] обр[азом] в связи с гор[одской] думой, но, кажется, и в связи с к.-д. Арестован Шрейдер (когда он указывал, что он чл[ен] Учр[едительного] собр[ания], ему заявили, что это буржуазн[ые] предрассудки — им все равно), Протопопов и местные городские кадеты — Дубоссарский, Кауфман и др.» (АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.4. Л.247об.). 16 (и 17) ноября во многих либерально-демократических и социалистических газетах появилось обращение «От Временного правительства», в котором утверждалось, что «и не в полном составе /.../ Временное правительство является единственной в стране законной верховной властью», а события 25 октября прямо именовались «мятежом». Реакция большевиков последовала незамедлительно. Петроградский военно-революционный комитет (ВРК) приостановил выпуск всех газет, поместивших обращение (аналогичное распоряжение день спустя принял СНК), 18 ноября появилось новое постановление ВРК — «о переводе в Кронштадт бывших министров Временного правительства под надзор Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Петроградский ВРК: Документы и материалы. Т.3. М., 1967. С.175). Отметим, что в большевистской лек-

сике «перевод» и «надзор» означали просто-напросто арест; их политические оппоненты к концу ноября 1917 это хорошо понимали и почти все подписавшие обращение (а среди них был и В.И. Вернадский) поспешили уехать из Петрограда (подробнее см.: Мочалов И.И. «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонек. 1991. №21. С.10-13).

⁹ Кроме упомянутых выше арестованных членов ЦК кадетской партии (см. прим.4), в заключении находились Н.М. Кишкин, В.А. Степанов, М.В. Бернацкий и многие другие кадеты. В последующие годы даже дореволюционная принадлежность к конституционно-демократической партии в глазах власти являлась самодостаточным аргументом для преследований и репрессий; так, например, многочисленные аресты в сентябре 1919 среди петроградских ученых прямо мотивировались их кадетским прошлым.

¹⁰ После царского манифеста 8 июля 1906 о роспуске 1-й Государственной думы, в которой кадеты являлись ведущей фракцией, в знак протеста было составлено воззвание-обращение членов Думы (в основном кадетов и трудовиков) «Народу от народных представителей» с призывом к пассивному сопротивлению властям — отказу от уплаты налогов, отбывания воинской повинности и т.д. (принято в Выборге 9-10 июля 1906). 12-18 декабря 1907 прошел так называемый «Выборгский процесс» против 177 депутатов, подписавших воззвание. Они были подвергнуты кратковременному тюремному заключению и лишены права вновь избираться в Государственную думу, что имело серьезные политические последствия для партии.

О происходивших осенью 1917 — весной 1918 по всей стране событиях А.А. Корнилов регулярно получал информацию от своих друзей. Каждый из них по-своему реагировал на изменение политического климата. Остававшийся в Москве Д.И. Шаховской писал 10 ноября 1917: «...развал ужасный и большевики при самом решительном несочувствии всех сколько-нибудь осмысленных элементов все-таки господ положения — по крайней мере на поверхности. Взять в свои руки власть по-настоящему им пока не удается, но их ничем не стесняющиеся действия нарушают всякую нормальную жизнь и с ужасом думаешь, до чего это докатится. /.../ Тебе надо посмотреть на все оком историка! Ведь и интересного и поучительного много» (ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.947. Л.60). Ситуацию в Полтаве рисовал в письме от 31 декабря 1917 В.И. Вернадский: «Положение... неопределенное; идет глухая борьба между украинцами и большевиками. Одно время победили украинцы, но не смогли удержать порядка. На Рождество здесь произошли погромы складов вина (из Бессарабии для фронтов), перепились, начались разгромы магазинов. Укр[аинские] войска, здесь бывшие (полк, который все время переходит на ту и на другую сторону), участвовали активно в погроме. В конце концов он был прекращен вооруж[енными] обывателями и милицией; тогда вновь выступил Совет с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов], который post factum издал всякие строгие приказания и создает иллюзию, что все от него. Он упорно ведет борьбу лживыми воззваниями и стал теперь все писать по-украински, действуя против Рады. Сюда приходят укра-

инские войска и в то же время все время малыми партиями из Харькова прибывает всякая большевистская челядь — матросы, красноармейцы и т.д. Неясно, кто победит» (Там же. Д.466. Л.18). Совсем иное настроение было в марте 1918 у оставшегося в Петрограде И.М. Гревса: «Живется так тяжело, как никогда даже не чаялось, что может быть так! Выхода не видно. Позор и ужас. Унижение и рабство» (Там же. Д.528. Л.9).

¹¹ Далеко не все кадеты разделяли такой «прогноз». Так, старый друг и соратник Корнилова по партии, один из крупнейших русских статистиков А.А. Кауфман, описывая лишь месяц спустя петроградские события в письме от 13 января 1918, намечал возможную перспективу поиному: «...вчера похоронили Шингарева и Козошкина, ровно неделю тому назад похоронили — какое ни есть — учредительное собрание, а теперь — увы — вступаем в полосу, когда — поневоле — приходится устанавливать какие-то модусы вивенди с существующей как-никак "властью", которую при этом — конечно — ненавидишь и презираешь больше, чем когда-либо: жизнь идет — и не только жизнь личная, но и общая, и надо как-то ее приспособлять к сложившимся условиям. Как раз вчера у нас было учредительное собрание союза ученых и высших учебных заведений (где я — от сельскохозяйственного ученого комитета); на первой очереди, конечно, вопрос о защите их существования и их автономности — но опять-таки, на почве уже не отрицания "власти", а известных с нею сношений — значит, признания факта ее существования; и как ни тяжело было — и, напр[имер], Сергею [Ольденбургу] и мне, приходилось отстаивать эту точку зрения; и те немногие, кто ее отвергал, ничего не могли ей противопоставить, кроме жалких обходов и игры в страуса, прячущего свою голову. Ах, как тяжело...» (ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.589. Л.35об.-36).

¹² А.А. Корнилов был женат дважды — на сестрах Наталье (1867-1906) и Екатерине (1867?-1942) *Федоровых*. Наталья Антиповна — уроженка с. Ульбинского Томской губ.; из семьи коллежского советника. После окончания в 1885 Иркутской женской гимназии учительствовала в Иркутском городском начальном ремесленно-слободском училище. В 1890-1894 — слушательница историко-филологического отделения Высших (Бестужевских) женских курсов. В 1891-1892 работала по оказанию помощи голодающим Самарской губ.; в 1893-1895 — учительница воскресной школы для рабочих за Нарвской заставой. Занималась переводами с французского (публиковались в журналах «Мир Божий», «Образование» и др.). Скончалась от туберкулеза в Швейцарии, где и похоронена. Екатерина Антиповна — домохозяйка, подрабатывала переводами; скончалась в Ленинграде. Дочь Корнилова — Наталья Александровна (1908-1990). В 1930 окончила Ленинградский художественно-промышленный техникум, работала художником-оформителем (в т.ч. подготовила ряд выставок в Пушкинском Доме); в течение многих лет на общественных началах секретарь Общества охраны животных; жила в Ленинграде.

Симферополь. Менделеевская, 10
кв. Васильева
10 февраля н.ст. 1919

Дорогой Александр Александрович!

Пишу наудачу — м[ожет] б[ыть], почта теперь наладилась. Хочу хоть несколько слов сказать и узнать в ответе, что теперь с тобой и как ты. Что было в эти бурные тревожные месяцы в Кисловодске¹?

Мы с Ниной² осенью уехали из Перми³, т.к. большевики начали там свирепствовать перед приходом сибиряков, брать заложников и пр.⁴ Пробрались в Киев к моим родителям⁵, а там мне предложили профессию в Таврическом университете⁶ (тогда еще отделение Киевского универ[ситета]). Я был избран и вот пока устроились здесь.

Вчера неожиданно появился у нас твой сын Володя⁷. Он здесь в пулем[етной] команде. Узнал наш адрес, встретив случайно на улице Костю Старынкевича⁸. Оказывается, пулеметч[ики] стоят рядом с нами и Володя обещал заходить⁹. Вчера он забегал буквально на одну минутку спросить, не знаю ли чего про тебя. Он бодр, здоров, как-то окреп и возмужал.

Родители мои в Киеве. Папа был назначен (еще при гетмане) президентом укр[аинской] академии [наук]¹⁰, после переворота его хотели сместить, сейчас более месяца ничего не знаю о них. Дм.Ив. [Шаховской]¹¹ в Москве, чуть ли не единственный не тронутый, а то все бежали или сидят. Дм.Ив. тоже одно время скрывался. Наташа Шах[овская]¹² вышла замуж за Мих.Вл. Шика¹³, который принял православие — по убеждению, а не по случаю.

Меня ужасно беспокоит твое материальное положение, но сейчас я лично совершенно не могу тебе помочь, получаю так мало здесь, что еле существуем (из Перми я тебе посылал два раза не по оч[ень] многу, но вряд ли дошли). Через Вл.Андр. Обол[енского]¹⁴ я просил устроить тебе помощь из обществ[енных] средств, это взяла на себя С.Вл. Пан[ина]¹⁵, ехавшая в Екатеринодар, обещала, что тебя разыщет и все устроит.

Крепко обнимаю тебя, Екат[ерину] Ант[иповну], Талочку. Нина шлет Вам горячий привет.

Твой Г.Вернадский

Талочка уже большая, верно? Пусть напишет мне!

Р.С. Серг.Фед. Ольд[енбург]¹⁶ в Петерб[урге], по-прежнему деятелен и бодр. Мария Дмитр. [Ольденбург]¹⁷ умерла. Сережа [Ольденбург]¹⁸ приехал недавно на южный берег, но я его еще не видел.

Р.Р.С. Если Софья Вл. ничего ради не передавала, напиши, я имею возможность тогда устроить тебе деньги отсюда. Паниной можно писать в Екатеринод[ар], Особое Совещание при Главноком[андующем]¹⁹.

2

Симферополь.
13 марта (28 февр.) [19]19 г.

Дорогие Александр Александрович, Екатерина Антиповна
и Талочка!

Страшно были обрадованы Вашими письмами! Я уж думал, что мое письмо не добралось до Кисловодска, вдруг такая радость — ответ!

Ты пишешь, дорогой дядя Адя, что вы хотели бы уехать из Кисловодска и спрашиваешь насчет Крыма. Сейчас о последнем нечего и думать, — в Крыму сейчас слишком напряженное положение. Пока еще жизнь дешевле, чем, как ты пишешь, в Кисловодске (ф[унт] хлеба по карточке — дают — $\frac{3}{4}$ ф. — 63 к., на базаре по вольн[ой] прод[аже] 1р. 10 — 1р. 20, обед в народной столовой 4 р. и даже есть обед за 2р. 50к. и т.д.). Но теперь с занятием Мелитополя большевиками цены должны быстро ползть в гору. Кроме того неизвестно, не пойдут ли большевики из Мелит[ополя] и в самый Крым. Я-то думаю, что нет, но, конечно, все возможно. Во всяком случае тут будет, верно, продовольственный кризис. Нам самим хотелось бы уехать летом на Кубань. Говорят, на Кубани в станицах сравнительно очень дешево жить. Вот бы нам вместе устроиться!*

Будем хлопотать с Вл.Андр. Обол[енским] о том, чтобы выслать тебе отсюда денег. Вл.Андр. видел на днях [Петра] Долгокурова в Ялте и как раз вчера рассказывал мне то, что о тебе** /.../ в очень бодром и энергичном настроении. Он нам с Ниной ужасно понравился.

---

* Далее лист оборван.

** Далее лист оборван.

¹ В результате наступления войск ген. А.И. Деникина 20 января 1919 Кисловодск оказался занят Добровольческой армией.

² *Нина Владимировна Вернадская* (урожд. Ильинская; ?-1955) — жена Г.В. Вернадского с 1908. Окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов. Занималась музыкой, пением.

³ Здесь Г.В. Вернадский исполнял должность профессора новой русской истории в Пермском университете — первым в северо-восточной части европейской России (открыт в 1916 как отделение Петроградского университета, статус самостоятельного приобрел с 1 июля 1917). После защиты диссертации на звание магистра русской истории («Русское масонство при Екатерине II», издана в Петрограде в 1917) Вернадский был избран на кафедру русской истории Омского Политехнического института и в сентябре 1917 выехал в Омск, но из-за забастовки железнодорожников не сумел добраться до города и осел в Перми, где и получил приглашение в новый университет. Подробнее см. его мемуарные статьи: «Из воспоминаний» (Новый журнал. 1970. Кн.100) и «Пермь—Москва—Киев» (Там же. 1971. Кн.104).

⁴ Созданная по распоряжению Временного сибирского правительства в июне 1918 Сибирская армия 24 декабря 1918 взяла Пермь.

⁵ Владимир Иванович (1863-1945) — естествоиспытатель и философ (академик с 1912) и Наталья Егоровна (урожд. Старицкая; 1860-1943) Вернадские — ближайшие друзья А.А. Корнилова со студенческих времен. Их совместная жизнь продолжалась 55 лет и 5 месяцев, по собственному выражению Вернадского, «душа в душу и мысль в мысль» (в 1988 и 1991 Архивом РАН издано 2 тома писем Вернадского жене за 1886-1892; готовятся и последующие публикации). Все годы гражданской войны провели на Украине (Полтава, Киев, Крым); более подробно об этом периоде их жизни см.: Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М. В.И. Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. Киев, 1984.

⁶ Вопрос о необходимости создания вуза в Крыму был поднят в августе 1916 Таврическим губернским земским собранием и поддержан группой ученых и общественных деятелей (В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург и др.), представивших в декабре 1916 в Государственный Совет проект учреждения Таврического института. Он рассматривался летом 1917 во Временном правительстве, но окончательное решение так и не было принято (на свой вуз претендовали Симферополь, Ялта и Керчь); тогда инициативу организации крымского вуза взял на себя Университет св. Владимира в Киеве; 17 октября 1917 Совет университета одобрил идею филиала в Крыму (как «университета-здравницы» в Ялте); в январе-апреле 1918 прошли выборы кандидатов на замещение должностей и вскоре в помещении Ливадийского дворца и Ореанды были открыты первые курсы (медицинский факультет работал непосредственно в Киеве). После занятия Крыма немецкими войсками филиал был переведен в Симферополь, что, по-видимому, инициировалось не в последнюю очередь самими преподавателями (среди них к этому времени оказалось много

московских и петроградских профессоров), желавшими обрести самостоятельный, независимый от киевского университета, статус. 30 августа 1918 состоялось постановление Крымского краевого правительства об учреждении Таврического университета, а 14 октября — торжественное открытие. В составе пяти факультетов — историко-филологического, физико-математического, юридического, медицинского и аграрного — он продолжал функционировать в течение всей гражданской войны. 28 сентября 1920 ректором университета был избран В.И. Вернадский.

⁷ *Владимир* Александрович Корнилов (1892-1934?) — внебрачный сын А.А. Корнилова, художник. В дореволюционные годы учился в Академии художеств, был дружен с С.В. Чехониным. В годы гражданской войны сражался на стороне белых. После падения Крыма в 1921 эвакуировался в Константинополь, затем попал в США, где работал матросом на частных яхтах. Во время пребывания в США не терял связи с родными, но из предосторожности направлял письма на адрес известного зоолога, академика Н.В. Насонова (1855-1939), мужа его тетки — Екатерины Александровны. Вернулся в Россию после смерти отца — в конце 1925 или 1926. Работал художником по фарфору на Ломоносовском заводе, некоторые его работы находятся ныне в собрании Русского музея. В первом браке женат на Валерии Александровне Волковой, во втором — на Наталье Федоровне Ольденбург (1894-1942) — дочери известного деятеля народного образования Ф.Ф. Ольденбурга (1862-1914), друга А.А. Корнилова (о нем см.: Корнилов А.А. Воспоминания о юности Ф.Ф. Ольденбурга // Русская мысль. 1916. №8). Погиб при невыясненных обстоятельствах.

⁸ *Константин* Дмитриевич *Старынкевич* (1888-1930) — ботаник, сын старинного друга А.А. Корнилова — Д.С. Старынкевича (о нем см. ниже). С 1916 помощник лесничего Южнобережного лесничества, в мае-сентябре 1918 ассистент по ботанике у Н.И. Кузнецова (о нем см. ниже) в Таврическом университете. Эмигрировал, в Чехословакии — один из организаторов Русской гимназии в Праге; затем жил в Париже, работал в Пастеровском институте. Автор книги «Строение жизни», изданной Г.В. Вернадским (с введением Н.О. Лосского) после смерти Старынкевича.

⁹ Эти встречи младшего поколения Вернадских, Корниловых, Старынкевичей не были случайными. Одной из стержневых идей Братства было стремление создать «братскую вертикаль» — передать свои нравственные, духовные, этические идеалы детям — «второму поколению». Дочь Вернадского вспоминала: «Друзья были из Братства, их дети были для нас родные братья и сестры. Это был громадный мир, связанный взаимной верой, любовью и чувством ответственности перед жизнью» (Цит. по: Владимир Иванович Вернадский: Материалы к биографии // Прометей: Ист.-биограф. альманах. Т.15. М., 1988. С.121-122). Молодежь — Вернадские, Ольденбурги, Шаховские, Корниловы, Любошинские и их друзья — вместе учились, путешествовали, переписывались. Однако в отличие от старшего поколения, сконцентрировавшего поиски новой

духовности в рамках коллективного, соборного сознания, их дети отдавали приоритет уму одиночному, ищущему свой и только свой путь. «Наши дети, — отмечал В.И. Вернадский в письме Д.И. Шаховскому (1925), — при их нетронутости и чистоте их личностей едва сохраняют отпечатки нашей духовной близости...» (Цит. по: Минувшее. Указ. изд. С.12). Все же отношения дружбы и братской поддержки сохранялись многие десятки лет.

¹⁰ В мае 1918 по приглашению Н.П. Василенко (историка, министра народного просвещения в правительстве гетмана П.П. Скоропадского) В.И. Вернадский приехал в Киев для организации научной работы на Украине. Он возглавил три основные подготовительные комиссии: по созданию Украинской Академии наук (УАН), Временный комитет по созданию библиотеки при Украинской АН и Комиссию по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям Украины. Вместе с Вернадским в их работе участвовали М.И. Туган-Барановский, А.Е. Крымский, В.А. Кистяковский и др. Предварительная работа по созданию Академии была закончена к концу 1918. На Общем собрании АН 27 октября 1918 Вернадский единогласно избирается президентом УАН, что послужило для него поводом к выходу из ЦК конституционно-демократической партии.

¹¹ *Дмитрий Иванович Шаховской* (1861-1939) — общественный и политический деятель, историк, публицист, исследователь творчества П.Я. Чаадаева. Один из основателей «Союза освобождения» и кадетской партии; член ее ЦК. Депутат и секретарь 1-й Государственной думы. Министр государственного призрения Временного правительства. Один из основоположников кооперативного движения в России.

Из дневника А.В. Тырковой-Вильямс (запись от 2 февраля 1916): «Интересный путь прошел Шах[овской] с начала войны. В его голове пророка сразу обрисовались все планы обществ[енной] работы. В своих статьях в июле и августе 1914 он уже указал и на снабжение, и на эконом[ические] задачи, на продовольствие, на перевозку. Искал, кто же все это исполнит. /.../ Кажется, пока я была на войне, он был в полосе упадка. А когда началось отступление, когда его сын был ранен и чуть не погиб, он сразу выпрямился. С тех пор действует непрерывно. Опять ведет свою мелкую и огромную работу собирателя разрозненных человеческих душ. Так, до конституции собирал он Россию земскую. Знал людей во всех губерниях. Их характеристики, свойства, прошедшее и возможности, в них таящиеся. Вытаскивал из углов, уговаривал, корил, хвалил, смеялся и все сдвигал ряды.

Теперь он делает то же, но еще в большем масштабе. Стержень уже не земство, а демократия, способ — не Союз Освобождения, а кооперация. А цель все та же — украшение, очистка русской жизни.

Патриот он был — патриотом и умрет. /.../ Это один [из] самых красивых людей, которых я знаю.

В чем его сила? В преданности идее? В умении понимать людей? Или в том, что так сильна в нем способность пропускать коллективную эмоцию, свою и чужую, сквозь ясную и прозорливую работу мысли[?]

(ГА РФ. Ф.629. Оп.1. Д.18. Л.33об.-35об.).

В течение 1919 Шаховской находился в Москве, где был одним из руководителей кооперации, благодаря которой город значительно легче переносил трудности в продовольственном снабжении. После гражданской войны преимущественно занимался литературной и исторической работой по изучению творчества П.Я. Чаадаева и декабристов. Арестован в ночь с 26 на 27 июля 1938. Погиб.

В семье Дмитрия Ивановича и Анны Николаевны (урожд. Сиротина; 1869-1951) Шаховских было пятеро детей: Илья (1887-1916) — близкий приятель Г.В.Вернадского, окончил математическое отделение Московского университета, служил в Пулковской обсерватории, в 1914 пошел добровольцем на фронт, погиб; Александра (1895-1916); Елизавета (1897-?); Наталья — о ней см. ниже; Анна (1889-1959) — окончила Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве; в 1918-1922 заведовала музеем Дмитровского края, была близка к П.А. Кропоткину. В 1921 арестована, содержалась в Бутырской тюрьме. В 1920-1930-е годы занималась литературной работой в области популяризации естествознания, работала научным сотрудником. С 1938 личный секретарь В.И. Вернадского, а после его кончины — основатель и хранитель Кабинета-музея Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР.

¹² *Наталья Дмитриевна Шаховская* (в замужестве Шаховская-Шик; 1890-1942) — писательница; дочь Д.И. Шаховского, жена М.В. Шика. Окончила Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве. Автор книг о В.Г. Короленко, И.П. Кулибине и др. В 1920-1930 годы жила под Москвой (Сергиев Посад, Малоярославец), подвергалась стеснениям как жена священника, одно время была лишена избирательных прав. Скончалась в Москве.

¹³ *Михаил Владимирович Шик* (1887-1937) — священник, муж Н.Д. Шаховской. Близкий товарищ Г.В. Вернадского. Окончил Московский университет, где занимался у С.Н. Трубецкого. В 1914 пошел на фронт добровольцем — служил вольноопределяющимся в 3-м Финляндском стрелковом полку 22-го армейского корпуса. После 1917 — сотрудник Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры, был близок к о.П.Флоренскому. В 1925 выслан в Каракалпакскую АССР. В 1930-е годы был одним из переводчиков естественно-исторических сочинений Гете, редактировавших В.И. Вернадским. Арестован 25 февраля 1937, приговорен к 10 годам «без права переписки».

¹⁴ *Владимир Андреевич Оболенский* (1869-1951) — князь, общественный деятель. Член ЦК кадетской партии с 1910. После болезни А.А. Корнилова в июле 1917 стал секретарем ЦК партии. Годы гражданской войны провел в Крыму: с апреля 1918 — председатель управы Таврического губернского земства. В ноябре 1920 эмигрировал. Умер во Франции. Автор воспоминаний «Очерки минувшего» (Белград, 1931) и «Моя жизнь. Мои современники» (Париж, 1988).

¹⁵ *Софья Владимировна Панина* (1871-1957) — общественная деятельница, графиня. Падчерица И.И. Петрункевича (о нем см. ниже). Много

занималась благотворительной деятельностью, на ее средства в Петербурге был выстроен Народный дом. С 1917 член ЦК кадетской партии. В июле того же года приглашена С.Ф. Ольденбургом на должность товарища министра народного просвещения, которому в письме отвечала: «...очень, очень буду рада поработать с Вами, хотя мучительно боюсь, что все это опять на месяц сроку» (ГА РФ. Ф.581. Оп.1. Д.97. Л.2об.). С осени 1918 до весны 1920 — на Дону у А.И. Деникина. Эмигрировала из России, жила в Чехословакии, Швейцарии, США, где принимала активное участие в работе Комитета помощи русским эмигрантам, возглавлявшегося А.Л. Толстой.

¹⁶ *Сергей Федорович Ольденбург* (1863-1934) — общественный и политический деятель, востоковед, один из основателей отечественной индологической школы, организатор и историк науки. Академик. Непременный секретарь Академии наук (1904-1929). Член ЦК кадетской партии, министр народного просвещения Временного правительства (июль-август 1917). Директор Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР (1916-1934).

С.Ф. Ольденбург оказался одним из немногих оставшихся в течение всей гражданской войны в Петрограде членов ЦК кадетской партии и Российской Академии наук. «Сергей Ольденбург верит (он один из моих знакомых, по крайней мере) один который верит искренно, не в силу желания заискивать у большевиков, как Гредескул или Лемке), — записал в дневнике В.В. Водовозов, — в то, что никакая культурная работа не пропадет» (ГА РФ. Ф.539. Оп.1. Д.3190. Л.50об.-51). Вопреки материальным и политическим трудностям общественного противостояния (ср. в письме В.И. Вернадскому от 19 сентября 1918: «Лично работаю много и научно /.../, чувствую себя хорошо, только голодно, это странное чувство никогда не быть сытым, на слабых это отзывается очень плохо, на сильных нет» — Институт рукописей ЦНБ им. В.И. Вернадского АН Украины. Ф.1. №27061. Л.2об.), усилиями Ольденбурга, А.Е. Ферсмана и др. ученых Академия наук сохраняла значение научного центра. «Работают и обогащаются (к сожалению, больше из-за смерти владельцев коллекций) музеи. Научная мысль работает с громадным напряжением, точно хочет наверстать то, что не делают силы, работающие трудом физическим, — писал Ольденбург Вернадскому уже в 1919. — Правда, немало народу погружено в уныние, н[а]п[р]имер, наш милейший Иван [Гревс]. Часто причиною — холод в квартирах и плохое питание и вообще трудности материальной жизни. И надо признать, что для оставшихся (нас немного — в Академии налицо 25 человек) очень много работы (часов 12-16 каждый день, а иногда и больше) — хорошо, что многие работающие бодрь, несмотря на трудности жизни; работа удивительное целебное средство. /.../ Сам работаю много и хорошо, даже начал читать курс (к сожалению, очень трудный, хотя и интересный) "Введение в историю индийского искусства" и мысль работает много и хорошо. Только бы время. Немного похворал, чуть не схватил воспаление легких, но выскочил» (Цит. по: Документы по истории Академии наук СССР. 1917-1925. Л., 1986. С.123-124).

Немногие догадывались, сколько душевных сил и нервной энергии стоила Ольденбургу позиция своеобразного «парламентера» в отношениях между властью и интеллигенцией, в 1921 он признавался: «надо было спасать и научную работу, и людей для этой работы в постоянных прениях, заседаниях, поездках в Москву, писаниях и защитах бесконечных докладных записок, имея, с одной стороны, грубых и властных людей, с другой, изнервничавшуюся интеллигенцию. /.../ И это с утра до вечера, без дня передышки. И рядом с этим обыски (у нас их было 6), аресты, вечные хлопоты в ЧК — слезы и страдания тех, кто остается, часто тщетные, иногда и удававшиеся попытки спасти от расстрела людей, у которых есть близкие — переживания с уводом на расстрел соседей по камерам, когда я был в тюрьме [сентябрь 1919. — М.С.] (думаю, что умереть самому легче). И так — идут годы. Что переживаешь, надо переживать одному... /.../ И фоном для всего этого смерти, смерти без конца, людей близких и далеких, оставляющих вдов и сирот. По своему центральному положению в большом деле я невольно всегда стоял и стою близко к этому всему и так как "вне дома" меня не считают ледяным, то идут ко мне. /.../ Думаю, что могу жить все-таки несмотря ни на что, не потому что я "ледяной", а потому что верю в жизнь и людей и люблю их и ее, потому что всем существом чувствую великую благодать, красоту, радость жизни, несмотря ни на что. /.../ Жизнь так бесконечно сложна, трудна, тяжела и — прекрасна» (СПб. ФАРАН. Ф.208. Оп.5. Д.15. Л.Тоб.-9).

¹⁷ *Мария Дмитриевна* Ольденбург (ур. Бекарюкова) — жена брата С.Ф. Ольденбурга, Федора Федоровича. Две другие сестры Бекарюковы — Елена и Наталья — были замужем соответственно за историком, академиком А.С. Лаппо-Данилевским (о нем см. ниже) и литературоведом, философом А.В. Гизетти.

¹⁸ *Сергей* Сергеевич Ольденбург (1887-1940) — сын С.Ф. Ольденбурга, историк, публицист. Близкий приятель Г.В. Вернадского с детских лет. Окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Министерстве финансов. В 1915 женился на А.Д. Старынкевич. В марте 1916 родилась их первая дочь Зоя — ныне известная французская писательница. Кроме нее, в семье было еще четверо детей. В годы гражданской войны С.С. — участник белого движения, в частности, в 1919 секретарь редакции газеты «Великая Россия» (Ростов). Эмигрировал, жил во Франции, сотрудничал в «Последних новостях». Автор монографии «Царствование императора Николая II» (Белград, 1939).

¹⁹ *Особое Совещание* создано 31 августа 1918 в Екатеринодаре как «высший орган гражданского управления» при ген. М.В. Алексееве, затем трансформировалось в совещательный орган в области законодательства и верховного управления при главкоме А.И. Деникине. По «Положению» от 15 февраля 1919 совмещало функции дореволюционного Совета министров и Госсовета. 30 декабря 1919 в Новороссийске было упразднено. Костяк Особого Совещания при Деникине составляли кадеты (Н.И. Астров, П.И. Новгородцев, А.В. Тыркова, С.В. Панина и др).

Сочи. Дача Калифорния
7 июня 1919 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Не писал Вам так долго¹, т.к. лишь на днях вернулся из месячной поездки в Екатеринодар и Новороссийск, где я был в поисках заработка. Раньше я с месяц окапывал плодовые деревья в соседнем саду. Но вследствие того, что я порядочно исхудал и все ткани и мышцы сделались несколько дряблыми, а также вследствие того, что здешняя глинистая почва при ливших все время дождях была очень тяжела и я несколько надорвался и получил в зачаточном состоянии небольшую грыжу. В Екатеринодаре имел несколько предложений, но я выбрал неважную службу, но зато в Сочи, чтобы не расставаться с семейством и не перетаскивать его на новое место. Переезды теперь безумно дороги. Я служу здесь в Осваге, т.е. в Осведомительном агентстве при Добров[ольческой] армии². Пока моя работа состоит главным образом в редактировании и корректировании телеграфных военных сводок для нашего издания бюллетеней с некоторыми вырезками из газет и отмерки шнурками фронтов по картам в зале для публики, писания разл[ичных] сенсационных плакатов в наружные витрины, давании разных справок и т.п. Жалования от 1600 р. до 1500 р. в месяц, что еще не вполне выяснено вследствие пересмотра штатов. Работать приходится ежедневно, в том числе и по праздникам. 9-1 ч. дня и 5-7 ч. вечера, но часто приходится задерживаться на час или полтора. Анна Андреевна³ недурно зарабатывает на продаже пирожков, которые пекут наши родственники Ливены. Т.к. мы жили в 3-х верстах от города, то нам пришлось переехать на другую квартиру из наших веселых, светлых комнат с чудным видом и дивным ви[а]дуком мы очутились в сыром и темном полуподвальном этаже, выходящем во двор. В Екатеринодаре я останавливался у брата⁴, видел Панину, Астрова, Новгородцева, Н.Н. Ковалевского, Н.Н. Львова, Юренева, Степанова, Мандельштама, Мякотина⁵ и кое-кого еще. Читал длинное письмо Маклакова⁶, присутствовал на заседании центрального комитета (всегдашнее препирательство между правым и левым крылом). Кадетская партия стоит пока целиком лишь за поддержание армии. Программных вопросов пока касаются мало. Выплывает поневоле лишь земельный вопрос. Читали ли Вы в «Своб[одной] Речи» ряд статей Зайцева?⁷ Если нет, то не удастся ли Вам достать эти №№ через кого-либо из кисловодских кадетов? В №72 от 30-го

марта была и моя статья. При Министерстве земледелия (как все министерства в Екатеринодаре вследствие ужасной переполненности помещаются в каком-то торговом помещении — амбаре) министры сидят в общей комнате за [одним] столом с другими. Многие, как напр[имер], Н.Н. Ковалевский и П.Н. Соковнин⁸, спят в министерствах же на столах, работает также земельная комиссия. Общая тенденция: временно представить владение земель ее захватчикам в виде аренды, а затем выкуп⁹. Говорят, что Колчак идет с этим же. Гр. Панина получила письмо от Петрункевичей¹⁰ из Афин, куда они бежали из Крыма. Брату обещали собрать до 10 000 р. группы: Екатеринодарская, Крымская и Ростовская. Екатеринодарскую сумму он, кажется, Вам перевел (у него оставалось на руках лишь несколько сот рублей — часть сбора с лекций Родичева¹¹ — остальную часть Родичев поделил между Добров[ольческой] Армией и собой). Крымские надежды теперь лопнули. Остается еще порядочная сумма за Ростовом, которую брат и надеется получить. Теперь, что касается вопроса о переезде Вашем сюда, то откровенно скажу, что при огромном желании моем и жены видеть Вас и Екат[ерину] Антиповну здесь (а Коленькиным — Талочку), я не вижу объективных данных для переезда Вашего. Дороговизна здесь все продолжает страшно расти, хлеб по карточкам и плохой, Кубань продолжает ничего не выпускать сюда, тогда как, судя по газетам и письму Вас. Пав. Симачева¹², даже в Кисловодске цены пошли на убыль. Сырость и слякоть здесь страшная, много больных ревматизмом, малярией (у жены и Коленьки) и воспалением легких. Отсутствие спокойствия вследствие близости грузинского фронта и разбойничьих шаек. Плохие пути сообщения — оползни на ж[елезной] д[ороге] и редкие и дорогие пароходы. Многие переехали отсюда и переезжают в разные станицы и на группы Мин[еральных] Вод. Если Вам уж переезжать куда-нибудь, так уж в какую-нибудь станицу или колонию, где есть медиц[инская] помощь и учебные заведения. Я говорил об этом и брату, и Паниной, и они обещали поискать для Вас что-ниб[удь] подходящее в Кубанской области, если бы Вы обратились к ним. Быть может, и кисловодские кадеты могли бы помочь Вам найти что-ниб[удь] в Терекской области. Тогда, напротив, быть может, уж скорее мы перебрались бы к Вам, если бы пребывание здесь оказалось невтерпеж. Встретил здесь семью Герценштейнов¹³, младшая дочь вышла на днях за находящегося здесь же сына Любошинского¹⁴. Они до декабря жили в Полтаве в нашей квартире, а потом бежали на Одессу и Крым от большевиков. Старицкие остались¹⁵ в Полтаве, а Вернадские в Киеве. Молодой Вернадский профессорствовал уже не в

Перми, а в Симферополе. Здесь находится Григорович-Барский¹⁶. С здешними кадетами я не сходиллся. Вот, кажется, и все новости. Пишите почаще; так хочется знать про Ваше медицинское, экономическое и душевное состояние. Не переутомилась ли окончательно Екатерина Антиповна, что Галочка? Мика держал экзамен во 2-ой класс и провалился на русском устном и природоведении. Нельзя целиком винить его в этом. Многое приходится объяснять беженским учением. А что Ваши воспоминания? Как хотелось бы их почитать в какой-ниб[удь] мирной станице. Или уж не прямо ли в Полтаве? Все наши сердечно кланяются Вам и Вашим.

Петр Долгоруков

¹ С семьей П.Д. Долгорукова (жена — Антонина Михайловна и двое детей) Корниловы близко сошлись почти сразу по приезде в Кисловодск — в октябре 1917. Вскоре П.Д. Долгоруков уехал в Полтаву, откуда вернулся в марте 1918. «Они нас постоянно навещали, то княгиня, то дети с Анной Андреевной, — вспоминал А.А. Корнилов, — а когда приехал князь, то он не замедлил явиться к нам, привезя привет и деньги от Вернадских» (АРАН. Ф.518. Оп.5. Д.68. Л.201). И после отъезда из Кисловодска П.Д. Долгоруков продолжал опекать семейство Корниловых. «Долг[оруков] видел его [Корнилова] в январе, — записывал в сентябре 1919 В.И. Вернадский, — он очень сильно поддался. Узнать адрес Петр Дм. помогал и собрал 4000 [р.]. /.../ У него удар; он пишет (диктует) воспоминания. Очень тяжело ему приходилось — в связи с голоданием. Ек[атерина] Ант[иповна] все сама делает /.../ Поддерживал ЦК, много [Петр] Долг[оруков]» (АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.10. Л.14, 32-32об.).

² Осведомительное агентство при Добровольческой армии создано летом 1918, просуществовало до марта 1920. К осени 1919 насчитывало свыше 10 000 человек, работавших в различных пунктах России и за рубежом. Возглавляли поочередно кадеты: С.С. Чахотин, Н.Е. Парамонов, К.Н. Соколов.

³ Воспитательница детей Долгоруковых, немка по происхождению.

⁴ Павел Дмитриевич Долгоруков (1866-1927) — общественный и политический деятель. С 1893 в течение пяти трехлетий предводитель дворянства Рузского уезда Московской губ. Член «Союза Освобождения», председатель ЦК партии кадетов (октябрь 1907 — ноябрь 1909), затем товарищ председателя. После Октябрьской революции целиком отдался идее белой борьбы: был товарищем председателя правления «Национального центра», председателем Объединения общественных и государственных деятелей в Крыму (1920). В эмиграции жил в Константинополе (1920-1922), Белграде (1922-1923), Париже (1923-1926). За это время дважды тайно посетил Россию (в 1924 и 1926). Во второй приход был арестован, провел 11 месяцев в харьковской тюрьме. О его освобожде-

нии хлопотал Политический Красный Крест, но в ответ на убийство в Варшаве 7 июня 1927 советского посла П.Л. Войкова, П.Д. Долгоруков был расстрелян в ночь с 9 на 10 июня в числе двадцати других представителей известных дворянских семей. В 1964 в Мадриде под названием «Великая разруха» изданы его воспоминания.

⁵ Николай Иванович *Астров* (1868-1934) — общественный и политический деятель. Секретарь Московской городской думы (1897-1907), с 1910 директор правления Московского городского кредитного общества. Член ЦК кадетской партии, один из создателей Союза городов. В годы гражданской войны один из активнейших деятелей белого движения: член «Совета общественных деятелей», «Правого центра»; один из учредителей в мае 1918 «Союза Возрождения России» и «Национального центра». После отъезда на Кубань летом 1918 политический советник ген. Деникина, член Особого Совещания, возглавлял комиссию по формированию гражданской власти при Особом Совещании. В эмиграции (вместе с гражданской женой гр. С.В. Паниной) жил в Праге. Автор «Воспоминаний» (Прага, 1940). Его братья — Павел Иванович (1866-1919), член Московского окружного суда, и Александр Иванович (1870-1919), профессор прикладной математики и помощник директора Московского высшего технического училища, — были расстреляны в Москве по делу «Национального центра».

Павел Иванович *Новгородцев* (1866-1924) — общественный деятель, профессор Московского университета. С 1906 директор Московского высшего коммерческого института. Член ЦК кадетской партии. В годы гражданской войны один из руководителей Правого и Национального центров. После эвакуации из Крыма вместе с войсками бар. Врангеля в 1921 жил в Чехословакии, где в мае 1922 создал Русский юридический факультет и стал его деканом.

Николай Николаевич *Ковалевский* (1858-?) — общественный деятель, кадет. Участник земских съездов 1904-1905, член «Союза Освобождения». Депутат 1-й Государственной думы. Член Совета Республики от кадетской партии (1917).

Николай Николаевич *Львов* (1867-1944) — общественный и политический деятель. Предводитель дворянства Саратовской губ. (1893-1900). Один из основателей «Союза Освобождения» и партии кадетов, член ее ЦК. Депутат 1-й, 3-й, 4-й Государственных дум. Затем лидер партии прогрессистов.

Петр Петрович *Юрнев* (1874-1946) — общественный и политический деятель. Инженер-строитель, окончил Институт путей сообщения в Петербурге. Депутат 2-й Государственной думы. С 1907 член Московской городской управы; под его непосредственным руководством был разработан первый проект московского метро. С 1910 член ЦК гадетской партии. Министр путей сообщения третьего состава Временного правительства. В годы гражданской войны руководитель одесской организации «Национального центра». С 1919 председатель организации Союза городов при Добровольческой армии. После эвакуации в Константинополь открыл в городе (вместе с А.В. Жекулиной) Русскую гимназию. В ка-

честве представителя Союза городов много сделал для обеспечения помощи детям эмигрантов, в частности по открытию средних учебных заведений и приютов в Праге, Белграде, во Франции.

Василий Александрович *Степанов* (1871-1920) — общественный и политический деятель. Член ЦК кадетской партии. По образованию инженер. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. Временно управляющий Министерством промышленности и торговли, автор проекта декларации Временного правительства по экономическим вопросам (июнь-июль 1917). С июля 1917 председатель военной комиссии ЦК кадетской партии. После октябрьской революции один из организаторов офицерских отрядов в Петрограде. По воспоминаниям А.В. Тырковой, Степанов «одним из первых понял, что войну эту можно вести только извне /.../ Он горячо доказывал, что необходимо всеми силами поддерживать генералов Алексеева и Корнилова, что надо направить всю энергию на создание Добровольческой армии» (Общее дело. 1920. 17 сент.). Работал в «Правом центре», «Союзе Возрождения России»; один из руководителей «Национального центра». Член Особого Сопровождения при ген. Деникине.

Михаил Львович *Мандельштам* (1866-1938) — общественный деятель. Присяжный поверенный, адвокат. Выступал защитником на многих политических процессах.

Венедикт Александрович *Мякотин* (1867-1937) — общественный и политический деятель, историк, публицист. Один из лидеров партии национальных социалистов. Руководитель Союза союзов (1905-1906), член редколлегии журнала «Русское богатство». С 1918 председатель «Союза возрождения России». Осенью 1922 выслан из России. В эмиграции — профессор Софийского университета. Автор воспоминаний «Из недавнего прошлого» (На чужой стороне. 1924. №2, 3, 5, 6, 9).

⁶ Василий Алексеевич *Маклаков* (1869-1957) — общественный и политический деятель. Член ЦК кадетской партии с 1905. Депутат 2-4-й Государственных дум. После Февральской революции — посол во Франции, где вел большую работу по материальному обеспечению русских эмигрантов, создатель в 1924 Эмигрантского комитета. Автор многочисленных воспоминаний.

⁷ Кирилл Осипович (Иосифович) *Зайцев* (Константин, архимандрит) (1887-?) — историк, богослов, ученик А.А. Корнилова по петербургскому Политехническому институту. Кадет. В эмиграции с 1920 — приват-доцент, затем профессор Русского юридического факультета в Праге и Педагогического института в Харбине; в 1936-1938 профессор политэкономии в Харбине. Профессор богословия в Троицкой семинарии. Сотрудничал в газете «Возрождение» у П.Б. Струве. В «Свободной Речи» опубликовал ряд статей, посвященных земельным мероприятиям Сибирского правительства в 1919.

⁸ *П.Н. Соковнин* — министр народного просвещения Крымского краевого правительства.

⁹ Один из самых болевых вопросов российской политики и истории — земельный — так и не получил разрешения на территориях, занятых

Добармией. Противостояние гражданского и военного окружений ген. А.И. Деникина, разногласия внутри Особого Совещания, наконец, нараставшая социальная конфронтация между добровольцами и местным населением не позволили провести аграрную реформу, предусматривавшую возможность принудительного отчуждения части помещичьих земель за вознаграждение. Только правительство бар. Врангеля решилось на передачу всех пригодных к обработке земель в собственность обрабатывающих их крестьян. По мнению Г.В. Вернадского, «если бы подобный закон был в свое время проведен правительством Деникина, то весьма вероятно, что Белая армия победила бы в гражданской войне» (Крым // Новый журнал. 1971. Кн.105. С.218).

¹⁰ *Петрункевич* Иван Ильич (1843-1928) и Анастасия Сергеевна (урожд. Мальцева, в первом браке гр. Панина; 1850-1932). И.И. — общественный деятель, «патриарх» российского либерализма. Председатель «Союза Освобождения» (1905), один из учредителей кадетской партии и председатель ее ЦК (1909-1915). Соиздатель ЦО кадетской партии — газеты «Речь» (1908-1917). В эмиграции в США (1920-1921), Швейцарии (1921-1924), Чехословакии (1924-1928). Автор воспоминаний «Из записок общественного деятеля» (Прага, 1934). На протяжении более чем тридцатилетнего общения Петрункевича и Корнилова связывали самые теплые дружеские отношения. «Вы, — писал Петрункевич В.И. Вернадскому в 1916, — А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской занимаете в моей душе и сердце самое интимное место» (АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1261. Л.12).

¹¹ Федор Измаилович *Родичев* (1856-1933) — общественный и политический деятель. В течение многих лет один из активнейших тверских земцев. Участник «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Депутат Государственных дум всех созывов. По словам А.В. Тырковой, «...оратор Божьей милостью. Его голос, интонация, выражение лица, нервное движение рук, чертивших в воздухе рисунок, дополнявший его слова, а главное струившиеся от него флюиды идейного энтузиазма — зачаровывали слушателей, подчиняли ему даже тех, кто далеко не во всем с ним был согласен» (Новый журнал. 1954. Кн.38. С.207). С 1906 член ЦК кадетской партии. В марте-мае 1917 министр Временного правительства по делам Финляндии. В эмиграции жил в Греции, Сербии, Франции, Швейцарии, Англии.

¹² О ком идет речь, установить не удалось.

¹³ *Герценштейны* — семья Михаила Яковлевича Герценштейна (1859-1906) — экономиста, одного из теоретиков кадетской партии по аграрному вопросу, депутата 1-й Государственной думы, убитого черносотенцами. Одна из его дочерей — Вера Михайловна — вышла замуж за Марка Марковича Любошинского-младшего (1891-1980 или 1981) (об этой семье см. ниже). До революции М.М.-младший — юнкер Константиновского артиллерийского училища в Петрограде, затем прапорщик 1-й Западной артиллерийской бригады. Летом-осенью 1919 мобилизован, служил при английском авиационном отряде. В эмиграции — в Чехословакии (курорт Песчаны), некоторое время в Индии.

¹⁴ Любошинские — Анна Егоровна (урожд. Старицкая; 1865-1930), сестра Н.Е. Вернадской, и Марк Маркович (1864-1945), внук Н.И. Пирогова. Женаты с 1888. М.М. окончил юридический факультет Петербургского университета, Сельскохозяйственные курсы И.А. Стебута (1894), слушал курс в Институте практического семеноводства и полеводства И.Шмидта в Эрфурте (1895-1896). Служил в 1-м департаменте Сената, после выхода в отставку в 1893 жил в имении сына в Тамбовской губ. В течение 12 лет возглавлял Козловское общество сельского хозяйства. На протяжении 15 лет — научный сотрудник Козловской опытной станции. В 1912 переселился в Москву, занимался управлением делами частных лиц и организацией административно-хозяйственного надзора за постройкой жилых домов. После 1917 неоднократно арестовывался и высылался (Тобольск, Пермь). С 1926 завхоз Сапропелевой станции Комиссии по изучению естественных производительных сил АН СССР в Залучье (быв. имение Н.С. Таганцева). В 1930-е годы жил у детей в Чехословакии. Вернулся в СССР. Похоронен на Введенском кладбище.

В семье Любошинских было 9 детей. Софья (1889-1979?) — окончила московскую гимназию Алферовой; вышла замуж за М.А. Бакунина (в годы гражданской войны — офицер Добровольческой армии, состоял при штабе ген. Кутелова), жила в имении «Горная щель» на Южном берегу Крыма, где у нее неоднократно бывали Вернадские. В эмиграции в Бельгии. Мария (1894-1988) — училась в университете Шанявского, в 1918-1919 работала в Главлескоме, затем в Главархиве. В 1919 вышла замуж за А.М. Фокина. Жила в Москве, Красной Поляне (Северный Кавказ). Георгий (1897-1921) — окончил гимназию Флерова, учился в Московской консерватории и на физико-математическом факультете Московского университета. Владимир (1899-1920?) — окончил гимназию Флерова, учился на юридическом факультете Московского университета и в Московской консерватории по классу скрипки (1918-1919), в 1918 — сотрудник отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, с лета 1919 — в Добровольческой армии. Наталья (р.1901), в замужестве Мостовая. Ныне проживает в Москве. Анна (1902-?) — в замужестве Сербина, жила во Франции. Павел (1906-1992) — окончил Лесотехническую академию в Праге; жил в Чехословакии до середины 50-х годов, затем вернулся в СССР. Дмитрий (1911-1989) — в 1930-е неоднократно подвергался арестам и высылкам (Новосибирск, Ухта), жил в Караганде.

Любошинским-старшим принадлежали в Москве два дома (Зубовский бульвар, 15), в одном из которых в течение многих лет жили Шаховские, Кокошкины, Бакунины, Новгородцевы, Булгаковы, Старицкие и др. друзья и родственники хозяев.

¹⁵ В Полтаве проживал огромный клан *Старицких*. Вероятно, Долгоруков имеет в виду прежде всего ближайших родственников Н.Е. Вернадской. Ее брат — Георгий Егорович (1867-1945) — кадет, в администрации Деникина полтавский губернатор. В 1920 эмигрировал в Болгарию, где работал в банке, подрабатывая художественной фотографией. Сестры — Мария Егоровна (1869-1943), жила позднее в Москве на Зубов-

ском бульваре; Нина Егоровна (1871-1921) — в замужестве Жедринская, в 1920 со всей семьей эмигрировала в Югославию.

¹⁶ Дмитрий Николаевич *Григорович-Барский* — член ЦК кадетской партии, председатель ее Киевского городского комитета. В эмиграции один из руководителей юношеского объединения «Юных добровольцев».

Г.В. Вернадский

1

Симфер[ополь].
15/28 июня [1919]

Дорогой Александр Александрович!

Опять между нами сообщение, спешу отправить тебе письмо от матери твоей, которое привез твой племянник Вениамин Ник[олаевич], приехавший сюда к невесте, дочери профессора ботаники Кузнецова¹, с которой он тут и обвенчался, а затем оба уехали в Рыбинск.

Вен. Ник. рассказывал, и верно это пишет тебе и мать твоя², о кончине твоей сестры Елизаветы Александровны³. Все остальные твои родные и близкие знакомые живы и здоровы.

Из Киева от своих получил несколько писем. Папа много работает, академия была цела, теперь не знаю, что будет дальше, м[ожет] б[ыть], скоро можно будет ему в П[е]т[ро]гр[ад] возвращаться⁴? Сестра моя Ниночка⁵ заболела и это меня очень беспокоит. У ней кровь шла горлом и обнаружился туберк[улезный] процесс в легких. Доктора посылали в Крым, а вот теперь они отрезаны! Надеюсь, что скоро соединятся и они.

На Ниночку м[ежду] пр[очим] очень повлияло и растревожило то, что Така Мил[юкова]⁶ в Киеве вышла замуж за Дмитрия Сокоратовича Старынкевича⁷ (Ел[ена] Конст[антиновна]⁸ умерла в прошлом году). Мама пишет, что их всех это потрясло⁹.

Обнимаю вас всех крепко.

Нина шлет горячий привет.

2

Симферополь. Менделеевская, 10 кв. 3.
26 июня/9 июля [19]19 г.

Дорогой Александр Александрович!

Как только почта между нами вновь стала действовать, я тебе послал заказным письмо твоей матери, которое привез приехавший сюда жениться племянник твой Вениамин. Из письма

этого ты верно уже знаешь, что скончалась сестра твоя Елизавета Александровна, все остальные твои родные живы и здоровы.

С Киевом теперь я отрезан, а последние вести оттуда были тревожные для меня, что моя сестра Ниночка заболела; видимо, туберкулезный процесс в легких; родители подумывали везти ее сюда, но не было возможности и раньше больному проехать, а сейчас и вовсе нет сообщений. Надеюсь, что скоро Киев освободят¹⁰.

Положение Таврич[еского] университета со всеми политич[ескими] переменами неопределенно, т.к. неизвестно, примет ли правительство на себя его содержание. Едет особая делегация профессоров, чтобы выяснить эти вопросы, а я лично подумываю уже о возвращении в Пермь.

Целую крепко всех вас, любящий

Георгий

Нина шлет горячий привет.

3

Симферополь. Менделеевская, 10, д.3.

3 сент[ября] [19]19 г.

Дорогой дядя Адя!

Ужасно рад был твоим письмам от 2 и 17 июля. Письма эти я нашел уже здесь в Симферополе (мы вчера только вернулись с южного берега), но, говорят, они пришли незадолго до моего приезда, т[ак] что ужасно долго шли.

На южном берегу мы провели с Ниной чудесно два месяца, почти все время в Гаспре у Мих. Ив. Петр[ункевича]¹¹. Нина брала уроки пения у Анны Мих. Ян-Рубан¹² и очень довольна.

Ив[ана] Ил[ьича] и Ан[астасии] Серг[еевны] Петрункевичей еще нет, они в Ницце были это время, их ждут домой в Гаспру со дня на день.

Беспокоюсь, что не получаю никаких известий из Киева, хотя вот уже больше двух недель, как Киев взят добровольцами. Я туда сразу написал¹³, но в ответ еще ничего. А там, говорят, большевики очень свирепствовали перед уходом¹⁴. Но вчера я получил косвенное известие о своих: в киевской газете «Объединение» (видимо, бывшая «Киевская мысль») я прочел папину статью (некролог расстрелянного большевиками профессора Армашевского)¹⁵.

На южный берег недавно приехал астроном Неуймин¹⁶ (из Симеиза), ездивший в Петербург, привез письма Сереже Ольденбургу от его отца. Он пишет, что много работает научно по буддийско-

му искусству, что жить стало тяжелее, дороговизна усилилась и пр., но что жить все-таки можно. Письмо в общем бодрое.

Еще раньше мы узнали, что в Петербурге умерли А.А. Кауфман и А.С. Лаппо-Данилевский¹⁷. Так все теперь отрезаны друг от друга, что и о смерти узнаешь случайно.

Очень меня мучает, что сейчас не могу помочь тебе деньгами. Нам прибавили жалованье, но цены возросли еще больше. Кроме того, не знаю еще, как мои в Киеве, м[ожет] б[ыть], они приедут сюда теперь и рассчитывают на мою помощь. Когда все выяснится, надеюсь, что хоть немного смогу тебе помочь. Повидаюсь еще с Обол[енским], узнаю, нельзя ли от партии что-нибудь тоже сделать. Затем вот что имей в виду. У нас ведь есть дача в Бати-Лимане¹⁸ (недалеко, 8 верст от Байдарских ворот). Я до сих пор не знал, в каком она состоянии. Теперь я там был два раза. Дача в два этажа, нижний не отделан (нет полов), верхний совсем готов. Там (в верхн[ем] этаже) четыре комнатки. Вероятно, туда поедут теперь мама с Ниночкой. Если больше никто, то значит и вы могли бы поместиться там. Если мама совсем туда сейчас не поедет, то дача и вовсе пустая. Пока там нельзя жить, т.к. нет воды, но я заказал цистерну с фильтром для собирания дождевой воды (как у всех там); цистерна будет готова к 5 ноября, след[овательно], с конца ноября водяной вопрос там будет решен. Беда только, что это очень уединенное место. Провизия, почта, доктор — в Байдарах, верст за 9-10 (по отличной дороге). Летом все проще, потому что там стоят рыбаки, которые почти каждый день ездят в Балаклаву (2 часа морем в лодках) и все оттуда могут привезти. М[ожет] б[ыть], вам всем туда перебраться будущей весной?

Жизнь здесь только стала довольно дорогая, я думаю, дороже, чем на Кубани. Хлеб здесь 2 р. фунт, а в Байдарах — 3 р.

М[ожет] б[ыть] ---- письмо прервали и я теперь забыл уже, что может быть. Еще практические сведения, что в Бати-Лимане у нас только 2 кровати, а матрасов вовсе нет, но можно будет взять у соседей (напр[имер], Милюковых¹⁹) на зиму — а на будущее лето, Бог даст, купим.

Сегодня видел дочь Обол[енского], кот[орая] третьего дня видела приехавших из Киева Рейтлингеров²⁰. Она рассказывала, что папа скрывался под Киевом в дни ухода большевиков²¹, что Ниночка, моя сестра, поправилась было, но сейчас у нее плеврит, а впрочем, все у них благополучно. Все это меня мало успокоило.

Целую всех вас крепко. Талочка-то уже верно совсем большая?

Георгий Вернадский

Нина шлет сердечный привет. О Володе ничего не слышал.

Симферополь
9 декабря [19]19 г.

Дорогой дядя Адя!

Давно о тебе ничего не слышал. Может быть, почта стала неисправна. Боюсь, что и ты от меня писем не получаешь.

Мои все — отец, мать и сестра благополучно успели выбраться из Киева в Полтаву, а затем в Ростов²². Там их видел Вл. Андр. Оболенский, на днях оттуда вернувшийся. Говорит, что мама с Ниночкой на днях должны выехать в Крым. Папа собирался возвращаться в Киев, но теперь это невозможно, и я думаю, что он тоже сюда приедет²³.

Обстоятельства опять смутны и изменчивы, но если все будет благополучно и мы все соберемся вместе — как было бы хорошо, чтобы к лету и вы сюда переехали.

Здесь теперь С.Н. Булгаков²⁴, избранный профессором нашего университета по кафедре политической экономии. Ты ведь знаешь, что Булгаков теперь священник. Он служит по воскресеньям и праздникам, очень хорошо говорит проповеди. Вообще замечательно много вносит он в симферопольскую жизнь, как светскую, так и церковную. Деятельное участие он принимает в здешнем религиозно-философском кружке²⁵.

Как хотелось бы вас всех увидеть.

Крепко обнимаю.

Георгий

Нина шлет сердечный привет.

¹ Николай Иванович *Кузнецов* (1864-1932) — ботанико-географ, основатель русской школы систематиков и ботанико-географов. Профессор Юрьевского (1895-1915), Таврического (1918-1921), Петроградского (с 1921) университетов. В 1915-1918 — директор Никитского ботанического сада, в 1922-1932 — зав. отделом геоботаники Главного ботанического сада АН СССР.

² Мать А.А. Корнилова — Елизавета Николаевна. Окончила курс Смольного института благородных девиц. В 1861 вышла замуж за Александра Александровича Корнилова (1834-1891) — двоюродного племянника адм. В.А. Корнилова, участника обороны Севастополя во время Крымской войны. В 1870-1880-е А.А. Корнилов-старший служил по ведомству Государственного контроля (Киев, Кишинев, Люблин, Варшава), с 1883 — управляющий канцелярией варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко.

Зиму 1918 — весну 1919 мать А.А. Корнилова вместе с другими родными провела в Москве на Зубовском бульваре, 15, в доме А.Е. Любошинской: «Нас перевезла к себе Анна Егор[овна] в ноябре и тем самым спасла буквально от замерзания» (ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.631. Л.184об.).

³ *Елизавета Александровна Дорогова* (урожд. Корнилова; 1872?-1919) — родная сестра А.А. Корнилова. Кроме них в семье было еще два брата — Николай (морской офицер, капитан 1 ранга) и Владимир (умер в детстве) и четыре сестры — Варвара (в зам. Васильева), Татьяна (в зам. Харламова), Ольга (в зам. Кудрина), Екатерина (в зам. Насонова).

⁴ Одним из основных источников информации о положении в Петрограде для Вернадских служили письма С.Ф. Ольденбурга, который несмотря на весь свой оптимизм постоянно предостерегал их от возвращения (ср.: «Здесь положение такое острое это время, с бесконечными бессмысленными арестами, что мне ясно, что тебе приехать нельзя. /.../ приехать, чтобы бессмысленно сидеть в чудовищных, по-видимому, условиях современного заключения, нельзя. Никому и ничему от этого пользы нет» — Институт рукописей ЦНБ им. В.И. Вернадского АН Украины. Ф.1. №27061. Л.1-1об.). В Петроград В.И. Вернадский вернулся только в начале апреля 1921.

⁵ *Нина Владимировна Вернадская* (в зам. Толль; 1898-1986) — дочь В.И. Вернадского. В 1914 окончила гимназию в Петербурге. Оказавшись в 1918 с родителями на Украине, в течение двух лет училась в Украинской Академии художеств (мастерская проф. Жука) в Киеве. После переезда в Крым занималась на 1-м курсе физико-математического факультета Таврического университета. По возвращении в Петроград прослушала два курса Военно-медицинской академии (1921-1922). Выехав с родителями в 1922 в Прагу, окончила там медицинский факультет университета (специальность — психиатрия). В 1926 вышла замуж за археолога Николая Петровича Толля (1894?-1985). В 1939 они переехали в США, где в 1940-1953 Нина Владимировна работала в психиатрической клинике под Бостоном. Публикацию ее писем см.: Владимир Иванович Вернадский: Материалы к биографии. Указ. изд. С.121-131.

⁶ *Наталья Павловна Милюкова* (1897 или 1898-1921) — дочь лидера кадетов П.Н. Милюкова; близкая подруга Нины В. Вернадской, с которой жила в одной квартире в Киеве зимой 1918, работая конторщицей в Юнкер-банке. В мае 1919 вышла замуж за Д.С. Старынкевича (о нем см. ниже). После венчания они уехали в Ростов, где через несколько месяцев Старынкевич скончался. Наталья Павловна вернулась в Петроград, училась в 1921 на 1-м курсе электромеханического отделения Политехнического института, жила в квартире С.Ф. Ольденбурга. В июне того же года, поехав навестить брата, заболела дизентерией и скончалась в Полтаве.

⁷ *Дмитрий Сократович Старынкевич* (1863-1920) — инженер-технолог. Близкий друг всех членов Братства; вместе с А.А. Корниловым учился еще в 1-й Варшавской гимназии. После исключения из Петер-

бургского университета (ок.1882) работал на сахарном заводе в Рау на Украине. Вскоре поступил в Университет св.Владимира в Киеве, откуда в 1887 перевелся в петербургский Технологический институт. В 1894 заведовал техническим отделом Всероссийской Нижегородской выставки. В последующие годы — член правления дирекции Акционерного общества брянских заводов. Приехав в Киев в 1918, поступил на работу в кооператив, что «спасло его от многих неприятностей, — писала Н.П. Милокова отцу 12 ноября 1919. — Мы пережили жуткие минуты, когда к нам поздно вечером явились 4 латыша с орденом на производство обыска и ареста Димитрия Сократовича. К счастью, он незадолго перед тем уехал по делам кооператива в Нежин. Они все перерыли, перечитали письма и не нашли ничего лучшего, как взять написанное на бумаге доказательство геометрической теоремы, которую они приняли за деникинский шифр. Обыск никаких последствий не имел...» (ГА РФ. Ф.579. Оп.5. Д.21. Л.7об.-8).

⁸ *Елена Константиновна Старынкевич* (урожд. Лебедевская; ?-1918) — первая жена Д.С. Старынкевича (с 1887). Училась в одной Варшавской гимназии с родной сестрой А.А. Корнилова Екатериной. Окончила Женский медицинский институт, работала врачом в Петроградской городской больнице Марии Магдалины. Скончалась в июне 1918 от туберкулеза. В семье Старынкевичей было 4 дочери (Ада, Дебора, Иоанна, Ирина) и 2 сына (Константин — о нем см. выше — и Сократ). Ада (?-1945) — жена С.С. Ольденбурга (о нем см. выше), окончила математическое отделение Высших женских курсов. Годы гражданской войны провела в Крыму (работала учительницей арифметики в сельской школе в Корезе). Весной 1921 вместе с Вернадскими возвратилась в Петроград, летом того же года — воспитатель в детской колонии «Красная новь», осенью — преподаватель математики в школе (быв. гимназия Мая). В 1925 уехала с детьми во Францию. Дебора — в 1918 училась в Киеве на Фребелевских курсах дошкольного воспитания детей, в июне 1920 вернулась в Петроград, жила вместе с сестрами в квартире С.Ф. Ольденбурга. Скончалась в 1922. Иоанна (в зам. Хлопина; р. 1904) — годы гражданской войны провела с сестрами в Киеве и Крыму. Училась в Географическом институте, затем аспирантка ЛГУ и сотрудница Музея антропологии и этнографии АН СССР, но вследствие отчисления как дочери «промышленника и помещика» вынуждена была изменить специальность. Окончила медицинский институт, работала во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, доктор наук. Ирина (в зам. Борнеман; 1890-1989) — известный биогеохимик, ученица и многолетняя сотрудница В.И. Вернадского. Училась в царской гимназии (в одном классе с А.А. Ахматовой), затем в гимназии Э.Шаффе в Петрограде. Окончила Высшие женские курсы, в 1912-1913 занималась в Геттингенском университете. Работала в Государственном Радиовом институте, с 1949 по 1970 — зав. Центральной химической лабораторией Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Доктор геолого-минералогических наук. Сократ — во время Первой мировой войны служил в санитарном отряде от Союза городов; весной

1919 арестован большевиками как дезертир, бежал, уехал в Иваново-Вознесенск, где окончил сельскохозяйственный факультет Политехнического института.

⁹ Многие друзья и знакомые негативно отнеслись к этому браку прежде всего из-за значительной возрастной разницы супругов. Сама же Н.П. Милюкова писала отцу в сентябре 1919: «...я счастлива так, как только могу быть счастливой, и бодро вынесу все, что случится с Россией, если только мой муж и я останемся живы. Я думаю, что большевики вернутся в Киев, что в ближайшем будущем большевизм не будет ликвидирован, как многие надеются; я думаю, что самое тяжелое время еще впереди и что мы с тобой не скоро увидимся; во всяком случае знай, что моя судьба в верных руках, в руках человека, который силой своего духа содействует развитию всего лучшего, что во мне есть, и что моя любовь вынесет меня из всех ужасов неповрежденной» (ГА РФ. Ф.579. Оп.5. Д.217. Л.1об.-2).

¹⁰ Части Добровольческой армии вошли в Киев 18 (31) августа 1919.

¹¹ *Михаил Иванович Петрункевич* — сын И.И. Петрункевича, управляющий именем гр. С.В. Паниной в Гаспре. В августе 1920 назначен мировым судьей в небольшом городишке Алешки (около Херсона). После прихода Красной армии арестован вместе с детьми Володей и Асей; содержались в Херсонской тюрьме, где все заболели тифом, а сын в декабре 1920 скончался. После освобождения М.И. с дочерью и женой Елизаветой Ильиничной уехали в Москву, где жена М.И. скончалась (также от тифа) в феврале 1921. В июле 1923 М.И. подвергнут административной высылке на 2 года в Великий Устюг по так называемому «собачьему делу», работал главным бухгалтером земельного управления. В конце 1920-х — начале 1930-х неоднократно переиздавались его книги «Как самому натаскать легавую», «Охота на куропаток» и др.

¹² *Анна Михайловна Ян-Рубан* (урожд. Петрункевич, в 1-м браке Мавевская; ?-1955) — дочь известного земского деятеля Тверской губ. Михаила Ильича Петрункевича (1845-1912), брата И.И. Петрункевича. Певца. Вместе с гражданским мужем, композитором В.И. Полем (1875-1962) жила в Гаспре, давала уроки пения, в т.ч. жене Г.В. Вернадского (об этом см. ее воспоминания: Первая русская камерная певица Анна Михайловна Ян-Рубан // Возрождение. 1965. Кн.157. С.98-112). Об их жизни в Крыму сообщает также С.К. Маковский: «Им пришлось пережить весь ужас этого самого жестокого из большевистских нашествий, когда поголовно умерщвлены были в госпиталях брошенные на произвол судьбы белые раненые. /.../ Самое удивительное, что продолжая жить в Гаспре, В.И. Поль и А.М. Ян-Рубан не подверглись преследованиям — большевики использовали их для "народных зрелищ" и для развлечения музыкой красных раненых, размещенных по дворцам и больницам Черноморского побережья» (Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С.359-360). Летом 1922 В.И. Поль и А.М. Ян-Рубан эмигрировали в Константинополь, впоследствии жили в Париже.

¹³ Днем раньше, 2 сентября 1919, Г.В. Вернадский отправил отцу письмо, в котором сообщал: «...радость моя по поводу взятия Киева (и как хорошо, что он взят именно Добрармией, а не Петлюрой, это страшно упрощает положение) связана, однако, с тревогой за судьбу твоего дела — Киевской Академии.

В том виде, как она была до сих пор, она продолжать существовать не может, это для меня ясно. В качестве частного предприятия она может существовать, — но, конечно, средств не хватит, разве на историко-филологическое отделение (да, по-моему, это был бы вообще нежелательный исход). Но, мне кажется, могут быть шансы, что она сможет существовать как южно-русская Академия, разумеется, с делопроизводством на русском языке, но с научными статьями в ее изданиях, по желанию также и на украинском. Такая южно-русская академия (или южно-русское отделение), тем более будет нужна, если еще всю зиму Москва и Петроград не будут заняты Добрармией. Во всяком случае тебе, по-моему, необходимо немедленно поехать в Ростов, чтобы лично переговорить с министрами Особого Совещания» (Институт рукописей ЦНБ им.В.И. Вернадского АН Украины. Ф.1. №26914).

Тревога Вернадского-младшего была вполне оправдана. С самого начала организация Украинской Академии наук встретила значительное непонимание в среде русских ученых, связывавших появление УАН с распадом российской государственности. «Учреждение Украинской Академии... — писал Вернадскому его заместитель по Сельскохозяйственному ученому комитету Д.Д. Арцыбашев, — укладывается в моей голове — не скрою, с большим трудом. При нашей бедности научными силами и полным финансовом крахе государства содержать две Академии России не может; следовательно — не будет единой России» (Там же. №26895. Л.1об.-2). В то же время многие украинские ученые с подозрением, а часто и с открытым неприятием (М.С. Грушевский и др.) относились к «русофильской», по их мнению, академии в Киеве (современную дискуссии по этой проблеме см.: Розбудова Держави. Киев. 1992. №3). УАН, задумывавшаяся Вернадским как самостоятельная структура, с широким набором естественных и гуманитарных дисциплин, прикладных и фундаментальных исследований, с разветвленной сетью научно-исследовательских институтов, оказалась своим «космополитизмом», отражавшим убеждение Вернадского в общемировом, а не национальном характере научного знания, равно неудобной для всех властей, сменявшихся в Киеве. Еще в июне 1919 распоряжением Особого Совещания на территории, подконтрольной Добрармии, отменялись все законодательные акты украинских правительств, что для Академии означало прекращение ее деятельности как государственного учреждения, а сразу после прихода денкинцев в Киев были запрещены ее общие собрания, отменены субсидии и т.п. На протяжении сентября-декабря 1919 Вернадскому пришлось дважды побывать в Ростове в ставке главнокомандующего для переговоров о судьбе и статусе УАН. С горечью он записывал в дневнике: «Мне кажется, что все попытки мои отстоять сейчас работу Академии кончатся крахом, и в той или иной форме мне придется

пойти на разрыв» (АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.11. Л.28). В итоге в конце ноября Отдел законов Особого Совещания принял компромиссный вариант законопроекта об УАН, при котором она теряла свою автономию, но продолжала существовать.

¹⁴ Ср. в «Воспоминаниях» С.П. Тимошенко: «При добровольческой власти открыли для осмотра публики подвалы, в которых производились большевиками истязания и расстрелы их жертв. Я туда не пошел, а отец ходил и осматривал эти подвалы. Рассказывал, что в каждом из них он видел цементную стену с кровавыми пятнами и с желобом на полу для стока крови» (Париж, 1963. С.170). В.И. Вернадский писал А.А. Корнилову через две недели после взятия Киева: «За это время пережили страшно много. /.../ В Киеве мы испытывали при нем [”социалистическом строе“ — М.С.] в XX веке и рабство, т.к. мы были на положении илотов до инквизиции. Видя, к чему привело русское ”освободительное“ движение, должен меняться и взгляд на него историка, должны пасть старые схемы и замениться новыми...» (ГА РФ. Ф.5102. Оп.1. Д.466. Л.20).

¹⁵ Петр Яковлевич *Армашевский* (1851-1919) — минералог и геолог, профессор Университета св.Владимира в Киеве. Упомянутая статья «Памяти П.Я. Армашевского» опубликована в «Объединении» 9 сентября 1919 (частично перепечатана в журнале «Век XX и мир»: 1990. №1. С.27).

¹⁶ Григорий Николаевич *Неуймин* (1886-1946) — астроном. С 1912 работал в Симеизском отделении Пулковской обсерватории, в 1925-1931 и 1936-1941 возглавлял его. В Симеизе впервые в России организовал систематические наблюдения малых планет. С 1944 — директор Пулковской обсерватории.

¹⁷ *Александр Аркадьевич Кауфман* (1864-1919) — экономист, статистик. Член ЦК кадетской партии. Вместе с А.А. Корниловым работал в студенческом научно-литературном обществе Петербургского университета, затем занимался изучением крестьянского сельского хозяйства и быта переселенцев Западной Сибири. В 1906-1907 по приглашению Н.Н. Кутлера участвовал в обосновании необходимости широкой аграрной реформы в России, в 1917 работал в Главном земельном комитете по составлению проекта такой реформы. Доктор политэкономии, профессор Высших женских курсов.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863-1919) — историк, философ. Академик РАН (1905). Занимался проблемами методологии исторической науки, вел курсы источниковедения, дипломатики и др. Среди его учеников — Г.В. Вернадский, Н.Д. Кондратьев, Т.И. Райнов, П.Сорокин и др. Почетный доктор права университета в Кембридже. Кадет. В течение многих десятков лет историко-методологические исследования Лаппо-Данилевского оценивались в советской историографии как «реакционные», «буржуазно вредные». Только в 1990 опубликована 1-я часть главного труда его жизни — книги «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом

ее политики» (однако, вышла она под цензурно-нейтральным названием «История русской общественной мысли и культуры. XVII-XVIII вв.»; здесь же помещена статья А.И. Клибанова, пересматривающая значение работ Лаппо-Данилевского).

Семья Лаппо-Данилевских — жена Елена Дмитриевна (урожд. Бекарюкова, 1868-1942) и сыновья — Иван (1896-1931), математик, член-корреспондент АН СССР (1931) и Александр (1898-1920), художник, ученик К.С. Петрова-Водкина — была связана тесными родственными узами с Ольденбургями, Гревсами и др.

Из дневника В.И. Вернадского, запись 11 февраля 1919: «В газетах сегодня о смерти Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. Все уже круг близких. Ему легче, что он умер. Он переживал все тяжело, личная жизнь (сын Ваня) была сурова. А исключительная, совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий делали эту фигуру такой, которую не забудут. Две смерти: Лаппо-Данилевский и Туган-Барановский. Оба крупные порождения русской культуры, ее исключительного богатства, красоты и мощи. А.С. — ученый и мудрец...» (АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.11. Л.4).

¹⁸ Семья Вернадских владела небольшим дачным участком в имении Бати-Лиман, расположенном между Ялтой и Севастополем. Среди 26 пайщиков, приобретших в 1911 это имение у общества татар деревни Хайты, были Милюковы, Елпатьевские, Билибины, Ростовцевы, Короленко, Станиславские, Кокошкины и др. (см. воспоминания Л.Е. Чириковой о Бати-Лимане в 1918-1919. — Наше наследие. 1991. №6).

¹⁹ *Милюковы* — Павел Николаевич (1859-1943), Анна Сергеевна (урожд. Смирнова, ?-1935; активная деятельница феминистского движения), сыновья — Сергей (1895-1915; погиб на фронте во время Первой мировой войны), Николай (1889-?; в годы гражданской войны сражался в Белой армии), Наталья (о ней см. выше).

П.Н. — историк, общественный и политический деятель. Председатель ЦК кадетской партии с 1907. Министр иностранных дел Временного правительства (март-май 1917). «Революционер в 1905 году и строгий монархист-конституционалист с 1906 по 1917 гг.; сторонник войны с Германией "до победного конца" с 1914 по 1917 гг. и сторонник "германской ориентации" в 1918 г.; участник Белого движения во время гражданской войны и решительный противник его в эмиграции; проповедник военной диктатуры, отрицавший какие-либо соглашения с левыми в России с 1918 по 1920 гг., противник Уфимской Директории и Учредительного собрания, а в 1921 году участник воссоздания Учредительного собрания в Париже, принципиально отвергавший всякую диктатуру в любой стране и при любых обстоятельствах, непримиримый республиканец и демократ», — характеризует Милюкова как политику-прагматика, чутко реагирующего на изменения политической конъюнктуры, что, по видимому, и обеспечивало его лидерство в кадетской партии на протяжении многих лет (цит. по: Оболенский В.А. Мои друзья. Мои современники. Указ. изд. С.441).

²⁰ Семья Н.А. Рейтлингера — близкого знакомого Вернадских со студенческих лет, одно время члена редакции легального марксистского ежемесячного журнала «Начало». Две дочери Н.А. — Мария и Лидия — скончались в марте 1920 от тифа в Ялте. Юлия (1898-1988) и Катерина (в замуж. Кист, 1900-1988) жили во Франции. Юлия — художница, мастер иконописи, в 1930-е стала инокиней и поселилась в Сергиевском Подворье в Париже. Катерина — поэт, художник, близкая знакомая Эфронов. В эмиграции Н.А. — зав. отделом приискания труда Центрального комитета по обеспечению образования русскому юношеству за рубежом.

²¹ Из «Хронологии» В.И. Вернадского: «После убийства Науменки [педагог, министр культуры при гетмане Скоропадском. — М.С.] через несколько недель я, под влиянием уговора жены и дочери и Кушакевича [профессор зоологии, кадет. — М.С.], решил уйти с ним на Старосельскую [биологическую. — М.С.] станцию. Переждать. Меня предупреждали, что украинцы-большевики передавали, что про меня говорят, что я бывший министр и богатый помещик, и они не понимают, отчего /.../ за меня "держатся""» (Запись 1924 г. — АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.46. Л.64об.; подробнее об этом см.: Природа. 1990. №3).

²² В Ростове В.И. Вернадский находился вторично с 24 ноября /7 декабря по 18/31 декабря 1919. Присутствуя на заседаниях ЦК кадетской партии, наблюдая жизнь Добровольческой армии изнутри, он все более и более утверждался в мысли о бесперспективности ее борьбы: «Мне представляется сейчас огромной опасностью то, что Добровольческая армия стремится неуклонно к реставрации. Стоит ли тогда их поддерживать? Не легче ли и не проще [ли] идти через большевизм, добившись для него мира? /.../ В Добровольческой армии нет, по моему мнению, идейного содержания, кроме восстановления старого» (Цит. по: Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С.559).

²³ В Крым В.И. Вернадского вел долгий и непростой путь: он добирался туда через Екатеринодар и Новороссийск. На пароходе «Ксения» он прибыл в Ялту 7/20 января 1920 и на берегу неожиданно встретил семью; на некоторое время Вернадские воссоединились, проживая сначала в имении Бакуниных «Горная щель», а потом на экспериментальной биологической станции «Салгирка» близ Симферополя.

²⁴ *Сергей Николаевич Булгаков* (1871-1944) — религиозный философ, богослов, экономист.

²⁵ Ядро кружка составили С.Булгаков, Б.Тернавцев, П.Кудрявцев, И.Четвериков, Г.Вернадский.

А.В. Тыркова-Вильямс

Новороссийск. Голицынская, 17. д.Лира
7 февраля 1920 г.

Дорогой Александр Александрович, так давно не виделись мы с Вами, что следовало бы написать не письмо, а исторический

очерк всего, что я видела, слышала, да и пережила¹. Но как всегда некогда собрать мысли. Выходит так, что наблюдателем событий некогда их осмыслить, а толкователями являются уже следующие поколения.

Мы с мужем² за эти два года успели пожить и в большевистском Петрограде, потом в Англии полтора года, потом здесь, на юге России. Муж еще в мае приехал в Екатеринодар, видел расцвет надежды, а затем с горечью наблюдал развал и упадок. На днях, т.е. недели через две, мы с ним должны опять ехать в Англию. Газета не хочет больше держать корреспондента, считая, что интерес уже потерян.

Наш здешний небольшой кружок с болью переживает эту тяжелую переходную полосу. Павел Ив. Новгородцев еще бодрее других; а Ник. Ив. Астров и Софья Вл. Панина совсем придавлены, главное — сознанием того, что вся работа Особого Совещания, с кот[орым] они были так органически связаны, шла по ложному пути. Но у меня и у Новг[ородцева] более сложное отношение, кот[орое] он определяет так: есть большевизм демонический (Троцкого) и есть народный. Отсюда и трудность борьбы, но и необходимость известного синтеза. Но это все умствование, а писать я должна о деле. Приезжал Бурцев³. Привез денег от русского общества журналистов в Париже для выдачи здесь кому-нибудь из нуждающихся писателей. Он передал нам для Вас 250 frs. Я разменяла из них 150 frs. (получила 15 000 р.), а остальные 100 frs. посылаю как есть. Курс очень прыгает и может еще подняться. Кроме того, кто знает, какие деньги будут ходить здесь через месяца два? Надеюсь, что на некот[орое] время Вас эти деньги выручат.

Знаете ли, что в Англии вышло два тома Вашей истории⁴? К сожалению, я не знаю, кто издатель. Напишите по-русски, обращаясь просто к издателю (без имени) короткое письмо с просьбой выдать Вам небольшой гонорар, кот[орый] Вы доверяете получить Mrs. Harold Williams. Я постараюсь с таким письмом что-нибудь из них выцарапать. Только перешлите его поскорее и с верной оказией.

Ну, всего хорошего. Привет жене Вашей и дочери, если они меня помнят. Мой муж крепко жмет Вашу руку.

Ваша Ар. Тыркова-Вильямс

¹ Ср. дневниковую запись А.В. Тырковой-Вильямс за январь-февраль 1920: «Как описать Новороссийск? Кадеты /.../ беженцы, вши, больницы... Евгений Трубецкой (умер от тифа). Дон Кихот Львов. Норд-

ост. Люди перестали мыться. Нет белья. Спят на столах. Болтаются подошвы. А на улице все гробы. Иногда с музыкой, редко с помпой. Чаще бегом, рысью, на тех же дорогах люди. За Трубецким шло двадцать человек. На путях умирают. Столкнуло всех на край бездны... Власть развалилась. Никто даже не знает, кто теперь начальство, где оно и как его зовут». И далее: «Полтора месяца бродили верхи российской интеллигенции по грязным, холодным, бессмысленным улицам Новороссийска. Одинокие, разрозненные, ошеломленные, многие испуганные и все охваченные огнем тоски, они про себя переживали катастрофу. Порой собирались по два, по три и в нетопленных, угрюмых, безнадежно чужих комнатах нервно перебрасывались опытом последней горечи. И только недавно поняли, что надо вслух хотя бы среди избранных, обдумать, осмотреться. Все порвалось, перемешалось, спуталось. /.../ То, что мы считали ядром нарождающейся русской государственности, оказалось если не мыльным пузырем, то каким-то комком глины, который распался от первого толчка» (Цит. по: Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн-Вашингтон, 1964. С.184, 186-188).

² Муж А.В. Тырковой — Гарольд Вильямс (Harold Williams; 1876-1928) — английский журналист, этнограф и филолог. Корреспондент ряда английских газет в России.

³ Владимир Львович *Бурцев* (1862-1942) — публицист, историк. Принимал активное участие в разоблачении ряда провокаторов и агентов русской политической полиции, в т.ч. Азефа. После Февральской революции издавал газету «Общее дело», которую продолжал издавать и на юге России, и в Париже, куда эмигрировал. Автор «Моих воспоминаний» (Париж, 1923).

⁴ А.А. Корнилов стал первым русским историком, подготовившим систематический обзор истории России XIX века. Он вышел под названием «Курс истории России XIX века» (Ч.1-3. М., 1912-1914; 2-е изд., доп. и перераб. — М., 1918). Английское издание «Курса...» появилось в 1917 и носило название «Modern Russian History. Being an authoritative and detailed history of Russia from the age of Catherine the Great to the present». В США «Курс...» А.А. Корнилова переиздавался на протяжении 1917-1952 пять раз.

Рашит Янгиров

КИНОСТАТИСТ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В обширной исторической галерее костюмированных персонажей мирового кинематографа особое место принадлежит русским, составившим в свое время серьезную конкуренцию традиционным героям западного экрана. Войдя в моду в 1920-е, они ни в чем не уступали этим героям по своим достоинствам и добродетелям: они были столь же фотогеничны, им было не занимать знатности и благородства, и уж совсем ничего общего они не имели с отвратительными двойниками-злодеями, так прочно обжившими советские кинопостановки¹. Причина внезапно пришедшей популярности этих романтических образов обнаруживалась в реальности: на русских героев и героинь из мира призрачных теней экрана, неизменно жертвовавших властью, титулами, богатством, а то и жизнью во имя «общечеловеческих ценностей», отбрасывала трагическую тень великая империя, провалившаяся, подобно легендарной Атлантиде, в историческое небытие. За ними явственно просматривались невыдуманные прототипы из всемирного сообщества русских беженцев, весьма интриговавшего рядового западного наблюдателя².

---

¹ Советское кино перманентно дрейфовало в поисках своего положительного героя и находило его лично-типологические характеристики в координатах общественно-политической конъюнктуры. Вектор поисков лимитировался прежде всего жесткой классовой идиосинкразией: «все положительные в буржуазных картинах типы — для нас социально-чуждый элемент» (О Гарри Пиле // Советский экран. 1926. №6. С.6). В то же время образ злодея был задан раз и навсегда, неся на себе отчетливое идеологическое клеймо: «вместо подрывателя маленьких отдельных личностей вырастает *социальный негодяй* [курсив наш. — Р.Я.]. Вместо личного врага отдельного героя — классовый враг коллектива: контрреволюционер, *белогвардеец*» (Коломаров Б. Злодей в кино. М., 1929. С.9).

² Один из гостей Голливуда попал в весьма колоритную компанию на одной из кинопремьер: «/.../ я был в дипломатической ложе в обществе русского князя,

В этом феномене прежде всего поражали высокоразвитое чувство национального достоинства, строгие сословные приоритеты и идеологические установки, в нелегких условиях беженства превратившиеся в устойчивые индивидуальные характеристики. Новые жизнеполагающие ценности из обломков прошлого были постулированы лидерами зарубежной России почти сразу же после того, как она отделилась от России географической:

Нас два миллиона /.../ хоть мы рассеяны по всему лицу земли, а, может быть, именно поэтому, мы все-таки двухмиллионный народ. И притом народ довольно интересный.

Во-первых, мы как-никак весьма образованны /.../ процент безграмотных у нас... меньше, чем в любой стране.

Во-вторых, мы несомненно отбор наиболее живучих организмов. Все слабое погибло, не выдержав тифа, скитальческой жизни, эвакуаций. /.../

В-третьих, мы ко всему готовы. Мы страшно закалились психически. У каждого из нас какое-нибудь тягчайшее горе — потерянные в боях сыновья, расстрелянные в чрезвычайках отцы или матери, безвестно пропавшие мужья, унесенные эпидемиями близкие. И все же мы живем и даже смеемся там, где другие рыдают. /.../ Если мы захотим, мы будем «народом». Мы не будем ни эмигрантами, ни беженцами, мы будем «малой» Россией³.

Не менее эффектный по метафоричности образ пореволюционной русской эмиграции оставил один из ее первых историков и исследователей Уильям Ч. Хантингтон:

Среди наций, рожденных [I мировой. — Р.Я.] войной, есть одна, не указанная ни в одном атласе. Между тем, население ее составляет свыше миллиона человек; общий уровень ее образованности, вероятно, выше, чем у всех других наций. Она не имеет собственного государства, но столицей ее является Париж. Ее дипломатическое бюро находится в Женеве и паспорта ее граждан выдает Лига Наций. Они не владеют собственной территорией, но колонии их разбросаны по всему миру. Половина населения состоит из бывших военных, но эта нация не имеет постоянной армии. Она не имеет и парламента, хотя в ней представлены решительно все политические течения от монархистов до социалистов, исключая коммунистов, которым объявлена анафема. У граждан этой нации есть свои школы, дабы их дети не забыли своего благородного языка и блистательной традиции предков. Из каждых шести мужчин этой нации — один с высшим образо-

---

низведенного большевиками до профессии статиста. Кроме того, там были венецианский маркиз и английский баронет» (Пизани Ф. В стране кино (Воспоминания о Лос-Анжелесе). М.; Л., 1926. С.39).

³ Шульгин В. Русские за границей // Зарницы (Константинополь). 1921. №3. С.5.

ванием. Талантливые музыканты, актеры и художники творят неустанно, причем их искусство адресовано не только соотечественникам, но всему миру. Эта нация — *Россия вне России*, а ее граждане — русские изгнанники⁴.

Вклад русской пореволюционной эмиграции в мировой творческий опыт с достаточной полнотой развернут исследователями⁵, но как и всякое знание, дошедшее к потомкам подобно свету давно погасшей звезды с большим запозданием, оно достаточно герметично. Ретроспективные оценки опыта зарубежной России неизбежно аккумулируют лишь внешнюю, самую заметную часть этой многоактной массовой исторической драмы, оставляя вне поля зрения многие, давно вышедшие из обихода и прочно покинувшие общую память важные социо-культурные явления, отражавшие, по словам современника, настоящую реальность эмиграции, «ее самостояния, самоощущения»⁶. Один из них явно не случаен в ее исторической судьбе⁷. Он весьма прочно укоренился в бытовом строе зарубежной России, тесно связав русских с движением мирового кинематографа, подпитывая и одновременно провоцируя его на увлечение своей исторической родиной.

---

⁴ Huntington W.Ch. *The Homesick Million. Russia out of Russia*. Boston, 1933. P.5-6. По данным автора, после революции на чужбине оказалось 5500 инженеров, 200 архитекторов, 1800 художников и скульпторов, 3500 актеров, 8000 музыкантов, 1700 университетских профессоров и т.п.; 70000 русских беженцев имели высшее образование, 300000 — среднее. (Ibid. P.43). См. также цикл очерков: Delage Jean. *L'Emigration russe à Paris // Echo de Paris, 1930; Idem. La Russie en exil. Paris, 1930.*

⁵ Ковалевский П.Е. *Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970)*. Вып.1-2. Париж, 1971, 1973; Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration 1919-1939*. New York; Oxford, 1990; *The Other Russia. The Experience of Exile/Ed. by M.Glenny & N.Stone*. London, 1990. Отечественный опыт осмысления этой темы сводится к адаптированным компиляциям. См.: Костиков В. *Не будем проклинать изгнанные... Пути и судьбы русской эмиграции*. М., 1990.

⁶ Гессен И. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979. С.159.

⁷ Сами русские с первых же месяцев своего появления на Западе оценили «киногеничность» своего беженского положения и почти всерьез предлагали себя в качестве героев захватывающих кинолент. См.: Линский М. *Кино-беженство // Бич (Париж). 1920. №4. С.10.*

Совсем не случайно, что фаворитом эмигрантской кинорецепции стал Чаплин. Подробнее об этом в наших публикациях: *Chaplin As Seen Through the Eyes of a Russian Emigrant // Cinefocus. Indiana University Press (Bloomington), 1991. Vol.2. №1; Сергей Волконский: Забытый кинокритик // Литературное обозрение. 1992. №5/6.*

Первое экранное описание зарубежной России шведским режиссером М.Штиллером относится к 1921. Его фильм «Изгнанники» («*De Landsflyktige*») (французские прокатные названия «*Les Emigres*» и «*Les Exiles*»), посвященный судьбам русских беженцев, получил шумный резонанс в Европе и, естественно, сразу же вы-

Будущие исследователи, вероятно, полнее и лучше определяют внутренние закономерности переменчивой кинематографической моды XX века, с таким завидным постоянством возвращавшейся к русским сюжетам и мотивам. Десятки экранизаций и мелодрам, комедий и триллеров с разной мерой авторского вкуса и творческой оригинальности синтезировали в экранных образах лабиринты «загадочной славянской души», патриархальное прошлое и трагические перипетии крушения старой России. Не вдаваясь в подробное рассмотрение причин, так увлекших массовое сознание Запада этой «таинственной страной»⁸ с ее уникальными культурными ценностями и своеобразной ментальностью обитателей, обратимся к суждениям тех, кто безоговорочно воспринял «русские» фильмы лишь как «развесистую клюкву» и стиль «а ля русс». Оснований для неприязни у критиков и в самом деле было более чем достаточно⁹, но, как представляется, за этим в большей степени стояли общественно-политические интересы, нежели беспристрастное эстетическое чувство.

звал внимание прототипов. См.: Театр. Ежемесячный иллюстрированный журнал (Берлин). 1922. №14. С.17.

Впоследствии «кино-клюкva» открыла русским юмористам неисчерпаемый источник осмеяния и пародирования. См.: Дон Аминадо. Заграничная фильма из русской жизни // Последние новости (Париж). 1926. 13 июня. С.3 (затем включен автором в сб.: Наша маленькая жизнь. Париж, 1927; Он же. Как сочиняют сценарий // Гун-Бао. Общественная газета (Харбин). 29 мая 1927. С.3; Покровский Н. Царь Борис или Шалапин в кино. Сценарий для поющего фильма // Новая заря (Сан-Франциско). 1930. 3 октября. С.3 и др.

⁸ Фильм с таким названием (1920, реж. Г.Шоу) живописал историю русской революции и судьбы лидеров большевизма. См.: Brownlow K. Behind the Mask of Innocence: Sex, Violence, Prejudice, Crime. Film of Social Conscience in the Silent Era. London, 1990. P.371-374. О советской рецепции фильма см. нашу статью: *Onwards and Upwards: the Origins of the Lenin Cult in Soviet Cinema // Stalinism and Soviet Cinema* / Ed. by R.Taylor & D.Spring. London; New York, 1993. P.18-19; Первый кинобиограф вождя // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. М.; СПб., 1992. С.399-401.

⁹ См. об этом: Унковский В. Развесистая клюкva // Рассвет (Нью-Йорк). 1927. 14 янв. С.3; Линовеш. Россия на экране // Там же. 1927. 10 февр. С.2; Беденков А. Погрешности Великого Немого // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1927. 8 мая. С.3; Дж.П. Холливуд в плену русских тем // Там же. 1927. 4 сентября. С.4.

Едва ли не все создатели этих фильмов были убеждены в том, что «клюкva» — неперемное условие кассового успеха. Эрнст Любич, например, совершенно искренне полагал, что «надо показывать Россию только в стиле "рюсс", иначе все /.../ неубедительно и не типично /.../ Мы не историки и не биографы, а призваны действовать на воображение и чувства публики». Цит. по: Аренский К. [К.Аренсбургер]. Письма в Холливуд. Монтерей; Мюнхен, 1968. С.15. Отношение профессионалов к этим лентам было более толерантным. Художник и кинодекоратор Ю. Анненков, например, считал их вовсе не чужими отечественной культуре и возвращал в ее лоно: «Вспоминая очень много подобных фильмов, я спрашиваю: почему они не называются *русскими* фильмами и не включены в историю русской кинематогра-

Наиболее агрессивными по степени неприятия были, естественно, советские критики. Один из них, например, обрушивая свой гнев на «кино-клюкву», расценивал ее как «охвостье романтизма». Реакционность этого явления, по его мнению, была обусловлена участием кинематографистов-эмигрантов, выдвинувшихся на первые роли и в европейском кинематографе:

Романтика отживает вообще и в кино в частности. /.../ Как генерал Шкуро, выступающий в парижском цирке с труппой казаков-джигитов, как бывшие русские аристократки, совершенно обнаженные, со светильниками в руках бессознательно изображающие в вестибюле популярного парижского шантана похоронный факельцуг белой эмиграции — так и Мозжухин для европейского зрителя является не больше, чем простым аттракционом¹⁰.

В 1929 в Москве была даже издана брошюра-обозрение зарубежной «кино-Россики» за пореволюционное десятилетие. Подвергнув ее уничтожающей критике, автор объяснял читателю причины частого появления таких кинолент на экранах в дежурных большевистских категориях:

Буржуазия злобно плюется по адресу большевиков, но любопытство и страсть к экзотике остаются... Русское искусство, высоко ценившееся и ценящееся сейчас, ни в коей мере не может дать иностранному, в особенности американскому мещанину того легкого, бульварно-экзотического о русском, чего ему больше всего хо-

---

фии? Такой вопрос отнюдь не продиктован шовинистическими чувствами /.../ Я просто хочу восстановить правду и справедливость». — Анненков Ю. Русские в мировой кинематографии // Возрождение (Париж). 1968. №204. С.83. Его мнение можно считать частным случаем доктринальной установки эмиграции в отношении всего спектра пластических искусств: «Какое же искусство мы называем русским? То ли, что создано мастерами, русскими по крови? Едва ли. /.../ Историю и характеристику русской школы /.../ не построить ни на племенных, ни на территориальных признаках. Рационализировать ее пока невозможно. Но мы видим отчетливо, что ее бытие есть нечто реальное, а не мистически лишь сущее. /.../ Что же делать нам, выведенным на запад скорбными путями изгнания? Вновь обозреть и проверить наше преемственное достояние, сопоставить его с шедеврами европейского искусства, ознакомиться с ним иностранцев». — Левинсон А. Русское искусство в Европе // Жар-птица (Берлин). 1924. №12. С.14.

¹⁰ Гарри А. И.И. Мозжухин. 2-е изд. М.; Л., 1927. С.14. Эта тоненькая книжка неожиданно сконденсировала в себе дуализм советского сознания. Специально заказанная для развенчания былого кумира российских зрителей, она вышла двумя изданиями и в рекордном для кинолитературы тираже (не менее 30000 экз.). При этом читательский успех книги гарантировался отнюдь не убедительностью и глубиной аргументации, но присутствием минимальной фактографической канвы и иконографии героя. Таким образом, коммерческий успех издания к удовольствию издателей с лихвой восполнил сомнительную с коммерческой точки зрения акцию.

чется /.../, а кино может сразу и во всей красе поднести изумленным взорам невероятнейшие небылицы /.../, мимоходом внушающие ужас и негодование к большевикам¹¹.

В том, что такой взгляд незыблемо поддерживался в СССР почти до самых последних дней его существования, нет ничего удивительного. Поражает другое: насколько точно советская рефлексия, исключая, естественно, внутреннюю мотивацию и идеологические обертона, совпадала с реакцией зарубежной России на эту кинопродукцию. Практически той же аргументацией оперировал и один из влиятельных эмигрантских критиков, разъясняя своему читателю мотивы русской киномоды:

Удалые ковбои, стойкие переселенцы, прекраснодушные миллионеры, добродетельные молодые люди и еще более добродетельные молодые девушки, торжество закона и справедливости, чистота нравов и глубокая чистота религии — все это *надоело* американской публике... Пришлось в поисках новых тем, сюжетов и новых персонажей обратиться на сторону. И нашли неисчерпаемый источник безответственного вдохновения: старую Россию и ее переходный революционный период. Теперь картины «русского» содержания в Америке сыпятся, как из рога изобилия. И, одна другой беспардоннее и невежественнее, рисуют наши нравы, быт, нашу культуру и общественность. Что ни картина — то шедевр развесистой клюквы, что ни выпуск — то злое, грубое издевательство над нашим прошлым. Американцам, а за ними и всей европейской публике, эти фильмы нравятся: в них много колорита, «экзотики», много новых популярно изложенных сведений об этой странной стране льдов, белых медведей и великих князей. Великолепные декорации, имена лучших режиссеров, игра первоклассных артистов — все это еще усиливает интерес к этим постановкам... Поднять свой авторитетный голос на защиту нашей истории, литературы, цивилизации — не решится никто, ибо эти картины ставятся /.../ и под руководством русских наблюдателей. А что можно требовать от голодных русских беженцев, если сам Илья Львович Толстой с развязным цинизмом не помнящего родства и отечества бонвивана помогает американским режиссерам калечить даже произведения своего отца...¹²

¹¹ Нольд Р. Под развесистой клюквой. М., 1929. С.3. Кинематографическая адаптация образов чужого мира к восприятию «своими» зрителем с неизбежным «коэффициентом» взаимных искажений заключает в себе любопытный культурологический феномен, довольно рано осознанный во всей своей универсальности. Укажем, что существовали и более спокойные советские оценки западной кинопродукции, соотносившие ее с отечественным опытом: «/.../ мы можем со спокойной душой простить американцам развесистую клюкву... Мы заранее расквитались за нее добротным и не менее развесистым ковбоем». — Ардов В. Развесистая клюква и развесистый ковбой // Советский экран. 1926. №23. С.9.

¹² Морской А. Мода на русское // Иллюстрированная Россия (Париж). 1929.

К противникам «кино-клюквы» охотно присоединились и западные «большевизаны». Один из них, известный американский кинокритик-марксист Гарри Потамкин был страстным пропагандистом советской кинематографии, не жалуемой прокатчиками и зрителями. Он связывал производство неудачных киноподелок о России исключительно с провокационной политической подоплекой и призывал единомышленников к их безусловному бойкоту:

Эта кампания не должна остаться безответной. Существует достаточно много открытых сторонников Советов, людей с либеральными и радикальными взглядами и соответствующих организаций, таких, как Лига пролетарского кино и фотографии или клубы имени Джона Рида и т.п., которые должны заставить устыдиться кинопродюсеров, озабоченных лишь своими сиюминутными меркантильными соображениями¹³.

Впрочем, недовольство недобросовестной эксплуатацией злободневной темы было присуще не только левой части спектра западной общественной мысли. В какой-то момент оно приняло столь общий характер, что не могло не повлиять на кинодеятелей. Под этим давлением участники Международного кинематографического конгресса, организованного в 1926 под патронажем Международной комиссии Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству, объявили о том, что пока традиционная русская культура не будет отображаться в западных фильмах с должным уважением, до тех пор попытки к показу «современной формы правления и условий жизни в Советском Союзе могут игнорироваться мировым кинематографическим сообществом»¹⁴. Для реализации этого курса в Бостоне было даже создано специальное «общество по консультированию русских фильмов», о практических результатах которого, впрочем, ничего не известно¹⁵.

№5. С.15. Имя Ильи Толстого муссировалось в связи с американской экранизацией «Воскресения», которую он приглашен был консультировать. Режиссер Марсель Л'Эрбье, сам предпринявший в 1923 неудачную попытку экранизации этого романа, присоединился к хору критиков фильма и вынудил сына писателя к публичным объяснениям. В письме, опубликованном одним из французских журналов, тот снял с себя ответственность за художественное качество фильма, мотивируя участие в съемках лишь желанием оказать посильную помощь режиссеру при абсолютном житейском бессилии «перед властью доллара». — Россия. (Париж). 1927. 26 ноября. С.4. Позднее он уточнил: «Меня привезли в Голливуд исключительно, чтобы воспользоваться моим именем для рекламных целей». — Толстой И. Как ставили «Воскресение» // Воскресное иллюстрированное приложение к газете «Слово» (Шанхай). 1931. 24 мая. С.6.

¹³ The Anti-Soviet Cinema (1931-1932). As quoted in: The Compound Cinema. The Film Writings of Harry Alan Potamkin. New York; London, 1977. P.175.

¹⁴ Цит. по: Brownlow K. Op. cit. P.459.

¹⁵ Иллюстрированная Россия. 1929. №32. С.14. Консультантами фильмов о рус-

В недрах этой многослойной, разнонаправленной кинематографической конъюнктуры и сформировалась экзотическая профессия зарубежной России, ставшая, как можно думать, куда более семантически нагруженной регалией, чем знаменитые русские балалаечники или русские таксисты¹⁶. Многолетнее присутствие киностатистов в поле общего внимания подтверждает вполне серьезные масштабы распространения этого необычного ремесла, сопутствовавшего эмигрантскому кинотворчеству и обретшего неповторимый колорит в каждом из центров русской диаспоры — в Берлине, Париже или Лос-Анжелесе. Смысловая емкость этого феномена делает его весьма привлекательным объектом культурологического исследования. Объединив немалое число безвестных эмигрантов в неблагодарной доле «подвижников» кинематографа, история русских киностатистов отразила в себе не только общую судьбу зарубежной России, но и внешние, весьма влиятельные факторы: колебания внутрикинематографической конъюнктуры, движение общей моды и даже колебания экономического порядка в межвоенном мире.

Вряд ли мы ошибемся, отнеся увертюру этой истории к первым дням после падения самодержавия, когда в частный театр Незлобина в Петрограде была перенесена постановка пьесы великого князя Константина Константиновича (К.Р.) «Царь Иудейский». Поскольку многие годы эта пьеса была категорически запрещена к публичному исполнению придворной и духовной цензурой (спектакль никогда до тех пор не покидал подмостков интимного Эрмитажного театра), ее выход к широкому зрителю стал оригинальным знаком наступившей свободы — политической и художественной. Особую пикантность «революционному» зрелищу придало участие в нем нескольких гвардейских офицеров, выступивших в качестве бессловесных статистов — рабов. Однако вряд ли кто из участников и зрителей предполагал тогда, чем обернется в недалеком будущем этот шутовской акт запоздалого фрондерства и как разительно переменится семантическая окраска фигуры статиста.

Несколько лет спустя метаморфозы русского беженства, его болезненное приспособление к принципиально иным, чем прежде, реалиям и бытовым нормам вынудили люмпенизированных эмигрантов обратиться к экстраординарному способу выживания —

ской революции, снятых по их собственным книгам, были, например, писатели Илья Эренбург и Роман Гуль.

¹⁶ По разным оценкам, число русских таксистов в Париже даже в самые лучшие для них времена не превышало 3000 человек.

участием в киномассовках. При этом маргинальный социальный статус «бывшего» человека в этом малопочтенном занятии почти сразу же придал фигуре статиста новое качество, включив его в художественный контекст кинопроизведения, к созданию которого он в той или иной мере был причастен. Таким образом, весьма важный для русской культурной рефлексии мотив «двойничества» в этой специфической ситуации воплотился во всем спектре сопутствовавших этому состоянию психологических эффектов¹⁷.

Совершенно особым образом эти эффекты «играли» в революционных киносюжетах, погружая фигурантов в фантомы пережитого. «Для лиц, видевших гражданскую войну воочию, помнящих ее кошмарные лики, от сцен /.../ веет настоящей жутью», — признавался наблюдатель съемок одного из таких фильмов¹⁸, и можно думать, что это болезненное ощущение узнавания было общим. Во всяком случае, Илья Эренбург, чья повесть «Любовь Жанны Ней» в 1927 была инсценирована Георгом Пабстом, на всю жизнь сохранил в памяти синдром *déjà vu* после одного из посещений съемочной площадки:

Пабст пригласил на съемку бывших денкинцев... Сверкали погоны, высились лихие папахи, на рукавах красовались черепа «батальонов смерти»... Восемьдесят белогвардейцев кутили в ресторане «Феодосия». Здесь были балалайки, цыганские романсы, водка, а в углу — полевой телефон. До меня доносились разговоры фигурантов: «Давненько мы с вами не видались...», «Простите, в каком полку вы служили...» /.../ Белые получали по пятнадцать марок за день и были очень довольны... Чтобы фигуранты лучше играли, Пабст пообещал вызвать их снова: через неделю они будут изображать красногвардейцев¹⁹.

¹⁷ Как прием своеобразной психологической компенсации двойничество в кино отыгрывалось и в сторону идеологических оппонентов. Именно русским эмигрантам современное киноведение (Leyda J. *Kino. A History of the Russian and Soviet Film*. 3d edition. London-Boston-Sydney, 1983. P.91; Цивьян Ю. Исторический фильм и динамика власти: Троцкий и Сталин в советском кино // Даугава. 1988. №4. С.98-99) обязано легендой о Троцком-киностатисте в период его предреволюционной эмиграции в США. В 1932, когда этот политический пассионарий, многие годы персонифицировавший образ большевизма, вновь оказался на положении изгнанника, в русской зарубежной прессе был опубликован и соответствующим образом откомментирован кадр из «шпионской мелодрамы» «Моя законная жена» («My Official Wife») (1916, реж. Э.Вестер), «демонстрировавший» его в качестве фигуранта (Иллюстрированная Россия. 1932. №35. С.17). Лишь недавно эта легенда была развеяна (см.: Brownlow K. *Op. cit.* P.357-358).

¹⁸ Саккар. Революция на экране. Как изображают русскую революцию в кинематографе иностранцы // Иллюстрированная Россия. 1937. №46. С.13. Примечательна оговорка «иностранцы» в заголовке очерка — неискоренимый солипсизм русского парижанина 1920-1930-х годов.

¹⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн.3. М., 1963. С.193-195. Схожие фанто-

Столь богатая гамма чувств и переживаний, сконденсировавшаяся вокруг киносъемок, не миновала художественную мысль эмиграции. Одно из самых ярких подтверждений этому без труда обнаруживается в прозе молодого Владимира Сирина-Набокова («Машенька», «Камера обскура», «Человек из СССР» и др.). Влияние кинематографа или «чувство фильма» (по определению Эндрю Филда), весьма ощутимо не только в изощренной и динамичной стилистике его произведений. Явственно присутствует оно и в совершенно особой, перенасыщенной киноаллюзиями психологической атмосфере игрового пространства, трансформирующей реальность в модернистские конструкции. Во многих набоковских сочинениях с каким-то особо значимым постоянством описаны или упоминаются фигуранты, которые сегодняшнему читателю, возможно, кажутся дискурсным отступлением или авторским фокусом, отвлекающим внимание от главной интриги. Но для современников эта деталь была весьма важным знаком, удостоверявшим фантазмагоричность эмигрантского мироздания и ирреальность его опор²⁰. То, что она не была, однако, химерой набоковской фантазии (одно время писатель не только пробовал себя на театральных подмостках, но, по одной из легенд, участвовал статистом в киносъемках), подтверждает и общая творческая рефлексия эмиграции.

Поэтесса Галина Кузнецова одно время подрабатывала в кинофирме «Альбатрос» Александра Каменки гримером или статисткой, либо совмещая оба эти качества. Одно из ее стихотворений посвящено многолетней спутнице и партнерше Ивана Мозжухина Наталье Лисенко, звезде русского, а в первой половине 1920-х — французского кино. Судя по ремарке публикаторов, стихотворный этюд Кузнецовой в августе 1924 был навеян съемками эпизода костюмированного бала в фильме «Лев Моголов» («Le Lion des

---

мы отложились в памяти другого мемуариста, встретившего однажды на съемочной площадке легендарного кавалериста гражданской войны, генерала А.Шкуро. См.: Вертинский А. Дорогой длинною... М., 1990. С.217. В то же время бывшие подчиненные генерала, перешедшие в эмиграции на ампулу артистов цирка, участвовали в экранизации толстовских «Казачков» и в этом качестве привлекли внимание эмигрантской прессы: Казаки в Нью-Йорке // Новое Русское Слово. 1926. 20 мая. С.2-3; «Джигиты» в Америке // Зарница (Нью-Йорк). 1926. №13. С.25; Новое Русское Слово. 1927. 30 октября. С.5.

²⁰ См.: Boyd V. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990. P.368. Отмечая изощренное «чувство фильма» у своего героя, биограф, однако, полагает, что присутствие киностатистов в его сочинениях — несомненный вымысел: «Набоков мог и выдумывать новые, подходящие ему образы изгнанничества, такие, например, как русские киностатисты, чьи тени мерцают по краям экрана /.../» (Idem. P.246).

Mogols») (реж. Жан Эпштейн), в котором Кузнецова участвовала и имела возможность наблюдать свою героиню «в самый момент ее творчества одного из сильнейших мест своей роли». В этом тексте сплавлены многие психологические и рецептивные особенности эмигрантского сознания, одновременно сконденсировавшиеся в особых условиях съемочной площадки:

В этот день Вы назывались Анной.
Узкой маски траурный атлас
Делал неразгаданной и странной
Длинную оправу Ваших глаз.
В пестром зале изгибались пары.
Звякала в jazz-band'e глухо медь...
Так Мадонна живописцев старых
На суетный мир должна смотреть:
Ей чужды и облики и звуки,
И свистящий шелк и яркий свет,
И отмечен тенью близкой муки
Черный, величавый силуэт²¹.

Едва ли не самым эффектным эпизодом в истории русских фигурантов стали съемки пародийного фильма «Пате-журнал русской эмиграции» (реж. Николай Евреинов и Вячеслав Туржанский) в марте 1928 по сценарию Дон Аминадо. Воплотившийся в жанре карнавального действия, этот замысел заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения, но в контексте нашей темы важен тот безоговорочный и единодушный энтузиазм, с которым его участники, разделенные в быту на различные партии и блоки, участвовали в съемках. Иван Бунин, Марк Алданов, Борис Зайцев, Владислав Ходасевич, Георгий Иванов, Сергей Волконский, Павел Милюков, Петр Струве, Лев Шестов и десятки других представителей элиты русского Парижа сыграли в фильме самих себя (Милюков к тому же изобразил и Фритьофа Хансена!) и таким образом оставили дополнительные штрихи в художественном измерении фигуры статиста²².

Вариации на тему русских статистов, но уже в голливудских стандартах, были развернуты в фильме Джозефа фон Штернберга «Последний приказ» («The Last Command») (его сюжет был под-

²¹ Кинотворчество: Ежемесячный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам кинематографического искусства и промышленности (Париж). 1924. №8-9. С.10. О русских кинематографистах во Франции см.: Borger L. From Moscow to Montreuil: The Russian Emigres in Paris 1920-1929 // Griffithiana, nr.35/36 (Octobre 1989).

²² Подробнее об этом см. в нашей публикации: «Русский Париж на экране: Забытая киношутка» (в печати).

сказан режиссеру Эрнстом Любичем). Герой картины, «бывший великий князь Сергей Александрович», естественно, ничего общего не имеющий со своим историческим тезкой, чудом спасшись из России, попадает в Голливуд и становится рядовым армии киностатистов. Его жизненная драма завершается в русской кинопостановке, в которой он играет самого себя и внезапно умирает перед камерой от непереносимого раздвоения сознания, возникшего при звуках царского гимна, сопровождавшего съемки. Фабульная ткань картины действительно включала в себя красочные подробности быта киностудий и обитателей русского Голливуда: в нее вошли сцены «давки 500-600 русских статистов-бородачей у ворот студии "Парамаунт", раздача им шинелей, сапог, ружей, фуражек /.../ Показаны сцены собирания статистов, увода их в гримировочные, устройство искусственных траншей. Приносят электрические "солнца", появляются киносьемщики, режиссер со штабом спецов и помощников устраивают искусственный ветер и снежный буран». Атмосфера подлинности акцентировалась в фильме присутствием не только русских актеров-профессионалов, но и настоящих генералов — Иконникова и Савицкого²³.

Немало документальных свидетельств о русских киностатистах осталось в русской зарубежной периодике, охотно обращавшейся к этой теме и подробно описывавшей быт и судьбы этой группы соотечественников²⁴.

Фигурация [т.е. участие в массовках. — Р.Я.] для многих русских является основным заработком в эмиграции. В Париже, и в особенности в Берлине, имеются уже профессионалы-фигуранты, мужчины и женщины, более или менее организованные в своей работе и входящие в соответствующие синдикаты. Особенно хорошо и удобно поставлено это дело в Берлине. В Париже — хуже... На «покрутить» и заработать несколько сот франков в месяц — есть тьма охотников, в особенности среди наших дам и девиц. Есть среди них и такие, которые ищут в этом своего рода забаву, развлечение и — кто знает — случай сделаться знаменитой актрисой. Увы, это жестокий самообман²⁵.

Схожими чувствами окрашено и описание одной из съемочных площадок Голливуда:

---

²³ Крымский В. Русский Холливуд на экране // Новое Русское Слово. 1928. 24 января. С.3.

²⁴ Этот интерес можно, по-видимому, рассматривать как продолжение темы, открытой журналистами предшествовавшей эпохи. См.: Зрячий. Наем на кинофабрику // Петроградский листок. 1916. 18 июня. С.2 и др.

²⁵ Иллюстрированная Россия. 1929. №10. С.14.

Вчера я наблюдал съемку «Анны Карениной» /.../ Я узнал почти всех. Почти все из них, уже в течение пяти, шести, семи лет составляют так называемую «атмосферу» при съемках фильм /.../ От 6 до 7 лет! Неужели недостаточный срок, чтобы понять безнадежность своих надежд о славе и деньгах? Нет, недостаточно. До конца дней своих, до глубокой старости солдат холливудской армии уверен, что генеральский чин «за углом» /.../ ²⁶

Киностатисты стали выигрышным объектом и для юмористов. Вот как описал, например, отбор кандидатов для съемок один из популярных фельетонистов «русского» Берлина:

Гляди на этого, видал-миндал?
Вот, братец мой, шикарная фигура!
Конечно, он сегодня попадет:
Его штаны как раз для этой съемки...
Сегодня фат, вчерашний санкюлот, —
Любуйтесь, эмигрантские обломки!
Представят здесь страданье, страх и страсть,
Изобразят кокоток и кухарок,
Великий Боже, дай им всем попасть
И получить желанных десять марок! ²⁷

Дон Аминадо добавлял в тему парижские реалии:

Оказывается, большинство русской эмиграции вполне фотозеник. Что это значит, объяснить своими словами невозможно, но общий смысл такой: подходит для аппарата. /.../ Девушки с переживаниями, очень бритые молодые люди в непромокаемых пальто, какие-то лимитрофные дамы с вызывающими дерьера-

---

²⁶ И.П. Армия, в которой каждый солдат мечтает стать генералом // Новое Русское Слово. 1927. 7 авг. С.5. Вместе с тем, словно бы в подтверждение волшебных возможностей кино, журналисты не упускали случая поразить воображение читателей и подлинными случаями фантастических удач, одна из которых, например, выпала на долю выходца из глухого сибирского села Сергея Утемова. С 17 лет он попал в армию адмирала Колчака и был эвакуирован вместе с ее остатками в Харбин. Там он всерьез заинтересовался балетом и музыкой, одновременно готовясь к переезду в Америку. В июле 1923 Утемов попадает в Сизтл, пробует себя в разнообразных профессиях, пока наконец не добирается до Голливуда. Стандартное начало статистом массовки и неожиданный поворот судьбы: случайно обнаруженное сходство с Рудольфом Валентино на съемках фильма «Сын шейха» («Son of Sheikh») превратило безымянного статиста в постоянного дублера звезды экрана. Дружеская поддержка других видных героев Голливуда вскоре вывела Утемова в ряд актеров второго плана в постановках фирмы «Юнайтед Артистс» (см.: Кинокарьера русского // Новая заря. 1930. 24 мая. С.6). Известен и схожий взлет карьеры другого русского голливудца — Григория Ге (Там же. 1930. 4 окт. С.5).

²⁷ Жак Нуар [Я.Окснер]. Киносмотр // Наш мир. Иллюстрированное воскресное приложение к «Рулю» (Берлин). 1924. №22. С.238. Интерес к версификации кинематографических тем в их бытовом преломлении этот автор сохранил и впоследствии. См.: Он же. Моветон-фильм из русской жизни // Иллюстрированная Россия. 1930. №11. С.16.

ми, эстеты из углового кафе, вечные секретари, бывшие авиаторы, машинистки первого разряда и, наконец, просто абоненты «Брачной газеты» — все кинулись к аппарату. /.../ Во всяком случае, с отрадой можно констатировать: мы не растерялись /.../²⁸.

Почти полтора десятилетия спустя это влечение русских к кино описывалось почти в тех же тонах, но с несравненно большим знанием предмета, приобретенным в Голливуде:

Ну, а примерно половина
Колонии — «играет в кино»:
Джигитов, рыцарей, дворян,
«Веселых русских поселян»,
Солдат, матросов, офицеров,
Галантных светских кавалеров,
Торговок, «баб», придворных дам,
И ежедневно по утрам
У студий можно видеть «наших» —
Тут и мамыши и папыши,
И дети — словом — вся семья;
Бываю там, друзья, и я —
Не очень часто, но бываю...
/.../
Да.... нелегко, читатель, тут —
Жестокий город Холливуд...

— заключал один из авторов «единственного русского юмористического журнала Америки»²⁹.

Неординарный образ жизни киностатистов провоцировал и на более острые выпады, при всей гиперболической типологизации отражавшие какой-то пласт реалий:

Это разновидность породы человеческой /.../ в Холливуде представлена в десятках тысяч экземпляров. Имеет яркие отличительные от других видов человечества черты. Состоит из людей всех национальностей, возрастов и... полов /.../

К постоянным признакам относятся: вечное беспокойство и настороженность взгляда /.../ небрежность или вылощенность

²⁸ Дон Аминадо. Жизнь продолжается // Новое Русское Слово. 1925. 2 августа. С.2.

²⁹ Негритос [А.Волошин]. Письмо из Холливуда // Бич (Нью-Йорк). 1937. №14. С.14. Масштабы вовлечения русских фигурантов в кинопостановки подтверждают лишь одним примером: как сообщалось, в массовках кинокомедии «Песня пламени» («Song of Flame») было использовано 900 русских статистов, а для придания фильму соответствующего колорита было изготовлено 4300 накладных бород (Мир и искусство. 1930. №7. С.13). Год спустя А.Хаммерштейн, прокатывавший фильмы Всеволода Пудовкина в Америке, предложил режиссеру повторить успех фильма в новой версии, снимавшейся бы уже в СССР (Новое Русское Слово. 1928. 3 июня. С.4).

костюма и головы; наигранность движений и тона, пустота разговора, ничем и никем не вынуждаемая прозрачная ложь (особенно в размере гонорара), хвастовство и постоянное, доходящее до страсти желание втереть собеседнику очки и показаться в исключительно выгодном освещении. Бредовая мечта сделаться актером /.../ Подобострастность в отношении людей полезных, доходящая до способности сладко улыбаться за полквартала.

К периодическим признакам относятся: в период /.../ работы — высокопарность тона и неприступность в отношении людей ненужных /.../ Рассеянная забывчивость в узнавании хороших знакомых /.../ Легкомыслие, свободомыслие и игривость в отношении хорошеньких женщин. Сытость и благополучие на лице.

В период /.../ безработный: скромность, доходящая до застенчивости даже в присутствии людей ненужных и незначительных. Сердечность тона и сетования на несправедливость судьбы и жестокость людей. Скрытая злоба на все окружающее и испепеляющая душу ненависть и зависть в отношении людей работающих, толкающие на сплетню, клевету и инсинуацию. Жажда перехватить деньжонок на обед у первого встречного, игра в прятки с квартирной хозяйкой, требующей уплаты долга уже за три месяца. Джентльменство в отношении женщин. Собачья преданность во взоре в отношении людей, могущих быть полезными. Поиски работы хотя бы в толпе и хотя бы за пять долларов. Голодный и изнуренный вид.

В отношении женщин-экстра все изложенное несколько смягчается соответственно мягкости женской души /.../ У экстра русской национальности, как у особой более восприимчивых и непосредственных, все вышеизложенные черты выражены значительно ярче и более подчеркнута, чем у других³⁰.

Берлин, как исторически первый центр пореволюционной эмиграции, стихийно сформировал первый рынок артистической рабочей силы и ее вспомогательного состава. Уже летом 1920 организаторы «Руссо-фильм» объявили о том, что «идя навстречу интересам русской колонии Берлина, предполагают привлекать к участию в кино съемках в качестве статистов и исполнителей вторых ролей исключительно русскую публику»³¹.

«Курфюрстенкафе» было сборным пунктом, — вспоминал один из берлинцев. — Здесь устраивались литературные чтения

---

³⁰ К-ин. Холливудские экстра. Исследование психологическое // Новая заря. 1929. 29 марта. С.3. Впечатления журналиста, участвовавшего в съемках в качестве статиста: Парис Ж. Один день перед камерой // Там же. 1929. 23 апреля. С.3. Согласно официальным данным, на учете голливудской биржи в 1929 состоял 17451 статист (Там же. 1930. 22 ноября. С.2).

³¹ Русский эмигрант (Берлин). 1920. №1. С.21.

и выступления русских артистов и здесь же артисты заключали контракты с немецкими предпринимателями кинофабрик»³². Несмотря на последовавшее вскоре значительное сокращение числа русской колонии и ее деловой активности в этой стране, статисты сохранили свою притягательность для германской кинематографии и даже инициировали формы профессиональной самоорганизации. В 1930 Союзом русских сценических деятелей в Берлине был образован специальный «фильмовый» клуб, пользовавшийся большим общественным и коммерческим успехом в первую очередь у кинематографистов.

/.../ если нужны статисты, умеющие хорошо носить костюм, безукоризненно держать себя в обществе, танцевать на светских балах, словом, когда нужны люди из «общества», то найти их можно прежде всего в русском клубе, и поэтому, несмотря на кризис /.../ члены русской колонии почти всегда имеют заработок, который колеблется в зависимости от сезона, стажа и пр[очего] между 50 и 500 марками в месяц. Среди членов клуба /.../ вы встретите русских адвокатов, судебных чиновников, бывших предводителей дворянства и бывших гвардейских офицеров³³.

Понятно, что в силу миграционных процессов в среде русских беженцев столица Франции неизбежно должна была перехватить у Берлина пальму первенства и в этой специфической области, придав ей черты «блистательного русского Парижа». А они проявились уже в том, что самые респектабельные издания охотно помещали на своих страницах объявления, подобные такому: «Синема. Треб[уются] на 1 день мужчины и женщины для фигурирования на съемках. Плата 20 фр[анков] в день. Записываться: Majestic-film /.../»³⁴. Далее заинтересованных адресатов этой рекламы ожидал установившийся ритуал.

В приемной человек тридцать мужчин, женщин и детей, — ждут работы, быть может, с замиранием сердца мечтают о головокружительной карьере кинематографических королей. В глазах напряженное ожидание, волнение и даже испуг. Похоже на приемную врача-специалиста. /.../ В «Сине-Франс» много русских. Почти все русские /.../ Бывшие кадровые офицеры, уже сделавшие карьеру кинематографического артиста, бывшие адвокаты, генералы, куплетисты, балетные танцоры. Их около двухсот человек, подчиненных резкому и властному свистку режиссера³⁵.

³² Животовский С. Пережитое // Москва (Чикаго). Май 1929. С.11-12.

³³ Новая заря. 1931. 9 января. С.2.

³⁴ Последние новости. 1926. 19 августа. С.2.

³⁵ Наблюдетель. За кулисами русского кинематографа // Новое Русское Слово. 1925. 26 июля. С.4 (описывается работа на французской киностудии над фильмом «Мишель Строгов» — реж. Вячеслав Туржанский).

Существует весьма красочное описание натуральных съемок какого-то «русского» фильма, участники которых не сразу, после продолжительных гаданий установили его топографическую принадлежность:

Идет мелкий пронизывающий дождь. У подъезда толпа, в большинстве из безработных, жаждущих попасть в статисты. Кого только в ней нет: командиры корпусов, директора гимназий, но главная масса — младшие офицеры. Толпа стойчески мокнет и ждет вызова. /.../ Счастливы, попавшие по ту сторону барьера, становятся у подобия прилавка и получают костюмы. /.../ Грустный худой человек проводит по рукаву полученного им мундира и говорит:

— Посмотрите — царское сукно, как сохранилось, ведь ему больше лет, чем мне...

/.../ «Внимание — крутят». Все замирают в заученных позах. Свисток. Можно стоять «вольно». /.../

— Это какой же Петров? Который командовал Н-ским полком?

— Совсем нет, его брат, конно-артиллерист.

Завязывается и флирт. Полная, веселая француженка пытается заговорить с изображающим адъютанта принца русским. Но тот по-французски — ни звука. Впрочем, оба, по-видимому, довольны.

/.../ «Внимание — крутят». Потом опять перерыв... опять флирт. Наконец, кончена съемка. Сброшена фантастическая форма и старые русские мундиры. Толпой окружили статисты помощника режиссера.

Неприятная новость: платить будут не сегодня, а завтра, в 9 часов утра, а у многих нет на ночлег... Но — смиряются: «Как-нибудь перебьемся. Говорят, еще съемки будут»³⁶.

Наблюдения другого летописца эмиграции были нескрываемо сочувственны по отношению к описываемым персонажам, но вместе с тем достаточно пессимистичны:

Тяжек и тернист этот путь, оплата труда грошовая: от 30 до 100 франков за рабочий день, начинающийся с 8 часов утра у черта на куличках... Но и из этих грошей значительная часть не попадает в карманы русских фигурантов, ибо и здесь, как везде, где есть мухи, существуют жадные пауки... Или это посредники, взявшие у фирмы, крутящей фильму, подряд на наем фигурантов. Тогда без предварительной уплаты 10 или даже 15 процентов не обойтись. Или, что еще хуже, подручные, лихие молодцы режиссера... Им подавай уже не 10-15 процентов. Они отхватят и поло-

³⁶ Крутят // Гун Бао. Общественная газета (Харбин). 1927. 24 апреля. С.3. Иностранная речевая калька «крутить» в лексиконе зарубежных русских дублировала нынешний термин «снимать фильм».

вину, а то /.../ и весь заработок. Им мало и денег: с женщин они берут и натурой! Кого только не встретишь среди фигурантов! Бывшие, увы, все бывшие: общественные и политические деятели, штаб и обер-офицеры, журналисты, писатели, графы, бароны, князья, врачи, судьи, адвокаты, коммерсанты, промышленники, артисты. И какие артисты: первоклассный опереточный А.С. Полонский, оперный Давыдов, артист Императорских театров Дракули, провинциальные театральные премьеры. Известный петербургский присяжный поверенный Адамов, бывший редактор «Петербургской газеты» Гермончук, тифлисский городской голова Атабеков, московский коммерсант Пермяков, граф Капнист. А здесь — фигуранты... «быдло», с которым эти господа «режиссеры» ничуть не церемонятся... На съемках они командуют, грубо покрикивая, с издевкой, стараясь показать свою власть, свое мнимое превосходство /.../ Нужно самому видеть это, чтобы раз навсегда решить держаться подальше от кинематографических студий, где заработок случаен, мизерен и сопряжен с тяжелым трудом, проходящим под палящими лучами «юпитеров», обжигających глаза и декольтированные плечи и груди³⁷.

По понятным причинам женщины-фигурантки вызывали у журналистов более теплые чувства. В своих описаниях репортеры стремились отлить свои наблюдения в формулы особой эмигрантской гордости, выделяющей это ремесло из прочих, менее респектабельных в глазах общества женских способов зарабатывания на жизнь:

/.../ Фигурантки в театрах и киностудиях — обычное явление. Но только небольшому проценту, имеющему хорошие связи, удалось на этом амплуа устроиться прочно. Чаше фигурация — случайный и редкий заработок, но зато крупный /.../ «Стой перед аппаратом, сиди или бегай, когда крутят, — одно блаженство, — пишет мне из Ниццы парижанка, уехавшая туда вследствие безработицы. — /.../ Мы с ума сходим... сотни русских женщин хотят попасть, а это почти невозможно...»

/.../ В общем, русская парижанка не заслуживает упреков, а часто достойна преклонения. Много русских женщин вершит подвиг славный, благородный: они страстотерпицы великие, они мужественно и смело глядят в глаза жизни и неустрашимо шествуют по тернистой тропе³⁸.

Взгляд кинематографиста-профессионала отмечал не только непомерные масштабы распространения профессии киностатиста,

³⁷ Борский Б. Рабы «Великого Немого» // Утро. Воскресная газета (Париж). 1928. 23 декабря. С.2.

³⁸ Унковский В. Русский Париж // Воскресное иллюстрированное приложение к газете «Слово». 1931. 4 октября. С.2.

но и подкреплял тему ценными бытовыми деталями, недоступными глазу сторонних наблюдателей:

Обычные статисты /.../ получают за день съемки от 5 до 7 1/2 долларов, причем их день нередко продолжается круглые 24 часа. Съёмочный день начинается /.../ в 8 часов утра. Когда съёмочный день заканчивается — это зависит всецело от нервов режиссера. Бывали случаи, что несчастных статистов не отпускали домой в течение 22 часов. Жалованье статистов при 15, в лучшем случае 20 съёмочных днях в месяц далеко недостаточно при той дороговизне жизни, которая наблюдается в Калифорнии. Бороться за свои права, объединяться в профессиональные организации статисты не могут. В «демократической» Америке лишь попытка к такому объединению была бы сразу названа большевизмом и подавлена в корне с той беспощадностью, которой вообще отличаются американские промышленники.

Среди этих статистов имеются специалисты, проделывающие самые трудные и рискованные акробатические номера, и несчастные случаи в Голливуде весьма нередки, но они никого не трогают. Если сегодня слоны «Юниверсал Сити» задавили трех людей, завтра на их место явятся 3000.

Лучшее положение /.../ занимают «Экстра Воркс», соответствующие европейским «фрачным» статистам³⁹. Они получают от 15 до 20 долларов в день. Они также не избегают целого ряда унижений. Начинаются они уже с приема на работу. Режиссер заказывает «кастинг директору» к определенному часу несколько сот человек: отдается распоряжение, и все вызванные выстраиваются перед ателье на улице, уже одетые и загримированные. Режиссер выбирает среди них нужных ему, а остальные идут домой, не получая за этот вызов ничего.

/.../

Американские режиссеры /.../ считают, что любой человеческий тип можно всегда найти в природе, и поэтому-то в Голливуде так возросло количество статистов. Все виды человеческой породы там представлены. Имеются районы /.../, напоминающие какую-то галерею уродов, в другом квартале живут боксеры, борцы, спортсмены и т.д. Имеются статисты, живущие с того, что они носят усы или бакенбарды, чего в Америке очень трудно найти.

/.../

³⁹ Немаловажная деталь времен раннего кино, довольно долго сохраняется в общей практике: «Артисты снимались в собственных костюмах, они обязаны были их иметь — так полагалось. Даже разовые статисты делились не по типажным признакам, а по имевшемуся у них гардеробу — "фрачники", "пиджачники". "Фрачники" были дороже» (Кулешов Л., Хохлова А. 50 лет в кино. М., 1975. С.28).

Взяточничество развито повсюду. Берут деньгами, берут табаком, берут запрещенными спиртными напитками. Начинающие же молодые статистики также не могут избежать найзойливых ухаживаний и приставаний со стороны американских помощников, как это наблюдается и в «прогнившей» Европе⁴⁰.

Говоря о зарубежных русских фигурантах, уместно вспомнить и о том, что немалое число «бывших» в те же самые годы и столь же вынужденно прибещалось к профессии статиста на родине, изображая соответствующие типажи в советских «историко-революционных» кинопостановках. Об этом свидетельствует, например, репортаж со съемок фильма «9 января» (реж. А.Ивановский, 1926):

.../ коридоры кинофабрики запружены невероятным народом /.../ Доподлинные старухи в ротондах, пелеринах, мантильях и плисовых каких-то тальмах жмутся к стене. Беломундирные кавалергарды на поларшина возвышаются над толпой. Князь Васильчиков прячется в бухгалтерии, чтобы не помяли гусарского мундира, сановники в треуголках с плюмажами торчат всюду /.../ Фабрика подбирала этих людей два месяца, зато и подобрала таких, которым, в сущности, нет надобности играть. Им достаточно держаться, ходить и разговаривать так, как они делали это до семнадцатого года. Они играют самих себя. Настоящий генерал играет генерала, настоящий сановник — играет сановника. Они знают свое дело. Они даже могут дать ценные указания относительно этикета. В свите есть настоящий камергер, теща великого князя и множество генералов. Когда для картины снимали совещание в штабе, то из тридцати шести военных, сидевших за столом, был только один актер. Остальные были неподдельными генералами. Роль Плеве играет человек, бывший когда-то с самим Плеве близко знакомым. Работают все они прилежно и старательно. Для некоторых из них это, может быть, первый заработок за восемь лет революции⁴¹.

Выигрышной стороной советских костюмных инсценировок в сравнении с западными был подчеркнутый документализм в изображении реалий дореволюционной эпохи, продиктованный, конечно же, отнюдь не педантичным историзмом, но стремлением

⁴⁰ Курц. За кулисами американской кинематографии // Экран. Журнал, посвященный задачам кино (Берлин). 1924. №4. С.32.

⁴¹ Фальберг И. [Илья Ильф]. «Раскованная борода» // Советский экран. 1926. №2. С.13. Немаловажно то, что эффект экранного воскрешения прошлого с особенной остротой переживался эмигрантским сознанием именно в советских киноверсиях. См.: Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. Т.1. Нью-Йорк, 1983. С.42-43. О подобных рецептивных эффектах см.: Цивьян Ю. Историческая рецепция кино: Кинематограф в России 1896-1930. Рига, 1991. С.196-200.

к снятию прежних табу и к семантической девальвации ценностей «проклятого» прошлого. Вплоть до конца 20-х годов натурные съемки в царских дворцах, обращенных в музеи, считались чуть ли не обязательным «технологическим» условием для постановок подобного жанра:

Для картины «Машинист Ухтомский» [реж. А. Дмитриев, 1926. — *Р.Я.*] одной из московских кинофабрик понадобилось снять прием Николаем II в своем кабинете знаменитого расстрельщика полковника Мина, а также ряд других эпизодов, разыгрывавшихся в комнатах Зимнего дворца. Постановщик картины решил для этих сцен декораций не строить, а снимать их в самом дворце. /.../ Тут... победило желание дать картине подлинный исторический фон /.../ Рабочим кабинетом Николая II служила его библиотека. Это — большая, очень высокая комната, сплошь обшитая дубом, в нежилом готическом стиле. В ней стоит рояль, три стола и на маленьком столике — шахматы в особенно молодецком ложно-русском стиле. Книжные шкафы идут понизу и вверх вдоль галереи. Электротехники экспедиции связались с электрической магистралью дворца и мигом втащили на галерею два переносных прожектора со стеклянными отражающими зеркалами.

— Николай сядет у стола возле камина! — говорит режиссер. — Свет!

Стали пробовать освещение. Свет включили и два электрических солнца залили угрюмую царскую библиотеку сильнейшим розовым светом. Запылали также вольтовые дуги четырех маленьких прожекторов вокруг стола. /.../

— Царя!

Полковник Мин уже ходит, стуча огромным набором медалей и крестов на груди, но царь задержался.

— Усы примеряет!

Но вот и царь. Он будто с портрета сорвался. Приглаженные височки, всероссийски-известные рыжеватые усы и благосклонный взор. Похож, очень похож! Самодержец всероссийский!⁴²

Немногие из «историко-революционных» фильмов выиграла в художественной убедительности от столь буквально толкуемого историзма. Пожалуй, одному лишь Сергею Эйзенштейну в фильме «Октябрь» удалось оживить мертвую музейную статую дворцовых интерьеров и приемами «интеллектуального» монтажа совместить их с собственным, далеко не аутентичным видением революционной стихии.

⁴² Idem. «Убитые, ползите в сторону» (1925). Цит. по нашей публикации: Илья Ильф о кино // Киноведческие записки. 1989. №5. С.117. Там же — наблюдения о вариативности авторской рецепции кинотипажа.

Как видно, востребование особой кинопрофессии демонстратора среды и навыков ушедшей эпохи, как следствие перемены социальных знаков в российской реальности, проявилось вне зависимости от пограничных разделений. Киностатист при этом показал себя поразительно стойким к переменам текущей киноконъюнктуры. В то время, как приход звука в кино на рубеже 1920-1930-х практически полностью изгнал из него русских актеров-профессионалов, фигурант продемонстрировал свою абсолютную незаменимость и полную социальную незащищенность.

Бесправное положение русских фигурантов время от времени вызывало сочувственные отклики эмигрантской печати. Осуждая нравы, сложившиеся на киностудиях, один из журналистов призывал однажды всех заинтересованных соотечественников «бороться и очень решительно с гадами в лице некоторых помощников режиссеров. /.../ Любая администрация производственного предприятия /.../ постарается избавиться от позорящего честь корпорации гада немедленно и навсегда. Тем более наши русские директора и режиссеры по отношению к русским же негодьям, которых, к счастью, один-два и обчелся». Впрочем, этот призыв, видимо, так и остался безответным⁴³. Более того, Великая депрессия породила новые серьезные проблемы для русских фигурантов.

Был момент, когда в студиях «Парамаунта», «Натана», «Осо», у Ванделя и Делака работали сотни русских статистов /.../ Теперь все кончилось. «Французское министерство труда установило строжайший контроль над кинематографической продукцией. Туда, где нужны статисты, посылают немедленно французских безработных. Пробовали не считаться с требованиями министерства и по-прежнему брать русских — кончилось это крупным денежным штрафом», — сетовал один из наблюдателей. В весьма энергичных выражениях ему вторил кинопредприниматель: «Нам запретили брать русских статистов. А между тем, без них Бог знает что получится! Русский эмигрант во фраке имеет вид настоящего джентльмена, каким он в действительности и был всю свою жизнь. А французского фигуранта, человека маленького и большей частью бездарного, можно сто раз нарядить во фрак — он будет на экране иметь вид лакея из ресторана, а не фигуранта»⁴⁴.

⁴³ Седых А. Развлечения и огорчения русского Парижа // Новая заря. 1931. 5 декабря. С.2.

⁴⁴ Иллюстрированная Россия. 1929. №12. С.12. Всякие попытки урегулировать эту ситуацию общественными усилиями оказывались безрезультатными. В 1925 газета «Новое Русское Слово» совместно с одной кинокомпанией провела специальный конкурс среди своих читателей по отбору типажей для их последующего уча-

Правда, со временем этот кризис благополучно разрешился и более того — привел к слиянию франко-русского цеха фигурантов, вызвав к жизни форму международного корпоративного объединения:

Подчас долгие недели ожидания кинематографический фигурант проводит на своей «бирже». Это — кафе недалеко от Больших бульваров, где встречаются жрецы «десятой музыки», где они просят выдать долгие часы в ожидании желанного «помощника режиссера» или агента специальной конторы по найму фигурантов на съемки... На эту биржу приходят и сами режиссеры. Приходят они за типами. И этим особенно интересно и характерно кафе для фигурантов... Здесь всех кино-командиров уже знают и появление одного из них вызывает всеобщую повышенную нервность... Распространяется слух, что «он» ищет «мегеру». «Мегера», милая женщина, долго служившая театральной портнихой и славившаяся тем, что легко давала актерам взаймы, проходит к телефону и обратно мимо столика режиссера. Увы, он ее не замечает. Потом от стола к столу переходит весть, что он ищет «старика с деревянной ногой». Такого сейчас нет, но не послать ли за старым Огюстом, он ведь как раз то, что нужно?

Описывая своих героев, журналист не ограничился лишь психологическими зарисовками, но попытался и типологически обобщить увиденное:

Из кого вербуются фигуранты для «элегантной толпы», для публики «шикарного дансинга» или «гостей княгини де Иванкофф»? Это в большинстве случаев деклассированная молодежь из тех, кто слишком ленив, чтобы работать на заводе, в мастерской или в конторе, кто достаточно порядочен, чтобы торговать своим телом или стать преступником, кто слишком красив, чтобы не заметить своей красоты и кто недостаточно все же красив, чтобы его физическое совершенство могло принести ему богатство, кто обладает достаточным вкусом, чтобы понимать и лю-

---

ствия в кинопостановках. Из более чем 2600 участников было отобрано пять победителей, а несколько десятков конкурсантов — признаны «подходящими» для экрана. На этом акция была исчерпана и продолжения не имела (см.: Новое Русское Слово. 1925. 8 ноября. С.8). В следующем году широкую огласку получил скандал вокруг 200 русских статистов, которым некие дельцы пообещали работу под денежный залог. Получив деньги, они скрылись (См.: Канаков Ю. Кинематографическая афера // Новое Русское Слово. 1926. 22 апреля. С.3). Летом 1930 редакция парижского журнала «Мир и искусство» объявила акцию «На помощь русскому киноартисту», предложив посредничество в получении работы профессионалам и статистам публикацией извещений о предстоящих съемках и вакансиях. Однако к началу нового кино сезона сообщения на эту тему прервались. См. также: Сколько дней в году работают «экстра» // Новая заря. 1930. 22 ноября. С.2.

бить искусство и кто все же недостаточно талантлив, чтобы стать настоящим артистом⁴⁵.

Голливудские статисты и их образ жизни столь же неизменно обращали на себя внимание соотечественников. Один из посетителей Голливуда оставил трогательный групповой портрет этого сообщества в техницированном американском интерьере:

/.../ люди сидят дома с утра до 8 ч [асов] вечера и ждут телефонного звонка из «Бюро распределения ролей». Если этот звонок есть, это означает 7 долларов в день (в худшем платят пять, а в лучшем — десять) и каторжную работу. Если его нет — положение часто приобретает катастрофический характер. Все они боятся выйти из дома, потому что, если звонок совпадет с их случайным отсутствием, можно потерять работу. Самое худшее в этой профессии — ее неопределенность. Иногда бывает по два-три звонка в день, а иногда телефон молчит две недели. Но у всего есть положительная сторона: это существование сближает между собой русских голливудцев, заставляя их жить общими интересами. Представьте себе — русские в Голливуде даже не ссорятся!⁴⁶

Нет сомнений в том, что это впечатление было чересчур идиллическим. Голливудская жизнь была пронизана духом состязательного индивидуализма еще в большей степени, чем остальная Америка. Здесь русские статисты обходились без цеховой организации, однако и им в интересах дела приходилось группироваться в своеобразные «производственные» бригады:

/.../ люди сидят у телефона, жадно бросаясь на звонок. А вечером ведут долгие разговоры о том, кто играет и где, и нельзя ли попасть туда же. Рассказывают, что в Лос-Анжелесе нередко у одного из счастливых приятелей гостит целая группа безработных... Вкладчину живут, вкладчину питаются, пока не повезет другому, и тогда группа эта переселяется к нему. Но попробуйте предложить им какую-нибудь постоянную работу — вряд ли согласятся, потому что трудно каждому отказаться от почетного звания артиста⁴⁷.

В конце концов русские фигуранты обратили на себя и научное внимание. На рубеже 1920-1930-х американский славист George Martin Day посвятил им специальное культурологическое исследо-

---

⁴⁵ Саккар Н. На бирже фигурантов // Иллюстрированная Россия. 1932. №29. С.12-13.

⁴⁶ Голливуд «по-Вертински» (Интервью с А.Н. Вертинским). Цит. по: Вертинский А. Указ. соч. С.546. См. также развернутое описание русского Голливуда в мемуарах артиста: Там же. С.260-267.

⁴⁷ Баженова Т. Русский Лос-Анжелес // Новая заря. 1940. 5 января. С.3.

вание, основанное на анкетировании полутора тысяч эмигрантов, осевших в Голливуде. Подавляющее большинство русской колонии составляли выходцы из дворянского сословия, что изначально определяло высокие ценностные ориентиры и приоритеты респондентов. Было бы странно, если групповые интересы русских в Голливуде разминулись бы с кинематографом, тем более, что формы их общественно-культурной самоорганизации самым теснейшим образом переплелись с жизнью других обитателей столицы кино-мира.

Знакомство с персоналом клуба [Русско-Американский художественный клуб в Голливуде. — *Р.Я.*] и выступающими артистами подтвердило, насколько важную роль играет в его жизни кинопромышленность. Практически каждый русский член клуба в той или иной мере зависит от кино, да и сам клуб в огромной степени зависит от патронажа кинопредприятий. Здешние киноартисты в своей игре повторяют приемы, присущие клубной сцене. Неудивительно, что интересы и ценности кинопроизводства стали доминировать в жизни клуба⁴⁸.

Целью исследования было установление причин ментальной несовместимости ценностей большинства русских с ценностями американского образа жизни. Ученый задался вопросом, почему же люди, материально зависимые от кинематографической конъюнктуры, воспроизводившей стереотипы массового сознания Америки, так решительно отказывались адаптировать их в собственном обиходе и демонстративно соблюдали верность национальным традициям, обесцененным в космополитическом социуме? Оказалось, что главная и единственная причина такого консерватизма крылась в общем комплексе выживания русского меньшинства в чужой среде, в том, что «они все еще живут своим прошлым, боготворят и идеализируют его, опасаясь, что их дети вырастут и забудут традиции и культуру старой России»⁴⁹.

Книга, аккумулировавшая уникальный материал о жизни русского Голливуда, завершалась все же оптимистическим выводом: «Культурный конфликт русской колонии с внешним миром разрешим лишь фактором времени и требует сочувственного понимания. Лишь только после того, как будет всесторонне изучена и осмыслена его внутренняя подоплека, появятся возможности взаимного культурного обогащения русских и американских обитателей Голливуда»⁵⁰.

⁴⁸ Day G.M. The Russians in Hollywood. A Study in Cultural Conflict. Los Angeles, 1934. P.40.

⁴⁹ Ibid. P.2-3.

⁵⁰ Ibid. P.102.

Со временем этот прогноз реализовался: так или иначе, но русские беженцы «первой волны» акклиматизировались в чужих реалиях, сохранив при этом неизменными ценности этнического и географического происхождения. Многим из них не было больше нужды существовать экзотическим ремеслом статиста. Но оно «по наследству» перешло к новым иммигрантам, поскольку производство неизменно популярных «русских» фильмов продолжалось. Любопытное свидетельство на этот счет оставил Юрий Анненков, отметивший необычное смешение эмигрантского сообщества на съемочной площадке. Он вспоминал о том, что к съемкам американо-итальянского костюмного боевика «Калиостро» (1947) помимо русских постановщика, сценографа и ведущих исполнителей были привлечены «княгиня Вяземская, княгиня Васильчикова, князь Волконский, граф Орлов, а также — два русских генерала, восемь русских полковников и около шестидесяти других русских статистов, среди которых — двенадцать советских "Ди-Пи"... и даже один русский эмигрант-священник»⁵¹.

Таким образом, в условиях, когда новая волна русских беженцев накрыла оскудевшую старую, одной из первых и весьма симптоматичных точек их соприкосновения, отмеченного идеологическим, возрастным, ментальным и психологическим диссонансами, стала именно съемочная площадка — важный, как мы смогли убедиться, смысловой знак в культурной истории зарубежной России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В обширном ряду общей рефлексии на тему русских киностатистов, возможно, самым интересным по своим литературным достоинствам и наиболее точным по психологическому рисунку представляется очерк Ольги Блажевич, чье внимание к этой теме отнюдь не случайно.

Придя в кино в конце 1900-х, через несколько лет она выдвинулась на роль ведущего сценариста. Ее темы охотно экранизировали ведущие режиссеры русского кинематографа — Яков Протазанов, Георгий Азагаров, Вячеслав Висковский и др. Соавтор почти 20 игровых фильмов, после августа 1919 Блажевич какое-то время пыталась найти себе применение в советских киноорганизациях. Однако в 1926 она выехала из СССР в эмиграцию. Попав в Париж, обратилась к кинокритике и журналистике, неоднократно, но безуспешно пытаясь вернуться к своему прежнему качеству на европейских и американских киностудиях⁵².

⁵¹ Ди-Пи (DP, Displaced Persons) — перемещенные лица; жители оккупированных территорий, вывезенные в Германию. См.: Анненков Ю. Указ. соч. С.83.

⁵² См. о ней: Сценаристы советского художественного кино. 1917-1967. М., 1972. С.45.

Очерк Ольги Блажевич, опубликованный на страницах парижского журнала «Мир и искусство» (1930. №5. С.13), вполне заслуживает того, чтобы быть признанным литературной эпитафией русским киностатистам.

МИМОЛЕТНЫЕ СНЫ

Не только у русских режиссеров, но и у большинства перво-классных немецких и французских, сложилось мнение о том, что русский статист для фигурации является самым первоклассным материалом.

Многие, как например, Марсель Л'Эрбье, открыто заявляют, что для создания надлежащего фона не инертной, а воодушевленной массы, для подлинности изображаемого типа — русская фигурация незаменима.

И в самом деле это так: кто, как не русский эмигрант (с болью, но и с гордостью нужно это констатировать!) может дать настоящий образ, сыграть самого себя в придворном мундире, во фраке банкира и светского джентльмена, в офицерской форме, в генеральских погонах?..

Кто, как не русские эмигранты могут быть величественной, гордой настоящей родовитой гордостью среди «придворных дам», чаровать настоящими светскими манерами в гостиной?..

Далеко от желания уменьшить, обесценить достоинство французской фигурации, нужно признать, что в статисты, получающие в «массовках» до 60-ти франков в день, идут люди, которые в действительности никогда не переступали порога бального зала, аристократического клуба, светской гостиной. Откуда взять им тот лоск, ту изысканность жестов, то врожденное благородство, которое так легко в этом мимолетном сне пережить русскому эмигранту?

Как обоснованны бывают нападки режиссера, который кричит им: «Как вы держитесь, как вы кланяетесь, что за безобразие... Вы — на балу у министра, а не на бал-мюзетт». Бедные статисты, облаченные волей судеб и режиссера в форменные сюртуки и в придворные роброны, разумеется, несмотря на всю свою добрую волю и старание, — только смешны. И часто маленькая парижская мидинетка, которая идет на фигурацию в надежде, что судьба поможет ей быть замеченной и стать второй Долорес дель Рио, видит, что этот путь полон терний.

Не то — русский статист. Каждый в тяжелой борьбе за кусок хлеба не утратил того, что дало воспитание, не забыл, как

склоняют голову к ручке дамы, как ходят по блестящему паркету, как сидят в золоченых креслах... Не один, готовясь к съемке, надевая генеральский мундир, прикалывая ордена (зачастую свои собственные, заслуженные ордена!), переживает какой-то внутренний трепет... Мимолетный, яркий как действительность, сон.

Хоть день, хоть час — волей кино — он возвращается к своему прежнему «я». Пусть ярким светом жгут прожектора, пусть там, за освещенным квадратом, — чужие люди, чужая страна, чужая речь, чужие интересы...

Сейчас — это мимолетный, но яркий незабываемый сон...

И когда режиссер, довольный, потирающий руки, режиссер с удовлетворением восклицает: «са ва», и говорит себе, что «русские — способный, внимательный народ», что с ними легко работать, вспоминает ли, знает ли он, что эта толпа внимательных, чутких людей переживает мимолетный сон своего далекого прошлого, сон, за который, в сущности, как-то больно получать в кассе свои 60 франков...

Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХ И И.И. ЛАЗАРЕВСКИЙ (Из переписки 1930-х годов)

Публикация О.С. Острой и Л.И. Юниверга

Прежде чем познакомить читателей с избранными страницами из переписки двух, достаточно забытых, но оттого не менее интересных и значительных деятелей отечественной культуры первой половины нашего столетия, охарактеризуем вкратце каждого из них.

Эрих Федорович Голлербах (1895-1945) — весьма примечательная фигура литературно-художественной жизни России 1920-1930-х годов. Человек разносторонних дарований, он одновременно был искусствоведом и литературоведом, поэтом и философом, художественным критиком и гравером, наконец, коллекционером и библиофилом. Не каждое дело в равной мере удавалось ему, но все вместе сделало его личностью незаурядной. И, конечно, главной питательной средой, сформировавшей Голлербаха, была особенная, неповторимая атмосфера Царского Села¹, окружавшая его с раннего детства. Вот что писал об этом сам Эрих Федорович: «Решающими влияниями стали великолепие памятников искусства, очарование парков, смутные отзвуки пушкинской эпохи, отблески былой литературной славы, наконец, спорные победы русского символизма...»² Тем большим контрастом на этом фоне была мещанская обстановка, царившая в доме его отца — обрусевшего немца-булочника. В юношеские годы эти разнородные впечатления пробудили в Голлербахе серьезный интерес к литературе и искусству, активно способствовали развитию его литературного дарования.

Позже, учась в царскосельском реальном училище и в Психоневрологическом институте, на физико-математическом и на историко-филологическом факультетах Петербургского университета, — всюду Голлер-

¹ Царское Село дважды переименовывалось: в 1918 — в «Детское Село» и в 1937 — в «г. Пушкин».

² Голлербах Э.Ф. Автобиографический очерк. 1938 // Личный архив Э.Ф. Голлербаха (хранится у его внука Е.А. Голлербаха).

бах «предавался литературным опытам»: много занимался теорией литературы, ее историей, писал стихи. Впоследствии адресатами и героями его статей и поэтических упражнений стали в основном писатели и художники, связанные с Царским Селом. Этой «обители бессмертных теней Державина, Жуковского, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева...» посвятит Голлербах и одну из самых поэтичных своих книг — «Город муз», в предисловии к которой напишет: «В Царском Селе нам дорого не "царское", а вечное. В нем пленительно прежде всего обаяние литературного подвига»³.

Родному городу Голлербах был обязан и приобщением к музейному делу, в значительной мере повлиявшим на его отход от чисто теоретических, философских проблем и на его сближение с проблемами практического искусствознания. Этот поворот свершился в 1918, когда он познакомился с известным искусствоведом Г.К. Лукомским и под его руководством стал работать в художественно-исторической комиссии Детского Села, занимавшейся описанием имущества и сохранностью дворцовых ансамблей города. Накопленный здесь опыт Голлербах перенес в Петроград, где в 1919-1921 как научный сотрудник отдела по охране памятников искусства и старины сформулировал важные для начального этапа культурной революции принципы музейного строительства, задачи музеев.

Широкая образованность, глубокое понимание сущности литературного и художественного процессов, закономерностей развития литературы и искусства позволили Голлербаху создать ряд проблемных исследований, сыгравших важную роль в развитии отечественного искусствознания. Таковы «История гравюры и литографии в России» (Пг., 1923), «Портретная живопись в России. XVIII век» (М.; Пг., 1923), «Искусство эпохи Возрождения и Нового времени» (Л., 1929), «Пути новейшего искусства на Западе и у нас» (Л., 1930) и др. Значительное место в деятельности Голлербаха занимала также литературная иконография: отражение личности и творчества того или иного писателя в портретах и иллюстрациях. В результате многолетних трудов им были подготовлены и опубликованы фундаментальные альбомы, посвященные Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Салтыкову-Щедрину и Шевченко. Всего за 25 лет творческой работы Голлербахом было опубликовано около 50 книг и свыше 600 статей. Предметом исследования становились книжная графика или архитектура, фарфор или миниатюра, костюм или портрет... Сам Голлербах в автоэпиграмме так характеризовал себя:

Полупоэт, полуфилософ,
Полуэстет, полумудрец...
В потоке мировых вопросов
Он захлебнется наконец⁴.

Мнение же большинства людей, хорошо знавших или друживших с Голлербахом, наиболее емко и объективно выразил известный ленинградский поэт В.А. Рождественский: «В обиходе он [Голлербах] был очень общи-

³ Голлербах Э.Ф. Город муз. Л., 1927. С.11.

⁴ ОР РГБ. Ф.453. К.1. Ед.хр.12. Л.1.

тельным, заряженным деловой энергией человеком, а работоспособность его и разносторонность его интересов были поистине удивительны. Он всегда что-то писал, на что-то "откликался", организовывал выставки, издания, был страстным библиофилом и коллекционером»⁵.

О библиофильских интересах Голлербаха следует сказать отдельно. Это увлечение, зародившееся в детские годы, было для него вполне органично и связано поначалу с его поэтическим и философским творчеством, а затем — со всей литературной работой в целом. При этом Эрих Федорович выступал не только книголюбом-собирателем, сколько библиофилом-издателем и библиофилом-искусствоведом. Страстная, действенная любовь к книге и книгоизданию, неумная энергия, с которой он подключался к любому интересному книжному делу (особенно к подготовке какого-либо библиофильского издания), — все это снискало Голлербаху заслуженный авторитет и признание в библиофильской среде. К этому необходимо добавить, что в 1923 Эрих Федорович явился одним из инициаторов создания в Петрограде хорошо известного Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ). Считая содружество библиофилов «всегда нужным и благодарным делом», Голлербах в то же время, видел в библиофилии «вдохновительницу всех книгоиздательских подвигов»⁶. Во всяком случае, в применении к нему — автору и издателю многих книг, в том числе нескольких чисто библиофильских изданий, — это определение абсолютно верно.

***

В отличие от Голлербаха, вся жизнь которого прошла между Царским Селом и Петроградом-Ленинградом, судьба уготовила Ивану Ивановичу Лазаревскому (1880-1948) как бы две жизни, разбив их с математической точностью на два равных периода — петербургский и московский.

Детство и юность Лазаревского прошли в небогатой, но весьма культурной дворянской семье, связанной родственными узами с И.С. Тургеневым и А.А. Фетом. Помимо матери — превосходной музыкантши, человека большой души и широкой культуры — значительное влияние на Ивана Ивановича оказали ее друзья: писатель и коллекционер Д.В. Григорович — один из главных деятелей Общества поощрения художеств, и В.В. Стасов — едва ли не самый знаменитый художественный и музыкальный критик второй половины прошлого века, много лет возглавлявший Отдел изящных искусств Императорской публичной библиотеки. В значительной мере благодаря им Лазаревский сумел с лихвой восполнить свое домашнее образование (из-за перенесенного в юности туберкулеза он не поступал в высшее учебное заведение). Этому же способствовали общеобразовательные поездки по странам Западной Европы, Северной

⁵ Цит. по кн.: Берков П.Н. История советского библиофильства. М., 1983. С.144.

⁶ Голлербах Э.Ф. Возникновение Ленинградского общества библиофилов: К пятилетию со дня основания. Л., 1928. С.9.

Африки и Индии, а также его служба в качестве помощника секретаря Общества поощрения художеств (1900-1902) и помощника хранителя Русского отдела Публичной библиотеки (1902-1906)⁷.

Последовавшая затем поездка в крупнейшие центры книгопечатания с целью ознакомления с лучшими образцами художественной полиграфии помогла Лазаревскому сделать окончательный выбор своей будущей профессии. В 1907 он поступил работать в Акционерное общество печатного дела «Слово», где служил сначала техническим редактором и зав. художественным отделом, а затем — зав. технической частью издательства. В эти же годы Иван Иванович в качестве художественного редактора сотрудничал с лучшими столичными типографиями — Товариществом Р.Голике и А.Вильборг и «Сириусом», где через его руки прошли такие высокохудожественные издания, как «Казначейша» М.Лермонтова с иллюстрациями М.Добужинского (1913) и «Пиковая дама» А.С. Пушкина с рисунками А.Бенуа (1911), а также хорошо известные в библиофильской среде журналы «Аполлон» и «Старые годы».

В 1910 Лазаревский перешел работать в акционерное общество издательского дела «Суворин и К°», где ему в начале 1914 предложили возглавить художественно-технический отдел московского филиала фирмы. Таким образом и состоялся переезд петербуржца Лазаревского в Москву.

Как справедливо отметил в своих воспоминаниях С.Г. Кара-Мурза — известный театральный критик и библиофил — ко времени своего переезда в Москву 34-летний Лазаревский по праву пользовался репутацией столичного литератора хорошей марки, а также авторитетного специалиста по вопросам книжного искусства и разного рода собирательства⁸. Такую лестную характеристику Иван Иванович заслужил своими многочисленными статьями, очерками и рецензиями в столичной прессе, главным образом, по вопросам художественной полиграфии, истории декоративных искусств и собирательства (к концу жизни он был автором около пятисот публикаций такого рода). Особенно много статей Лазаревский посвятил вопросам коллекционирования, так как сам был страстным собирателем старого хрусталя, интересовался историей литографии и, конечно, редкими книгами.

Большую популярность приобрела серия его статей, опубликованных в 1913 в московской газете «Утро России» под названием «Среди коллекционеров и антиквариев». В легкой, непринужденной манере Лазаревский поведал читателям о чудаках-собирателях, посвятивших свою жизнь поискам и сохранению для потомства уникальных образцов старинной мебели, цветного хрусталя, фарфора, редчайших изданий... При этом читателей покоряли не только оригинальность сюжетов, но и сам тон рассказчика, проникнутый теплыми, задушевными нотками, неподдельным вниманием и уважением к своим героям. Отсюда понятен тот огромный ин-

⁷ Здесь и далее все фактические сведения о перемене мест службы взяты из «Личного листка по учету кадров» И.И. Лазаревского (1940 г.) — РГАЛИ. Ф.1932. Оп.1. Ед.хр.1. Л.18-190б.

⁸ См.: Кара-Мурза С.Г. [Воспоминания]. Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). 1919-1929 гг. — ОР РГБ. Ф.561. К.1. Ед.хр.7. Л.39.

терес, который вызвала книга Лазаревского «Среди коллекционеров» (СПб., 1914), вобравшая в себя упомянутые очерки, предварительно обработанные и дополненные автором. По словам Кара-Мурзы, она стала «настойной книгой для каждого серьезного собирателя»⁹, что и позволило ей выдержать в короткое время еще два издания (1917 и 1922). Более того, газетные очерки Лазаревского способствовали возникновению в Москве в том же 1914 новой организации коллекционеров — «Общества любителей старины», одним из учредителей которого стал сам автор очерков. Наконец, спустя семь лет, Лазаревский предпринял издание собственного журнала — «Среди коллекционеров» (1921-1924), пользовавшегося весьма большой популярностью среди собирателей (достаточно упомянуть, что тираж журнала в короткий срок вырос с 50 до 1800 экз.).

В первые же послереволюционные годы Лазаревский активно включился в работу по сохранению памятников отечественного искусства и в течение 4-х лет (с 1918 по 1922) был членом президиума Комитета по охране памятников искусства и старины при Моссовете. В 1921 его также привлекли к участию в комиссии по изучению русских иллюстрированных изданий при Историческом музее, в том же году он вступил в члены только что организованного Русского общества друзей книги (РОДК). Вот каким он запомнился в тот период современникам: «Петербургец с головы до ног, он немного прихрамывал и не расставался с палкой, что придавало ему чуть-чуть старомодный, барский вид. Палка имела в его руках скорее вид щегольского стека, чем орудия помощи при ходьбе...»¹⁰.

В 1922 в жизни Лазаревского произошло событие, на многие годы определившее его дальнейший жизненный путь: он был приглашен в Госиздат для организации «Художественного подотдела» или, говоря современным языком, художественной редакции издательства. Большой практический опыт и организаторский талант помогли Лазаревскому необычайно улучшить художественно-оформительскую работу Госиздата, что, по мнению специалистов, во многом определило становление в Москве самостоятельной школы книжного искусства, помогло выработать наиболее совершенные принципы оценки оригинальных художественных решений¹¹. Не случайно с большой благодарностью вспоминают Лазаревского известные художники книги Д.А. Шмаиринов и Б.А. Дехтерев, начинавшие свой путь в искусстве под его непосредственным руководством. «Ивану Ивановичу я обязан своими первыми шагами — самым сложным и самым трудным, что может быть для молодого художника, — отмечал Шмаиринов в своем выступлении на вечере памяти Лазаревского в 1948. — Я благодарен ему за его культуру, заботу, настойчивость и требовательность»¹². Дехтерев (впоследствии многолетний руководитель художественной редакции издательства «Детская литература») видел главный успех Лазаревского в Госиздате в том, что он был «человеком высокой

⁹ Кара-Мурза С.Г. Указ. рукопись. Л.39.

¹⁰ Там же.

¹¹ Рукопись: Художественный редактор: Книга. М., 1985. С.23.

¹² РГАЛИ. Ф.1932. Оп.1. Ед.хр.10. Л.2об.

культуры, знал искусство прошлого и умел подбирать талантливых людей»¹³. Одновременно с работой в Госиздате Лазаревский руководил Полиграфгруппой в ГАХНе; был членом Государственного ученого совета (ГУС) по Изосекции; участвовал в подготовке многих крупных книжно-графических и полиграфических выставок, в том числе русского отдела международной выставки в Лейпциге и Всесоюзной полграфической выставки (обе — в 1927)¹⁴; наконец, работал над составлением «Полиграфсправочника», который увидел свет в 1932, а затем был дважды переиздан (в 1944 и 1946).

После реорганизации Госиздата в 1930 Лазаревский работал во многих столичных издательствах, в том числе издательстве АН СССР, Изогизе, «Молодой гвардии», Соцэкигизе, Учпедгизе и др. И везде он был желанным сотрудником, на которого можно было положиться при подготовке особо сложных художественных изданий, таких, например, как академичное издание полного собрания сочинений А.С. Пушкина (1937) или «Витязя в тигровой шкуре» Ш.Руставели с иллюстрациями С.Кобуладзе (1936). В каждое такое издание Иван Иванович, обладавший безукоризненным художественным вкусом, вкладывал все свое умение, всю энергию и дар организатора. Наиболее точно сказал об этом известный московский искусствовед В.М. Лобанов: «Лазаревский был одним из тех людей, которые много потрудились над возрождением русской художественной книги /.../. Причем в это дело, в эту работу Иван Иванович внес не только личный свой вкус: он, засучив рукава, действовал, старался изучить непосредственно черновую сторону полиграфии. Он знал ее не только с точки зрения определенных эстетических форм, не только в результате изучения хороших подлинников Публичной библиотеки или у отдельных любителей искусства, но он изучал это на наборной кассе, он изучал это у печатной машины...»¹⁵

***

Знакомство Голлербаха с Лазаревским произошло, вероятно, в начале 1920-х в связи с намечавшимся в марте 1921 выходом первого номера московского журнала «Среди коллекционеров». Лазаревский, озабоченный поисками будущих авторов нового журнала, в числе других обратилась, по-видимому, и к Голлербаху, так как уже со второго номера, вышедшего в апреле 1921, Эрих Федорович становится одним из постоянных и активных петроградских корреспондентов журнала (достаточно сказать, что за четыре года существования журнала Голлербахом было опубликовано на его страницах 28 статей и заметок, что на две больше, чем опубликовал сам Лазаревский). Естественно, что в эти годы между ними велась активная переписка, однако от нее сохранилось (по крайней мере, в московских и ленинградских архивах) всего два письма: от 24/XII.1921 и

¹³ Рукопись: Художественный редактор: Книга. Указ. изд. С.23.

¹⁴ См.: «Трудовой список» И.И. Лазаревского (1937 г.). — РГАЛИ. Ф.1932. Оп.1. Ед.хр.1. Л.8-9об.

¹⁵ РГАЛИ. Ф.1932. Оп.1. Ед.хр.10. Л.10.

от 26/III.1923 (оба — в ОР РГБ). Основной же массив дошедшей до нас переписки относится к 1931-1941¹⁶. Именно поэтому мы делали отбор для данной публикации из писем этого десятилетия.

В эпистолярном наследии Голлербаха переписка с Лазаревским занимает особое место. Она выделяется не столько количеством писем (в оба адреса их свыше пятисот), сколько особой тональностью и раскованностью. По масштабам и долголетию ей, например, не уступает переписка Голлербаха с известным московским искусствоведом и книговедом, профессором А. А. Сидоровым, или с не менее известным москвичом — художественным критиком и библиофилом П. Д. Эттингером, однако она носит совершенно иной, чисто деловой, скорее информационный или библиофильский характер. В этих письмах нет той задушевности и открытости, чисто дружеской пикировки или налета состязательности в эпистолярном искусстве, наконец, — попытки высказаться до конца, сознавая, что будешь понят правильно, — всего того, что характерно для переписки Голлербаха с Лазаревским.

Помимо чисто литературных достоинств их писем, они чрезвычайно информативны и мемуаристичны (особенно у Лазаревского), насыщены краткими, но весьма выразительными и афористичными (а зачастую и ироничными) характеристиками современников — художников, литераторов, искусствоведов, издательских работников и коллекционеров... В то же время, и здесь об этом следует упомянуть, в переписке Голлербаха и Лазаревского почти совершенно не упоминаются многие их общие знакомые, подвергшиеся репрессиям в 1930-е. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что оба они были «людьми своего времени» и несли на себе бремя законов этого времени. Они и сами испытали на себе мощь государственного репрессивного аппарата: Лазаревский в конце 1919 был арестован МЧК без предварительного обвинения и отпущен лишь через девять месяцев, а Голлербах в 1933 был привлечен к судебной ответственности по делу известного литературоведа Р. В. Иванова-Разумника и находился под арестом в камере предварительного заключения более двух месяцев. Ко всему прочему, им было хорошо известно из многих источников, что личная переписка часто перлюстрируется, и потому подвергать себя такой опасности не хотели ни тот, ни другой. Зато много внимания уделено собственным творческим замыслам корреспондентов, их текущей работе над тем или иным изданием. Именно близость книжно-издательских и собирательских интересов, постоянно подпитывавших их взаимный интерес друг к другу, смогла, на наш взгляд, сделать эту переписку столь продолжительною (свыше 20 лет) и уникальной по обилию содержащихся в ней материалов, характеризующих не только жизнь и деятельность двух замечательных тружеников отечественной культуры, но и художественно-издательскую жизнь страны 1930-х.

¹⁶ Основной массив публикуемых писем хранится в РГАЛИ, в фонде И. И. Лазаревского (Ф.1932). Причем в нем не только оригиналы писем Э. Ф. Голлербаха (101 л.), но и копии писем самого Лазаревского (23 л.). Сравнительно небольшая часть оригиналов писем Лазаревского хранится в ОР РГБ в фонде Э. Ф. Голлербаха (Ф.453).

Все письма печатаются по рукописям и публикуются впервые. Часть из них приводится с сокращениями (опущены незначительные бытовые подробности), что обозначено купюрой «/.../». Публикаторские конъектуры даются в квадратных скобках.

К сожалению, из-за неполноты дошедшей до нас переписки Голлербаха и Лазаревского, не все письма имеют прямые ответы. В целом, однако, публикуемая корреспонденция вполне передает общий характер их переписки и взаимоотношений.

1. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 1-2 сентября 1934 года

Ах, Вы меня флатируете, дорогой Эрик Федорович, говоря современным мондэнным языком. Я с удовольствием пишу Вам, так как пишу совершенно забывая «письменный» стиль и пишу как положит на душу си деван Дьё¹. Но я на флатирование поддаюсь плохо и Ваши лестные слова о моем умении писать разбиваются о сумрачную действительность: ибо факт остается фактом и факт тот — моя литературная косноязычность.

Мне вот очень жаль, что нас разделяет шестисотверстная полоса земли и мы не имеем возможности пороботать вместе; я уверен, что мы могли быть весьма отличными Ильфами и Петровыми на предмет написания не только мемуаров, но некоего повествовательного жанра истории наших дней. Но в одиноком состоянии я не способен на что-либо подобное.

Нотгафтский² гроссбух, собственно, относится не к нему самому: Вам вероятно ведомо, что его супруга происходила из некоего банкирского дома далеко не арийского рода³, была скупа и гроссбух предпочитала в душе всем сборникам акмеистов, наимоднейших поэтов того времени. У Нотгафта кроме звонкого титула, «состоявшегося за обер-прокурорским столом правительствовавшего сената»⁴, никаких особых движимостей и недвижимостей не было. И банкирша его крепко прибрала к рукам и тлетворное влияние гроссбуха, сиречь постоянная и неизменная оглядка на «выгодность» каждого шага и поступка, навсегда внедрилась в бытие почтенного Федора Федоровича.

Возвращаюсь к Вашим мемуарам. Дело не в том, чей путь длиннее и чей путь был более чреват «встречами и речами». Дело в том, насколько запечатлен этот путь в записках, дневниках, архиве и т.п. И вот тут-то перевес на Вашей стороне «целиком и полностью», так как у меня, в силу многих обстоятельств, переездов и иного, никакого архива, ни самого малейшего, нет. А пола-

гаться на память при своем «пути» в тридцать с лишним лет — просто невозможно. Многое уже из памяти изглаживается, для очень многого нужны какие-то «импульсы». По какой-нибудь мелочи вдруг начинает вспоминаться большая и сложно и хитро сплетенная история, поднимаются в памяти образы и типы, о которых, казалось, забыто вчистую.

Вот недавно, по одной надобности, я потребовал себе в Учпедгиз из Ленинской библиотеки комплект двух газет за 1910 год — «Биржевых ведомостей» и «Нового времени». Выписав, что было нужно, стал просматривать лист за листом, номер за номером — и вот заметки хроники — художественной, театральной, финансовой и банковской, чисто бытовой, наконец, самые статьи и заметки всколыхнули такое море забытого, такое множество фактов забытых в наслоении прошедших лет, что я ясно понял: это невозможное предприятие засесть за мемуары без того, чтобы не отвести очень много времени предварительной работе — а время где! Его нет совершенно. Не хватает. Даже при том условии, что я прихожу на службу к 12-ти и вскорости буду служить 4 дня в пятидневку.

Кстати о воспоминаниях. Встречались ли Вы в старом и новом Петролеинграде с неким М.С. Кауфманом, хроникером многих и многих петербургских газет. Он мне писал два года тому назад, что у него составились очень интересные воспоминания, главным образом из хроникерского быта круга блаженной памяти «Давыдки», «Федорова», «Мариинской» и «Москвы». Быт этот, интересный, жуткий в своей звериности и циничности (с ним я соприкасался в течение 4 лет работы в «Слове»⁵) канул в преисподнюю и отзвуки его в воспоминаниях Кауфмана несомненно представляют собой значительную ценность. Мне вот сейчас вспомнилась одна фигура из этого «Давыдкинского» круга — поэт Деянов. Дни, вечера и ночи он проводил в отдельном кабинете, грязном и вонючем, этого дешевого трактирчика. Сотрудник «Петербургского листка» — влиятельнейшей газеты для громадного числа петербуржцев — мелкого купечества и чиновничества, мещанства и состоятельного класса ремесленников, он вел еженедельный рифмованный воскресный фельетон. Кроме того, он писал театральные рецензии, причем писал собственно не он сам, а ему в трактир администраторы театров, типа фарсов и опереток, приносили готовые заметки плюс приложения более или менее значительного денежного порядка. По тогдашнему времени суммы эти были не мелкие и все они, вместе с гонорарами, пропивались у Давыдки, а жена с детьми побиралась крохами, вырванными буквально силой.

А талант у Деянова, поэтический талант, был несомненно и при иных условиях из этого полупьяного циника вышел бы далеко не заурядный поэт. Он был остроумен, злобно, метко и остро остроумен, его, как огня, боялись даже в условиях тогдашней «бесцензурной цензуры»; Деянов это отлично знал и немало злоупотреблял также по линии получения всяческих даяний, на что охотно шли многие и многие из затрагиваемых им, лишь бы не попасть на страницы Листка в очередном деяновском фельетоне под более или менее прозрачными намеками.

Как-то однажды у Ивана Леонтьевича Щеглова⁶, кажется единственного, у кого из порядочных людей бывал Деянов, и единственно кто, по неизъяснимой душевной доброте, его принимал, Деянов в моем присутствии читал отрывок из какой-то своей поэмы и мы все были поражены (нас было несколько человек писателей у Щеглова) силой, напряженностью, красотой звукового выражения, неожиданностью ритмического построения, свободой и музыкальностью его стиха. Я помню, как на него буквально набросились и Щеглов, и Пильский⁷, и еще кто-то с требованием опубликовать эту поэму, с увещеваниями бросить подлую халтуру и работать над собой. Из этих увещаний никакого толка не получилось и Деянов не вырвался из того болота, в которое его засосала мелкожурнальная богема.

Ну, довольно на сегодня. Желаю Вам отдохнуть хорошо. Буду рад вести от Вас. Если повидаетесь с Богаевским⁸ — все ему приветы. Жму крепко руку.

Ив. Лазаревский

¹ *Флатировать*, от франц. flatter — льстить; Ci-devant Dieu — как перед Богом (*фр.*).

² *Нотгафт* Федор Федорович (1886-1942) — коллекционер произведений изобразительного искусства, музейный и издательский деятель. Заведовал (с 1925) художественной частью Ленинградского отд. Госиздата, а затем изд-ва «Искусство». С 1938 — зав. изд-вом Эрмитажа.

³ Имеется в виду Ренэ Ивановна *Нотгафт* (урожд. Кестлин) — первая жена Ф.Ф. Нотгафта, дочь директора банка. В 1921 уехала к родителям за границу, жила в Швейцарии и Франции.

⁴ Имеется в виду служба Ф.Ф. Нотгафта в Сенате, куда он поступил в 1909, после окончания юридического факультета Петербургского ун-та.

⁵ «Слово» — петербургское акционерное общество печатного дела начала XX в., занимавшееся типографской и издательской деятельностью.

⁶ *Щеглов* (псевд., наст. фам. — Леонтьев) Иван Леонтьевич (1856-1911) — писатель, драматург.

⁷ *Пильский* Петр Моисеевич — писатель, критик. После революции жил за границей, редактировал газету «Сегодня».

⁸ *Богаевский* Константин Федорович (1872-1943) — художник-пейзажист, член объединения «Мир искусства».

2. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 8 ноября 1934 года

Вы, как будто, человек интеллигентный, с запросами и ответами в «публику» через свои литературные творения, как будто почти что из «знатных» лиц, а вот пойдя ж, на одном этапе своей плодотворной и разносторонней деятельности и спотыкаетесь: на переписке. Нужно себя настроить на особый лад, чтобы переписываться с Вами, дорогой и уважаемый Эрик Федорович. Вы писали: проездом буду в Москве, напишите мне в Коктебель. Написать Вам написал, а ответа нет и Вы проследовали де ретур¹ и уже давно вероятно в моем чудном Ленинграде.

А мне хотелось с Вами повидаться и поговорить. Как Вы живете, над чем работаете и где работаете? Как Ваши воспоминания? Мне что-то все ж таки сдается, что рано Вам их писать — не то что не доросли до того сакраментального возраста, когда люди прежнего быта уходили на покой и им оставалось только одно — писать мемуары, а другое — много еще живых и действующих людей затронете Вы неизбежно и при Вашем характере и с Вашим языком наживете себе еще сотню врагов и недоброжелателей, каких Вы, господь Вам прости, умеете творить себе походя.

Кто-то мне передавал, что Вы приглашены или приглашаетесь в Русский музей. После «разъезда» тамошней администрации я давно ждал, что это случится. Русский музей привлекает пока что наших друзей из провинции — там служит уже Корнилов² и мечтает попасть туда Дульский³. Не знаю, как Корнилов, но Дульскому, мне думается, вреден будет воздух Ленинграда. Все они — провинциалы — хороши на своих местах. Вот возьмите Ильина⁴ — когда он был в Нижнем, сколь прекрасен был его облик нижегородского Гутенберга, а приехал в Москву, то ничего крупного не получается — в Полиграфическом институте был — финиш получился конфузный, в Гихле⁵ тоже с «мокрицей» закончились его дни, и теперешние дни в Детгизе далеко не «прекрасные дни Аранжуеца»⁶. Единственно где он прочен, то это в типографии Наркомвнудела, но там почти что одна ведомственная литература и особенных антраша не выкинешь.

Ну, черт с ними, со всеми провинциальными, расскажу Вам о заграничных милордах. Собственно говоря, об одном из них, о Жорже де Лукомском⁷. Сегодня мне передавал Щусев⁸, что есть «возможности» в переезде Лукомского обратно в Союз. За это даже тов. Киров, но есть все же такие «но», которые этот факт не делают реальным, а весьма и весьма еще проблематичным. Я посмеялся на слова Щусева — не рано ли приезжать тов. Лукомскому. А что, спросил Щусев. Да ведь бумаги-то у нас пока мало, отвечал я, а существование Лукомского без 24 томов архитектурно-литературных упражнений в год нечто немыслимое.

На самом деле, не так ли?

Вчера жена принесла мне из своей библиотеки несколько номеров «Золотого руна»⁹. Я давно не видел этого журнала. И перелистывая простыни его страниц, вспомнил свое недоброжелательное отношение к этому журналу, вплоть до запросных писем ко мне Николая Рябушинского — почему во всех своих отзывах я всегда отрицательно отношусь к этому изданию. Сейчас я только убедился еще раз в своей правоте: до чего бездарное, не то что беспринципное, а просто неумное издание, какое-то свалочное место Розанова и Блока, Чулкова и Белого, Сологуба и Л. Столицы¹⁰. Даже умные люди по-моему глупели на столбцах «Золотого руна». Стоит просмотреть хронику Сюннерберга¹¹ — какой-то безвкусный и тягучий кисель, ни одной живой мысли, ни одного острого слова — какая пропасть между этой хроникой и хроникой «Мира искусства»¹², которую так чудесно вели там Нурок и Нуфель¹³.

А сколько денег извели на «Золотое руно». Когда закончился первый год издания и из ассигнованных Торговым домом Рябушинских 80-ти т[ысяч] получился несколько-тысячный остаток, то Николай Рябушинский, эдакий Медичи из Зарядья, решил отпраздновать годовщину тем, что закрыл на весь вечер самый большой ресторан в тогдашней Москве — «Метрополь», приглашал кого только мог плюс петербуржцев (послав им приглашение, а к приглашению приложив проездные билеты в международном вагоне с припиской, что обратный билет будет получен в Москве). К конфузу петербуржцев, только немногие вернули хаму-Медичи его билеты — Врангель, Верещагин¹⁴, Вяч.Иванов и еще кое-кто.

Остальные поехали «на даровщинку» и были свидетелями самого именно «зарядьевского» пьянства и оранья упившегося Рябушинского, что все художники, писатели, поэты и критики — говно собачье, которое он покупает и будет покупать куда ему не надоест. Скандал получился грандиозный, но нашлись «миро-

творцы» и взбаламученное море скоро успокоилось и снова в милососедстве появились Розановы и Блоки.

Просмотр «Золотого руна» вызвал во мне грустные мысли. Вспоминал наши художественные журналы дореволюционные, да и послереволюционные. Какая все бездарь (журналы типа «Старые годы»¹⁵ не в счет) — ведь только один «Мир искусства» был подлинно талантлив: озорной, задирчивый, с ярко выраженной линией поведения. «А "Аполлон"?»¹⁶ — скажете Вы. Да, конечно, он не бездарь, но и не талантлив; но согласитесь сами, что помимо акмеистов он «линией» своей не очень-то мог погордиться, а «занозистостью» и того менее. Мне кажется, что неуспех наших художественных журналов был результатом того, что очень уж сама по себе некультурна была художественная среда и ее деятели. Когда ее представители «творили», то «творили» не мудрствуя ни лукаво, ни не лукаво, а просто как птица поет. А коль скоро пришлось свои действия синтезировать и подводить под них какую-то «умную» базу, то и получались лишь глупость и скука. А у «Мирискусников» была культура и культура большая и были они люди образованные и почти все университетские и они знали, что хотели проводить в искусстве и литературе (тут, пожалуй, меньше). В том и был их секрет первенства.

Однако я заговорился с Вами. А хочется еще кое о чем поговорить. Но уж до будущего письма. Всего хорошего, жму руку.

Ив. Лазаревский

¹ De retour — обратно (*фр.*)

² Корнилов Петр Евгеньевич (1896-1981) — искусствовед, исследователь отечественной графики, коллекционер. Первоначально жил и работал в Казани, затем, в начале 1930-х, переехал в Ленинград.

³ Дульский Петр Максимилианович (1879-1956) — художественный критик, историк искусства, музейный деятель, художник. Жил и работал в Казани, где был одним из основателей Казанского библиографического кружка друзей книги и соредатор журнала «Казанский библиофил» (1921-1923). Много внимания уделял подготовке и изданию каталогов художественных выставок, проходивших в Казани.

⁴ Ильин Николай Васильевич (1894-1954) — художник книги, выпускник архитектурного отделения МУЖВЗ. С 1922 по 1930 работал в качестве «художника-конструктора книги» в типографии Нижполиграфтреста (г. Нижний Новгород), где создал ряд замечательных образцов наборных обложек с использованием акциденции. С 1930 работал в Москве, в Детгизе, затем — главным художником Гослитиздата.

⁵ Имеется в виду ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы.

⁶ Первая строка из трагедии Ф.Шиллера «Дон Карлос» (1783-1787), превратившаяся со временем в «крылатое выражение», означавшее безвозвратно ушедшие прекрасные времена. Имело особо широкое хождение в конце XIX — начале XX вв.

⁷ *Лукомский* Георгий Крескентьевич (1884-1954) — историк искусства, художник, критик. После Октябрьской революции жил за границей.

⁸ *Шусев* Алексей Викторович (1873-1949) — архитектор, рисовальщик, офортист, декоратор, реставратор, исследователь памятников древнерусского зодчества.

⁹ «*Золотое руно*» — ежемесячный художественный и литературно-критический журнал, орган символизма. Издавался в Москве с 1906 по 1909. Редактор-издатель — Николай Павлович *Рябушинский* — известный промышленник (компаньон банкирского дома братьев Рябушинских), меценат.

¹⁰ *Столица* (урожд. Ершова) Любовь Никитична (1884-1934) — поэтесса, сотрудничала в «Золотом руно». В 1920 эмигрировала.

¹¹ *Сюннерберг* Константин Александрович (псевд.: Константин Эрберг, 1871-1942) — поэт, писатель, художественный критик.

¹² «*Мир искусства*» — ежемесячный иллюстрированный литературно-художественный журнал. Выходил в Петербурге в 1899-1904. Орган одноименного объединения художников. Редакторы — С.П. Дягилев и А.Н. Бенуа.

¹³ *Нурок* Альфред Павлович (1860-1919) — музыкальный критик, один из основных сотрудников редакции «Мира искусства»; библиограф и библиофил. *Нувель* Вальтер Федорович (1871-1949) — один из влиятельнейших членов редакции «Мира искусства» и членов-учредителей выставок художников.

¹⁴ *Врангель* Николай Николаевич (1880-1915) — историк искусства и художественный критик, близкий к кругу «Мира искусства». Один из основных сотрудников журнала «Старые годы», деятельный член «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». *Верещагин* Василий Андреевич (1861-1931) — редактор журнала «Старые годы» (1907), председатель Кружка любителей русских изящных изданий.

¹⁵ «*Старые годы*» — ежемесячный художественный журнал «для любителей искусства и старины», выходивший в Петербурге с 1907 по 1916. Издатель — П.П. Вейнер, редактор — В.А. Верещагин (1907); с 1908 — издатель-редактор П.П. Вейнер.

¹⁶ «*Аполлон*» — петербургский литературно-художественный ежемесячный журнал, выходил с 1909 по 1917. Редактор-издатель — С.К. Маковский.

3. Голлербах — Лазаревскому

[Ленинград], 15 ноября [19]34 года

Дорогой Иван Иванович, я не так виноват перед Вами, как может показаться на первый взгляд /.../ Я не ответил на Ваше письмо только потому, что рассчитывал хотя бы поговорить с Вами по телефону, если не встретиться лично. Вообще же говоря, я считаю неприличным не отвечать на письма, особенно — на спорадические (в систематической переписке некоторые задержки простительны и в этом случае не стоит строго придерживаться принципа *do ut des*¹). Вот, напр[имер], милейший Нотгафт обычно не отзывается и на эпизодические письма, считая это, очевидно, ниже своего достоинства (на мой же взгляд, именно достоинство страдает от такого «воздержания»). Зато с каким-нибудь Бескиным-Трескиным² или Малкиным-Палкиным³ он переписывался очень энергично.

/.../ Итак, Вы не совсем заслуженно наложили мне и в хвост и в гриву, если позволено выразиться столь вульгарно. Отвечаю на Ваши вопросы. С моими воспоминаниями, конечно, нужно подождать, — «молодо-зелено». Насчет приглашения меня в Русский музей мне ничего не известно — «слухи о моей смерти сильно преувеличены», как выразился Марк Твен. Ведь на руководящую роль меня не пригласят, скажут — «рылом не вышел», «не свой парень», а тянуть ляжку рядового — большое русское мерси! Это значит — зависит от какого-нибудь хама или от «провинциала», что немногим лучше. Вы правы: провинциалы хороши на своих местах. Это особая порода людей, довольно наивных. У нас есть общие музейные знакомые и Вы отлично знаете, какие среди них есть симпатичные жопы. Ж[опа], даже симпатичная, все-таки безличное, бездарное и подслеповатое приспособление, если отрешиться от его эротической функции. Мужская ж[опа] меня вообще не интересует, а женская хороша тогда, когда она не поменялась своим назначением с головой. Великий селадон и эпикуреец Ан.Франс, как известно, больше всего ценил в женщинах именно эту часть и формально я с ним вполне солидарен. «На сегодняшний день» (тоже изящный совтермин!) я люблю задом недавно мною приобретенной «Дианы» Гудона⁴ (уменьшенная копия Луврской, бронза), в коей воплощена, как Вы знаете, прелестная m-me Дюбаррш. Не подумайте, однако, что я люблю ее за неимением живого объекта — похабный фетишизм мне чужд, а нежная плоть — мила.

— Очень интересно то, что Вы пишете о «Зол[отом] Руне». — Насчет возвращения Жоржа⁵ — сумлеваюсь, штоб. Был слух, что

от него хотят получить доклад на съезде архитекторов. Другой же слух говорит о том, что у него «безумный» роман с какой-то неимоверно прекрасной полькой. Думаю, что он предпочтет польку архитектуре. Не о нем ли сказал Некрасов:

Ты подкрепляешь речь не доводом ученым,
А вынимаешь ... — и потрясаешь оным...

Мне его процветание кажется безрадостным: я не понимаю, как можно не тосковать по родине. Я не выдержал бы на чужбине и полугода. А тот, кто выдержал годы — это уже отрезанный лоскут.

— Очень хотелось бы соорудить совместно с Вами что-нибудь помпезное по издательской части. Неужели ни приближающийся юбилей Пушкина, ни расцвет нашей архитектуры не пробуждают в Вас никаких замыслов в плане художественных изданий?..

/.../ Всего хорошего.

Голлербах

¹ Do ut des — ты мне, я тебе (*лат.*)

² Имеется в виду *Бескин* Осип Мартынович (1892-?) — художественный и литературный критик, член правления и заместитель заведующего ленинградским отд. Госиздата, затем — зав. изд-вом «Искусство».

³ Имеется в виду *Малкин* Борис Федорович (1890-1942) — издательский работник. В 1930-1939 — председатель правления, затем директор изд-ва «Изогиз» (с 1938 — «Искусство»).

⁴ *Гудон* Жан-Антуан (1741-1828) — французский скульптор, автор знаменитой статуи Вольтера, находящейся в Эрмитаже.

⁵ Имеется в виду Георгий Крескентьевич Лукомский (см. прим.7 к письму 2).

4. Голлербах — Лазаревскому

[Ленинград], 23 ноября 1934 года

Спешу сообщить Вам, Иван Иванович, что вопрос о возможности использования ленинградской полиграфбазы для намечаемого Вами издания я выясню в самые ближайшие дни. У нас в этом смысле очень тесно, но надо попробовать.

На днях в Ленинграде было торжественное совещание, на котором Вы, вероятно, очень повеселились бы. Приезжала из Москвы т.Полонская — новый главный редактор Изогиза. Кто она? Знаю только, что она — сестра Вяч.Полонского. Женщина красивая и производит впечатление толковой. Раппопорт (зав. Ленизо-

гиза) созвал всех эрмитажных зубров и еще человек пять искусствоведов. Представьте себе запьянцовскую образину Вальдгауэра¹, который с места в карьер прохрипел: «Я здесь, как представитель античности!» — Вот скажу я Вам Дионис в пивной бочке (помеялся жилплощадью с Диогеном). За Диониса его можно принять только в крошечной темноте, а при свете он, конечно, больше похож на Силена, прикрывшего свою наготу изделиями Ленинградодежды.

Орбели² с гордостью поведал, что его недавно очень благодарил персидский шах за работу по Фирдоуси. Жаловался, что Киноцентр продает роскошные увражи Эрмитажа за 2 р[убля] вместо 30 р[ублей]. Казалось бы, скажи спасибо, а не жалуйся. Кому нужны эти онанистические диссертации об античных ночных горшках, ассирийских застежках и персидских пуговицах? Думаю, что не только массовому сов[етскому] читателю, но и рядовым искусствоведам эти труды нужны, как собаке пятая нога.

Еще что-то лепетали сопливые девочки из ГАИСа³, которым, в сущности, нужен не печатный станок, а хороший, устойчивый уд. Нотгафт дипломатично промолчал все заседание. Я говорил много и горячо, но, вероятно, впустую: не в коня корм.

Форма заседания была достаточно отталкивающей: деловой разговор впережку со жратвой (пирожные, бутерброды, фрукты), — и нужно было видеть, какими темпами поглощали голодные эрмитажники изогизовские яства!..

По многим поводам хотелось мне ругаться последними словами, но... за последнее время я сдерживаю себя по мере сил, памятуя гетевский наказ о согласии и примиренности. Черт с ней, с полемикой, — покой мне дороже.

«Susser Friede,

Kom zu, ach kom zu in meine Brust!»⁴

Кстати, я продолжаю увлекаться Гете и собирать всевозможную «гетеану». Гете — огромен, им нельзя пресытиться. И как я ни люблю Пушкина, Гете мне нужнее и дороже.

Рекомендую Вашему вниманию (опять — кстати) новый сборник пушк[инского] общества «Пушкин в 1934 г.». Там, между прочим, заслуженно обруган Охочинский⁵, сочинивший легковесную и претенциозную писулю «Истинный убийца Пушкина» (в газетке «Красная Вишера»)». ⁶

Prince Ladislav⁷ объясняет «раздумье» брата тем, что ему предстоит зимой устройство трех грандиозных выставок «в мировом масштабе». Пусть так. Его рисунки и акварели милы, но не больше. Настоячивый спрос на них меня удивляет. Он, очевидно, сумел потрафить какому-то «среднему» вкусу. Удручает однооб-

разие его приемов: все, в сущности, одно и то же. Что борзописцы газетные его хвалят, это — неудивительно, но вот почему так стараются люди типа Анри де Ренье? Нет, несомненно, он очень талантлив, как шармёр, как завоеватель симпатий!

Телефон все время отрывает от письма. Конечно, жму Вашу руку.

Голлербах

P.S. Спасибо за любезное приглашение воспользоваться мастерской Вашей супруги для ночлега в Москве. Возможно, что мне придется учесть эту возможность, если выберусь в конце года на 1-2 дня в Москву.

Г.

¹ *Вальдгауэр* Оскар Фердинандович (1883-1935) — историк античного искусства, хранитель античного отдела Эрмитажа, профессор Ленинградского ун-та и Академии художеств.

² *Орбели* Иосиф Абгарович (1887-1961) — востоковед, директор Эрмитажа (1934-1951), академик. Речь идет о его статье «Бахрам Гур» в кн.: Бахрам Гур и Азадэ / Пер. М.Лозинского. Л., 1934.

³ Государственная академия искусств (г. Ленинград).

⁴ Сладчайший покой, приди, ах, приди в мою грудь (*нем.*)

⁵ *Охочинский* Владимир Константинович (1891-1937) — искусствовед, знаток французской литературы. Один из учредителей Ленинградского общества библиофилов.

⁶ Номер от 12 февраля 1933.

⁷ Имеется в виду *Лукомский* Владислав Крескентьевич (1882-1946) — искусствовед, специалист по геральдике, библиофил, художник.

5. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 10 марта 1935 года

По каким данным Вы пришли к выводу, что Ваша фигура для меня одиозна, не понимаю, дорогой Эрик Федорович. Ваша фигура для меня привлекательна, интересна и беседа с Вами для меня всегда приятна — отсюда до одиозности как будто очень далеко. Правда, в истории наших отношений бывали некоторые срывы, которые никак не шли от меня, но странным было бы на протяжении многих лет при столь разнообразных отношениях, которые были между нами, чтобы все было без сучка и без задоринки. А быть может именно эти сучки и задоринки, в какой-то степени, послужили к тому, что сейчас наши отношения прочны и покойны.

Но как Вы упрямы, мой друг. Откройте «Аполлон» [19]11 года издания и Вы найдете подписи обоих редакторов — Врангеля и Маковского — тут уж чего не соглашаться. Относительно Верещагина Вы просто не прочитали внимательно того, что я писал намеренно: конечно, Верещагин был всему делу «Старых годов» голова и от него шла вся заводилка и для детали нужно не забывать, что не один Верещагин осуществил свою идею, что ему в этом помогали многие и, пожалуй, более других Врангель. Мне вот вспомнился один разговор с Врангелем в знаменитом погребке Ляграв, на углу Конюшенной и Невского. Это происходило как раз в период рождения «Старых годов» и поисков капитала на жизнь «имеющему быть родиться». Где-то я прочитал, что Дягилев писал о себе, что он делает успехи в жизни, потому что он на три четверти нахал и на четверть шармер. Врангель делал свою карьеру почти что с теми же данными. Только ему приходилось, пожалуй, туже, чем блестящему Дягилеву — тоньше кишка была у барона. Но так или иначе барон только «делал карьеру» и при том с немецким расчетом — ему куда как не хватало тех скудных средств, которыми располагал его отец.

Вот мы сидим за каким-то рагу и Врангель строит планы издания «Старых годов» и немножко так старается обработать в моем журналистическом тогда лице «общественное мнение». И вдруг, соскакивая с идеалистических вершин, хитро прищуривая замонокленный глаз, прибавил: «*Voyons, mon cher, nous allons toucher de la pipettes dans cette machine-là*»¹. Он был весьма «материалистичен» — этот милый, остроумный и с нахальцем барон. /.../

¹ Послушайте, мой дорогой, мы будем у руля в этой машине. (*фр.*)

6. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 25 апреля 1936 года

Мне было очень приятно возобновить с Вами знакомство, дорогой Эрик Федорович, если так можно сказать. Я не надеюсь, что наша переписка сейчас примет характер аккуратности и что воздушные провалы снова не встретятся на пути наших писем, но это не так важно. Пожалуй, даже как-то интереснее с такими перерывами, как у нас ведется, продолжать переписку. Мне кажется, что перерывы вообще во всяких отношениях — только улучшают эти отношения, а то люди при частых встречах (муж и жена,

например, насколько скучнее любовницы и любовника) не могут не прискучить друг другу. Не так ли?

Я с удовольствием провел вечер с Габричевским¹. Вы были так далеко от меня, что я скорее действительно провел с ним вечер. Габричевского я знаю не очень хорошо. Но я успел узнать человека с хорошим вкусом и хорошим глазом — качества в людях не частые и мною весьма ценимые. Знания у него несомненны, но, знаете ли, он мне представляется искусствоведом характера прекрасного, культурного компилятора иль редактора того или иного классического опуса. Но я что-то не помню его личных, Габричевского, оригинальных и интересных наблюдений, выводов, положений. Думаю, что и Вы их не вспомните. Но с Габричевским я никогда не мог бы быть в более близких отношениях нежели теперешних — встречи с «провалами» многих месяцев. Меня от него отделяет его специфически российская богемность. Черт его знает от чего, но я — очень вольный в душе человек, никогда в своей жизни не бывший ни рабом «дома», ни рабом своих даже самых любимых вещей, — ненавижу распушенность, связанную всегда с богемностью, а русской с мещанским привкусом богемности вообще не переношу. Кроме каких-то экстраординарных случаев я никогда не видел себя небритым — и вот небритых людей в прямом и иносказательном смысле я не приемлю. А Габричевский чуть-чутьочку, но всегда небрит. Согласны ли с сим?

На днях на выставке молодых художников — молодых, но безнадежных своим «неуменьем», отсутствием не только порывов художественной молодости, но и того минимального темперамента, без которого немислима «интересность» художника — я встретил Сергея Городецкого². Вышли вместе и говорили о том и о сем. Странное впечатление он на меня произвел — он член Партии, но ей богу я — беспартийный — на 100% больше его всем настроением и мыслями большевик нежели он. Какая-то в нем немощность, растерянность и — превыше всего — флакон вина — «зайди ко мне — выпьем», «заходи непременно и захвати флакон» — вот рефрен всех встреч с ним. А ведь несомненно талантливый человек. Но черта ли в таких людях.

/.../

¹ *Габричевский* Александр Георгиевич (1891-1968) — литературовед, историк искусства, переводчик.

² *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884-1967) — поэт.

[Коктебель], 9 июня 1937 года

Дорогой Иван Иванович!

/.../

Ваша ссылка на какие-то мои «грациозные» письма повисает в воздухе, ибо не может опереться на цитаты: по собственному Вашему признанию, Вы уничтожаете корреспонденцию. Оцените же мое мужество: невзирая на Ваше предупреждение, сделанное мне еще лет 15 тому назад, о том, что Вы выбрасываете мои письма, я продолжаю (с неизменной охотой!) снабжать Вас эпистолярными доказательствами моей привязанности.

Строго говоря, Вы поступаете жестоко — не по отношению ко мне, нет, и даже не по отношению к другим современникам, а — по отношению к потомству. Моим письмам грош цена, — не правда ли? — но что Вы скажете о письмах разных заслуженных деятелей-сеятелей? Простите мне мою бесцеремонную откровенность, но я усматриваю в уничтожении корреспонденции — грех против истории и культуры, прямой вандализм. Если бы у Вас были письма Л.Н. Толстого, Чехова и т.п., — что же, Вы их тоже уничтожили бы?

Много лет тому назад я подарил Пушкинскому Дому 20 томов писем, собранных семьей фон Штейн (к коей принадлежала моя бывшая жена¹) за столетний период. Там было всего около десятка писем великих русских писателей прошлого века, — остальное составлял бытовой «хлам», и все же этот дар был принят с благодарностью и хранится в Пушкинском Доме, как любопытный бытовой памятник.

Так-то вот, уважаемый друг...

Засим позвольте мне мысленно припасть к Вашей широкой груди и просить у Вас прощения за все мои эпистолярные грехи, вольные и невольные. Я ведь действую по принципу: «казни, но выслушай» и убежден, что никакая откровенность не может омрачить наших долголетних дружественных отношений, тем более что я всегда готов, учитывая Ваш житейский опыт, заранее признать Вашу субъективную правоту во всех случаях.

/.../

Голлербах

¹ Имеется в виду Екатерина Владимировна фон Штейн — вторая жена Э.Ф. Голлербаха.

[Москва], 13 июня 1937 года

Дорогой Эрик Федорович /.../

За последнее время Вы в Ваших письмах непременно как-то «задеваете» меня: то Лазаревский не так поступает, то Лазаревский не так делает, то Лазаревский не так соображает и так далее и тому подобное. В последнем письме очередное нападение на бесконечно терпеливого Лазаревского.

С присущей Вам склонностью к гипертрофии Вы рисуете меня каким-то вандалом, своеобразным письмосади́стом. Конечно — я не то и не другое. Отношение к эпистолярному наследству у меня полно самого глубокого внимания. И у меня был значительный и по количеству и по интересности корреспондентов архив писем. Со Львом Толстым, Иоанном Кронштадтским иль Сонькой-Золотой Ручкой — с такими корифеями разного рода деятельности жизни прошлого я не переписывался. Правда, от моей матери у меня оставались кое-какие письма и записки Чайковского, Тургенева, Апухтина, Плещеева, Писемского, Антона и Николая Рубинштейнов, но это был не мой личный, а наследственный архив. В моем же скромном архиве были письма многих интересных людей того времени как рос и старился я сам. Особый интерес представляли письма Пастернака¹ и Аполинария Васнецова, Рериха ранних лет, Зарубина², Кустодиева и других. Но весь этот архив пропал в первые годы Революции частью в Ленинграде, а частью в Москве. Минимальные остатки его я не столь давно отдал Бончу³ — письма Васнецова, Кустодиева, Репина.

А теперь, когда буквально в комнате-квартире каждый вершок на учете, я лишен возможности хранить переписку и только наиболее интересное или нужное хранится мною, как хранятся некоторые из Ваших писем и, в частности, почти все письма относительно наших с Вами издательских перипетий — о монографии фарфорового завода⁴, о пресловутой книжке Троцкого (о ней тихий идиот Клейн упомянул в БСЭ⁵) и кое еще о чем. Люблю и ценю Ваши письма.

Коснувшись воспоминаний о моем архиве, у меня невольно встало в памяти одно из писем, которым я бесконечно дорожил. Надо Вам сказать, что в былое время представительницы тогдашнего питерского демимонда имели свои клички — тут были и Надя-Станцуй, и Леля-Невеста, и Настя-Натурщица, и Катя-Веснушка, и Маня-Форель, и Таня-Блондинка (ставшая женой знаменитого сыщика Кунцевича) и Леля-Паненка (на ней женился Юрий Беляев⁶), и Манька-Кудлашка, и Шурка-Зверек и так далее. Все это

были красивые и по-своему оригинальные женщины, а Настя-Натурщица, Шурка-Зверек и Катя Решетникова (последняя вышла замуж за светлейшего Салтыкова) были настоящими красавицами.

Была у меня такая полоса, когда я кое с кем из них был не в «близких», а в хороших отношениях, так как некоторое время очень увлекался одной из их подруг. Она «дружила» с Манькой-Кудлашкой. Это была милая и добрая девушка с правильными и красивыми чертами лица, со стройной и гибкой фигурой, с копной непокорных золотистых кудрей. Легкомысленная — она всегда трунила над своими подругами, которые страдали от своих сердечных увлечений. Но попадалась и сама. Она влюбилась, как могут влюбиться истерички в гремевшего тогда опереточного артиста-баритона Вавича⁷.

Вы молоды для того, чтобы помнить и знать все эти имена. Они относятся к тому времени, когда чистый и невинный, Вы гуляли по царскосельским паркам и статуя лисипповского Геракла на Камероновой галерее⁸ не возбуждала в Вас пытливых мыслей о том, как, например, такой кнопочкой, как вот у этого бога, можно было удовлетворять страсть и пыл красавиц Эллады.

Но это — в сторону. Итак, Кудлашка была влюблена в Вавича, а тот беспечно брал и ее любовь и многое иное более материалистического характера, то есть попросту обирал ее и открыто хвастался этим в кругу своих собратьев: разных Дальских, Михайловых, Светлановых, Давыдовых⁹ и других корифеев оперетки того времени — сплошных сутенеров и проститутов. А когда пришло время встретить более богатую поклонницу, то Вавич безжалостно бросил Кудлашку. Женщина не выдержала и отравилась. Доза яда была столь значительна, что спасти Кудлашку не удалось.

И вот за несколько дней перед своим концом Кудлашка прислала мне большое письмо. Подлинно жуткий человеческий документ. Одно описание того, с каким цинизмом и унижением человеческого достоинства обращались с ней юные представители лучшего общества того времени, вплоть до всякого рода «высочайших», стоило многого. В свое время я показал это письмо Л.Н. Андрееву¹⁰ и на него оно произвело большое впечатление. Он просил меня отдать ему если не самое письмо, то хотя бы копию с него. Не помню, дал ли я ее.

Теперь этого письма у меня нет — оно пропало среди других. На этом, пожалуй, и покончим с архивной темой. Мое письмо на этот раз разрослось. Хотелось Вам передать впечатления от «Анны Карениной» в Художественном театре. Но об этом — как-нибудь в следующем письме.

Буду очень рад, если найдете минуту мне написать несколько строк. Кстати, не откажите при случае сообщить в Феодосии ли по-прежнему живет Богаевский и какой его адрес — писать просто в Феодосию опасаясь.

Крепко жму Вашу руку. Валентина Николаевна¹¹ шлет Вам привет и просит Вам передать, что приглашение на обед действительно и на Вашем обратном пути. Нет, правда, поезд стоит в Москве достаточно долго, чтобы вполне успеть пообедать у нас, а час обеда приносивим как то будет наиболее удобно для Вас.

Ваш искренно,

Иван Лазаревский

¹ *Пастернак* Леонид Осипович (1862-1945) — живописец и график, педагог. Член-учредитель «Союза русских художников» (1903). С 1921 — за границей.

² *Зарубин* Виктор Иванович (1866-1928) — живописец и график, член «Общества русских акварелистов». В 1905-1906 преподавал в Школе Общества поощрения художеств. В 1920-е занимался иллюстрированием детских книг для изд-ва «Радуга».

³ Имеется в виду Владимир Дмитриевич *Бонч-Бруевич* (1873-1955) — советский партийный и государственный деятель, писатель, редактор и издатель. С 1936 по 1950 руководил Литературным музеем.

⁴ Имеется в виду кн.: Фарфор Государственного завода: Графика И.Ф. Рерберга и С.В. Чехонина / Под ред. И.И. Лазаревского. М., 1922.

⁵ Имеется в виду кн.: Фарфор и фаянс: Справочник для коллекционеров. Указатель марок / Сост. И.Троцкий. Л., 1924. Она упомянута в статье В.Клейна «Фарфор в художественной промышленности», опубликованной в первом издании БСЭ (Т.56. М., 1936. Стлб.644).

⁶ *Беляев* Юрий Дмитриевич (1876-1917) — драматург и театр. критик.

⁷ *Вавич* Михаил Иванович (1881-1931) — артист оперетты. Выступал в петербургских и московских театрах. Эмигрировал в 1918.

⁸ Имеется в виду копия со статуи Геракла, созданной в IV в. до н.э. Лисиппом, установленная в Камероновой галерее.

⁹ *Дальский* Михаил Семенович (1878-?) — артист оперетты. Выступал в Петербурге, Москве и провинциальных опереточных антрепризах.

Михайлов (Зильберштейн) Михаил Иванович (1860-1929) — артист оперы (лирический тенор). Солист Мариинского театра в Петербурге.

Светланов (Вельяшев) Николай Георгиевич (?-1924) — артист оперетты, выступал в столичных и провинциальных театрах России.

Давыдов (Карапетян) Александр Давыдович (1850-1911) — артист оперетты и эстрады, певец (тенор); исполнитель цыганских романсов.

¹⁰ *Андреев* Леонид Николаевич (1871-1919) — прозаик и драматург.

¹¹ Имеется в виду *Валентина Николаевна* Лазаревская (урожд. Петрова) — третья жена И.И. Лазаревского, художник-график.

[Ленинград], 9 июня 1939 года

Сильно подозреваю, дорогой Иван Иванович, что мои невинные письма сразу по прочтении выбрасываются Вами в корзину и легковесно улечучиваются из Вашей памяти. Говорю это без всякого упрека, ибо письма мои не могут конкурировать не только со «Стихотворениями в прозе» Бодлэра, но даже с миниатюрами Петера Альтенберга¹. Скорее всего, это — опусы в том роде, о котором А.Р. Кугель² говорил начинающим авторам: «возьмите-ка ваш опус и вытрите им ж...с!»... Сейчас объясню Вам, откуда возникло мое предположение о судьбе моих письмишек: на вопрос о сочинении Пахомова³ я, как ни бьюсь, не могу получить ответа, хотя Вы и очень любезно сообщили мне все, что о нем знаете. В том-то и дело, что меня не интересует ни качество работы Пахомова, ни количество печатных листов, ни полнота содержания и пр[очее] и пр[очее], а только одно: вышла ли эта книга в свет и, если не вышла, то когда, примерно, будет выпущена. А именно на этот вопрос нет ответа *ни в одном* из Ваших писем. Итак, еще раз прошу извинения за настойчивую любознательность и не теряю надежды на ответ.

О книге Кисина⁴ мне предложили сделать доклад в Доме журналиста, но я уклонился, не найдя ничего для себя интересного ни в этой книге, ни в этом предложении.

В.К. Лукомский, действительно, напечатал в журнале «Архивное дело», №49 (№1, 1939 г.) статью о новой геральдике⁵, — я ее не видел, но автор говорит, что очень ею недоволен, т.к. статья искажена и укорочена (т.е. отнюдь не «громадная»). Он называет это произведение так: «конспект моей лебединой песни в пятой редакции»...

Насчет его тематической «моногамии» вполне с Вами согласен: трогательна и даже почтенна, но мне, как и Вам, такое однолюбие чуждо. Если я и не «всеядный эстет», как определил меня Блок в одном из своих писем, то, все же, *многое* приемлю на потребу и сожительство с *одной* темой мне никогда не улыбалось. Есть только одно преимущество у специалистов, облюбовавших обособленную тему: это — верный успех (рано или поздно). Некий мой приятель, человек зоркий и наблюдательный, сказал мне как-то по поводу одного спеца, связавшего всю свою работу с громким поэтическим именем: «Посмотрите, вот прямое доказательство, что, как бы человек не был бездарен и туп, он всегда может добиться известности и почета, если всю жизнь долбит по одному месту». Это — очень верно, хотя к В.К. Лукомскому не относится:

человек он вовсе не тупой и «капитала» на своей архаической специальности не нажил. Зато ко многим ученым мужам («дятлам» и «марабу») сие весьма относится.

Теперь о Гослитиздате (сиречь о Чагине⁶). Мое давнее желание — сделать обильно иллюстрированную, обстоятельную, хорошую книгу на тему «Пушкин в б. Царском Селе». Как следует это еще никем не сделано, а это *нужно* сделать⁷.

Другая тема: «Русские писатели об изобразительном искусстве» (по типу «Мастера искусства об искусстве»)⁸.

Третья: «Горьковские места» (опять же, с хорошими репродукциями — от Н. Новгорода до Сорренто и Горок)⁹.

Наконец, у меня лежит почти готовый справочник, практически явно полезный: «Русская литература в портретах и иллюстрациях»¹⁰. И еще: есть готовая антология «Книга о книге»¹¹. Подумайте: может ли что-либо из сего тронуть Чагина?

Описание радловских суарэ разрешите отложить до другого раза¹².

Привет, лучшие пожелания!

Голлербах

P.S. Сегодня — странная и неожиданная открытка от А.А. Сидорова¹³: он приобрел *какой-то* рисунок Серова с *какой-то* надписью на нем Коровина, — так не угодно ли мне обменять его на *что-нибудь*? Я любезно ответил, что мне это неужгодно. Надеюсь, это не огорчит нашего общего друга...

Г.

¹ *Альтенберг* Петер (наст. имя — Рихард Энглендер, 1859-1919) — немецкий писатель.

² *Кугель* Александр Рафаилович (1864-1928) — театральный критик.

³ Речь идет о кн. Н.П. Пахомова «Лермонтов в изобразительном искусстве», выпущенной в 1940.

⁴ Имеется в виду кн. Б.М. Кисина «Графика в оформлении книги» (М.; Л., 1938).

⁵ Речь идет о статье В.К. Лукомского «Гербовая экспертиза (Случаи и способы применения)».

⁶ *Чагин* (наст. фам. — Болдовкин) Петр Иванович (1898-1967) — журналист, редактор, директор ряда советских издательств; в описываемый период возглавлял Гослитиздат.

⁷ Идея не была реализована.

⁸ Замысел остался неосуществленным.

⁹ Идея не была реализована.

¹⁰ Этот справочник был подготовлен к печати еще в 1935, но в свет так и не вышел.

¹¹ Книга была подготовлена Голлербахом в 1928, однако издание ее не было осуществлено.

¹² Имеются в виду вечера в доме поэтессы и переводчицы Анны Дмитриевны Радловой (1891-1949).

¹³ Сидоров Алексей Алексеевич (1891-1978) — книговед и искусствовед, член-корреспондент АН СССР. В 1920-е был ученым секретарем Гос. академии художественных наук (ГАХН) и Русского общества друзей книги (РОДК); собирал русскую и западноевропейскую графику.

10. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 14 июня 1939 года

/.../ Ну-с, с деловой частью программы покончено, можно перейти к неделовой. Скажите, мэтр, приходило ли Вам на ум, осматривая круглую скульптуру, вдруг начать ходить около нее и высискивать как интереснее найти точку, которая дала бы наибольшее зрительное воздействие. У меня же так случается нередко. Вот недавно был я в музее и подойдя к статуе Вероккио¹ вспомнил, как я еще там, в Венеции, на спокойной и уединенной площади св. Джованни Паоло, случайно приблизился к правой ноге лошади и взглянул вверх на самую фигуру грубого и тяжелого воина. Меня поразила тогда сила и какое-то просто титаническое воздействие, зрительное, этой не лучшей ли эквесторной статуи в истории скульптуры Европы.

Я думал, что в музее, где статуя Коллеони стоит невысоко, тогда как на самом деле она помещена на постаменте высоты примерно второго этажа, «моя» точка не будет давать такого эффекта, но и тут, в Москве, впечатление замечательное.

Не знаю — как Вы, но у меня часто при воспоминании о каком-либо западном памятнике искусства четко встает в памяти, так сказать, все окружение этого памятника. Так и сейчас. При воспоминании о статуе Коллеони вспомнилась вся чудесная прелесть Венеции. Хочется тут сказать Вам об одной из моих странностей: велико и потрясающе искусство Тициана, Веронезе и Тинторетто. Но когда почти ошалелый от впечатлений ухожу из Дворца Дожей или из прохладных зал братства Сан Рокко, то с благодарностью вспоминаю не о них, а о нежном Беллини, грустном и печальном Лоренцо Лотто, загадочном Лонги, зорком Гварди и нарядном Каналетто. Точно так же и в архитектуре Венеции. Не левая часть города со всеми его сказочными чудесами, со всеми

мраморами палатцо Корнер, Гримани, Ведрамини, с изумительным пересказом готики в Дворце Дожей или Каза Доро, с площадью св. Марка, с Пьяцеттой и потрясающим видом на Джудекку с Сан Джорджие Маджиоре и церковью Марии де ля Салюте, со всей праздной интернациональной толпой туристов, среди которой совершенно растворяются коренные венецианцы с их «ласкающим» акцентом музыкальной итальянской речи, не эта часть Венеции мною любима.

Любил я другую, правую сторону Венеции — тут каналов меньше, чем на левой стороне города, и часами можно бродить по тихим переулкам и коротеньким улочкам, прислушиваясь лишь к гулким отзвукам собственных шагов по каменным плитам мостовой.

Но если на левой стороне Венеции стараниями всяческих бедеккеров все расписано чего больше нельзя, то на правой еще возможны всякого рода неожиданности, и они прельщают всего больше.

Как-то я узнал, что есть в Венеции церковка Санто Пантелоне где-то там, среди улочек правого берега. Мне вспомнился Тургенев, его «Вешние воды». Ведь я писал Вам как-то, что история «Вешних вод» — страницы жизни брата моей матери — Дмитрия Николаевича Шеншина, совершенно ничем не замечательного человека, проведшего свой скромный век между собственным конным заводом и государственным коннозаводством. Вспомнился Тургенев и милый хлопотун его повести Пантелоне, и мне хотелось осмотреть храм, носящий имя тургеневского героя.

Проверив план, отправился в путь. От дворца Контарини к дворцу Бальби переехал Большой Канал. Как большая часть дворцов Венеции оба эти дворца перегружены на фасадах архитектурными украшениями, в которых элементы готики причудливо сочетаются с элементами декоративных украшений Ренессанса. Выйдя из фыркавшей и довольно вонючей моторки, я сразу окунулся в прохладную глубь тихих улочек и каких-то таинственных тупиков и переулков. Тут высокие дома дают замечательный облик Венеции, тут так чудесно дрожит вверху голубоватый свет воздушного пространства на фоне синего небесного свода, тут тишина, даже как-то мало связующаяся с городским бытом, тут все говорит о том, что жизнь обитателей этого края города оторвана от жизни обитателей левого берега прекрасной Венеции.

Даже как-то не верится, что всего полчаса назад выходил из отеля — сооружения, снабженного всеми утонченностями такого рода учреждений, что только что — на дорогу — освежился чудесным оранжетто в кафе Франкони среди толпы, шумящей на всех

языках Европы, сунув в петлицу несколько крупных фиалок, которые безмолвно — желаете ли вы или не желаете — положила на столик нарядная цветочница.

Я не сразу набрел на правильный путь к Санто Пантелеоне и не спешил особенно выбраться на церковную площадку из цепи улочек. Редкие прохожие почти сплошь были местные аборигены: мелкие торгаши, канцеляристы, ремесленники и я не знаю еще кто. Не часто мелькала особой венецианской скользящей походкой женская фигурка в черной, слегка волнистой книзу, юбке, с кокетливо и красиво перекинутой то лиловой, то какой-то цветистой шалью, ловко держащейся на плечах и открывающей волосы — особенно если это была одна из тех очаровательных блонд де вениз², которыми так гордятся венецианцы. Одежды этих людей не отличались свежестью. Но их потертое, но живописное платье удивительно гармонировало с общим колоритом тех кварталов.

Многовековые отражалось на стертых ступенях входных лестниц, на полированных временем цоколях зданий, на темном дереве дверей, на железных прутьях балконов и оконных решеток, на шербатых и кое-где поломанных жалюзи окон. И часто, часто узкий проход улицы где-то на высоте третьего или второго этажа перекидывался веревками, на которых, как какие-то сказочные флаги, трепетали под легким ветром гроздь стирального белья, каких-то ветхих, но замечательных по цветам полотнищ.

Свежесть воздуха порой прерывалась то густым запахом готовящейся пищи, то нежным ароматом фруктов от наваленных тут же на проходе груд золотистых дынь, апельсинов, душистых яблок и груш.

Кое-где чернели ниши старьевщиков, где удачливому собирателю могло встретиться сокровище, немыслимое в лавках блестящих антикваров с мировыми или, во всяком случае, европейскими именами на площади Марка или где-либо в ином месте левой Венеции. Но на этот раз мои коллекционерские вожеления меня не тревожили и я не задерживался около первоисточников местного антикварного рынка.

Наконец я достиг небольшой площади, в глубине которой высилась церковь Санто Пантелеоне.

День был не праздничный. Час — не богослужебный. И около малопримечательной по своей архитектуре — обычной для средних венецианских строений этого рода половины XVI в. смеси элементов нескольких стилевых линий, — но бесконечно привлекательной своими приятными пропорциями и освященной патиной времени красотой мрамора и обработки простого камня — около этой церкви никого не было.

Сновавшие мальчишки, не так развращенные, как развращены туристами дети левой Венеции, благодарные за какую-то мелочь, разыскали мне церковного сторожа. Он не скрыл своего удивления перед любопытством туриста. «Наша церковь, — сказал он, открывая большим ключом тяжелую и красивую дверь храма, — не очень-то привлекает иностранных вагабондажио. Приход наш беден и бедна наша церковь», — прибавил он давая мне понять, что лишняя лира не будет незаметна в скудном доходе церкви.

И точно. В церкви не было ничего яркого, ничто не выделялось из общего стиля. В благовонной прохладе храма все же было много притягательного, и хотелось внимательнее осмотреть кое-какие статуи, кое-какую живопись, резную из тяжелого дуба обстановку и прекрасные по тонам витражи в ряде окон. Сторож оставил меня одного и что-то поправлял у алтарного возвышения.

Я уже заканчивал свой осмотр, отойдя от единственного живописного памятника — сцены из жизни Мадонны — в какой-то степени напоминавшего живопись Лотто, как мое внимание привлекла деревянная скульптура, столь редкая в церквях Венеции; полная готических традиций, она несомненно была старше приютившей ее церкви. Святой старец, которого изображала скульптура, не пользовался по-видимому большим уважением и почтением прихожан, так как никаких амулетов, цветов или иммортелей не было видно вокруг. Но меня поразила сила экспрессии всей фигуры изнуренного и исхудалого святого. Особенно его лицо. Сосредоточенное, строгое, волевое лицо. Скульптура была введена в глубокую нишу. Чтобы лучше рассмотреть ее, я несколько раз менял точку осмотра. И вот случайно в каком-то ракурсе я поймал такую точку, с какой экспрессия достигла своего наивысшего воздействия на зрителя.

И с тех пор я всегда, при ознакомлении со скульптурой особенно меня заинтересовавшей, ищу ту точку, которая с возможно большей экспрессией подчеркивает вещь, ищу тех ракурсов, которых быть может не находил и сам ваятель. И очень часто мой подход давал мне многое. Не последуете ли и Вы ему?

Я перечитал написанное. Ужас сколько, чисто по-стариковски, наболтал я Вам. Кончаю, кончаю. Аддио, ка рессиме³.

Ив. Лазаревский

¹ Конный памятник кондотьеру Б. Коллеони (бронза, 1479-1488) работы Андреа Вероккьо (1435 или 1436-1488), установлен близ церкви Сан-Джованни э Паоло в Венеции. Копия — в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

² Blondes de Venise — венецианские блондинки (*фр.*)

³ Addio, carissimo — до свидания, дорогой (*ит.*)

[Ленинград], 16 июня [19]39.

$$\begin{array}{c}
 \cdot \\
 2 \left\langle \begin{array}{l} 1 + 1 \\ 1 = 0 \end{array} \right\rangle 2 - 1
 \end{array}$$

Эта «формула», абсурдная с точки зрения математика, обозначает, что я получил сегодня одновременно два письма — одно, весьма содержательное, от Вас, и другое, не содержащее ничего, кроме любезностей, от «ААС»¹. Ваше письмо принесло мне сразу два подарка: 1) лирические, прелестно написанные страницы о Венеции и 2) милую гравюрку с видом ц.-сельского озера. Оба эти дара наполнили мое сердце сладкой болью и нежной грустью. Венеция, Венеция!.. Когда-то, в довоенные годы, я надеялся, что покончив с Университетом², увижу Венецию, Флоренцию, Рим. Кроме этих городов, меня может привлечь только разве Париж — остальное в Зап[адной] Европе оставляет меня почти равнодушным.

Но, как Вам известно, наступила война *et cetera, et cetera*. Муза дальних странствий ко мне не милостива, как видно. Не знаю: может быть, я разочаровался бы в Италии, как в свое время Фет («Италия, ты сердцу солгала!..»³), но дело-то не столько в Италии, какова она теперь, а в ее городах, какими они *были*, в ее искусстве, в очаровании ее старины. «Моя» Италия, разумеется, не Италия Бедекера⁴, а Италия Гете и Франса.

Прекрасные сады и озера моего отечества я вижу за последние годы очень редко. «Пушкинград»⁵ давно стал для меня обителью воспоминаний, кладбищем прошлого. В прошлом году летом я тщетно пытался найти там, в местном некрополе, могилу близкой мне женщины — первой, разделившей мои юношеские восторги: какие-то варвары сравнивали могилу с землей, от холмика же не осталось и следа...

Гравюрка, Вами присланная, вполне компенсирует меня за фото. Хотя я охотно осушил бы за Ваше здоровье флакон Абрау, на который имеется, по Вашим сведениям, ассигнование Учпедгиза, могу обойтись без этого развратного напитка. Кто, кто автор этой суховатой, но столь тонко и тщательно сделанной ксилографии? И для чего она?

Ваше замечание относительно моей ворчливости приемлю как заслуженное. Я, в самом деле, ворчлив и раздражителен, это что-то органическое, мне неподвластное. Мои близкие знают это — увы — слишком хорошо, как знают, конечно, и другое: недостатки моего характера не мешают мне ценить и любить близких лю-

дей. Что же Вы не говорите мне своего мнения о намеченных мною темах? Некоторые из них могли бы найти применение в Учпедгизе, в плане учебных пособий.

Вы спрашиваете, чем я занимаюсь сейчас, кроме Лермонтова?⁶ Об этом я писал Вам довольно подробно в последнем письме — Ваш вопрос лишний раз подтверждает правильность моей версии о судьбе моих эпистолярных упражнений, Вам, уважаемый друг, адресованных. Тут уж, как хотите, мой характер не причем.

В Коктебель я в этом году не собираюсь. Семья моя живет на даче в Поселке⁷ (об этом я тоже уже писал, но, внемля Вашему повторному запросу, охотно подтверждаю сей факт) и я изнемогаю от необходимости ездить хоть раз в шестидневку «наслаждаться» так называемым «лоном природы».

Засим кланяюсь и прошу писать, «wie haben sie genorden gewesen»⁸, как выражается щедринский Ардальон Семеныч в «Мелочах жизни». И мелочами жизни очень интересуюсь: может быть, мелочи именно самое любопытное в жизни.

Daignez agréer, Monsieur, l'assurance de ma parfaite estime⁹.

Голлербах

¹ Имеется в виду Алексей Алексеевич Сидоров (см. о нем: прим.13 к письму 9).

² С 1912 по 1916 Голлербах был студентом физико-математического факультета (отд. естественных наук) Петербургского ун-та.

³ Имеется в виду стихотворение А.А. Фета «Италия» (1856-1857).

⁴ *Бедкер* Карл (1801-1859) — известный составитель путеводителей по странам Европы. Его сыновья основали в Лейпциге специализированное издательство по выпуску путеводителей.

⁵ Имеется в виду г. Пушкин.

⁶ Имеется в виду подготовка совместно с В.А. Мануйловым учебного пособия «Лермонтов в портретах и иллюстрациях», вышедшее в Учпедгизе в 1941.

⁷ *Поселок* — дачное место в 80 км к югу от Ленинграда.

⁸ Бессмысленный набор глаголов на нем. яз.

⁹ Примите благосклонно, мсье, уверения в моем совершенном почтении (*фр.*, обычная формула вежливости в конце письма).

[Москва], 18 июня 1939 года

Так жарко, что я не способен ни на какие меры самообороны и признаю все в Вашем последнем письме: и иронию по адресу моего писания о Венеции (черт меня догадал предаваться воспоминаниям) — «прелестно написанные страницы о Венеции», и намеки на мою старческую память (вопросы об уже спрошенном), и предположения о том, что Ваши письма для меня после их прочтения представляют собой то, что на литературном аргументе сегодняшнего дня зовется утилем, и прочее, и прочее.

Но минорность тона моего письма идет не от одной жары, минорность эта идет и от многого другого и, паче всего, от какой-то усталости, хочу думать, что временного порядка.

Чтобы избежать упреков в рассеянном отношении к ответу на Ваши вопросы (за что приношу все мои извинения), тотчас же приступаю к этим ответам. Ваши соблазнительные предложения, конечно, могут тронуть и учпедгизовское сердце. Но они там так обалдели с учебниками, что по насущным вопросам добиться человеческого ответа нет возможности, а уж об отвлеченностях — куда тут. Однако при первой же возможности я кое-что попробую.

Вот относительно Чагина. Как я ожидал, он уже подпал под чье-то влияние в Гихле. Человек он интересный, с издательским полетом, с замыслами и даже, если хотите, дерзаниями. Но вот в чем несчастье — Чагин один из тех несчастных людей, у которых прав последний. На самом же деле это почти парализует его положительные качества. Правда, у него отдел оформления работает недурно и, главное, все три редактора члены Партии. А это, конечно, много. Несколько дней тому назад Чагин вызывал Ильина, и тот ему откровенно сказал о замкнутости отдела оформления Гихла и о том, что свежему человеку работу там не получить, имея семь пядей во лбу. Чагин выслушал и все осталось по-прежнему. В отношении меня Чагин не имеет «хорошей прессы» от своих работников, ибо их громадный минус — боязнь людей. И на основе этой боязни они сделают все против, а не за мое появление в Гихле.

Видите, какой я невыгодный друг — что делать, каков уж есть.

Относительно ксило[графии] с литографии, изображающей б[ывшее] Царское-сельское озеро. Гравировано оно для хрестоматии «Родная литература» год 5, которая мною сдана вчера в производство (со стороны художественно-полиграфической редакции). Гравирована Беловым¹, одним из вымирающих москов-

ских ксилографов. По снятии гальвано будет дано 2 500 000 от-
тисков.

Вы мне не пишете о том, что Вам сообщили из издательства АА.² Любезности — любезностями, «а о водке ни пол-слова». Не так ли? Но там полный развал — черт знает для чего вместо хороших работников (которые все поуходили) набирают какие-то отрепья из Жургазообъединения³, приказавшего, как Вам известно, долго жить.

Мой намек на Ваше брюзжание — намек дружеский и Вы не обижайтесь. Мне кажется, к тому же, что нет такого человека, который в той или иной степени не брюзжал. Вопрос, значит, только в степени. А приписку Вашу касательно того, что Вы умеете ценить и любить некоторых людей, я хочу отнести и к самому себе.

А вот теперь об Италии. Во-первых, я был совершенно почему-то уверен, что Вы на заре ложной своей юности все ж таки вкусили прелести путешествий. Во-вторых, Вы, конечно, не правы, считая достойным Вашего внимания лишь Венецию, Флоренцию и Рим. Я помню (это было довольно давно) по какому-то случаю я писал Вам о своих впечатлениях, связанных с Умбрией — для меня самым прекрасным местом Италии. Писал Вам также и о том, что в какой-то степени долина Судака — от Феодосии до самого Судака — удивительно напоминает Умбрийскую долину. Только горизонт судакской долины не обрамлен, как умбрийская, блистающими снеговыми вершинами Альп. Нет равного по спокойной и умиротворяющей красоте пейзажа — пейзажу Умбрии. Семь городов долины то раскинуты на цветущей, прорезанной тихими водами рек и озер, равнине, то гордо возвышаются и на возвышенностях и среди последних — славный Ментефалько со своим храмом — прекраснейшим памятником строгой романской архитектуры, в котором Вас волнуют работы раннего Гоццоли⁴, памятником, в котором собраны живописные истоки, давшие начало всей умбрийской школе.

Я очень прошу Вас открыть первый том муратовских «Образов Италии»⁵ и перечитать главы «От Тибра к Арно». Я далеко не всегда люблю Муратова, но его слова об умбрийской долине, пожалуй, не лучшее ли, что написал этот тонкий, осторожный, хитрый и, в то же время, бесконечно нежный человек.

Нет, Италию нельзя видеть какими-то частями, как предполагаете Вы. Ее нужно осмотреть, с ней нужно познакомиться, пока сил хватит, и Италию континента и Италию островов. Кое-что не затронет Вас, кое-что Вы просто не воспримете, как я, например, не воспринимаю Италию Средиземного побережья, но за то,

что Вас тронет, взволнует Вашу душу, все Ваше бытие и прекрасным искусством и прекрасным пейзажем, — это «то» навсегда целительным останется в Вашей жизни, и в дни большой радости и в дни глубокой горести Вы благодарной памятью отнесетесь к тому «то», а для меня — к долине Умбрии.

Неприменно ответьте мне: рассказывал ли я Вам когда-либо об одной встрече в Ассизи, которую не создаст и фантазия Грина⁶ (я его очень люблю, совершенно непризнанного Грина) и которую могла создать только сама жизнь. И если нет, то как придет пора желанья поговорить с Вами о прошлом — непременно расскажу Вам об этой встрече у подножия храма святого Франциска Ассизского.

Ну, не будет ли на сегодня. Аддио амиче⁷,

Иван Лазаревский

¹ Белов Михаил Сергеевич (1900-?) — московский художник книги, выпускник Вхутемаса, ученик И.Н. Павлова и В.А. Фаворского.

² Имеется в виду издательство Академии архитектуры.

³ *Жургазобъединение* — Журнально-газетное объединение, созданное в 1931 и прекратившее существование в 1939.

⁴ *Гоццолы* Беноццо (1420-1497) — итальянский живописец эпохи Раннего Возрождения, представитель флорентийской школы.

⁵ Книга историка искусства и литератора Павла Петровича Муратова (1881-1950) «Образы Италии» вышла в Москве в 1911.

⁶ *Грин* (наст. фам. Гриневский) Александр Степанович (1880-1933) — писатель.

⁷ *Addio, amico* — до свидания, друг (*ит.*)

13. Голлербах — Лазаревскому

[Ленинград], 8 июля [19]39 года

Дорогой Иван Иванович, — сегодня видел Вас во сне («вчера Вас видел я во сне и полным счастьем наслаждался, — когда б возможно было мне, я б никогда не просыпался» — Вы слышите густой и низкий голос Вари Паниной?¹) Вы впервые (за 20 лет нашего знакомства) удостоили меня посещением. Мы обедали, меня крайне смущал возмутительный беспорядок, царивший в моей комнате (увы, он почти всегда бывает и наяву): груды книг, папок, рукописей, гравюр, картины на полу вперемежку с ботинками и туфлями. Мы вкушали *consommé*² и потом что-то мясное. Вы с увлечением рассказывали мне о каком-то своем приятеле

Базилевском. Кто-то из мемуаристов по ошибке называет так С.А. Соболевского³, друга Пушкина, — отсюда эта фамилия (а, может быть, по созвучию с Лазаревским).

Вышеизложенный сон и послужил импульсом к сочинению нижеследующего письма.

Какие у Вас новости? У меня в Академии художеств довольно много дела, но мало толку. Меня хотят купить заживо, а я не хочу продаваться дешево. Надо брать пример с Дульского, который умеет выговаривать себе недурные условия работы в той же Академии. Если не сговорюсь, то и черт с ней. Дульский, вероятно, придет к Вам просить совета насчет того, как раздобыть бумагу для истории Ак[адемии] худ[ожеств]⁴.

Объясните мне, пожалуйста, кто же автор гравюры, Вами присланной? Вы пишете — *Белов*, но на гравюре имеются отчетливые инициалы *МП*! Технически она сделана блестяще, — интересно, во сколько обходится это удовольствие издательству?

Как Вам не совестно подозревать меня в какой-то иронии по поводу Ваших воспоминаний о Венеции!? Я преисполнен признательности за Ваш интересный фрагмент итальянских впечатлений и надеюсь на продолжение.

Если Умбрия похожа на долину Судака, то я знаю Умбрию, — ибо был два раза в Судаке, три раза в Коктебеле. «Образы Италии» я люблю и ценю, хотя местами они чуть тяжеловаты и «сказать ли» (выражение ААС) чуть скучноваты. Кстати, инициалы ААС Вы почему-то приняли за обозначение изд-ства Ак[адемии] архит[ектуры], тогда как они означают, как это известно всему просвещенному человечеству, *профсида*⁵ и больше никого и ничего.

А сон остается сном, — как жаль! Одолевает ли Вас жара? У нас очень жарко; моя гиперборейская натура этого так же терпеть не может, как в известном анекдоте некто «терпеть не мог», когда ему мазали лицо экскрементами.

Recevez mes salutations empressees!⁶

Голлербах

¹ Голлербах цитирует слова популярного романса, исполнявшегося известной цыганской певицей *Варей* (Варварой Васильевной) *Паниной* (1872-1911).

² Крепкий бульон (*фр.*)

³ *Соболевский* Сергей Александрович (1803-1870) — библиофил, библиограф, поэт.

⁴ Речь идет, вероятно, о подготовке второго тома, посвященного истории Российской Академии художеств, приуроченного к 175-летию Академии (1939). Однако издание так и не увидело света. Успел выйти лишь 1-й том: «Русская академическая художественная школа в XVIII веке» (М., 1934).

⁵ «Профсид» — шуточная аббревиатура от «профессор Сидоров» (см. прим.13 к письму 9).

⁶ Примите мои наилучшие пожелания! (*фр.*)

14. Голлербах — Лазаревскому

[Ленинград], 28 ноября 1939 года

Конечно, Иванов — человек с хорошим аппетитом (подай ему Брюллова!), но, по-моему, он оставил Вам, Иван Иванович, очень удобный «выход из положения»: Вы говорите, что он согласен получить вид Петербурга — цветную гравюру или литографию. Согласитесь, что достать такой лист не очень трудно. Даже в моем скромном собрании есть несколько таких листов.

Но можно сделать еще проще. Для того, чтобы Вы не считали меня бесчувственной скотиной вроде Плюшкина, я охотно готов предоставить Вам один из имеющихся у меня пейзажей Серебряковой. Вопрос только в том, как это осуществить технически, — ума не приложу. Необходимо Вам лично побывать у меня и выбрать то, что Вам понравится. Иначе получится «поросенок в мешке».

/.../ Решительно не понимаю, откуда у Вас появилась уверенность в моем холодном отношении к Бенуа? Я несколько раз высказывался о нем в печати (в 1920-х годах) не только положительно, но с любовью и уважением. Возможно даже, что я его переоценивал. Лично мне А.Н. [Бенуа] всегда был симпатичен, относился он ко мне хорошо; в свое время привлек меня к работе в изд[атель]стве Гржебина¹, затем выдвинул мою кандидатуру в Русский Музей и т.д. К Вашей оценке этого культурнейшего, блестящего и многостороннего человека можно ли не присоединиться? Но я считаю, что А.Н. должен был бы и мог бы оставаться с нами: его главный грех заключается в его «самоизгнании»². Я — «домосед», и нахожу, что надо сидеть дома, ёлки-палки! С этой точки зрения я, действительно, холодно отношусь к тем, кто оставил свою родину. Другой вопрос — оценка литературного и художественного таланта, — не правда ли?

Привет, привет и лучшие пожелания!

Голлербах

¹ *Издательство З.И. Гржебина* — частное изд-во, организованное в 1919 художником-графиком и издательским деятелем Зиновием Исаевичем Гржебиным (1877-1929) в Петрограде (с филиалами в Москве, позднее — в Берлине). Общее руководство осуществлялось М.Горьким, А.Н. Бенуа, С.Ф. Ольденбургом и А.П. Пинкевичем. Выпускались сокращенные собрания сочинений русских классиков, произведения современных писателей, детские книги. Изд-во прекратило существование в 1923.

² Речь идет о добровольной эмиграции А.Н. Бенуа в 1926 во Францию, где он и прожил до 1960.

15. Голлербах — Лазаревскому

[Ленинград], 3 февраля 1940 года

Благодарю Вас, Иван Иванович, за справку о «Старове»¹. Каковы «ндравы» в издательстве Акад[емии] архитектуры? Сегодня на Литейном я увидел и приобрел свою книжку: издательство выпустило ее в продажу, не прислав мне ни сигнального экземпляра, ни авторских экземпляров, ни остатка гонорара. Книжка имеет убогий вид: дикая, безвкусная обложка, плохие репродукции (особенно плохо напечатан, как на зло, портрет Старова). Огорчительно.

— Прислал ли Вам Корнилов памятку, выпущенную ЛССХ² к юбилею Кругликовой?³ Если нет, я Вам ее пришлю. Мне пришлось неожиданно выступать на торжественном заседании; после того, как я уже договорился с правлением, что выступать не буду, Магнерз вдруг, здорово живешь, предоставил мне слово. Пришлось вылезти из рядов и подняться на эстраду. К счастью, у меня в кармане была копия моей статьи о Кругликовой, написанной по заказу журнала «Искусство и жизнь»⁴ — иначе я очутился бы в пиковом положении, ибо импровизировать я не умею, а всегда заглядываю в заранее приготовленный текст — хотя бы в виде конспекта. Иногда я выступаю и без «шпаргалки», но — в менее парадных случаях. При таком скоплении публики, какое было на юбилее Кругликовой, мне нужна какая-то опора. Выручила статья: читать ее целиком было бы неуместно, но выдержкигодились. Словом, номер прошел благополучно.

За банкетом Билибин⁵ выступил с чтением своих поздравительных стихов, и, представьте себе, читал, не запинаясь (очевидно, выручает ритм). Но в это время уже создался такой шум, что весь поэтический заряд Билибина пропал даром. Читал он очень долго и стяжал бурные аплодисменты ничего не разобравшей аудитории. Да, в юбилеях всегда есть нечто «чеховское»...

Ваши мысли о мемуарной литературе мне понятны и близки. Думаю только, что Вы недооцениваете Белого. Как-никак, это был блестящий человек, — графоман, но искренний искатель. К Блоку я чувствовал большую нежность, чем к Белому, но как человек он не казался мне увлекательным. Белого я меньше любил, но встречался с ним чаще и дольше, — может быть, потому он мне яснее. Борис Николаевич был очень хорош в беседе (особенно — в монологах) и встречи с ним наедине — незабываемы.

Привет, лучшие пожелания!

Ваш Голлербах

P.S. Видели Вы Учпедгизовского «Шевченко»?⁶ Интересуюсь Вашим мнением.

¹ *Старов* Иван Егорович (1744-1808) — петербургский архитектор. В данном случае имеется в виду кн. Голлербаха о нем (М., 1939).

² Ленинградский Союз советских художников.

³ *Кругликова* Елизавета Сергеевна (1865-1941) — художник-график, профессор Академии художеств. Речь идет о праздновании 75-летнего юбилея художницы.

⁴ «*Искусство и жизнь*» — ежемесячный ленинградский журнал, посвященный вопросам театра, музыки, кинематографии, цирка, эстрады, изобразительного искусства и художественной самодеятельности. Орган Управления по делам искусств при Ленсовете и при Облсисполкоме. Выходил в 1924-1941.

⁵ *Билибин* Иван Яковлевич (1876-1942) — график, живописец, художник театра, член объединения «Мир искусства». В 1918 эмигрировал, в 1936 возвратился в Ленинград, где и умер во время блокады.

⁶ Речь идет о кн. Голлербаха «Т.Г. Шевченко в портретах и иллюстрациях» (Л., 1940).

16. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 10 февраля 1940 года

Вы мне писали в прошлый раз, дорогой Эрик Федорович, о том, что Белый Вам милее Блока. Мне трудно с Вами спорить или соглашаться. Того и другого я очень мало знал. С Белым мне пришлось встретиться только в качестве одного из руководящих работников издательства «Слово» и принимать участие в переговорах с ним относительно его сотрудничества в «Слове» и выпуска этим же издательством одной из его книг. В тот же день, в том ресторане, где я в те времена часто обедал, когда задерживался

в издательстве, у всем нам известного Альбера близ Полицейского моста, снова встретился с Белым. Он сел за мой столик. Не особенно долго продолжается обычный четырехблюдный ресторанный обед, не особенно долго беседовали и мы. Но помню — на меня большое впечатление произвел его рассказ о московских литературных нравах, — было как раз время распада «Золотого руна», — своей колоритностью, прекрасными характеристиками и злыми портретными штрихами. На том наши отношения, если это можно назвать отношениями, и закончились.

С Блоком я был знаком также по моей работе в издательстве «Слово» и принимал участие в некоей истории денежного порядка между поэтом, редактором газеты «Слово» и представителем издательского капитала (московских купцов во главе с Четвериковым). Помню, что мне, защитнику интересов издательства, пришлось стать на сторону поэта-истца. Встречался я с Блоком еще у стариков Таганцевых¹ на их интересных литературных вечерах и у Н.А. Котляревского² и его жены Пушкиревой, артистки Александровского театра. У нас установились очень приятные, но чисто внешние отношения. Встречи на концертах, выставках, на премьерах. Два-три слова, дружественно, хорошо, но не больше.

Как-то случилось мне в середине мая заехать по пути в яхт-клуб в кондитерскую Рабон на улице Гоголя. Встречаю Блока. Было много публики и пока мы дожидались продавщицы — разговорились. Как-то вышло, что я его пригласил проехать со мной в яхт-клуб и, если будет погода, пройтись немного на яхте. Блок согласился и не просто так, а с восторгом, так как оказалось, что он никогда еще не ходил на хорошем яхтклубском паруснике.

Вечер был прекрасный. Мы быстро проехали через Петровский остров на Крестовский. Прошли яхт-клубскую веранду и сели за одним из столиков летнего ресторана. Что-то заказали, и я оставил Блока на время одного — пока не налажу поездку, удача которой была несомненной, так как поднялся не сильный, но ровный ветер «на воду», то есть с реки на залив.

У меня к тому времени (908 или 909 год) своей яхты уже не было. Но прогулку наладить было не трудно, потому что на борту иметь Блока для всех было приятно. Я даже мог выбирать и выбрал яхту известного тогда Вилли Пфедфера, одного из лучших рулевых. У самого Пфедфера, скромного банковского служащего, своей яхты не было и он водил яхту сына владельца шоколадной фабрики Жоржа Бормана; богатый кретин не только не умел держать румпель в руках, но и второстепенного «конца», а ловкий Пфедфер брал на его яхте призы за призами. Яхта была прекрасная знаменитой фандерфлитовской стройки, ходкая и легкая.

Быстро приготовились, быстро провели все формальности и под очень небольшим постоянным креном легли курсом на Кронштадт, а потом и дальше, к Толбухину маяку. У Толбухина маяка сделали прекрасный разворот, взяли курсом выше на Петергоф и к полуночи, после небольшой лавировки в дельте Невы, зачалили на своем яхтклубском причале.

На яхту нас взшло четверо: Пфеффер, матрос, в руках которого были фалы кливеров, Блок и я. Я не без умысла выбрал Пфеффера. Честный клерк если и читал что-либо, то только отделы спорта или биржи в немецкой петербургской газете, и имя Блока никак не настраивало его на любопытство к своему пассажиру — ни на взгляды, ни на вопросы.

Блок сначала примостился около мачты, но потом пересел ближе к корме и буквально, словно зачарованный, отдался обаянию скольжения яхты, когда ветер ровен и не больше 2-3 баллов, когда невысокая волна режется острым носом и за кормой она разбегается все ширящимся путем.

Красота береговых очертаний в дымке вечера, уходящих все больше вдаль, ритм набегающих волн и тот изумительный звук, который производит вода, ударяясь в обшивку бегущего судна, шелест громады парусов яхт и сумрачные силуэты кронштадтских фортов — все это подействовало на Блока с большой силой.

Я заметил настроение поэта и не тревожил его. Не помню, перебросились ли мы хоть несколькими словами за все время пути, а яхта шла не меньше как часа три. К тому же у Пфеффера болела рука и мне пришлось перенять румпель на весь обратный путь.

Когда мы пришвартовались, Блок поблагодарил Пфеффера и направился к выходу. Я пригласил его поужинать. Веранда была полна нарядной публики, в широкие окна залы яхт-клуба лились звуки хорошей музыки — среди яхтсменов было много пианистов. Но Блок отказался и, почти не делясь своими впечатлениями, пошел к парадному выходу. Взяв у швейцара оставленный сверток, он крепко пожал мне руку, несколько раз поблагодарил меня и быстрыми шагами направился прямо по дороге к конке и пристани финских пароходиков.

Признаюсь, я был несколько озадачен. Уж очень лаконичны были блоковские слова и стремителен его уход из яхт-клуба. И я не долго там оставался. Корректный Пфеффер подошел ко мне справиться какое впечатление оставила прогулка у Блока и не преминул при этом спросить — «этот уважаемый герр Блок не из тех ли Блок, что имеют банкирский дом». И наверное был бы гораздо больше доволен, если бы я ответил положительно. Титул поэта очень мало ему imponировал.

Рано утром на другой день зазвенел телефон. Говорил Блок. Он восторженно благодарил меня за доставленное наслаждение. Блок говорил, что прогулка произвела на него такое большое впечатление, так взволновала его, что он долго не мог привести в порядок свои нервы. Блок говорил дальше, что он не мог себе представить, что яхта может вызвать так много разнообразных ощущений — прекрасных и волнующих. Я предложил ему всегда обращаться ко мне, когда ему захочется повторить прогулку. Помню, что Блок ответил — что такие прогулки не повторяются.

После этого я еще несколько раз встречался с Блоком, и он всегда неизменно вспоминал о поездке на яхте по Финскому заливу.

Ну, вот Вам. До свидания, жму руку.

Ив. Лазаревский

¹ *Таганцев* Николай Степанович (1843-1923) — юрист, сенатор, любитель литературы и искусства.

² *Котляревский* Нестор Александрович (1863-1925) — литературовед, академик (1909), первый директор Пушкинского Дома (1910-1925).

17. Лазаревский — Голлербаху

[Москва], 22 февраля 1940 года

Эти дни я читал письма Бузони к его жене¹ — то есть те же жизненные воспоминания, о которых мы говорили в одном из последних писем, дорогой Эрик Федорович.

И знаете, читая это время воспоминания Бузони, Падеревского² и еще кое-кого из иностранцев, мне приходит в голову довольно грустная мысль: воспоминания иностранцев никак не связаны с какими-то мещанистыми сведениями счетов с тем-то и с тем-то, какими кишат воспоминания даже таких интересных людей, как тот же Белый. В чем дело? — совершенно ясно: в культуре и в умении вести себя. Именно вести себя. Культурный человек понимает, что мелко и не интересно для читателя вот это российское сведение счетов, что круг воспоминаний должен охватывать людей тем или иным выдающихся, а не людей только оттого входящих в орбиту вспоминающего, что они когда-то этому вспоминающему чем-то насолили. Истина прописная, но для наших мемуаристов, понимаю, недоступная.

Мне кто-то писал о том, что готовятся воспоминания Рылова³. И что редактировать их будет именитый Корнилов. Вообра-

жаю — что это такое будет. Рылов был человеком очаровательным в жизни, мягким, незлобивым, доброжелательным. И художником он был, попросту говоря, хорошим. Но бог не дал ему ума, а воспоминания неумного человека, и при том помноженные на упражнения не более умного редактора, не трудно себе представить как это будет и интересно и «эпохально».

Если бы Рерих был нашим — то вот чьи воспоминания могли бы быть интереснее интересного. Умный, злой, наблюдательный и культурнейший человек, Рерих мог бы дать картину своего времени, и не только в разрезе одного искусства, увлекательнейшую. Ничего человеческого не было чуждо Рериху. Искусство — искусством, но близкие отношения с людьми биржи и дельцами старого Петербурга, типа Мануса⁴ или Митьки Рубинштейна⁵, Рерихом также внимательно поддерживались и из них он извлекал многое, дававшее ему изобилие «благ земных». Он отлично знал, дружа с Румановым, Ксюниным или Мануйловым⁶, закулисную сторону тогдашней влиятельной печати и также весьма и весьма профитировал от этих знаний. Человек с виду «тишайший», Рерих, когда это ему было необходимо, показывал такие вольты, что даже выдавшие виды люди, что называется, шарахались в сторону.

Я, помнится, Вам рассказывал историю директорства Рериха в школе поощрения художеств⁷, и о том, как он провел и простоватую процессу⁸ и придурковатого Сабанеева⁹. А вот не рассказывал Вам о том, как Рерих в 15 либо 16 году, когда царь по случаю войны не посещал художественные выставки, пользуясь своими придворными связями через Путятина¹⁰, Рерих, не говоря ни слова Дягилеву, схватил накануне открытия свои картины в охапку и помчал их в Царское Село. Показал царской паре, что-то успел продать и буквально за час до открытия выставки водворил картины на их прежнее место на выставке (помнится, выставка была на Малой Конюшенной в какой-то иностранной церкви или в залах этой церкви). Дягилев и все мирискусники так рассвирепели против эскапады Рериха, что скандал мог кончиться неким рукоприкладством.

Но Рерих цинично отвел, так сказать, «удар», ясно намекнув, что всякий выпад против него в связи с показом картин в Царском Селе будет так понят, что ударяющим может очень и очень прийтись солоно. И все смолкло. Рериху сообщили, что одна из влиятельных московских газет «Утро России», в своем петербургском отделении узнала об этой истории. Редактор отделения не был приязненно настроенным Рериху человеком и тот это отлично знал. И потому, решив застраховать себя от возможности появления в «Утре России» нежелательной заметки, Рерих запасся

«камнем за пазухой». Редактор петербургского отделения был еврей и проживал в столице по не совсем легальному виду (нечто вроде прикащичьего свидетельства), как тогда проживали десятки евреев того времени. Рерих является к редактору и просит заметку не помещать. Редактор отказывает, считая заметку интересной. Видя, что дело не идет, Рерих спокойно говорит ему, что ежели он не получит от редактора уверения, что заметка помещена не будет, то он тотчас же донесет куда следует о том, что редактор живет в Петербурге по свидетельству прикащика, а занимается совсем иным делом, и при том делом печати. Что оставалось делать редактору — заметка была уничтожена.

Вот разболтался. Бывает со мной так иногда.

Ив. Лазаревский

¹ *Бузони Ферруччо Бенвенуто* (1866-1924) — итальянский пианист, композитор, дирижер, педагог. Речь идет о кн.: Busoni F. Briefe an seine Frau (Ezenbach-Z.-Lpz., 1935).

² *Падеревский Игнацы-Ян* (1860-1941) — польский пианист, композитор, общественно-политический деятель; автор воспоминаний (1939).

³ Книга Аркадия Александровича *Рылова* (1870-1939) «Воспоминания» с послесловием П.Е. Корнилова вышла в ленинградском изд-ве «Художник РСФСР» в 1960.

⁴ *Манус Игнатий Порфирьевич* — петербургский промышленник и банкир.

⁵ *Рубинштейн Дмитрий Львович* — крупный петербургский банкир; был близок к Г.Е. Распутину.

⁶ *Руманов Аркадий Вениаминович* (1876-1960) — журналист, редактор петроградского отд. московской газеты «Русское слово».

Ксюнин Алексей Иванович (1880-1938) — журналист, сотрудник газет «Новое время» и «Вечернее время», член Совета Т-ва А.С. Суворина.

Мануйлов (Мануйлов-Манасевич) *Иван Федорович* — реакционный петербургский журналист, пользовался репутацией афериста и проходимца, служил тайным агентом департамента полиции.

⁷ Директором школы Общества поощрения художеств Н.К. Рерих был с 1906 по 1917, а в 1918 — ее попечителем.

⁸ Речь идет о принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской — попечительнице Императорского Общества поощрения художеств.

⁹ *Сабанеев Евгений Александрович* (1847-после 1914) — архитектор, академик (1898). С 1878 преподавал в Академии художеств эстетику, археологию и историю искусств. Был директором Школы ОПХ с 1881 по 1905.

¹⁰ *Путятин Павел Арсеньевич, князь* (1837-после 1915) — археолог, коллекционер, член Русского археологического общества.

18. Голлербах — Лазаревскому

[Ленинград], 18 июля 1940 года

/.../ О моих коллекционерских действиях у Вас сильно преувеличенное представление, дорогой историограф коллекционерства. Расходы мои на покупку картин и рисунков чрезвычайно скромны (10, редко 20% месячного заработка). Обмены я совершаю очень редко, т.к. привязываюсь к вещам прочно, — но иногда случается, что взамен наскучившей и малоинтересной картинки получаю от того или другого приятеля довольно приятный опус (о, «корниловщина»!) мастера, еще не представленного в моем собрании.

Слова мои о скудости бюджета остаются в полной силе, ибо не забудьте, что у меня имеется семья. Зарабатываю я один, если я свалюсь, все застопорится: болеть мне не полагается, отдыхать тоже не следует, собственно говоря. Так и тянется одно за другим: дача, обувь, пальто, дрова и пр. и пр., а главное, каждодневное — корм, корм и корм. Согласитесь, что по части коллекционерства не развернешься, о шедеврах нечего и думать. Впрочем, я не жалею: никогда не гнался за громкими «именами», а руководился, прежде всего, личным вкусом.

Конечно, было бы отраднее тратить на произведения искусства хотя бы, скажем, 2-3 т[ысячи] р[ублей] в месяц*, но боюсь, что тогда вопрос собирательства уперся бы в проблему помещения. Я и так завален книгами и картинами, тесно ужасно. Надеяться на расширение жилплощади не приходится, значит, нужно некое самообуздывание.

По-моему, Вы только поддразниваете меня, говоря (не впервые) о своей тяге к Ленинграду: Вы знаете, как рад был бы я видеть Вас гражданином дивного нашего города. А вот В.К. Лукомский, напротив, твердо решил через 2-3 года перекочевать в Москву — это меня огорчает.

— Ох, завтра надо ехать на дачу. Если б Вы знали, как не хочется два часа трястись в поезде и жить несколько дней полупервобытной жизнью!..

Кланяюсь низко.

Ваш Голлербах

P.S. Ура! — только что пришла бандероль с книжкой Ильфа. Спасибо Николаю Васильевичу. Немедленно посылаю ему некий книжный эквивалент.

Г.

---

* Поясняю: сие — мечта, а не возможность. (Приписка Голлербаха).

[Ленинград], 15 марта 1941 года

Дорогой Иван Иванович, — «Как у вас относительно работы?» — спрашиваете Вы меня в последнем письме. Вот, поистине, вопрос, ударяющий в самое сердце! Ибо давно я не испытывал такого застоя в литературной работе, как за последнее время. На первый взгляд это может показаться мало вероятным, ибо периодически мои статьи появляются в «Огоньке», в «Ленинграде», в «Литер[атурном] Современнике», в «Творчестве», в «Образотворче мистецтво», в «Искусстве и жизни» и др. Но случается это не часто (да и трудно претендовать на регулярные выступления при той «тесноте», какая существует во всех редакциях) и оплачивается далеко не блестяще. А что касается крупных работ — по договорам — то уже более полугода мне не доводилось заключать никаких договоров.

Мало сказать, «невеселое положение», надо сказать — «положение трагическое»!

Познакомился на днях с т.Гершензоном. По поручению ЛССХ, я пригласил его в Дом художника для беседы с представителями правления и пресс-бюро. Беседа, признаться, получилась довольно нескладная. Гершензон много и охотно рассказывал о планах и начинаниях издательства, о перегруженности портфеля и пр., но никаких предложений никому не сделал. Лично я ровно ничего ему не предложил, чувствуя, что это совершенно бесполезно. Л[енинградское] О[тделение] «Искусства» передало работу по литературным таблицам¹ Музею ИЛИ Академии Наук — то есть прекратило связь с той авторской «троицей», в которую входил Ваш покорный слуга. Об этом я говорил с Гершензоном, но ничего внятного он мне не сказал, кроме того, что ему кажется эта «реформа» ненужной.

Сегодня я познакомился (по случайному поводу) с резервным фондом Публичной Библиотеки, находящимся в Петропавловской крепости. Какое грустное, удручающее впечатление произвел на меня этот книжный некрополь! Мне показали бесконечные коридоры книжных полок и груды неразобранных книг — огромное скопление чьих-то библиотек. Зрелище это навело меня на мрачные размышления о тщете всякого собирательства. И еще о том, что книги *переживают* людей, тех самых людей, которым книги дают так много *переживаний*...

Такую же тоску наваял на меня Павловск, о котором Вы с нежностью вспомнили в своем письме. Под снежным покровом

парк выглядит лучше, чем летом (Вы догадываетесь — почему). Красит его и зимнее безлюдье, пустынность, тишина.

Но милые воспоминания о невозвратной юности, о беспечной поре, когда не было забот и тревог, — как они берегут душу эти воспоминания!..

Часть города, которую нужно пересечь, чтобы попасть к Конашевичу², отнюдь не радует взора...

Вы находите, что Конашевич к Вам переменялся. Должен сказать, что и на мои с ним отношения легла какая-то тень — откуда она взялась, ума не приложу. Но вместо прежних дружеских отношений появилась обыкновенная корректность — вещь прохладная и скучноватая.

— В такие скверные дни, какие ныне выпали на мою долю, для меня особенно утешительны Ваши письма, — в которых всегда есть (несмотря ни на что) бодрость и юмор.

Когда-то я был весьма усердным корреспондентом, охотно и часто писал и близким, и далеким. Теперь не то: в моей корреспонденции преобладают немногочисленные и краткие деловые письма. Ряд эпистолярных связей я сознательно порвал (в первую очередь — с очень дружелюбными, но ужасно пресными провинциалами из числа так наз[ываемых] любителей литературы). И, кажется, хорошо сделал. Но есть в Москве человек, с которым я хотел бы всегда поддерживать обмен письмами — это, конечно, Вы. «Покуда на груди земной хотя с трудом дышать я буду»³ — перо мое будет выводить на конверте «Трубниковский, 25, кв.17»⁴. Если случатся перерывы — прошу не сетовать, а считать эти перерывы знаком того, что я болен. Болен — в том расплывчатом, но страшном смысле слова, который обозначает душевный хаос, глубокую депрессию.

Этот хаос надвигается на меня всякий раз, когда я «падаю духом». А причин для этого «декаданса» достаточно.

Вы советуете мне организовать при ЛССП⁵ секцию мемуаристов. «Благодарю, не ожидал»... такого совета. Посудите сами: всего год тому назад я организовал, по настойчивой просьбе ЛССК⁶, секцию критиков, потратив на это уйму труда и времени. Как Вы понимаете, нужно было «огород городить» или не стоило? Никаких лавров ни я, ни мои товарищи не стяжали, если не считать того, что некий негодник обляял и оклеветал нашу секцию в газ[ете] «Сов[етское] искусство». Нет, дорогой и маститый друг, моя выя плохо приспособлена для такого груза.

Исполняю Вашу настойчивую просьбу и послушно возвращаю копию Вашей докладной записки Гершензону, хотя очень хотелось бы оставить у себя этот поучительный документ.

Выйдет или не выйдет в свет переписка Репина и Стасова?⁷
Искренне желаю Вам всего доброго!

Голлербах

P.S. Жду Вашего отклика на мою рецензию о пахомовском «Лермонтове» в №12 «Звезды» (1940 г.).

¹ Речь идет об оригинальном типе издания — литературных таблицах, предназначенных для знакомства широких кругов начинающих читателей с отечественной и зарубежной классикой, над которыми Голлербах работал в 1930-е.

² *Конашевич* Владимир Михайлович (1888-1963) — художник-иллюстратор, доктор искусствоведения.

³ Строки из стихотворения А.Фета «Еще люблю, еще томлюсь...» (1890).

⁴ Имеется в виду московский адрес И.И. Лазаревского.

⁵ Ленинградский Союз советских писателей.

⁶ Ленинградский Союз советских композиторов.

⁷ Переписка И.Е. Репина с В.В. Стасовым была опубликована отдельной книгой лишь в 1948.

***ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ***

Алексей Ремизов
ДНЕВНИК 1917-1921

Подготовка текста А.М. Грачевой, Е.Д. Резникова.
Вступительная заметка и комментарий А.М. Грачевой

Дневник Алексея Михайловича Ремизова 1917-1921 является первым документом такого рода, который стал доступен исследователям наследия писателя¹. Как известно, Ремизов вел дневниковые записи в течение всей жизни, но одни из дневников погибли (например, его юношеские тетради), другие находятся в частных и государственных хранилищах, но доныне не открыты для изучения.

Дневник состоит из 9 рукописных тетрадей и приложения из отдельных листов. Большинство тетрадей плохой сохранности, некоторые — обгорелые, с утратами текста. Сам автор систематизировал их дважды — первый раз в 1920-е — в период работы над книгой «Взвихренная Русь» (опубл. в 1927). Тогда появились заглавия отдельных тетрадей: вторая — «II. Орь. 27.VI. — 1.VI.1917»; третья — «III» (тетрадь сильно обгорела по правому краю); четвертая — «IV. Ростань. 10.VIII. — 25.X.1917»; пятая и шестая — «V. Ветье. 26.X.1917 — 1918»; седьмая — «VI. Заяц на пеньке. 1919-20 до переезда на Троицкую до 30.VI. Петербург»; восьмая — «Гошку 1920.31.VI. — 1921.5.VIII»; девятая, без номера — «Заградительные вехи». Последняя тетрадь является переписанным и пересказанным текстом третьей. Ее существование в конволюте существенно, так как намного сдвигает хронологические рамки начала «пересказа» Ремизовым своих личных документов. Аналогичный метод был использован им позднее — при создании текста переработанных писем к жене «На вечерней заре» (1945-1948)². В последнюю тетрадь вложен лист со стилизован-

¹ Отдельные извлечения из дневников Ремизова 1940-1950-х с неточным прочтением даны в кн.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Paris, 1959. См. исправление отдельных ошибок в кн.: Резникова Н. Огненная память. Berkeley, 1980.

² См.: На вечерней заре: Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло / Подготовка текста и комментарий А. д'Амелиа // Europa Orientalis. 1985. №4; 1987. №6; 1990. №9.

ными под скоропись XVII в. каллиграфически переписанными текстами про обезьян («Вонючая торжествующая обезьяна...») и из «Временника» («Спешу тебя уведомить...»). К тетрадям также приложены: автограф (рукой неустановленного лица) эссе «Неугасимые огни» (по изд.: Дело народа. 1918. 7 марта. №13. С.2); вырезки из газет — цикл политических сказок под заглавием «Саботаж» (I. [Комиссар] // Вечерний звон. 1917. 27 декабря. №16; II. Акакий Башмачкин // Дело народа. 1917. 15 февраля. №233; III. Расправа // Дело народа. 1917. 3 декабря. №223) — в тексты внесены незначительные стилистические поправки, дано общее название цикла и под каждой сказкой проставлена дата: «1917»; автограф (рукой неустановленного лица) стихотворения «Зенитные зовы» (по изд.: Записки мечтателей. 1919. №1. С.94-96). Тогда же отдельные титульные листы тетрадей были «украшены» иллюстративными материалами: «Портрет В.И. Ленина», «Портрет вел. кн. Кирилла Владимировича», «В.И. Ленин в гробу» (вырезки из газет). Нанесены пометы чернилами, красным и синим карандашами. Данные пометы сделаны поверх других, более ранних помет простым карандашом. О типе помет будет сказано далее. Весь материал собран в папку и озаглавлен «1917-18-19-20-21. Алексей Ремизов. Взвихренная Русь. Откуда пошла Взвихренная Русь. Мой дневник 1917 г. с 1 марта до августа 1921, а с 5-го VIII начинается наше странствование». Под заглавием — вырезка из газеты с датой-автографом и глаголический знак-анagramма. В правом верхнем углу обложки подпись: «A. Remizoff».

Следующий этап систематизации материала — послевоенные годы. Его датирует помета на обложке: «(хотел переписать, но для глаза неразборчиво) 10.X.1948» и подпись внизу: «Алексей Ремизов». К этому времени была утрачена первая тетрадь (1-26 марта 1917), а оставшийся писатель решил отреставрировать, проклеив стыки между листами полосами кальки с конторским клеем, что нанесло, к сожалению, значительный ущерб тексту рукописи.

Художественная значимость публикуемого дневника прежде всего в том, что он с самого начала был своеобразной «рабочей тетрадью» писателя с записями сюжетов, тем, текстов одних произведений и составлял фактографическую канву других. В той или иной степени на его основе написаны хроника «Всеобщее восстание»; рассказы, объединенные позднее в книгу «Шумы города» (опубл. в 1921), отдельные статьи книг «Крашенные рыла», «Слово о гибели Русской Земли», «Огневица», наконец, хроника «Взвихренная Русь», роман «Канава».

Историческая ценность дневника определяется отражением в нем периода основного поворота русской истории XX века. Это еще один взгляд на события революции, причем взгляд человека, раньше многих увидевшего трагические черты грядущего. Дневник ясно показывает, что Ремизов не принял не только Октября, но и Февраля 1917. Подобное отношение было связано с историософской концепцией писателя, сформировавшейся после Первой русской революции. На ее создание повлияло, как на парадоксально, и изучение молодым Ремизовым марксизма с его представлением о последовательности смены определенных обществен-

ных формаций, и изучение сочинений древнерусских летописцев. «История летописного времени многозначительна, — отмечает Д.С. Лихачев. — Земля и время, на ней протекающее, были чем-то целым в сознании людей. История форм летописания и история летописного времени были поэтому тесно связаны с историей собирания Русской земли. В этом особая значительность летописания, его величие и его связь с историей народа, которому оно посвящено»³. Для Ремизова развитие — «собрание Русской земли» является исключительно медленным процессом движения народного сознания. Ряд его черт был неприемлем для писателя, но он не признавал ни за собой, ни за кем-либо другим права на критику или осуждение этого сознания, понимаемого как некая надисторическая категория. В некоторых сторонах русской жизни, и в том числе в типе русской государственности, писатель видел проявления воли того же, почти не развивающегося народного сознания. Эта концепция отчетливо выявлена в повести «Пятая язва» (1912). Ее герой — следователь Бобров сочинял «обвинительный акт» всему русскому народу, так как тот не соответствовал его представлениям о субъекте истории, понимаемой в свете теории прогресса⁴. Для Ремизова народное сознание являлось архаической системой, имеющей свои аксиомы, мифы, ритуалы и, используя слова митрополита Иллариона, свой «закон» и свою «благодать». Неверно и неточно было бы считать Ремизова «монархистом», но для него самодержавие было проявлением хоть и темной, но «законной» воли народа. А православие осознавалось как основа народной духовности, его «благодать». По мысли писателя, нельзя насильственно ускорять процесс развития народного сознания. Единственный путь для личности — это соединить свой путь с народом: не «сострадать» ему, а «страдать» вместе с ним.

Воплощение христианского нравственного идеала Ремизов видел в древнерусском апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», где Богоматерь оставляла Рай и оставалась в Аду мучиться с грешниками.

Февраль 1917 для Ремизова — в определенном смысле нарушение «закона», начало Смутного времени. Все события 1917-1921 последовательно осмысляются им в категориях этой исторической аналогии, так же как до того в подобном ключе он оценивал события революции 1905 года. Уже 28 февраля он записал в дневнике: «Ответственность, которую взял на себя народ, и на мне легла она тысячепудовая. Что будет дальше, сумеют ли устроиться, не напутали бы чего, не схулиганили бы, — столько дум, столько тревог за Россию. Душа выходит из тела, такое напряжение всех чувств моих». С первых послереволюционных дней Ремизов ощущает случившееся — как результат трагического излома в сознании народа, подвергшегося манипулированию. В записи от 11 июня 1917 он определяет свое отношение к происходящему: «Было бы ошибочно думать, что царствие Божие это какое-то справедливейшее устройство на земле, какие-

³ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С.270.

⁴ См. подробнее: Грачева А.М. Судьба России в литературе 1910-х гг. (Повесть А.Ремизова «Пятая язва») // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII-XX вв.). СПб., 1992. С.229-250.

то дома и храмы и конечно отхожие места самого последнего слова. /.../ Для того, чтобы наслаждаться в царствии Божием, при утонченной совести — надо не иметь совести — и вот Божия Мать, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда не осуществимо царство Божие при наших условиях на нелегкой земле. /.../ Иногда на меня приходит уныние, что русское дело пропало, что тушинцы, увлекая за собой чернь пряниками, сотрут нас, погибнет и литература русская: спрос пойдет на потаковнические мазки и кинематографическую легкость. Но я утешаю себя метлою: чую всей душой, что еще один захват еще одна боль и метла подымется и сметет самоизбранников». «Тушинцами», т.е. самозванцами, называет Ремизов Временное правительство. Поэтому неслучайно, что его знаменитое «Слово о гибели Русской Земли» написано еще 5 октября 1917. Примечательно: первая из публикуемых дневниковых тетрадей обрывается на 4 октября, очевидно, на следующий день Ремизов полностью поглощен работой над «Словом» и прерывает дневник.

Если Временное правительство в исторической параболе Ремизова — «тушинцы», то, как он отметил в записи от 6 июня 1917: «Ленин — это Болотников, /.../ Блейхман (булочник анархист) это атаман Хлопок, для которого разбой — социальный протест». Для Ремизова Октябрь — историческое следствие Февраля, так же как восстание Болотникова — последнее явлений Лжедмитриев, претендовавших на выражение воли русского народа.

Единственную надежду на возможное реальное волеизъявление народа («метлу», которая «сметет самоизбранников») Ремизов связывал с созывом Учредительного Собрания. После его разгона все надежды писателя угасли. В его размышлениях о судьбе России звучат мотивы наступившего Апокалипсиса. Так он писал в рассказе «Рука Крестителява» (1917): «Тяжко на разоренной земле. Родина моя! Душа изболела. Терпения нет, вот — докуда. И если бы были такие могилы, куда бы клали живых, я бы лег. Душа не огрубелая, душа не задохнувшаяся в мертвых тисках, еще живая, ищет — и в этом спасение ее — хочет воплотить не бывшее, но всем сердцем желаемое и всем духом требуемое. Посмотрите, как бьется, живая, как пляска, — птица живая в руках, и смотрит в ночь, не мелькнет ли... Но нет света. Ниоткуда не светит»⁵.

Начало публикуемого дневника насыщено фиксацией исторических событий, политических слухов. Обычно это пересказы прочитанного в газетах. Но постепенно, после декабря 1917, количество сведений такого рода убывает. Ремизов, конечно, продолжает отмечать течение официальной истории, но без прежнего интереса, так как она развивается как бы самоценно, в отрыве от течения повседневной жизни. Зато в дневнике возрастает число записей увиденного на улицах: бытовых сцен, диалогов, рассказов очевидцев. Большинство тетрадей заканчиваются перечнями отдельных слов, выражений, объявлений, частушек. По Ремизову, это и есть голос массы, улицы — голос народа, в котором одном и скрыта надежда на будущее России.

⁵ Вечерний час. 1917. 30 декабря. С.3.

Дневник перенасыщен именами знакомых, посетителей дома Ремизовых. Но круг ближайших друзей невелик. Это, прежде всего, — И.А. Рязановский, Ф.И. Щеколдин, М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов. Особое место отведено в ряду «духовных братьев» писателя двум лицам, которые не так часто появляются в записях событий реальной жизни, но занимают важное место в записях подсознания Ремизова — его снов. Это — А.Блок и В.Розанов.

Дневник наполнен записями снов. Позднее писатель начал вести особые дневники снов. Они заняли равноправное место с дневниками его реальной жизни. Читателей и исследователей Ремизова всегда занимал вопрос о соотношении в его снах подлинного сновидения и вымысла. Скептики видели в них злокозненную выдумку бодрствующего сознания. Например, о подобной трактовке писала З.Шаховская: «Чем беззащитнее и преданнее был ему человек, тем больше А.М. над ним издевался, — а тех, кто отказывался быть его жертвой, боялся и с ними считался. Так, кто-то из "известных", сказав ему строго: "И помните, чтобы я не появлялся в смешном виде в ваших снах!" — никогда в них действительно не появлялся, чем, впрочем, и не вошел для потомства в ремизовский эпос»⁶.

Для Ремизова сон — это еще одно проявление бытия личности, когда события «этой» реальности проясняются и дополняются событиями сновидения⁷. «Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. "Реальная" жизнь ограничена и стеснена трехмерностью, принуждение проходит через все часы бодрствования и совсем другое дело во сне, когда человек прежде всего освобождается от трехмер[ного] пространства, чувство свободы, непринужден[ность] и чудеса совместимости и одновремен[ности] действий /.../ Надо научиться вспоминать сны, а это дает[ся] навыком» (Ремизов. Рабочая тетрадь 20-х гг. — Собрание Резниковых, Париж).

Публикуемый текст — основной источник хроники «Взвихренная Русь» — позволяет сделать сравнение между «реальными» сновидениями и их художественной трансформацией в книге. Основная часть дневниковых помет синим и красным карандашом посвящена вычленению из контекста снов, большинство из которых вошло в хронику. Для понимания характера трансформации текста сравним один и тот же сон в дневнике и в книге.

Видел во сне Ком[миссаржевского] он сказал, что неделю назад сошел с ума Зонов. Помешался над вопросом «кой роман труднее?» Видел муттер, ее караулит женщина с черным провалившимся носом. Видел Троцкого, будто к нам пришел. А мы живем на каком-то стотысячном этаже, на самом верху башни.

Запись от 10 марта 1918.

— Ф.Ф. Коммиссаржевский сказал, что неделю назад сошел с ума актер А.П. Зонов — помешался над вопросом, «какой роман труднее?»

И вижу: женщина с провалившимся носом черная караулит Зонова. Входит Л.Б. Троцкий, подает телеграмму — а там одна только подпись отчетливо по-немецки: «Albern».

*Взвихренная Русь*⁸. Париж, 1927. С.258.

⁶ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С.128.

⁷ См. о снах Ремизова: Цивьян Т.В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России: Избранные страницы. М., 1993. С.299-338.

⁸ Далее текст «Взвихренной Руси» цит. по этому изд. с указанием страницы.

Как видно при сопоставлении, «реальное» сновидение навеяно проблемами жизни писателя 1918: работа в ТЕО, тревога за ухудшающееся здоровье матери, обстоятельства быта — жизнь на 6-м этаже без воды и электричества, впечатления от газетных известий. При обработке сна в художественный текст исчезает его бытовая праоснова. Она заменяется контекстом жизни русского Берлина 1920-х. Его вводит слово «Albern» (нем.) — «дурацкий» — это название ремизовского альбома берлинского периода, состоявшего из шестнадцати рисунков и экспонировавшегося на выставке рисунков Ремизова в Праге в 1933⁹ (ныне местонахождение неизвестно). Подобная «эстетизация» и «актуализация» характерна для художественной трансформации большинства снов.

В годы революции Ремизов пытался жить литературным трудом, издавать книги. В самых неожиданных издательствах вышли «Николины притчи» (1917), «Никола Милостивый» (1918), «Русские женщины» (1918), «Страница» (1918), «О судьбе огненной» (1918), «Снежок» (1918), «Крестовые сестры» (1918), «Сибирский пряник» (1919), «Электрон» (1919), «Бесовское действо» (1919), «Трагедия о Иуде принце Искаротском» (1919), «Царь Максимилиан» (1920), «Заветные сказы» (1920), «Царь Додон» (1921), «Ё. Заишные сказки тибетские» (1921). Однако ему не удалось опубликовать отдельными изданиями свои основные произведения: «Россия в письменах», роман «Канавы (Ров львиный)», рассказы о современности («Шумы города»). М. Горький привлек Ремизова к работе во «Всемирной литературе». С 1918 главным занятием писателя стала служба, сначала в ТЕО, затем в ПТО. В эссе «К звездам», посвященном памяти Блока, Ремизов вспоминал о том времени: «Наша служба в ТЕО — О.Д. Каменева — бесчисленные заседания и затеи, из которых ничего-то не вышло. И наша служба в ПТО — М.Ф. Андреева — ваш театр на Фонтанке, помните, вы прислали билеты на "б. короля Лира"»¹⁰. Сохранилось удостоверение Ремизова от 6 июля 1918 в том, что он является «членом Историко-Театральной и Репертуарной секций при Театральном Отделе Народного комиссариата по Просвещению в Петрограде»¹¹. Но все его многочисленные службы не могли обеспечить сносного существования.

Ремизов нес на себе основные тяготы по материальному и коммуналному обеспечению семьи. Постепенно ухудшающиеся условия жизни сказались и на дневнике. Начиная с 1918, записи становятся короткими, подчас чисто фактографическими. О психологическом состоянии Ремизова свидетельствует ноябрьская запись 1919: «Думал: подам прошение Совет[у] Народ[ных] Комис[саров] расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать /.../ Сны мне больше не снятся».

⁹ См. рукописный каталог выставки (опубл. в кн.: Zaretsky V.N. Russische Dichter als Maler und Zeichner. Herausgegeben und ergänzt von D. Tschizewskij. Verlag Ansel Bongers. Recklinghausen, 1960.

¹⁰ Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Paris, 1981. С.98. Далее текст цит. по этому изд. с указанием страницы.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.1. Л.11.

После Октября 1917 политические симпатии Ремизова в дневнике явно почти не выражены. Выход они находят скорее в подсознании — см., например, его запись сна от 4 августа 1918: «Вижу, И[ван] С[ергеевич] входит. И за ним мальчик. Принесли ему пальто зеленого цвета — пальто Достоевского. В Петербурге совершился переворот, свергнута советская власть. Вижу генералов, все в новеньких золотых погонах».

В феврале 1919 Ремизов был арестован ЧК в связи с преследованиями эсеров, в чьих изданиях он печатался, но сразу же отпущен благодаря заступничеству М.Горького и А.Луначарского. Возможно, тогда же родились первые мысли о возможности отъезда из России, о чем как бы намекает первая запись 1919 (от 3 марта): «Чего же мне вдруг жалко стало? А жалко мне стало туманного пасмурного утра. Я стою на лугу около леса. Кукушка кукует и звонит монастырский колокол. /.../ Вот чего мне жаль — расставаться не хочется. Не вернешь — Кукушка и там кукует». Ремизов начинает искать пути уехать на время из России. Он обращается к Леониду Андрееву с просьбой помочь выехать с женой в Финляндию¹². В январе 1920 через М.Горького он передает официальную просьбу в СНК. По невыясненным причинам этот документ остался в архиве Горького:

В Совет Народных Комиссаров
[от] писателя Алексея Михайловича Ремизова
и жены его Серафимы Павловны Ремизовой,
урожд. Довгелло
Петербург, В.О. 14 л[иния] 31 кв.48

Прошу разрешить мне и жене моей временно выехать за границу. Тяжелая болезнь моя — обострившиеся припадки круглой язвы желудка с кровавыми рвотами — лишает меня возможности работать.

Сколько было сил, я все делал, и обессилел совсем, а лечиться невозможно.

Оба мы обузой стали.

У жены моей желчно-каменная болезнь.

14.I.1920
Петербург

Алексей Ремизов
С.Ремизова-Довгелло¹³

Через несколько месяцев, не получив ответа на эту просьбу, Ремизов обратился за помощью к старому знакомому по Пензенской ссылке, видному большевику В.А. Карпинскому:

20.IV.1920
В.О. 14 л. 31 кв.48
Алексей Михайлович Ремизов

Дорогой Вячеслав Алексеевич!

Измучился я за эти последние годы и изболелся, и уж не пишу, как мне положено, а Бог знает, что делаю — все делаю, потому и писать ни духа, ни часа нет.

¹² Письмо А.Ремизова Л.Андрееву, написанное в 1919, находится в Финляндии. Благодарю г-на Б.Хеллмана за указание на существование этого документа.

¹³ ИМЛИ. Архив А.М. Горького. КГ-П. 65.10.4. Л.2.

Хочу просить Вас, помогите мне: поговорите с кем это надо! — отпустить меня и жену мою (С.П. Ремизову-Довгелло) в Финляндию хоть на теплые летние месяцы.

Из последних сил хожу и все делаю.

Измаяно сердце, ноги, дых и мысли.

Телесная страда моя (язва желудка) истощила последние силы.

А я должен много ходить и 6ой этаж безводный и все повинности, требующие крепкие руки.

И я только прошу, на теплые летние месяцы отпустить.

Просил я через Горького Луначарского — никакого ответа нет.

Вячеслав Алексеевич, сделайте что-нибудь —

Устройте, чтобы разрешение нам дали за границу выехать.

Алексей Ремизов.

Письмо это передает Соломон Абрамович Абрамов, он Вам на словах передаст, что видел, как живем — в каком захлѐбе¹⁴.

Хлопоты остались безрезультатными, и в следующем, 1921-м, Ремизов возобновил попытки получить разрешение на выезд. Так, 7 марта он обратился к московскому писателю А.Г. Глебову: «Просьба к Вам, научить, *какое* надо подать прошение Чичерину о загранице — отпустить нас за границу. (Не могу, от головы погибаю, а голова от суеты — хожу, как в чалме и это всю зиму). И можете ли *вы передать* Чичерину это прошение. Напишите на Наркоминдел Серафиме Павловне, а то очень долго идут письма. Я просил бы отпустить нас с правом вернуться»¹⁵. Только в середине года дело сдвинулось с мертвой точки, — при посредничестве Горького. Об этом свидетельствует письмо Ремизова¹⁶:

Алексей Максимович

получил от Луначарского удостоверение
прилагаю

прошу Вас, приложите к анкете нашей заграничной.

Алексей Ремизов

8.VI.1921

[Приложение: письмо на бланке Народного комиссара по просвещению РСФСР. — А.Г.]

Удостоверение

Настоящим удостоверяю, что Народный Комиссар по Просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т.к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния.

Нарком по просвещению А.Луначарский
Секретарь (подпись отсутствует)¹⁷

¹⁴ РГБ. Ф.1.2.38.

¹⁵ РГАЛИ. Ф.2503. Оп.1. Ед.хр.452. Л.6.

¹⁶ ИМЛИ. Архив А.М. Горького. КГ-П. 65.10.8. Л.1-2.

¹⁷ Письмо — машинопись, подпись — автограф.

7 августа 1921 Ремизов с женой покинул Россию. Финальные страницы дневника — это хронологический перечень последних дней на Родине.

В Берлине Ремизов пробыл с 1921 по 1923. В его записях тех лет, письмах знакомым постоянно звучит мотив о скором возвращении. Так, на книге «Огненная Россия» он сделал дарственную надпись жене: «С 1917-1921 в Петербурге каждое слово памятно от лютой боли моей до весны последней петербургской. Четыре года жизни как в огне. Сколько я за тебя беспокоился за эти годы. Я-то как-нибудь, — думал, — нет, другого выхода не было. И когда вернемся, какая-токая будет жизнь там, когда вернемся? А без тебя бы пропал и там, и тут. Алексей Ремизов. 26.XII. 1921. Берлин»¹⁸. Тем же настроением проникнуты, например, письма Ремизова к С.М. Алянскому: «Я себя за эмигранта не считаю, а лишь за временно живущего вне России, как на санатории для восстановления потерянных сил» (21.I.1922); «В Петербург мы собираемся. Надо придумать тогда, как квартиру достать» (24.II.1922)¹⁹. Косвенное свидетельство можно найти и в письме от 26 февраля 1922 М.О. Гершензона Л.И. Шестову: «От Ремизова получил одно письмо из Берлина /.../ не знаю, искренно ли он пишет, что хочет скоро вернуться»²⁰.

30 октября 1923 Ремизов получил вид на жительство за №817, выданный консульством РСФСР на основании Постановления ВЦИК от 2.8.1923 за №16 гр.²¹ В архиве писателя имеются сведения, что им был подан запрос на себя и жену и получены «Разреше[ния] на въезд в Россию выданы Конс[ульским] Отдел[ом] Полном[очного] Пр[едставительств]а от 1/X 23 г. №Р/III действит[ельны] по 2/XII 23 г.»²². А 5 ноября 1923 Ремизовы переехали в Париж.

Вопрос о причинах окончательного решения Ремизова остаться в эмиграции еще нуждается в серьезном изучении, оценке всех объективных и субъективных причин. Однако одна из них очевидна при чтении публикуемого дневника — постоянная забота о судьбе С.П. Ремизовой-Довгелло. Характерна его запись от 2 марта 1919: «Покорился судьбе, я подставил спину под плети и лицо плевкам. /.../ Судьба, которой покорен я, помилуй Не меня! Не меня!»

***

Дневник 1917-1921 публикуется в полном объеме по автографу, хранящемуся в Собрании Резниковых (Париж), состоящему из 9 тетрадей и вложенного в них автографа — листа с «обезьяньими» текстами. Остальные приложения к дневнику (автографы рукой неустановленного лица и газетные вырезки) не публикуются. В дополнение прилагается эссе Ремизова первой половины 1920-х, раскрывающее некоторые основные темы

¹⁸ Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С.22. Далее: *Волшебный мир Алексея Ремизова* с указанием страницы.

¹⁹ РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.9. Л.15об., 16.

²⁰ М.О. Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920-1925) / Публ. А. д'Амелиа и В.Аллой // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.6. Париж, 1988. С.249-250.

²¹ Архив МИД России. Ф.165. Оп.2. Д.5 (кн. №5).

²² РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.38. Л.13.

дневника. Текст печатается по автографу в Рабочей тетради Ремизова начала 1920-х (Собрание Резниковых, Париж). Не печатаются также большие по объему газетные вырезки, вклеенные в дневник. Изложение их содержания дано в комментарии. Текст Ремизова публикуется с полным сохранением авторской орфографии и пунктуации. Подобная подача текста автографа во многом позволит уточнить принципиальный вопрос о формировании индивидуально-авторской системы графики и пунктуации в ремизовских произведениях 1920-х и будет особенно полезна исследователям хроники «Взвихренная Русь». Сокращенные слова восстанавливаются в квадратных скобках. Слова, не поддающиеся прочтению, а также скрытые на стыках листов под слоем канцелярского клея и смытые влагой, обозначаются в квадратных скобках как неразборчивые с указанием их количества (например: [1 нрзб.]). Слова, прочтенные предположительно, сопровождаются знаком вопроса в квадратных скобках. Инициалы лиц, упомянутых в дневнике, расшифрованы, хотя ряд имен так и остался неустановленным. Авторы публикации будут признательны за помощь в их дальнейшем раскрытии. Как правило, после первого истолкования не раскрываются инициалы лиц, наиболее часто встречающиеся в дневнике (например: С.П. — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, А.М. — Алексей Михайлович Ремизов, Ив.Ал. — Иван Александрович Рязановский, Ф.И. — Федор Иванович Щеколдин, Ив.С. — Иван Сергеевич Соколов-Микитов, М.М. — Михаил Михайлович Пришвин). Не исправлены ошибки при авторском переводе дат старого стиля на новый там, где это нельзя подтвердить дополнительными данными, так как нет уверенности, какая дата была для Ремизова исходной. Сохранены авторские написания фамилий (например: Уельс вместо Уэллс).

Авторы публикации приносят благодарность Е.П. Вензелю за помощь в расшифровке рукописи дневника.

1917-18-19-20-21

Алексей Ремизов

Взвихренная Русь

откуда пошла «Взвих[ренная] Русь»

мой дневник 1917 г.

с 1 марта и до августа 1921,

а с 5-го VIII начинается

наше странствование

(хотел переписать, но для глаза неразборчиво)

10.X.1948

«В перепуге. На днях на
проспекте Свободы подрались извозчик с
милиционером.

Извозчик оказался здоровенным детиною.

Милиционер, очутившись в железных
тисках сильных рук своего противника,
забыл об отсутствии самодержавных блюстителей
порядка и крикнул во всю глотку:

— Го-род-ово-ой!!!»¹

1.IX.1917.

II

Орь

27.VI — 1.VI.

1917

9 ч. утра. Началось это 23-го, и только сегодня могу записать кое-что, потому что был в чрезвычайном волнении. Ответственность, которую взял на себя народ, и на мне легла она тысячепудовая. Что будет дальше, сумеют ли устроиться, не напутали бы чего, не схулиганили бы, — столько дум, столько тревог за Россию. Душа выходит из тела, такое напряжение всех чувств моих.

Вчера я выходил за ворота вечером в 7 часу: очень испугался, что вода у нас остановилась. И это минут на десять. Позавчера выбегал днем: хотел догнать [1 нрзб.] и отыскать в сливочной Машу. И опять минут на десять. Я все в комнатах, как всегда. К несчастью вчера расхворался и почти не ел ничего и ослаб очень. И сужу я обо всем из окна, по слухам и слуху моему.

23-го в первый день я случайно попал на Невский. Надо было в Потребительской круп достать, метил-то [?] муки, конечно, и пошел после обеда около 5-и. Собирался сколько дней, а вышел как раз в такой день для меня невыхожий. Трамвай остановился за Полицейским мостом и пришлось выйти: казаки и народ, казаки сопровождающие с длинными пиками, раньше видел только на картинках, а разъезжающие без пик, с нагайками. Никакого беспорядка, выдержанно. Шел народ и одно знамя: «хлеба!» У думы полицейские не пропускали. Мне надо было на угол Жуковской и надо было поспеть поскорее — лавку закроют и все еще надеялся попасть в трамвай, но с Невского трамваи не ходили: какой-то один стоял, я вскочил и оказалось, прицепной вагон. И на Инженерной разъезжали казаки и до самой лавки. Была спешка и вздерг. На Бассейной у ворот стояла молодая баба с ребенком. «Ты иди, иди, не высовывайся! — сказал какой-то, — мало ли чего!» Да всего возможно было ожидать и один голос мне говорил вернуться домой, а другой совестный — как же так вернусь с пустыми руками. И дошел до лавки. И угодил, как нельзя хуже. В лавке поднялось смятение: начнут громить! Ставни закрыты. И минут с 20-ь было очень-очень тревожно. Никакой муки мне не дали, кое-как отвесили круп и с мешком через другой ход я вышел на Надеждинскую. Трамваи ходили, но попасть не было возможности. И я добрёл до дому пешком, пробираясь через Невский от Михайлова. И когда я вернулся домой, отдышался и устоялся, одно я понял и почувствовал, что прорвало и «снобизму», как определил один простой человек, последнее наше время, этому снобизму мародерному конец. Это было в четверг. Поздно вечером приходил Пришвин. И толковали о том, что-то будет. В пятницу 24-го я после обеда выбегал на угол за газетой. Приходил Федор Иванович, только что вернувшийся из командировки. Рассказывал о своем трудном путешествии. Но ничего особенно еще не происходило. Была какая-то открытая дверь и только. В субботу 25-го приезжал Иван Николаев[ич]. На Невском что-то творилось, трамваи не ходили. Он рассказывал о своей Охте. В 9-м часу я вышел с ним за газетою, но газетчиков уже не было. В воскресенье 26-го было тихо, только трамваи не ходили и газет нигде [?] не было. Я сходил на угол за газетой.

27-го в понедельник забушевало.

Простых людей очень раздражило объявление, что муки нет, а потому не хватает хлеб[а], что покупают очень много на сухари. Это объявление было в субботу расклеено, но держалось в памяти. «Нов[ое] время» хорошо заметило: мукой сыт не будешь, давайте хлеба! И непростых людей удивил откуда-то выскочивший

Вейс², который заявил, что он ничего не знает о карточках и за-
прещает их. Утром пришел полотерный хозяин за деньгами.
— Стрелял литовский полк, — сказал он, — дураки. Один солдат
свою жену убил. После схватили, дурак! Нас таки всех сняли. Ка-
кая же война. Все продано.

Около двух часов первое известие от Л[еонида] Мих[айлови-
ча] о событиях по соседству его о возмущении солдат, о освобо-
ждении заключенных, о пожаре Окружного Суда, о разгроме Пред-
варит[ельного] заключения.

Но у нас все было тихо.

Кто-то сказал из лавочников: «Наши заводские в гавань ушли,
совещаются!»

И все было тихо до вечера. Около семи началась стрельба
и продолжалась всю ночь и почти весь вчерашний день.

И у меня было такое чувство, личное это мое чувство, как
тогда, как арестовали нас, русских, в Алленштейне и повезли в
телячьих вагонах неизвестно куда³. Полная безвестность. Полная
неуверенность. И ожидание всего что хотите. Ночь на вторник
прошла почти без сна. И до 6-и ч[асов] утра еще были вести теле-
фонные⁴. Но 28-го во вторник телефон замолк.

Стреляли с чердаков городовы[е]. Искали по чердакам этих горо-
довых... Стреляли ребятишки, дурачась. Стреляли из орудий.
Скудные сведения: взята Петропавлов[ская] крепость, арестован
Хабалов в адмиралтейств[е]. Кронштадт не сдастся. И идут три
полка из Финляндии. Должно быть когда заняли Львов было все-
таки увереннее жителям нежели нам: там все-таки издано обяза-
тельное постановление. А сейчас — кто же сдержит и установит
порядок?

До нас никаких вестей, как складывается строй. Мы готовы
ко всему. И так идут часы за часами.

До чего довели Россию! И столько крови своей!

«Когда перестанут ссориться?» — замечание простого человека.
Да, когда перестанут? Нельзя же вести войну друг с другом. Там
война. А у нас, правильно, ссора. До чего довели Россию? До-
шла весть о взятии Багдада. Когда вчера вышел за ворота, клубы
дыма из-за домов: горит часть.

И весь вечер, все часы, все минуты одна дума: о России, су-
меет ли устроиться? Ведь, народ темен. Бродят. Куда добредут?
И боюсь я праздности человеческой. «Как на Пасху!» — кто-то
сказал. О своей судьбе: началась война, все пошли, а я болен, ни-
куда мне не пройти. И только когда пришел черед, поволокли и,
измучив всего, освободили. Началась революция: я дома, куда мне
идти с набрюшником?

1. III. Если бы все это кончилось до Пасхи! Достанет ли Маша молока? Ночью стреляли, но я так ослаб, что не мог подняться. По утру мне показалось, — стреляют из орудий. Сейчас получил сведени[я] вчерашнего дня. Почувствовал какое-то веяние порядка. И сразу что-то изменилось. Я почувствовал, что в тревоги мои вошла надежда. И если бы мог я плакать, я заплакал бы. Такое острое было чувство. Маша вернулась. Безо всего. Стреляют на Малом проспекте. Всё городских ловят. Говорят, Николай Николаев[ич] приехал. (Машин разговор) Еще известие за Шлиссельбургским трактом хлеб подешевел и все есть. А в Думе, говорят, грызня. Пошли бог мудрости. Дело идет о России. Присоединилась Англия и Франция. Известие это для меня было значительно. И еще известие горькое: стреляют с церковью. «Придется обходить храм Божий», — сказал мне русский человек с всею болью душевной.

2. III. Вчера одно замечание простого человека вывело меня немного из тупика. «Окружен немцами». «Не знает и не узнает». Что-то принесет день. Что-то видел я во сне, не могу припомнить. Замечу для памяти, что под 23-ье снился мне яркий сон: река и плыли мы в лодке и лодка погрузилась в воду и я поплыл. И подумал: «женщинам труднее, волосы спустятся на глаза при падении и потому труднее выплыть». Очень много вчера возмущался: ближайшее соседство наше до чего оказалось мелкодушно. На волю вчера совсем не выходил: легче мне, но и сейчас еще болит живот. Вчера, как узнал, что художники будут рисовать плакаты, «прилили» слова, но еще неясные. Что-то с нашим Иваном Александровичем?⁵ Сегодняшний день принес вести безотрадные. Какие-то мальчишки раздают листки, сеющие рознь и смуту. Я говорил уже самое опасное праздность. В праздную толпу что угодно влетит. Какой-то «Совет рабоч[их] депут[атов]» выпустил приказ⁶. Бог знает что. Нет рус[скому] человеку должно быть надо обязательно что в скобках поставить, какое-то [1 нзрб.]. Вместо того, чтобы дружно укрепить право и порядок, выпускают листки, и говорят всякую ерунду, несообразности, говорят о земле до всяких учредительн[ых] собраний. Темь, темь жуткая. И потом мне что-то через воздух почуялось, что-то против души моей русской. И я укрепил в себе это русское. И еще думаю: куда же девается гимн наш, к к[отор]ому мы больше чем привыкли. Без гимна пусто. Зло меня сейчас ест. Вот немцы те сумеют устроиться. А у нас — только палка. Без палки ничего. Лежит на столе этот приказ дурацкий, как взгляну, так и закипит. Хорошо что на улице не был, там говорят всякое терпение потерял бы, слушая оратаев. Погубят они Россию.

В гв[ардейских] ч[астях] произошло соглашение. И оправдание некоторых пунктов совета раб[очих] д[епутатов]. Пошли Бог удачи. Слух: на 70 д[оме] С[реднего] пр[оспекта] у нас нашли пушку, не велено выходить из дома никому.

А еще пушку под мостом Николаевским.

3.III. Сегодня получил первое письмо от Зыкова (25.II). Вечером вчера узнал о новом [1 нрзб.] и декларации⁷. Полночи было личное испытание: «виновная совесть». Нет молока. Сколько было загублено народу, сколько было жертв! Какое свинство: когда нужно, приходит человек, а как устроится и спрятался. Со вторника не звонил Пришвин (28.II).

Вышел по острову походить. Все дома в красных флагах. Маленький мальчик на рукаве белая повязка с красн[ым] крестом, а в руке лук игрушечный: ходит посередке улицы.

Вчера масло слив[очное] продав[алось] по 80 к[опеек] ф[унт], а [1 нрзб.] по 2.40 к[опеек]. В понедел[ьник] 27.II. печенье стоило 2 р[убля], а вчера в той же лавке такое же печен[ье] 1.80. В понедел[ельник] фунт сыру — 2.40, а сегодня 1 р[убль] 90 к[опеек]. Вот она [1 нрзб.] почему это, неизвестно. Слух: отречение от престола имп[ератора] Н[иколая] и наследника, а Мих[аила] Алек[сандрови-ча] в пользу народа. Началось Михаилом и кончилось Михаилом.

4.III. Герасим-грачевник. Вся ночь прошла в думе о судьбе России. Атеистично-безбожно. Голоса не слышу ни с сердцем, ни с душою. Или такие дела делают[ся] людьми железными? А потом голос услышат... Когда узнал о отречении, все представил себе. Одиночество и сиротливость. Все торжествующее не по мне. Отверженность я не могу позабыть. И вот думал и думал о человеческой жестокой жизни, о рве львовом⁸. «Ты на мне ездил, теперь я на тебе покатаюсь!» Из вчерашних сообщений остановило: Сухомлинов и преображенцы. Я благословил всю победу России, но я не с победите[лями], я не надену красн[ого] банта, не пойду к Думе. Сегодня не выходил на волю. Я не могу быть с победителями, п[отому] ч[то] они торжествуют. Легкомыслия много и безжалостности. Был Ф.К. Сологуб. Сегодня собрание у Горького: основывают Минист[ерство] Изящных Искусств⁹. Должно быть, ни Солог[уб], ни я туда не попадем. И опять тревога о России. Головы пустые, а таких много, чего сварганят? Одолели меня посетители. Получил первое письмо от Сергея¹⁰.

5.III. Я будто в Москве. Остановился у Н.С. Бутовой. Жду С.П. И вижу Виктор пришел. Там моя кровать, а он на диване. В это время входит Н.С. Я говорю: это мой брат, пришел ночевать. А самому очень неловко; Н.С. его совсем не знает. А вот уже и утро. Я нарочно иду куда-то через комнаты, чтобы не дожидаться

чего. И оттуда обратно и на улицу. Иду по Садовой. Против Николы Ковыльского два городских и окологородный (летнее время в белом). Думаю: городских уничтожили, а они стоят. И становлюсь с ними. Тут народ пошел и меня оттеснили. Какая-то барышня¹¹ потянула меня за руку, показывает в трубочку свернутый диплом. Я ничего не могу разобрать, не вижу. К фонарю. Не понимаю. «Я кончила балетную школу», — говорит барышня. Догоняю С.П. А меня догони мальчик и девочка. «Мы дети Шрейбера Як[ова] С[амойловича] и Фр[иды] Лаз[аревны]». Думаю: вот удивится С.П.: девочка беленькая, мальчик черненький. Встречаю П.Н. Прокопова с серебряными погонами, особенно серебряными. Он ночевал тоже у Н.С. Бутовой. Иду дальше у дома Н.С. что-то выносят и я помогаю. А когда вхожу в дом, приходит келейник Андр[ониева] мон[астыря] Миша¹² принес ветчины и хлеба: «Тут кормить не соглашаются!»

II). Я надел как маску картину Н.С. Гончаровой и китай[скую] куртку, поднял воротник черный и пополз на четвереньках. С.П. говорит: «Потушите огонь!» Несколько раз повторила. Я в корзине, а вижу все. Электричество не горит, но светло. В дверь стучат. Я хочу зажечь электричество. А оно остановлено, не зажигается.

Сегодня вышли все газеты. Ходил по острову. Всех не мог купить. Трамвайный путь расчистили. К флагам привыкли. И красные ленточки загрязнились. Мне кажется, что встретил все тех же людей. А мы как за границей живем. Сейчас политика все, а какая в нас политика. Подумал: когда кончится война, переехать в Париж. Стоял сегодня в хвосте за газетами. Небывалая вещь — газетный хвост. И опять думаю: Иванушки-дурачки чего наделали, сумеют ли доделать?

6. III. Видел во сне кладбище. Это д[олжно] б[ыть] потому что вчера встретил два гроба, несли на Смоленское: один с венком, крас[ные] ленты, другой с фуражкой солдатской. Приходил Тиняков с покаянной. Приходил старш[ий] дворник, приносил постановление. Он сказал, что у нас в доме все идет дружно, только интеллигенция против. «Кто же это?» «А вот сам хозяин и еще Успенск[ий?]» Вот она какая интеллигенция! Тут я кое-что понял. «Отчего же против?» «На счет земли несогласны. И монархисты. А не понимают того, что около всегда как пиявки присасываются около главного». Вот оно что.

У слабых людей события последних дней и потрясения и неустроенность и будущее может просто душу сломить. Надо силу воли, духа. Претерпевший до конца спасется. Около Исаакия поравнялась [?] кучка народа, человек до 100 с красными флагами и

другой флаг «Да здрав[ствует] С.-Д. рабоч[ая] партия», «Земля и воля». Идет еврей без шапки и выкрикивает: «Товарищи присоединяйтесь. Долой буржуазию! Шапки долой!» Поют: «Отречемся от старого мира» (Царь вампир из тебя тянет жилы, царь вампир пьет народную кровь)¹³. Мальчишка глазеет. Рядом идет с ружьем солдат: «Сказано шапки снимать, сними шапку!» Тут стояли два господина, приподняли шапки. И когда демонстрация отошла один сказал другому: «Пойдем!»

Был Пришвин. Очень трогательно, что в Москве 3-го был красный звон на Ив[ане] Вел[иком]. 15 звонарей. Нет, я не политик. И я подумал: уехать отсюда, ну в Москву что ли, только не быть тут.

7.III. Кошмарный сон. Попал под стрельбу. Потом тихий. Куда-то идем. В Москву, кажется, — там Г.А. Рачинский, Шестов, Н.С. Бутова. И какой-то педераст. Продают белые хлеба. Я выбрал 3 хлеба они как большие рыбы. «Сколько?» — спрашиваю. «По рублю». У меня колун в руках. А я взял топор у ларечника и замахнулся на торговку. Она говорит: за все 50 к[опеек]. Тут вот и вынул ларечник из ее корзинки эти 3 хлеба и подал мне. (Всего денег у меня было полтора рубля).

Революция распустила чернь.

Прочитал сегодня много газет. И немного успокоился. Даст Бог, уложится, устроится. Самую последнюю социальную революцию произведут отходники. Их труд самый черный: чем чернее труд тем больше прав на свободы.

8.III. Госуд[арственная] Дума была в подчинении царя и бюрократии жульнической, а теперь Госу[дарственная] Дума в подчинении С[овета] Р[абочих] Д[епутатов] и недалеких людей. Тогда было рабство и теперь тоже. Но теперь рабство худшее. Арестовали царя. Какой-то автомобиль разъезжает по городу и стреляет в народ.

Только вера в силу народа русского, давшего Толстого и Достоевского спасает меня от полного отчаяния. Ничего не могу писать.

9.III. Видел во сне: едем по морю. «Я буду сиять по небесным полям!» Я заглянул себе через глаза и увидел, как сзади меня по небу плывут тонкие тающие облака и думаю: «как это можно сиять по небесному полю!» Лодка наша быстра. Огромное белое м[г]лубчатое [?] облако там вдали — это гроза. Лодка летит. И я думаю: вот никогда не поехал бы на лодке по морю. Море блистает под солнцем.

Измученный душой и телом я ничего не могу писать. Я только читаю газеты. Почему хоронить на дворцовой площ[ади]? Ха-

мы лезут обязательно, ч[то]б[ы] на Дворцовой¹⁴. И ничем не вдобышь. Уж Горький говорил и его не послушали.

10.III. Зацвела ты моя Русь алыми маками. Вижу тебя убранной невестой.

Госпожа великая Россия. Надо ко всему быть готову. А главное к смерти. Я словно умер. И вот теперь начинаю новую жизнь. И это не один я и так не только со мной. Могут завоевать немцы. Но уж это не будет так страшно. Главное, надо быть ко всему готову.

Зашаталась Россия.

Нельзя было город св. Петра переделывать в Петроград¹⁵. Нельзя было отрекаться от Петра. И вот силы оставили. Какая насмешка выход моей книги 23.II. Книга называется «Среди мурья»¹⁶.

10.III. Был Ив[ан] Алек[сандрович]. После всяких разговоров сел писать. Как будто немного оживаю. Ведь я умер, повторяю, и вот опять родился и учусь говорить, смотреть.

12.III. Приходил Пришвин. Он так же смущен¹⁷.

13.III. Может быть, опасность обуздает чернь.

14.III. Русский народ еще не дорос до свобод. До таких.

В Маринск[ом] театр[е] 12.III перед началом спект[акля] хор спел стихи некоего Пальмина, муз[ыка] Черепнина.

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах¹⁸.

Хотят сохранить памятники!

Был М.М. Пришвин. Увлекающаяся борода.

15.III. «Помазанника народ [?] смазал» — гогочут¹⁹.

16.III. Битва под Пришвиным²⁰. После моего крика мне стало необыкновенно легко — эта легкость пустота. Темь ровная.

Вырезал из «Речи» статью «Паразиты революции». Ну, до чего все сиволапо.

17.III. Была Кругликова²¹. Говорит, бегут с фронта. Добра не будет.

18.III. Был Ив[ан] Александр[ович].

19.III. Видел Финляндский полк, которым так пугали нас. Арестовали Тернавцева²². Сегодня такая радостная солнечная весна.

21.III. 5 ч[асов] д[ня]. «Я тебя ненавижу. Дрянь. Всем сердцем тебя ненавижу». Был Р.В. И[ванов-Разумник], Пет[ров]-Вод[кин], Пришвин. Вчера городской на митинге в [1 нрзб.]: «Я иду на фронт, не все мы такие, зачем же на детей позор. Я могу быть убит». «Когда будешь убит, тогда и говори».

22.III. Едва дожид до Б[ожьего] В[оскресения]. Вчера был мороз, сегодня все потекло. 1604 год. «Самое первое несчастье от того, что у меня ребенок. А второе личное, что я живу в такое время».

23.III. Сегодня месяц революции. Похороны²³. Сейчас на углу 14 л[инии] какой-то самозванский милиционер полез в дом. Собралась толпа. «Голову ему снять!» Все-таки повели. Вчера ломовой: «Я не подданный, ч[то]б[ы] день и ночь работать». Видел сон: живем в [1 нрзб.] над домом. Добронравова мать и Л[еоид] М[ихайлович]. Пение «Величит душа моя господа» и французская колядка [?] — процессия.

24.III. Были Николай Алекс., Иванов, [1 нрзб.], Бурцев, [2 нрзб.]. Опять хвосты, опять нет хлеба.

25.III. Сон: у Бож[ьей] Мат[ери] венчик из чистого снега. Выдвинул ящик и вытянул ногу, на конце туфля.

26.III. Вчера был Ф[едор] Ив[анович]. Сегодня на почте в заказн[ом] письм[е] какой-то мальчик с пачкой зак[азных] писем уступал одиночным письмам. Редкое явление. К удивлению всеобщему хвосты хлебные подавляющие. Говорят, хлеба не будет.

Был Вяч[еслав] Яков[левич] Шишков. Хорошая душа. Предлага[л] денег и муки обещал. Такая редкость!

27.III. Нашествие. Сначала Ив[ан] Алекс[андрович], потом Купреянов, потом Слон²⁴, а за ним Форш.

О, Господи, какая у меня тревога. Лег и лежал с открытыми глазами.

28.III. На минуту осветлело. П[етер]бург чистят. Тревога только [?] схватывает. Будь один, как-нибудь. И не о себе у меня дума.

29.III. Был Унковский. Приехал из Румынии²⁵. Разные на фронте. Много равнодушия. [1 нрзб.] при [1 нрзб.]. Поезд — матрос, к[оторый] убил врага [?]. Опечаленный взгляд на будущее.

30.III. Заходил Добронравов. Этот бодр и уверен.

31.III. Прих[одил] Ив[ан] Алекс[андрович] Рязан[овский]. Был сильный дождь этой ночью.

1.IV. Столько вчера проклятий и слез. В глазах стало темно. Ну, на службе помирилась. Были с Пришвиным в Синоде²⁶.

2.IV. 1 день Пасхи. У нас были только Романовы. А мы ходили к Воробьевым соседям. Вернулись рано. Газет нет. Печатники, толкуют, решили праздновать.

3.IV. Видел во сне Катерину (сестру С.П.) она обирает билетки, что хочу, то и спрошу. Я спросил, кем я был? И получил ответ: родился я в 1561 году, из Скандинавии, а имя мое Сергей.

Вчера думал, почему носят в кресле, носили бы в Лодке. Так как газет нет: всякие слухи. Немец идет на Москву. Эвакуируют Минск. Целое нашествие у нас в доме Л.Ис., Н.Бурлюк, Л.Ас.,

- Блок, Алек. Ник. Г., Унковск[ий], Ф[едор] И[ванович]. Кончилось все слезами и проклятиями и о смерти, о смерти; как всегда.
- 4.IV. Приходил Тиняков [1 нрзб.]. Потом Бурлюк Ник. и поехал с С.П. к Л.Д. Кузне[цо]вой. Приходил С.С. Прокофьев. Играл Мимолетное. Заехал [?] М.Мих., [2 нрзб.]. Вечером пошел к Ф.Ив. Такая [1 нрзб.]. Идет дождь. Вышли вечерние газеты. Беспокоит, как-то С.П. едет с фарфорового завода.
- 5.IV. Был А.М. Коноплян[цев] в защитном цвете. Романов [?] и Пришвин.
- 6.IV. Умер А.Д. Нюренберг²⁷. Был Разумник. Пишу в Л[итературный] Ф[онд] прошение. [1 нрзб.] Приходил прощаться М.М. Пришвин²⁸.
- 7.IV. Был на похоронах Нюренберга. Видел во сне Б.В. С[авинкова]. [3 нрзб.]. Сейчас сижу и смотрю в стену — жить нечем. Думал, глядя на покойника: как это ему теперь легко, успокоился.
- 8.IV. Нет таких могил, ч[то]б[ы] живых клали, а то был лег. Вчера были Зоя Вл., Пет[р] Ник[олаевич], Прок[опов], [1 нрзб.], Сахн., Романов. А сегодня Ив[ан] Алекс[андрович] и Виктор христосовались.
- 9.IV. Прибираю комнату. Ужасная слабость.
- 10.IV. Был Турка. «Денег столько, сколько подымешь. А земли столько, сколько обежишь!» Вчера была демонстрация с черными флагами. [1 нрзб.]. Публика в панике — какой-то десант вышел из Ливавы.
- 11.IV. Приехал Ив[ан] Сер[геевич] Сокол[ов-Микитов]. Очень обрадовал. Был Сологуб.
- 12, 13, 14, 15. IV. Разговоры о Ленине. Забыли и Сов[ет] р[абочих] и к[рестьянских] д[епутатов] и уже не боятся. Был Ив[ан] Алек[сандрович] Ряз[ановский] и Р.В. Ив[анов-Разумник].
- 18.IV. Смута все время была. Вечер[ом] заходили Ключев и Сокол[ов]. Опять были слезы и раздражения по злой памяти.
- 19.IV. Сон: мертвых хоронят так: на нос мокрую тряпку и больше ничего, а едят они черный хлеб с молоком. Случай: выбрали головой, он растерялся и две головы у него оказалось — одна городская другая собственная [1 нрзб.] городск[ая]: воду пьют, улицы поливают. Были О.М. Пер[сиц], Ал.М. Коноп[лянцев], Ив[ан] Алек[сандрович] и Соколов[-Микитов].
- 19.IV. Опять тревожное время. Опять брониров[анные] автом[обили] и с ружьями. На Невск[ом] демонстрация. Долой Миллюкова! Какие-то голодранцы кричат со своим грязно-красным флагом.
- 21.IV. Россия гибнет от того, что не держат слова. Сказал — сделай. Сколько обмана сколько путаницы. Опять слезы и раздражение.

22.IV. 20-21 опять демонстрации, которые и закончились убийствами. Был Ив. Алек., Сок[олов-Микитов], Срезнев[ский].

23.IV. Сегодня 2 месяца рус[ской] револ[юции]. Читая газеты как-то проникаешь в ту страшную ложь к[оторой] люди опутывают себя. Нигде нет такой лжи, к[а]к в газете. Видел во сне Вильгельма. Как подходят к нему [1 нрзб.] и когда идут то [1 нрзб.] плечом касаются плеча подходящего. Сегодня объявление главнокоманд[ующего] о военной опасности Петербурга.

24.IV. 25.IV. Вчера был Ив[ан] Сер[геевич]. Видел во сне сегодня девочку, пристала отнимает у меня узел. Я не выдержал закричал. А она мне говорит: я пить стала и путаться и воровать. Я ей свой адрес дал поговорить с ней. А потом подумал, зачем это я — она меня ограбит. И сейчас же подумал, да это сон. Совесть моя болит: вспоминаю свое бурное²⁹. Сегодня меня из трамвая [1 нрзб.], кричали: Так их надо на живодерню] тащить!

25.IV. Пролетар[ии] всех стран соединяйтесь! — Прилетайте со всех стран!

29.IV. Был [у] В.Н. Фиг[нер]. Со сборником «Гусляром». Стара очень она, трудно ей³⁰. Думал о нашей жизни: России удел страдание. Захотели свергнуть, захотели счастья. И за то, может, получат в десятеро муку.

30.IV. Был Б.В. Савинков. Как постарел! Вечером прих[одила] А.Н. Чеботарев[ская]. И был крик и шум и гам.

2 мая. Сегодня были [1 нрзб.] и Пр.Сем. Сегодня опять из-за пустяков проклятия и слезы кровавые.

3 мая. Новое министерство вырабатывается.

4 мая. Были П[антелеймон] С[ергеевич] Романов и А.Вас., читали «Новую жизнь». Ночью болело сердце.

5 — ” — С утра крики и муки. К России: неужели конец? Посадили свиней за стол, загадили стол. Нет, и не спасут и самые благороднейшие министры.

Возвращался я поздно вечером домой. Сумерки белой ночи. Фонари кое-где зажгли. Шел я скорыми шагами, торопился: по слепоте своей наткнулся на какую-то [1 нрзб.] барышню и еще осторожнее стал. Вижу перед мной какая-то груда и не подумал еще, как груда эта повернула и я наткнул[ся]: это был замухрыстый солдат, шинель внакид и с ним шинелью прикрывал он девочку лет двенадцати: солдат переходил на ту сторону к баням. И меня это страшно ударило и я шел, опять натыкаясь на встречного, я очень скоро шел. И забыть не мог эту груду: плюгащий и совсем как стебель девочку прикрывающую шинелью.

6. V. Партиям не нужна никакая правда, им нужно, чтобы показать правоту партии: потому так и много лжи.

8 мая. Была О.М. Персиц (деньги), Клюев с режиссер[ом?] и Ник[олай] [2 нрзб.].

9 мая. Вешний Никола отдарил нас. Были Шишков и Коноплянцев.

Под Николу по всей России прошел ураган снежный.

12. V. Вчера был З.И. Грж[ебин] (купил автомобиль) и д[октор] Срезнев[ский]. Последние дни из-за собраний рел[игиозно]-фил[ософских] очень повышенное [?] состояние.

16 вт[орник], 17 ср[еда] Левин, 18 чет[верг], 19 пят[ница] Ланг, 20 (суб[бота]) захворала С.П. Холецистит. Все эти дни в тревоге и заботах. А что бывает на святой Руси — смутно на душе за нее и больно.

23. V. Взяли билеты на 30 — 105 р. 30 к. Встала С.П. 21-го прих[одил] Ив.Сер. Соколов[-Микитов].

25. V. Заем свободы. Бедно очень. А призывы как-то бездушны. Народ говорит ишь, нарядились! Положим, Савинков сказал: какой же тут народ, тут фабричные. А Розанов говорит: Россия в руках псевдонимов и солдаты и народ темный. Само правительство под арестом.

27. V. Были у В.В. Розанова. [1 нрзб.].

29. V. Погасло электричество в канун отъезда.

30. V. Сегодня в 5.40 едем³¹.

— Слава Богу.

— Давно пора.

Крестятся и целуются.

— Благодарю тебя, создатель, что ты не дал погибнуть моей родине! — стар[ый] ген[ерал].

Городовой переоделся в бабье платье, забыл, что с усами.

Рвачев.

Бабы: штурмана поймали!³²

Да здравств[ует] рус[ская] революция и зацветет наше будущ[ее] республик[анское] правит[ельство] аки сирень в мае!

Забастов[щик] [?] не в платьи ходит, а в [1 нрзб.] попасть нельзя (ребенок).

Солдат: подождите бабы мас[ло] будет дешевле.

Ба[ба]: бабье ждать не могут.

Есть только тов[а]рищи и кулаки; а ни господ ни мужиков. К слову десять слов приложат бабы. На лыко мыкают лен коноплю отращенный гребень. С селедки во рту одервенеет. Накладет трупы кучею. Куда-то в Думу пихают гордо. А как же немцы придут? Господь не допустит. Там хлопает, тут хлопает — над го-

ловой летит. Я не достоин жить на свете. Я убил человека. Я перепил и буду пить — просит в тюрьму опять посадить.

«Погреб провалился» — к покойни[ку] (сон).

[9 нрзб.]

Баба: Эх, как хорошо и наш брат на муфтабили катается! 28.III

Из Москвы пришли (пешком) два полка (600 в[ерст] сделали в одну ночь.) 1.III

Вокруг солнца круги были, мужчина говорит никогда не бывало такого 1.III

Бабы, кричащие ура всякому и по всякому понимаемому 2.III
надо становиться на работу { ура!
не слушайте офицеров

Идет барыня, а мальчишка кричит: растрёпа. 3.III

Стрелять бы в них холостыми.

Надпись на трактире в Новом переулке Мариинск[ого] дворца:

«В виду свободы объявляю: мой трактир свободен для всех солдат. Солдаты, приходите, кушайте, пейте бесплатно, а также желающие из публики. Да здравствует свобода!»

В Москве над головой Пушки[на] красный флаг 4.III

у нас ухитрились в задницу коня на Знаменской] площ[ади] (в памятник] Александру III) вставить красный флаг.

Зацвела наша Россеюшка! замечание о разукр[ашивании] крас[ными] флаг[ами].

Хоть подзатыльника бы дали! — замечание старухи, когда отпусти[ли] городов[ых].

Когда выносили кресло из Синода было такое чувство, как при выносе покойника 5.III

В государ[ственной] думе под разорванным портретом Государя сидели солдаты и котелок варился.

Арестованные городовые помещ[енные] в Земщине собрали между собой по подписке 215 р. на нужды революции.

Полицейские, обстреливающ[ие] Исаакиевскую площадь, получали по 100 р. суточных.

III

1917 г. с. Берестовец³³

1 июня. Судя по проектам и письменным распоряжениям можно было ждать лучшего. Правда во отдел[ение] наше никто не вошел, но ехать под постоянной угрозой — с дубастаньем в окна с криками, думалось иногда, лучше, пожалуй и без таких удобств, а по-

просту, как бывало в III классе. На крыше солдаты, как клюватые птицы — топ, дробь, крик и мат. Когда мы возвращались из Берлина, я боялся загадывать, я только думал на сейчас, так и прошлые ночи. Но тогда мы возвращались из Германии арестованные, а теперь — на родине среди свободного народа. Полем было ехать хорошо, несмотря на ветер — птицы по-прежнему поют и земля зеленеет. Поле чистое, как было, словно ничего и не произошло. На селе проезжали мимо собрания, агитатор разъяснял, что надо говорить не буржуа, а буржуаз.

Рассказывают, поп, перепуганный переворотом — первого будут громить попа — собрал народ и все, что досужие люди насочинили — и правду и неправду — сдабривал еще и собственными бурсацкими анекдотами, под конец речи своей сообщил и о Кшесинской, о ее дворце³⁴. Сказать балерина, — не понятно. Сказал: «певичка». А певица превратилась у слушателей в *теличку*, для к[ото]рой] дворец построен. И пошла эта «теличка» по селу гулять.

Заявление от учителей и учительниц: кто не вступит в союз, того исключать из учителей.

На селе выступил солдат из П[етер]бурга — тут все из Петербурга — (это было в самом начале переворота) — слово закончил он словом историческим «долой царя, да здравствует самодержавие!»

Замечание мудрого человека: «равноправие женщинам дано, пока бунт не кончится».

Про реквизиции хлеба некоторые заявляли: «дайте нам царя, дадим и хлеба». (Да, по пути мне показалось, что поля пустоваты). 2 июня. Видел во сне Пришвина, очень расстроенного чем-то, будто у нас он, на острове.

«Харьков, 29 мая 1917. В селе Гребенникове, Сумского уезда крестьянин Гриценко во время молебна разбил икону Николая Чудотворца. Крестьяне постановили удалить на поселение Гриценко и доставили его в тюрьму. Сумский уездный комитет, по настоянию благочинного и других священников, вынес постановление, что Гриценко должен умереть голодной смертью. Постановление приведено в исполнение. Ему не дали пищи, и Гриценко умер в страшных мучениях»³⁵.

Сижу и слушаю пение и как-то не верится: все врозь. И должно быть, не замечают.

3 июня. Видел во сне, будто где-то около нашего дома пожар. И я подумал: стоило мне только выйти, как беда случилась. Этим сон заканчивался, что я бегу из каких-то рядов где лавки все заперты. А до этого видел Виктора голого, почему-то его подвязывали к какой-то трапедии и он кружился, как мельница. А еще

раньше, будто у нас в доме сидим обедаем. Прислуга объясняет, почему запоздала с обедом. С.П. очень рассердилась, она сразу записала себе в рот целого цыпленка и рукой помогает, вот — давится.

Бараны прошли — пыль, как дым

По́ у-ли-це ма́-ста́-вой

1-я фигура кадрили. Вспоминаю, поет один голос тонкий и от этого голоса тоска собачья.

4 июня. Видел две церкви московские рядом стоят — одна Троица с огромным иконостасом. Сергей мне сказал: называется улей. А другая Духовская. В церковь зашел я вместе с Чехониным, вид которого совсем, как у Реми. Потом попал в какую-то длинную прихожую. Зачем-то надо мне видеть Копельмана. Слышу разговор литераторов хвастливый и самоуверенный. И очутился я тогда в саду в Сыромятниках³⁶, хожу по «той стороне» около яблони чудесной.

Все шло ладно и сегодня оборвалось из-за какой-то перламутровой пластинки, которая переложена в карточную коробочку.

Мне показалось вчера, что Н[аташа] при посторонних стесняется за меня³⁷. Я отвечая на вопрос, ко мне обращенный «как я поживаю», не сразу ответил, заинтересованный выражением лица Н[аташи] и почувствовал, что ей неловко за меня.

5. VI. Жду с нетерпением возвращения из Борзны. Боюсь, что там разстроится что-нибудь и начнется какая-нибудь история и конец моим занятиям.

6. VI. Видел во сне так много людей. Видел Виктора, он будто сидит на камушке в солдатской шинели³⁸, а эполеты у него: два переkreшивающихся шнурка, на конце которых, свисая с плеч, маленькие орлы черные, под которыми красивые лоскутики, а шапка германская без козырька. Нос необыкновенно заостренный, как у Гоголя, а смеется, как Свирид (очень глупо). Я узнаю как-то, что он не в 9 армии, а в 8-ой, и там и тут был офицером.

— Что же ты теперь делаешь?

— Солдат кормлю, — и улыбается, как Свирид.

А я думаю: ишь, ведь, как, поваром сделался!

Мы ходим в зал к П.Е. Щеголев[у] с нами и Виктор. И вижу В.А. Жданова: он такой же, только поседел, но совсем такой же. С ним здороваются Виктор, хотя он его никогда и не видел, целует. И я поцеловался (и когда целовал, подумал: надо при встрече после долгих лет целоваться подольше). В.А. и смотрит на меня удивленно и головой качает:

— Как вы изменились! Как напоминаете мне одного моего приват-доцента, и тут, знаете, в щеках у вас.

Я вижу в столовой стоит Люб[овь] Ник[олаевна] Чернова [?].

— А это кто? — спрашивает В.А.

— А это, — я говорю, — сестра вашей жены.

И думаю, что же это он не признает ее. Неужели он спутал Л.Н. и С.П.

— Ах, как напоминаете мне моего приват-доцента, — все качает головой В.А.

Мы в какой-то длинной комнате, у нас такой нет, и я знаю, что это не наша квартира. Входит В.В. Розанов.

— Покажи мне, пожалуйста, из 10-ой армии человека.

— Да кого я вам покажу В.В.?

— Ну, скорей, скорей. Дело такое важное, я здесь и напишу. А я думаю, кого же ему показать: Виктора: ничего он от него не добьется! Ив[ан] Серг[еевич] — слова не выжмешь.

А Розанов очень волнуется. И я понимаю, что что-то очень важное происходит, и свидетельство военного для него необходимо.

Мы занимаем огромную квартиру и живем не одни: у нас есть верх, куда ведет лестница из коридора, а внизу кухня. Квартира наша напоминает церковь. Я говорю нашему швейцару Димитрию:

— Зачем зря горит электричество.

А он мне тихонько:

— Дм[итрий] Пет[рович] Сем[енов]-Тянь-Шаньский мне сказал, чтоб я жег побольше, а то Ив. Алек. Семенов и так ничего не платит.

— Да, позвольте, — говорю, — ведь квартира-то моя.

И поднимаюсь на верх. Тут появляется Над[ежда] Ник[олаевна] Ждан[ова] и Добронравов.

— Вам Добронравов больше всех из писателей нравится? — говорит Н[адежда] Ник[олаевна].

— Да, — я не нахожу, что ответить, — он хорошо поет.

И вынимаю ноты: частью написано красными, а остальное черными чернилами.

— Пожалуйста, обратите внимание на это. Это мой брат привез с войны.

Добронравов поправил пенс[н]е.

— Это марш 13-го года.

И сели мы чай пить. С.П. разливает. Вдруг мне показалось, что с ней что-то плохо. Я бросил[ся] вниз с лестницы: лестница и коридор, как в бане, с потолка течет. И скорей в комнаты налево. И вижу Николая Ремизова, он сидит у стола.

Я очень удивился, что вернулся так рано.

— Иди; говорю — на верх, там дамы.

А он как-то безнадежно:

— Давно этим не занимаюсь, — и пошел на верх.

Я вышел к Ив. Сер. Сокол[ову-Микитову] он через улицу живет, вижу, на нем венгерка надета. Он со мной пойдет, только я должен телефон исправить: коробка испорчена, которая на стене висит. Я полез коробку прочищать. Снял с нее крышку, а надеть и не могу. А меня торопят.

Есть слова крепкие, и есть ужасно слабосильные и неуверенные. И такое слово повелось в последние годы: это слово смогу. На все лады оно перебирается, во всяких приказах и декларациях. Есть еще осклизлое слово, выговариваемое с легкостью, в к[ото]рой чувствуется обман: это слово — вероятно, произносимое интеллигентами нашими, как вероятно. Лучше пусть бы уж говорили «вероподобно» (достоверно и вероподобно).

Если Ленин это Болотников, то Блейхман (булочник анархист) это атаман Хлопок, для к[отор]ого разбой — социальный протест.

Теперь скажу о Нат[аше]: заметил сегодня очень враждебный ее глаз на меня и мне кажется, она в эти минуты просто ненавидит меня. Мне очень жалко С.П.: она хоть и делает вид, что ничего не подделаешь, а я чувую, ее мучает в самой глубине ее сердца мучает это. Да и подумать: какое бы при ее болезни это было утешение? Нат[аше] 13 лет. Я помню себя в эти годы. Я перешел из III кл[асса] в IV. Жив еще был Прометей³⁹.

7. VI. Я около какой-то лавки в рядах; решил купить сластей всяких: продажи больше не будет. Лавку закроют через 5 минут. И я заторопился. Мне дают всяких мелочей, и развешивают очень медленно и я очень волнуюсь, что не успеют. Помню, в сахарной пудре как крупинки шоколад. Продает какая-то женщина, на Акумовну похожая, а помогает ей мальчик. Пошел дождик. И в ряды набирается народ. И вдруг вижу, только боюсь сказать себе, Ар[он] Д[авидович]: весь он, как в волшебном фонаре, истонченный и почти прозрачный, страшно помолодевший усы у него не подстрижены, а на самом деле, как у юного, легкой черной чертой над губою и целы все зубы. Одет он в легкий пиджак сиреневатый и галстук шелковый тончайший. Он прямо подходит ко мне и улыбаясь трясет мне руку и здоровается, и я вижу по его взгляду, как он спрашивает меня, узнал ли я его и сам без слов утверждает, что это он —

— С.П., — говорю я, — А.Д. Н[юренберг].

Удивление и необыкновенная радость на лице.

Я занялся моими покупками, а С.П. разговаривает о чем-то с ним и оба оживлены, только сразу видно, что он не здешний. И я думаю, как это никто не замечает?

Срок кончился, сейчас запрут лавку. Мне завернули небольшой пакет.

— 6 рублей: 4 за товар и 2 за услуги — мальчику, рубль и мне! — говорит похожая на Акумовну.

Вот думаю какие обдиралы! И мы втроем выходим из рядов. Мы идем сначала по улице, потом начинается уж дорожка, будто в Париже в Булонском лесу, а видно море.

— Мне пора, — сказал А.Д., — пора.

«Почему?» — я этого не сказал, но он понял мой вопрос и так плечами пожал и стал серьезным. Видно ему хотелось бы сказать, но он не мог этого сделать. И стал прощаться: С.П. он с жалостью смотрел в глаза и целовал ей руку, а потом мне долго тряс руку. И я заметил, как он старается так, чтобы моя рука не прикоснулась к нему, а потому так делает (он мне это передал без слов взглядом) что прикоснувшись, я почувствую кости — скелет мертвеца, а это очень страшно.

Было пасмурно. Любимый мой серый день. В одной из церквей Нюрнберга среди сырых колонн выставлена была картина. На ней была нарисована карта земли и вся война на ней кровавыми до просачивания красными и черными дымящимися красками. А приблизительно около Вены небольшой медальон тусклый, с мелкими фигурами, рисовал Кустодиев. Маделунг мне говорит, что стоит мне вписать свое имя в этот кружок и война кончится. А я не решаюсь этого сделать, зная, что М[аделунг] австрийский корреспондент⁴⁰. Из молвы мир[ской]: режут детей своих, а сами вешаются. (Про кухарку в шляпке: издалека по морде будет видно, какая ты барыня). Сидит Буц головой трясет, язык высунул. На солнце нашла туча. И как снежинки полетели белые лепестки на зеленый двор. Высоко летают коромысла. Юзеф косу точит. Кукует кукушка. Буц улегся. И как сторожевая трещотка, затрещал аист. Больше солнце не выйдет. И закат будет туманный.

8.VI. Видел во сне З.Н. Гиппиус и Философова. Я должен был нарисовать декорацию. И начал ее делать: огромную обезьяну и когда кончил ее, увидел, что лишний кусок в середине в бок пошел, тогда я от него вниз еще сделал обезьяну — и почудилось две головы: вверху и внизу. Я думал, что сделал очень плохо, а Философов нашел, что лучше и не надо.

Много иного еще видел, но память о сне моем спугнули. Полотенца: оказывается их мало взяли с собой — и четырех не хватает. И еще надо было взять не маленькую, а большую картонку,

которая нигде не помещается и с к[отор]ой в дороге одна мука. Сегодня ветерок подул и летит, летит акация, — последние лепестки.

Я встаю в 9 — 1/2 10-го. Курю, записываю сны и прибираюсь. В 11-ь в 12-ом выпиваю стакан чаю с хлебом. После чаю прохожу минут на 10-ь в сад. И опять в комнату, и сижу занимаюсь до 3-х. В 3-и обед. После обеда ложусь с книгой и лежу до чаю до 5-и. Выпиваю 1 стакан. И возвращаюсь в комнату к себе и опять лежу с 1/2-а с книгою же. Потом пересаживаюсь к окну и занимаюсь до 1/2 8. От 1/2 8-го — до 8-и не всякий день гуляю по дорожке в саду и домой. Зажигаю лампу и до 9-и занимаюсь. В 9-ь яичница и чай (стакан чаю). После чего читаю газеты или рисую, или опять пишу до 12-и. Очень долго не засыпаю.

Сегодня началась 2-ая неделя, как мы в Берестовце.

Да, еще видел во сне Ив. Сер. Сокол[ова-Микитова]. Он сказал мне, что уезжает надолго. И еще видел Ник. Бурлюка. «Из всех нор в русскую жизнь вылез наглец и бесстыдник. Перед этим наглцом и бесстыдником вся Русь примолкла без ропота, без протеста. Выслушиваются невообразимые мерзости, с пеной у рта предлагаются действия, к[отор]ые претят самому элементарному нравственному чувству и энергичного отпора не находят. И почему мы этому торжествующему хулигану подчиняемся и даем разрушать нашу родину». Из речи А.А. [1 нрзб.]. Самое тягостное это не ненависть, тут уж напрямик, а *нелюбовь*⁴¹. Это такая мутная среда, куда ни один луч не проникнет.

9. VI. Видел во сне —

Сон опять спугнули. Произошло это из-за воды. Хотел раскупорить раньше и выпустить газ, не снимая пробки, но пробка вылетела и много воды разлилось. Начались опять разговоры о полотенцах, которых будто бы мало взято, о том, что рано поехали на вокзал — в 3 часа, о паспорте Машином, к[отор]ый оказался у меня в кармане, и о картонке маленькой, и о невытряхнутых самоварах, — все это, все мои прегрешения, о которых говорилось уже раз сто и попрекалось мне в памяти моей куриной.

Лег я в час из-за газеты, а не спал до 3-х. Ночью кто-то стонал. А мне казалось, что это С.П. и я очень затревожился и все лежал и курил, готовый, если что надо, подняться. И когда я лежал ночь прояснилась и это прояснение ночи, рассвет выражается в каком-то колебании, точно дом это корабль, а ночь море, потом я увидел шторы и услышал первые клики птицы и шаги.

Видел во сне Любоша, будто умер его отец. И несли его в цинковом гробу, он был закрыт и только голова его была вне гроба поставлена вперед, как изображения на саркофагах. Седая голова с

длинной бородой и [1 нрзб.]. Я видел это из кондитерской, где мне сначала не отпустили печенье, а потом по записке Любоша выдали. Я взял еще граненую бутылку хорошей водки — думаю, для гостей пригодится. Видел Пет[ра] Ник[олаевича] Прокопова, будто он на Арбате у Николая сидит. А больше не помню.

Очень опоздали с самоваром и потому все вверх дном.

Как успокаивает, когда в теплый ясный день слышишь, как пилят дрова.

В Киев[о]-Печерской Лавре над мощами Паисия перевернуты вверх ногами мощи Тита воина, ударили ножом в ногу мощи Исаии.

Надпись: воспрещается лущить семечки, садиться на прилавок, если много людей.

Без дела не надо входить в лавку, за неослушание будут подвергаться администр[ативным] взысканиям.

10. VI. Видел во сне, мы переезжаем на новую квартиру; сначала я поселился в какой-то общей комнате больничной, где стоят «койки» — Б[ориса] В[икторовича], Вальполя и Вильямса. Потом я переносу свою кровать куда-то на противоположный конец коридора. Тут ушла у нас прислуга, я ей и рису дал и просил остаться, но они все-таки ушли. И служит нам покойница Прасковья⁴², моя нянька, для нас незримая. И опять мне надо тащить мою кровать и теперь в отдельную комнату. Оказывается мы будем жить в комнате, соседней с Добронравовым и платить будем 20 руб. в месяц. Вижу, выходит Добронравов: он маленького роста и совсем старый. В цилиндре. Он запер на всякий замок свою комнату и прощается. Наша комната на 6 этаже в виде ложи, но без барьера и пол очень шаткий, т.е. попросту легкая настилка, которая заходит [1 нрзб.] к[а]к спускается крыша и мы лежим на этой крыше и каждую минуту от неосторожного движения или просто от тяжести нашей крыша эта провалится и мы полетим вниз в партер. Я все время спохватываюсь. Вниз уже летят наши вещи. Но я хочу оправдать наше житье такое опасное. Я говорю, что два выхода у нас. И узнаю, что министром внутр[енних] дел назначен гр. Воронцов-Дашков, к[отор]ый был при Ал[ексandre] III, п[отому] ч[то] он единственный имеет власть. При этом подразумевается, что власть вовсе не дается назначением, любое и самое высокое место можно унижить, власть — личное качество. И с такою властью гр. Воронцов-Дашков.

К[атерина] явно меня не выносит ч[то]б[ы] избежать как-нибудь обращения ко мне (так она не разговаривает и ни с чем не обращается) она говорит «доброе утро».

«В России нет теперь правосудия. Сидят люди и арестов[ан] государь и все это от того, что пошла молва, будто они и есть заводчики измены, а изменники, открыто призывающие на сторону Германии, сидят в совете и безнаказанно судят и рядят. Петербург это какой-то тушинский лагерь». ([1 нрзб.]).

Совершается дело Божие. Идет суд нечеловеческий. Трехлетняя война и все предшествовавшее ему выкровилось и теперь дало свой голос. Так быть как до войны было невысказано. Я помню, как меня поразила грубость итальянской толпы во Флоренции в воскресенье на [1 нрзб.] празднике, помню какими провалами засияла жизнь в Париже во время карнавала по Елисейск[им] полям и Булонскому лесу: какая резкость между разряженными праздничными людьми и испитость и одичание Монмартра. Поразила меня еще грубость толпы в Сен-Клю на гулянье⁴³. А из ранних воспоминаний необыкновенное самодовольство на цюрих[ских] [?] с[оциал]-д[емократических] собраниях в среде наших с[оциал]-д[емократ]ов⁴⁴.

Если бы люди безбожно делали то, что хорошо (не грешно, а хорошо), т.е. выгодно, они достигли бы больших результатов. Но люди плохи, т.е. бесстыдны, а кроме того и глупы, п[отому] ч[то] чтобы сделать что-н[ибудь] хорошо, т.е. выгодно, надо уметь судить — обсуждать твой поступок. И вот считаю [?], что люди плохи в подавляющем большинстве своем и глупы и есть то, что есть и было. Да еще рядом с грубостью народной, помню, поразили меня молитвы в Вене в [соборе] св.Стефана: какое отчаяние и безысходность почувались мне в этих отрывных взглядах и стоянии перед образом чудотворной Б[ожьей] М[атери].

Разум не поведет далеко, п[отому] ч[то] разумных-то очень уж мало. Есть великие лозунги. «Уведи меня в стан погибающих»⁴⁵ и бесстрашие и на них летят не только одаренные, но и мошकारа. И мошकारа их опорочивает. И те кто судит обо всех по лозунгу — глубоко ошибается, как и тот, кто по мошकारе начнет судить по лозунгу.

Русские люди в смуту до того были вероломны, что даже получили имя *перелеты*.

II. VI. Видел муттер⁴⁶. Потом Пуришкевича. Обстановку плохо помню. Заспал сон. Блейхман — Солнцев, он же Хлопок атаман разбойничий. Болотникова воровские листы из сел[а] Коломенского. 22.Х.1606 г. Всегда были и есть взыскующие Града Грядущего, желавшие устройства жизни человеческой по правде, т.е. устройства царствия Божья на земле. Одни отодвигали наступление такого блаженного состояния мира к страшному суду и даже срок ставили — тысячелетие. Другие напротив, не отодвигая так

неопределенно далеко, надеялись, что рано или поздно царствие Божие наступит на земле. И все это полагали в сем веке временном.

А в действительности, царствие Божие наступало на земле и не для всех, а островами. И наступление его было в зависимости от силы любви и гнева человеческого. Примером может служить самосожжение. Когда услышан был призывающий голос: Время просит страдания, тогда и началось царствие Божие.

И было бы ошибочно думать, что царствие Божие это какое-то справедливейшее устройство на земле, какие-то дома и храмы и конечно отхожие места самого последнего слова. Люди все делают, чтобы отдалить от своей жизни царствие Божие. Вся сила ума человеческого направлена на то, чтобы облегчить внешние средства общения между людьми, и от усложнения жизни в погоне за все увеличивающимися потребностями чисто внешними, люди теряют пути к духовному общению и притупляется духовное проникновение и сила любви и гнева. И это поведет к тому, что общаемость духовная естественно прекратится, и ангелы забудут пути к людям и земля провалится, как Содом и Гоморра.

Для того, чтобы наслаждаться в царствии Божиим, при утонченной совести — надо не иметь совести — и вот Божия Мать, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда не осуществимо царствие Божие при наших условиях на нелегкой земле.

Одни говорили: мы не понимаем. Другие же, не понимая, думали, что все понимают и громко заявляли об этом, а в сущности к[а-кое]-нибудь порицаемое или одобряемое действие, сами, выполняя, порицали или одобряли его. Перед судом понимания своего, конечно, все правы всегда.

Иногда на меня приходит уныние, что русское дело пропало, что тушинцы, увлекая за собой чернь пряниками, сотрут нас, погибнет и литература русская: спрос пойдет на потаковнические мазки и кинематографическую легкость. Но я утешаю себя метлою: чую всей душой что еще один захват еще одна боль и метла подымется и сметет самоизбранников.

12. VI. Во сне видел Гордина, ехал я с ним на какой-то закрытой огромной лодке у которой сверху крышка же в виде лодки [рисунок лодки. — Публ.] я очень боялся, п[отому] ч[то] на одном краю стояли мы и могло перевернуть, потом поехали на автомобиле, около трамвая слезли и тут автомобиль заняли кондукторы, что делать. Должно быть, было очень холодно. Гордин попросил себе у старухи лавочки — тут же ларек ее — пальто и она дала ему какое-то пожелтевшее и стала упрекать. И я увидел, что Гордин в

женском платье и никто не подозревает, что он наряжен. А старуха его пилит самыми последними словами. Уж вижу, Гордин плачет. Что же, думаю, он не возразит? А он отвечает мне: я напишу об этом. Я хожу по каким-то улицам очень узким. В дом вхожу на самый наверх тут Кузмин и его приятели. И очутился в Сыромятниках. Все лежат в зале тут и Блок. Потом разыскивал в клинике не знаю кого. И попал в тифозное отделение. Очень было жутко проходить этим коридором. Там и служители все в повязках и даже городской. Когда я выбрался, то встретил Гиппиуса, который слился с Курицыным и каких-то неизвестных мужа с женой, с которыми заговорил. И все исчезло. Сон был сумбурный: и кроме лодки и автомобиля Гординского истлел.

13. VI. Видел во сне, что жду очереди сниматься в фотографии. Ждет и П.Е. Щеголев. А снимают долго. Наконец моя очередь. И меня сажают, а сзади садится какая-то еврейка. Всех так и снимают — на фоне евреек. Тут я проснулся. На воле гром — гроза. И опять вижу, мы куда-[то] все бежим и на каком-то мосту неизвестно зачем я отсек голову — так по пути — и бросил, и бегу, стираю кровь с пальцев. Потом собираемся ехать в Ессентуки. С.П. придет потом, а нас четверо Викт[ор], Сергей, Прокофьев и я — мы совсем налегке с нотами, будем играть какие-то коротенькие пьесы с музыкой и пением. Осталось очень мало времени, а собираемся мы из Сыромятников. Я хожу по огороду, а на грядках кучи яблоков.

Вчера слышал как Наташа говорила о «политике» всякую путаницу и про Амигрантов. То, что говорила она, я не слушал, но самый тон и постукивание кулаком об стол, все это мне напомнило С.П. И еще напомнило — продолжительность. Уж кончила, легла, нет, все продолжает. И с той необыкновенной силой и твердостью в голосе.

Сегодня Наташа сказала, что она только дома так кричать и говорить может, а то она боится трусиха большая. Ну, это уж в меня. Говорить-то я и дома так не могу, а что трусоват, это мое.

14. VI. Сон разорванный. Долго вчера не мог заснуть. И газет вечером не было, а не спалось. Комар зудел, точно плакал. Потом заснул и вижу мое рождение. На окне у Маяковского на стекле написано мне поздравление. Как будто в Сыромятниках. И окно его в огород выходит. Приходят поздравители. Тут и Виктор с Галей и еще с маленькой девочкой это его новая дочь. И Сергей. И Иван Ник. Пантелеев. Только Добронравова нет. И едем в трамвае и

на трамвае народу — висят. Когда переезжаем мост, трамвай сворачивает с пути и идет около самого краю — перил нет и его шатает, вот-вот с моста полетим в воду. Как там в Сыромятниках меня беспокоило: пригласить Маяковского или не стоит — позовешь и не обрадуешься, так на трамвае меня мучает я-то на площадке, выскочу, а С.П. в вагоне. Из трамвая вышли. Я очутился один. Совсем темно, пошел дождик. Я едва различаю дорогу. Передо мной какой-то говорит, похож на Ив.Сер. Сокол[ова-Микитова] «ну, я останусь еще на день с Илиодором поговорю». И я вижу, как он подходит к монаху. Я стараюсь рассмотреть лицо и не вижу. И думаю, может, и мне подойти. И иду дальше. Мне встретились два монаха. «Нет, — говорит один. — Выход есть».

Наташа очень горячая. Плохо ей в жизни будет, трудно ей будет.

Нехорошие люди! Вот когда обвиняют всех простых людей только в разбое, только в корысти, хочется наперекор обелить даже ту тьму, которая есть. И эти обвинители обвиняют от корысти своей. Только чистый суд во имя другого чего-то большого суд праведный нам теперь права дайте — ответ на заявление, чтоб травы не мяли. Ведь он дерево, по [1 нрзб.] — ответ: из-за вас деревом сделался.

Наташа, как я замечаю, боится, когда начинается разговор о ее раннем детстве «у нас». Должно быть, это разрушает ее «[1 нрзб.]»*.

15. VI. Вчера после газет, о событиях 10. VI сон был расстроенный⁴⁸. Я видел не образное, а словесное. Речь шла о клятве и присяге. И в нарушении клятвы заключалась вся суть событий. Потом я попал куда-то в какое-то училище и там нас все учат гимнастике — и учит Август Львов. Линде, учитель немец[кого] языка, а распоряжается [1 нрзб.]. Меня тоже заставляют, хотя мне и трудно делать.

1) в борьбе обретешь право свое с[оциалисты]-р[еволюционеры]

2) в грабеже обретешь право свое а[нархисты]

Начали игру, в к[отор]ую только вдвоем играют, фильтр.

16. VI. Видел я во сне, что купил себе ботинки очень дорогие за 100 руб. А потом еще за 150 р. у Баннова в табачном магазине. Шел я куда-то, как мне казалось к Алекс[андро]-Нев[ской] Лавре с Ф.И. Щеколдиным. По дороге какой-то дом строят желтый, как игрушечный. Раскрашивает его Кустодиев Б.М. Здесь же сидит и Петров-Водкин. Я говорю П[етрову]-В[одкину] — «Художники

* Было: аристократичность⁴⁷.

должны поменьше рассуждать, тогда и выйдет картина!» И идем дальше с Ф.И. Ф.И. надо к Нарвским воротам. А я совсем запутался и не знаю, как показать. Тут какая-то женщина показывает: «Да вон налево!» И я соображаю, что мы вышли к Покрову. Я иду за городом. Мест этих я не знаю. Редкие постройки — памятники величайших размеров и самых затейливых. «Это строили худож[ники] Мир[а] Иск[усства]» догадываюсь. Цветов много. И иду назад: что-то напоминающее роты. Мне навстречу католическая процессия — одни маленькие девочки: поют марсельезу по-французски. Я думаю, «зачем это они поют такое». А мне говорят: «Это святая песнь». Я вхожу в какую-то прихожую, передо мной зеркало. По соседству в открытую комнату входит женщина, напоминающая В.Ф. Коммиссаржев[скую]. А муж ее инженер. Он тут же. Я вижу это в зеркало. Оба они говорят мне, чтобы я к ним пришел непременно. И я попадаю опять в город. Там Марк Карлович. У меня в руках рукопись, «Лирич[еская] проза» воззвание какое, которое написал я. И можно напечатать через инженера той дамы, похожей на В.Ф. Коммиссаржевскую. К Марк[у] Кар[ловичу] я иду опять туда. Там много народа. Танцуют. И я думаю: «в такое время танцуют!» А потом говорю себе «это весна». Среди танцующих Гюнтер. И слышу говорит та, похожая на В.Ф. Коммиссар[жевскую]: «Слышу ваш голос и думаю, что же это вы не заходите!» Я оборачиваюсь и вспоминаю о своей рукописи.

Что такое Н[аташа]? Избалованный ребенок. Избалованный Л[идией], для к[отор]ой она единственная на свете в жизни ее цель и утешение. К[атерина] не всегда здесь, и она ее балует между прочим⁴⁹. От избалованности идут и капризы. Девочка капризная. Она повторяет чужие слова, т.е. того круга, где ей приходится быть. Другие же к ней относятся скорее нехорошо, ею тяготятся. И если смела дома и своевольна, в гостях этого ей пройти не может. На нее не обращают внимания. И там она смиреет. Ласкать ее никто не ласкает. Л[идия] не ласкает, п[отому] ч[то] Н[аташа] для нее все, а при такой близости выражения ласки не может быть. Вот А[лександра] Н[икитична?] с дядей Алешей даже никогда не разговаривает, п[отому] ч[то] любят друг друга — какой же тут разговор. Л[идия] все исполняет, что она ни захочет. «Вытри губы мои» — говорит Нат[аша]. И Л[идия] вытирает. «Пододвинь меня!» И Л[идия] пододвигает стул. Н[аташа] сыплет сахару себе в клубнику столько, что едва другим хватает. А укроп берет прямо горстью и ест. Это она может. В этом ей не откажут.

Когда свинья ест, она хвостиком помахивает.

«Интеллигенция это ненормальное явление в природе. Интел[лигенция] нам не говорит правды, а если при старом строе она бывала откровенной, то откровенность ее была продажной. При катастрофическом столкновении классов инт[еллигенция] должна погибнуть», — агитатор рабочий в Харькове.

17. VI. Видел я, будто у нас Ив[ан] Алек[сандрович]. И я его угощаю пирожным яблочным. Со сковородки прямо ножом целые поджаристые круги снимаю. Вдруг слышим наверху стучит кто-то, Ив[ан] Алек[сандрович] чего-то испугался. Мы с ним тихонечко пошли в кухню (дом расположен к[а]к в Сыромятниках). Это плотники работали. — Клим! — покликнул я. Но никто не ответил. «Климушка!» — пропищал Иван Алек[сандрович]. Кто-то отозвался. Да, это, конечно, был Клим. Мы пошли наверх. Ив. Ал. без пиджака с какими-то ужимками шел сзади. Там лопнул водопровод и вот Клим чинил что[-то], заколачивая стену. От лестницы по правую руку стена от окна вся в картинах. Некоторые пришлось опустить и их внизу закрыл настил. «Г[оспо]жа Персиц сказала, чтоб эти яблоки сохранить!» — показал Клим на последнюю картину, к[отор]ая особенно покосилась. Кроме Клима еще тут плотники. Клим что-то рассказывал, не помню что-то о событиях, потом он сказал: «Главное же произойдет в пятницу на [1 нрзб.]!» Я очутился в магазине. Две продавщицы. Там исправляют мои ботинки. Приходит мальчик и говорит «Glasspapier!» Продавщица завертывает что-то и подает мне счет — лист с виньетки, на к[отор]ой нарисованы карикатуры на евреев и написано «земская управа». Первая цифра 1 р. 60 к. и еще следует много. Выходит так, что мои ботинки не исправили, а пользуясь заказанным сделали новые и продали, а мои возвращают и с меня все деньги. Я положил счет в карман и говорю: «Я это Зем[ской] Управе покажу!» Продавщица страшно перепугалась. «Ради Бога, — говорит, — не делайте этого!» «Нет, я как русский человек, я это сделаю». Я без ботинок ушел.

Я стою в Успенском соборе. Только в Успенском соборе есть галереи, и там и стою. Тут и Виктор. Он самовар ставит. Потом я иду вниз. Тут оказывается очень много евреев. Это возмущает. Кто-то говорит. Снимите шапки. И я вижу, действительно, в шапках. И я сам в шапке. Это меня страшно поразило. Я скорее снял. Тут Горнфельд у решетки с папироской. «Горнфельд, — говорят, — так нельзя в церкви!» Иду к Ермогену. Вижу Анна Марк[овна] и Давид Абрамович. Кончается молебен. И я с ними выхожу. Около Успенского Собора какой-то странник раздает книжки. И на одной книжке он написал что-то. И вижу подает Д[авиду] Абр[а-

мовичу] для его соседки. А соседка его какая-то преследуемая в[еликая] княгиня, замаскированная. Д[авид] А[брамович] передает ей книги и знакомит со мной. И мы идем вместе мимо Ивана Великого к Левиным. Та идет впереди со мной. И я вижу, как вся она краской измазана, все лицо. Мне ее очень жалко. Левины садятся обедать. Я отказываюсь. И А[нна] Мар[ковна] благодарит меня за отказ. А та ест. И я очутился вдвоем с этой в[еликой] кн[ягиней], прошу у нее книжку, к[отор]ую странник ей подарил. Опять заходим в У[спенский] соб[ор]. Много военных. Ее узнают, но не показывают это, только смеются. Она мне говорит, что ей нужно к А.А. Исаеву. «Он добрый человек», говорю я. «О, нет, я у него кухаркой служила».

18. VI. Видел во сне, что я у Гржебина. Сам он страшно растерянный. Марья К[онстантиновна] обращается к П.Е. Щегол[еву], «зачем этого офицера позвали?» «Да мы сейчас партию с ним устроим». И раскладывает ломберный столик. Я еду по железн[ой] дороге. Сел я неизвестно зачем. И знаю, долго ехать. Потом опять Гржебин. Какие-то картинки. Приходит дворник. «Вы дрова брали». «Нет, говорю, не брали». «А то может брали, да я так спросил насчет билетиков». «У меня и книжки нет, да и зачем же я буду скрывать?» Тут какая-то прислуга, не знаю я ее, показывает мне на стол, на к[отор]ом нарисована рожа и всякие крендели выведены не то йодом, не то тем желтым составом, к[отор]ым пьсьма из тюрьмы мазали. «Это дворник, как придет, так рисовать».

С.П. видела Мих. Ив. Терещ[енко] будто желтый весь и бабушку Брешк[о-Брешковскую]⁵⁰.

19. VI. Видел во сне Прокофьева музыканта. И еще какого-то. Другой показывал, что сочинил он. Со своими компрессами и перевязками растериваю сон.

Вчера уж были признаки разлада. Сегодня совсем плохо. Решили ехать 30-го. Если удалось бы так осуществить в мире.

20. VI. Видел во сне, будто поднимаемся мы с Н.С. Бутовой, она живет на страшной высоте и около дверей ее ящик прибит. Виктор вошел в этот ящик дернул дверь, тугая дверь, изо всей силы, растворил и вошел. И в это время увидел, что ящик-то оторвался от двери — гвозди, как зубы, показались. Я схватился за него. И не знаю что делать. Единственный способ думаю влезть в него и приколотить гвозди, но когда я полезу, я непременно полечу вниз с ящиком. Или, если начну приколачивать, ящик сорвется. И нет у меня выхода. А это на страшной высоте. И я падаю вниз.

Мы летим высоко над землей. Это маленькие вагоны. Из нашего вагона можно пройти в другой, для этого надо высунуться

из широкого окна и ухитриться и зацепиться к окну другого — вагоны летят один к другому углом. Сергей так и сделал и вернулся. Просится Артамонов из сосед[него] вагона. И боится. А я все представляю себе, как бы мне этак[-то?] и сердце у меня замирает.

Сначала мы были внизу, там Ада Аркадьевна и Аркадий, сын Ариад[ны] Вл[адимировны], потом я пошел на галлерею высочайшего театра. Места надо занимать с налету. И вот я бросаюсь и сталкиваюсь с Верой Евг[еньевной] Копельман.

21. VI. Полночи не спал: была жестокая гроза. Я думал, что дождем выбьет стекла. Во сне видел, будто мы у Иды⁵¹. И я должен ходить и караулить царских детей: они в белом — маленькие дети лет так 7-8, их пятеро.

Умер в Пензе 16. I Владимир Семенов[ич] Волков⁵². Добрый человек был и заклеванный. А заклеван по женской части. Привлечен в 1890 по делу послед[них] народовольцев. Сидел 2 1/2 г[ода] в крепости. Сегодня такой пасмурный день. И свежо, ветер большой. Ничего не писалось за весь день. Только рисовал, да стол прибирал. От того, что был дождь, мальчик не пойдет за газетами. Так и не узнали, чем окончилась дурацкая демонстрация воскресная. Наташа сказала, что она только здороваться стесняется.

Какие тучи идут валами. И очень грустно становится. А птицы все-таки поют, кукушка куковала. И все утро по двору конь ходил. Еще бы, столько за всю эту жару мух всяких перекусило его. До чего скучно тут. Сегодня 3 недели. Последнюю неделю я совсем не выхожу из комнаты, только утром после чаю по нужде.

Сижу и смотрю в окно.

Ничего мне не хочется, ни писать, ни читать.

«Духовная мощь и мужество в жизненной борьбе» — требование культа Митры (победоносного Бога) — беспощадная борьба против зла, лжи, тьмы.

22. VI. Видел во сне, пришел в театр на оперу и вижу, сидит в первом ряду М.И. Терещенко. Я с ним поздоровался и сел рядом. Я прохожу с Шаляпиным к самой рампе, выходит какая-то певица, у той сдавленный голос. И действительно, когда запела точно давили ее, а сама улыбается. Потом вышла другая и удивительно запела. Шаляпин ее очень одобряет. Он вынул тетрадку и пишет ноты красным и черным. Объясняет мне его способ: это новая опера. Немного он напевает. Тут появляется Сергей. Он что-то рассказывает о новой квартире, где он нас поселит⁵³. Мы взяли билеты, чтобы ехать. И поехали на вокзал. Но дорогой заехали в ресторан. Там та оказалась, к[отор]ая хорошо пела и еще какая-то очень знакомая дама. Нам же надо торопиться на поезд. И я

прощаюсь с ними. Не актриса, а другая поцеловала мне руки. «Не вытирайте, пожалуйста», — просит меня. Мы попали в кв[артир]у д[окто]ра Срезневского. Тут Виктор Рем[изов]. У Срезневск[ого] приемная в виде фонаря, как в редакции Новой Жизни. Висит образ главы Иоанна Предтечи. Он вделан в раму оконную. Я зачем-то стал раздеваться. Но Виктор заторопился, и я опять одеваюсь. «Выехать очень трудно» — говорят нам. «А главное, ведь наш поезд мог давно уж уйти!» И опять тороплюсь. Мы идем пешком. Не уверены, куда повернуть. И страшно обрадовались. Зеленый собор — это София. Стало быть правильно. По рельсам переходим со спуска в гору и идем насыпью. Вдруг какой-то мальчик. Он на меня жалуется: «Этот — показывает он на меня, — бросил коробку с порошком!» А это желтая коробка из-под банновских папирос и в ней просыпанный зубной порошок и карлсбадская соль. Я объяснил. Дальше, кажется, мы поехали уж в поезде. В П[етер]б[урге] 5 полков за нов[ое] прав[ительство] и 5 полков за старое. Те, кто за новое правительство, те за немцев. И вот теперь, мол, победят. Сегодня в первый раз загудели и затрубили жабы на болоте. Сейчас после дневного дождя, когда ветер расчистил полоску на закате, ожили птицы, и не так свежо стало. Хотел все записать о комаре: когда потушу свет комар звонит, точно где-то далеко бьют в набат.

23. VI. Видел во сне, будто мы были в Иерусалиме, потом на Афоне. И решили дома отслужить всенощную. Из Иерусалима у нас свечи, а с Афона забыли. Я помню коридор, где стоит распятие и перед ним красная лампада. Я сам зажег и висит подсвечник. К нам должны придти Верховские со всеми детьми. Тут же вижу и Ив[ан] Сергеев[ич] сети чинит в углу. Думаю тесно будет. И переносюсь в Грецию. Там идет война. И вижу Елизавету Мих[айловну] Терещенко, она вся заплаканная, но чему-то радуется сквозь слезы. Потом опять у нас, только я знаю, что это в какой-то глухой провинции. Я иду в учительскую. Тут профес[сор] мой технологии Як[ов] Як[овлевич] Никитинский. Учитель рус[ского] языка со мной здороваётся. Идет спор: хотят вычеркнуть Гоголя. И когда постановление совершилось, я вижу, уж на улице, на балкон вышел прапорщик, поднял знамя и сказал: «Запрещаю выходить на улицу и собираться в собрания!» Я, Господи, а как же служба-то, всенощная. И опять переносюсь в коридор: вижу, как Сергей молится. Потом о.Гавриил: он рассказывает, что на Афоне его исправили и он может сноситься. «Пойдемте, — говорит он Сергею, — поищем». Народу к службе собирается много. Тут и Ф.И. Щеколдин. Кто-то рассказывает, что Сергей помер, он совсем поседел и помер.

А увидеть домового надо в великий четверг, понести ему творогу на чердак. Так и сделала одна, видеть его не видала, а только ошупала — мягкий. Если он скажет: у-у-у! — это хорошо. А если скажет — е! — плохо.

Одна баба не велела сор из избы выметать, а велела заметать в угол. А в великий четверг, когда осталась одна, надела белую рубаху, и плясала на этом сору.

К другой бабе прилетает золотой сноп: прилетит и рассыплется. 24. VI. Полночь. Цветет папортник. Лунная холодная ночь. Очень ярко запечатлелись в сне моем две наши прислуги и обе ужасные, как ведьмы [1 нрзб.]. [1 нрзб.] к[отор]ая ушла, когда меня посадили в госпиталь и та которая за ней безулыбная Прасковья Пименова. Но я помню, как я их видел.

Вижу Клюева. У нас такой инструмент, к к[отор]ому никак не подойдешь, не то это арфа, не то гусли. Клюев объясняет. Потом появляется Романов и Жилкин. Какие-то материи рассматривают. Я один сижу и со мной Наташа, только гораздо меньше, чем она есть, и слушает она меня — рассказываю ей о нашем простом роде⁵⁴. Потом видел чисто словесное: деление состояния души. Помню исключение, к[отор]ое я прохожу. Таганка. Мы поднимаемся с Земляного вала. Играл сегодня в карты: в короли, в ведьму и в возы. И Наташа в первый раз в окно, проходя мимо, заговорила со мной, спросила меня сколько времени прошло. И кланялась как всегда.

25. VI. Лег я в 12-ь. Проснулся, еще ночь и с ужасом слушал ночь: это была какая-то ведовская песня: женские охрипшие голоса и врозь с мужским. Я долго слушал: голоса скакали, крутились «катали», как тут говорят, т.е. били — купальская песня.

Во сне видел, задано два сочинения по рус[скому] и по зак[ону] Божьему. Законоучитель о.Геннадий Виноградов читал какую-то молитву с особенными ударениями. Все стояли на коленях. Я отдельно за колоннами, тоже стал. Я думаю, что поп чего-то затеял, чтобы о нем говорили. Потом иду в очереди на Земляном валу, иду справиться о моей рукописи. И все не так делаю: меня много перегнало народу. Вижу Шурочку Розанову. Она уже получила ответ, что принята. И вот дом какой-то. Хозяин дома напоминает покойного Ф.Ф. Фидлера. Я иду по лестнице. Лежат на кроватях: Свирский, Рославлев, Котылев. «А! — говорят они, теперь вы у нас будете! С нами! С нами!» Им это по душе. Иду дальше. Вижу Митропан и с ним какая-то женщина. Митропан показывает на руку. «Тайный знак, — говорит он, — тайный знак!» Иду дальше. Тут Кузмин. Он роста, как Рославлев и с черной большой бородой, он говорит, что ему в школу прапорщиков нельзя

поступить. «А как же, — говорю, — Пяст?» «А он готовится», — отвечает кто-то. «Тайный знак», — вспоминаю. «А вас в Обуховскую больницу положат на испытание». Я спускаюсь вниз. «По глазам, — думаю — зачем же в Обуховку?» Виктор объясняет, он слышал, как надо это делать: «надо, — толкует он путанно и несерьезно, — натошак выпить бутылку коньяку». И выйдет результат. Но не понятно, не то человек совсем ничего не будет видеть, не то это для общего ослабления. А потом, я ведь не могу выпить бутылку коньяку.

26. VI. 1917. Вижу, будто на площади примостились мы в каких-то палатках, площадь длинная, как у Сухаревой. Пасмурный день. И на довольно большом расстоянии от нас мучают — это особенная издевательская казнь, куда входит все и четвертование и уколы, такое, до чего не додумалось ни одно и самое жесточайш[ее] правительство. Это творит свой суд чернь. Измучают жертву, умертвят и показывают. А те, кто это делает я видел лицо одного — полная застылость на лице и равнодушие: как карандаш чинят, как стругают мясо.

Все мы в страшном волнении и возмущении.

И идем мы домой. Воскресенская площадь пустынна. Вдруг несколько городских. Один ко мне. Он говорит мне: у вас будет обыск, ваши рисунки подсмотрели. И побегал. Я понимаю так что они бегут туда на площадь казни, а обыск у меня сделает чернь.

В каком[-то] коридоре. Мне предлагают надеть пальто студенческое. А есть и другое рваное пожелтелое. Я в это нарядился. И пошел домой. Я вошел в дом. Там кровать стоит. И свалены вещи около. Это Сергея кровать и вещи. В Сыромятниках. Хочу дальше идти. Дверь заперта. Ищу ключ. Ночь. Чуть освещено керосиновой лампой. Над дверью широкое стекло. И вдруг слышу: караул-ул-ул! И чьи-то голые ноги сверху на меня.

Я проснулся.

Мы у Садовского Б.А. Он в свою комнату нас не приглашает. Ходим в прихожей. Потом я иду на нашу новую квартиру. Оказалось из моей комнаты есть ход (стеклянная дверь) прямо на волю. «Как же, — думаю, — до сих пор мы и не знали про этот ход!» Я иду за стулом. Через коридор иду мимо чужих квартир. Все стеклянные. Взял стул и назад. Спускаюсь по лестнице. А за мной какие-то горничные. И одна напевает: Вера Степановна. Я спрашиваю: «Гриневич?» «Нет, смеется, наша!»

Видел В[арвару] Фед[оровну]. Она вышла замуж за третьего. Ей 40 лет. Сергей очень обижен⁵⁵: его чести, будто бы, лишили. «Ну, что ж пустяки, говорю, это не так и причем честь!» У В.Ф. родился ребенок, которого показывают.

Никакие и самые справедливейшие учреждения и самый правильный строй жизни не изменит человека, если не изменить в душе его, если душа его не раскроется и искра Божия не блеснет в ней. Или искра божия блеснет в сердце человека не надо головы ломать ни [о] каком учреждении, ни о каком строе, потому что с раскрытым сердцем не может быть несправедливости и неправильности.

27. VI. Что видел во сне, ничего не помню. Вчера вечером началась жесточайшая пилка, коя возобновилась с утра. Куда уж тут что помнить. Все потому, что из дому нет вестей. Ив[ан] Алек[сандрович] Ряз[ановский] клялся и божился приходить каждую неделю и писать. И прислал всего 1 письмо, да не из квартиры⁵⁶. И как в воду.

Да вспомнил и сон. По соседству с нами был пожар, который залили: у нас только стекла побиты. И соседи наши, где горело, немцы. Мы к ним зашли. Я поехал на автомобиле с Борисом Сувориным. Я написал какую-то пьесу, к[отор]ую надо отдать напечатать. Тут Котылев появился.

Вины мои вот в чем 1) доверился Ив[ану] Ал[ександровичу], а надо было, чтоб швейцаровские девочки писали. 2) положено для облегчения багажа полотенец меньше, чем надо 3) не взята большая картонка 4) уверял, что паспорт отдал Машин, а на самом деле не отдал, у себя в кармане носил. 5) на вокзал надо было ехать не в 3-и часа, а в 4-е. Вот эти самые пять вин, как зубья.

28. VI. Видел во сне, будто каждый из нас должен нарисовать проект воздушного корабля. И все мы идем по очереди со свитками, где эти корабли нарисованы. И летим. И все ничего. Но потом надо, оказывается, непременно в Романов-Борисоглебск. И как прилетели туда, оказывается должны делать экскурсии в окрестностях на 500-600 верст. Лететь вверх отвесно, очень тянет всего, но вниз ужасно. Я был один на самом дне. Весь корабль сделан из тончайших пластинок на железных рельсах. Корабль остановился над широкой рекой, повис. Я смотрю и сердце замирает. А кто-то говорит: «Виктор Ремизов, находящийся на противоположном конце, забеспокоился, а А[лексей] Р[емизов] боится!» Погода пасмурная. Куда мы не прилетали, везде опаздывали: поздний час, все закрыто.

Потом видел какой-то спектакль. И мне дают трико, к[ото]рое я должен передать. И я сижу с розовым триком дурак дураком. Видел там Николая Рем[изова].

И еще шел я куда-то и мне навстречу Аверченко. Я сказал

ему, что я давно с ним хочу познакомиться. Так [1 нрзб.] дружки мы с ним разговаривали.

А проснулся я совсем разбитый. Да еще видел, просыпаясь [?], Успенский собор в Москве.

Я с тобой и двух слов не сказал, я только смотрел да здоровался, когда ты проходила по двору. А слышать я много слышал, как ты говорила. И очень мне понравилось, с какой горячностью ты за интеллигенцию заступалась. И в этой горячности твоей мне почувялась сила твоя и разумение. Я подумал: в тебе есть дух жив, как в твоей маме (к[отор]ую ты называешь С[им]ой)⁵⁷. И кулачками также стучишь, когда очень уж за сердце возьмет. Вот мне и захотелось написать тебе, рассказать тебе о тебе же. А ты мне ответь, получила ли письмо. Я тебе еще напишу.

Родилась ты в лунную весеннюю ночь, когда началось цветение каштанов. Жили мы в Одессе на Молдаванке, это самая заброшенная часть города, где ютится одна беднота. Занимали мы одну комнату и очень тесно было. Хозяйка, когда ты родилась, была недовольна за беспокойство, и все ворчала. Тебя положили на мою енотовую шубу. И помню я красенький дышащий комочек и все ротиком ловишь. А я на тебя так, как на Плика: подожди, мол, немножко, потерпи, дай мама отдышится и тебя накормит! А ты сморщишься вся, вот-вот закричишь, а под моими уговорами и затихнешь, только ротиком все ловишь, точно мушку поймать хочешь. Мы очень бедно жили. До масленицы служил я в театре в Херсоне. А в Великий Пост в Одессу переехали. И жалованья мне никакого⁵⁸. Я тогда только-только выбивался на трудной дороге писательской. И шел своим путем. А это очень трудно.

29. VI. Петра и Павла.

Видел какую церковь не в России служба предполагает. В пределе в левом (два только и есть) церковь необыкновенно светлая. Все молитвы читает С.П. Сначала так: священник задает вопросы, на к[отор]ые отвечает С.П. Только очень тоненьким голоском. Потом она выходит к амвону и там читает. Все по-русски. Мы находимся в каком-то городе. Похожий на Д.В. Философова вертится около нас: он говорит, что может достать лаку: он весь заросший чернейшими волосами: только полноса белая кожа и часть щек. Он говорит, что знает средство, как окрасить волосы. В училище. Учитель географии Геровский. Тут же всеобщая гимнастика. Видел во сне Мих. Ив. Терещенко. Он меня назначает на какую-то должность. Потом [1 нрзб.] Ал. Мих. и Тамару Мих. Мы в Киеве. Начинается всеношная. Поет тысячный хор: Благослови душе моя Господа. Мы не в церкви, а далеко стоим под [1 нрзб.] деревом. И как-то еще №1072.

Наташа во сне видела корж, очень вкусный — соленый. Вчера во время грозы, когда сделалось темно. Небо стало водянисто зеленым — шла грозовая туча. И сказали, что светопреставление, Нат[аша] забеспокоилась. «Никогда еще я не любила и есть нельзя будет. Вы уже пожилы. А мне 15 лет!» Н[аташа] очень способна. Я слышал, как она учила по-латински. Как она скоро усваивала, разбиралась в грамоте. Н[аташа] ни о ком не заботится, только о щенятах и беспокоится. Вечером вчера после чаю играли в карты с Нат[ашей]: в короли и в ведьмы. Очень душно было прямо не вмоготу. Видел во сне нашего хозяина. Оказывается есть галерея с садом. Так как очень жарко, я туда на ночь и ухожу. А это стоит больших денег, [1 нрзб.] это сказал швейцар. Но я ничего не плачу. В нашем же доме живет Добронравов Леонид. Зашел к нему, у него мать его сидит. Угощает обедом, много варенья. Когда я проходил по коридору, со мной встретился какой-то маленький красенький, на Беленсона похож. «Не хотите ли сняться?» «Хочу», говорю. «Я снимаю только нагишом». «Нет, нагишом не согласен!» У Добронравова гости еще были: Алек. Алек. А я пришел звать его петь. Я встретил там же в коридоре музыкантов.

3. VII. Видел во сне будто вышел из меня кал, а девать его некуда, я завернул в газетн[ую] бумагу. Никакого кального признака обратительного не было, и с живота снялись какие-то шкурки салные и волосатые. Я почувствовал странное облегчение. Мельком видел докт[ора] Афонского. Я сел на огромный корабль. И все ходил по палубе. Когда хотел спуститься в каюту, оказывается попал в такое место, откуда прыгать только в воду. Конечно, можно там какие-то лестницы. Но мне кричат: прыгайте в воду. Я стоял нерешительно. Видел воду и пролет, куда я попаду, если не удержусь. Вода зеленая и быстрая. Пошел по палубе и почему-то сказали про меня, что я индеец. И меня окружили индейцы. И уж иду я с Сергеем по улице. Около церкви открытый алтарь. Там священник около царских врат предсказывает, у него волосы в шпильках для завивки. Перед ним женщина. Он ей говорит что-то. Сергей подошел первый. За ним я. Он посмотрел на меня и говорит: «посмотрите сколько видимой скорби и искания, а на самом деле на индейке женился!» Тут я вспомнил, что я на корабле был индейцем. Вижу, действительно все знает и стало мне очень грустно за свою мелочность и [2 нрзб.]. И слышу, как говорит С.П. «вот это настоящее». Я вижу и понимаю огромную разницу и иду один в Москву к часовне Боголюбской. Меня останавливает женщина старая и с ней черномазый: это Тиняков + Пи[мен] Карпов + Абрашка такой в Пензе был. А женщина его мать. Они

меня ждали. Тиняков говорит: «Между нами было одно неприятное, к[отор]ое всегда оставалось. Теперь я сдал экзамен. И вот говорю вам. Теперь я свободен».

Видел во сне, я наверху, где на вышке влево отгороженной рисует Головин А.Я. и еще два художника. По соседству пожар. А они рисуют. Уж когда задымилась стена, они выскочили. Я говорю: «Что же это вы, от вас все видно и вы так спохватились поздно, ведь это же вещи все сгорят!» Мы спустились вниз, там проходы, как на Никол[аевском] вокз[але]. Говорят, что огонь проник и в нижн[ие] помещ[ения]. А внизу мои книги и рукописи, все. Но туда пройти нельзя. Тут вижу Ф.И. Щеголкина и Рузского Н.П. сидят у столика чай пьют, о чем-то рассуждают.

Я захожу в наши комнаты: ничего нет, одни стены обгорелые. Я думаю «и "Лейла" пропала и "Табак"»⁵⁹. А ведь могли бы спасти. Другие (соседи) успели вынести. В соседней комнате Бялковский объясняет что[-то] по карте П.Е. Щеголеву. Тот слушает с недоверием. Я-то понимаю, а Бялковский нет и всю старается. Появляется Гржебин. И я остаюсь с Горьким. Обедать надо. Я очень легко одет, у меня мои походные заплатанные штаны, а пиджак новый. Я смотрю на Горького и не знаю, что сказать. «Вот, — говорю, — А[лексей] М[аксимович]!» и улыбаюсь. Опять Гржебин. Он рассказывает, как у него все погорело.

Я прохожу по коридору. Очень много народу, как на вокзале. Заглянул на себя в зеркало. Вид у меня непохожий: я в колпаке и вылитый Демьяныч.

5.VII. Видел во сне, покупал старинную книгу с миниатюрами. 50 руб. стоила. Когда ее раскрывали, голоса слышались: сначала урчание, а потом явственно, а потом хор и музыка. Купил ее Сергей. Я ему 25 руб. дал. И еще раз возвращался к букинисту — лавка огромная с переходами. Еще присматривал книгу. Но они по моему новые [?] и не купил. Прапорщики хозяйские дети штук 7. Совсем еще молоденькие. Идем по Москве, я хочу Сергею показать Николу в Толмачах⁶⁰. Подписка на заем. И торговец немец. Не можем найти выход. Потом будто в комнате, в к[отор]ой сижу уж 35 день в заточении и С.П. тут. И слышу зовет кого-то покойная А.Н. Мы присмирили. Проснулся. Кто-то кричал ночью. И под окнами точно через забор прыгнул кто-то. Еще видел Неглинный проезд. Толпы народа. Праздник.

Сейчас приходили нищие с коззой. До чего стариной веет.

6.VII. Всю ночь снилась О.М. Персиц. Она была ко мне необыкновенно ласкова. И я боюсь, как бы в действительности не произошло другого. Видел еще, как иду я по улице и хочу сосчитать кредитные бил[еты] их у меня пачка. И около двери, где сидит ноч-

н[ой] сторож, как это случилось не знаю, а потерял я кредитки. Спрашиваю у сторожа: «не положил ли я вам случайно в карман?» 7.VII. Видел во сне Иванова-Разумника. Он очень растерзанный. Он написал какую-то статью, к[отор]ая очень понравилась Шестову. Я ему это сообщаю. В магазине в рядах в Москве, я лимон хочу купить, а мне дают брус[ничную] эссенцию. Закрывают магазин. Кричат: погнали на войну! Я вышел: едут на конях гимназисты. Сон был очень прерывен и тревожен. Вчера понаехали сюда гости. И один ночевал по соседству. Вчера получил «Киев[скую] мысль» от 5.VII с описанием петербургских событий 2-4.VII⁶¹. Поздно лег, а заснул и того позднее.

8.VII. *Казанская*. Вчера получил «К[иевскую] М[ысль]» от 6.VII. с описанием петербургских событий от 5. Все живо представляю себе⁶².

Видел во сне И.А. Рязановского, будто приезжает он к нам из Пб. с докладом: он очень измятый и унылый. Потом театр. Я должен тоже играть. Суфлера я не слышу, а говорю свое. Наконец, надо же уходить. И слышу аплодисменты: вызывают. В студенческом мундире выхожу, кланяюсь.

Вл. Вас. Воробьев [?] проходит по коридору. Это баня. Я занял № и еще один № для Бурлюка к[отор]ого ждет С.П.

А С.П. видела во сне большевика с одним зубом посередке.

Пришли «Р[усские] Вед[омости?]» от 5-го, а «Речь» от 4-го.

9.VII. Видел во сне Балтрушайтиса. На вокзале обедали. И Н.М. Рем[изов и] Добронравов. Попал в какой-то дом, лезли на верх с таким трудом, а спустились сразу. Спутник мой огромный добродушный человек. А нам говорят, — «вы попали в публич[ный] дом!» Вот тебе и раз.

После вчерашних газет долго не спал, все думал. И по другому еще думал. Пасмурно. Ветер. Удастся ли сегодня высвободиться из горчайшего нашего лета?

Вчера зашел разговор, что началось все захватом. И Черн[явско-го] Б[ог] наказал. А я подумал, Бог не накажет за то, что напр[имер] захватили чужого ребенка?

Чего у Наташи нет, это совести. Пока [она] совсем закрытая для других. Самое большее есть у нее еще дверка к щенятам, но к людям нет⁶³.

Эссендукский документ

Я ниже подписавшийся московский купец варшавской фирмы «Свет» по взаимному соглашению с Марьей Степановной Крюковой решили жить гражданским браком, а потому я обязуюсь выполнить следующие условия:

I) во время пребывания на курорте в Ессентуках выдать ей за месяц с 10-го августа по 10-ое сентября пятьсот (500 р.) рублей.

II) когда переедем в Москву, я буду выдавать, пока не будем жить вместе, по 500 руб. в месяц.

III) В обеспечение ее дальнейшего существования я обязуюсь за каждый прожитой год со мной выдавать ей или вносить на ее имя в Государственный или частный банк по 5.000 рб. (пять тысяч руб.), начиная считать первым годом с 1 августа 1917 г. по 1-ое авг. 1918 года, если между нами не произойдут разногласия

IV) Если Марья Степановна Крюкова пожелает взять своих двух дочерей, я согласен и обязуюсь дать им полное содержание и воспитание, а также обеспечить их в будущем.

V) в случае моей смерти я завещаю ей, как гражданской жене, ту часть моего состояния, какая полагается по закону гражданской жене.

VI) Марья Степановна Крюкова со своей стороны обязуется быть любящей и верной гражданской женой, а кроме того обещает она, пока не будем жить вместе, приходить ко мне каждый день

Тадеуш Лаврент. Двор.

Я ниже подписавшаяся на все выше указанные условия согласна и обязуюсь все исполнить, как честная гражданская жена.

IV

Ростань

10.VII — 25.X

1917

*Чернигов*⁶⁴

10.VII. Вчера поздно вечером приехали в Чернигов благополучно через [1 нрзб.]. Остан[овились] после 11 ч[асов] в гост[инице] «Москва» №15. Видел во сне Сологуба, Ан[астасию] Ник[олаевну], Чернявского. Будто у нас квартира и одна только теплая комната, там у нас столовая. Я несколько квартир пересмотрел. И все так. А около одной оказалось кладбище. Сегодня первый день в Чернигове. Утром пошли в собор к Феодосию Углицкому. Служба уж кончилась. Какой-то старик священник молился у раки: очень горячо молился. Мне нравится белизна стен собора: белая, белая, как мазанка здешняя. В лавках пусто. Где распродано, а где и во все нет ничего. Я проводил С.П. и вернулся в гостиницу. И сижу тут в размышлениях. Пить очень хочется.

Что делают? Россия гибнет. Бесталанность, малоумие и мальчишество. А про любовь к России не услышишь.

11. VII. Поднялся чуть свет 1/2 6-го. И сон не помню, чтобы рассказать. Одно помню: видел Керенского. И что-то С.П. мне от него передавала. Проснулся так рано и от дум всяких и от клопов. Да, еще видел Аничкова.

12. VII. Вчера после праздного дня и нерешительности: куда же дальше-то в [1 нрзб.] или в Москву или в Киев? — стало тревожно. Сны напоздали и пропадали. Видел Ал[ександра] Ник[олаевича] Найденова, Ивойлова. Какой-то человек упрекал меня, что я не желаю рассказать ему о китайцах. А я, ей Богу, о китайцах ровно ничего не знаю.

На воле ветрено. Иззяб ночь под простыней. И такое было чувство, лучше бы подольше не просыпаться и не решать.

13 июля. Ничего, ничего не помню, что и во сне видел. Почти не спал.

Москва

15 июля (суббота). Боже, что мы претерпели в дороге. Неужто такая незадача от [1 нрзб.] 13-го числа! Из Черниг[ова] выехали благополучно тут, не доезжая до Крут, поразил меня обход солдат. Они проверяли документы у евреев. Нынче все едут как кому вздумается хочешь в 2 классе, сделай милость, садись. И диких [1 нрзб.] было в нашем вагоне не мало.

Чем-то старинным повеяло, как вошли трое с ружьями и один из них протягивал руку к фонарю совсем по твоему лицу.

В Круты⁶⁵ приехали 11-и еще не было и 1/2 5-го ждали наивно поезда билеты нам выдали, а мест не оказалось. До 3-х мы стояли в проходе.

1/2 3-го пробило. Я проснулся и С.П. мне сказала: все ложь! И мне снилось, будто снимаю с себя платье за платьем...

Продолжаю. Мы сначала сели в М[еждународный] ваг[он], потом в 1 кл[асс]. Мы стояли в коридоре около нужного места куда за полдень. Потом перекочевали в корид[ор] внутри вагона. И тут расположились кое-как. И весь день и ночь 14-го прошел в [1 нрзб.]. Ночью у меня страшно заболела голова. Казалось, не хватит сил вынести. Приехали в Москву 15-го в 1 час дня. На извозчике за 14 руб. поехали в Таганку⁶⁶. И вот опять ночь, я окропил кровати водой от тараканов — какая это ночь [2 нрзб.] пошла.

Республику⁶⁷ еще никто не установил, а республиканские войска бегут: тут напрасно одних больше[виков] обвиняют, ведь жизнь-то одна мало кому охота помирать. А есть, может, и такие, в прежнее время пошли бы, а теперь... слушаться-то кого

нынче. Ведь коли бы правда была... На власть рев[олюционной] демок[ратии] посягнули не безумные, а сама власть рев[олюционной] демократии.

Легко сказать: в подъяремных рабов и «темные силы»! Терзает родину неумелость, недуманье о родине, и все равно наше, а главное узость и замкнутость партий. И уж правду сказать, потеряли порядочно и доканают. А подъяремные рабы рабами и остались. Откуда же рабу и измениться. И ведь вот, палкой опять загнали в окопы. За эти месяцы столько было совершено насилия и не «темными силами», а партиями. Вспоминаю выборы у нас, ведь это один сплошной культ от спасителей революц[ии]. Был порядок, да сплыл и ужасы позорного строя все время перед лицом нашим. И никто на Руси ни в чем не уверен.

Да уж худшего, что есть, едва ли и было когда. Реки крови льются; убийства, насилия, грабежи, тюрьмы, каторга, все есть, все, все. Промышленность остановилась, голод, свободное слово задавлено, о совести что говорить, ее нынче никто не признает, да и нет ее. Такая «русская» свобода не дорога. И никто не дорожит ею. [1 нрзб.], хватают, кому надо для разбоя, насилия, всего, что хотите.

Только это совсем не называется свободой. Порядок нарушен, [1 нрзб.] убита, [2 нрзб.] нельзя было провести! — Видят сучок у сос[еда] в оке, а в собствен[ном] бревна не чувствуют. 12. VII.

16 и 17. VII. 18. VII. Такие ночи, ничего не вижу. Тараканы, тараканы и хозяйство. Так измучился, как будто мешки таскал. И мученю нашему еще не мало дней. Завтра всего 19-ое.

[4 нрзб.] 3 вязанки соломы без хлеба.

Вся память во мне отошла.

Устин колдун язык высунул и приобщал Микита Савельич.

19. VII. Видел во сне m-те Ростовцеву, только на Ростовцеву не похожа совсем.

любит⁶⁸ навозить

росный ладан повесили

он ее крючьями под печью простит ли ее Господь

все кости гремят Устинья *Кандевна* (Киндеевна)

Плачужная канава разделен [?]

святые [2 нрзб.]

он детьми меня обвязал (*горить*ся одной приходится)

домовладыка царствовать два царствует

если в 17 год люди не покаются кровавый мор Б[ог] накажет через 12 лет [2 нрзб.]

20. VII. *Ильин день*. Видел по сне А.Д. Нюренберга.

«почти даром» 20 ш[тук?]. 18 к. 35 к. они видели, они и в ответе

21. VII. 22. VII. Такая идет жизнь, дорвешься до кровати, заведешь глаза и как убитый.

Был на всенощной в Успенск[ом] соборе и Ив[ан] Вас[ильевич] Жилки[н].

23. VII. Видел во сне Пришвина. Пошел дождь.

24. VII. Много видел во сне снов, но ничего не припомню. Ночью была гроза настоящая: сначала гром гремел, потом запустил дождь.

25. VII. 26. VII. Виделся с А.Н. Толстым, очень он взволнованный

1) огненная мать-пустыня⁶⁹ на своей воле

2) саранча нападь и провал

3) пряники

4) [2 нрзб.]

5) хвост неподобный

6) тошета

31. VII. Сегодня уезжаем из тараканника.

Ессентуки

1) 2. VIII (среда). Сегодня рано утром приехали в Ессентуки. («Личное оскорбление». «Совість не позволяет»)

2) 3. VIII (четверг). Никак не можем устроиться. Были в Кисловодске, хлопотали о билетах и ничего не выходит.

3) 4. VIII (пятница). Началась моя всегдашняя ессентукская беда: захворал. Вчера еще были признаки, а сегодня совсем плохо. Воздержание от еды — единственное средство. Видел во сне Лидию [?] Акимовну.

4) 5. VIII (суббота). С 30-го живу под ножом. Моя неосторожность (необдуманность) сделала такое положение. Переносу терпеливо, как возмездие.

5) 6. VIII (воскресенье). Видел во сне Н.П. Афонского, Вильямса. Вильямс меня спросил: «как поступить с вашей квартирой, передать ли ее частным лицам или обществ[енному] учреждению?»⁷⁰ В П[етер]бурге безнадежно. Я держал экзамен по гимнастике. Какое-то поле. Телефон. Я не спрашиваю, за что это мне? Я знаю, за что это мне. Иногда кажется, нет для меня искупления и в такие минуты думаю я: хоть бы под колесо попасть, чтобы раздавило и дух вон. Ну, как мне других судить. Всякий осуждаемый поступок кажется мне несоизмерим с моей жизнью и делами. В душу я себе наплевал. И душа моя изъедена вся. И вот — нет, я не спрашиваю, за что это мне. Знаю, сам сделал, во всем сам виноват. Какая может быть душа оплеванная — дрянная душонка, да и человек дрянцо. Но мне хочется на свет, хочется выкарабкаться, хочется быть другим. Какая это тягота жизнь такая. Нет, никого

не виню. Все сам сделал один, один. Самое-то ужасное, что от этого *ни за что* другой мучается. И до смерти мучиться будет. И если бы колесо меня переехало, от этого не легче: я видел бы, как другой-то мучается. Самый отъявленный предатель и последний мерзавец в жизни выше и чище меня. Вот проходят годы — мне ведь уже сорок лет — а грех мой, как тень за мной. Я все делаю, чтобы убить эту тень и бывает, будто освободился, и вдруг опять. Душа моя изъедена. Все готов принять, только бы не быть в тягость другим. И как мне писать? Знаю, что надо и не откладывая. А рука не подымается. Утра боюсь. Знаю, что оно принесет мне. Душа изъедена, дух погашен. Как рана. И нет, не вижу искупления. Все прощается, а такое помнится. Думал, избуду. Ничуть. Все сначала. И думаю, до смерти не избуду. И только когда совсем закрою глаза, может быть, тогда. А ведь, я думал, что можно. Думал, с годами, а главное болью можно загладить. И как ошибся. Господи, зачем это я сделал? Только и могу сказать: зачем это я сделал? Но за что, я не скажу. Вот она какая вина-то бывает на всю жизнь, до последней минуты. Когда я рос я и не предполагал такого, что может случиться со мною, и в один прекрасный день плюхнулся в грязь и завяз. Я был гордый и осудительный, а как завяз и голос пропал и не смею. Хоть на четвереньках ползи, да чтоб тебя сзади постегивали и пинали, только бы был срок, чтобы после стать и смотреть прямо и сметь. Жутко подумать. Зачем это я сделал? И сколько горя принес. Ни за что. У других не так. Все чище и лучше. Послушаю, все чище. И как это я по земле хожу и земля терпит. Или уж земля давно оттолкнула меня и отместила?

6) 7. VIII (понедельник). Перешли в старую нашу комнату 341.

7) 8. VIII (вторник). После вчерашнего разговора сон неровный. Не помню. Живот болит. И все по-старому.

8) 9. VIII (среда). Видел во сне: во всех магазинах продается табак Стамболи. С.П. видела, как поехали в Индию: она, я, М.М. Исаев и М.В. Исаев и брат Ник[олая] II Александр. Все время думал ночью о судьбе Государя. Это жестоко — выслать в Тобольск. Поразила меня своей трусливостью речь Керенск[ого] и Авксентьева с.р.д.⁷¹ Живот все болит. Сегодня началась забастовка. Чаю нет, дали сырое яйцо и хлеб. Прислуга комнату не убирала. Вышли все папиросы. Курю сигары, какие захватили. Развал и распад.

9) 10. VIII (четверг). Очень плохо себя чувствую. Во сне видел скандальную историю с переводом драмы, к[этор]ую я будто бы списал⁷². Говорят о необыкновен[ной] стройности и порядке похорон жертв революции, а забывают, что в Саратове в хвосте перед [?] [1 нрзб.] — была куда большая стройность и порядок.

- 10) 11. VIII (пятница). Забастовка кончилась. Сон плохо помню. Очень уж измучился.
- 11) 12. VIII (суббота). Видел во сне: поехал я к Переверзеву, забыл адрес, попал к Гуревичу и вышла путаница. Покрали кружку: поставил греть у источника и покрали.
- 12) 13. VIII (воскресенье). О билетах дума. Не припомню, что и во сне видел.
- 13) 14. VIII (понедельник). Вижу во сне, будто говорят: что вы о билетах думаете, с 12-го всеобщая забастовка. Погубили Россию. Неумелость, бесталанность.
- 14) 15. VIII (вторник). Видел во сне В.В. Розанова. Были мы у них. Потом собираемся домой, говорят: «в Таврич[еском] дворце пожар!» И уже стоим мы около палатки и в нас стреляют немцы. Потом вышли. Тут я понял, что Петербург взят немцами. Получили речи Госуд[арственного] Совец[ания]. Какая бедность у Керенского. И пустота у Авксентьева. Россию забыли. Не революция. Россия. Да Гриша убиенный⁷³ нашел бы слова. А утром бы [1 нрзб.] интеллигенты. Повара забастовали и швейцары. Сегодня за ужином вошел офицер (сосед наш с Георг[ием] офиц[ер]) и пошел с фуражкой — учител[ю?] франц[узского]. А учитель-то франц[узского?] тут же ходит со свидетельством. Куда офицер и он за ним, со свидетельством. Горло подвязано. «Ой, какое уничтожение».
- 15) 16. VIII (среда). Видел во сне Городецкую и Наташу.
- 16) 17. VIII (четверг). Не могу забыть того учителя франц[узского] для к[отор]ого собирали. Долго не мог заснуть.
- 17) 18. VIII (пятница). Вижу во сне, будто вхожу на собрание. Председательствует Лансере. Сколько раз посылали повестки, а никто не являлся. Тут же Пяст с вечерней газетой. Я у него ее отнимаю. Перерыв. Я вышел в другую комнату. Тут маленькая девочка — дочь А.Н. Бенуа. Она мне дает засахаренную грушу. А Ан[на] Кар[ловна] сидит грустная. Я ее успокаиваю. Девочка, передавая мне еще какую-то игрушку, говорит о Толстом Д.А. А[нна] К[арловна] ей возражает: «А.М. не получил такого образования и занять это место никак не может». Я собираюсь ехать. Дождь⁷⁴.
- 18) 19. VIII (суббота). Видел во сне Л. [2 нрзб.]. По воде мы с ней ехали.
- 19) 20. VIII (воскресенье). Видел во сне В.В. Розанова.
- 20) 21. VIII (понедельник). Ночью была гроза. Сейчас темно. Первый пасмурный день. Видел во сне Сомова. После истории есаула Нечаева и пол[ковника] Сахарова появилось сообщ[ение] о контр-

револ[юционном] союзе Георг[иевских] кавал[еров]. Тут дело не без подтасовки, чую. После чтения речей госуд[арственного] Совещ[ания]. До чего у социали[стов] берегающ[их] революц[ию] погашение духа. До чего характерна речь Брежк[о-Брежневской] по злости и лжи, злопыхательству и ненависти. Забывают о духе. — стыдно и грех, за рукав ташут, не поступишь в союз, тебя господа мешком накроют, готовы шкуру содрать совсем.

21) 22. VIII (вторник). В 5-ь часов встал. Всю ночь всякий час просыпался. Вновь ужасный сон. Может, это луна, к[отор]ая прямо мне в лицо. Видел, будто Чулков читал драму. Я ее хорошо помнил, I акт, теперь забыл. Знаю, появляются ведьмы. И они явились. А Чулков стал раздеваться: он снял холщевые штаны закорузные в подозрительных пятнах, он их снимал через голову. Ф.И. Щеколдина видел. Переезжали на новую квартиру. Боже мой, как это было страшно: лица этих ведьм.

5 минут осталось. Сейчас еду за билетами в Пятигорск. Разговор: Матрос англ[?]. В России не люб[ят] России, солдаты шли из-под палки. А когда палку взяли они и разбежались. Солдат: не все.

[1 нрзб.] папиросы 2 к. в раздробь⁷⁵

22) 23. VIII (среда). Видел во сне Алексея Толстого. Сейчас еду в Пятигорск за билетами. Билеты взял. Но весь разбит и изнемог. Вчера, когда стоим мы в очереди за письмами. Еще и гостин[ицу] не отпирали (касса помещает[ся] в централ[ьной] гостин[ице]). Подходит девочка подросток, д[олжно] б[ыть] нянька и две маленьких девочки. «Запишите», просит она. «А вам куда ехать?» «Никуда». «Зачем же вас записывать!» «Запишите», просит девочка. «Да куда, куда?» «На материю». «Не обманешь, не купишь!»

23) 24. VIII (четверг). Видел во сне, будто живем мы в Зимнем дворце. Там же и Разумник. Но когда нас поселили, он ушел. Там одна осталась горничная дворцовая, и вещи все целы.

Накачается на шею, в острог попадет. Красносотенник.

Когда [?] ехали в поезде: «Когда лучше было при царе или теперь?» «И тогда и теперь». «Нет, не так, теперь хуже стало. Я возьму у тебя мешок и мне ничего не сделают а при царе ты меня в суд».

Взята Рига, оставлен Двинск, арестов[ан] Мих[аил] Алекс[андрович], уморили Штюмерера.

Я сегодня понял, что больше всего люблю я танцы. Как они крадут самого обыкновенного человека, как поднимают его и сколько в движении красоты.

Речами Керенского кричит умирающая бессильная революция.

24) 25. VIII (пятница). Был у нас вчера Вяч. Иванов.

Во сне видел Теффи и Чуковского. Видел еще какое-то переселение. И под самое утро ясно сказалось, что Петербург обречен.

Хоть в бутылку полезай, деваться некуда.

Видел во сне баранов, лежат вроде собак черных, врачи какие-то. Приходил медведчик с медведем Шуркой и обезьяной⁷⁶. Пел медведчик медвежьей песней, так начинал он, потом медведь показывал, к Кисловодску кухарки ходят, как барышни танцуют. Это я все с балкона видел. А потом иду ужинать, а впереди меня медведчик с медведем и обезьяна маленькая, идет, как медведь, старается так по-медвежьей. А сзади ребятишки: и страшно и любопытно. Я шел с ребятишками: и страшно и любопытно].

25) 26. VIII (суббота). Дума о Петербурге. Видел во сне Михаила Ив[ановича] Терещенко. Видел наш переезд на новую квартиру. И почему-то я должен заниматься в комнате С.П. и иначе нельзя. У нас в доме все хорошо, только какой-то комод или стол надо выбросить и тогда будет совсем хорошо. Я не могу догадаться. А С.П. сердится. Наконец-то мне показал кто-то. Тут же и Кузнецов Вас. Вас. Сон очень тревожный.

26) 27. VII (воскресенье). Опять видел во сне М.И. Терещенко. Второй день дождь и не видно ни [1 нрзб.], ни верблюда, ни быка. Дождь, дождь, дождь. И свежо стало. Вороний слет.

27) 28. VIII (понедельник). Не помню сна. Сообщения о панике с отъездом из Петербурга очень расстроило С.П.

28) 29. VIII (вторник). Иван Постный. Вчера вечером слух пошел: будто Керенский убит или убежал, Корнилов диктатор, а председатель — Родзянко.

29) 30. VIII (среда). Пришло известие: Корнилова в отставку. От [1 нрзб.] мира: вчера ходил слух: диктатор Каледин. Корнилов объявлен изменником, он будто бы обещал солдатам в неделю кончить войну и продал Ригу.

[1 нрзб.] велено следить за офицерами.

30) 31. VIII (четверг). Видел сон, зашел я в дом по соседству с М.И. Терещенко. Там хозяйка, на Жуковск[ого?] похожа. Я у них посидел и еще раз иду уж обедать. Пришел рано, кухарка пирог делает. Я в чужой шляпе, мне она мала. И вижу, хозяйка недовольна. Потом я дома, только боюсь, там был покойник и конверт оставил, а я его взял себе, не брать бы мне его.

Вчера принесли «Приазов[ский] край» от 30. VIII⁷⁷. Арестова[ны] Пуришкевич и Балашов. [1 нрзб.] сняли. Все шло плохо, но теперь совсем скверно — пятнисто. «Измена и предательство». Задача — не допустить гибели России. Кровавое столкновение неизбежно. (26, 27, 28. VIII)

До чего много всяких слухов. Сейчас уж говорят: в Бологом путь закрыт.

Важное известие о посредничестве Алексева и Милюкова.

Шел я ужинать [2 нрзб.] и вижу штыки — солдаты идут по дорожке мне навстречу — я и пошел, всегда [1 нрзб.] так тянет и таких-то [3 нрзб.].

— Смотрите, солдаты и тут. А я думал их нет.

Солдаты шли быстро.

Впереди шли в штатском милицион[ер] должно быть или какой-нибудь из комит[ета]. Вели офицера — молодой и видно, взволнованный, с загаром — в лицо бросилось, идет твердо и гордо.

(Маша без души осталась из-за [1 нрзб.]).

31) *1 сент[ября] (пятница)*. Вчера получ[ил] «Р[усское] С[лово]» от 29.VIII. Подробности о событиях. И сон был из событий, видел Б.Савинкова, будто лежит он, видел крестный ход, и арку под к[отор]ой проходил он золотой.

Всю ночь дул ветер.

Россия разделилась на две п[оловин]ы: одни за Россию, другие за революцию.

Здесь в [1 нрзб.] был обыск вчера [2 нрзб.].

32) *2 сент[ября] (суббота)*. Видел во сне Кузмина М.А. Газета «Р[усское] С[лово]» от 30-го вышла. Как во дни покойного [1 нрзб.]. У него был такой случай большого героического поступка, в истории дети поминали бы его и вот не хватило.

у него ноги обвязаны, вроде шпиона

солдат-депутат лакеем служил

— Нет, — говорит, — это хорошая барышня

{ обвинение в
провокакторстве

Сегодня в газетах напечатано о увольнении Савинкова⁷⁸. Это меня очень порадовало. А то очень было тяжело за него.

33) *3 сент[ября] (воскресенье)*. Вечером вчера принесли газеты от 30-го и 29-го. «Речь» с белыми прорехами.

Ночью после чтения много я думал.

Теперь стало ясно: Россия погибнет. Она должна искупить грехи свои. И я готов принять эту кару со всем народом русским.

Два выхода: или умереть или принять. На первое я не смею ради долга моего. И я принимаю кару.

Все ценности не переоценены, а подменены. Первая: свобода — какая это насмешка России — какое издевательство. Смещение языков. Б[ог] покарал. И все это путь к унижению. Чья-то рука ведет. Суд совершился. Люди не видят, как их тащат на муку. Последняя отчаянная попытка за Россию. Но против суда Божьего не уйти. Какой [?] народ достоин своего правительства. И мы подходим под наши главы, мы обреченные на муку и унижение.

И в темнице Россия задумается.

Русским людям надо принять эту темницу.

Но многие — силы времени сего не разумеют и от неразумия своего горько поплатятся.

Терпеливо прими судьбу свою. Это как бы умер любимый человек. И вот эти дни прожил я как у постели умирающих. И сердце мое было раскалено. А сегодня ночью я понял и принял судьбу свою, как кару очищающую.

Россия будет побеждена. И русское царство затаится.

Русское царство русское слово уйдет как

И русским людям одно остается — молитва.

Б.С[авинков] роковой человек и к гибели нашей он положил свою руку⁷⁹.

Решилась Россия. Вавилонская башня. Смешение языков. Сгорела электрич[еская] станция. Сижу с огарышком. Сегодня была гроза чудесная.

34) 4 сент[ября] (понед[ельник]). Пасмурно. Дождик мелкий. Не помню сна.

35) 5 сент[ября] (вторник). Видел во сне Зонова, Мейерхольда. (2-го объявл[ена] республика).

36) 6 сент[ября] (сред[а]). Видел во сне всех Терещенков.

«ВЫСТУПЛЕНИЕ СОЛДАТОК

От комитета солдаток говорила Хрусталева. Она заявляет, что главная опасность контр-революции со стороны буржуазии.

— Почему дамы богатых классов не подумают о нас, о нашей бедноте? — спрашивает солдатка⁸⁰.

Чрезвычайное собрание 28 авг[уста] в Б[ожьей] М[илостью] ростов. и нахичеванск. [2 нрзб.] общ[е]воен[ной] [1 нрзб.] орган[изации?]⁸¹.

киюшки = кукурузы

мятенье = митинг

венки завивать = лечить жар

от одеколону дурит на 1/2 ч[аса]

Русский народ, что ты сделал?⁸²

Ты искал свое счастье и все потерял.

Одураченной свиньей плюхнул в навоз.

Поверил:

Землю свою свою забыл колыбельную

Где Россия твоя?

Русский народ, это грех твой непрощенный.

Где же [твоя] мудрость твоя мирская?

Я гордился, что я русский, берег имя родины моей, молился святой Руси.

И вот презираем. Со всем народом несую кару. Не смею глаз под-
нять.

— Что я сделал? Жалок, нищ и наг. Горе мое безмерно, скорбь
глубока, страдание неисчерпаемо, нет утешения, нет надежд.

Берег высокий на холмах деревни, а внизу огороды, дальше луга
заливные деревни огородные, сады.

Дорога вся изрыта водой, ямы от водоворота; где огороды были,
точно граблями изрыто, проведено, точно ничего и не сеяли.

Углы клунь снесены водой, плетни валяются.

Озимое так все вымыло, будто и не сеяли, сено смело водой.

Овраги — плетни внизу лежат.

27. VII. Наказание.

Засуха была и вдруг ливень с градом.

Из села приехал батюшка на Троицу. Всенощ[ную] служили.

Встретили недоброжел[ательно].

И несколько парней (беглых) выкололи глаза Николе:

Эту икону и самим можно написать, это дело рук человеческих.

Во время дождя возвращались в деревню, утонули в дожде

упали и залило

Девочка (13 л[ет]) была, водой к раките прибило, она уцепилась за
сучья, нашли полумертвой: оглохла и онемела.

Рыбак [1 нрзб.] Петровой

Черкасиха Орина

«Реквизиция хлеба Насилие над Минаевым

Тамбов, 23. VIII. В деревне Ящерке, Тамбовского уезда, крес-
тьяне совершили дикое насилие над членом продовольственной
управы Минаевым.

Поводом к насилию послужило недовольство крестьян рекви-
зицией Минаевым излишков проса у двух крестьян.

Был использован кем-то сфабрикованный слух, что Минаев
взял с приказчика имения Орлова-Давыдова взятку в 30 рублей.

Минаева нарядили в женскую юбку, на голову надели мешок,
украшенный кредитными билетами на 30 рублей, а в руки дали ло-
пату с надписью: "За 30 сребренников продал свободу".

В таком виде Минаева до поздней ночи водили по селу, за-
ставляя кричать:

— Я, член продовольственной управы, за 30 сребренников
продал временное правительство.

В час ночи наряду милиции удалось увезти Минаева еле живо-
го в волостное правление»⁸³.

Все на всех

10 и 11 сент[ября] (воскр[есенье] на понед[ельник])

Вчера после трехдневного путешествия с препятствиями вернулись домой. Перед нами было крушение товарного поезда «по инерции», как объяснил обер[-кондуктор]. Встречали нас Ив.Серг. Соколов. И вчера и сегодня был И.А. Рязанов[ский]. Устал ужасно. И прислуги нет. Сейчас 1/2 2-го, посмотрю газету, не было времени с уборкой.

А все-таки здесь легче, свободнее. Как тяжело жить в провинции с подслушиванием и подсматриваньем. «Слово и дело».

По [1 нрзб.] опять кричали солдаты: бей буржуев.

России нет. Россия уходит, как Китеж.

12 сент[ября]. Вчера приходил Пришвин. Он еще верит, что не погибла Россия⁸⁴. Она не уступает, отбрыкивается.

Обедали у Н.С. Воробья. Кухарка говорит сама с собою, — не с собою, а с тряпочками. «С людьми уж не могу, так с тряпочками». Сегодня телеф[онные] разговоры. Прислуги еще нет. Все чищу. Весь день на это. Тараканы меня изводят: ой, это плохой признак — это нищета идет. Говорил со Ждановым, он верит, не погибла Россия.

14 сент[ября]. Все еще без прислуги. Уборку кончил. Изгрязнился весь. Вечером вчера была А.Н. Чеботарев[ская]. Сегодня говорил с Б[орисом] В[икторовичем] уж больно по-солдатски отвечает. Хочу про него написать воспоминания⁸⁵.

Сегодня ясный день. Только вихри носятся жуткие темные.

Был Ив.Алек. Ряз[ановский].

15.IX. Был у Вильямса. Француз-летчик очень напомнил мне его взгляд. Россия гибнет от хулиганства.

Вечером приходили Разумник и Пришвин.

Заклучен мир. У победителей полная сытость: хлеб и чай и благодушие⁸⁶. И над всем орлом [1 нрзб.] заносит бес. Натe выкусите! Вот вам плоды кровавые, вот вам [1 нрзб.] революция. Провидц[ы?] уйдут в горы. А вихрь выше поднимется. И будет кружиться, темный.

16.IX (суб[бота]). Видел во сне Жданова Вл.Ан. и мышь.

17.IX (воскр[есенье]). Лунная ночь. Видел во сне что-то страшное очень и забыл.

Вчера много было неприятностей: обманула прислуга, прислали от нотариуса о векселе Кузнецова⁸⁷, которому я заплатил. Вечером приходил Г.В. Вильямс, Пришви[н], Петров-Водкин.

18.IX. Вчера был на именинах у Веры Евг. Был Мих.Мих. Исаев — вот он настоящий рус[ский] чел[овек]. Сегодня с утра беготня: к нотариусу о векселе.

Пришла прислуга наконец.

19.IX. Полотер начал месяц. Срок в[екселью] Ф.И. Щеколдина. 200 р. — 19 марта 1918 г.

20.IX (середа). Снов больше не помню. Вчера ушла прислуга. И опять хозяйство на руках.

передовая женщина
задовая

Была Ол.Мих. Пер[сиц]. Я подумал, а что в смуту нашу и там найдутся ведь люди, к[отор]ые возжаждут пострадать. И опять увид[ел] хохочущий вагон с солдатами и наш вагон со стариком жалким.

21.IX. Утром сегодня была гроза. 2-ды гром и бледная молонья. Вечером приходили прап[орщик] Прокопов и В.Я. Шишков.

22.IX. Ходил к Жуковс[кому] Пав[лу] Сем[еновичу] сниматься. Вечер[ом] вчера прожектор ходил по небу. Приходил Замятин. Накануне вернулся он из Англии⁸⁸. Потянуло на родину погибать. За Замятиным приходил и Пришвин.

23.IX. Суббота. Печку растопил. Приходили наниматься. Подрядилась Настя⁸⁹ на вторник 26.IX. Прислал посылку Ив. С[ергеевич]. Мед, масло, варенье. Когда я стоял у плиты темно было — вдруг я почувствовал, как через голову черное что-то прошло, как туча. Я сразу схватился. Это была подводная туча глубочайшая. И все прошло. И только грусть какая-то осталась на сердце. Пасмурный вечер.

Хотел идти к Ф[едору] И[вановичу]. Поз[д]но.

Ко всенощной звонили печально. Я оклеивал свиток и [2 нрзб.] у божницы. [1 нрзб.]. После вечер[него] чаю почувствовал слабость, «хорошо, что к Ф.И. не пошли!» Хотел продолжать. Gloria [in] exselsis перечитал⁹⁰ и нет, не могу спать.

с 23 на 24.VII (на воскрес[енье]), в 1 час ночи

Видение⁹¹

Распростертый крестом лежал я на великом поле и телом был я велик. В темноте горячей лежал я и вдруг стужа трясла все мои члены. Голос услышал я из тьмы старый дедов голос.

— Собери-ка, родимый, косточки матери нашей России.

И я подумал:

вот и я лежу, п[отому] ч[то] я тоже кость от кости матери нашей России.

И стал я загребать кости — их великое множество тут и ча-сы и самовары, загребаю, ой, не собрать всего.

А собрать надо, чт[обы] вспрыснуть живой водой.

— Собери-ка, родимый, потрудись! — опять слышу голос.

И вижу: это Никола Угодник скорбный стоит над Русью.

Поднялся с ужасн[ой] головной болью⁹². Едва оделся. Едва скипятил чайник. А как взял воды в пригорш[ню] умыться, не водой, огнем себя обдал. Нет, ноги не держат. И повалился. Измерила С.П. темпер[атуру] — 40° градусник искали, с 1/2 ч[аса] неизвестности. Лежал с горячей головою под горячей [1 нрзб.] и вдруг начинало трясти и зуб на зуб не попадал
огневица жгла и трясовица ломала.

Детский доктор. Затем С.П. зажгла спиртовку, а резервуар не закрыла. Отчаяние! Разговор. П.С., [1 нрзб.], Ив.А. Рязан[овский]. Говорит в соседней комнате. И каждое слово, как игла.

После клизм [1 нрзб.] беготня. И сон в огне — забытьё.

25. IX. *Понед[ельник]. Сергиев день.*

9 ч[асов] — 39,5 Приезжал д[октор] Ланг, были [1 нрзб.],
12 ч[асов] — 40 При[швин], Разум[ник], Замятин — ломило.
6 ч[асов] — 40,3
8 ч[асов] — 38,8

26. IX. *Вторн[ик]. Иоанна Богослова*

9 ч[асов] — 38,9 Прекратилось элект[ричество], В.А. сообра-
1 ч[ас] — 38,1 зил, что у [1 нрзб.]. Лежал ни жив, ни мертв.
3 ч[аса] — 39
6 ч[асов] — 38,3

Видел во сне, приходит И.С. Соколов, и все подушки. Полна[я] прихожая подушек — черн[ая] обивка. И чувству[ю] такое, как крышка серебр[яная?] в углу прихожей.

27. IX. *Середа.*

38,6 Был д[окто]р Керенский. Говорит крупоз-
38,2 [ное] восп[аление] легк[их] и ни пов[ерил?]
38,8 сгорит на почве алкоголизма
38,4

12 ч. ночи 37,6

3 ч. н[очи] 38,1 Хождение по мукам.

28. IX. *четверг.*

38,5 приехал Н.П. Афонский

9 ч. 38,7

12 ч. 39,2

6 ч. 39,4 банки

29. IX. *пятница*

38,4

38,7 банки вихрь на воле

39,6 видение

30. IX. *суббота.*

39,0

39,4

39,8

39,2

кризис

38,7

39,1

38,1

1 октября воск[ресенье]

7 1/2 — 37,8 падение

10 1/2 — 37,4

12 — 36,9

6 ч. в[ечера] — 36,8

2 ок[тября] (понедел[ьник])

9 ч. 36,6 Ночевала Люб[овь] Дмитриевна Блок.

1 ч. 36,3 Очень тяжело, почти не спал.

6 ч. 36,7

3 окт[ября] (вторник)

видел во сне то море, то снег.

и Бурлюков 36,3

Была В.Андр. Щеголева 36,3

36,3

4 окт[ября] (среда)

Начал записывать. Была В.Андр. Щеголева. Пришвин в [1 нрзб.] и принес книжку.

36,3

36,1

36,5

Ветье

26.X.1917 — 1918

V

1 мая 1918

«Легенда о "чуде" в Москве»⁹³

В связи с первомайским торжеством в Москве произошли следующие осложнения на религиозной почве.

Вчера у Никольских ворот в Кремле было большое стечение народа. В толпе передавали легенду о каком-то чуде. Говорят, будто де скрывшийся и[с]торический образ Св.Николая на никольских ворот[ах]. 1 мая красная завеса с надписью "Да здравствует интернационал!", без всякой естественной причины в несколько минут наполовину истлела, стал де этот образ виден. Некоторые

передают, что от лика Св.Николая исходило сияние. Многие из присутствующих крестятся, монахи кладут поклоны, конная стража разгоняет любопытных.

Еще накануне 1-го мая, когда красной материей затягивались иконы на Никольских и Спасских воротах, произошло волнение среди собравшегося народа. Была послана депутация к патриарху. По предложению Кузнецова, по телефону сообщили об этом управляющему делами совета Бонч-Бруевичу. Тогда же Бонч-Бруевич обещал сделать немедленное распоряжение, чтобы иконы не затягивались материей. Неизвестно, явилось ли это следствием распоряжения Бонч-Бруевича или в данном случае сыграл свою естественную роль громадный гвоздь, вбитый в кремлевскую стену около иконы, но уже 1-го мая красное полотнище было прорвано именно в том самом месте, где находится лик Святителя Николая. Вчера утром ветром завеса была разорвана пополам, так что ее нижняя часть отпала от верхней. Это послужило к различным комментариям в толпе религиозно настроенных людей. Из их среды была отправлена депутация в Казанский собор, которая просила духовенство выйти к воротам с крестным ходом для совершения молебствия. Этот крестный ход и молебствие состоялись.

Вчера на Красной площади, в связи с совершившимся у Никольских ворот, громадные толпы разгонялись.

По поводу волнений на Красной площади на религиозной почве "Наше Слово" сообщает: вчера, около 2 ч. дня, Советом Народных Комиссаров в Кремле было сообщено, что у стен Кремля собралась тысячная толпа, требующая удаления из Кремля всех комиссаров. Толпа волновалась, разглядывая красное полотнище, которое было прикреплено у Никольских ворот. Суеверная толпа никак не хотела верить, что это произошло благодаря сильному ветру. В толпе стали указывать, что рядом расположенные полотнища целы.

Агитаторы заявляли, что Николай Чудотворец разгневался де на большевиков. Увещания не подействовали на толпу, только с помощью броневиков удалось восстановить порядок».

[1917]

20.Х. Был вчера Афонск[ий]. Остался у меня бронхит⁹⁴. На сегодня назначено выступление. Пока тихо.

Женщина, кричащая перед чернью: «Я хотела бы, чтоб меня разорвали за вас!» И вдруг закрыла лицо от стыда. «Умереть за дух Божий в человеке, а не за красные рожи!»

Видел во сне Наташу.

Умер Котылев Александр Иванович. Прих[одили] Пришв[ин] и Турка. Сегодня месяц как захворал я. Мне как-то жутко в той комнате. Вчера были Пришв[ин] и Верховск[ий]. Крестный ход состоялся. До какого идиотизма дошло «врем[енное] правит[ельство]» — не разрешили: само себе яму роет.

Вчера началась опять канитель с выступлением. Но кажется есть и прок: будут говорить о мире.

25.Х. Сегодня в 7 ч. утра арестов[али] врем[енное] правит[ельство]⁹⁵. Наконец-то Владимир Ильич взял власть! Узнали после обеда.

25 [минут] 10-го, вечер. Залп из пушки. Из «Авроры».

26.Х. Вчера лег в 1 ч[ас]. Все писал. «Слова с выш[ины?] Бог[а]». Электричество не погасло. Все стреляли, даже мне было слышно. Потом, когда лег услышал рожок и все затихло.

Видел во сне землянику, будто целая корзина, да мыть надо — грязная. И розу, к[отор]ую положили С.П. Ел куренка. И живем мы в гостинице.

На улице вечером стоят, прилипнут к стенке и смотрят на вас — хулиганы. Улица, к[а]к могила. Редко и бегут.

27.Х. Вчера стрельбы не было. [1 нрзб.] и [1 нрзб.] с М.Мих. были у меня. В 12 ночи разговаривал с А.А. Блоком: ему кажется все таким мирным. Говорил и с Разумником. Смешение тьмы и пожеланий благих. Но в душе какая-то вера и бодрость.

Тогда была легкость и тревога: рушилась вековая стена, а теперь — даже весело.

Жалко мне Мих. Иван[овича], сидящего в Петроп[авловской] крепости⁹⁶.

26.Х. «Новая жизнь»

«В час ночи в квартиру Цвернера, находящуюся в 6 этаже, д. №13 по Демидову пер., влетел артиллерийский снаряд, весом около 2 пуд. Пробив стену, снаряд упал на письменный стол. Так как взрыва не последовало, то обошлось без жертв».

Видел во сне Н.П. Булича, [3 нрзб.] и Л.Дим. Блок.

28.Х. Видел во сне Б.А. Садовско[го], обв[язанного] всего и струнного.

Юнкера сидят [1 нрзб.] в Пет[ропавловской] К[репости]. Беспокоюсь за Мих.Ив[ановича]. Убийство Сангушки. Уничтожен золотой шатер Яна Собесского. И много документов.

Навести следствие.

29.Х. Загафедин назвать как-н[ибудь] свою (игрушку) — это во сне.

Видел во сне Керенского.

Заволжские старцы.

Вчера было избиение юнкеров⁹⁷. Нового ничего не знаем, живем, как в плену. Сегодня целый день народ. Утром, я еще не успел умыться, пришел летчик. Потом Фед[ор] Ив[анович], Слон, Пр. Сем., Пришвин⁹⁸ и опять летчик — начал чтение своего временника⁹⁹. И до полночи. И у меня такое чувство, словно меня из дому выжили. И вот я вернулся, но уж [1 нрзб.]. Я совсем сегодня ничего не делал. А писать надо.

Мещанин: «А зачем царя спихнули. Надо самим лучше сделаться, а потом и решать».

Видел во сне Зин.Ник. Гиппиус, Чуковского. Вымылся я грязной водой.

(Шел казак и пел: за ц[а]р[я], за Русь, за веру.)

Матрос в Зим[нем] дворц[е] сидел в кресле: а сказали бы домой идти, и винтовку бросил бы.

Умер сегодня в 2 ч[аса] ночи наш хозяин Дим.Пет. Семенов-Тяньшанский. Накануне он читал свой временник у нас. И собирался прийти оканчивать сегодня в 8 ч[асов] веч[ера].

Хлеб тяжкóй.

Видел во сне А.Д. Нюренберга. Будто к нам приехал. Лечит меня. Введено осадное положение. «Гибнет Москва». Был И.А. Рязанов[ский]. Видел во сне Наташу. Потом какого-то офицера. Клинику. Вчера приходил Пришвин. «Не бежать ли, говорит, нам?» Очень он смущен.

Сон: Хозяин, только что умерший, пришел будто к нам и хочет оплести нас шерстью.

Были Разум[ник], Петров-Водкин, Замятин.

Видел во сне, забыл, и вот вспомнил, [1 нрзб.].

4.XI. Вчера при получении известия о сожжении Вас[илия] Блаженн[ого] и разрушении Успенск[ого] Соб[ора] Ф[едор] И[ванович] плакал, говоря по телеф[ону]. «Что же это такое сделали?»¹⁰⁰ А еще не верю, что так бесповоротно.

И еще успокаиваю себя: если и останутся развалины, они будут святее неразрушенного, только бы осталось что-нибудь.

Кое-кто заговаривает о бегстве из Петербурга: позавчера Пришвин, вчера Замятин. Впечатление тяжелое.

5.XI. (воскр[есенье]). Резолюция о несвободе печати¹⁰¹. И это вполне последовательно. Когда в революц[ию] запретили монарх[ические] газеты, считали себя правыми, а теперь кричат! С утра сегодня тревога.

«Медовые выплевыши». Был Ф.И. Щеколдин.

1 1/2 мес[яца] служит у нас Настя, а только вчера увидала мою стену с игрушками¹⁰²: «Какие это здесь растопоры!» и стала рассматривать: «Птички сидят!»

Без 5-ти час выстрелы у ворот.

6.XI. Сижу и плачу: что мне делать из-за меня опять беда, из-за моей болезни — захворала Сер[афима] Павлов[на].

Сердце колотится. А! бес какая!

XI. Вчера и сегодня снег идет. «Заснул на мостовой». Взвизгнул как заяц, и дело с концом. Вчера был Шишков. Сейчас с утра Иван Алекс[андрович]. [2 нрзб.] Народ сегодня с утра. Сейчас 12 ч[асов] н[очи]. Сажусь писать. Вчера был д[окто]р Афон[ский]. Сегодня захворала С.П. — припадок печени. Идет снег. Были Прас[ковья] Сем[еновна], Верх[овский], Ф[едор] Ив[анович] и Вал. Алек. С.П. лежит. Ф[едору] И[вановичу] 50 р[ублей].

Сегодня выборы в Учред[ительное] Собр[ание]¹⁰³. Никогда еще не было столько лжи, как теперь. С.П. лежит. Был Срезневский.

XI. Сер. Пав. лежит, сегодня хуже было после 4-х.

и горшку место — ели кашу.

хлеб грядовой (с мякиной)

«Таратать» звонок будильника. С.П. еще лежит. Мало у нас бывает кто. Не помогут.

XI. Вчера встала С.П. Сегодня в первый раз выходил на волю (с 23 сен[тября] по 18 н[оя]б[ря]) и С.П. выходила. Просидел 56 д[ней] = 8 недель.

21.XI. Вчера было нашествие: приходили Пр[асковья] Сем[еновна], Ф.Ив., Верх[овский], Замятин, Люд[мила] Ник[олаевна], Пришв[ин], Мар[ия] Мих[айловна].

22.XI. Вчера был мой 15-лет[ний] юбилей. Никого не было. Накануне приход[ил] Разумник.

Растопоры. Собаки. «Сами и глазки садили» (у змей).

23.XI. Сегодня первый долгий поход. Были у Федора Иванови[ча]. С непривычки мне было холодно. Шел пешком больше часу.

26.XI. 3 пуда + 15 ф. 120 + 15 = 135 ф.

28.XI. Сегодня Учред[ительное] Собр[ание]¹⁰⁴. Вчера было очень напряженно. (Прих[одил] Пришв[ин]). Были блины по случаю открытия Уч[редительного] Соб[рания]: были Пришв[ин], Шишков [?].

3.XII. «Свобода, она хороша, когда есть своя голова. А голова, не то чтоб она была свободная, а, как сказать, настоящая голова, а не пыльный мешок».

«Натравливают, ну, и каждый делается, как собака».

4.XII. И до чего живуч человек, все у него отняли, а он все еще карабкается.

Это про Россию я говорю и русских.

Сегодня было великое нашествие — И.А. Ряз[ановский], Тиняков [?], [3 нрзб.] и Разумник.

7.XII. Вчера объявили осадное положение. Был Ф.Ив. «Заплатить приказу от [1 нрзб.]». Переучесть вексель.

10.XII. Вчера были [1 нрзб.], Приш[вин], Лунд[берг] и [1 нрзб.]. Принесли папиросы. Спорить так не годится. Спор у нас одно оскорбление. «Не хитри в деле сем».

13.XII. Вчера был Пришв[ин].

Пьяный Булат [4 нрзб.]: «Мне пора уходить!» перекусить или не перекусить? — на пальцах гадает. печки [1 нрзб.]

напрокудил, к стенке лепится навалил кучу [1 нрзб.] себя говорить с перемычками

18.XII. Понедельник. В 1/4 3-го на 19-й раздался оглушительный взрыв (горел на Гутуевском острове склад).

19.XII. Сегодня пришел Мих.Д. Семен[ов]-Тяньшанский. Убили Леонида Семенов[а] 14 декабря¹⁰⁵.

XII. Вчера видел на Среднем. Идет девочка с бутылкой, а впереди какой-то тоже с бутылкой. Девочка повернула на 12 лин[ию], тот было дальше идет. «Дядень[ка]! — крикнула девочка, — керосин тут продают!» И я подумал: еще можно жить на свете, и не совсем замкнул[ся] человек в зверя.

превратился в фифигу — невыносимый человек, к[отор]ый наследует солдат всех [1 нрзб.] выбил.

Солдаты России не заступают, а горько ходят по улицам.

XII. Вчера выпал снег. На кутью (к[отор]ой не было) пришли Исаев, Пришвин, Коноплянцев, Петр[ов]-Водк[ин], Гребенщи[ков]¹⁰⁶, Сологубы, Ив.Серг., Пр.Сем., [1 нрзб.], Замят[ин], Ан.Васил.

[1 нрзб.] = 2 руб. [1 нрзб.] = 5 р.

26.XII. водопроводчику — 1 р.

27.XII. трубочисту — 1 р.

эхо = гукает

= гук

1.I.1918 г. Новый год встречал у нас Пришвин¹⁰⁷.

во сне видел Ивойлова, нехорошее что-то видел — старое.

Русская литература всегда стояла на стороне угнетенных и по заветам ее никогда не может стать в ряды торжествующей обезьяны¹⁰⁸.

1.1918. Костры заволжские — самосожжения — от Аввакума возродили Пушкина и Достоевского. Сила духа старой Руси сожигающей[ся] перешла в Пушкина и Достоевского.

Был Разумник — битва под Разумником¹⁰⁹. Вчера арестовали Пришв[ина]¹¹⁰.

С ружьями ходят. Разгоняют.

Метель.

На углу 12 [линии] Б[ольшого] п[роспекта] 2 красног[ардейца] с рук отнимают у газетчицы газеты.

— Бойтесь, чтоб не узнали, к[а]к в народ стреляли.

— Кто стрелял?

— Б[ольшевик]и.

— Смеешь ты. — И повел.

— Я нищая, меня ограбили!

На уг[лу] 7 [линии] и Б[ольшого] п[роспекта] вижу отняли у газетчика, и повезли его. И тут же пробегала прислуга с газетой — и ее тоже на извозчика.

— И не смей!

К Андр[еевскому] Собору. Толпа, войти нельзя.

— Расходитесь, расходи[тесь]! — красног[ардейцы].

— Мы архиерея ждем. Крестный ход! — истово крестится со слезами женщина.

— Хоть бы нам б[ог] помог.

— Только б[ог] и может помочь.

Разговор о стрельбе: с крыш стреляли.

— Да не пожалели вчера патронов.

Жен[щина] — Придет Виль[гельм] и заставит нас танцевать под окном. И будет танец.

— Большев[ики] устроили: каждый пойдет по одиночке с радостью.

Идет старик без руки и повторяет громче и громче

— Наказал Господь!

— Что что?

— Наказал Господь.

Справа старуха.

— Что говорит?

— Да наказал Господь. И погоду плохую послал.

[поздняя приписка:] тут его и расхрястали.

8.1. Елку не разобрали. Стоит не осыпается. Были вчера Добронравов и Замятин.

9.1. Вчера убили Шингарева и Кокошкина¹¹¹.

25 [минут] 10-го вечера — стреляют. 4 выстрела.

Европа! Старая Европа первая же расплюется с нами за то, что нет самой и первобытной чести.

Россия, хочешь осчастливить Европу, хочешь поднять бурю и сместь и на западе всякие веки старой жизни. И если так было бы, я не хочу твоего цветущего сада, который насадили окровавленные руки. Последняя Мурка, задушенная в канаве отравит мне все твои розы. Разговор с Блоком о музыке и как надо идти против себя¹¹². Голгофа! Понимаете ли вы, что значит Голгофа? Гол-

гофа свою проливает кровь, а не расстреливает другог[о]. Разговор с Сер[геем] Дмитр[иевичем Мстиславским] о Пришвине.

11.1. Вчера была битва [?] под Петров[ым]-Водкин[ым]. [1 нрзб.] мир: ликвидация с Разумн[иковским] «Знаменем».

С убитого Шингарева стянули куртку.

расторы — кривоножки.

19.1. 17.1. освобожден Пришвин.

вторник 19/6. II. Сегодня день особенный. Немцы вступают в Россию. Сегодня я видел, как на немецк[ого] солдата крестились бабы. (В суб[боту] получены были известия из Киева о убийстве митроп[олита] Владимира¹¹³).

25/12. [1 нрзб.] Судьба наша без судьбы. (Случайность, убьют, конец). [1 нрзб.] Лучше бы [1 нрзб.] да с [1 нрзб.] встретил.

«Небесное знамение

Москва, 22 февраля. Вчера при заходе солнца в Москве наблюдалось редкое небесное явление: от заходящего солнца поднялся вверх высокий огненный столб, перерезанный посередине поперечной полосой. Колоссальный багровый крест занимал западную часть небесного свода в течение нескольких минут.

Начинаются различные толки о кресте, идущем с запада»¹¹⁴.

27/14. Вчера приходили красногвар[дейцы]: нет ли у меня оружия? — Нету у меня оружия никакого.

[1 нрзб.] сегодняшний сон о муттер [?]¹¹⁵. А я видел Варв. Федор. Ремизову.

1. III/16. II. Дорожите любовью!

Прощение и прощание.

2. III/17. II. Подписан мир. Видел во сне М.И. Т[ерещенко]. Сегодня его освободили.

3. III/18. II. «Задавили нас немцы». Вчера сбрасывали с аэропланов бомбы на Фонтанке.

6. III/21. II. Сегодня 3-й день, к[а]к лежит С.П. Вчера был доктор. Разбегаются. Говорят, что в пятн[ицу] 23-го придут.

25. [III] = 10. [III].

Берес[тяной] клуб ¹¹⁶	= 66 (62 + 4) × 60 = 3960	257.40
Голова	= 109 (103 + 6) × 60 = 6540	
Подожок	= 111 (106 + 5) × 60 = 6660	
Змея	= 143 (140 + 3) × 60 = 8580	

23. [III]/10. III.¹¹⁷ Видел во сне Ком[миссаржевского], он сказал, что неделю назад сошел с ума Зонов. Помешался над вопросом «кой роман труднее?» Видел муттер, ее караулит женщина с черным провалившимся носом. Видел Троцкого, будто к нам пришел. А мы живем на каком-то стотысячном этаже, на самом верху башни.

Великий вторник 30/17 апр[еля]. 9 ч. 20 [минут]. Стреляют далеко где-то. Нет, это ракеты пускают.

29 мая. Вижу я, в каком-то невольном заточении нахожусь я. Только это не тюрьма. А такая жизнь с большими запретами: очень много нельзя. Вроде осадного положения.

Около полночи вышел я из своей комнаты в общую. Это огромная зала, освещенная одним невидимым светом желтым. В зале был пустой, какие-то два офицера сидели, как у билетного стола, у широкой моей двери. Дверь была раскрыта.

На страшной дали по горизонту тянулись золотые осенние березки. Одни из них были срублены, но не убраны, и висят головой вниз золотые. Только листочки были совсем маленькие весенние.

Я и подумал, вот она какая тут весна!

В зал вошли пятеро Кранцев [?]. Стали в круг. И один из Кранцев сказал обращаясь к другим:

— Г[оспод]а конты, мы должны приветствовать сегодняшней день начала нового года.

А я повторил:

— Г[оспод]а конты, как это чудно, конты?

И подумал: это какие-нибудь акционеры, у каждого есть счет и потому так называют: контами. А сошлись эти конты п[отому] ч[то] тут единственное место, где позволяют собираться.

Я все-таки не утерпел и обратил[ся] к самому старшему Кранцу:

— Почему вы говорите конты?

Тот смутился.

— Я это непременно напишу.

— Очень вам буду благодарен, — отвечает Кранц, — у нас торговое предприятие.

И вдруг я вспомнил, что не надо говорить, будто пишу я: писать запрещено.

И начинаю как-то оправдываться. И вижу, дама в сером дорожном платье, не молодая, жена этого Кранца. И я очень обрадовался. Ну, беды не будет. Я вспомнил, эта дама помогала нам перевезти наши вещи сюда, когда мы ехали.

— И Борис Михайлович Кустодиев тут, — сказала дама, — он тут комнату занимает.

Успокоенный, что ничего дурного не выйдет из моего разговора, я пошел к входной двери. И тут как-то со мной офицеры. Мы вместе вышли из двери на маленькую площадку. Перед нами, как улица огромная площадь. Офицеры тщательно соскребавают оставш[ийся] ледок. Они [2 нрзб.]. Огни желтые освещают.

А по горизонту далеко березы золотые.

— Как в Герма[нии] приучили в чисто[те] держать, — подумал я.

В это время из залы к нам вышел высокий офицер.

— Вас надо в штыки, — сказал он.

Я понял, он хотел сказать, что мне надо нести какую-то военную службу, и я сказал:

— Никак не могу — и показал на грудь.

— У нас все заняты, — ответил офицер, — одни орут. Да вы понимаете?

И тут я сообразил, что офицер малоросс.

Мы пошли с ним в залы.

— Вы из Кеми? — сказал он.

— Нет, я из Москвы.

— А где же ваша родина? — Тот не понимает меня, — сказал офицер.

— Я русский, Россия, Москва.

— Ха-ха-ха! — захохо[тал] офицер.

И я понял, что какая же у меня родина, что он правильно смеется надо мной, потому что России нет.

С.П. видела вчера:

Будто погасло электричество. И я ничего не вижу. Но я знаю, что здесь кто-то страшный присутствует.

— П-п!

Но его нет.

Я пошла искать его ощупью, но электричества нет, и ощупала руками лоб. Разбудила его.

И говорю:

— Тут кто[-то] страшный, пойдем.

Но он не успел ответить, а я крикнула:

— Эй, кто там, выходи.

И вышла жен[щина]: большая полная в белом на Н.Львовну похожа. Молчит. Я поняла, что это. Я изловчилась, да к земле ее пригнула и на нее сама легла, да и трясую ее, трясую. Но чувствую она не умирает от моего трясения. И в это время [1 нрзб.] Н.Л. я [1 нрзб.].

— Н., ложитесь вы на меня, а то я одна не справлюсь.

— Я боюсь, что я вас задушу, если я на вас лягу.

А она вдруг подняла голову и две певички поют — вы с ней очень долго затянитесь!

Устюша = Тюша

Как сдавит скука, и человек ничего не стоит.

28/15. VI. 1/2 с[ажени] дров¹¹⁸.

23/24. VI. 6/7. Ночь под Ив[ана] Купала. Стрельба.

Вчера убит гр[аф] Мирбах. Пошел в театр и... вернулся — стреляют.

7/25. Лепешки по 3 руб. два раза укусить.

[Деловые цифровые записи]

Мороки¹¹⁹

Крепкие мои калоши оказались такие рваные, что страшно и взглянуть. Откуда, что, ничего не понимаю.

Иду по снегу — белое, белое. И на душе так же бело.

Очень далеко зашел, это я в Москве. И я не один, а с моим братом.

— Подожди, — говорит, — я посмотрю, можно ли.

Мы стоим на крыльце, где живет кто-то, я не знаю, кто, но там можно было бы передохнуть.

— Нельзя, пойдем дальше! — возвращается он.

И я опять иду.

Снег — белое, белое. Но на душе совсем не бело.

Чужая мать. Мед и яблоки.

8.XI.1918.

с 16 на 17 июля уб[или] Н[иколая] П.

9.XI.1918.

14/1. VII. 1918 — 23/10. VIII. 1918

15/2. VII — 21/8. VIII. Кислов[о] — 40 дн[ей] и 40 н[очей]¹²⁰

14/1. VII. 1918 г. Воскресенье.

Выехали из Петербурга в Кислово-Микитово к Ив.Сергеевичу Соколову. Поднялись в 5 ч. утра. 1/2 8-го на трамвай сели, в 9 1/2 ч[асов] выехали. Место заняли, слава Богу, хорошее. И весь день ехали благополучно.

15/2. VII. Понедельник.

В 2 1/4 ч[аса] д[ня] приехали в Вязьму. В 3 2/4 в 4 кл[ассе] — в Семлево. И в Семлеве были в 4 1/4 ч[аса]. Пошли в чайную Ракасуя. Без 1/4 5-ь Ив.Сер. повез нас к себе. А вещи наши вперед Степан Иванович, 50 верст проехали и были на месте без 1/4 1-го ночи (без 1/4 11 по с./в[ремени]).

16/3. VII. Вторник.

Сегодня первый день в Кислове. Я в должности пчеляка. Вот в окно прямо перед моими глазами домики пчелиные.

Дорогой, как увидел близко землю с травой и цветами, подумал, так, д[олжно] б[ыть], если мертвеца выпустить из могилы, так смотреть будет.

Деревнями проезжали. Все лес сложен. Стройка идет. А по ж[елезной] д[ороге] налад чувствовался, хоть и ход был товарный.

В прошлом году, как ехали, вспомнать страшно. И ни одного-то солдата. Старики, родители Ив.С., сердечные люди, приняли нас по-царски. Мать Ив.Сер., Мария Ивановна одареннейшая с большой силой. Одно меня, как всегда мучает, боюсь стать в тягость. Только бы С.П. наладить жизнь, сяду я за труд мой мучительный. 17/4. VII. среда.

Много снов мне снилось. И все забылись. Еще нет ровности житейской, не могу отдаться чистой мысли.

Авксентьева я видел во сне. Сейчас вспомнил. { снимались в комнате и на балконе

18/5. VII. четверг. (письмо послано Як[ову] Петр[овичу] Гребеншикову).

Видел во сне д[окто]р[а] Ланга. Живет на море. Исследование показало, что жесточайшее малокровие. Смотрю в окно. И одно говорю: «Господи, как хорошо в Божьем мире!» { снимались и невиновный и винный страдает отсталось = осталось

ворье

лезут когда на изгороду

они теперь не к пристани

Полотилик Григ.Сер. Куликов[?]

1807

Иди к немытому! черту

VII. вторник.

Видел во сне Федора Ивановича.

24/11. VII. среда.

очень много видел во сне, но ничего не запомнил. Идет дождь.

В Щекине на р. Угре церковь Иоанна Рыльского. Б[ожья] М[атерь]

Ченстоховская.

С.Н. был тихий.

25/12. VII. четверг

Видел во сне [1 нрзб] Шаляпина. Сад наш [слова смыты].

26/13. VII. пятница

Много снов видел. Получ[ил] петерб[ургские] газ[еты]. Полед[няя]

23. VII (вторник)

27/14. VII. суббота

видел во сне Ариад[ну], Блока, Алексея Толст[ого], Зин[аиду] Ник[олаевну], Лундберга, Шестова. Будто Пасха.

28/15. VII. воскресенье

видел во сне Настю. Ел хлеб с новой муки. И объелся. 2 газеты.

29/16. VII. понедельник

видел во сне Арк.Пав. Зонova.

30/17. VII. вторник

Ночью такой был ливень, казалось, снесет весь дом.

31/18. VII. среда

видел много бандеролей, писем. Ювачева и какого-то юродивого. Все дождь. 2 газеты. «Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции». В СПб. 1793¹²¹.

1 авг./19. VII. четверг.

Сегодня после дождей ясно. Вчера пробовал косить. Видел во сне Чернявского Н.А. в военной форме и Нат[алью] Вас[ильевну Григорьеву].

2 авг./20. VII. пятница Ильин день.

Такая была чудесная ночь с тихими крепкими звездами. И вдруг дождь. Вчера опять косил 1 1/2. «Речь» воскрес[ная] от 28 не пришла. Получ[ил] 2 письма: 1) от Рукавишника 2) от Прас[ковьи] Сем[еновны].

3 авг./21. VII. суббота.

Видел во сне жену Лундберга. Взял у меня Всеволожск[ий] книги без меня, не оставил реестра. Ф.Ф. Коммиссарж[евский] пришел, я его хотел остановить, но он очень поспешно скрылся.

4 авг./22. VII. воскресенье]. Мар[ия] Ма[г]д[алина].

Вижу, И[ван] С[ергеевич] входит. И за ним мальчик. Принесли ему пальто зеленого цвета — пальто Достоевского.

В Петербурге] совершился переворот, свергнута совет[ская] власть. Вижу генералов, все в новеньк[их] золотых погонах.

Пришла посылка от Ф.Ив., от его родственников. И вот он сам входит. Горячий большой кулич, пасха и коробочка с подписью Ф.И. Шеколд[ина]. Он посмотрел и умер. И еще посылка от Роман[ова], яблоки, но все они прелые лежат. Пасмурный облачный день. Слышно как звонят к обеду, так тихо — за 4 версты слышно.

Получ[ил] 2 письма [от] С.Рем[изова], [нрзб.]¹²²

5 авгу[ста]/23. VII. понедельник.

Видел во сне, будто ездил на автом[обиле]. Не доставл[ена] [почта].

воскресенье] 28. VII. среда 31. VII

6 авг./24. VII. вторник

Опять дождь.

Во время обеда меня стало ломать. И я принужден был лечь. 37,2 пот[ом] 37,8 п[ульс] 100

7 авг./25. VII. среда

Ночью такой пот, не спал. Малины выпил 3 стакана п[ульс] 90-82 т[емпература]

36,4

36,7 — 12

36,6 — 4 ч[аса]

36,4

8 авг./26.VII. четверг.

Видел во сне, что у нас обыск. Входят солдаты в турецких шапках. А главный — женщина. Она подошла [ко] мне и говорит: «вы ездили на Кавказ до станции Семлево». «Ездил» — говорю. И понимаю, что это что-то значит. И действительно, солдаты ушли. Потом идет поезд и я замечаю, что по спешке я набрал много лишнего: все калоши и гири. И все это выбрасываю.

утр[ом] 36,5.

Сегодня поднялся. Только голова болит.

9 авг./27.VII. пятница.

Ночью проснулся весь мокрый. Долго не мог заснуть. Мысли бежали очень быстро. Видел во сне Аверченко, Ив[анова]-Разум[ника], с которым 2 раза за границу ездил. Попались потом сербские солдаты. А у Аверченки парикмахерская и аукцион. Я принес картину Гончаровой и, кажется, ее продали. Там же был Добужинский.

утр[ом] 36,4.

10 авг./28.VII. суббота.

Видел во сне, что переехали в Екатеринбург. Скучища смертная.

11 авг./29.VII. воскрес[енье]. Сераф[имы девы]

36,1

Видел во сне Зин.Ник. Гиппиус. Спрашивала меня: откуда я знаю, как она верует.

Вчера был в бане. А какой чудесный был вечер — осенний. Ясно, тихо, осенне. И сегодня без единого облачка небо.

В саду и на лугу желтые цветы, как по весне — второцветы.

Днем прилетают с озера стрекозы — жениться. Птицы молчат, давно перепели, только одна какая-то стонет.

12 авг./30.VII. понедельник

Ночью дождь. И сейчас пасмурно. Но тепло.

О России в истории будет написано мелким шрифтом.

13 авг./31.VII. вторник

Видел во сне Вар.Фед. Ремизову.

14 авг./1 среда

Видел во сне Рославлев[а], Конч., Нат[ашу], [1 нрзб.]. Вчера у С.П. был новый припадок печени днем. Холод стоит, не дай Бог.

15 авг./2 четверг

Видел Вар.Фед. Рем[изову]. Сегодня ночью был мороз. На утро все было покрыто белым.

16/3 авг. пятница

Видел во сне Павла Елис[еевича], Сологуба. Хотел купить в немец[кой] мясной говядины. Арестовали будто Сергея. И еще видел мух, иду по площади, а все мухи лежат целыми грядками.

17/4 авг. суббота

Волки и те стадом ходят.

18/5 авг. воскрес[енье]

Видел во сне, будто Викт[тор] Рем[изов] тоже служит в Театрал[ьном] Отделе.

19/6 авг. понед[ельник]. Преображение

Вчера была такая чудесная лунная ночь, а сегодня с утра дождь. Три последних дня ничего не писал, выдергивал канву. Видел во сне Бальмонта, Вар.Ф. Ремизову.

20/7 [августа]. вторник.

Видел во сне жену Назарыча и старых знакомых своих, к[ото-]рых совсем забыл, они [1 нрзб.].

21/8 [августа]. среда.

Видел во сне Чуковско[го], 70000 процент[ных] бумаг, Чулкова (Чулков привез красного вина), Настю. Встретили на поле [?], она сказала, что приискала себе место. Дождь. Вчера хотели выехать, не пришлось. Что-то будет сегодня, удастся ли. Сегодня 40 дн[ей] и 40 ночей, как в Кислове.

22/9 [августа] четв[ерг] [1 нрзб.]

23/10 [августа] пят[ница] [1 нрзб.]

Знаете, бывает у меня такое чувство, точно я виноват перед всеми. И мне хочется прощения просить у всякого. Около чужого несчастья руки греют.

Моему горю как-нибудь помогать надо, что же делать.

Заяц на пеньке

лица их, как земля

тело их прилипло к костям их

власы их оброша до пояса

до раму брады их, к[а]к стрелы

по персям лежат, от голода и

ноготь и ризы их изодраша

лежаща от гладу и [1 нрзб.] распадаша

а голоса их, к[а]к пчелиные

VI

Заяц на пеньке

1919 — 1920

до переезда на Троицкую.

до 30.VI

Петербург

3.III. Чего же мне вдруг жалко стало?

А жалко мне стало туманного пасмурного утра. Я стою на лугу около леса. Кукушка кукует и звонит монастырский колокол.

Это было очень давно под Звенигородом в Спасо-Сторожевском монастыре, где мы, странствуя, останавливались.

Вот чего мне жаль — расставаться не хочется.

Не вернешь —

Кукушка и там кукует. Балтрушайтис лет 10 мне вез из Швейцарии часы с кукушкой¹²³, да так и не довез. Но все равно и там кукушка.

10.III

Чего я вдруг обрадовался?

Наклонился я над самоваром [что-то не шумит] угольков подбросить и вдруг так ясно представил себе устьсысольскую осень — яснейшие вечера с синей зарей, зеленые разросшие мхи и жгучую тоску тогдашнюю¹²⁴. Оторванность от жизни, молодость.

30.III

Тоска на меня нахлынула¹²⁵. Зубами стучу от ее лютости. Снился мне нынче сон большой. Комната — вся книгами уставлена и на полу книги и в эту комнату поселяют меня одного. И чего-то жалко мне. И не уйти никуда.

Как-то потерялся я. Я так [?] уж не говорю, а это от старых звуков отзвук.

2.IV

Покорился судьбе, я подставил спину под плети и лицо плевкам.

И не говор[ю] ничего.

Я иду весь пр[о]зьябший, победив всякую стужу, иду [через тьму] улицей прямой дорогой к могиле.

Я знаю, ни в ком не пробудится милосердие и я упаду обессиленный.

Судьба, которой покорен я, ты может одна сжалишься...

Судьба, которой покорен я, если бы знать мне, зачем тебе нужны мои унижения и весь мой страдный путь?

Судьба, которой покорен я, помилуй, помилуй

Не меня!

Не меня!

5.IV. Когда я вчера шел поздно вечер[ом] по трамвай[ным] рельсам по Невскому, раскатанному с ухабами большой дороги, под пронизывающим ветром и держал в руках документ мой, заготовл[енный] ч[то]б[ы] не расстреляли у мостовой [1 нрзб.], я вдруг до отчетливости ясно понял всю тупость благодетелей человечества, я понял, что всякое благодеяние, исходящее от ума, несет не благодеяние, а злодеяние — какую-то насильственную машину, бреющую и стригущую.

IV. Снилось мне ([1 нрзб.]) комната с двумя окнами, посреди зеркала. Я причесыв[ался] пер[ед] зерк[алом], выглянул в окно и вижу на небе огромный ключ, а у окна женщину с девочкой.

— Посмотрите, на небе ключ?

Та смотрит, а ключа уже нет, исчез, а на его месте Б[ожья] М[атерь] такая же, как ключ, железная.

— Посмотрите Б[ожья] М[атерь] теперь!

А в это время и Б[ожья] М[атерь] исчезла, а стоит Христ[ос] золотой с огромным посохом и говорит:

— Становитесь на колени, сейчас будет конец света.

И тут же [?] люди оказали[сь], стали на колени.

А небо потемнело.

В саду [1 нрзб.] тут по[а] в белой шапочке, на шапочке золотая звезда. Мальчики проносят огромное блюдо с причастием и всех будет причащать.

Все стали на колени.

За себ[я] мне не страш[но]
и не [за] себ[я] я прошу.

все [1 нрзб.] мертвецы, но я понял и то, что только от сердца может идти подлинное истинное добро живому миру

(24.III) 6.IV. И опять жгучая нашла тоска.

И чего-то жалко мне.

Горит — горит —

13.IV. *Вербное [воскресенье]*

Видел во сне Ф.И. [Щеколдина]. Будто он пришел, прочитал о себе¹²⁶ и очень остался доволен. Вообще он увидал то, чего хотел видеть при жизни.

А вчера видел В.В. Розанова. Будто спит на кушетке¹²⁶.

15.V (*Вторник*)

После 6-и вдруг точно прошло что или нашло на меня и я почувствовал, как меня сжало всего и пьет —

Борюсь, не хочу поддаваться.

8 ч[асов] в[ечера] 37,4.

Вспоминаю сон прош[лой] недели: приехала Ол.Дав. Камен[ева], привезла мне туфли — нехороший сон.

10.IV.

Взбираюсь я на снежную гору — трудно, скользит, проваливается, а главное не знаешь, может над ямой идешь, — сзади женщина.

— Вот по горам горам уж лазает

— Да, или так плохо ходить

— А за то все наше: и земля наша и небо наше и все безобразияе ваше

— Да, ужасная жизнь сделалась

— Не жизнь, а жестянка от разбитого экипажа

Иду я возле Сената

— [1 нрзб.] нет ли у вас работы — голос сзади.

— Как[ая] вам работа?

— Возьмите меня служить хоть даром

— Не могу, не нужно мне

— Вы не обижайтесь. К кому же нам и обращаться, к[а]к не к вам, а у вас и самих теперь нечего.

— Да уж к[а]к нечего.

Стала рассказ[ывать], к[а]к она с голоду скоро помрет, у нее квартира [1 нрзб.], а дров нет, кероси[на] нет и все продано, что было.
26.IV. Вчера проходил по набережной.

Нева идет — Иду, и все смотрю. И вижу, не я один на мосту, стоят, тоже смотрят.

— Нева идет.

И отчего это глядишь, не оторвешься, как река идет.

И я подумал:

— А когда у нас все кончится и настанет тишь да гладь, скучно будет.

Движение тянет.

27.IV. Наши комнаты, только все они больше.

В моей комнате сидят. Барышня Е.Г. Григорьева. Я выхожу, а у себя лежит А.М. И слышу, шаги [1 нрзб.] в столовой.

— Да помоги же мне!

— Как так я позову сейчас ночь, ведь [1 нрзб.].

И хочу сказать: [1 нрзб.] А А.М. говорит:

— Да здесь никакой [1 нрзб.] не поможет. Будет решено направляться со всеми, у кого нет 1/2 ф[унта] революцион[ности?] а у меня только 1/8-шка.

2.V. Лед ладожский прошел. Сегодня жарко.

Растворил комнату, закрытую на зиму и вдруг вспомнил «Бесприданницу» с Коммиссаржевской¹²⁸.

Он говорил мне —

И что-то зажглось на сердце

Ой, чего же это поется и не остановишь

А вчера я подум[ал], глядя на ракеты: от нас видно, на 6 этаже живем, куда вода не подымается и электричество не горит:¹²⁹

Как на реку, когда лед идет, смотреть и смотреть, так и на ракеты глядеть — к[а]к летят огненные змеи и птицы.

Кто говорит: уезжай [1 нрзб.].

А я говорю:

— Куда же я поеду, тут хоть место нагретое.

А то говорят: в Кронштадт уезжай, а я говорю: упаси, у нас страшно, а на этом острове еще страшней.

[2 нрзб.] идей.

Тут недавно возле академии ученье было, один солдат и говорит: «Товарищи, не пойдемте на фронт, все это мы из-за жидов деремся!» А как[ой]-то еврейчи[к] с портфелем «ты нам [1 нрзб.]». А он опять: «Товар[ищи], не поедем на фрон[т], это мы все за жидов». А еврей и [1 нрзб.] скомандовал: «Стреляйте в него». Тогда 2 солдата вышли, а он побежал. Не успел до угла добежать, они его настигли, да как выстрелили кишки у него вывалились и целая лужа крови. Я иду и горько [?] плачу. Красн[огвардеец] подошел и говорит: «Иди в свою квартиру плакать!» Я говорю: «Когда это публично делают [?]: то можно публично и плакать».

3. V. Сегодня по пути домой я встретил много странных людей безногих, безруких, выползли на свет божий. — И я вспомнил как 26. II. 1917 тоже вдруг появились —

появилось.

Или это обида выходит на улицу?

11. V. Видел я¹³⁰, проснулись мы, а на улице городовые стоят: в ночь заняли Петербург, никто и не слышал.

Я иду, спешу, точно скрываюсь от кого-то — от полиции? — не знаю, я один. Сумерки, захожу в какую-то рожицу и вдруг вижу гроб несут, я в сторону — а и тут другой несут. И куда я не метнусь — все несут покойников — черный гроб, а носильщики — сестры в белых косынках.

18. V. Видел во сне А. А. Блока¹³¹, будто наряжен он в красный костюм, напоминающий китайский Горького.

Я говорю А. А.:

— Вам надо женские ботинки, я всегда в женских и тогда на каблуках костюм будет совсем хорош. Без каблуков невозможно.

А Разумник замечает:

— У вас всегда были подленькие мысли.

Блок А. А. приходит, за ним народ — народ черный, один он в красном.

28. VI. Охотиться за водой! Никто не поверит. А мы всякий день этим занимаемся — к нам вода на 6 этаж не подымается.

5. VII. Сегодня утром у нас пошла вода. Радовался, как теплу. Какое это счастье, когда из крана течет вода и не надо за ней охотиться.

Ехал на трамв[ае] к Горькому. Нахлынула память жарчайшая. Чем же человек жив на этом свете ужасном, чем красна крат-

кая изменчивая его жизнь? Не встречей ли, не любовью мгновенной и разлукой, не верой ли и разочарованием. Вот в этом клубке измен и очарований — жарчайшая тоска. Тоска, которая живит душу.

Подумал о Горьком: сколько он видит слез и слез человеческих¹³².

— Чересчур.

17.VII. Опять на распутье: вывезет или пропад?

На первом месте: агитационная литер[атура], затем учебная, потом классики, а потом все мы еще живущие Робинзоны.

На жалованье жить невозможно¹³³. Надо еще что-то. А печатать не будут. Как же жить-то.

Вывезет или пропад?

В прошл[ом] году, помню, когда уничтожили газеты и журналы было жутко и до 19 года. Осень и зиму побирался, должал, потом вывернулся кабалой.

А теперь.

что вывезет

на что надежда

9.VIII. Все хотел записать и откладывал, о добрых людях. Есть добрые люди. У нас на Большом [проспекте] стоит старуха, милостыню просит (сегодня декрет об упразднении нищенства). А всякий раз, проходя, вижу я, как подходят к ней какие-то женщины, шушукаются с ней, а на лице у нее тогда как луч, светится: помогают, видно.

3 дня горит электрич[ество] до 12-и. Слава богу.

Боюсь, когда думаю о дровах. А думаю часто: редкий час не думаю. Как будем жить.

Вообще вся наша жизнь пугает меня.

Утром встаю с отчаянием.

Все силы уходят только не на то, чтобы писать, а что-то такое делать, чтобы быть на белом свете.

Боюсь. Хватит ли сил на все эти хождения.

5.IX. Ночью был обыск по всему дому. К нам постучались в 3-и ч[аса] утра.

7.IX. Ходили осматривать квартиру от жилищ[ной] комис[сии] к уплотнению.

Вода у нас совсем не течет

11.IX. Был трубочист, не бывший год.

16.X. В окно полыхает зарево.

21.X. Началось с 13.V с понедельника. (Взятие Ямбурга)

Вчера без 1/4 6-ь с «Севастополя» выстрел — необыкновенно торжественное что-то точно запело и у [1 нрзб.].

И сегодня под утро в тот же час я проснулся — опять такая торжеств[енная] песня [?] тончайшей стали.

С воскресен[ья] стою в очередях по 3-4 часа.

Сегодня выдался особенно тяжелый день — 2 очереди

Когда ехал в [1 нрзб.] на Исаакиевск[ой] начинали путать проволокой. А когда возвращался, видел в Алекс[андровском] саду [1 нрзб.] пулеметы и около солдаты. Шли солдаты, курили.

IX. Первый снег. Градус мороза.

С понедельника сижу дома — простудился. В субботу уж хворь была, да думал, обойдется. Второй уж раз за эту осень.

А сегодня как-то бодрее.

А последние дни такие темные.

Думал: подам прошение Совет[у] Народ[ных] Комис[саров] расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы.

Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать¹³⁴.

Тучи разбегаются [?], солнце.

Читаю Н.В. Успенского. Я еще с детства полюбил.

Надо его оправдать. Есть замечательные вещи — Мопассан. [1 нрзб.], «Так на роду написано».

3.XI/21.X. Завтра Казанская. Завтра назначено общее собрание для ликвидации Теат[рального] Отд[ела]¹³⁵. Я прослужил год и 5 м[есяцев] (с мая 1918 — ноябрь 1919). Начал с 500 р. в м[есяц], а кончил 5.898 р.¹³⁶

30.XI. С 19-го я в Театр и Зрелище.

Сны мне больше не снятся

Я [это недавно] как-то спохватился, где сны — нету.

Истомленный ложусь и сплю.

Свиная жизнь наша. Делать все — не хватает ни сил, ни времени для своего дела. И свое не делаешь. Сколько я думал, а записать и пустяков не удосужишься.

Ожесточенные мысли приходят мне в ожесточении моем и отчаянии.

Я вдруг понял, что добродетельным может быть только богач и властелин. Только власть и богатство дают человеку привилегию быть добродетельным.

Может ли бедняк быть честным и добрым

Ждем весны. Только бы дожить до весны.

И что странно: я делаю все, самую грязную работу, не могу делать своего, а привилегированное сословие моего дела не может делать, а от своего отлынивает.

И получается одна свинская нищенская жизнь.

1 дек[абря]. Вчера утром вдруг

Слышу захолонуло сердце.

Это то чувство всего мира ко всей твари.

Это радость жизни.

Это веяние крыльев белых.

Это отзвук песни миров.

Сегодня поднялся в бодром духе. Готов все принять и под-
нять, кажется самый последний труд.

Вчера понял, что надо нести крест, а какой крест легок. Но
надо, п[отому] ч[то] так надо.

3. XII. *Культ мускулов.*

Завтра 17 л[ет], как напечатан «Бибка» (1902-1919)¹³⁷.

6. XII. Горечь на сердце.

Ничего не пишу¹³⁸. Только старое, старое, старое, чтобы
только к[ак]-н[и]б[удь] прожить

12. XII. 6.435 р. + 643 р. 50 = 7076 р. 50	6.435	2
3.503 р. 86		3217.50
		1250
		1967.50

10.582 р. 36

2.500	2
1250	

10.511.58

3.503

7.008

2.500

4.508

643.50

8

5148,40

6435

11.580 р. 40 к.

15. XII. Ломают заборы. Как я рад, что ломают заборы

23. XII. Это совсем неправда, будто вечера литерат[урные] — одно
развлеч[ение] и думать ни о чем не надо. Нет это больше, надо
напряжение души, навык, воспитание — труд.

1920 г.

3. III/19. II. Вчера было видимо великое знамение. Среди бела
дня в солнечности открылась радуга, а над ней венцы как солнца.

Народ говорил: «К усиленной войне»

(«Усиленный» слово употребительное, напр[имер] «усилен-
ный паек»). Во сне видел мои любимые ножницы, которые никак
не могу найти.

почалиться = позариться

беспоследственно

Беда родит силу

Хлынувшие льды [и бегство человека] вызвали огонь
Для спасения человек похотлив очень.

Реестр писем в Публ[ичной] Биб[лиотеке]¹³⁹

I 1902-3-4 — 73	X 1913 — 181	Писем	V.V. Розанова — 17
II 1905 — 82	XI 1914 — 137		
III 1906 — 146	XII 1915 — 257		
IV 1907 — 93	XIII 1916 — 278		XIX 1920
V 1908 — 100	XIV 1917 — 202		XX 1921
VI 1909 — 69	XV 1914-1918 — 135		
VII 1910 — 103	война		XXI 1921
VIII 1911 — 183	XVI 1918 — 176		
IX 1912 — 224	XVII 1919 — 170		
<u>1073</u>	XVIII 1906-1914 —	<u>-48</u>	
		<u>1554</u>	

1627

Умерла бабушка, мать М[арья] К[онстантиновны] Гржебиной, Ольга Ивановна.

Вчера видел во сне японского принца: свои сочинения ему дал с картинками. И еще будто ПТО все во вшах, все спит, кроме ком[наты] 15. Танцы. Через стек[ло] двери видел стол сервированный. Туда придет М.Ф. Андреева.

— стучите хорошенько

— я теперь умею ногой лягаться

6.III. воскресенье.

Видел во сне Ионова, будто лежит у него на столе разрешение на мои книги — печатать¹⁴⁰. А Ал.С. [Ионова] будто лежит: у нее сын родился. И рядом ее мать сидит.

21.III. «Я не пророк, я не апостол, я тот петух, к[отор]ый запел и отрекшийся Петр вспомнил о Христе».

20.III. В ту ночь приснилось мне¹⁴¹, будто сижу я в нашей комнате на уголку стола — поздний час, давно все в доме заснули, и у проф. Гревса погас огонек. А я сижу с зав[язанной] гол[овой] — [2 нрзб.] — и курю с изнывающей думой бездельно. И вдруг слышу, шаги — стучит по лестн[ице], подымается кто-то. И от стука сердце у меня упало.

— Эх, думаю, не во время это все. [Мозг у меня в голове высыхает, а тут соображать надо].

А уж близко, стучат — в дверь стучат.

Я затаился на миг — и знаю, что понапр[асну] идут, ничего у меня нет, а в то же время страх как[ой]-то пойманный.

И опять стук. Встал я.

— Эх, не во время ж.

Отворяю.

Наш[а] мал[енькая?] прих[ожая] будто расц[иренная] в боль[шой] зал. И входит человек: весь он в крас[ном], не то это это опуще[нные] крылья, не то огром[ные] легки[е], а внутри ни[чего] нет, толь[ко] какие-то ребр[а], как[ая-то] кость, вырезанная на гравюре по меди, и лицо — очень бледное и не то что бледное, а как у бедуина, опаленное солнцем, иссуш[енное] жаром и бор[ода] черная, толь[ко] на [1 нрзб.] той бороды, сам[а] собой выросла, из людей никто, пустой и эта голова, как на возду[хе], п[отому] ч[то] нет ни шеи — пустой и к[акая]-то [?] реберн[ая] кость.

Но глаза глаз[ами] — я посмотрел и уви[дел] через них, то же лицо, т[а]ки[е] [же] глаза и дальше то же лицо и те же глаз[а], а челов[ек] один стоял против меня.

И тако[й] ужас напал на меня — даже не чувств[овал], я как пойм[анный] заверт[елся] на месте и проснулся, боясь шевельнуться.

А присн[ился] мне этот сон после чтен[ия] пье[сы] Евг. Замя[тина] «Огн[и] св. Д[оминика]» (Инквизиция). В этой пье[се] [так] же стучат, как в мо[ем] сне, и тот же мой ужас от это[го] стука. И есть инквизиторы.

*11.IV/29.III. 1 день Пасхи*¹⁴²

Теплынь, благодать. Вчера, когда возвращался от Андрея это не ветер, а зефир какой-то благоприятный в теле у теплого океана.

русский человек должен говорить на двух языках: по-русски на языке Пушкина, и по-матерному

Вчера была мне удача — редкий подарок. Копнул переплет «Мысленного рая»¹⁴³, а там целые сокровища — скоропись.

15.IV. Бес мутил под Пасху: свечка у меня таяла, я зажигал и тушил и вот хватился, нет шапки. Нашел, слава Богу, а все-таки перепугался — вырвали у меня из рук спящего. А у мальчика, который немного дальше стоял, шапки так и не нашлось. На Кирочной №15 в домово́й церкви поп вышел и прямо затянул «Христос воскрес» (долго не разрешали служить и пока изловили в последнюю минуту)

Кто-то крикнул: Что-то [?], батюшка, не то.

Поп, стоя в царских вратах, — «Эй, черт»

Создалась сумятица, вой и плач.

В Казанском соборе как[ой]-то подросток, озорничая задумал закурить от свечки, чуть не разорвали

Второй день, как лежит Сер[афима] Павл[овна]. Припадок печени. Второй день воды нет. Измаялись, измучились. Вчера я не выходил из дому, сторожа. А сегодня сбегал в лавку, Господи, словно пух зеленый налетел и покрыл деревья и у нас по линии трава.

второй день в [1 нрзб.] t 15° R.

А меня, как ночь, душит кашель. Господи, измаялись, измучились.

Куклы: Му
ам-ам

— Вы упали духом?

— Я? — вот вода у нас не подымается.
сердце горит

Сижу и чувствую, что топлюсь —
дома воды нет, опоздаю, и не принесут.

ветер воет
как воет —

ехал, смотрел на Неву

бежит, бежит —

«Завтра к Лошкомоеву надо идти, стоять в очереди, клянчить»¹⁴⁴

Подумал

а Нева бежит —

По площади идти побоялся,

холод такой нестерпимый — думаю, не вынесешь

Как это зиму прожили!

А тут апрель и сил нет.

Просто ничего не просить, так отдаться на волю Божию
и сгинуть — очень скоро.

Эх, воду прозеваю.

Опять, опять ветер —

Прогревает на солнце.

Рассматривает — заснуть? — и от курева дремлет

часы слышу ясно — идут

Опять воду вспомнил.

15.III.1921¹⁴⁵

р[або]ты Лени[на?]

зарождение нэпа

16-17-1918 УБ[ит] Н[иколай] П

Мед и яблоки

Подумайте, знать, что никогда не будет на нашей улице праздник,
это ужасно.

Петлин

Крошкин

Пишу тебе письмо, стихами¹⁴⁶

пиром чирнило моего

но я прошу тут вас слезами

ну растолкуйте мне его.

VII
Гошку¹⁴⁷
1920 31.VI — 1921 5.VIII
Петербург

30. VI. На новую квартиру переехали¹⁴⁸ Троицкая, 4 кв. ↓.

5. VIII. То, чего она так боялась, о чем боялась думать, что может случиться и с нею, а это случилось (кто [1 нрзб.] и очередь [?]) только в сказках, с той девочкой, за которой гналась Баба-Яга и настигла и ловила, случилось сегодня утром под полдень на Троицкой ул.

Девочка лет 5-и не больше, девчоночка в бледно голубом вылинялом платьице и такой же вылинялой бледно желтой кофточке, стиснув в ручонках коробочку с папиросами, обернутую белой бум[аг]ой металась со стороны в сторону с криком из [2 нрзб.] ни за что не поддаваясь мальчишке-милиционеру в заш[итной] курт[ке], кото[рый] добродуш[но] с улыбкой не злой (смешно ведь!) гонялся за ней и никак не мог изловить.

И не поймал бы, если бы были ей ворота, но еще двое в темном пересекли ей дорогу и схватил ее, улыбаясь под истошный крик

— Дяден[ька], дяд[енька], отпусти!

— Оставь ее, оставь ее! — голоса из остановившихся прохожих, к[отор]ые следили за всей этой сказочной правдошной сценой.

И на лицах не было никакого удовлетворения, что вот под полдень случилось то, что случилось только в тех страшных сказках, которые любила эта несчастная девчонка.

Я пересекал всю эту гоньбу, ни на минуту не задержавшись, все видя и сердцем обращенный к той минуте, которая, м[ожет] б[ыть] на всю жизнь перевернет душу этой девчонки.

Последнее время думал много о всех событиях наших и всего мира.

М[ожет] б[ыть] иначе нельзя. Нельзя, невозможно, ч[то] б[ы] ч[еловечес]кая порода добровольно пошла по-другому в царство духа.

Надо насилие, огонь, надо утратить, гнать человечество.

Иначе нельзя, по косности своей не [может — *зачеркнуто Ремизовым.* — А.Г.] в состоянии человек сам своею силою. Инквизиция огнем думала спасти душу человека; а я думаю террором — уздой декретов — можно спасти человечес[тво] — вывести его на новую дорогу.

В переустройстве матерьяльн[ых] отношений матерьяльное
выставляется идеалом — материальным.

но это кажущееся по ограниченности человеческой.

путь же через матерьяльное к духу.

обвивается вокруг сердца, как язык и кровь течет из сердца

Я больше не вижу небо.

Я вижу улицу, толкучку, торговлю и облаву

24. VIII.

Есть русские люди бессовестные, такие, как Роз.Тин. Гор.¹⁴⁹

— ” — и подл[ые]

26. VIII. Собственность не воров[ство], а собака на сене

но уничтожение собств[енности] требует высокого развития
духа человеческого.

развивалось терпение

создают не идеи, а корысть

книжность ничего.

вино, корысть, торг[овля]

[1 нрзб.] (брови)

Нищие, а самовар есть [3 нрзб.]

Летопись моей жизни

30. IX. Утро. Иду за молоком в Петрокоммуну. Всякий день дают.
1 бутылку за 32 р. Великое благодеяние. Но я всякий день должен
ходить с Троицкой на Адмиралт[ейскую] набережн[ую] 12.

Больше никуда не выходил.

Когда шел, мысленно писал до ожесточения. Писал 1 сцену
из Китовраса¹⁵⁰, статью о Скоморохах (Огоньки)¹⁵¹ и Шум Города
(рассказ)¹⁵².

А вернулся — разбитый. Куда уж писать! Точно сожжен. И
только к вечеру восстал. Но тут принес Алянский переписку Гер-
шензона и Вяч.Иванова¹⁵³.

И до поздней ночи читали мы с Соломоном: он за Гершензо-
на, я за Вяч.Иванова.

1. X. Утро. Вся душа переполнена. Сел бы к столу и писал: А надо
идти. Куда идти?

— В Петрокоммуну, все за той же бутылкой молока. И это
еще вовсе не означает, что вот я пришел и получил, нет, я еще дол-
жен, как водится, подождать и вочередиться. Без этого никакая
добыча не дается и ничего получить нельзя.

Сначала пошел в контору Г[р]жебину. Потолкался (который
месяц хожу выручать рукопись своего «Рва львиного»¹⁵⁴). Сегод-
ня там все сердитые. Поправил вывеску «галоши» на «калоши» и
пошел дальше. — в Петрокоммуну. Первый холодный день. Из-

зяб. Из Петроком[муны] с бутылкой вернулся домой и сейчас же пошел в ПТО на Литейный. А вернулся совсем замороженный и посеревший. И дома холодно.

Иногда мне кажется, что [больше] уж не выдержу — я, ведь, совсем обескровленный, и если держусь на ногах, когда весь валяюсь, то только упорным духом своим. Вечером писал расск[аз]. И окончили с Соломоном переписку Гершензона с Вяч.Ивановым.

2.Х. Утро. Ой, как холодно сегодня. Все окно запотело. Снег шел. Пошел в Балтфлот прикреплять карточку С.П. Из Балтфлота в Дом Ученых. И опять беда: не ту карточку принес: надо желтую, а я зеленую. Слава Богу, что в Б[алт]Ф[лоте] хлеба выдали. С хлебом вернулся домой и сейчас в ПТО на Литейную. А из ПТО в кухню. После обеда пришел Алянский с рассказом о Уельсе, как Уельса чествовали в Д[оме] И[скусств] — телятину ели с шоколадом.

— Уельс шоколаду не ел!¹⁵⁵

Писал «Шум города».

Поздно вечером пришли С[оломон] Г[итманович] и В.П. — расправляли серебро для игрушечной стены моей¹⁵⁶.

Потерял я мундштук — большое несчастье.

Упала лампа и разбилось стекло — не знаю, где и достать теперь.

Лопнул горшок из-под каши — где такой добудешь.

И что это такая напасть — все бьется!

3.Х. Сегодня воскресенье. Никуда не идти. Какое счастье!

Упала тарелка старинная и пополам, а с тарелкой и ваза из-под цветов — отлетели края.

Весь день писал. Кончил и переписал «Шум города». Заходил после обеда Замятин, принес мундштук. И телефон исправили — две беды прошли.

Что-то Соломона нет — 12-ый час. Устал я сегодня, но эта устал[ость] моя благословенна.

4.Х. Раннее утро. Ясное. Из противополо[жного] дома вынесли гроб некрашенный деревянно-желтый, поставили на дроги — лошадь рыжая. Только священник серебряный в серебряной митре. Кого это повезут? Какая-то старуха плачет. Лития — вечная память. Возница-мальчишка сел на дроги и повезли —

И ладан проник через мое окно.

Во сне видел Бориса Гитм[ановича Каплуна]¹⁵⁷. Весь в сером мышинном мягком. Показывал мне [1 нрзб.] узкие и [1 нрзб.] яблочный. Потом я очутился на лугу, нагруженный, продовол[ьственными] карточками и удостоверениями. Но какого-то главного у меня не было. И я все схватывался и ахал.

Потерялись мячик и перчатки. Мячик я нашел, а перчаток нет.

Пора. Куда?

— В Петрокоммуну за молоком.

По случ[аю] понед[ельника] молоко запоздало. Велели придти попозже. Ладно. Ничего не поделаешь. Пошел в Толмачевск[ий] университет. А оказалось, что занятия отменены (не все еще съехались) и приходиться мне не надо было. Пошел в Отдел Управл[ения]. В редакции никого не застал. Рукопись оставил какой-то барышне и в Дом Ученых. С лестницы на лестницу, добился-таки [и мне выдали. — *зачеркнуто Ремизовым.* — А.Г.] толку, но казначей куда-то вышел и заплатить деньги я не мог. А когда будет, неизвестно. Пошел опять в Петр[о]ком[муну]. Получил бутылку. И назад в Д[ом] Уч[еных] ждать казначея. Казнач[ея] я все-таки не дождался, и заплатил деньги какой-то барышне около казначейской комнаты сидящей. И больше у меня денег ни копейки. Есть цепочка серебряная. Больше ничего. Вернулся домой и пошел в ПТО. Заседание было сердитое. Очень горячился и когда вышел, показалось очень холодно. А погорячился из-за плёва человеческого — отголоска вечера в Д[оме] И[скусств] с Уельсом.

Соломон принес пуд иностранных газет. Алянский пришел с Н.А. Павлович — в первый раз. Шапошник[ов]¹⁵⁸ — [без стихов] за повинностью: отдал примус. Ал.Вас. «по-прежнему молчал». Разбирали альбомную запись Уэллса Алянскому. Какая мудрость в каждой строчке!

5.Х. С утра в поход. На Сергиевскую в прачешную за бельем. Ветер так и крутит беспощадно.

Подумал: к[а]к петропавловская пушка — звон. Это к расказу. В прачешной тепло. А вышел, ветер так и рвет, так и прокалывает. Вернулся домой. А дома новость: С.П. больше не служит в Балтфлоте. Эх, пропали папиросы! Побежал в Петроком[муну] за молоком, за минуту пришел и получил [далее следует глаголическая буква «добро». — А.Г.]. Из Петрок[оммуны] в Дом Ученых карточку прикреплять. Потом домой. Ходили к Алянскому на Колокольную. Сегодня у них последний день праздника — угощали нас обедом. Вернулись от Алянского, пришел секретарь «Крас[ного] Милиц[ионера]» Закатимов, очень хороший мальчик. Это все насчет всяких продовол[ьственных] карточек.

После Закатимова разговор с Эпштейном о печках.

Вопию нашим зеркальным стеклам:

погибаю от холода!

Был Алянский. Дела театральные. Дела союзные.

Дела московские — неделя скандалов.

За полночь спустился Соломон [на совещание].

В лавку привезли воз с яблоками. Когда вносили в лавку, мешок разорвался и яблоки посыпались на мостовую. Мальчишки сейчас же бросились подбирать. За большими полезли и маленькие. Тут пущены были вожжи, а одному голопузу извозчик наступил сапогом на руку — тот нагнулся, чтобы поднять, протянул руку и такое вышло.

6.Х. Пасмурное утро. Не могу никак вспомнить сна. Только вспоминаю какую-то дорожку очень зеленую. Собрался в П[етро]-ком[муну], пришел печник. Подождал, пока кончит печку и в путь. Сегодня теплее. Только у нас-то холодно будет — проломил стену для трубы. В П[етро]ком[муну] поспел вовремя. С бутылкой пошел в Балтфлот (в лавку). Из Балтфлота домой. Дома застал Веру Евгеньев[ну] Б.

Пылища в комнате, не дай Бог. Пошел в ПТО на Литейный. Толкался, добиваясь продов[ольственных] карточек и рецепта докторск[ого]. Вернулся домой, а дома стену прорубают — труба лопнула централ[ьного] отопления. Разворотили и ушли. После обеда пришла Вал[ентина] Анд[реевна] Щеголева и А.Н. Ходасевич. Ушли. Наталья Вас[ильевна] пришла. Холод ужасный. Что еще надеть? Не хочется пальто, а придется.

Была С.Н. Дважды вызывал по тел[ефону] Соломона — занято. Так и не пришел.

Еще новая беда: камин дымит.

7.Х. И опять утро и опять поход в Петроком[муну] за молоком и по Петроком[муне] путешествие за [1 нрзб.] с рецептом. Из Петроком[муны] пошел в Балтфлот. Не хотят отпускать С.П. Придется идти и завтра — надо же карточку-то отдать.

Погибаю от холоду!

Читал в Д[оме] И[скусств] «о человеке, звездах и о свинье»¹⁵⁹. Всегда мне тяжело, когда выступаю: все мне все кажется ненадобным, все это чтение мое.

Вернулись домой с П.Е.

К полночи спустился Соломон
неизбывную беду избывать
холодную.

Лег в отчаянии, дрожа и безмысленно.

8.Х. И опять — зачем проснулся и вот тороплюсь? Пошел в Толмачевку. Рассказывал о Достоевском¹⁶⁰ — «стиль бахвальный». Слушал своего ученика Соколова о колдунах из села Спаса Кологривского уезда Костром[ской губернии]. Память у него плохая, дорогой карандаш потерял, а на селе нигде.

Из Толмачевки (нет лучше, из Толмачей) в Д[ом] Ученых. Встретил Горького.

Говорю ему:

— Как стал получать учен[ый] паек, чувствую, что с каждым днем умнею.

А он смеется:

— Я, говорит, тут не причем.

— Как же, говорю, это вы сделали такой Дом.

Из Д[ома] У[ченых] в Балтфлот. Взял карточку С.П. Из Балтфлота домой и сейчас же в Горохр. Из Горохра, пообедал, и в Дом Литераторов.

Неужто выселяться придется?

Был Князев, тоже нос повесил.

ой, как не хочется.

Холодно, холодно, холодно.

И все-таки пишу. Начал расск[аз] маленький «Яблоки»¹⁶¹ продолжение «Шума города».

Вечером Нат[алья] Вас[ильевна] и совсем поздно из Одессы посол Прусс[?] от Вл.Нарбута. Понемногу отнекиваются, нет только Ив.Сер. Соколова.

Лег в 4-ом [часу], писал все. Да, опять беда: телефон.

9.X. Суббота. Самый подходящий день для прошений. Все становятся добрыми и внимательными.

Ну, пошел в Петроком[муну] и долго там пришлось выстоять, хоть и добрые все субботние.

Из Петроком[муны] в ПТО. И вернулся совсем разбитый. Вечером приходил Алянский и еще было литературное. В.Евг. читала рассказ. Сказала, на 15 м[инут], а читала час. И с ней Мар[ия] Борис[овна] Исаева.

Наклеивал серебро на стену.

В комнате как-то потеплело. Окна заклеили в моей комнате.

Рассказ дамский со словами словаря беллетристики и читанный и слышанный, одно, что это биографич[еское] и относится к Леониду Андрееву.

Спустился Соломон и была Нат[алья] Вас[ильевна].

Еще позднее лег — в 4-е. Писал.

10.X. Воскресенье, никуда. Весь день писал «Свет слова». Вечером приходили мой ученик Соколов из Толмачей и Беленсон.

Как это хорошо, когда никуда не выходить.

И писал и чайник вычистил.

11.X. В Толмачи. В Петроком[муну]. Домой. В ПТО.

12.X. В Горохр, в Нарсуд. Домой.

Переписываю и рисую.

13.Х. Разломило меня совсем пополам. Это от окон.

В Д[ом] Уч[еных] и домой. Какой денек-то сегодня — покровский!

14.Х. В П[етро]Ком[муну], домой, в Нарсуд.

Вечером нашествие.

Повесть листов в 15

Драма в 6-и картинах

Разговор до 3-х ч[асов] ночи.

15.Х. В Толмачи, в П[етро]Ком[муну], в Толмачи, в Петроком[муну] и домой. Книжку у меня похитили, хлеб и сахар пропал, а в ТО вместо сахара выдали крупу — говорят, не хватило сахара.

16.Х. В Петр[о]Ком[муну]. В Д[ом] Уч[еных]. Домой.

Вечером на «Короле Лире»¹⁶².

17.Х. Воскресенье. И вот с 1-5-и в м[алом] за[ле] консерват[ории] читал «О ч[еловеке], зв[ездах] и [о] св[инье]» и «Заяч[ьи] ск[азки]»¹⁶³.

18.Х (5 окт.). В Толмачи, П[етро]Ком[муну], далее в ПТО.

Были: Соломон, С.Гор[одецкий], В.Пл., Алянск[ий], Петр [?] Вас., Шишков [?].

До вечера приходил Клюев Н.А.

Приношений великое множество.

19.Х. Никуда не уходил

20.Х. В Д[ом] Уч[еных].

Приходил Н.М. Кузьмин.

21.Х. П[ет]р[о]Ко[ммуна], Д[ом] Уч[еных], ПТО.

с 14 на 15.ХI с воскресенья на понед[ельник]

Видел во сне будто слышу звонок, окликн[ул] С.П.

Она говорит:

— Звонят.

И так раза два.

И потом голос:

— Тут спит черт Копицин [?].

И это такой голос, открыл я глаза в ужасе.

Хорошо помню, от стены этот голос.

4.ХII.1920. Началась зима. Утром вижу снег и легкий мороз.

За трехлетием лихолетья наступил новый год четвертый и первый. И как счастливы те, кто прожил их

27.ХII. Первый похожий на зимн[ий] день.

И если бы солнышко наше было, солнышко тронули бы, все испортили.

Самый разгул чертячий, как всяк знает, в рождественский сочельник, еще есть одна ночь — крещенская, но в эту ночь потише.

Черти загодя готовятся к этому дню. И хоть всегда они беспреп[ятственно?] могут проникать на землю по всяким поручениям от Духа тьмы, но так свободно, как в сочельник, — один раз в году [удаётся].

26.II — 27.II

Ночь

В этой квартире¹⁶⁴

самовар ставят

А.Р. стоит у дверей в шапке «ученой» и в пальто [1 нрзб.] и А.Р. сказал:

«Меня ведь арестуют».

И я смотрю, вокруг стоят солдаты и сидят [?] кругом солдат[аты?].

От ужаса не могу раскрыть рта, язык не поворачивается. Рук[ой] открыл рот.

Иначе и не

Взяла сумку и пошла к Гржеб[ину?]. Темно на улице. В темноте идет знакомая фигура — дочь А.Ан.Д. Викт[ория?]. Тут еще ничего, а на Фурштадтской отнимут у меня продукты, к[оторы]е лежат в сумке. Поравнялись муж и жена. Муж в офицер[ском] [2 нрзб.]. Что-то [1 нрзб.] заговорить. Вижу, не плохие, хорошие люди. Идем вместе. Подходим ко 2-ой Рождественской, а это не Рожде[ственская] а к[а]к на 2 [1 нрзб.] устроены садики, как [2 нрзб.] и

И когда проходили через бульвары, деревья стоят в снегу

Вдруг стало сразу светло.

Я посмотрела на небо и сказала своим спутникам:

— Посмотрите! Посмотрите!

И да[ль]ше жаркие лучи [1 нрзб.] и разноцветн[ые]: синий, фиолетовый и желтый, как от солнца [?], [1 нрзб.].

Смотрим все и удивляемся

— Знамение, говорим

Вглядываюсь:

елка на небе

И кто-то из спутников говорит:

— Это елка, это значит, завтра воскресенье будет.

Они входят во двор и я с ними. Мы идем по нему [?] в дом по мрам[орной] лест[нице], где кормят детей и вся лестница уставлена едой: пирожные, холод[ец] заливной

Я боюсь идти

— Как же тут пройти?

Какая-то прислуга убирает.

Когда я вошла туда вижу:

К.Вл. и М.В. в коричневом платье. К.В. говорит:

— Мы пойдем ко мне ночевать на rue de Versaille.

— Хорошо.

М. говорит:

— Я сейчас ухожу. Пойдем ночевать в Наркомдел

— Хорошо.

Прощаюсь с К.В. И вижу, что ей это неприятно. Куда вышли с М.В. Двор длинный, никаких ворот — спасит[ельных?] вор[от].

[1 нрзб.] — быстро вперед ушла.

— М.В.! М.В.! кричу.

Но она уже исчезла. Я думаю:

— Вот тебе и на, я не знаю, как бы одно[й] пройти.

Обратно вхожу. Думаю:

«Пойду к К.В. на Avenue de Versaille».

Иду, во дворе грохочет.

Оборачиваюсь, прямо на меня лошадиная голова.

Я с ужасом отстранилась [?] и проснулась.

С 3-го на 4.

Сидим в моей комнате: я, С.П. и Сергей. Ночь.

С улицы вызывают из каждого дома и расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. Чей-то голос называет:

— Год — 69

И я выхожу через окно, но ничего [?] не поднимаю, а как в стеклянную дверь

Оборачиваюсь: вижу у стола С.П. и Сергей.

Кланяюсь и иду.

Под аркой сидит солдат, чуть освещенный лампочкой. Он что-то говорит.

Я понимаю, я должен присесть, чтобы меня сняли. И чувствую, что это не к добру — меня расстреляют.

И ясно вижу, что [1 нрзб.] солдат [2 нрзб.], что солдат негр и объяснять ему что[-либо] бесполезно.

Тут проснулся.

Потом видел м[ать] Блок[а], А.Блока, ветчину и колбасу, разобрали [?] под столом.

«В России возможно только два правительства: царское и советское!»

Ленин

1.IV. — Смотрела курички на улицы

— Курички видел

27.III. Я медленно иду, мимо меня проходят и говорят

— Послезавтра ждут кризиса, у нее тиф. Конечно по дороге захватила. 45 дней из Крыма ехала. По дороге девочку 7-и лет похоронила.

— Конечно из От[дела] Управ[ления] вам дадут бумажки, но ботинки вы не получите. Получают ботинки не только они сами, но и их жены и их дети, их матери, их бабушки и даже их прабабушки. А тут служишь с утра до ночи, и все равно никогда не получишь.

— Нельзя же всех расстрелять

Видел во сне Льва Шестова

шлифовал серебряный [?] [5 нрзб.]

беспарт[ийные] должны советскую власть
поддюживать

потому такая волокита, что там сидят буржуазные ошмотки.

фантазеры = фантазисты

не логично = это не [1 нрзб.]

нафорсилась [?] и пошла

после меня трава не расти

5 Авг[уста] в 4 ч[аса] дня в 3 ч[аса] ночи поезд¹⁶⁵

6-го. На Балтийском вокзале 8 ч[асов] утра. Уехали [?] в 11 ч[асов] дня.

7-го Утром Ямбург, стояли до 8 утра зря¹⁶⁶

8-го Обыск.

9-го в 11 ч[асов] веч[ера] приехали в Нарву. Сидели до 10-го вечера.

Вечером была дезинфекция и в карантине¹⁶⁷.

11. VIII. Карантин. Утром до подачи обеда [?] на вокзале выгрузка багажа (переход через Нарову).

12. VIII. мытье полов.

13. VIII. переход в ком[нату] 26 из 5-ой. Прививка оспы.

15. VIII. допрос. Узнали о смерти А.А. Блока († 7. VIII. 1921)¹⁶⁸

Помещен[ы?] вместе с туберкул[езными?].

16. VIII. Вечер. Снимались. Концерт.

17. VIII. [1 нрзб.]. Освобожд[ены] от соседства туберк[улезных?].

18. VIII. Преображ[аемся?]. Америк[анская] комис[сия].

19. VIII. Снимались у мешков

20. VIII. Кинематограф

21. VIII. воскрес[енье] «[1 нрзб.]».

22. VIII. выпустили из карантина. Вечером

23. VIII. Утро. Приехали. Сидим в комнате и ждем: пустят ли нас или [1 нрзб.]

24. VIII. Вечер переходили на ул. [1 нрзб.], 15

25. VIII. Паспорт по [1 нрзб.] до 19 сент[ября] в Консульстве

26. VIII. Фотография

27. VIII. субб[ота]

31. VIII. В.М. Чернов.

1. IX. Известие о смерти С.М. Гор[о]децк[ого]¹⁶⁹. Был Вл.М. Зенз[инов].

3. IX.

4. X. Вл.Ив. Лебедев.

10. X. Газеты. Неужто Гумилева расстреляли?¹⁷⁰ Не хочется верить

Детская карточка серии В

Два мира борются, мир новый и мир старый¹⁷¹
Корабль кренит
И над гнездилищем всех пролетарских маят
Гремит бетон, железо и гранит.
И на бетонном пьедестале
Мир пролетарский мы скуем из стали
В немногие бесстрашные года.

Горы мусору у нас
Надо вывезти сейчас
Мусор в кухне не копи
А сжигай его в печи.
Чтоб избежать холеры муки
Мой чаше хорошенько руки

Граждане хищнически расходующие воду будут привлекаться к ответственности.

Ешь ананасы, рябчика жуй.
День твой последний приходит буржуй.

Не трудящийся да не ест.

1917.

1918

1919

«Трудовая повинность»¹⁷²

На последнем заседании Комтруда был возбужден вопрос об освобождении от топливной повинности писателей, объединенных в союзе писателей, заменив им работы по лесозаготовкам повинностью по ведению культурной работы. Комтруд отклонил это предложение и предложил привлекать писателей к топливной повинности на общих основаниях».

Отдых подходит [?] свинье, человек не свинья, и никаких отдыхов ему не надо. Праздник это совсем дело другое. Развлечения, сны о духе¹⁷³.

Заградительные вехи

2.VI.1917

сiju и слушаю пение и как-то не верится: все врозь — и не замечают.

3.VI

бараны прошли — пыль, как дым

пó у-ли-це мó-стó-вóй

первая фигура кадрили

вспоминаю всякие пения:

поет один голос тонкий и от этого голоса тоска собачья

4.VI

все шло ладно и сегодня оборвалось из-за какой-то перламутровой пластинки, которую переложил в карточную коробочку мне показалось вчера, а может это мой глаз мнительный! мне показалось, что Наташа при посторонних стесняется за меня.

Я не сразу ответил на «как вы поживаете?» увидав вдруг выражение лица Наташи и почувствовал, что ей неловко за меня

Это я и сам хорошо понимаю, как это бывает.

Только насчет меня-то это совсем уж напрасно.

5.VI

жду с нетерпением возвращения из Борзны. Очень боюсь, что там расстроит что-нибудь и начнется история и конец моим занятиям. есть ужасно произносимо[е] слово вероятно лучше б уж говорили достоверно, вероподобно.

6.VI

разбой — «социальный протест»

заметил враждебный глаз на меня, и мне кажется, она в эти минуты просто ненавидит

А С.П. хоть и делает вид, что ничего не поделаешь, а я чувю, ее мучает, в самой глубине ее сердца мучает это.

Наташе 13 лет. Я помню себя в эти годы. Я перешел из III в IV

сидит Буц, головой трясет, язык высунул —

на солнце нашла туча и как снежинки полетели лепестки на зеленый двор

высоко летают коромысла

Юзеф косу точит, кукует [ку]кушка

Буц улегся.

И как сторожевая трещетка затрещал аист

Больше солнце не выйдет и закат будет туманный

8.VI

много мне сегодня снилось, но память о сне моем спугнули полотноца

Писательское ремесло это ужасно капризная штука: вся стройка воздушная — пустяки последние, слово, движение, шаг могут сдуть и не знаю, все ли писатели так, но у меня — это величайшее несчастье

и вот полотенца разрушили до беспамятства — и уж ничего не помню а история с полотенцами такая: оказывается их мало взяли из Петербурга, и четырех никак не хватает; и еще надо было взять не маленькую, а большую картонку, которая — нигде не помещается в вагоне и с которой в дороге одна мука. сегодня ветерок подул и летит летит акация — последние лепестки

*

Я встаю в 9 — 1/2 10-го. Курю, записываю сны и прибираюсь. В 11 — 12-ь выпиваю стакан чаю с хлебом. После чаю прохожу минут на 10-ь в сад. И опять в комнату. И сижу, занимаюсь до 3-х. В 3-и обед. После обеда ложусь с книгой. И лежу до чаю — до 5-и. Выпиваю стакан чаю. И возвращаюсь в комнату к себе и опять лежу с 1/2 часа с книгой. Потом пересаживаюсь к окну и занимаюсь до 1/2 8. От 1/2 8 до 8-и (не всякий день) гуляю по дорожке в саду. И домой. Зажигаю лампу и до 9-и занимаюсь. В 9-ь яичница и стакан чаю. После чаю читаю газеты или рисую или пишу — до 12-и. Очень долго не могу заснуть.

*

Иногда спохватываюсь: какое уродство! И как себя помню, я всегда что-то такое выделывал с собой — какое-то добровольное тюремное заточение. А иначе я едва ли бы мог. Гулять — я не могу гулять так.

И я думаю, что строй моей жизни и вовсе не уродство, а самое законнейшее приспособление.

Как-то Николай Бурлюк сказал верно, что мне затвор надо.

И одно меня смущает: затвор — испытанное дело. А улица. Как помню себя, всеми правдами и неправдами я все делал, чтобы обходить улицу. И первая катастрофа в жизни моей произошла именно потому, что вышел (вопреки воли своей) на улицу 18.XI.1896 г.

*

сегодня началась 2-ая неделя, как мы в Берестовце.

*

самое тягостное — это не ненависть (тут напрямик!), а не-любовь. не-любовь — это такая мутная среда, куда ни один луч не проникнет.

9.VI

видел во сне —

опять спугнули, а произошло это из-за боржому. Хотел раскупорить раньше и выпустить газ, не вынимая пробки, но пробка вылетела и много разлилось воды.

и опять о полотенцах, которых мало взяли с собой и еще о том, что рано поехали на вокзал — за 3-и часа! и еще о Машинном паспорте, который оказался у меня в кармане, а я уверял — клялся и сердился — что отдал, и еще о маленькой картонке и о невытряхнутых самоварах а вообще о моей куриной памяти и прегрешениях вольных и невольных

*

лег я в час из-за газеты, а не спал до 3-х.

ночью стонал кто-то, а мне казалось, что это С.П. И я очень затревожился и все лежал и курил готовый, если вдруг что, поднаться.

И когда я лежал, незаметно прояснилась ночь и это прояснение ночи, рассвет, выражался в каком-то колебании, точно

дом — это корабль

а ночь — море

потом я увидел шторы

и слышал первые клики птиц и шаги —

*

очень опоздали с самоваром и потому все вверх дном

*

как успокаивает, когда в теплый летний день слышно, как пилят дрова.

Надпись:

воспрещается лущить семечки, садиться на прилавок, если много людей, без дела не надо входить в лавку, за неослушание будут подвергаться административному взысканию.

11.VI

Заспал сон.

Перед судом понимания своего все правы всегда.

13.VI

На воле гром — гроза.

Вчера слышал, как Наташа говорила о политике всякую путаницу и про амигрантов. То, что говорила она, я не слушал,

но каким тоном! — и это постукивание кулаком об стол, все это мне напомнило С.П.

И еще напомнила — не отходчивостью. Уж, кажется, все кончила, легла, нет, все продолжает. И с той необыкновенной силой и твердостью в голосе.

*

сегодня Наташа сказала, что она только дома так кричит и так говорить может, а то боится. Наташа — трусиха большая. Это — мое, только я и дома никогда так не сумею сказать.

14.VI

Долго вчера не мог заснуть. И газет вечером не было и не спалось. Комар зудел, точно плакал.

Наташа очень горячая: плохо ей в жизни будет, трудно ей будет. Разве что спасет *боязнь*.

*

Наташа боится, когда начинают разговор о ее раннем детстве у нас. Должно быть, это разрушает какие-нибудь мифические ее представления, сложившиеся в Берестовце о ее первом годе.

*

нехорошие люди!

вот когда обвиняют *всех* простых людей только в разбое, только в корысти, хочется наперекор обелять даже и ту тьму, которая есть. Эти обвинители обвиняют сами-то из-за своей корысти. Только чистый суд во имя чего-то большого — суд праведный.

*

— Чего вы траву мнете!

— Нам теперь права даны.

— Ведь он дерево!

— Из-за вас деревом сделался.

15.VI

Вчера после газет о событиях 10.VI сон был расстроенный.

*

начали игру, в которую только вдвоем играют, *фильтр*

16.VI

Когда свинья ест, она хвостиком помахивает.

«интеллигенция это ненормальное явление в природе. Интеллигенция нам не говорит правды, а если при старом строе она бывала откровенна, то откровенность ее была продажной. При ка-

тастрофическом столкновении классов интеллигенция должна погибнуть»

из речи агитатора

*

Наташа избалованная. Избаловала ее Л., для которой Наташа единственная д[олжно] б[ыть] на свете — в жизни ее цель и утешение. К. не всегда здесь и она ее балует между прочим. От избалованности идут и капризы. Наташа капризная. Она повторяет чужие слова, — того круга, где ей приходится быть. Другие же к ней относятся скорее нехорошо: ею тяготятся. И если смела она в доме и своевольна, в гостях этого ей пройти не может. На нее не обращают внимания и она вдруг смиреет. Ласкать ее никто не ласкает: Л. не ласкает, п[отому] ч[то] она для нее все, а при такой близости выражение ласки невозможно

Вот пример: Аркадий и дядя. И это не по свойству исключительному Аркадия, это в порядке вещей, что он никогда не разговаривает с дядей, а оба молчат

а любят друг друга по-настоящему

Л. все исполняет, чего бы Наташа не захотела.

— Вытри губы мне! — говорит Наташа.

Л. вытирает.

— Подвинь меня! —

Л. подвигает со стулом.

Наташа сыплет сахару себе в клубнику столько, что едва другим хватает.

А укроп берет прямо горстью и ест.

Это она может и в этом ей не откажут — это так полагается.

18.VI

Вчера уж были признаки разлада. Сегодня совсем плохо. Решили ехать 30-го. Если бы удалось так осуществить и в мире.

21.VI

полночи не спал: была жестокая гроза, я думал, что дождем выбьет все стекла

*

узнал из газет, что в Пензе 16.I умер Волков Владимир Семенович. Добрый был человек и заклеванный, а заклевала его Пенза интеллигентская за «женский вопрос», как мне там один объяснил. Он был женат и женился еще студентом и была его жена лет на 20-ть его старше. И [у] нее были дети, состоятельная. И жил он в ее доме. Занимался делами — частный поверенный. Принимал в своей комнате. Жену не показывал. Говорили, что на содер-

жании живет. Это была его первая вина перед Пензой — а в Пензе к[ого]-н[ибудь] непременно надо винить, а то от скуки за-снешь.

А вторая вина: в Петербурге он сошелся с одной. Звали ее Надежда Владимировна (по отчеству не помню) Израильсон — на фельдшерских курсах училась — крещеная еврейка. Тоже привлекалась с ним по делу «последних народовольцев» 1890 г. и оба сидели в Крестах 2 1/2 года. Была у нее девочка. И должно быть, он ей ничего о своей семье не сказал. И когда оба приехали в Пензу, началась целая история.

Жившая в Пензе писательница Ольга Рунова (сотрудн[ичала] в «Рус[ской] Мысли») написала повесть из пензенской жизни, где все были выставлены и рассказана вся история и не так, как она случилась, а как могла случиться по пензенским соображениям. Повесть напечатана была в книжка[x] «Недели» Гайдебурова. Нас было ссыльных в Пензе: Ин[н]окен. Алексеев, Курилло, наз[анный] доктором (он кончил в Харькове, только не совсем), студент Горвиц, ко[тор]ый мне красное одеяло подарил, Барышев Алексей Сергеевич (студент).

Израильсон эта очень хотела, что[бы] мы с Волковым дружили.

Да чего-то не вышло.

Я бывал у него: герценовского вида в золотых очках, и очень разговорчивый.

А Израильсон приходила к нам, когда жил я с Алексеевым в одной комнате в доме, который купили Карпинские — тут я тогда и познакомился с Вячеславом Алексеевичем Карпинским¹⁷⁴ (женат на Сар[ре] Наум[овне] Равич)

Вспомнилось мне все это и решил записать, чтобы не забыть окончательно.

Израильсон на жену Леон[ида] Андреева, на Денисевич была похожа и было что-то и от Животовской — рот. Больная совсем, надорванная.

Вспомнил отчество Израильсон.

Крестный был Влад. Алекс., б[ывший] офицер, тоже с нами жил с двумя детьми, жена померла, был он то не то, что ссыльный, к[а]к Волков, а поднадзорный «на родине» — привлекался по делу их косвенно.

*

Пасмурный день.

И свежо, ветер большой.

Ничего не писалось за весь день, только рисовал да стол прибрал.

Оттого, что был дождь, мальчик не пойдет за газетами, так и не узнаем, чем окончилась воскресная демонстрация в Петербурге.

Наташа сказала, что она только здороваться стесняется.

Тучи идут валами —

и очень грустно.

а птицы все-таки поют и куковала кукушка.

все утро по двору конь ходил — еще бы, сколько за все жаркие дни всяких мух перекусало его.

И до чего мне скучно в деревне.

Сегодня 3-и недели.

Последнюю неделю я совсем не выхожу из комнаты, только утром после чаю.

Смотрю в окно —

Ничего мне не хочется: ни писать, ни читать

*

духовная мощь и мужество в жизненной борьбе — беспощадная борьба против зла, лжи, тьмы

Завет культа Митры-победоносного

22.VI

Говорят:

В Петербурге 5 полков за новое правительство и 5 полков за старое. Чья возьмет?

*

В первый раз затрубили и загудели жабы на болоте. После дневного дождя, когда ветер расчистил полоску на закате, ожили птицы и не так свежо

*

о комаре: когда на ночь потушу свет, зазвонит комар и точно где-то далеко в набат бьют

23.VI

чтобы увидеть домового, надо в великий четверг понести ему творогу на чердак.

так и сделала одна:

видеть его не видала, а только ощупала:

мягкий

если он скажет: у-у-у! —

это хорошо

а если: е! —

плохо

*

одна баба не велела сор из избы выметать, а велела заметать в угол

и в великий четверг, когда осталась одна, надела белую рубаху
и плясала на этом два часа

всю всеношную

а к другой, соседке, по ночам прилетает золотой сноп:
прилетит и рассыплется

24.VI

Лунная холодная ночь — полночь, папортник цветет

*

сегодня мое рождение: мне 40 лет.

играл в карты: в короли, в ведьму и в возы.

И Наташа в первый раз, проходя мимо окна, заговорила со мной
— спросила меня, сколько времени прошло?

И кланялась, как всегда.

25.VI

лег в 12-ь. Просыпаюсь, еще ночь, слышу, поют — это была ка-
кая-то ведовская песня: женские охрипшие голоса и врозь с муж-
скими.

Я долго лежал, не мог заснуть, все слушал:

голоса скакали, крутились, «катали», как тут говорят, — купаль-
ская песня.

27.VI

что видел во сне, ничего не помню

вчера еще с вечера началось великое землетрясение и возобно-
вилось с утра

все и забыл

из дому вестей нет: Ив.Алек. клялся и божился заходить к нам
всякую неделю на остров и писать, а прислал всего 1-о письмо,
да и то не из квартиры нашей, как было условлено.

И больше ничего, как в воду.

вины мои следующие:

I вина: доверился Ив.Ал., а надо было чтобы швейцарские де-
вочки писали

II вина: полотенца, которых было положено «для облегчения
багажа» меньше, чем это требуется для обихода

III вина: картонка, не взяли большую картонку, к[отор]ую в
вагоне не знай куда и поставить

IV вина: паспорт Машин: уверял я (и очень сердился сомнень-
ям) что паспорт я отдал, а он оказался у меня в кармане

У вина: на вокзал надо было ехать не в 3-и часа, а в 4-е, тогда бы паспорт отдан был Маше и самовары вытряхнуты. И эти пять вин моих, как острые самые зубья пилы, которой пилат грешников на том свете в соборе Благовещенском в Сольвычегодске.

28. VI

я с тобой и двух слов не сказал. Я только смотрел да здоровался, когда ты приходила по двору. А слышать я много слышал, как ты говорила. И очень мне понравилось, с какой горячностью ты заступалась и в этой горячности мне почувялась сила твоя и разумение. Я подумал: в тебе есть дух жив, как в твоей мате[ри]! И кулачками так же стучишь, когда очень уж за сердце возьмет. Вот мне и захотелось написать тебе, рассказать тебе о тебе же. А ты мне ответь, получила ли письмо. Я тебе и еще напишу.

Родилась ты в лунную весеннюю ночь, когда зацвел каштан. Жили мы в Одессе на Молдаванке — это самая заброшенная часть города, где ютится лишь беднота, и где начинаются обыкновенно погромы. Занимали мы одну комнату: очень было тесно. Хозяйка, когда ты родилась, была недовольна за беспокойство и все ворчала. Тебя положили на мою енотовую шубу. И помню я красненький дышащий комочек — это ты вроде комочка была. И все ротиком ловишь. А я на тебя так, как на Плика:

Вчера разговор зашел, что все началось с захвата (революция и есть захват!)

и что вот Ч[ем?] Бог наказал, а я подумал: о захватах вообще лучше помалкивать, кто не грешен и о наказании Божьем не судить человека, п[отому] ч[то] завтра, кто знает, придет и твой черед и ты будешь наказан. Нет, о наказании, как о беде надо принимать сердцем не злорадствуя, а жалея.

У Наташи совесть совсем закрыта для других и самое больше[е] есть маленькая щелочка к — щенятам, но к людям закрыто.

*

тут кончаются
записки берестовецкие
и начинаются черниговские
я сохраняю все, п[отому] ч[то] писалось
в значительнейший из годов
русской истории — в год
революции
1917-ый

Вонючая торжествующая обезьяна, питающаяся падалью, реквизированным сахаром и ананасами! Ты напялила на свои подпрыгивающие кривые ноги генеральские штаны, стянутые с растерзанного тобой генерала, на вихрастую голову, прикрывая уши, самодовольно нахлобучила красный французский колпак, присвоила крестное имя, русскую человеческую кличку и, обольстив изголодавшуюся горемычную чернь медовым пряником — посулом мира, хлеба, земли и воли, а главное праздностью и полным довольством, тупым пулеметом и бездушным штыком завладела Русью, родиной моей, покаранной за свою вахлацкую русскую лень.

Косноязычная и гикающая с набитым семечками ртом исковеркала ты родную полногласную речь главковерхами и викжелями, изъёрничившаяся ты могучее могу превратила в бессильное смогу, объявила изменниками русских людей, для которых твоя обезьянья морда есть обезьянья морда, а не лик Спасителей, как пыжишься представиться перед простецами и недоумками, набрала в свою обезьянью стаю все отродье, весь грех и позор наш русский, и расправляешься в судах — расправах своих, бросая по тюрьмам на снедь острожным вшам, кого твоя нога хочет, кличешь освободить старую Европу от коронованных зверств и захватов, а безвластную Русь, захватив, загнала расправой своей в каталажку, запустила лапу в оттопыренный карман богача, а теперь — обожравшаяся, торжествующая, вымазанная сладостями, калом и кровью, запустила лапу —

Нет, не хочу я твоего цветущего сада, который насадит твоя окровавленная рука, не прилягу я под твоей сенью. Задушенный в канаве, я отравлю твои розы.

Из временника¹⁷⁵

Спешу тебя уведомить, друг мой, что положение дел в великой свиарной империи страшно изменилось: все люди вышли из скотских загонов и объявили, что они человеки, но при этом они стали разбрасывать нечистоты на площадях и улицах, утверждая, что во всеобщем засорении заключается истинная свобода.

Вожди их говорили, что людей единственно можно убеждать, отказавшись от всякого принуждения, поэтому никто никого не стал слушаться. И каждый стал делать, что хотел.

Ты знаешь, что у нас в обезьяньем царстве свободно выражена анархия, но она подчинена строгим правилам и выработанным формам, которым каждый подчиняется совершенно свободно.

Например, хоть при переправе через реку — все берут один другого за хвост и таким образом переплывают цепью. Каждый понимает, что иначе переправиться нельзя, либо он утонет. Слабые же дети переходят по живому мосту сплетенных обезьян.

Представь себе, у людей — этих напыщенных дураков совсем иначе. Они стали не облегчать себе жизнь, а затруднять, причиняя всевозможные насилия во имя свободы и заставляя каждого заниматься несвойственным ему делом.

Так, во время войны полководцы продавали газеты, а обозники руководили армиями. Можешь представить, что из этого вышло. Особенно нам, интеллигентным обезьянам, было смешно, когда писатели скалывали лед на улицах, а рабочие писали драмы.

Нет, я никогда не унижусь до того, чтобы как-нибудь захотеть стать человеком, как об этом мечтала моя бабушка, находившаяся в крепостном состоянии у барона фон Пфиферганг в городе Штумбенбурге.

Мы видим противоположное явление: наиболее почтенные из людей с удовольствием отказываются от своего человеческого достоинства и, переходя в наши ряды, становятся подданными великого Асыки, моего государя.

Нужно сказать правду, превратиться из человека в обезьяну не так трудно, хотя и нелегко отказаться от предрассудков, связанных со чванной человеческой гордостью.

Преимущества же обезьян, если взглянуть трезво, безусловно выше человеческих.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из Рабочей тетради 1920-х гг.

1.

Как мы переехали на Троицкую в Отель, я мог писать.

А что было толчком к загранице? Предупреждение Б., что нас выгонят из Отеля. Если бы этого не произошло — мы бы не уехали, по крайней мере так скоро.

2.

Революция шла во имя народа для народа — воля народа.

И вот достиг народ власти и во главе его стали революционеры.

А «подпольный» человек говорит:

— Народ или я?

— Я. И подчиняться «воле народа» не желаю: под ничью дудку или «не-народа» плясать не буду.

— Враг народа.

— Нет, какой же я враг, но принимаю и это имя во имя свободы моего я.

3.

С. бросил бомбу и вот всё заволновалось. И как всегда зашевелились подонки и всякие паршивцы, они полезли защищать честь и обкладывать С. —

люди другого духа, другой меры,
никогда не рисковавшие жизнью
пошли судить

И это будет надолго — долго еще будет трубить всякая погань. За последние годы они подымали человека, славословили до обожествления, в их руках были слова, ч[то]б[ы] потом, когда придет срок, выползти из щелей, из тины с помоями и всякими горшками нечистот. Это какие-то в подлинном смысле низшие esprit, не похожие на «людей» — толкачики, это не то, что «бывшие», а никогда не бывшие.

Блюстители чести и необыкновенно падкие до суда. И травлей самоутверждаются.

4.

Купил карету, а лошади нету, и кольца курам для жилеток и кур не было.

5.

Любовь не имеет границ. Любящие найдут друг друга. И самое главное в жизни любовь.

6.

Привлекал петухом: тарелка, а на дне нарисован петух — если не хочешь есть, будешь есть ч[то]б[ы] петуха посмотреть.

7.

— она нашла у себя на постели вошь и очень боится заболеть сыпным тифом: она не знает, В. эта вошь или В. Она хочет, ч[то]-б[ы] В.: п[отому] ч[то] тогда она не действительна.

8.

Жизнь наша была горемычная, но мы жили в любви и совети. Но по чести нельзя [?] было жить.

9.

Люди бывают недобрые не от того, что они дурные и зла хотят другому, а от того, что за себя боятся: себя обделят или ничего для себя не получают.

10.

Пришвин — аэролог, метеоролог и космограф.

11.

[1 нрзб.] о воробьях в Берлине.
говно счищают, поклевать нечего.

12.

9.4.22. Во[т] что еще я понял в нашей жизни в России за эти годы: приходилось все время доказывать, что ты человек, а все шло против этого признания и борьба была ужасная.

13.

Я подумал: зачем ему креститься, ведь сердце его один пылающий крест.

14.

Была мысль после революции жить по-другому. Если мы прожили эти годы в России, то только благодаря тому, что были добрые люди.

15.

Если хорошего человека увидишь, на сердце легче.

16.

В мир[е] всегда стало жить тяжело. Когда началось и пошло все вверх тормашками — разладилась жизнь, я все думал: вот установится и тогда стану я писать. Прошли годы, и вижу, нет, не восстановить, другое началось и стало быть надо по-другому и жизнь свою раскладывать.

17.

4-х-летие русское стало школой мужества и утончило чувство своего первого права «трудового»: эксплуатация самая изысканнейшая, самая скрытая чуется за версты и за любезным словом. Ничего не осталось, было когда, рабьего.

18*.

Прежде я любил звезды и в звездах видел себе знак, я не мог разгадать, но непреодолимо тянулся к звездам. А с весны 1920 г. я полюбил ветер — вей. И его почувствовал, как когда-то звезды. И душа моя к нему. Через него моя связь с миром.

19*.

Как-то в самый голод в 1919 год[у] я съел просвирку — «четыре года берегли, белая».

Размочил и съел.

20.

Первое впечатление в Ревеле в церкви: все стояли понуро, униженные. «Как, — подумал я, — разве русские должны быть такие: русские должны стоять гордо!»

---

* Параграфы, отмеченные звездочками, в рукописи зачеркнуты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпиграф — вырезка из неуказ. газеты.

² Ср. дневник Пришвина от 25 февраля 1917: «Внезапно вынырнул откуда-то Уполномоченный Петрограда Вейс и предъявляет свои административные права» (Пришвин М.М. Дневники. М., 1991. С.242; далее: *Дневник Пришвина* с указ. страницы).

³ О возвращении Ремизова в Россию из Германии в 1914 см. в рассказе «Полонное терпение»: Ремизов А. За святую Русь. Пг., 1915. С.25, 29.

⁴ Ср. запись в *Дневнике Пришвина* от 27 февраля 1917: «Пробовал пройти к Ремизову, дошел до 8-ой линии, и потом из орудий там и тут, выстрелы раздаются, отдаются, кто бежит, кто смеется, совершенно как на войне вблизи фронта, только тут в городе ночью куда страшнее... А телефон все работает, позвонил к Ремизову, что дойти до него не мог» (С.243).

⁵ Имеется в виду И.А. Рязановский, служивший в тюрьме «Кресты». См. о событиях в «Крестах»: «Днем сильный отряд солдат и вооруженного народа после краткого сопротивления тюремной стражи взял Выборгскую одиночную тюрьму, Кресты. Все политические заключенные /.../ освобождены» (Русские ведомости. 1917. 2 марта. №48. С.1).

⁶ 1 марта был издан Приказ №1, адресованный всем солдатам и матросам петроградского гарнизона. Он предписывал создать во всех частях комитеты из выборных представителей от нижних чинов, в политическом отношении подчиняться Петросовету. Пункт 6 предусматривал отмену обращения нижних чинов к офицерам с применением общих титулов, ставания во фронт и обязательного отдания чести. 4 марта Приказ №1 был распространен на всю армию и флот.

⁷ 2 марта по соглашению между Думским Комитетом и Петросоветом было образовано Временное правительство (премьер-министр — кн. Г.Е. Львов).

⁸ В 1917 Ремизов продолжал работу над романом «Канавы» (др. авторские названия: «Ров львиный», «Плачущая канавы»). При жизни писателя не был опубликован отдельной книгой.

⁹ 4 марта М.Горький, озабоченный возможными актами вандализма в отношении памятников искусств, провел у себя на квартире собрание представителей художественной общественности, на котором была образована «Комиссия по делам искусств» (председатель — М.Горький, заместители — А.Бенуа, Н.Рерих, секретарь — М.Добужинский). После этого события прошел слух, что Горький хочет монополизировать ведение искусством и стать министром. 12 марта в Михайловском театре состоялся митинг деятелей искусств против комиссии Горького (см.: Муратова К.Д. Максим Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л., 1958. С.23-26).

¹⁰ См. письмо С.М. Ремизова от 2 марта (с пометой Ремизова о его получении «4.III.1917»): «От всего сердца, от всей души поздравляю вас дорогие Серафима Павловна и Алексей! Голова кружится от происходящего, горло сжимается и слезы выступают от величия и торжественности. Думаю, что на днях уже все начнут работать с удвоенной силой, а тем самым и скоро кончим войну» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.38).

¹¹ В кн. «Взвихренная Русь» при пересказе этого сна указано имя барышни — Пугавка. См. также в романе «Канава»: один из героев — Будылин — собирается жениться на девушке из простонародья — Анне Семеновне Пугавкиной.

¹² Возможно, что послушник Андрониева монастыря в Москве, знакомый детства Ремизова. Ср. в кн.: Ремизов А. Подстриженными глазами. Париж, 1951. С.103-106 (далее: *Подстриженными глазами* с указанием страницы).

¹³ Песня «Отречемся от старого мира» («Русская марсельеза»), стих. П.Л. Лаврова (1875).

¹⁴ Похоронная комиссия Петросовета приняла решение захоронить жертвы Февральской революции на Дворцовой площади. Затем местом захоронения было избрано Марсово поле. Первоначально похороны были назначены на 10 марта, окончательная дата — 23 марта.

¹⁵ «Немецкое» название «Санкт-Петербург» было официально изменено на более «патриотическое» — «Петроград» с 18 августа 1914 после вступления России в Первую мировую войну. Ремизов изначально негативно воспринял перемену названия города.

¹⁶ Ремизов А. Среди мурья: Рассказы. М., 1917. См. дарственную надпись на этой книге: «Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло. Алексей Ремизов. 1917. Эта книга вышла в самый первый день революции в 1917.23.2. и как-то сразу пропала: ее ни у кого не было и не купить нигде и ни одного отзыва» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.19).

¹⁷ Ср. *Дневник Пришвина* от 11 марта: «Дни — нарастающая тревога. /.../ Я не верю в Берлинскую революцию, но вражды не чувствую к захватившим власть, такой вражды, чтобы вступить с ними в войну и примкнуть к другой группе: их правда, но осуществится она не теперь, не сильно» (С.254-255).

¹⁸ Популярная революционная песня на слова стих. Л.И. Пальмина «Requiem» (1865).

¹⁹ Возможно, отголосок разговора с Пришвиным, присутствовавшим 14 марта на заседании Совета Р.С.Д. Ср. *Дневник Пришвина* от 14 марта: «В Совете Р.С.Д. — на выработке воззвания к рабочим всего мира (усы голодранца да купцы). Президиум: Чхеидзе (помазанник: смазали!), Стеклов: час лекции о французской революции и другим по 5 минут» (С.256).

²⁰ Возможно, это отражение разговора, зафиксированного в *Дневнике Пришвина* от 15 марта: «У Горького "штаб". /.../ Максим прекрасен:

радость проповедовать, чтобы люди почувствовали радость, изменяли свои личные отношения, чтобы писатели как-то по-новому писали. /.../ Большой очаровательный человек и в славе. Как человек подполья. Обойденные: Ремизов — сказал ему о Горьком свое мнение, и Ремизов побледнел, облился потом и говорит: "Вы лакей Горького!" и проч. Причина сего: несчастье его, которое загородило ему дорогу к свету, радости народной. Они революции ждали, из-за нее жизнь свою затратили, а когда пришла революция, сидят не у дела» (С.257).

²¹ В начале 1917 Кружликova должна была иллюстрировать неустановленную книгу Ремизова. См. ее письмо от 25 января: «Вот неудача-то! Простите. Не могу исполнить Вашу просьбу при всем желании, ибо 23 ян[аря] было, а 25 есть и, значит, срок пропущен. У меня рисунков нет, я не предполагала такой спешки. Если бы хоть пришло письмо пораньше, а то оно где-то, видимо, заблудилось. Как же Вы будете издавать без рисунков или кто другой сделает?» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.107. Л.1).

²² Ср. характеристику Тернавцева Ремизовым в ст. «О понимании» (1952): «Тернавцева я встречал на собраниях Религиозно-философского общества и у Розанова, обаятельный "цыган" из Кишинева. Улыбка — весна и в спорах, будь он и против, а как друг. Занимал он большое место в Синоде по отделу образования и страстный лодочник» (Сб.: Алексей Ремизов: Материалы и исследования. СПб., 1994 [в печати]).

²³ См. воспоминания очевидца А.И. Мельникова: «Улицы Петрограда в тот день имели необычный вид. Никто не работал: решением Исполкома Петросовета день похорон был объявлен нерабочим. Магазины закрыты. Трамваи не ходили. Улицы заполнены колоннами демонстрантов с яркими красными знаменами, транспарантами. /.../ Похоронные процессии шли к Марсову полю районными колоннами» («Вспомним всех поименно...»: О тех, кто похоронен в братских могилах на Марсовом поле / Публ. А.И. Мельникова // Белые ночи. Л., 1978. С.252-253).

²⁴ Слои — дружеское прозвище Ю.Н. Верховского.

²⁵ В 1917 В.Н. Унковский служил врачом южного военно-санитарного поезда Ее Имп. Вел. Гос. имп. Александры Федоровны. См. его письмо Ремизову от 27 апреля 1917, посланное после их встречи в Петрограде: «Привет Вам из далекой Румынии, приехал на днях. Из Петрограда я направился в Харьков, где прожил несколько дней. Оказалось, что меня не перевели в Россию — пока буду служить в Румынии» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.214. Л.30).

²⁶ В архиве Ремизова сохранился пропуск на визитной карточке управляющего Канцелярией Святейшего Синода П.В. Гурьева: «Петр Викторович Гурьев просит швейцаров главного Синодального здания пропустить в Синодальную церковь на пасхальную утреню г.Ремизова и с ним четырех лиц. П.Гурьев. 30 марта 1917 г.» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Л.11). См. также *Дневник Пришвина* от 2 апреля: «Мы ходили к заутрене с Ремизовыми в Синодскую церковь, "О мире всего мира!" — возглашают в церкви, а в душе уродливо отвечает: "О мире без аннексий и контрибуций!"».

И как сопоставишь это в церкви и то, что совершается у людей, то нет соответствия» (С.268).

²⁷ См. публ. Ремизова: Из «временника». Доктор Нюренберг // Почта вечерняя. 1918. 18 марта. №8. С.4. Нюренберг был прототипом Доктора — одного из героев повести «Корявка». См. об этом дарственную надпись жене на кн. «Корявка» (1922) (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.23).

²⁸ 1 апреля 1917 семья Пришвина переехала в д.Песочки Новгородской губернии (см. *Дневник Пришвина*. С.59, 404).

²⁹ В 1896-1902 Ремизов принимал участие в революционной деятельности (подробнее см.: Грачева А.М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица: Биографический альманах. Вып.3. М.; СПб., 1993. С.419-447).

³⁰ Издание сборника не состоялось. См. письмо В.Фигнер Ремизову от 5 октября 1917: «Вы можете составить обо мне самое дурное мнение, если вам не сказали, что /.../ сборник Ваш /.../ издать не удастся и его можно взять на Екатерининской, 1 у нашего секретаря. /.../ Причина — громоздкость сборника. Ведь вышел бы дорог в продаже; 2) типографии завалены работой по текущим вопросам и я лично прямо чувствовала бы себя неловко, занимая рабочие руки изданием такого сборника. Две-три вещицы, прочитанные мной были такие, что не возбуждали охоты печатать их. 4) Вы все говорили, чтобы я и не читала, но я этого не могу, в интересах читателя надо бы все прочесть, но у меня решительно нет времени для этого. 5) Не читая, не могла рекомендовать и настаивать. Так он зря и пролежал в шкафу. Напишите мне добрым словом — я очень не хотела бы, чтоб вы сердились на меня» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.219. Л.1).

³¹ Далее следует конец тетради, где записаны отдельные слова и заметки.

³² Имеется в виду Б.В. Штюрмер. После Февральской революции он был арестован и умер в Петропавловской крепости.

³³ В с.Берестовец Борзненского уезда Черниговской губернии находилось имение семьи жены Ремизова. Настоящее написание ее родовой фамилии — Довгело (или Довгело). Здесь и далее сведения даны по неопубликованной рукописи внука писателя Б.Б. Бунич-Ремизова «Из воспоминаний о семье С.П. Ремизовой-Довгело» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.54. Л.1-21). Далее: *Бунич-Ремизов. Из воспоминаний...* с указанием номера листа.

³⁴ В 1904-1906 петербургский архитектор А.И. Гоген при участии арх. А.И. Дмитриева, А.В. Самойлова построил особняк в стиле «модерн» (Б.Дворянская ул. д.2-4) для балерины М.Ф. Кшесинской. Роскошь особняка породила слухи об источниках финансирования постройки, так как Кшесинская была известна своей близостью к Николаю II и членам императорской фамилии.

³⁵ Вырезка из неустановленной газеты.

³⁶ Сыромятники — район в Москве, где прошло детство Ремизова. См. описание родных мест в: *Подстриженными глазами*. С.49.

³⁷ См. запись в Рабочей тетради Ремизова 1950-х: «От Берестовца (имения) до города Борзна 15 верст. Мы ехали втроем: С[ерафима] П[авловна], я и Н[аташа]. Не хочется писать, запишу только канву. Хозяйка меня называла не А[лексей] М[ихайлович], а А[лексей] Иваныч, а раз Ив[ан] Ив[аныч]. Я молчал. Меня вызывали на ответы, чтобы посмеяться. Наконец, меня прорвало и я стал отвечать по-своему и прекратил под хохот. С[ерафима] П[авловна] была очень расстроена. Н[аташа] избегала смотреть. А возвращаться, я сел с кучером. У меня было чувство: Н[аташа] меня *стесняется*. Это было для меня ужасно: я ее очень любил. И вот через столько лет я пережил то же самое чувство» (*Собрание Резниковых*, Париж). Ср. также изложение воспоминаний Ремизова: Резникова Н.В. Огненная память. Указ. изд. С.48-49.

³⁸ В 1917 В.М. Ремизов находился на Румынском фронте подпоручиком в 157-й Воронежской пешей дружине.

³⁹ В кн. *Подстриженными глазами* упомянут «приютившийся у нас сын няньки, половой с Зацепы, принявший имя "Прометей"» (С.174).

⁴⁰ Во время Первой мировой войны О.Маделунг был корреспондентом немецких газет на Восточном фронте. О взаимоотношениях Ремизова и Маделунга см.: Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О.Маделунгу / Сост., подг. текста, предисл. и ком. П.Альберга Енсена и П.У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

⁴¹ Отражение психологической дисгармонии, испытываемой Ремизовым во время посещений Берестовца. Ср. свидетельство Б.Б. Бунич-Ремизова: «Когда же Серафима Павловна вышла замуж за Алексея Михайловича — ее приезды в Берестовец стали еще реже и короче: по той причине, что ее родные относились к Алексею Михайловичу весьма критически. /.../ Алексей Михайлович, очевидно, чувствовал, что он чужой в берестовецкой усадьбе — и во время редких своих приездов туда /.../ был сосредоточен в своих мыслях, которыми ему не с кем было поделиться. /.../ Периодами Алексей Михайлович ни с кем в Берестовце не хотел разговаривать, иногда отвечал невпопад, произносил, как казалось родным Серафимы Павловны, какие-то непонятные, бессмысленные фразы. В комнате, где жили супруги Ремизовы, Алексей Михайлович развешивал бумажных чертиков и любовался ими. Садясь за работу, он иногда покрывался пледом с головой, что-то из-под него шептал и выкрикивал. И у всех родных Серафимы Павловны закрадывалась подчас мысль о психической неуравновешенности Алексея Михайловича» (*Бунич-Ремизов. Из воспоминаний...* Л.14-15).

⁴² О няньке Прасковье см.: *Подстриженными глазами*. С.52.

⁴³ Текст дневника за 10 июня использован в романе «Канава». Ср., например: «Майские нарядные катанья в Париже в Елисейских полях, и какие измученные серые лица там, у подножия Святого Сердца, — жалкий приют измызанной в постоянном труде бедноты, и беспросветно. Пом-

ню весенний праздник в благоговейно поблекшей Флоренции, ее гремящие по-московски мостовые; и другое гулянье в Париже в опустошенном Сен-Клу — какие жалости подобные развлечения, топот дешево разряженной толпы, какая грубь сапог, и только что по-русски не матерят» (Ремизов А. Канавы // Ремизов А. Избранное / Подг. текста, коммент. и послесл. А.А. Данилевского. Л., 1991. С.542).

⁴⁴ Данное свидетельство подтверждает факт общения Ремизова с кругами социал-демократической русской эмиграции во время его летней поездки (1896) в Швейцарию, Германию, Австрию, откуда он вернулся с сундуком нелегальной литературы.

⁴⁵ Цит. из стих. Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860).

⁴⁶ Слабеющее здоровье матери — постоянный мотив в письмах к Ремизову брата Сергея, жившего в 1917 вместе с ней во флигеле при усадьбе Найденовых. См., напр., его письмо от 26 мая: «У тебя, Алексей, есть "Воспоминания" Н.А. Найденова, пошлю в дополнение родословное древо (хронологию проставь по селу Батыеву). Между прочим опасаясь, как бы скоро не пришлось мне давать тебе грустную, но неизбежную телеграмму: маменька все хуже и хуже становится, часто впадает в забытьё и говорит совершенно несвязные речи. Изо дня в день на моих глазах происходит угасание, и это приближение, это яркое ощущение неотвратимости рождает во мне какое-то еще неиспытанное чувство и не страх это и не жалость, а что-то иное; какая-то нежность, как к малому ребенку, хочется предупреждать желания, сделать хоть что-нибудь, что облегчило бы, принесло отраду в последний раз» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.61).

⁴⁷ Наташа восприняла культивировавшееся в семье Довгело представление о былой славе рода. «По преданию, сохранившемуся в семье Довгело (или Довгело, как принято было писать эту фамилию в начале 19 в.), их род происходит от королевской литовской фамилии, родоначальником которой был, якобы, некий Явно (или Явнут) /.../ К середине 19 в. от полуполюгендарного королевского происхождения семьи Довгело остались только воспоминания да потомственное дворянство» (*Бунич-Ремизов. Из воспоминаний...* Л.3-4). Аксиома о знатности своего рода составляла одну из основ самосознания С.П. Ремизовой. См., например, легендарное развитие этого постулата (с рассказом о старинном замке — родовом имении Довгело) и упоминание о трудных отношениях Ремизова с родственниками жены у А.В. Тырковой: Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего: Встречи с писателями // *Воспоминания о серебряном веке / Сост., предисл., комм. Вадима Крейда. М., 1993. С.338.* См. также критическую оценку этой легенды Б.Б. Бунич-Ремизовым, пользовавшимся «Записками» (1910-1912) брата С.П. Ремизовой — Сергея: «"Это была средняя усадьба, — вспоминает Сергей Павлович, — довольно-таки запущенная. Она никогда до конца не приводилась в порядок. Дом, выстроенный более 40 лет назад, стоит незаконченным... Не помню ни одной весны или осени, чтоб в эту усадьбу не заходили чужие свиньи и лошади через поломанную изгородь... Сад поломан и запущен". Так что замок с башнями в

усадеб, о котором упоминается в "В розовом блеске" (С.385-387) — то ли легенда, то ли рухнул от ветхости до первых воспоминаний Сергея Павловича и Лидии Павловны» (*Бунич-Ремизов. Из воспоминаний... Л.9-10*).

⁴⁸ См. статью «Подробности событий в Петрограде» (Киевская мысль. 1917. 13 июня. №145. С.4), где говорилось о «Съезде рабочих и солдатских депутатов» и возможных последствиях демонстраций.

⁴⁹ Ср. свидетельство Б.Б. Бунича-Ремизова: «Моя мать /.../ не раз говорила, что для нее самым родным человеком была воспитавшая ее Лидия Павловна, которую Н.А. Ремизова всегда называла святой женщиной. Е.С. Семенова [подруга детства и юности Наташи. — А.Г.] утверждает, что на воспитание и особенно учебу Н.А. Ремизовой большое влияние имела не Лидия Павловна, а Екатерина Павловна, с которой племянница считалась больше, чем с не в меру баловавшей ее Лидией Павловной» (*Бунич-Ремизов. Из воспоминаний... Л.20*).

⁵⁰ В юности С.П. Ремизова была участницей революционного движения. Ср. позднюю запись Ремизова: «С.П. была любимая "внучка" Бабушки Брешковской. С.П. судилась по делу социалистов-революционеров и была приговорена. Просидела год в Предварилке и 3 года в ссылке в Вологодской губернии (Усть-Сысольск, Сольвычегодск и Вологда)» (*Резникова Н.В. Огненная память. Указ. изд. С.28*).

⁵¹ 20 июня Ремизов получил письмо С.Ремизова от 14 июня 1917 — ответ на свой запрос о возможности остановиться у кого-нибудь из родных в Москве (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.64-64об.).

⁵² О В.С. Волкове и его жизни в Пензе Ремизов вспоминал в кн. «Иверень» (см. его описание Волкова в гл. «Кочевник» — Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл. и комм. О.Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С.124; далее — *Иверень* с указанием страницы). В этой книге упомянуты также Н.В. Израильсон и Ольга Рунова, что дает читателю намек на семейную драму Волкова, раскрытую Ремизовым при переработке этой тетради дневника в тетрадь «Заградительные вехи».

⁵³ Тематика сна навеяна полученным 21 июня письмом Сергея (от 17 июня), где подробно сообщалось о квартире, предоставляемой Ремизовым родственниками в Москве (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.65-66об.).

⁵⁴ Сублимация уничижительного отношения к роду Найденовых со стороны родственников С.П. Ср. в воспоминаниях Бунича-Ремизова: «Вся семья Довкгело очень отрицательно относилась к родным Алексея Михайловича, ставя их на одну доску с купеческим "темным царством"» (*Из воспоминаний... Л.14*). Подобное отношение было предвзятым: с середины XIX в. семья Найденовых принадлежала к культурной и финансовой верхушке московского купечества. Особую известность имел дядя Ремизова — Н.А. Найденов (1834-1905) — председатель Московского Биржевого комитета, глава найденовского Купеческого Банка и, одновременно, известный историк, автор многих книг, посвященных московским древностям.

⁵⁵ Возможно, сон отражает тревогу Ремизова за судьбу брата, до июня 1917 жившего вместе с матерью в Сыромятниках. См. письмо Сергея от 9 июня: «Сообщаю тебе новость. Я из Сыромятников уезжаю по письменному требованию В.А. Найденова [их дяди. — А.Г.]. /.../ Значит, произошла и у меня революция. В 42 года приходится начинать жить сызнова. Ну что ж, кое-что видал и испытал, попробую еще, да пожалуй это и к лучшему; одно только меня беспокоит — это маменька — я-то постараюсь обставить это незаметно для нее, но что поделаешь с окружающими бабами, которые уже начали свои нечумушные подвыванья, как дескать сына от матери гонят и как она без него будет (ведь эти идиоты Найденовы не смогли сделать все это келейно), толку-то нет, а маменька сильно расстраивается, вчера пришлось доктора звать» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.167. Л.62-62об.). См. дальнейшее развитие истории с изгнанием Сергея в его письме к Ремизову от 17 июня (второе письмо того же дня): «Сегодня утром покинул Сыромятники. В последние часы моего пребывания В.А. Н[айденов] устраивал всякие выпады, чтобы задеть мое самолюбие, имея целью, конечно, чтобы я сделал что-нибудь бестактное, словом как-нибудь нашумел и дал бы ему в руки козырь, но удовольствия этого я ему не доставил. Не могу я до сих пор взять в толк, не знаю чем объяснить эту подлую черту найденовщины — сделать другому человеку нравственную боль безо всякой для себя выгоды. И черта эта не покидает человека, стоящего одной ногой в гробу. У нас стоит жара нестерпимая, 45° и выше. А это действует на состояние маменьки, последнее время к вечеру она бывает малосознательна, но, конечно, это полоумие может подлиться и год, и более. Уехал я не прощаясь, будто на службу ушел. Во всем доме [имеется в виду флигель матери Ремизова. — А.Г.] идет ремонт. Верх, говорят, будут сдавать. Приедешь и не узнаешь дома. А знаешь почему ремонтируют, несмотря на страшную дороговизну? А потому, что В.А. так сказал: с М.А. может что-нибудь случиться (по-русски: умрет) придут люди и увидят, что она жила в грязи. Продержали до 70 лет черт знает как, а стало быть как умрет, чтоб видели, что они все отдавали для ее покоя. Мерзавцы!» (Там же. Л.65).

⁵⁶ Сохранился ряд писем И.А. Рязановского Ремизову за лето 1917, касающихся присмотра за квартирой. О тревогах Ремизова свидетельствует, напр., ответное письмо Рязановского от 14 июля: «Дорогой Алексей Михайлович. Присланная Вами телеграмма испугала и расстроила меня. Успокойтесь, Бога ради, успокойте глубокоуважаемую Серафиму Павловну — все благополучно, квартира цела: в ней обитает матрос Балтфлота Иван Сергеевич [Соколов-Микитов. — А.Г.]. /.../ Вообще нет повода беспокоиться, ибо в Вашей стороне на Васильевском Острове все хорошо, а в нашем краю, у Лавры были 3-4 да еще 7го июля целые сражения» (РО ИРЛИ. Ф256. Оп.3. Ед.хр.180. Л.28).

⁵⁷ Ср. воспоминания Б.Б. Бунич-Ремизова: Наташа «не имела представления о матери, свойственного детям, растущим возле родителей. Лидия Павловна рассказывала, каким непривычным было для девочки слово "мама", которому ее пришлось учить, когда Серафима Павловна

приехала в усадьбу: девочка привыкла называть мать так, как называли ее взрослые: Сима» (Л.17).

⁵⁸ См. вступление Ремизова к разд. «Херсон» в кн. «*На вечерней заре*»: «Сезон 1903 до поста 1904 г. в Херсоне с театром. С поста 1904 перекочевали в Одессу, а в мае в Киев. "Заведывание репертуаром" оказалось шире, чем я думал: в мои обязанности входила и корреспонденция, и отправка на почту. Заниматься своим не оставалось времени. Вспоминаю это время, как тягчайшее. /.../ Херсонским сезоном и кончилось мое театральное. В Николаев я ездил, а в Тифлис отказался. И начинается наша одесская страда» (Еуропа Orientalis. 1987. №6. С.237).

⁵⁹ Упомянутые в записи сна произведения Ремизова имели сложную историю создания и публикации. «Лейла» — балетное либретто. Единственный результат несостоявшегося замысла создать балет на музыку К.Лядова с хореографией М.Фокина см.: *Встречи*. С.167-171. Текст опубликован под заглавием «Алалей и Лейла» в кн.: Ремизов А. Русалия. Берлин, 1922. Повесть «Табак» в первом изд. под загл. «Что есть табак» (СПб., 1908) отпечатана в 25 нумерованных экз.; второе издание под тем же заглавием вошло в кн.: Ремизов А. Заветные сказы (Пб., 1920), отпечатанную в 333 нумерованных экз. См. также публ. текста «Что есть табак» и комментарий: Alma mater (Тарту). 1990. Октябрь. №2(4). С.7-8 (подг. текста и предисл. Е.Г.).

⁶⁰ Братья Ремизовы родились с собственном доме купца 2-й гильдии М.А. Ремизова в Толмачевском пер., №8, в приходе церкви св.Николая Чудотворца в Толмачах и были крещены в этой церкви.

⁶¹ В газ. «Киевская мысль» (1917. 5 июля. №163. С.2-3) сообщалось о петербургских событиях, связанных с июльским правительственным кризисом и концом двоевластия.

⁶² В газ. «Киевская мысль» (1917. 6 июля. №166. С.3) было дано суммарное изложение событий 3-5 июля и сообщено о переменах в составе Временного правительства (отставка Г.Е. Львова, новый премьер А.Ф. Керенский).

⁶³ Далее следует конец тетради, на ее последнем оборотном листе переписанный Ремизовым текст «Ессентукского документа».

⁶⁴ Раздел «IV Ростань» в рукописи иллюстрирован вырезкой из неустановленной газ.: «Ленин в гробу» с пометой Ремизова «21.I.24 г.».

⁶⁵ Пейзаж, увиденный Ремизовым на станции Круты, остался для него одним из символических образов утраченной России. Он неоднократно вспоминал о нем в послереволюционных произведениях. См. одно из первых отражений этого образа в дарственной надписи жене от 1925 на кн. «Зга» (Прага, 1925) в: *Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.24-25.

⁶⁶ Ремизовы остановились в Москве на квартире В.М. Ремизова. См. письмо С.М. Ремизова брату от 17 июня: «О дне приезда своевременно сообщи Иде [жене Виктора. — А.Г.] и мне и с вокзала прямо сыпь в Таганку» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.64).

⁶⁷ Запись сделана на чистой левой стороне развернутого тетрадного листа и в конце текста датируется 12 июля 1917.

⁶⁸ Далее следует запись народных слов и выражений.

⁶⁹ «Огненная мать-пустыня» — название рассказа Ремизова (впервые опубл.: Народопрравство. 1917. 25 сентября. №10); «Хвост неподобный» — вероятно, первоначальное название рассказа «Лис преподобный» (впервые опубл.: Красный балтиец. 1920. №7); «Тошета» — первоначальное название рассказа «Тошета великая» (впервые опубл.: Народопрравство. 1917. 16 октября. №12).

⁷⁰ Летом 1917 в квартире Ремизовых жил И.Соколов-Микитов, так же как и И.А. Рязановский, постоянно сообщавший Ремизовым о ее сохранности. См. его письмо Ремизову от 30 июля: «Все цело — сохраню. Подходят голодные дни. *Через два месяца* в Петербурге все решится. Думаю о Вас и так решаю: лучше не приезжайте» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3 Ед. хр.195. Л.25); письмо от 24 июля: «Алексей Михайлович, у Вас все благополучно. Живу в Вашей комнате. Никто ко мне не ходит и не звонит, а чтобы не одному быть, зажигаю лампадку и цветы у меня белы на столе» (Там же. Л.27).

⁷¹ Речь идет о выступлениях, прозвучавших 4-5 августа на проходившем в Зимнем дворце Совещании представителей Гос. думы, исполкомов комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и различных партий — в связи с событиями на юго-западном фронте.

⁷² Возможно, сублимация истории 1909 по обвинению Ремизова в плагиате — по поводу его обработки фольклорных текстов (см.: Ремизов А. Письмо в редакцию. 29-го авг. 1909 г. // Золотое руно. 1909. №7-9. С.145-148; см. также: Ремизов А. Встречи. Указ. изд. С.26-30. Глава «Плагиатор»).

⁷³ Имеется в виду Г.Распутин.

⁷⁴ После записи от 18 августа следуют вырезки из газет: «Демократия об обороне страны» (неуказ. газета от 8.VIII.1917); вырезка о телеграмме ген. Корнилова (Новая жизнь. 1917. 29 августа. №114); статья «Генерал Деникин» (Русское слово. 1917. 29 августа).

⁷⁵ После записи от 22 августа следуют вырезки из неуказанных газет: речь И.Г. Церетели (22.VIII); отрывок из обзора печати, посвященного анализу военного положения страны (1.IX).

⁷⁶ См. воспроизведение этого эпизода в кн.: Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953. С.184.

⁷⁷ Имеется в виду редакционная статья «Подробности событий о корниловском мятеже»: «Арестованы были также Пуришкевич и Балашов. Вызванный генерал Алексеев прибыл в воскресенье и в течение всей ночи совещался с Керенским» (Приазовский край. 1917. 30 августа. №207. С.1).

⁷⁸ См., например, заметку «К отставке Савинкова»: «Б.В. Савинков ушел после того, как выяснилось, что посты военного и морского министров займут военные лица» (Приазовский край. 1917. 2 сент. №210. С.3).

⁷⁹ Ср. ремизовскую характеристику Савинкова: «У Савинкова не было никакой подготовки и никаких познаний, нужных для "правителя" государства. Вся жизнь ушла на организацию истреблений. Очутившись у власти, он ничего бы не выдумал, ничего бы не изобрел: истребительный зуд истощил все его силы. /.../ Савинковым нельзя сделаться, Савинковым надо родиться. Савинков чувствовал себя роковым — да он и был роковым» (*Иверень*. С.266).

⁸⁰ Вырезка из неуказанной газеты.

⁸¹ Далее следует вырезка из неуказанной парижской газеты 1920-х о кончине Адолия Сергеевича Родэ — владельца петербургского ресторана «Вилла Родэ».

⁸² Далее следует первоначальный набросок пятого раздела «Слова о гибели русской земли».

⁸³ Вырезка из неуказанной газеты.

⁸⁴ Ср. запись в *Дневнике Пришвина* от 8 сентября: «Вы идете по России и видите опустевших озлобленных людей с расщепленной душой и спрашиваете себя: где же народ? /.../ Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось, озлобилось /.../ Но действительная жизнь движется вокруг реальности (созидание). Тут в действительной жизни, в конце концов, какой-нибудь бычок жует мерно по старым часам, и как ни бейся, он быстрее не будет жевать, и не повернешь весну на зиму и осень не обернешь к весне. Тут все возможно и проверки нет никакой. Кто быстрее забежит вперед? И что увидит забежавший вперед?» (С.360-361).

⁸⁵ Статья Ремизова «Савинков» опубл. в «Последних новостях» (1932. 13 марта. №4008). Наиболее развернутая характеристика его личности и судьбы дана Ремизовым в гл. «Савинков. Le tueur de lions» книги *Иверень*.

⁸⁶ Имеется в виду сдача и арест ген. Корнилова. «Генерал Корнилов сдался и арестован в ставке. Поднятое им восстание, таким образом, ликвидировано, — ликвидировано без пролития крови и в короткий срок» (Русские ведомости. 1917. 2(15) сентября. №202. С.1).

⁸⁷ В архиве Ремизова имеется письмо нотариуса П.Федорова с требованием уплаты 40 рублей по приказу В.Кузнецова. Платеж до 3 часов пополудни 16 сентября 1917 (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.11. Л.43). Там же см. погашенный вексель Ремизова В.Кузнецову на 200 рублей (Там же. Л.44).

⁸⁸ В марте 1916 Замятин был командирован в Англию для наблюдения за строительством судов по русским заказам на заводах в Глазго, Ньюкасле, Сандерленде.

⁸⁹ О Насте см. *Дневник Пришвина* от 30 декабря: «Когда стучусь к Ремизову и прислуга спрашивает: "Кто там?" — я отвечаю, как условились с Ремизовым, по-киргизски. — Хабар бар? Значит есть новости. Девушка мне отвечает со смехом: — Бар! И я слышу через дверь, как она говорит

Ремизову: — Грач пришел. Киргизские мои слова почему-то вызывают в ней образ грача, и всегда неизменно. Сама же Настя белая, в белом платочке, и притом белоруска. Кто-то сказал ей, что Россия погибает. /.../ — неправда, — говорим мы ей, — пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет. /.../ Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорит народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробила через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе: — Не верьте ему, товарищи, пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет» (С.396-397).

⁹⁰ Оубл.: Скифы. Сб. 1-й. Пг., 1918. №2.

⁹¹ Это набросок произведения Ремизова «Огневица». О попытке ее публикации свидетельствует письмо Г.Чулкова — редактора журн. «Народоправство» — Ремизову (от 29 декабря 1917): «Как быть с "Огневицей"? Дальнейшее существование "Народоправства" сомнительно. Нельзя издавать журнал во время гражданской войны: разрушенные почта и транспорт. Если к первому февраля не наступит умиротворения, "Народоправство" отдаст Богу душу. "Огневицу" сейчас поместить не можем. Я, пожалуй, отдам переписать ее на машинке. Один текст пошлю Вам, а другой оставлю — на случай, если» (РО ИМЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.24. Л.42). «Огневица» была опубл. в кн.: Ремизов А. Огненная Россия. Ревель, 1921. Она составила 2-й раздел книги, единственный из четырех, позднее не включенный в кн. «Взвихренная Русь». Образность «Огневицы», возможно, вызвана и постоянно читаемыми Ремизовым текстами протопопа Аввакума. Ср. видение Аввакума в тексте «Пятой челобитной»: «И лежашу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и божим благоволением в нощи вторыя недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь» (Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Подг. текста и комм. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, Н.С. Демковой и др. Иркутск, 1979. С.144).

⁹² В архиве Ремизова сохранился его температурный листок (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.1. Л.22) и записи доктора Афонского о ходе болезни (Там же. Л.19-19об.).

⁹³ Дата-автограф поставлена над вырезкой из газ. «Новый вечерний час» (1918. 3 мая/20 апреля. №72. С.2), которая открывает новую тетрадь дневника, хотя на следующей странице продолжается дневник за 1917. Над записью от 20 октября ряд поздних неразборчивых помет, отдельных слов и фраза: «Они сидят и от ужаса друг у друга губы кусают».

⁹⁴ См. письмо Ремизова В.Г. Тучапской от 14 октября: «А тут вернулись с Кавказа, захворал я жестоко (крупозное воспаление легких), теперь поднялся, отдышиваюсь и какие дела не сделал, исполняю» (РГАЛИ. Ф.420. Оп.1. Ед.хр.79. Л.13).

⁹⁵ Под текстом записи от 25 октября, завершающей страницу рукописи, приписка 1920-х: «оторопленный». Над текстом следующей записи приписка того же времени: «Б[ог] попустит кровав[ый] мор».

⁹⁶ М.И. Терещенко в числе прочих министров Временного правительства был арестован в ночь с 25 на 26 октября и препровожден в Петропавловскую крепость.

⁹⁷ Речь идет о подавлении выступления юнкеров Владимирского, Павловского и других петроградских военных училищ.

⁹⁸ Ср. *Дневник Пришвина* от 29 октября: «Сбегал на 14 линию к Ремизову. Едва пропустили. Пропуск спрашивают через окошко в железных воротах. Узнали, пропустили вооруженные охотничьими ружьями дежурные домового комитета. Каждый дом — маленькая крепость. /.../ У Ремизова старик Семенов-Тяньшанский по-старчески, учительно, как новую или им открытую истину, говорил: — Мы находимся во времена Кромвеля и французской 1-й революции, а они хотят ввести пролетарскую республику. Нам нужна революция во имя [1 нрзб.] прав личности: то, что провозглашено в манифесте 17-го октября. Социализм — это антипод свободы личности. Просто сказать, что попали из огня в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности» (С.381).

⁹⁹ Не ясно, какой текст имеет в виду Ремизов. В журн. «Народоправство» (1917. 16 октября. №12) появились части: «Язык запал», «Тощета великая», «Хлеба».

¹⁰⁰ О значительных разрушениях культурных памятников Москвы при взятии власти большевиками писали многие газеты. См., например, сообщение газ. «Приазовский край»: «Разрушены все памятники. Вся Москва разгромлена. Кремль весь изрешетили» (1917. 7 ноября. №264. С.2).

¹⁰¹ В «Резолюции ВЦИК по вопросу о печати» от 4/17 ноября говорилось: «Восстановление так называемой "свободы печати", т.е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам — отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т.е. мерой безусловно контрреволюционного характера» (Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С.43).

¹⁰² Ср.: Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С.277.

¹⁰³ В Петрограде голосование по выборам в Учредительное Собрание началось 12 ноября. В архиве Ремизова сохранились удостоверения А.М. и С.П. Ремизовых за номерами, соответственно 1449 и 1448 по выборам в Учредительное Собрание (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.1. Л.20-21). Ремизовские ожидания на установление законной демократической власти, связанные с созывом УС, почти не выражены прямо в письменных источниках. Неожиданное отражение их см. в дарственной надписи Ремизова жене в 1922 на кн. «Чаахчыгыз-Таасу. Сибирский сказ» (Берлин, 1922): «Я думал (ждал) что в Уч[редительное] Собр[ание] съедутся все народы и через них я узнаю Сибирь» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.22).

¹⁰⁴ 28 ноября — день, назначенный для созыва Учредительного Собрания Временным правительством.

¹⁰⁵ В последние годы жизни поэт Л.Д. Семенов занимался крестьянским трудом на хуторе в Дашковском уезде Рязанской губ., где и был убит в собственном доме бандитами (см.: Л.Д. Семенов-Тянь-Шанский и его «Записки» / Публ. З.Г. Минц и Э.Шубина // Ученые записки ТГУ. Вып.14: Труды по рус. и слав. филологии. XXVIII: Литературоведение. Тарту, 1977. С.102-146.

¹⁰⁶ См. воспоминания Ремизова о Гребенщикове: *Встречи*. С.264-265.

¹⁰⁷ Ср. запись в дневнике Пришвина: «Встретили Новый год с Ремизовыми: их двое и я, больше никого. На дворе стужа ужасная» (Пришвин М.М. Дневники. М., 1990. С.88).

¹⁰⁸ 31 декабря 1917 вышел декрет о государственной монополии на издания всех русских классиков. Сотрудник газеты «Вечерний час» (с 1918 — «Новый вечерний час») П.Пильский объявил о проведении «Анкеты о монополии классиков» среди писателей. В связи с этим см. письмо Ремизова Ф.Сологубу от 1 января 1918: «Звонил Пильский написать ему для Вечернего Часа о декрете, уничтож[ившем] авторс[кое] право. Пильский сказал мне, что с Вами разговаривал о этой анкете. Я написал, написал и сосед наш Пришвин. Завтра 1/2 9го утра пришлет Пильский ко Пришвину за рукописями» (РО ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.580. Л.24). Ср. запись в дневнике Блока от 1 января: «Новый год встретили с Любой, сочиняя ответ на анкету Пильского (отмена литературного наследства для "Вечернего часа")» (Блок А.А. Собр. соч.: В 6 тт. Т.6. М., 1971. С.319). Публикация материалов анкеты открылась сведениями о наследниках авторских прав Некрасова, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Шедрина и изложением мнения проф. С.А. Венгерова (1918. 2 января. №1. С.4). Во 2-м номере было объявлено, что итогом анкеты будет «принципиальная статья» Пильского, и приведены мнения Ф.Сологуба, Д.Мережковского, А.Блока. В частности, Сологуб отметил, что это постановление «несправедливо и нецелесообразно». В следующих номерах были напечатаны ответы Вас.Немировича-Данченко, Ан.Чеботаревской, Тэффи (4 января. №3. С.3); А.Куприна, А.Амфитеатрова, О.Миртова, М.Пришвина (5 января. №4. С.4). Далее публикация ответов прекратилась вместе с прекращением 11 января выхода самой газеты. В номере от 11 января (№5) появилась статья «Разгром редакции "Нового вечернего часа"», где сообщалось, что 6 января «помещение редакции подверглось разгрому. Из кладовых типографии было вывезено 5 бочек керосина и 1 бочка бензина. В редакции были разорваны и частью сожжены рукописи, а в конторе — книги» (С.2). После этого публикация материалов анкеты не возобновилась, не появилась и итоговая статья П.Пильского. Очевидно, утрачен был и написанный ответ А.Ремизова. Приложенный к последней тетради публикуемого дневника текст о «торжествующей обезьяне», семантически перекликающийся со словами дневниковой записи от 1 января 1918, позволяет сделать предположение, что данный текст и есть не опубликованный ответ писателя на анкету. Беловой автограф того же текста хранится в РО ИРЛИ.

¹⁰⁹ Тяжелый разговор, очевидно, был связан с появлением ст. Р.В. Иванова-Разумника «Две России», негативно оценивавшей «Слово о погибели Русской Земли» Ремизова. Как установила Л.А. Иезуитова, произведение Ремизова было впервые опубликовано 29 октября 1917 под заглавием «Слово о погибели Земли Русской» в приложении к газ. «Воля Народа» — «Россия в слове» (1917. 29 октября. №1). См.: Иезуитова Л.А. «Слово о погибели земли русской» А.М. Ремизова в газете «Воля Народа» // Алексей Ремизов. Материалы и исследования. (В печати). Во второй редакции «Слово о погибели Русской Земли» вышло вместе со статьей Иванова-Разумника в сб. «Скифы» № 2 (декабрь 1917, на титульном листе: 1918). В статье Разумника общественная позиция автора «Слова» расценивалась как ретроградная. Политический смысл произведения критик увидел в утверждении писателем «самодержавия, православия и народности». Он писал: «"Слово о погибели Русской Земли" — одновременно и панихида по "Святой Руси" и анафема русской революции — революции, а значит и народу русскому, предавшему святыни старого устоя, старого строя /.../ Поистине "Слово" это есть тот самый "обвинительный акт всему русскому народу", который когда-то (в "Пятой язве") писал о самом себе судебный следователь Бобров, писал рукой Ремизова» (С.214). По этому поводу см. также письмо З.Н. Гиппиус Ремизову от 1 января 1918 с оценкой статьи: «То, что сделал с вами Иванов-Разумник — последнее похабство. Я только что увидела "Ск[ифы]", и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил. Кроме того и сама по себе его статья столь кощунственно-грязна, что ее трудно держать в руках. Когда я видела С[ерафиму] П[авловну], я еще фактически ничего не знала, хотя внутренне все это не лишено логики. Смердяковы только верны себе. Не забывайте, что лакеи — хуже своих господ. Я напишу об этой мерзости в "Аргус". Длинная история, но больше физически негде. Предлагаю вам тоже для отповеди эти страницы. Умоляю вас быть с лакеями *точно* в таких же отношениях, как С[ерафима] П[авловна]» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.53. Л.1-1об.).

¹¹⁰ М.М. Пришвин находился под арестом с 2/15 по 17/30 января 1918. Ремизов принимал участие в хлопотах по его освобождению. В архиве Ремизова сохранился документ на бланке Петроградской ЧК:

8 января 1918 г.

№606

Постоянный пропуск

Комиссару пересыльной тюрьмы

Прошу дать свидание госпоже Раздольской М.М. с арестованным Михаилом Михайловичем Пришвиным.

Товарищ Председателя

Секретарь

В.Яковлев

И.Ильин

(РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.4. Ед.хр.4)

¹¹¹ Арестованные А.Н. Шингарев и Ф.Ф. Кokoшкин были переведены из Петропавловской крепости в Маринскую больницу для лечения. В ночь с 6/19 на 7/20 января оба были убиты ворвавшимися в больницу матросами.

¹¹² Ср. в ст. «К звездам»: «Помню, после убийства Шингарева и Кокошкина говорили мы с Блоком по телефону — еще можно было! — и Блок сказал мне, что над всеми событиями, над всем "ужасом" слышит он — музыку, и писать пробует» (*Взвихренная Русь*. С.513). В этот день Блок закончил статью «Интеллигенция и революция».

¹¹³ Газ. «Новый вечерний час» (1918. 16/3 февраля. №25. С.2) сообщала о двух версиях убийства бывшего Петроградского, а тогда Киевского митрополита Владимира: «По одной — он убит случайно в своей квартире, а по другой, наоборот, он был выведен из своей квартиры и расстрелян у митрополичьего дома».

¹¹⁴ Вырезка из неуказ. газеты.

¹¹⁵ Родные постоянно сообщали Ремизову об ухудшающемся здоровье матери. См., например, письмо С.Ремизова от 4 октября 1917: «Бываю я у маменьки, угасает она понемногу, начинает плохо видеть и плохо реагировать на окружающее»; его же письмо от 25 декабря 1917: «У маменьки бываю почти раз в неделю, живет она по инерции. Очень бывает рада мне, т.к. я приношу гостинцы. В разговоре сознается, что уже ничего не помнит и что все ей безразлично» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Л.69об., 71об.)

¹¹⁶ «Берестяной клуб» — впервые: Речь. 1912. №268; «Голова» — впервые: Огонек. 1914. №13; «Подожок» — впервые: Огонек. 1914. №14. Все три сказки в той же последовательности включены в кн. «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин: изд. Гржебина, 1923). «Змея» — впервые: Записки мечтателей. 1921. №2-3. Сборник «Сказки русского народа» был подготовлен для изд. Гржебина еще в Петрограде (см. письмо Ремизова В.Л. Львову-Рогачевскому от 7 декабря 1919 — РГАЛИ. Ф.1100. Ед.хр.45. Л.2).

¹¹⁷ 23/10 — описка Ремизова при пересчете на новый стиль: надо 23[II]/8[III].

¹¹⁸ Добывание дров стало одной из наибольших материальных тягот Ремизова. Сохранились документы 1918-1919, относящиеся к «отопительной проблеме». 25 декабря 1918 Ремизов подал письмо в Отдел заготовок Комиссариата народного просвещения: «Покорнейшая просьба отпустить дров для моей квартиры, состоящей из 4-х комнат на 6-м этаже» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.16. Л.53). Далее в бумагах Ремизова имеется акт: «10 декабря 1919 г. гражданину Алексею Михайловичу Ремизову, проживающему в д. №31/33 по 14 линии, были привезены от объединенного кооператива "Домотоп" по квит[анции] №32086 дрова, коих по указанной квитанции должно было быть 1 1/2 саж[ени], между тем как фактически оказалось дров лишь одна сажень. Дрова в момент подвоза в дом были сброшены извозчиком в присутствии владельца А.М. Ремизова, а засим по переноске их на место и укладке в поленицу оказалась недостача таковых в количестве 1/2 саж[ени]» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.16. Л.69).

¹¹⁹ «(о международном полож[ении] по текущему моменту)» — приписка 1920-х гг. над текстом.

¹²⁰ Ремизовы гостили у родителей И.С. Соколова-Микитова в с.Кислове Дорогобужского уезда. См. письмо Соколова-Микитова Ремизову от 5 июня 1918: «Дорогие Ал[ексей] М[ихайлович] и С[ерафима] П[авловна]! Самое трудное *дорога*, как доехать. На станцию можно выслать рессорную бричку (не очень хорошую) и потихоньку доберемся. Самое страшное по железной дороге, — ехать теперь в теплушках, битком набитых жидовой и хамотой... Написал, было, вам большое письмо со всеми страхами, а старики запретили: "напишешь такое, они не приедут". Очень хотят, чтобы вы приехали. Мама уж хлопочет: что едят, где кровати поставить. Окна в сад, на пчел. Ход отдельно в сад. Буду все по порядку. Старики мои, знаете вы, люди хорошие, однако есть в них от того, чего так не выносит Серафима Павловна. Но "чайничка" в доме нашем быть не может. Насчет еды. Всего здесь вдосталь, а молока всего больше. Готовят же просто, едят некрасиво. Нет умелой прислуги. Ванны нет (есть баня). Очень неудобное нужное место. Цветов старики мои не любили (не думали о них) и перед домом свинячий плац. Зато, как хорошо в лесу и на реке! И лес, и река близко. Много будет ягод и грибов. /.../ Если решитесь, присылайте телеграмму в одном слове: "решились" или письмо и я постараюсь приехать» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.195. Л.35).

¹²¹ Изложение сюжета этой повести включено Ремизовым в текст романа «Канава» (см.: Ремизов А. Избранное. Л., 1991. С.520-521).

¹²² Имеется открытка Сергея от 17/30 VII: «Завтра отбываю за границу [на Украину. — А.Г.] — имею пропуск на 2 месяца /.../ еду в неизвестность и первобытным способом» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.74)

¹²³ Часы с кукушкой были для Ремизова одним из символов домашнего очага. Они появлялись на всех квартирах Ремизова вплоть до известной «кукушкиной» комнаты в его последней квартире на ул.Буало, д.7, в Париже. Ср. финал его переезда на эту квартиру: «Кукушка закуковала и пошла жизнь» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Указ. изд. С.64).

¹²⁴ См. воспоминания Ремизова о ссылке (*Иверень*. С.157).

¹²⁵ 1919 начался для Ремизова рядом психологических потрясений и человеческих утрат. В ночь на 14 февраля он был арестован вместе с К.С. Петровым-Водкиным, А.З. Штейнбергом, М.К. Лемке, Е.И. Замятиным, К.А. Сюннербергом, С.А. Венгеровым в связи с начавшимися преследованиями эсеровской прессы. 15 февраля вечером Петрова-Водкина, Лемке и Ремизова отпустили благодаря заступничеству М.Горького и А.Луначарского. В архиве Ремизова (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.12) сохранилось, очевидно, не понадобившееся, письмо на бланке Комиссариата народного просвещения (письмо — машинопись, подписи — автографы):

15 февраля 1919 г.
№2359/1

Председателю Чрезвычайной Комиссии
тов. Скороходову

Очень прошу Вас разрешить свидание с арестованным писателем Алексеем Ремизовым, об освобождении которого я одновременно хлопочу, жене его Серафиме Павловне

Комиссар по Просвещению
Секретарь

А.Луначарский
А.Аронова

16 февраля Ремизов получил срочную телеграмму от С.Ремизова: «Маменька скончалась похороны вторник восемнадцатого Сергей» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.80). Приехать на похороны Ремизов не смог, о чем уведомил брата в письме от 17 февраля (местонахождение неизвестно). В ответном письме от 22 февраля Сергей подробно описал похороны матери: «Сегодня получил твое письмо, Алексей, от 17/II. Телеграмму тебе я послал на другой день Сретенья утром в воскресенье на Николаевском вокзале по дороге на панихиду, послал бы я ее и раньше, но произошла путаница: последнее письмо от тебя я получил 17/X без твоей пометки о квартире твоей, после этого писем не было и когда настал час известить тебя, то никто не знал адреса, некоторые говорили, что где-то на Песочной, но точно сказать никто не мог. Маменька умерла 31/I ст[арого] ст[иля] в 11 ч. веч[ера] по нормальному московскому времени, умерла тихо, занеся руку, чтобы перекреститься (пальцы сложенные для креста так и остались). В пятницу утром известили меня, так что я пришел туда только в первом часу дня. Маменька очень изменилась, кожа да кости и маленькая стала, нос тонкий, щеки ввалились чуть-чуть напоминала ту карточку, где снята вместе с папенькой. Умерла на своей постели и на стол ее не клали, а в Сретенье в 6 ч. веч[ера] положили в гроб и вынесли к Грузинской, поставили в холодную церковь, где она и стояла до вторника. Во вторник в 10 ч[асов] мы с Викташей перенесли ее в правый престол для отпевания. Обедню служил сакеларий Успенского собора Пшеничников, а на отпевание вышли пять протоиереев и один священник при двух дьяконах. Отпевали по чину, как следует истово. В 1 1/2 ч[аса] привезли в Покровский монастырь и похоронили рядом с бабинькой, поставили большой дубовый крест. Тяжело мне, Алексей, и горько на душе, нервы что ли истрепались, но каждый вечер не могу прогнать от себя воспоминаний прежнего, не могу сдержаться, плачу. С радостью думаю, что завтра смогу сходить в Покровский монастырь. Живем мы все кое-как, вечно с нехваткой того или другого. Я лично ушел весь в работу: ухожу из дому в 8 ч. у[тра] и в 8 ч. в[ечера] прихожу обратно, а то и в ч[асов] 9 и даже позже. Я не голодаю и не нуждаюсь, но ведь я один и у меня до minimum'a ограничены потребности — не то, конечно, у Викташи, там зачастую голодно и очень. Интересно, как ты перемогаешься, почему ты попал на Гороховую и что там такое, что тебя оттуда выпустили. По конверту вижу, что ты служишь, должно быть, в Репертуарной секции и что начальство твое Всеволод. Но что и как из письма не видно» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.167. Л.75-75об.).

¹²⁶ Ф.И. Щеколдин умер в начале 1919 от тифа. Похоронен на «Коммунистической площадке» кладбища Александрo-Невской лавры. Речь идет о статье-некрологе «Три могилы» (1919), посвященной С.М. Поггенполю, Ф.И. Щеколдину, В.В. Розанову. См. в этой статье оценки значимости личности Щеколдина для Ремизова: «Не могу я никак свыкнуться с этой бесповоротной мыслью. С похорон вернулся домой, поставил самовар и подумал: придет Федор Иванович, расскажу ему, как хоронили — не придет больше Ф.И. и на Пасху не жди. /.../ Он был честнейший человек, самый надежный. И таким его знали во всех уголках России» (Ремизов А.

Крашенные рыла. Берлин, 1922. С.134; впервые опубл.: Записки мечтателей. 1919. №1).

¹²⁷ В.В. Розанов умер 5 февраля. См. некролог Ремизова («Три могилы»): «Помер Василий Васильевич Розанов — самый живой из старших современников, всеобъемлющий, единственный в литературе русской, и одинокий в бродячей нашей жизни» (Ремизов А. Крашенные рыла. Указ. изд. С.134). В последние годы жизни Розанова Ремизов постоянно просил знакомых, бывающих в Москве, узнавать о его положении. См., например, письмо А.А. Бородина Ремизову от 29 мая 1918: «Отдаю Вам краткий отчет в исполнении Ваших поручений. /.../ Ездил в Лавру. Не без труда нашел на поляне Розановых. В.В. не было, как на зло уехал в Москву, так что взять Вам Апокалипсиса (очень интересно и глубоко, особенно т.2) не мог, но дочь обещала напомнить отцу, чтобы выслали. Варвара Дмитриевна выглядит ужасно, краше в гроб кладут. Вообще они все жалки, заброшены, раздавлены событиями. Долгов тьма, продают вещи, даже книги, живут без прислуги, В.Д. сама все делает с дочерьми на кухне, хотя едва на ногах держится. Жаловалась на невыносимую тоску и тяжелую старость. Все время заговаривается, не сразу меня признала. Дочь Таня рассказывала мне, что В.В. тоже в таком жалком виде. Он, между прочим, помирился /.../ с Гершензоном, был на днях у М.О., и когда М.О. упомянул про Вас, он спросил: "А что Алексей Мих[айлович]; все еще читает лекции студентам?" Очевидно, память у бедного очень слаба стала» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.35. Л.2-3об.).

¹²⁸ Роль Ларисы в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» была одной из лучших в репертуаре В.Ф. Коммиссаржевской. Ремизов видел ее в этой роли на сцене Театра Коммиссаржевской (1904-1906), где в 1907 была поставлена его пьеса «Бесовское действо».

¹²⁹ См. отражение тогдашнего быта А.Ремизова в «игровой» оценке В.Шкловского: Шкловский В. Зоо, письма не о любви, или Третья Элоиза. Пг., 1923. С.27.

¹³⁰ Перерывы в ведении дневника связаны с загруженностью Ремизова работой и домашними обязанностями. См. его письмо С.М. Алянскому от 13 мая: «Самуил Миронович, спросите сестру Вашу БERTУ Мионовну и сами подумайте: нет ли "приходящей". Изнемогаю и дела не делаю. В.О. 14 [линия]. 31. кв.48. 209-69. Серафима Павловна захворала» (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.9. Л.1).

¹³¹ Тематика сна навеяна реалиями быта Петрограда. См. описание одежды самого Ремизова в кн.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т.1. Л., 1991. С.207-208.

¹³² См. итоговую оценку взаимоотношений Ремизова с М.Горьким в годы революции в статье Ремизова «Три письма Горького» (*Встречи*. С.120).

¹³³ См. письмо Ремизова редактору журн. «Рабочий мир» П.Н. Зайцеву от 19 июля 1919: «Очень трудный м[еся]ц, надо много денег, ч[то]б[ы]

к[а]к-н[и]б[удь] перебыть. Берите за 3 р[у]б[ля] Лиса» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.23. Л.54).

¹³⁴ Ср. в письме Ремизова к С.М. Алянскому от 23 октября: «Самуил Миронович, если есть какая-нибудь возможность, найдите клад золотой и дайте мне малость» (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.9. Л.8).

¹³⁵ См. письмо Ремизова Н.Г. Виноградову от 6 февраля 1920: «Часто за зиму думал о Вас, а ведро, бочка и кастрюли всякий божий день напоминают. Всю зиму воды не было и теперь нету. Как прожили, один Бог весть. /.../ С ноября служу в ПТО (Петербургское) Театрал[ьное] отделение), просп[ект] Володарского (Литейный, 46) на прежнем положении: чл[ен] реперт[уарной] только не секц[ии], а коллегии, а упразднят коллегия, уж не знаю, в комиссию, д[олжно] б[ыть], попаду. Хожу пешком, трамвай ходит только до Адмиралт[ейства]. Очень за зиму измучился. Придешь домой, за кухню и стал я уж нынче и водонос, и кухон[ный] мужик, и судомойка, и младший дворник и еще, и еще, и еще не перечислишь. На письмо времени и не стало. Мы тут все на литеры разделены: физич[еский] труд — А — 1 фунт] хлеба в день; менее тяжел[ый] — Б — 1/2; и самый легкий (умственный, напр[имер]) — В — 1/4. Я в В попал» (Письма А.М. Ремизова Н.Г. Виноградову / Публ. А.М. Грачевой // Алексей Михайлович Ремизов. 1877-1957-1993. Былое и думы. Однодневное благотворительное литературное приложение. СПб., 1993. С.10).

¹³⁶ Ремизовская оценка своей службы в ТЕО и ПТО дана в тексте дарственной надписи жене на кн. «Крашенные рыла»: «С ней связана вся моя страда театральная, все тягчайшие годы 1917-1921 — жгучая память и ответ, как человек над человеком мудровать может» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.23).

¹³⁷ «Бетка» впервые изд.: Курьер. 1902. 21 ноября (4 декабря).

¹³⁸ Ср. оценку ситуации в письме Ремизова В.Л. Львову-Рогачевскому от 7 декабря 1919: «Тьма холодная и повинность мускульная убивают меня. Не хватает времени, и сил мне от Бога отпущено мало» (РГАЛИ. Ф.1100. Оп.1. Ед.хр.45. Л.2).

¹³⁹ Первоначальный план Ремизова передать весь свой архив в Публичную библиотеку был впоследствии изменен. Писатель разделил его на две части: письма и документы до 1912 включительно переданы в Публичную библиотеку (ныне: РНБ). См. в ОР РНБ составленную Ремизовым опись передаваемых писем от 23 ноября 1919 (Ф.634. Ед.хр.273). В нее включены 224 единицы хранения. Перечисленный состав описи не соответствует полностью реальному наличию документов. Вторая часть архива, включающая в основном письма от 1913 до 1921, поступила в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Передаточная опись владельца архива отсутствует. Несовпадение фактического и заявленного в описи количества писем к отдельным адресатам подтверждает изменение воли Ремизова передать *все* письма на государственное хранение. Отдельные письма (Блока, Горького и др.) были им взяты с собой при отъезде из Рос-

сии. Так, были отобраны все 18 писем Розанова, использованные при работе над кн. «Кукха. Розановы письма» (оконч. в Берлине 8 июня 1923, изд. 1923).

¹⁴⁰ Речь идет о разрешении издать в «Алконосте» кн. «Что есть табак» с новыми рисунками Сомова. Издание было приостановлено зав. Петроградским отд. Госиздата И.И. Ионовым по решению рабоче-крестьянской инспекции, увидевшей в рисунках порнографию. История несостоявшегося издания подробно изложена в кн. «Встречи» (С.78-81). См. также дарственную надпись жене на кн. «Царь Додон» (1923), отразившую перипетии издания: «Рисунки вышли неудачно — слитно, ничего не поймешь. Книжка вышла, когда жили на Троицкой. Рабоч[е]-крест[ьянская] инспекция возбудила дело по заявлению какой-то: "у наших детей нет учебников, а тут какую-то похабшину издают, бумагу тратят". А писалось давно, в 1907 г. Материалом послужила народная сказка. А бумага действительно хорошая, и действительно ее так мало, что ни одного учебника не напечатать» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.21).

¹⁴¹ Описание сна от 20 марта включено в ст. «Ни за нюх табаку» (1920) — рецензию на пьесу Е.Замятина «Огни св. Доминика». Вошла в кн. «Крашенные рыла» (С.92-93). Там же и оценка сна: «Не от того, что накурился я шалфею, не от боли моей изводящей явился мне ночью со стуком и пламенем демон безводной пустыни, нет, прочитанная на ночь пьеса взбудоражила меня» (С.93).

¹⁴² Над текстом приписка 1920-х — Крептюков.

¹⁴³ Старопечатный сб. «Рай мысленный» (1658-1659). В него вошло сочинение патриарха Никона «Слово благополезное о создании монастыря пресвятые Богородицы Иверския».

¹⁴⁴ См. воспоминания Ремизова: «Помню из петербургской жизни 1919-1920 г. товарищ Ложкомоев из Петрокоммуны на керосиновых прошениях Ремизова ставил резолюцию и всегда "выдать" — и исключительно за почерк» (Куковников В. [Ремизов А.] Рукописи и рисунки А.Ремизова // Числа. 1933. Кн.9. С.194).

¹⁴⁵ Записи в конце тетради 1919.

¹⁴⁶ Текст частушки — запись рукой неустановленного лица.

¹⁴⁷ *Гошку* — еда. Одно из трех «обезьяньих» слов, приведенных в Конституции Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпала). Впервые опублик. под загл. «Обезвелволпал»: Бюллетени Дома искусств в Берлине. Февраль/март 1922. №1/2.

¹⁴⁸ Последний петроградский адрес Ремизова: «Отель №1 Петросовета», Троицкая ул., д.4, кв.1. Писатель вспоминал о мотивах переезда: «Зиму 1919 года мы вытерпели на нашей хорошей квартире в доме Семёнова-Тянь-Шанского на Васильевском острове. Больше терпеть стало не под силу. Во "Взвихренной Руси" в рассказе "Труддезертир" полная

картина нашего "жизия". В мае 1920 года мы переехали на Троицкую в "Первый Отель Петросовета" (это устроила С.Н. Равич, знакомы с Вологды). С Троицкой мне было совсем близко на Литейный в дом Юсупова — ПТО. Я состоял при М.Ф. Андреевой и дважды в неделю ходил на "призрачные заседания театральной коллегии". Ближе мне было и в Дом Литераторов на Бассейной, а то изволь переть с 14-й линии! И Серафиме Павловне в Аничков Дворец — она учила моряков 2-го Гвардейского "берегового" экипажа» (*Встречи*. С.68-69).

¹⁴⁹ Возможный вариант раскрытия сокращений имен является гипотетическим, поэтому дан: Роз[анов] Тин[яков] Гор[?].

¹⁵⁰ Замысел остался неосуществленным. См. письмо В.Э. Мейерхольду, написанное Ремизовым 26 мая 1918: «Хочу осуществить давно задуманное: написать для большого циркового театра о Соломоне и Китоврасе» (РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2303. Л.33).

¹⁵¹ Неясно, о какой статье идет речь. В это время Ремизов работал над циклом «Скоморошских сказок» (их рукопись, датированная «9.II.1920 г.», — РНБ. Ф.1012. Собр. В.С. Спиридонова. Ед.хр.7). Отдельное издание не осуществилось. Цикл вошел в кн. «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым».

¹⁵² «Шум города» — название цикла рассказов, публиковавшихся в еженедельнике «Красный милиционер»: «Звезды», «Заборы», «Изошел» (1920. №4), «Рождество» (1921. №1/15).

¹⁵³ Имеется в виду рукопись кн.: Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон. Переписка из двух углов. Пг., 1921.

¹⁵⁴ Публикация романа «Канавы (Ров львиный)», первоначально предполагавшаяся в изд-ве Гржебина, затягивалась, и Ремизов искал другие пути для осуществления издания. В частности, он получил от В.Л. Львова-Рогачевского официальное предложение опубликовать роман в Москве в письме от 1 сентября: «В ответ на Ваше письмо относительно "Рва львиного" мы писали Вам, Алексей Михайлович, но ответа никакого не получили до сих пор. Между тем книга Ваша "Ров львиный" включена в список книг, назначенных к печатанию в первую очередь и редакция ждет ее получения с большим нетерпением» (РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.126. Л.9). В ответном письме от 7 декабря 1919 Ремизов сообщал о положении дел с рукописью: «"Ров львиный" лежит у Гржебина. На него сделан контракт. Но я еще не подписал только по хвори моей. Чтобы взять у Гржебина Р[ов] Л[ьвиный] надо ему 15000 заплатить... 15000 я получил от Гржебина, но этой суммой не оценивается Р[ов] Л[ьвиный], в нем 8 листов. Напишите сколько я могу получить за Р[ов] Л[ьвиный], сколько оценивается лист, вообще какие условия. Может, можно было сначала через альманах провести» (РГАЛИ. Ф.1100. Оп.1. Ед.хр.45. Л.1).

¹⁵⁵ Банкет в честь Г. Уэллса в Доме Искусств описан в мемуарах Г.Иванова, см.: Иванов Г. Мемуары и рассказы. М., 1992. С.66-67. См. также отражение того же события в кн. Уэллса «Россия во мгле» (Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 тт. Т.15. М., 1964. С.322, 333).

¹⁵⁶ Стены в квартире Ремизова были украшены рисунками, приклеенными к обоям и посвященными, главным образом, Обезвельволпалу. См. первоначальный печатный текст «Манифеста» Обезвельволпала: «Есть асычий нерукотворный образ — на голове корона, как петуший гребень, ноги — змеи, в одной руке — венок, в другой — треххвостка — на стене написан в рост человек в Петербурге, на Васильевском острове, д.31 кв.48, на самом наверху, куда и вода не подымалась и носить дрова отказывались, где только жили люди да гулял ветер» (Ремизов А. Ахру. Берлин; Пб.; М., 1922. С.49-50). Настенные рисунки были украшены аппликациями из «серебряной» оберточной бумаги из-под чая. См. фотографии интерьера последней квартиры Ремизова: Ремизов А. Альбом. 1920-1950. — РО ИРЛИ. Ф.256. Оп.1. Ед.хр.54. Л.12-17.

¹⁵⁷ См. замаскированную характеристику Б.Г. Каплуна в кн. «Встречи» (С.80).

¹⁵⁸ В архиве М.Горького хранится рекомендательное письмо Ремизова от 12 января 1921, представляющее поэта Н.А. Шапошникова, с приложением его шуточного пропуска-удостоверения в том, что он — «Пищик Посол из Обезьяней великой вольной палаты» (ИМЛИ. Архив А.М. Горького. КГ-П. 65.10.7).

¹⁵⁹ Сохранились рисованные автором афиши выступлений Ремизова в Доме Искусств в 1920 (РГАЛИ. Ф.420. Оп.1. Ед.хр.47. Л.1-6). Эссе «О человеке, звездах и свинье» впервые опубликовано: Сб. Дом искусств. №1. Пб., 1921.

¹⁶⁰ Возможно, на основе этой лекции возникло эссе «Огненная Россия» (опубл. впервые: Дом литераторов. Пушкин... Достоевский. Пб., 1921. №16. Позднее текст включен в кн. «Взвихренная Русь»).

¹⁶¹ Рассказа с таким названием нет.

¹⁶² Речь идет о спектакле «Король Лир» В.Шекспира в Большом Драматическом театре. См. письмо Ремизова к Блоку — председателю режиссерского управления театра от 6.IX.1920 (возможно, публикаторы письма неправильно прочитали дату): Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1982 (Лит. наследство. Т.92).

¹⁶³ Над циклом «Заячьи сказки» Ремизов работал в 1916-1918. Первая публикация цикла: Игра. 1918. №2. Напряженное ожидание разрешения на выезд отражено в дарственной надписи жене на кн. «Ё. Заяшние сказки тибетские» (Чита, 1921): «С этой книгой связано наше ожидание: что решит наша судьба — останемся в Петербурге или уедем. И уехали» (*Волшебный мир Алексея Ремизова*. С.21).

¹⁶⁴ Запись сна С.П. Ремизовой.

¹⁶⁵ Ср. фиксацию событий отъезда в кн. «Огненная память», где цитируются личные записи Ремизова: «В ночь перед отъездом, 5-го августа: "как не хотелось уезжать. Всю ночь продумал: не хотелось. Но потом как оборвало, а у С.П. открылось на границе: ей так не хотелось расста-

ваться“. Целый день в Петербурге ушел на переезд с одного вокзала на другой, на формальности и на обыск. Потом переехали в Ямбург, где поезд простоял весь день и всю ночь. Дорога продолжалась пять дней. В Нарве — одиннадцатидневный карантин. И только утром 23 августа Ремизовы добрались до Ревеля. В 1921 году А.М. было всего 44 года. Но и тогда, сильно близорукий, он всего боялся, чувствовал себя потерянным. ”Утром до обеда меня гоняли на вокзал выгружать багаж (11.VIII). Переходил по мосту через Нарову — это для меня такой ужас: что хотите, только не переходить мост...“; ”12.VIII — заставили мыть пол. Мне это ничего не значит, я и натирать могу. Только бы не переходить мост!“ 18 сентября Ремизовы покинули Ревель, а 21.IX.1921 приехали в Берлин» (Резникова. Огненная память. Указ. изд. С.61).

¹⁶⁶ См. запись Ремизова о переходе границы — *Подстриженными глазами*. С.15.

¹⁶⁷ О карантине в Нарве см. позднюю запись Ремизова (1940-е?): «Это как после пожара в глазах огонь — такое я увидел в карантине в Нарве, куда попали мы из России в августе 1921 г. Особенно мне памятливы танцы: молчаливо-кружащиеся пары. Мне казалось, что прожитые годы в Революцию забили рты на клей: какое жуткое молчание с невыбивающимися словами из-под. И тоже особенно памятно: звероподобный начальник с лицом расплюснутым масляным, — он танцевал всякий вечер. Остановившийся огонь в глазах и разочарование: карантин на две недели — каторга! Те же самые порядки, от которых, думалось, наконец-то, избавился. Тячайшее воспоминание» (*Собрание Резниковых*. Париж).

¹⁶⁸ А.А. Блок умер 7 августа 1921.

¹⁶⁹ Известие ложное.

¹⁷⁰ Н.С. Гумилев был расстрелян в ночь с 24 на 25 августа 1921 по обвинению в участии в ПБО.

¹⁷¹ Записи слов и частушек рукой неустановленного лица на последнем листе тетради.

¹⁷² Вырезка из неуказанной газеты.

¹⁷³ Далее следует 13 страниц с вырезками из газет, посвященных теме, написанной Ремизовым над первой из них («Подробности убийства Караулова»): «Сто голов за одну нашу», т.е. теме «красного террора».

¹⁷⁴ Ср. *Иверень*. С.120.

¹⁷⁵ Включено в гл. «Рожь» кн. «Взвихренная Русь» под загл. «Донесение обезьянского посла обезьянней вельможе» (С.293-295).

СЛОВАРЬ ИМЕН,
УПОМИНАЕМЫХ В ДНЕВНИКЕ 1917-1921

А.М. — Ремизов А.М.

А.Р. — Ремизов А.М.

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881-1925) — писатель-юморист. После 1917 — в эмиграции.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878-1943) — политический деятель, член ЦК партии эсеров. В 1917 — член исполкома Петросовета, в июле-августе — министр внутренних дел во Временном правительстве, в октябре — председатель Предпарламента. С конца 1918 — в эмиграции.

Акумовна — прислуга Ремизовых, прототип одноименной героини повести «Крестовые сестры».

Алексеев Михаил Васильевич (1857-1918) — генерал от инфантерии. До июня 1917 — фактический руководитель военных операций русско-германского фронта. После провала корниловского мятежа с 12 по 23 сентября 1917 — нач. штаба верх. главнокомандующего. В марте 1918 принял звание «верх. руководителя Добровольческой армии» и главы Особого совещания.

Алянский Самуил Миронович (Алконост) (1891-1974) — основатель и руководитель книгоиздательства «Алконост» (1918-1926), издатель журн. «Записки мечтателей», зав. издат. бюро ТЕО, сотрудник ИЗО Наркомпроса (1918-1919); в дальнейшем — работник ряда издательств Москвы и Ленинграда.

Андреева Мария Федоровна (урожд. Юрковская, в замуж. Желябужская, 1868-1953) — актриса, гражданская жена М.Горького. В 1919-1921 — комиссар театров и зрелищ Петрограда, зам. Наркома просвещения по художественным делам, зав. Петроградским отделом ТЕО Наркомпроса.

Аничков Евгений Васильевич (1866-1937, по другим данным: 1861-1938) — критик, литературовед, автор исследований по фольклору и литературе средних веков.

Ариадна — см. Тыркова-Вильямс А.В.

Аркадий — Борман А.А., сын Тырковой-Вильямс А.В.

Артамонов Михаил Дмитриевич (1888-1958) — поэт. С 1912 сотрудничал в большевистских изданиях. После Октября 1917 — секретарь литературной группы при иванововознесенской газ. «Рабочий край».

Афонский Н.П. — ассистент клинического военного госпиталя в Петербурге. В 1916 обследовал Ремизова на предмет пригодности к военной службе. В 1917-1921 — лечащий врач Ремизовых.

Баннов — владелец табачного магазина.

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873-1944) — поэт-символист, театральный деятель, переводчик, дипломат. В 1920 — зав. спец. миссией, в 1921 — чрезвычайный посланник и уполномоченный представитель Литовской республики в РСФСР.

- Бальмонт** Константин Дмитриевич (1867-1942) — поэт, переводчик. С 1921 — в эмиграции.
- Беленсон** Александр Эммануилович (1890-1949) — поэт, прозаик, критик, издатель альм. «Стрелец», зав. литературным отделом журн. «Красный милиционер».
- Бенуа** Александр Николаевич (1870-1960) — крупнейший художественный деятель начала XX в., график, театральный художник, живописец, критик, историк искусства, режиссер, музейный деятель, один из основателей и руководителей объединения «Мир искусства» и одноименного журнала.
- Бенуа** (урожд. Кинд) Анна Карловна (1870-1952) — жена А.Н. Бенуа.
- Блок** Александр Александрович (1880-1921) — поэт, драматург, критик, переводчик.
- Блок** (урожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881-1939) — актриса, жена А.А. Блока.
- Бонч-Бруевич** Владимир Дмитриевич (1873-1955) — сов. государственный и партийный деятель, историк, этнограф и литератор. В 1917-1920 — управ. делами Совнаркома.
- Брешко-Брешковская** Екатерина Константиновна (1844-1934) — одна из организаторов и лидеров партии эсеров. После 1917 поддерживала Временное правительство. После Октября заняла позицию, враждебную по отношению к сов. власти. В 1919 эмигрировала.
- Бурлюк** Николай Давидович (1890-1920) — поэт.
- Бутова** Надежда Сергеевна (1878-1921) — актриса МХТ.
- Бурцев** Владимир Львович (1862-1942) — публицист, журналист, редактор журн. «Былое». После Февральской революции издавал в Петрограде газ. «Общее дело». С 25 октября 1917 по 18 февраля 1918 провел в заключении в связи с публикацией разоблачительных материалов о большевиках.
- Бялковский** Марк Николаевич — литератор, сотрудник журн. «Лукоморье».
- Верховский** Юрий Никандрович (1878-1956) — поэт, историк литературы, специалист по русской поэзии нач. XIX в., переводчик.
- Вильгельм II Гогенцоллерн** (1859-1941) — германский император и прусский король (1888-1918). 28 ноября 1918 отрекся от престола.
- Вильямс** Гарольд (1876-1928) — английский журналист, корреспондент газ. «Таймс» в Петрограде до 1918, муж А.В. Тырковой-Вильямс.
- Владимир Алекс.** — крестный Н.В. Израильсон.
- Волков** Владимир Семенович (?-1917) — частный поверенный, знакомый Ремизова по ссылке в Вологде.
- Воробьевы** — соседи Ремизовых.
- Воронцов-Дашков** Илларион Иванович, гр. (1837-1916) — госуд. деятель, генерал-лейтенант. В 1881-1882 — один из организаторов «Священной дружины» — для борьбы с революционным движением. Министр имп. двора и уделов (1881-1897), наместник Кавказа (1905-1915), член Гос. совета.
- Всеволожский** Иван Александрович, кн. (1835-1909) — театральный дея-

- тель. С 1881 — директор имп. театров (до 1886 — петербургских и московских, в 1886-1899 — петербургских).
- о.Геннадий* (Виноградов Геннадий Федорович) — законоучитель, знакомый детских лет Ремизова.
- Геровский* — учитель географии в Александровском коммерческом училище (Москва).
- Гершензон* Михаил Осипович (1869-1925) — историк литературы и общественной мысли, философ.
- Гиппиус* Владимир Васильевич (псевд. «Вл. Бестужев», «Вл. Нелединский», 1876-1941) — поэт-символист, преподаватель, с 1917 — директор Тенишевского училища, троюродный брат З.Н. Гиппиус.
- Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869-1945) — писательница, поэтесса, критик.
- Головин* Александр Яковлевич (1863-1930) — живописец, театральный декоратор, главный художник Александринского театра.
- Гончарова* Наталия Сергеевна (188-1962) — живописец, художник театра, график.
- Гордин* Владимир Николаевич (1882-?) — литератор, редактор журн. «Вершины». В 1921 — редактор литературного отдела газ. «Красный балтиец».
- Горнфельд* Аркадий Георгиевич (1867-1941) — критик, литературовед.
- Городецкая* (урожд. Козельская) Анна Алексеевна (1889?-1945) — жена С.М. Городецкого. В начале 1910-х публиковала стихи и прозу.
- Городецкий* Сергей Митрофанович (1884-1967) — поэт, прозаик, переводчик.
- Горький Максим* (наст. имя Пешков Алексей Максимович, 1868-1936) — прозаик, драматург, публицист, общественный деятель.
- Гребенщиков* Яков Петрович (1887-1935) — библиотекарь Государственной Публичной библиотеки, библиофил.
- Гржебин* Зиновий Исаевич (1869-1929) — художник и издатель. В 1919 — основал «Издательство З.И. Гржебина», фактическим руководителем которого был Горький. В 1920 выехал в Берлин, основал филиал своей фирмы и выпустил часть рукописей, приобретенных в 1918-1920. В 1923 разорился.
- Гюнтер* Иоганнес фон (1886-1973) — немецкий поэт и переводчик русской литературы, с 1909 по 1914 — сотрудник журн. «Аполлон».
- Денисевич* Анна Ильинична (по мужу Андреева, 1885-1948) — жена Леонида Андреева.
- Добронравов* Леонид Михайлович (1887-1926) — прозаик, драматург, публицист.
- Добронравова* — мать Л.М. Добронравова.
- Довгелло* Александра Никитична (1846-1917) — мать С.П. Ремизовой-Довгелло.
- Довгелло* Екатерина Павловна (1870-1925) — старшая сестра С.П. Ремизовой-Довгелло.
- Довгелло* Лидия Павловна (1876-1944) — младшая сестра С.П. Ремизовой-Довгелло, воспитательница Наташи Ремизовой.

- Добужинский* Мстислав Валерианович (1875-1957) — художник, член объединения «Мир искусства», мемуарист.
- Дядя Алеша* (дядя Лёзя) — Сергей Павлович Довггело (1874-1919) — дядя Наташи Ремизовой, брат С.П. Ремизовой-Довггелло.
- Жданов* Владимир Анатольевич (1869-1932) — юрист, социал-демократ, руководитель рабочих кружков. С 1895 — ссыльный в Вологде. Защитник на политических процессах, в частности, защищал И.Каляева по делу об убийстве вел. кн. Сергея Александровича. В 1917 — сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
- Жданова* Надежда Николаевна — революционерка, жена В.А. Жданова. В конце 1890-х — ссыльная в Вологде.
- Жилкин* Иван Васильевич (1874-1958) — писатель, публицист, член 1-й Гос. думы («трудовик»), сотрудник и член редакции журн. «Наша жизнь» (1904-1908).
- Жуковский* Дмитрий Евгеньевич (1868-1943) — издатель, переводчик философской литературы.
- Жуковский* Павел Семенович — фотограф.
- Замятин* Евгений Иванович (1884-1937) — писатель. С 1932 — в эмиграции.
- Замятина* (урожд. Усова) Людмила Николаевна (1883-1964/1965) — жена Е.И. Замятина.
- Зензинов* Владимир Михайлович (1880-1953) — публицист, член ЦК эсеровской партии, депутат Учредительного Собрания.
- Зонов* Аркадий Павлович (1875-1922) — актер, режиссер, работал в Товариществе новой драмы Мейерхольда, в 1907-1908 — в театре В.Ф. Коммиссаржевской, с 1916 — в Камерном театре.
- Ив. Ал.* — см. Рязановский И.А.
- Ив. С.* — см. Соколов-Микитов И.С.
- Иван Николаевич* — см. Пантелеев И.Н.
- Иванов* Вячеслав Иванович (1866-1949) — поэт, теоретик символизма, драматург, историк античной литературы.
- Иванов-Разумник* (наст. имя: Иванов Разумник Васильевич, 1878-1945) — критик, публицист, историк литературы и общественной мысли, выразитель взглядов «неонародничества». С 1941 — в эмиграции.
- Ивойлов* Владимир Николаевич (псевд. Княжнин, 1883-1942) — поэт, историк литературы.
- Израильсон* Надежда Владимировна — акушерка, знакомая Ремизова по пензенской ссылке.
- Илиодор* (Труфанов Сергей Михайлович, 1880-1952) — иеромонах, один из организаторов «Союза русского народа», был близок к Распутину, затем порвал с ним. В 1912 заточен во Флориеву пустынь, бежал в Норвегию, где сочинил памфлет «Святой черт», направленный против Распутина и имп. Александры Федоровны.
- Ионов* (наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (1887-1942) — поэт, издательский работник. В 1920-е зав. Петроградским отд. Госиздата.
- К.* — см. Довггело Е.П.

- Каледин* Алексей Максимович (1861-1918) — генерал, в 1917-1918 — войсковой атаман Донского казачества. На Гос. Совещании в августе 1917 выступил с программой подавления революционного движения. После Октября отказался признать власть СНК.
- Каменева* (наст. фам. по мужу Розенфельд) Ольга Давыдовна (1883-1941) — жена Л.Б. Каменева, заведующая ТЕО Наркомпроса со дня его основания по июль 1919, председатель бюро театрального совета при Наркомпросе, позднее — заведующая художественно-просветительским подотделом МОНО.
- Каплун* (Сумский) Борис Гитманович (1894-?) — двоюродный брат Урицкого, в 1919 — управ. делами комиссариата Петросовета; в 1921 — чл. коллегии отдела управления Петросовета, в том же году исключен из партии. В 1924 — гл. секретарь ленинградского Промбанка. В конце 1920-х переехал в Москву. В конце 1930-х репрессирован.
- Каплун* (Сумский) Соломон Гитманович (?-1940) — меньшевик, журналист, до революции — сотрудник «Киевской мысли». Эмигрировал. В Берлине — владелец изд-ва «Эпоха», сотрудник «Соц. вестника»; в Париже — сотрудник «Последних новостей».
- Карпинский* Вячеслав Алексеевич (1880-1965) — журналист, видный деятель большевистской партии. В 1903 — выслан в Вологодскую губ., в 1904-1907 — в эмиграции. В 1918-1922 — редактор газ. «Беднота», в 1918-1927 — член редколлегии «Правды».
- Карпов* Пимен Иванович (1887-1963) — писатель.
- Керенский* Александр Федорович (1881-1970) — юрист, народный социалист, министр юстиции во Временном правительстве Г.Е.Львова, затем глава Временного правительства второго состава.
- Клюев* Николай Алексеевич (1884-1937) — поэт.
- Князев* Василий Васильевич (1887-1937/1938) — поэт. Репрессирован.
- Кокошкин* Федор Федорович (1871-1918) — публицист, юрист, один из основателей партии к.-д и член ее ЦК, депутат 1-й Гос. думы, Государственный контролер во 2-м составе Временного правительства, депутат Учредительного Собрания.
- Коммиссаржевская* Вера Федоровна (1864-1910) — актриса, основала два драматических театра.
- Коммиссаржевский* Федор Федорович (1882-1954) — режиссер, театральный педагог, теоретик театра.
- Коноплянец* Александр Михайлович — товарищ М.М. Пришвина по Елецкой гимназии.
- Копельман* Соломон Юльевич (1881-1944) — совладелец (с З.И. Гржебиным) изд-ва «Шиповник».
- Копельман* (урожд. Беклемишева) Вера Евгеньевна — жена С.Ю. Копельмана.
- Корнилов* Лавр Георгиевич (1870-1918) — генерал от инфантерии (1917), верховный главнокомандующий (июль-август 1917). Руководитель неудачного выступления против Временного правительства. После Октября 1917 — один из организаторов Добровольческой армии.
- Котылев* Александр Иванович (?-1917) — журналист, издатель.

- Кругликова* Елизавета Сергеевна (1865-1941) — художница, график.
- Кублицкая-Пиоттух* (урожд. Бекетова) Александра Андреевна (1860-1923) — мать А.А. Блока.
- Кузнецов* Василий Васильевич (1881-?) — скульптор, автор бюста Ремизова.
- Кузнецова-Бурлюк* Людмила Давыдовна (1886-1968) — живописец, сестра Н.Д. Бурлюка.
- Кузмин* Михаил Алексеевич (1872-1936) — поэт, переводчик, композитор.
- Купрянов* Николай Николаевич (1894-1933) — художник.
- Кустодиев* Борис Михайлович (1878-1927) — живописец, график, театральный художник, член объединения «Мир искусства».
- Л.* — см. Довкгело Л.П.
- Ланг* Георгий Федорович (1875-1948) — врач.
- Лансере* Евгений Евгеньевич (1875-1946) — художник, член объединения «Мир искусства».
- Лебедев* Владимир Иванович (1883-1956) — поэт, редактор.
- Левин* Давид Абрамович (1863-?) — публицист, юрист.
- Левин* — врач.
- Линде* Август Львович — учитель немецкого языка.
- Лошкормоев* — ответственный советский работник.
- Лундберг* Евгений Германович (1887-1965) — писатель, журналист, издательский деятель.
- М.М.* — см. Пришвин М.М.
- Маделунг* Оге (1872-1949) — датский писатель, долгое время жил в России. Друг Ремизова со времен вологодской ссылки.
- Мария Константиновна* — жена З.И. Гржебина.
- Маяковский* Владимир Владимирович (1893-1930) — поэт, драматург.
- Мейерхольд* Всеволод Эмильевич (1874-1940) — режиссер и актер. В 1918-1919 — зам. зав. петроградского отделения ТЕО, в 1920-1921 — зав. ТЕО. В 1920 провозгласил программу «Театрального Октября».
- Милюков* Павел Николаевич (1859-1943) — историк и публицист, один из основателей партии к.-д., председатель ее ЦК, редактор газ. «Речь» (1906-1918). Депутат 3-й и 4-й Гос. думы. В 1917 — министр иностранных дел в первом составе Временного правительства.
- Мирбах* Вильгельм, гр. (1871-1918) — посол Германии в Советской России.
- Митропан* Петр А. — сербский переводчик русской литературы.
- Михаил Александрович*, вел. кн. (1878-1918) — брат Николая II, в марте 1917 отрекся от престола.
- Мстиславский* (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876-1943) — писатель, член ЦК партии с.-р., член президиума II Всероссийского съезда Советов, в декабре 1917 — январе 1918 — член Президиума ВЦИК.
- Найденов* Александр Николаевич (1866-?) — двоюродный брат Ремизова, сын Н.А. Найденова.
- Нарбут* Владимир Иванович (1888-1938) — поэт, сотрудник журн. «Зори», издательский деятель.
- Николай Николаевич* (младший), вел. кн. (1856-1929) — внук Николая I,

генерал от кавалерии (1901). С августа 1915 по 15 марта 1917 — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. 15 марта 1917 при отречении Николай II назначил его верх. главнокомандующим, но под давлением Временного правительства и Советов вел. кн. отказался от этой должности. Эмигрировал в 1919.

Нюренберг Арон Давидович (?-1917) — врач.

Ольга Ивановна [Диомедова] — мать М.К. Гржебиной.

Павлова Надежда Александровна (1895-1980) — поэтесса, мемуаристка.

Пальмин Лиодор (Илиодор) Иванович (1841-1891) — поэт, переводчик.

Переверзев Валериан Федорович (1882-1968) — литературовед. Участник революционного движения. В 1918 избран членом Социалистической академии.

Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878-1939) — живописец, прозаик.

Прасковья Семеновна Мирская — нянька Ремизова.

Прасковья Пименова — прислуга Ремизовых.

Пр. — см. Пришвин М.М.

Пришвин Михаил Михайлович (1873-1954) — писатель.

Прокопов Петр Николаевич — прапорщик.

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891-1953) — композитор.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870-1920) — депутат 2-4-й Гос. думы, монархист, черносотенец.

Пяст (наст. фам. Пестовский) Владимир Алексеевич (1886-1940) — поэт, переводчик, стиховед, теоретик декламации, мемуарист.

Равич Сарра Наумовна — жена В.А. Карпинского.

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872-1916) — «старец», близкий к имп. Александре Федоровне и Николаю II, фактически определял политику последних лет царской власти. Убит в 1916.

Рачинский Григорий Алексеевич (1853-1939) — переводчик, философ, один из руководителей Московского РФО и изд-ва «Путь».

Рославлев Александр Степанович (1883-1920) — поэт.

Ремизов Виктор Михайлович (1876-1919) — брат А.М. Ремизова, банковский служащий. С 1914 — служил в армии. После Октября 1917 — инспектор Красной Армии. Расстрелян колчаковцами.

Ремизов Сергей Михайлович (1875 — не ранее 1930-х) — брат А.М. Ремизова. В 1917-1919 — служащий на товарной станции Курской ж.д.

Ремизов Николай Михайлович (1872-1936) — брат А.М. Ремизова, присяжный поверенный Моск. судебной палаты, присяжный стряпчий Моск. коммерческого суда, староста Успенского Собора в Кремле. В мае 1918 арестован вместе с рядом других церковных деятелей, освобожден благодаря заступничеству одного из старых большевиков, благоволивших к А.М. Ремизову.

Ремизова (урожд. Тархова) Варвара Федоровна — пензенская ученица А.М. Ремизова, жена его брата Сергея.

Ремизова Галина Николаевна — дочь Н.М. Ремизова.

Ремизова (урожд. Рюккерт) Ида Федоровна — жена В.М. Ремизова.

Ремизова (урожд. Найденова) Мария Александровна (1848-1919) — мать А.М. Ремизова.

- Ремизова* Наталья Алексеевна (1904-1943) — дочь А.М. Ремизова, преподаватель русского и украинского языка и литературы.
- Ремизова-Довгелло* Серафима Павловна (1876-1943) — палеограф, жена А.М. Ремизова.
- Родзянко* Михаил Владимирович (1859-1924) — председатель 4-й Гос. думы.
- Розанов* Василий Васильевич (1856-1919) — писатель, публицист, философ.
- Романов* Пантелеймон Сергеевич (1885-1938) — писатель.
- Рукавишников* Иван Сергеевич (1877-1930) — поэт, прозаик. После Октября 1917 организовал два музея в Н.Новгороде, преподавал в Моск. высшем литературно-художественном ин-те им. В.Я. Брюсова.
- Рунова-Богданова* (урожд. Мещерская) Ольга Павловна (1864-1952) — писательница.
- Рязановский* Иван Александрович (1869-1921?) — историк-архивист, археолог, библиофил, юрист. В 1918-1919 — преподаватель петроградских Курсов мастерства сценических постановок, возглавляемых В.Э. Мейерхольдом. В 1919 — архивариус Историко-Революционного архива в Петрограде.
- Савинков* Борис Викторович (1879-1925) — член партии с.р., глава ее БО, беллетрист. Летом 1917 — управ. Военным министерством Временного правительства, в период наступления Корнилова — Петроградский военный генерал-губернатор, затем вышел в отставку. После Октября 1917 — организатор борьбы с большевиками.
- Садовской* (Садовский) Борис Александрович (1881-1952) — поэт, прозаик.
- Сомов* Константин Андреевич (1869-1939) — художник, один из организаторов объединения «Мир искусства».
- С.Г.* — см. Каплун С.Г.
- Сахн.* — см. Сахновский В.Г.
- Сахновский* Василий Григорьевич (1886-1945) — режиссер, театровед, педагог.
- Сверский* Алексей Иванович (1865-1942) — писатель.
- Семенов-Тян-Шанский* Дмитрий Петрович (?-1917) — владелец дома №31 на 14-й линии В.О., где жил А.М. Ремизов. Сын путешественника и географа П.П. Семенова-Тян-Шанского.
- Семенов* (наст. фам. Семенов-Тян-Шанский) Леонид Дмитриевич (1880-1917) — поэт, революционер, религиозный пропагандист.
- Семенов-Тян-Шанский* Михаил Дмитриевич — сын Д.П. Семенова-Тян-Шанского, географ. В 1920-х — директор Ин-та центрографии в Ленинграде.
- Соколов-Микитов* Иван Сергеевич (1892-1975) — писатель.
- Сологуб* (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863-1927) — поэт, драматург, прозаик, переводчик.
- Суворин* Борис Алексеевич (?-1939) — прозаик.
- Срезневский* Вячеслав Измайлович — старший врач психиатрической больницы в Петрограде.
- Сухомлинов* Владимир Александрович (1848-1926) — в 1909-1915 — военный министр. В сентябре 1916 приговорен к бессрочной каторге за

- неподготовленность армии к войне. 1 мая 1918 освобожден по амнистии. Эмигрировал.
- Тернавцев* Валентин Александрович (1866-1940) — чиновник Синода, литератор, участник рел.-фил. собраний.
- Терещенко* Михаил Иванович (1886 или 1888-1956) — крупный землевладелец, сахарозаводчик, глава изд-ва «Сириин». После Февральской рев. — министр финансов во Временном правительстве (внепартийный), после отставки Милюкова занял пост министра иностранных дел. Арестован с другими министрами Временного правительства. После освобождения эмигрировал.
- Терещенко* Елизавета Михайловна — мать М.И. Терещенко.
- Тиняков* Александр Иванович (1886-1934) — поэт, критик, журналист.
- Толстой* Алексей Николаевич (1883-1945) — писатель.
- Толстой* Дмитрий Андреевич, гр. (1823-1889) — государственный деятель, с 1865 — обер-прокурор Синода, с 1866 по 1880 — одновременно министр народного просвещения.
- Троцкий* (Бронштейн) Лев Давыдович (1879-1940). В 1917 — член ЦК партии большевиков, председатель Петросовета, после Октября — первый нарком по иностранным делам.
- «*Турка*» — Тотеш Илья Аронович, знакомый Ремизова со времен его жизни в Херсоне.
- Тыркова* (в 1-м браке Борман, во 2-м — Вильямс) Ариадна Владимировна (1869-1962) — общественная деятельница, член ЦК партии к.-д., беллетристка.
- Тэффи* (наст. фам. Бучинская, урожд. Лохвицкая) Надежда Александровна (1892-1952) — писательница, мемуаристка.
- Уэльс* (Уэллс) Герберт Джордж (1866-1945) — английский писатель. После поездки в Россию в 1920 написал кн. «Россия во мгле».
- Унковский* Владимир Николаевич (1888-1964) — врач, писатель, журналист, знакомый Ремизова с 1911.
- Успенский* Николай Васильевич (1837-1889) — писатель.
- Ф.И.* — см. Щеколдин Ф.И.
- Фигнер* Вера Николаевна (1852-1942) — революционерка-народница, член Исполкома «Народной воли», писательница.
- Фидлер* Фридрих (Федор Федорович) (1859-1917) — переводчик, поэт, основатель частного литературного музея.
- Философов* Дмитрий Владимирович (1872-1940) — литературный критик, публицист, общественный деятель.
- Форш* (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873-1961) — писательница.
- Хабалов* Сергей Семенович (1853-1929) — до Февральской революции военный комендант Петрограда.
- Ходасевич* (урожд. Чулкова) Анна Ивановна (1886-1964) — сестра Г. Чулкова, в 1910-е — жена В.Ф. Ходасевича.
- Чеботаревская* Анастасия Николаевна (1869-1921) — переводчица, критик, жена Ф. Сологуба.
- Черепнин* Николай Николаевич (1873-1945) — композитор, педагог, ди-

- рижер. В 1906-1909 работал в Мариинском театре. С 1921 — в эмиграции.*
- Чернявский** Николай (Колау) Андреевич (1892?-1942?) — поэт, собиратель русского и грузинского фольклора, переводчик.
- Чернов** Виктор Михайлович (1873-1952) — один из лидеров партии эсеров. В 1917 — временный председатель Учредительного Собрания.
- Чехонин** Сергей Васильевич (1878-1936) — живописец, график.
- Чуковский** Корней Иванович (наст. имя: Корнейчуков Николай Васильевич, 1882-1969) — писатель, критик, литературовед.
- Чулков** Георгий Иванович (1879-1939) — поэт, критик, беллетрист, литературовед.
- Шалапин** Федор Иванович (1873-1938) — певец.
- Шестов** (наст. фам. Шварцман) Лев Исаакович (1866-1938) — философ, литературный критик. С 1920 — в эмиграции.
- Шингарев** Андрей Иванович (1869-1918) — земский деятель, член ЦК партии к.-д., депутат 2-4-й Гос. дум, после Февральской революции — министр земледелия в первом составе Временного правительства и министр финансов — во втором составе, депутат Учредительного Собрания.
- Шишков** Вячеслав Яковлевич (1873-1945) — писатель.
- Шрейбер** Яков Самойлович — инженер.
- Шрейбер** Фрида Лазаревна — жена Шрейбера Я.С.
- Штюрман** Борис Владимирович (1848-1917) — с марта по 10 ноября 1916 — председатель Совета министров, одновременно с марта по июль — министр внутренних дел, с июля по ноябрь — министр иностранных дел.
- Щеголев** Павел Елисеевич (1877-1931) — литературовед, историк освободительного движения. После Февральской революции — член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
- Щеголева** (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна (1878-1931) — актриса, жена П.Е. Щеголева.
- Щеколдин** Федор Иванович (1870-1919) — социал-демократ, искровец. Принимал активное участие в подготовке II съезда РСДРП. После революции 1905-1907 — отошел от политической деятельности.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- *Абрамов С.А. 414
Аввакум Петрович 70, 472, 527
Аверченко А.Т. 448, 449, 480, 540
Авксентьев Н.Д. 457, 458, 478, 540
Агазаров Г. 354
*Агеев М. см. Леви М.Л.
Агнивцев Н.Я. 21
Агранов Я.С. 105
Адамов, адвокат 346
Адамович Г.В. 116, 119, 120, 136, 141, 266
Адлер А. 68, 76, 77
Азадовский К.М. 134, 135
Азеф Е.Ф. 328
Айзенберг Е.Е. 268, 274, 284
Аксакова-Сиверс Т.А. 145
Акумовна, прислуга Ремизовых 433, 434, 540
*Алданов М.А. 116, 119, 121, 141-144, 147, 339
Александр I, имп. 56-58, 67, 100, 146
Александр II, имп. 146, 209
Александр III, имп. 7, 436
Александр Михайлович, вел. кн. 211, 212, 457
Александр Петрович, принц Ольденбургский 27
Александра Федоровна, имп. 207, 399, 518, 543, 546
*Александров см. Кузьмин П.И.
Александров А.С. 82-86, 90, 91, 93
Александровский В.Д. 110
Алексеев И. 508
Алексеев М.В. 308, 313, 461, 525, 540
Алексей Николаевич, цесаревич 421
*Алексон см. Кузьмин А.И.
Аллой В.Е. 209-264, 415
Алтухов В.М. 73
Алтухова (ур. Лосская) В.О. 19, 73
Алферова, влад. гимн. 315
Алымов И. 72
Алымова, студентка 72
*Альтенберг П. 381, 382
Алянская Б.М. 534
Алянский С.М. 415, 493-495, 497, 498, 534, 535, 540
Амброзович В.К. 126, 136
Амфитеатров А.В. 529
Андерсон П.Ф. 212, 234
Андреев Л.Н. 34, 56, 75, 379, 380, 413, 497, 508
Андреева (ур. Денисевич) А.И. 508, 542
Андреева М.А. 39
*Андреева М.Ф. 81, 91, 412, 489, 537, 540
Андронников И.Л. 141
Андронников Л.Н. 141
Аничков Е.В. 454, 540
Анна Андреевна, гувернантка Долгоруковых 309, 311
Анна Иоанновна, имп. 82, 93
Анненков Б.П. 83, 94
Анненков Ю.П. 83, 94, 96, 100, 332, 333, 354, 534

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аносова С.И. 140
 Антимонов С. 133
 Антипов, рус. эмигрант 66
 Антипов Н., сотр. ЧК 145, 147
 Антропов А.П. 10
 Апанович Е.М. 303
 Апухтин А.Н. 378
 Арафелов А.Г. 273
 Арафелов Г.М. 273
 Арбатов Н.Н. 100
 *Арбенин см. Гильдебрандт Н.Ф.
 *Арбенина М.Н. см. Гильдебрандт М.Н.
 *Арбенина О.Н. см. Гильдебрандт О.Н.
 *Аренский К. (Аренсбургер К.) 332
 Армашевский П.Я. 317, 324
 Аронова А. 532
 Артамонов М.Д. 444, 540
 Архангельский А.А. 23, 37, 64, 66
 Ардов В. 334
 Арцыбашев Д.Д. 323
 Асмус В.Ф. 171-173
 Асмус И.С. 171-173
 Астров А.И. 312
 Астров Н.И. 67, 308, 309, 312, 327
 Астров П.И. 312
 Атабеков, тифлисский гор. голова 346
 Ауэ Н. 274
 Афанасьев Б.П. 19, 20
 Афанасьева А. 20
 Афиногенов А.Н. 104
 Афонский Н.П. 450, 456, 466, 468, 471, 527, 540
 Ахимов, консул 277
 *Ахматова А.А. 119, 120, 122, 123, 128, 132, 138, 148, 149, 151, 152, 203, 204, 321
 Бабенчиков М.В. 120, 121, 132, 134, 135, 137, 139
 Баженова Т. 352
 Базанов В.В. 139
 Бакунин М.А., мл. 315
 Бакунин П.А. 292
 Бакунина (ур. Любошинская) С.М. 315
 Бакунины, семья 292, 315, 326
 Балабанович Е. 122
 Балашов (Балашев) П.Н. 460, 525
 Балиев Н.Ф. 60
 Балтрушайтис Ю.К. 452, 482, 540
 Бальмонт А.К. 125, 135
 Бальмонт К.Д. 22, 116, 134, 135, 481, 541
 Бальмонт Н.К. 121, 123, 125, 126, 128, 134, 139
 Бальфур Д. 58, 59
 Баннов, владелец магазина 440, 540
 Банцер С. 128
 Барнз К. 150-208
 Бартонь, чешск. богач 52
 Баруздин А. 274
 Барышев А.С. 508
 Баскакины, род 26
 Бахметьев В.М. 110
 Бахрушин, чл. РСХД 30
 Бахтин Б.В. 20
 Бахтин В.В. 20
 Бедкер К. 387, 388
 Беденков А. 332
 *Бедный Д. 103-106
 Беленсон А., актер 100
 Беленсон А.Э. 450, 497, 541
 Беленсон Ф.А. см. Глинская Ф.А.
 Белецкий, славист 39, 50
 Беллини Дж. 383
 Белов М.С. 389, 391, 392
 Белоусов А. 17
 Белоусов В. 139
 *Белый А. 34, 368, 395, 396, 398
 Беляев, сотр. НКВД 277
 Беляев Н.М. 16, 39, 40
 Беляев Ю.Д. 378, 380
 Бем А.И. 35, 60
 Бем А.Л. 35, 266

- Бем И.А. 35
Бем Т.А. 35
Бемы, семья 37, 75
Бенуа (ур. Кинд) А.К. 458, 541
Бенуа А.Н. 360, 370, 393, 394, 458, 516, 541
Берберова Н.Н. 348
Берг Б.О. 148
Бердяев Н.А. 73, 209-211, 211-264
Бердяев Н.М. 261, 262
Бердяева-Рапп (ур. Трушева) Л.Ю. 226, 232, 248, 251, 256-258, 260
Березовский Ф.А. 110
Берков П.Н. 359
Бернацкий М.В. 299
Бернштейн А.С. 489
Бернштейн И.И. см. *Ионов И.И.
Бернштейн С.И. 140
Бескин О.М. 371, 372
Бетховен Л. 56, 73
Бибик А.П. 108, 109-111
Билибин И.Я. 394, 395
Билибины, семья 325
Бильяни В.Ф. 82, 92
Благовидов, свящ. 273
Блажевич О. 354-356
Блейхман, анархист 410, 433, 437
Блок А.А. 102, 122, 124-126, 132, 133, 140, 368, 381, 395-398, 411, 426, 439, 450, 469, 473, 478, 485, 500, 501, 529, 531, 535, 538, 539, 541, 545
Блок (ур. Менделеева) Л.Д. 467, 469, 529, 541
Блювштейн С.И. 378
Блюменфельд Н.Г. 137, 142
Бобринская В.Н. 62, 63
Бобровников Н.Ф. 26
Богаевский К.Ф. 366, 367, 380
Богданов Ф.П. 61
Богданова-Бельская П.О. 130, 148
Богомолов Н.А. 117, 136, 138, 149
Бодлер Ш. 381
Бокк Б.И. 283
Бокк (ур. Столыпина) М.П. 283
Бокк-Крейман В.И. 283
Боков Н.К. 118
Болдовкин П.И. см. *Чагин П.И.
Болотников И.И. 410, 433, 437
Большов И. 274
Бондаренко В.Г. 136
Бонч-Бруевич В.Д. 378, 380, 468, 541
Борман А.А. 328, 444, 507, 540
Борман Ж. 396
Борнеман (ур. Старынкевич) И.Д. 321
Бородин А.А. 534
Борский Б. 346
*Боттичелли С. 16
Брешко-Брешковская Е.К. 443, 459, 522, 541
Брик Л.Ю. 105, 122
Брюллов А.П. 393
Брюнsvик (Бруншvиг) Л. 231
Брюсов В.Я. 55, 148, 283, 284, 520
Брюшвейлер, пастор 269
Бубер М. 232, 233
Бубнов Н.М. 47
Бузони Ф.Б. 398, 400
Булгаков В.Ф. 12, 31, 32, 52, 57, 58
Булгаков С.Н. 26, 31, 41, 42, 46, 53, 68, 72, 74, 78, 235, 236, 319, 326
Булгакова (ур. Токмакова) Е.И. 41
Булгакова М.С. 41
Булгаковы, семья В.Ф. 31, 37
Булгаковы, семья С.Н. 53, 315
Булич Н.П. 469
*Бунаков см. Фондаминский И.И.
Бунин И.А. 266, 339
Буницкий, математик 12
Бунич-Ремизов Б.Б. 519-522
Буонаюти (Боналутти) Э. 232, 233
Буренин Н.Е. 81, 91
Буркевиц В.Е. 268, 274, 284
Буркевиц Е.Е. 284

- Бурлюк Н.Д. 425, 426, 435, 452, 504, 541, 545
 Бурлюки, семья 467
 Бурцев В.Л. 327, 328, 425, 541
 Бутова Н.С. 421-423, 443, 541
 Бутчер П. 150-208
 Бухарин Н.И. 117
 Быкова Т.А. 20
 Бялик Б.А. 87, 97
 Бялковский М.Н. 451, 541
- *В.П. 115, 117, 120
 Вавич М.И. 379, 380
 *Вагинов К.К. 271
 Валентино Р. 341
 Вальдгауэр О.Ф. 373, 374
 Вальполь, знакомый А.М.Ремизова 436
 Вальстрем Г. 211
 Вандель, продюсер 350
 Варенова Н.Л. 64
 Варшавский В.С. 265, 267
 Василенко Н.П. 305
 Васильев П.Н. 102
 Васильева (ур. Корнилова) В.А. 320
 Васильевский М.М. 134
 Васильчиков, кн. 348
 Васильчикова, кн. 354
 Васнецов А.М. 378
 Введенская М.М. 471
 Введенский А.И. 44
 Вейнер П.П. 370
 Вейс, уполном. Петрограда 419, 516
 Вельяшев см. *Светланов Н.Г.
 Венгеров С.А. 121, 134, 141, 529, 532
 Вензель Е.П. 416
 Вергун А.Д. 63
 Вергун (ур. Новосильцева) В.Н. 63
 Вергун Д.Н. 36, 57, 58, 63
 Вергун Т.Д. 63
 Веретенников А.Н. 131
 Верещагин В.А. 368, 370, 375
 Вернадская (ур. Ильинская) Н.В. 64, 301, 302, 303, 316, 317, 319, 322
 Вернадская (ур. Старицкая) Н.Е. 301, 303, 315-320, 326
 Вернадские, семья 37, 45, 64, 304, 310, 311, 315, 320, 325, 326
 Вернадский В.И. 290, 292, 293, 298, 299, 301, 303-307, 311, 314, 316-326
 Вернадский Г.В. 34, 45, 57, 292-295, 301-308, 310, 314, 316-326
 Вероккьо А. 383, 386
 Веронезе П. 383
 Вертинский А.Н. 338, 352
 Верховские, семья 445
 Верховский Ю.Н. 425, 469-471, 518, 541
 *Веселый А. 110
 Вестер Э. 337
 Виленкина Е. 20
 Виленчук И.Я. 143
 Вильгельм, герц. Зюдерманландский 215
 Вильгельм II, имп. 427, 473, 541
 Вильборг А. 360
 Вильямс Г.В. 293, 327, 328, 436, 456, 464, 541
 Виноградов Г.Ф. 446, 542
 Виноградов Н.Г. 535
 Виноградова (ур. Крейман) А.Р. 283
 Виноградова В.Г. 272
 Виппер Б.Р. 283
 Висковский В. 354
 Вишняк М.В. 234
 Владимир, митр. 474, 531
 Владимир Александрович, крестный Н.В.Израильсон 508, 541
 *Владимиров М.К. 270, 275, 285
 Водовозов В.В. 44, 62, 68, 307
 Водовозова (ур. Введенская) О.А. 44, 62, 68
 Войков П.Л. 312
 Волков В.С. 444, 507, 508, 522, 541
 Волконский С. 331

- Волконский С.М. 339, 354
 Волчек Д. 268
 *Володарский В. 141
 Волошин А. см. *Негритос
 Волошин М.А. 34, 138
 Воробей Н.С. 464
 Воробьев В.В. 452
 Воробьев В.П. 191
 Воробьевы, соседи Ремизовых
 425, 541
 Воронский А.К. 107
 Воронцов-Дашков И.И. 436, 541
 Ворошилов К.Е. 103
 Врангель А.К. 126, 127, 133, 135
 Врангель Н.Н. 368, 370, 375
 Врангель П.Н. 293, 312, 314
 Врубель М.А. 284
 Всеволожский И.А. 479, 541
 Вырубов, актер 61
 Вяземская, кн. 354
- Габричевский А.Г. 376
 о.Гавриил 445
 Гайдебуров П.А. 508
 Гандурины, семья 53
 Гарелина Л.М. 134, 135
 *Гарин Н. см. Михайловский Н.Г.
 Гарри А. 333
 Гварди Ф. 383
 Гвоздев А.А. 80
 Ге Г. 341
 Гейне Г. 32, 144
 Гемилиан А.П. 131
 Георгиев Г.К. 62
 Георгиевский, сов. консул 276
 Герасимов М.П. 110
 Гермоген, патр. 40
 Гермончук, ред. «Петерб. газ.»
 346
 Геровский, учитель 449, 542
 Герценберг А.Р. 269
 Герценштейн М.Я. 314
 Герценштейны, семья 310, 314
 Гершензон, сотр. изд-ва 402, 403
 Гершензон М.О. 415, 493, 494,
 534, 537, 542
 Герье В.И. 306
- Гессен И.В. 331
 Гетакянц С. 274
 Гете И.В. 128, 138, 306, 373, 387
 Гишман К.Э. 83, 85, 87, 93
 Гизетти А.В. 308
 Гизетти (ур. Бекарюкова) Н.Д.
 308
 Гильдебрандт, семья 122, 138
 Гильдебрандт М.Н. 124, 132
 Гильдебрандт Н.Ф. 122
 Гильдебрандт О.Н. 118, 119,
 121-123, 124-131, 133, 135, 136,
 138, 148, 149
 Гиньбер Ш.А.О. 69
 Гиппиус В.В. 132, 133, 439, 542
 Гиппиус З.Н. 119, 434, 470, 478,
 480, 530, 542
 Гиришман В.О. 237
 Гиришман Г.Л. 236, 237
 *Гитлер А. 204
 Гладков Ф.В. 110
 Глазунов А.К. 129
 Глебов А.Г. 414
 Глебов Н. 72
 Глебова-Судейкина О.А. 122
 Глинка М.И. 32, 38
 Глинская Ф.А. 83, 94
 Гоген А.И. 519
 Гогенфельзен (ур. Карнович) О.В.
 209, 210
 Гоголицын А.Д. 127, 137
 Гоголь Н.В. 43, 44, 53, 57, 61,
 431, 445
 Годовский Л. 25
 Голике Р. 360
 Голиков Д.Л. 118, 143
 Голиченков, сотр. НКВД 277
 Голлербах Е.А. 357
 Голлербах Э.Ф. 357-364, 364-404
 Головин А. 66
 Головин А.Я. 451, 542
 Головинская Е.Д. 94
 Гомер 140
 Гончаров И.А. 529
 Гончарова Н.С. 422, 480, 542
 Горвиц, ссыльный 508
 Гордин В.Н. 139, 438, 439, 542

- Гордин Я.А. 142
 Горнфельд А.Г. 442, 542
 Городецкая (ур. Козельская) А.А. 458, 542
 Городецкая Н.Д. 215
 Городецкий С.М. 22, 102, 129, 132, 141, 376, 498, 502, 542
 *Горький М. 34, 61, 81, 87, 91, 97, 98, 102-104, 108, 146, 147, 174, 176, 179, 182, 186, 187, 192, 382, 394, 412-414, 421, 424, 451, 485, 486, 493, 497, 516-518, 532, 534, 535, 537, 538, 540, 542
 Готье Т. 83
 Готье Ю.В. 283
 Гоццолли Б. 390, 391
 Грабарь И.Э. 15
 Грассо Б. 216
 Грачева А.М. 407-549
 Гребенщиков Я.П. 472, 478, 529, 542
 Гревс И.М. 40, 290, 291, 300, 307, 489
 Гревсы, семья 325
 Гредескул Н.А. 307
 Греч, актриса 61
 Гржебин З.И. 393, 394, 428, 443, 451, 493, 499, 531, 537, 542, 544
 Гржебина М.К. 443, 489, 545, 546
 Григорович Д.В. 359
 Григорович-Барский Д.Н. 311, 316
 Григорьева Е.Г. 484
 Григорьева Н.В. 479
 Гримм Д.Д. 9
 Гримм И.Д. 10
 *Грин А.С. 391
 Гриневич В.С. 447
 Гриценко, крестьянин 430
 Громов, купец 57
 Гронский И.М. 102, 103-108
 Грушевский М.С. 323
 Губин Г. 20
 Гудзий Н.К. 527
 Гудон Ж.А. 371, 372
 Гуль Р.Б. 336
 Гумилев Н.С. 122, 123, 125, 126, 128-130, 133-135, 138, 140, 141, 146, 502, 539
 Гуревич, знакомый А.М.Реми-зова 458
 Гуревич Я.Г. 134, 137
 Гурко И.В. 319
 Гурьев Г.Н. 99
 Гурьев П.В. 518
 Гусакова З.Е. 291
 Гусев В.Е. 527
 Гюго В. 116, 119
 Гюнтер И. фон 441, 542
 *Давыдов А.Д. 379, 380
 *Давыдов А.М. 346
 Дальский М.С. 379, 380
 Д'Амелиа А. 407, 415
 Данилевский А.А. 521
 Данте А. 78
 Даргомыжский А.С. 38
 Двор Т.Л. 452, 453
 Дебюро Г. 82, 87, 93, 100
 Дебюро Ш. 82, 87, 93, 100
 Деген Ю.Е. 138
 Деддингтон Дж. 25
 Дежарден П. 231
 Делака, продюсер 350
 *Дельвари Ж. см. Кучинский Г.И.
 Демидов И. 117
 Демкова Н.С. 527
 Дени М. 53
 Деникин А.И. 293, 303, 307, 308, 312, 314, 315, 525
 Державин Г.Р. 358
 Дехтерев Б.А. 361
 Деянов А.И. 365, 366
 Джойс Дж. 198, 200
 Джусти В. 58
 Дзержинский Ф.Э. 146
 Динамов С.С. 107
 Динценхофер К.И. 10
 Диомедова О.И. 489, 546
 Дмитриев А. 349
 Дмитриев А.И. 519
 Дмитриев П.В. 80-101
 Добиаш-Рождественская О.А. 40, 69

- Добкин А.И. 209-264, 272
Добронравов Л.М. 419, 425, 432, 436, 439, 450, 452, 473, 542
Добронравова, мать Л.М.Добронравова 425, 450, 542
Добужинский М.В. 360, 480, 516, 528, 543
Довкгело, семья 519, 521, 522
Довкгело А.Н. 441, 451, 542
Довкгело Е.П. 425, 436, 441, 507, 522, 542, 543
Довкгело Л.П. 441, 458, 507, 521-523, 542, 545
Довкгело С.П. 441, 507, 521, 522, 543
Доде А. 44
Долгоруков М.П. 311
Долгоруков Н.П. 310, 311
Долгоруков Пав. Д. 292, 294, 297, 298, 309-312
Долгоруков Петр Д. 7, 292, 294, 295, 302, 309-316
Долгорукова А.М. 310, 311
Долгоруковы, семья 311
Долинов М.А. 132, 147
Долинова Е.А. 129, 130, 147
*Дон Аминадо 332, 339, 341, 342
Дормидонтов Е. 62
Дормидонтова, рус. эмигрантка 62
Дорогова (ур. Корнилова) Е.А. 316, 317, 320
Дорохов А. 80, 94
Дос Пассос Дж. 198, 200
Достоевский Ф.М. 52, 61, 254, 266, 412, 423, 472, 479, 496, 527, 538
Драбкин Д. 274
Дракули А.Н. 346
Дубнов С.М. 136, 143
Дубоссарский, кадет 298
Дульский П.М. 367, 369, 392
Дьюи Дж. 158
Дэвис Р. 150-208
Дюбаррш, модель Ж.А. Гудона 371
Дюгид Дж. 197
- Дюранти У. 107
Дягилев С.П. 141, 370, 375, 399
- *Е.С. 91
Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская 399, 400
Евдокимов Г.Е. 238
Евлогий, митр. (Георгиевский В.С.) 10, 56, 78, 236
Евреинов Б.А. 62, 64
Евреинов Н.Н. 100, 339
Евреинова (ур. Сабашникова) А.В. 62
Ежов Н.И. 105
Екатерина II, имп. 47, 61, 303
Елагин Н.Д. 83, 94
Елачич (ур. Лосская) 75
Елачич И. 75
Елпатьяевские, семья 325
Енсен П.А. 520
Енукидзе А.С. 104
Ерганжиев С. 274
Ермолаева (ур. Покровская) Е.М. 25, 75
Есенин С.А. 110, 119, 128, 132, 135, 137-140
Ефремова (ур. Баскакина) Е.А. 26
- Жданов В.А. 431, 432, 464, 466, 543
Жданова Н.Н. 432, 543
Жебелев С.А. 30
Жедринская (ур. Старицкая) Н.Е. 316
Жекулина А.В. 62, 312
Жеребков 252
Животовский С. 344
Жилкин И.В. 446, 456, 543
Жильсон Э. 79
Жиляев, рус. эмигрант 45
Жиляева, рус. эмигрантка 45
Жук М.И. 320
Жуков И.Д. 9
Жуковский В.А. 358
Жуковский Д.Е. 460, 543

- Жуковский П.С. 465, 466, 543
 Журавлев Д.Н. 125, 135, 146
- Забелкин Ф. 274
 Завадская К.И. 66
 Завадский С.В. 52, 64, 66, 70
 Зайцев Б.К. 339
 Зайцев К.И. 117, 309, 313
 Зайцев П.Н. 534
 Зайцевы, братья-хористы 22
 Закатимов, журналист 495
 Замятин Е.И. 106, 107, 465, 466, 470-473, 490, 494, 526, 532, 536, 543
 Замятина (ур. Усова) Л.Н. 471, 543
 Занд К.Л. 121
 Зандер Л.А. 35
 Зарин К.А. 273
 Зарубин В.И. 378, 380
 Збарский Б.И. 191
 Зензинов В.М. 502, 543
 Зернов Н.М. 68
 Зернова С.М. 68
 Зильберштейн М.И. см. *Михайлов М.И.
 Зимель А.И. 196-199, 201-206
 *Зиновьев Г.Е. 87, 97, 146, 238
 Зноско-Боровский Е.А. 116
 Золотницкий Д. 80
 Зонов А.П. 411, 462, 474, 478, 543
 Зоя Владимировна, знакомая А.М. Ремизова 426
 *Зрячий 340
 Зубарев Д.И. 119
 Зубашев Е.Л. 12
 Зыков, знакомый А.М. Ремизова 421
- *И.П. 341
 Ибсен Г. 249, 250
 Иванов, коллекционер 393
 Иванов Вс.В. 103
 Иванов Вяч. И. 138, 368, 425, 460, 493, 494, 537, 543
 Иванов Г.В. 116, 117, 128, 139-141, 266, 268, 339, 537
- Иванов Ф.В. 116
 *Иванов-Разумник Р.В. 102, 363, 424, 426, 452, 459, 464, 466, 469-472, 474, 480, 485, 530, 543
 Иванова А. 20
 Ивановский А. 348
 Иванцов, юрист 42, 66
 Иванцова, рус. эмигрантка 66
 *Ивич А. 140
 *Ивнев Р. 128, 129, 132, 133, 138-140
 Ивойлов В.Н. 454, 472, 543
 Игнатъев А.А. 68
 Игнатъев В.И. 117, 142-144
 Игнатъев Н.А. 68, 69
 Идельсон А.И. 143
 Иезуитова Л.А. 530
 Израилевич Я.Л. 146
 Израильсон Н.В. 508, 522, 541, 543
 Иконников, ген. 340
 Илиодор, иеромон. (Труфанов С.М.) 440, 543
 Иллеш Б. 104
 Ильин В.С. 9, 65
 Ильин И., сотр. ЧК 530
 Ильин И.А. 9
 Ильин Н.В. 367, 369, 389, 401
 Ильина Н.И. 9, 24
 *Ильф И.А. 348, 349, 401
 Иоанн Кронштадтский 378
 *Ионов И.И. 489, 536, 543
 Ипатов, сотр. консульства 276
 Ипатьев Н.Н. 31-33
 Ипатьевы, семья 31
 Исаев А.А. 443
 Исаев М.В. 457
 Исаев М.М. 457, 464, 472
 Исаева М.Б. 497
- *К-ин 343
 Кавиноки Н. 171, 172, 174, 176
 Каганович Б.С. 290
 Каганович Л.М. 104
 Казик, семья 9
 Каледин А.М. 460, 544
 Кальвин Ж. 235

- Кальдерон де ла Барка П. 89, 99
 Каляев И.П. 543
 Камберг М.А. 24, 42
 *Каменев Л.Б. 238, 544
 *Каменева О.Д. 412, 483, 544
 Каменка А. 338
 Канаков Ю. 351
 Каналетто Дж. А. 383
 Каннегисер Е.И. 118, 125, 127, 129, 130, 134, 144, 147
 Каннегисер И.С. 118, 129, 130, 132, 136, 147, 148
 Каннегисер Л.И. 115-149
 Каннегисер Н.Н. 131, 147
 Каннегисер (ур. Сакер) Р.Л. 119, 129, 130, 144, 147, 148
 Каннегисер С.И. 122, 125-127, 130, 134, 136, 137
 Каннегисеры, семья 118, 120, 123-125, 127, 131-134, 137
 Каплан Ф.Е. 116, 117
 Каплун Б.Г. 494, 538, 544
 Каплун С.Г. 493-498, 544, 547
 Капнист, граф 346
 Карак М. 275
 Карамзин Н.М. 358
 Кара-Мурза С.Г. 360, 361
 Карапетян см. *Давыдов А.Д.
 Карлони А.Ю. 82, 86, 92
 Карпинский В.А. 413, 414, 508, 544, 546
 Карпов П.И. 450, 544
 Карсавин Л.П. 23, 73-75
 Карсавина И.Л. 75
 Карсавина М.Л. 75
 Карсавина С.Л. 75
 Карсавины, семья 73-75, 77
 Катков Г.М. 142
 Катков К.М. 9, 20, 39
 Катков М.М. 9
 Кауфман А.А. 298, 300, 318, 324
 Кауфман М.С. 365
 Качалов В.И. 61
 Кедров А.П. 273
 Кельси М. 164-166, 168, 178
 Керенский, врач 466
 Керенский А.Ф. 142, 454, 457-460, 469, 524, 544
 Кестлер А. 263, 264
 Кизеветтер А.А. 12, 16, 17, 22, 31, 34, 36, 41, 45-47, 57, 58, 61, 67, 289
 Кизеветтер Е.А. 12, 31, 41, 45, 46
 Кизеветтер Е.Я. 12, 31, 41, 46
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 47, 408
 *Киров С.М. 368
 Киршон В.М. 104
 Кисин Б.М. 381, 382
 Кист Е.Н. см. Рейтлингер Е.Н.
 Кистяковский В.А. 305
 Кишкин Н.М. 299
 Клейн В. 378, 380
 Клейнмихель, гр. 106
 Клеман (ур. Бенуа) Е.А. 458
 Клибанов А.И. 325
 Клодты, братья, студенты-архитекторы 40
 Клюев Н.А. 102, 128, 425, 426, 428, 446, 498, 544
 Ключевский В.О. 17
 *Княжнин В.Н. см. Ивойлов В.Н.
 Князев В.В. 544
 Князьков С.А. 40
 Кобак А.В. 211
 Кобуладзе С. 362
 Ковалев М.А. см. *Ивнев Р.
 Ковалевский Е.Е., сын 68, 69, 74
 Ковалевский Е.Е., отец 68
 Ковалевский М.Е. 68, 69, 77
 Ковалевский М.М. 68
 Ковалевский Н.Н. 309, 310, 312
 Ковалевский П.Е. 331
 Коверда Б. 116
 Кодрянская Н.В. 407, 532
 Козинцев Г.М. 86, 97
 Козлов Н. 12
 Козюков Б.Д. 82, 92
 Козюкова Л.Н. 82, 92
 Кокошкин Ф.Ф. 295, 297, 298, 473, 530, 531, 544
 Кокошкины, семья 315, 325

- Коллеони Б. 383, 386
 Коллонтай А.М. 174, 175
 Коломаров Б. 329
 Колоницкий Б.И. 123
 Колтоновская Е. 121
 Колчак А.В. 68, 310, 341
 Коммиссаржевская В.Ф. 83, 93,
 135, 441, 484, 534, 543, 544
 Коммиссаржевский Ф.Ф. 411,
 474, 479, 544
 Кон (ур. Леб) Э. 157, 163, 164
 Конашевич В.М. 403, 404
 Конге А. 147
 Кондаков Н.П. 13-16, 23, 28, 39,
 40, 47, 50, 51
 Кондаков С.Н. 15, 50, 51
 Кондратьев Н.Д. 324
 Коненков С.Т. 174-176
 Коненкова (ур. Воронцова) М.И.
 174-176
 Конечный А.М. 116, 119
 Коновалов А.И. 296
 Коноплянцев А.М. 426, 428, 472,
 544
 Конради М.М. 116
 Конская Л. 92
 Константин, архим. см. Зай-
 цев К.И.
 Константин Константинович,
 вел. кн. 106
 Копельман (ур. Беклемишева)
 В.Е. 444, 464, 496, 497, 544
 Копельман С.Ю. 431, 544
 Копецкий Л.В. 39
 Коренчевский Г. 25
 Корицкий Э.Б. 147
 Корнилов А.А., отец 319
 Корнилов А.А., сын 289-328
 Корнилов Вл. Александрович, мл.
 301, 304, 318
 Корнилов Вл. Александрович, ст.
 320
 Корнилов Вл. Алексеевич 319
 Корнилов В.Н. 316
 Корнилов Н.А. 320
 Корнилов Л.Г. 142, 313, 460,
 525, 526, 544, 547
 Корнилов П.Е. 367, 369, 394,
 398, 400
 Корнилова (ур. Волкова) В.А.
 304
 Корнилова (ур. Федорова) Е.А.
 296, 301, 302, 310, 311, 327
 Корнилова Е.Н. 316, 319, 320
 Корнилова Н.А. 296, 301, 302,
 310, 311, 318, 327
 Корнилова (ур. Федорова) Н.А.
 300
 Корнилова (ур. Ольденбург) Н.Ф.
 304
 Корниловы, семья 296, 304, 311
 Коровин К.А. 382
 Короленко, семья 325
 Короленко В.Г. 306
 Косинская, художница 9
 Косинский В.А. 9
 Костиков В.В. 331
 Котляревский Н.А. 396, 398
 Котылев А.И. 446, 448, 469, 544
 Кравченко В.А. 263, 264
 Крамарж К.П. 11
 Крамарж (ур. Абрикосова) Н. 11
 Крандиевская Н.В. 496, 497
 Кранц Н.И. 131
 Красиков П.А. 297
 Краснов А.Н. 290
 Красовский Ю.А. 102
 Крейд В. 521
 Крейман Д.Р. 283
 Крейман К.Д. 272
 Крейман Р.Ф. 267, 273, 274, 283
 Крейман Ф.И. 273, 275, 283
 Кригер В.В. 108
 Кромвель О. 90, 528
 Кропоткин П.А. 306
 Крошкина В. 20
 Кругликова Е.С. 394, 395, 424,
 518, 545
 Круковский К. 274
 Крыжановский С.Е. 289
 Крымский А.Е. 305
 Крымский В. 340
 Крюкова М.С. 452, 453
 Крючков П.П. 186, 187

- Ксюнин А.И. 399, 400
 Ку, жена Ку Э.-отца 154-157
 Ку Ф. 157
 Ку (ур. Гринбаум) Ш. 157
 Ку Э., отец 157
 Ку Э., сын 157
 Кублицкая-Пиоттух (ур. Бекетова) А.А. 500, 545
 Кугель А.Р. 90, 100, 381, 382, 499
 Кудашева М.П. 173
 Кудрина (ур. Корнилова) О.А. 320
 Кудрявцев П. 326
 Кудрявцева см. Кизеветтер Е.Я.
 Кузмин М.А. 116, 118-120, 122, 123, 127-130, 135-139, 141, 144-147, 149, 439, 446, 461, 545
 Кузнецов В.В. 460, 464, 526, 545
 Кузнецов Е.М. 91, 97, 99
 Кузнецов Н.Д. 468
 Кузнецов Н.И. 304, 316, 319
 Кузнецова Г.Н. 338
 Кузнецова-Бурлюк Л.Д. 426, 545
 Кузьмин А.И. 82, 92
 Кузьмин Н.М. 498
 Кузьмин П.И. 82, 92
 Кулешов Л. 347
 Кулибин И.П. 306
 Куликов Г.С. 478
 Кунцевич, сыщик 378
 Купер Д. 155, 157
 Купер, жена Купера Д. 155, 157
 Купрянов Н.Н. 425, 545
 Куприн А.И. 529
 Курилло, ссыльный 508
 Курицын Ф.В. 439
 Курц, кинокритик 348
 Кустодиев Б.М. 378, 434, 440, 475, 545
 Кутепов А.П. 315
 Кутлер Н.Н. 295, 296, 324
 Кучинский Г.И. 82-84, 87-89, 91, 99
 Кушакевич, зоолог 326
 Кшесинская М.Ф. 430, 519
 Кюи Ц.А. 38
 Лабиш Э.М. 89, 99
 Лавелль Л. 223, 227, 228, 238
 Лавриков Ю.А. 147
 Лавров А.В. 134, 135
 Лавров Л. 7
 Лавров П.Л. 517
 Лада-Якушевич Л.С. 66
 Лазаревская (ур. Петрова) В.Н. 380
 Лазаревский И.И. 357-364, 364-404
 Ланг Г.Ф. 428, 466, 478, 545
 Ландау Г.А. 141
 Ландовская В. 25
 Лансере Е.Е. 458, 545
 Лаппо-Данилевская (ур. Бекарякова) Е.Д. 308, 325
 Лаппо-Данилевский А.А. 325
 Лаппо-Данилевский А.С. 308, 318, 324, 325
 Лаппо-Данилевский И.А. 325
 Лапшин И.И. 11, 12, 14, 26-28, 30, 34, 36, 38, 43, 50, 52, 55, 59, 61, 63-67, 69
 Ларин Б.А. 19
 Ларина (ур. Горунович) Н.Я. 19
 Лебедев В.И. 502, 545
 Левандовский А.А. 289
 Левенсон А. 274
 Левенсон И.М. см. *Давыдов А.М.
 Левенстерн Е.А. 122, 124, 131
 Левенстерн З.А. 124, 131
 Леви А.Л. 269, 275, 278, 281, 282
 Леви В.Л. 269, 270
 Леви Л.А. 269
 Леви М.А. 269
 Леви Марк Л. 265-285
 Леви Мирон Л. 269
 Леви (ур. Лев) Ц.М. 269, 275
 Левин, врач 428, 545
 Левин Д.А. 442, 443, 545
 Левин Л.Г. 192
 Левина А.М. 442, 443
 Левинсон А. 333
 Левицкая Т. 62
 Левицкие, семья 44, 62

- Левицкий С. 62
 Лемке М.К. 307, 532
 * Ленин В.И. 19, 40, 41, 97, 117, 142, 143, 191, 291, 297, 408, 410, 426, 433, 469, 491, 500
 Леонов Л.М. 103
 Леонтьев И.Л. см. *Щеглов И.Л.
 Леонтьев Н. 10
 Лепешкин А. 30, 53
 Лермонтов М.Ю. 125, 358, 360, 382, 388, 404
 Ле-Сенн Р. 227, 228, 238
 Лесман М.С. 131, 134
 Лильпоп С. 274
 Линде А.Л. 440, 545
 * Линовец 332
 Линский М. 331
 Липперт Ю. 236
 Лисенко Л.К. 87, 98
 Лисенко Н.А. 338
 Лисенков Е.Г. 133
 Лист Ф. 25
 Литвин А.Л. 142, 145, 147
 Лифарь С.М. 141
 Лихач М.А. 137
 Лихачев Д.С. 409
 Лобанов В.М. 362
 Лобковицы, князя 71
 Лозинский М.Л. 374
 Ломоносов Ю.В. 151-154, 158, 165-168, 171, 175, 181, 184-192, 196, 197, 204, 206, 208
 Ломоносов Ю.Ю. 151-154, 158, 159, 171-176, 180, 181, 183, 184, 188, 190, 192, 195-197, 199, 206, 207
 Ломоносова Р.Н. 150-208
 Ломоносова (ур. Антонович) С.А. 186, 187, 189
 Ломоносовы, семья 157, 170, 197
 Лонги П. 383
 Лопатин Г.А. 121, 147
 Лопухина Е.М. см. Стеценко Е.М.
 Лосская А.А. 19, 50
 Лосская Е.К. 51
 Лосская (ур. Стоюнина) Л.В. 7, 8, 10, 19, 24, 30, 31, 36, 41, 42, 46, 47, 50, 56, 65-68, 71, 72, 75, 76, 79
 Лосские, семья 8, 15, 19, 23
 Лосский А.Н. 9, 15, 19, 26, 27, 35, 36, 42, 56, 60, 67, 68, 75
 Лосский Б.Н. 7-79
 Лосский В.Н. 7, 13-16, 18-21, 23, 27, 28, 34-37, 39-44, 46-49, 51, 54-58, 68-70, 72-79, 235, 236
 Лосский Н.О. 7, 9-12, 14, 15, 17-19, 23-26, 28, 32, 35, 36, 38, 40, 42, 43, 45-47, 50-52, 54, 56, 59, 65-67, 71-74, 76, 77, 79, 304
 Лот Ф. 69
 Лотто Л. 383, 386
 Лохвицкая-Скалон М.А. 122
 Лошкормоев, совчиновник 491, 536, 545
 Лукаш И.С. 117
 Лукницкий П.Н. 140
 Лукомский В.К. 373, 374, 381, 382, 401
 Лукомский Г.К. 15, 358, 368, 370-374
 Луначарский А.В. 146, 176, 179, 413, 414, 532
 Лундберг Е.Г. 472, 478, 479, 545
 Лурье А.В. 150
 Лурье Г.В. 150, 151
 Лурье С.В. 190
 Лутохин Д.А. 12, 33
 Лутохины, семья 31
 Львов Г.Е. 516, 524, 544
 Львов Н.Н. 291, 309, 312, 327
 Львов-Рогачевский В.Л. 531, 535, 537
 Лэйтроп Дж. 157
 Л"Эрбье М. 335, 355
 Любич Э. 332, 340
 Люблинский В.С. 40
 Любош, знакомый А.М. Ремизова 435, 436
 Любошинская (ур. Старицкая) А.Е. 315, 320
 Любошинская (ур. Герценштейн) В.М. 310, 314
 Любошинские, семья 304, 315

- Любошинский В.М. 315
 Любошинский Г.М. 315
 Любошинский Д.М. 315
 Любошинский М.М., отец 315
 Любошинский М.М., сын 310, 314, 315
 Любошинский П.М. 315
 Людовик XIII 230
 Лядов К.А. 524
 Лямин Г. 274
 Ляндау К.Ю. 121, 125, 127, 128, 133, 134, 137, 138, 141, 146
 Ляцкий Е.А. 39
 Ляшко Н.Н. 109, 110
- Магеровский Д.А. 22
 Маделунг О. 434, 520, 545
 Маевская см. Ян-Рубан А.М.
 Майзельс Д.Л. 121
 Макаев, архитектор 66
 Макаева (ур. Полешко) 66
 Маклаков В.А. 309, 313
 Маклецов А.В. 34
 Маковский С.К. 15, 322, 370, 375
 Максимович Е.Ф. 45
 Малинин М. 39, 68
 Малкин Б.Ф. 371, 372
 Малышев, историк 9
 Мальцевы, семья 7
 Мамонтов К.К. 275
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. 399, 400
 Мандельштам И.Б. 147
 Мандельштам М.Л. 309, 313
 Мандельштам О.Э. 122, 123, 128, 133, 140
 Мансветов Ф.С. 55
 Мануйлов В.А. 388
 Манус И.П. 399, 400
 Марат Ж.П. 148
 Маритен Ж. 212, 213, 232
 Мария Антуанетта 230
 Мария Павловна, вел. кн. 214, 215
 Марков П.А. 96
 Мартынов И.Ф. 118, 136
 Марцинковский, проповедник 22
- Масарик Т. 11, 21
 Массалитинов Н.О. 44, 61
 Мау Э. 274
 Маяковский В.В. 97, 102, 103, 105, 110, 169, 170, 439, 440, 545
 Мейерхольд В.Э. 82-84, 92, 93, 96, 122, 132, 151, 152, 462, 537, 543, 545, 547
 Меллер П.У. 520
 Мельников А.И. 518
 Мемелова В.А. 272
 Мережковский Д.С. 100, 266, 529
 Мерхалев В.Н. 137
 Метальников С.И. 47
 Метальникова (ур. Димитриева) О.В. 47
 Метальниковы, семья 25, 46, 68, 76
 Метнер Н.К. 77
 Мигачев А. 274
 Мид Дж. 158
 Мид (ур. Кастрл) Х. 158, 160
 Миклашевский К.М. 88, 98, 99
 Милиоти Н.Д. 251
 Мильруд М.С. 266
 Милюков Н.П. 325
 Милюков П.Н. 289, 292, 293, 297, 320-322, 325, 339, 426, 461, 545, 548
 Милюков С.П. 325
 Милюкова (ур. Смирнова) А.С. 325
 Милюкова Н.П. 316, 320-322, 325
 Милюковы, семья 318, 325
 Мин Г.А. 349
 Минаев, чл. продуправы 463
 Минц З.Г. 529
 Мираглио, философ 217
 Мирбах В. 477, 545
 Мирская П.С. 427, 436, 470-472, 479, 520, 546
 *Миртов О. 529
 Митропан П.А. 446, 545
 Михаил Александрович, вел. кн. 421, 459, 545
 Михаил Николаевич, вел. кн. 146
 *Михайлов М.И. 379, 380

- Михайловская (ур. Глебова) А.Н. 71, 72, 75
 Михайловский Г.Н. 71, 72
 Михайловский Н.Г., внук 72, 75
 Михайловский Н.Г., дед 72
 Мнухин Л.А. 120, 135
 Мовшенссн А.Г. 87, 97, 129, 146
 Могилянский Н.М. 42
 Можайский А.Н. 260, 261
 Мозжухин И.И. 333, 338
 Мокульский С.С. 84, 87, 94, 95
 *Молотов В.М. 103, 104
 *Мольер 87, 88, 92, 98
 Монбризон И. см. Романова И.П.
 Монбризон Ю.К. де 210, 212-221, 227-230, 242-247, 253, 257, 259, 260
 Монбризоны, семья 244, 245, 252
 Монж Г. 24
 Мопассан Г. де 487
 Мордерер В.Я. 116, 119
 Мордисон Г.З. 141
 Морев Г.А. 115-149
 Мори П. 216, 217
 Морозов А.А. 118
 Морской А. 334
 *Моруа А. 214, 215
 Мосман Э. 151
 Мостовая (ур. Любошинская) Н.М. 315
 Мотт Дж. 235
 Мочалов И.И. 299
 *Мстиславский С.Д. 474, 545
 Мунье Э. 218, 219
 Муратов П.П. 390, 391
 Муратова К.Д. 516
 Муромцев С.А. 294
 Мусоргский М.П. 27, 38
 Мюллер-Гнадененгг К.И. 275, 285
 Мягков А.Г. 8, 70
 Мягкова (ур. Савинкова) В.В. 7, 8, 70
 Мягкова Л.А. 7, 8, 35, 37, 51, 54, 55, 63, 71, 78
 Мягковы, семья 8, 35
 Мякотин В.А. 309, 313
 Н.Н. 117
 Наблюдатель 334
 Набоков В.В. 37, 265-267, 338, 411
 Набокова Е.В. 37
 Набокова О.В. 37
 Нагродская Е.А. 119, 139
 Надеждин, знакомый М.А. Кузмина 146
 Найденов А.Н. 454, 545
 Найденов В.А. 523
 Найденов Н.А. 521, 522, 545
 Найденовы, семья 521, 522
 Нансен Ф. 339
 Наполеон I, имп. 67, 230
 Нарбут В.И. 497, 545
 Насонов Н.В. 304
 Насонова (ур. Корнилова) Е.А. 304, 320, 321
 Науменко В.П. 326
 *Негритос 342
 Нейгауз А.Г. 179, 185, 190, 194-196
 Нейгауз Г.Г. 172, 173, 176, 179, 190
 Нейгауз (ур. Еремеева) З.Н. 172, 173, 176, 179, 180, 185, 190, 194-196
 Нейгауз С.Г. 179, 194-196
 Некрасов Н.А. 358, 372, 521, 529
 Нелединский, студент-архитектор 40
 Нелидова Е.А. см. Хенкина
 Немирович-Данченко Вас.И. 529
 Немировская М.А. 122
 Неуймин Г.Н. 317, 324
 Нечаев, есаул 458
 Нечаев В.П. 102-111
 Никитинский Я.Я. 445
 Никишин Ф.Ф. 10
 Николай I, имп. 146, 545
 Николай II, имп. 10, 12, 126, 209, 261, 262, 308, 349, 399, 421, 423, 437, 457, 477, 491, 519, 545, 546
 Николай Михайлович, вел. кн. 129, 146, 147

- Николай Михайлович мл., вел. кн. 420, 545, 546
- Никольская Т.Л. 122, 138, 147
- Никон, патр. 536
- Никулин Л.В. 115-117, 144
- *Нил Сорский 139
- Новгородцев Д.П. 60
- Новгородцев П.И. 12, 13, 17, 18, 41, 42, 308, 309, 312, 327
- Новгородцева И.П. 35, 37, 51, 54, 55, 58, 59, 61, 63, 66, 68, 70-72, 75, 76, 78
- Новгородцева Л.А. 41, 65, 67, 70, 72
- Новгородцевы, семья 35, 37, 41, 76, 77, 315
- Новиков М.М. 12, 37, 38, 47, 55, 60
- *Новиков-Прибой А.С. 109, 110
- Новикова Н. 28
- Нольд Р. 334
- Нотгафт (ур. Кестлин) Р.И. 364, 366
- Нотгафт Ф.Ф. 364, 366, 371, 373
- *Нуар Ж. 341
- Нувель В.Ф. 368, 370
- Нурок А.П. 368, 370
- Нюренберг А.Д. 426, 433, 434, 455, 470, 519, 546
- Оболенский В.А. 294, 295, 301, 302, 306, 318, 319, 325
- Оболянинов Л.А. 289
- Обье Ф. 225, 228, 238, 239, 246
- Одинцов Б.Н. 12
- *Одоевцева И.В. 134
- Озимур, врач 249
- Оксенов И.А. 120, 132, 139, 140
- Окснер Я. см. *Нуар Ж.
- Ольденбург (ур. Старынкевич) А.Д. 308, 321
- Ольденбург З.С. 308
- Ольденбург (ур. Бекарюкова) М.Д. 302, 308
- Ольденбург С.С. 302, 308, 317, 321
- Ольденбург С.Ф. 289, 290, 300, 302, 303, 307, 308, 317, 320, 321, 394
- Ольденбург Ф.Ф. 289, 304, 308
- Ольденбурги, семья 304, 325
- Оман Э. 69
- Омаров Ю.М. 147
- Орбели И.А. 373, 374
- Орлов, гр. 354
- Орлов В.Н. 133
- *Осинский Н. (Оболенский В.В.) 107
- Осипов Н.Е. 26, 54, 63, 64
- Островский А.Н. 21, 61
- Острогорский С.А. 7
- Острой О.С. 357-404
- Остроухов П.А. 10
- Отставнов Ю.Д. 272
- Отто, следователь 145
- Охочинский В.К. 373, 374
- Оцуп Г.А. 68, 77
- Оцуп Н.А. 68, 121, 129, 141
- Оцуп Р. 77
- *П., Дж. 332
- *П.Н. 143
- Пабст Г. 337
- Павел I, имп. 90, 100
- Павел Александрович, вел. кн. 209, 210, 241
- Павлов, актер 61
- Павлов И.Н. 391
- Павлов И.П. 47
- Павлова М.М. 119
- Павлович Н.А. 495, 546
- Падеревский И.-Я. 398, 400
- Палей В.П. 209, 210
- Палей И.П. см. Романова И.П.
- Палей Н.П. 210
- Палей О.В. см. Гогенфельзен О.В.
- Пальмин Л.И. 424, 517, 546
- Панас И.О. 36, 66
- Панина А.С. см. Петрункевич А.С.
- Панина В.В. 391, 392
- Панина С.В. 49, 51, 52, 67, 297, 301, 302, 306-310, 312, 322, 327
- Панова Г.В. 124, 129-131

- *Пантелеев А.И. 157
Пантелеев И.Н. 418, 439, 543
Папен Ф. фон 271
Паперно И.А. 121
Парамонов Н.Е. 311
Парис Ж. 343
Парнис А.Е. 116, 119
Парнок С.Я. 120, 137
Пастернак А.Л. 186
Пастернак Б.Л. 103, 128, 138, 150-208
Пастернак Е.Б. 150, 156, 158-160, 162, 166-170, 172, 174, 175, 179, 181-184, 186, 190, 192, 193, 195, 196, 203, 204, 206
Пастернак Ев.В. 150-208
Пастернак Ел.В. 179
Пастернак Ж.Л. 186, 181, 203
Пастернак-Слэйтер Л.Л. 203
Пастернак Л.О. 178, 179, 182, 185, 187, 190-192, 194, 203, 378, 380
Пастернак Р.И. 187, 190, 192, 194, 203
Пастернаки, семья 157, 166, 179, 181, 182
Паульсен Ф. 100
Пахомов Г. 274
Пахомов Н.П. 381, 382, 404
Перверзев В.Ф. 458, 546
Перельцвейг В.Б. 121, 142, 144-146
Перетц В.Н. 82, 93, 98
Пермяков, коммерсант 346
Персиц О.М. 426, 428, 451, 465
Персиц Т.М. 449
Перченко Ф.Ф. 290
Петин П. 274
Петлюра С.В. 323
Петр I, имп. 53, 67, 165, 166, 263
Петров Н.В. 141
Петров-Водкин К.С. 325, 424, 440, 464, 470, 472, 474, 532, 546
Петрова, знакомая Лосских 48
Петрункевич А.М. 322
Петрункевич (ур. Мальцева) А.С. 314, 317
Петрункевич В.М. 322
Петрункевич Е.И. 322
Петрункевич И.И. 292, 306, 310, 314, 317, 322
Петрункевич Мих. Ив. 317, 322
Петрункевич Мих. Ил. 322
Пизани Ф. 330
*Пильняк Б.А. 102, 107, 108, 178, 179
Пильский П.М. 116, 117, 266, 366, 367, 529
Пименова П. 446, 546
Пинкевич А.П. 394
Пиотровский А. 80, 92
Пирогов Н.И. 315
Писемский А.Ф. 378
Пистолькорс О.В. фон см. Гогенфельзен О.В.
Плавт Т.М. 92
Плеве В.К. 348
Плещеев А.Н. 378
Плон А. 230
Победоносцев А.А. 273, 274
Поггенполь С.М. 533
Подашевский, музыкант 38
Подъяпольский П.П. 291
Покровский В.В. 131
Покровский Н. 332
Полаймо Ю.К. 128, 138
Полешко Г. 66
Полевицкая Е.А. 22
Поликовская Л.В. 117
Полити, рус. эмигрант 52, 67
Полонская Е.Г. 146
Полонская К.А. 372
Полонский А.С. 346
*Полонский В.П. 372
Поль В.И. 322
Полякова Е. 20
Полякова С.В. 120, 137
Понсон дю Терайль П.А. 88, 98
Попов Г.А. 283
Попов Р.Б. 123
Попов С.Г. 273, 274, 283
Поплавский Б.Ю. 265
Порецкий, славист 39
Постышев П.П. 104

- Потамкин Г.А. 335
 Потемкины, семья 37
 Презент М. 104, 105
 Пресняков А.Е. 30
 Придворова В.Р. 106
 Пришвин М.М. 103, 411, 416, 418, 421, 423-426, 430, 456, 464-467, 469-472, 474, 514, 516-519, 526, 528-530, 544-546
 Прокопов П.Н. 422, 426, 436, 465, 546
 Прокофьев С.С. 426, 439, 443, 546
 Протазанов Я.А. 354
 Протопопов Д.Д. 298
 Протопопов Н. 274
 Прохазка, домовладелец 29, 65, 68
 Прусс, знакомый В.И. Нарбута 497
 Пруст М. 126, 214
 Прямыков, сов. чиновник 105
 Пудовкин В.И. 342
 Пуришкевич В.М. 437, 460, 525, 546
 Путятин П.А. 399, 400
 Путятин С.М. 215
 Пушкарев С.Г. 45
 Пушкарева В.В. 396
 Пушкин А.С. 32, 38, 48, 52, 60, 69, 109, 110, 120, 121, 128, 133, 138, 141, 203-205, 207, 292, 358, 360, 362, 372, 373, 382, 392, 472, 490, 527, 538
 Пфедфер В. 396, 397
 Пшеничников, свящ. 533
 Пясковский К.П. 24, 42
 *Пяст В.А. 447, 458, 546

 Рабинович Я.Б. 142, 143
 Равдин Б.Н. 266, 268
 Равич С.Н. 508, 537, 546
 *Радек К.Б. 107
 Радлов С.Э. 80, 81-90, 91-101, 132, 141
 Радлова А.Д. 382, 383
 Раевская-Хьюз О. 522

 *Раевский Н. см. Оцуп Г.А.
 Раздольская М.М. 530
 Райнов Т.И. 324
 Райх З.Н. 151, 152
 Рапп В.И. 226
 Рапп Е.И. 226
 Рапп (ур. Трушева) Е.Ю. 226, 232, 248, 251, 256, 258, 262
 Раппапорт В.Р. 99
 Раппопорт, зав. Ленизогизом 372
 *Распутин Г.Е. 400, 525, 543, 546
 Ратгауз Д.М. 61, 67
 Ратгауз Т.Д. 61
 Рауш фон Траубенберг А.В. 62
 Рачинский Г.А. 423, 546
 Регинин В. 108
 Резников Е.Д. 417-515
 Резникова Н.В. 266, 407, 520, 522, 539
 Резниковы, семья 411, 415, 416, 520, 539
 Рейнштейн Б.И. 174, 176
 Рейтблат А.И. 268
 Рейтлингер Е.Н. 24, 25, 40, 45, 326
 Рейтлингер Л.Н. 326
 Рейтлингер М.Н. 326
 Рейтлингер Н.А. 326
 Рейтлингер Ю.Н. 24, 53, 326
 Рейтлингеры, семья 318
 Рембрандт Х. ван Р. 105
 Ремизов А.М. 82, 92, 407-416, 417-515, 516-549
 Ремизов В.М. 421, 426, 430-432, 439, 442, 443, 445, 447, 448, 481, 520, 524, 533, 546
 Ремизов М.А. 524, 533
 Ремизов Н.М. 428, 432, 436, 448, 452, 546
 Ремизов С.М. 421, 439, 444, 445, 447, 450, 451, 479, 480, 500, 517, 521-524, 531-533, 546
 Ремизова (ур. Тархова) В.Ф. 447, 474, 480, 481, 546
 Ремизова Г.Н. 439, 546

- Ремизова (ур. Рюккерт) И.Ф. 444, 524, 546
 Ремизова (ур. Найденова) М.А. 437, 474, 521, 523, 531, 533, 546
 Ремизова Н.А. 431, 433, 439-441, 444, 446, 449, 450, 452, 458, 468, 470, 480, 503, 505-507, 509-511, 520-523, 542, 543, 547
 Ремизова (ур. Довгелло) С.П. 407, 413-416, 421, 422, 425, 426, 428, 430, 432-435, 439, 443, 449-454, 457, 460, 466, 469, 471, 474, 476, 480, 491, 494-498, 500, 503, 505, 506, 517, 520-524, 528, 530, 532, 534, 536-538, 542, 543, 547
 Ремизовы, семья 411, 538
 Ренье А. де 374
 Репин И.Е. 15, 105, 378, 404
 Рерберг И.Ф. 380
 Рерих Н.К. 378, 399, 400, 516
 Решетникова Е. 379
 Рикс, следователь 145
 Рильке Р.М. 128, 138
 Римский-Корсаков А.Н. 11, 27, 38, 64
 Рих Т. 289
 Рогинский А.Б. 290
 Родзянко М.В. 460, 547
 Родичев Ф.И. 310, 314
 Родэ А.С. 526
 Рождественский В.А. 132, 358
 Розанов В.В. 368, 411, 428, 432, 458, 483, 489, 493, 518, 533, 534, 536, 537, 547
 Розанов В.Н. 143
 Розанова А.В. 446
 Розанова В.Д. 534
 Розанова Т.В. 534
 Розенберг В.А. 64
 Розенфельд (ур. Гедульд) Р.А. 187
 Розенфельд Ю. 187
 Роллан Р. 172, 173, 176, 179
 Романов М.Ф. 255, 257
 Романов П.С. 425-427, 446, 479, 547
 Романов Ф.А. 210, 212, 221, 261
 Романова И.П. 209-264
 Рославлев А.С. 446, 480, 546
 Россровский Д.А. 39
 Ростовцева, знакомая А.М. Ремизова 455
 Ростовцевы, семья 325
 Рубенс П.П. 105
 Рубинштейн А.Г. 378
 Рубинштейн Д.Л. 399, 400
 Рубинштейн И.Л. 129
 Рубинштейн Н.Г. 378
 Рузская А. 43
 Рузский Н.П. 451
 Рукавишников И.С. 479, 547
 Рукуйж С.Н. 273
 Руманов А.В. 399, 400
 Рунова-Богданова (ур. Мещерская) О.П. 508, 522, 547
 Руставели Ш. 362
 Рыков А.В. 80, 93
 Рылов А.А. 398-400
 Рэо Л. 14
 Рябиков П.Ф. 62
 Рябикова (ур. Полевая) Е.Н. 62
 Рябикова О.П. 62
 Рябинин Ю. 116
 Рябов В.С. 26, 36
 Рябова (ур. Баскакина) В.А. 26, 36, 54
 Рябухина А. 20
 Рябушинские, семья 368, 370
 Рябушинский Н.П. 368, 370
 *Рязанов Д.Б. 147
 Рязановский И.А. 411, 416, 420, 424-427, 442, 448, 452, 464, 466, 470, 471, 510, 516, 523, 525, 543, 547
 Сабанеев Е.А. 399, 400
 Сабашниковы, семья 62
 Савина М.Г. 118, 132
 Савинков Б.В. 8, 34, 48, 121, 142, 426-428, 436, 461, 462, 464, 525, 526, 547
 Савинков В.В. 34
 Савинов А.Н. 128, 138
 Савицкий, ген. 340

- Савицкий П.Н. 18, 36
 Садовской Б.А. 447, 469, 547
 Сакер Я.Л. 119, 141
 Саккар Н. 337, 352
 Саламатин И.А. 132
 Салихов, вице-консул 277
 Салтыков 379
 *Салтыков-Щедрин М.Е. 64, 70, 358, 529
 Самойлов А.В. 519
 Сатаров Н. 274
 Саханев В. 9
 Сахаров, полк. 458
 Сахновский В.Г. 426, 547
 *Светланов Н.Г. 379, 380
 Свешников А.Е. 30, 54
 Свешников Е.Е. 30, 54
 Свешников Е.П. 30, 32, 46, 54
 Свешникова Е.А. 30, 43, 54
 Свешникова С.Е. 30, 53, 54
 Свешниковы, семья 67
 Свирский А.И. 446, 547
 Святополк-Мирский Д.П. 155, 156, 163, 165, 172, 205, 207
 *Седых А. 350
 Селиванов Д.Ф. 12
 Сельвинский И.Л. 272
 Семенов И.А. 432
 Семенов С.В. 268, 273, 274, 283
 Семенов-Тян-Шанский Д.П. 432, 470, 528, 536, 547
 Семенов-Тян-Шанский Л.Д. 472, 529, 547
 Семенов-Тян-Шанский М.Д. 472, 547
 Семенов-Тян-Шанский П.П. 547
 Семенова Е.С. 522
 *Серафимович А.С. 103
 Сербина (ур. Любошинская) А.М. 315
 *Сергеев-Ценский С.Н. 103
 Сергей Александрович, вел. кн. 209, 340, 543
 Сергиевский С.В. 273, 274
 Сергей, еп. (Королев) 10, 45, 53, 56
 Сергей, митр. (Страгородский И.Н.) 236
 Серебрякова З.Е. 393
 *Серж см. Александров А.С.
 Серов А.Н. 38
 Серов В.А. 382
 Серов Г.В. 61
 Сиверс А.А. 145, 146
 Сидоров А.А. 363, 382, 383, 387, 388, 392, 393
 Сидоров Н.А. 147
 Симачев В.П. 310
 Синат Э.К. 272
 Сингер К. 207
 Скоропадский П.П. 301, 305, 326
 Скороходов, сотр. ЧК 532
 Слоним М.Л. 57
 Сметана Б. 11, 28, 56
 Смирнов М. 274
 Смирнова А.П. 20
 Смолин А.В. 146
 Соболев Г.Л. 143
 Соболевский С.А. 392
 *Соболь А. 110
 Сobotка З. 31
 Сobotка Р. 31
 Сobotка С. 31
 Сobotка Ц. 31
 Сobotкова К. 31
 Сobotкова М. 31, 37, 42
 Сobotкова Я. 28, 31
 Советова Е.П. 19, 20, 50
 Соковнин П.Н. 310, 313
 Соколов, ученик А.М. Ремизова 496, 497
 Соколов А.А. 284
 Соколов К.Н. 311
 Соколов Н.П. 290
 Соколов С.С. 273
 Соколов-Микитов И.С. 411, 413, 416, 426-428, 432, 433, 435, 440, 445, 464-466, 472, 477-479, 497, 523, 525, 532, 543, 547
 Соколова М.И. 478, 532
 Соколова Н. 137
 Солнцев-Засекин, кн. 20, 21

- Соловьев В.Н. 82, 88, 92, 93, 98
 Соловьев В.С. 34, 59, 73, 224
 *Сологуб Ф.К. 44, 368, 421, 426,
 453, 472, 480, 529, 547, 548
 Сомов К.А. 458, 536, 547
 Сорокин П.А. 324
 Сорокина М.Ю. 265-285, 289-328
 Спиридонов В.С. 537
 Срезневский В.И. 427, 428, 445,
 471, 547
 Ставиский А. 228
 Ставровский А. 69
 *Сталин И.В. 103-108, 337
 Станиславские, семья 325
 Станюкович В.К. 283
 Старицкая М.Е. 315, 316
 Старицкие, семья 310, 315
 Старицкий Г.Е. 315
 Старов И.Е. 394, 395
 Старынкевич А.Д. см. Ольден-
 бург А.Д.
 Старынкевич Д.Д. 321
 Старынкевич Д.С. 289, 304, 316,
 320-322
 Старынкевич (ур. Лебедевская)
 Е.К. 316, 321
 Старынкевич К.Д. 301, 304, 321
 Старынкевич К.О. 130, 148
 Старынкевич Л.О. 130, 148
 Старынкевич С.Д. 321, 322
 Старынкевичи, семья 304
 Стасов В.В. 15, 359, 404
 Стебут И.А. 315
 Стеклов С. 274
 *Стеклов Ю.М. 517
 *Стендаль 126
 *Стенич В.О. 198, 200
 Степанов А.А. 20, 40
 Степанов В.А. 299, 313
 Степанова Е.А. 20
 Стеценко (ур. Гирей) Е.М. 160-
 162
 Стецкий А.И. 104
 Стецура Д.Т. 272
 Стойко С.М. 303
 Столица (ур. Ершова) Л.Н. 368,
 370
 Столпянский П.Н. 15
 Столыпин П.А. 283
 Стоюнина М.Н. 7, 8, 11, 15, 19,
 25, 26, 28, 30, 34, 36, 40-42, 46,
 62, 65, 66, 70, 79
 Страницкий И.А. 90, 100
 Стратонов В.В. 12, 32, 33
 Стратонов О.В. 43, 44
 Стратонова Т.В. 50
 Стратоновы, семья 31, 37
 Страховский Л. 140
 Стриговский И. 40
 Струве Г.П. 121, 141
 Струве М.А. 120, 128, 133, 138
 Струве Н.А. 138, 147, 267, 268
 Струве П.Б. 12, 19, 59, 65, 138,
 147, 291, 293, 313, 339
 Суворин А.С. 400
 Суворин Б.А. 448, 547
 Суперфин Г.Г. 140, 265-285
 Сухомлинов В.А. 421, 547
 Сытник К.М. 303
 Сычев Н.П. 14
 Сюзор (ур. Владимирова) О.Н.
 26-28, 31, 35, 52, 63, 64, 66
 Сюзор П.Ю. 27
 Сюзор С.Ю. 27, 66
 Сюзор Ю., дед 27
 Сюзор Ю.П. 26-28, 30-32, 34, 52,
 65, 66
 Сюннерберг К.А. 368, 370, 532
 Таганцев Н.С. 315, 396, 398
 Таганцева Л.С. 129
 Таиров А.Я. 105, 106
 Такашима Т. 82, 92
 Тамм Л.И. 128, 138
 Тандов И.С. 273, 274
 Тар В.Е. 161, 162, 170, 173
 Татаринцев, рус. эмигрант 9
 Татаркин Л. 273
 Таурек И.В. 85, 86, 95
 *Твен М. 371
 Тверской К.К. 99, 100, 135
 Теленюк С. 116
 Терещенко, семья 462
 Терещенко Е.М. 445, 462, 548

- Герещенко М.И. 443, 444, 449, 460, 462, 469, 474, 528, 548
Гернавцев Б. 326
Гернавцев В.А. 424, 471, 518, 548
Гер-Симомянц Н. 274
Тескова А.А. 11, 23, 55
Тикиджянц Г.И. (Тикиджи К.О.) 268, 274, 284
Тимашев А.С. 43
Тимашев Н.С. 36, 37, 43
Тимашева (ур. Рузская) Т.Н. 37, 42-44, 46
Тимашева Т.Н. 37
Тимашевы, семья 36, 42
Тименчик Р.Д. 116, 119, 121, 132, 138, 140, 148
Тимошенко С.П. 324
*Тинторетто Я. 383
Тиняков А.И. 422, 426, 450, 451 471, 493, 537, 548
Типольд, генеалог 43
Тиран Н.А. 131
Титов Л.Г. 73
Титов Н.С. 273
Титова (ур. Лосская) А.О. 19, 73
*Тициан 383
Тоддес Е.А. 121
Токарские, семья 44
Толль (ур. Вернадская) Н.В. 304, 316-320, 326
Толль Н.П. 39, 320
Толмачев М.В. 118, 122, 123, 147
Толстая, гр. 62
Толстая А.Л. 307
Толстой А.Н. 61, 106, 165, 166, 456, 459, 478, 548
Толстой Д.А. 458, 548
Толстой И.Л. 334, 335
Толстой Л.Н. 12, 31, 32, 34, 62, 94, 109, 110, 158, 159, 225, 335, 377, 378, 423, 527
Толстой П. 274
Торцов Д. 60
Тотеш И.А. 426, 469, 548
Траилин, композитор 52
Трауберг Л.З. 86, 97
Трегубова Е.С. 30, 48, 54
Тромщинский Ю. 274
Троцкий И. 378, 380
*Троцкий Л.Д. 327, 337, 411, 474, 548
Трубецкие, кн. 73
Трубецкой Е.Н. 327, 328
Трубецкой С.Н. 306
Трусевич А.Я. 129, 141
Туган-Барановский М.И. 305, 325
Тургенев И.С. 359, 378, 384, 529
Туржанский В. 339, 344
Туриг Э.Э. 93
Тучапская В.Г. 527
Тынянов Ю.Н. 115, 121, 134
Тыркова-Вильямс А.В. 292, 293, 295-300, 305, 308, 313, 314, 326-328, 444, 478, 521, 540, 541, 548
*Тэффи Н.А. 460, 529, 548
Тютчев Ф.И. 43, 251, 358

Уайльд О. 125
Уитимор, византист 48
Унковский В.Н. 332, 346, 425, 426, 518, 548
Уокер Б. 174
Уралов С.Г. 116, 121, 145
Урицкий М.С. 115-121, 135, 141, 143-148
Успенский, сосед А.М.Ремизова 422
Успенский Н.В. 487, 548
Усов Н.А. 272
Усольцев А.Ф. 274, 284
Усольцев И.А. 283
Усольцев Ф.А. 284
Усольцева (ур. фон Фолькман) Е.В. 283
Утемов С. 341
Ухтомский С.А. 40
Ушинский Н.Г. 290
Уэллс Г. 416, 494, 495, 537, 548

Фаворский В.А. 391
Фадеев А.А. 103, 104
Файнберг Е. 20
*Фальберг И. 348

- Фальк Р.Р. 190
 Фармаковский Б.В. 15
 Федин К.А. 103
 Федоров П. 526
 *Фельзен Ю. 265
 Фельтен И. 90, 100
 Фенины, семья 37
 Ферсман А.Е. 307
 Фет А.А. 359, 387, 388, 404
 Фигнер В.Н. 427, 519, 548
 Фидлер Ф.Ф. 446, 548
 Филд Э. 338
 Филипп А. 232, 233
 Филипп, митр. 40
 Филоненко М.М. 117, 121, 142-145
 Философов Д.В. 434, 449, 548
 Фирдоуси А. 373
 Флейшман Л.С. 196
 Флеров, влад. гимн. 315
 Флеров А. 274
 Флоренский П.А. 306
 Флоровская (ур. Белоусова) В.А. 17, 42, 45, 53-55, 58-61, 66, 68, 71
 Флоровский А.В. 12, 17, 36, 42, 45, 53-55, 58, 59, 61, 66, 68, 71
 Флоровский В., прот. 17
 Флоровский Г.В. 12, 17, 18, 36
 Фокин А.М. 315
 Фокин М.М. 524
 Фокина (ур. Любошинская) М.М. 315
 Фолькман (ур. Крейман) А.Ф. фон 274, 283
 Фолькман В.В. фон 268, 273, 274, 283
 Фондаминский И.И. 233, 234
 Форш (ур. Комарова) О.Д. 425, 548
 Фосийон А. 69
 *Франс А. 371, 387
 Францев В.А. 36, 39
 Фрейд З. 17, 26
 Фрейденберг О.М. 151
 Фрейденштейн Н.Б. см. *Фельзен Ю.
 Фридрих Г. 23
- Хабалов С.С. 419, 548
 Халеян М.Е. 272
 Хаммерштейн А. 342
 Хантингтон У.Ч. 330, 331
 Харламов Н.В. 289
 Харламова (ур. Корнилова) Т.А. 320
 Хеллман Б. 413
 Хенкин В.Я. 35
 Хенкин К.В. 35, 36
 Хенкина (ур. Нелидова) Е.А. 35
 Хлопина (ур. Старынкевич) И.Д. 321
 Ходасевич (ур. Чулкова) А.И. 496, 548
 Ходасевич В.М. 81, 84, 85, 93-100
 Ходасевич В.Ф. 266, 339, 548
 Хохлова А. 347
 Хрусталева, солдатка 462
- Цвернер, петроградец 469
 Цветаева М.И. 11, 25, 39, 44, 45, 55, 56, 79, 118, 120, 121, 124, 126-128, 130, 131, 135, 137-139, 141, 147, 151, 152, 165, 168, 169, 172, 173, 175, 176, 187, 206, 207, 218
 Цветковская Е.К. 134
 Цвибак Я.М. см. *Седых А.
 Церетели И.Г. 525
 Цесарская Н.И. 127, 137
 Цивьян Т.В. 411
 Цивьян Ю.Г. 337, 348
 Цуриков Н.А. 65
- Чаадаев П.Я. 305, 306
 *Чагин П.И. 382, 389
 Чайковский П.И. 38, 56, 61, 378
 Чаплин Ч. 331
 Чапыгин А.П. 110
 Чахотин С.С. 311
 Чацкина С.И. 119, 141, 144
 Чеботаревская Ан.Н. 116, 427, 453, 464, 472, 529, 548
 Черпинская Л.Д. 266-268
 Черепнин Н.Н. 424, 549
 Чернов В.М. 295, 297, 501, 549
 Чернова Е.А. 127, 137

- Чернова Л.Н. 432
 Чернова М.А. 122, 124, 125, 127, 137
 Чернявский В.С., подельник Л.И. Каннегисера 129
 Чернявский В.С., поэт 83, 87, 94, 119, 124-129, 132, 133, 135, 138-140, 146
 Чернявский Н.А. 452, 453, 479, 549
 Чесноков Пав. Г. 64, 66
 Чесноков Петр Г. 64, 66
 Четвериков, купец 396
 Четвериков И. 326
 Четвериков С.И. 235, 236
 Чехов А.П. 14, 34, 58, 60, 124, 377
 Чехонин С.В. 304, 380, 431, 549
 Чириков Е.Н. 43, 44, 65
 Чирикова В.Г. 44, 61, 65
 Чирикова Л.Е. 325
 Чирикова Н.Е. 44
 Чистяков И. 274
 Чичерин Г.В. 414
 Чудакова М.О. 121
 *Чуковский К.И. 157, 200, 460, 470, 481, 549
 Чуковский Н.К. 198, 200
 Чулков Г.И. 368, 459, 481, 527, 548, 549
 Чхеидзе Н.С. 517
- Шаляпин Ф.И. 332, 444, 549
 Шамшина С.И. 77
 Шанявский А.Л. 315
 Шапиро М.И. 68, 69, 71, 74-78
 Шапошников Н.А. 495, 538
 Шаров П.Ф. 61
 Шаффе Э. 321
 Шахматов А.А. 42
 Шахматов М.В. 42, 43, 47, 52
 Шахматова (ур. Менгден) 43
 Шахматовы, семья 42, 45
 Шаховская Ал.Д. 306
 Шаховская Ан.Д. 306
 Шаховская (ур. Сиротинина) А.Н. 306
- Шаховская Е.Д. 306
 Шаховская З.А. 411
 Шаховская-Шик Н.Д. 301, 306
 Шаховские, семья 304, 315
 Шаховской Д.И. 290, 294, 299, 301, 305, 306, 314
 Шаховской И.Д. 306
 Шаховской С. 20, 21
 Шварц А.И. 125, 135
 Швейцер В.А. 124, 131
 Швейцер Л. 267
 Шевалье М. 215
 Шевченко Т.Г. 358, 395
 Шейнфинкель М.К. см. *Владимиров М.К.
 Шекспир В. 88, 98, 538
 Шенфельд Т.Г. 139
 Шеншин Д.Н. 384
 Шескин Е.Я. 143
 Шескин М.Я. 143
 *Шестов Л.И. 339, 415, 423, 452, 478, 501, 549
 Шик А.А. 284
 Шик А.М. 284
 Шик Г.А. 274, 284, 285
 Шик М.В. 285, 301, 306
 Шиллер Ф. 69, 370
 Шилов Г. 274
 Шилов Л.А. 135
 Шингарев А.И. 293, 295, 297, 298, 473, 474, 530, 531, 549
 Шишков В.Я. 110, 425, 428, 465, 471, 498, 549
 Шкловский В.Б. 94, 96, 115, 534
 Шкуро А.Г. 333, 338
 Шамаков Г.Г. 138
 Шмаринов Д.А. 361
 Шмидт Е.И. 20
 Шмидт И. 315
 Шмурло Е.Ф. 47, 57, 58
 Шолохов М.А. 103
 Шопен Ф. 25
 Шор И. 226
 Шоррокс Л. 150-208
 Шоу Г. 332
 Шпенглер О. 189
 Шрейбер Ф.Л. 422, 549

- Шрейбер Я.С. 422, 549
 Шрейдер Г.И. 298
 Штакельберг, студент-архитектор
 40
 Штейгер А.С. 265
 Штейн Н.Е. 27, 28, 31
 Штейн фон, семья 377
 Штейн Е.В. фон 377
 Штейнберг А.З. 532
 Штернберг Дж. фон 339
 Штиллер М. 331
 Штюмер Б.В. 459, 519, 549
 Шубин Э. 529
 Шульгин В.В. 330
 Шуман Р. 32, 49
 Шумихин С.В. 119, 136, 149
 Шушарин Д. 290
- *Щеглов И.Л. 366
 Щеголев П.Е. 205, 207, 431, 439,
 443, 451, 480, 496, 549
 Щеголева (ур. Богуславская) В.А.
 467, 496, 549
 Щеколдин Ф.И. 411, 416, 418,
 425, 426, 440, 441, 445, 451, 459,
 465, 470-472, 478, 479, 483, 533,
 548, 549
 Щепихин, ген. 68
 Щепихин В. 68
 Щепихина Е.А. 68
 Щербаков С.С. 273, 274
 Щербинин, студент-архитектор
 21
 Щусев А.В. 368, 370
- Эйзенштейн С.М. 86, 96, 349
 Эйснер А.В. 63, 69
 Экхарт И. 79, 211, 212
 Энгельгардт А.Н. 125, 126, 134,
 135
 Энгельгардт Н.А. 134, 135
 Энгельс Ф. 284
 Энглендер Р. см. *Альтенберг П.
 Энден М.Н. 254-256
 Эпштейн, знакомый А.М. Реми-
 зова 495
 Эпштейн Ж. 339
- Эренбург И.Г. 336, 337
 Эрман М. 253
 *Эрнани см. Бильяни В.Ф.
 Эртель А.И. 25
 Эртель Н.А. 25
 Эсхил 64, 70
 Эттингер П.Д. 363
 Эфрон А.С. 39, 174
 Эфрон Г.С. 75, 174
 Эфрон С.Я. 22, 39, 174
- Ювачев И.П. 479
 Юз Дж. 59
 Юниверг Л.И. 357-404
 Юренев П.П. 309, 312, 313
 Юрковская см. *Андреева М.Ф.
 Юркун Ю.И. 122, 123, 126-130,
 135, 136, 138, 145, 146, 149
- Яковлев В., сотр. ЧК 530
 Яковлева В.Н. 146
 Якунина, библиотекарь 9
 Якунина, студентка 9
 Якунина Е.П. 98, 99, 101
 Янгиров Р.М. 329-356
 Яновский В.С. 266-268, 270
 Ян-Рубан (ур. Петрункевич) А.М.
 317, 322
 Ярошенко Н.А. 8
 Ясенский Б. 104
 Яценко Е.Н. 15, 51
 Яшвилль (ур. Филипсон) Н.Г. 50
- ***
- Allaine Pelle, семья 211
 Borger L. 339
 Boyd B. 338
 Brownlow K. 332, 335, 337
 Day G.M. 352, 353
 Delage J. 331
 Ferguson A. 294
 Glenny M. 331
 Levin A. 294
 Leyda J. 337
 Lord R. 215
 *Mad, карикатурист 64

Mic C. 98
Okouneff I. 240
Pachmuss T. 119
Plon, издатель 229
Raeff M. 331
Rayer von Thurn R. 100
Raynauld S. 20, 48, 50
Scala F. 82, 93

Spring D. 332
Stone N. 331
Taylor R. 332
Tschizewskij D. 412
Vildé-Lot I. 228
Waller H. 207
*X., публицист 118, 144
Zaretsky V.N. 412

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Борис Лосский. В РУССКОЙ ПРАГЕ (1922-1927)

Известный искусствовед, сын философа Н.О. Лосского повествует о годах эмиграции в Праге: состав и быт русской колонии, отношения с властями и местным населением, церковная и культурная жизнь. Среди упоминаемых лиц: В.Ф. Булгаков, о. С.Булгаков, И.И. Лапшин, П.Н. Новгородцев, М.Н. Стоюнина, А.В. и Г.В. Флоровские, М.И. Цветаева и многие другие. 73 с.

Сергей Радлов. ВОСПОМИНАНИЯ О ТЕАТРЕ НАРОДНОЙ КОМЕДИИ. Публикация П.В. Дмитриева.

Автор рассказывает о своих театральных экспериментах в первые годы революции: попытках синтеза цирка, эстрады, пантомимы и драмы: постановках европейской классики и первых советских пьес. В комментариях — хроника петроградской театральной жизни и подробные справки о малоизвестных сценических деятелях эпохи. 1 + 10 + 11 с.

Вячеслав Нечаев. НЕНАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Автор приводит записи своих бесед с крупным литературным администратором 1920-30-х И.М. Гронским (встречи с М.Горьким, И.Сталиным, Д.Бедным, участие в оформлении Союза Писателей и метода «социалистического реализма» и др.). Во второй части публикации — малоизвестный эпизод литературной борьбы 1920-х: обстоятельства рождения группы «Кузница», отношения между «пролетарскими писателями». 10 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

Г.А. Морев. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1910-х ГОДОВ: К биографии Леонида Каннегисера.

Воспоминания актрисы и художницы О.Н. Арбениной-Гильдебрандт о поэте насыщены именами современников — младшего поколения Серебряного Века. В предисловии и детальных комментариях приведен обширный материал о семейных и дружеских связях Каннегисеров; рассмотрены идейные и эстетические установки этого круга. 9 + 8 + 19 с.

«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК». Переписка Пастернаков и Ломоносовых. Публ. К.Барнза и Р.Дэвиса. Подг. текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс.

Продолжение переписки поэта с Р.Н. Ломоносовой — женой известного железнодорожного специалиста, жившей в Англии и содействовавшей

знакомству Запада с советской литературой. Семейная драма Пастернака предстает в контексте творческих и бытовых коллизий. Дан новый материал об отношениях поэта с эпохой. В комментариях — дополнительные сведения об упоминаемых текстах и лицах. 59 с.

«В ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА...»: Письма Н.А. Бердяева к кн. И.П. Романовой. 1931-1947. Публикация В.Аллоя и А.Добкина.

Адресат — внучка Александра II, переводчица на французский язык книг и статей Бердяева, его друг и собеседник. В письмах философа к ней — богатый материал для изучения зрелого периода его творчества. Нацизм в Германии, сталинский режим в СССР, террор в обеих странах, трагедия войны — не только внешний контекст этой переписки, но и материал для метафизического переосмысления мира. В комментариях — справки об упоминаемых реалиях и лицах. 2 + 54 с.

«БЫЛ ТАКОЙ ПИСАТЕЛЬ АГЕЕВ...»: Версия судьбы, или о пользе наивного биографизма. Публикация Г.Г. Суперфина и М.Ю. Сорокиной.

На основе новонайденных документов реконструируется биография автора «Романа с кокаином», изобилующая авантурными поворотами. В комментариях — материал о современниках автора — героях романа. 7 + 10 + 3 с.

М а т е р и а л ы к и с т о р и и к у л ь т у р ы

«ТЕПЕРЬ НЕ НАША ПОЛОСА...»: Из архива А.А. Корнилова. Пред., публ. и комм. М.Ю. Сорокиной.

Письма к русскому историку от его друзей по кадетской партии (А.В. Тырковой-Вильямс, Г.В. Вернадского и П.Д. Долгорукова) написаны из разных городов России в 1917-1920. Содержат отклики на текущие события, материал о «трудах и днях» интеллигенции в эти годы, летопись настроений. В комментариях — подробные сведения о Вернадских, Долгоруковых, Корниловых, Лаппо-Данилевских, Милюковых, Ольденбургах, Старицких, Старынкевичах, Шаховских и др. 7 + 34 с.

Рашид Янгиров. КИНОСТАТИСТ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Работа посвящена деятельности русских эмигрантов в мировом кинематографе в 1920-30-е, влиянию русской темы на мировую киноэстетику и конъюнктуру, судьбам русских киностатистов в Европе и Америке. В приложении очерк О.Блажевич «Мимолетные сны» о профессиональном быте русских киностатистов. 28 с.

Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХ И И.И. ЛАЗАРЕВСКИЙ: Из переписки 1930-х годов. Публ. О.С. Острой и Л.И. Юниверга.

Переписка двух литераторов и библиофилов, лично и профессионально

связанных с искусством книги, наряду с откликами на текущие события содержит ряд мемуарных фрагментов по истории культуры начала XX в. 7 + 41 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Алексей Ремизов. ДНЕВНИК 1917-1921. Подг. текста А.М. Грачевой и Е.Д. Резникова. Вступ. заметка и комм. А.М. Грачевой.

Отклики на события, характеристики современников, записи снов, ставшие источником для кн. «Взвихренная Русь». Материал для реконструкции политических взглядов и художественной ориентации автора. Среди часто упоминаемых лиц: А.А. Блок, М.Горький, М.М. Пришвин, В.В. Розанов, Б.В. Савинков, И.С. Соколов-Микитов, М.И. Терещенко и др. В примечаниях — дополнительные сведения об упоминаемых реалиях. Аннотированный именной указатель. 10 + 99 + 24 + 10 с.

ABSTRACTS

Memoirs

Boris Lossky. IN THE RUSSIAN PRAGUE, 1922-1927.

A well-known art critic, the son of the philosopher N.O. Lossky, recalls his time spent in emigration in Prague. His account provides information on the composition and day-to-day life of the Russian colony, the relations of the émigrés with the Czech authorities and local population as well as their ecclesiastic and cultural activities. Among the persons mentioned are S.N. Bulgakov, I.I. Lapshin, P.N. Novgorodtsev, M.N. Stoyunin, A.V. and G.V. Florovsky, M.N. Tsvetaeva and others. 73 p.

**Sergei Radlov. THE REMINISCENCES ABOUT THE PEOPLE
COMEDY THEATRE.** Edited by P.V. Dmitriev.

The author narrates his theatrical experiments in the early postrevolutionary years such as his attempts to combine the elements of circus, variety, pantomime and drama, and the staging of European and the first Soviet plays. 1 + 10 + 11 p.

Viacheslav Nechaev. THE UNWRITTEN MEMOIRS.

The publication begins with a series of transcripts of the author's conversations with a prominent literary administrator of the 1920s-1930s I.M. Gronsky who recalled his meetings with M.Gorky, J.Stalin, D.Bedny, as well as his participation in setting up the Writers' Union and formulating the key term — «socialist realism». The latter half of the memoirs deals with a little known episode from the literary controversy of the 1920s — the circumstances which led to the creation of the literary circle «Kuznitsa» («The Smithery»). It also discusses the interrelations of the «proletarian writers». 10 p.

From the History of Literary Life

G.A. Morev. FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 1910s: apropos of the biography of Kannegiser.

The reminiscences of the actress and painter O.N. Arbenina-Gildebrandt about the poet and terrorist Kannegiser bring to life the many names of her contemporaries belonging to the younger generation of the Silver Age. The Foreword and Notes contain abundant material on Kannegiser's family and friends. There is also a discussion of the ideological and esthetical orientation of his circle. 9 + 8 + 19 p.

«AN INESTIMABLE GIFT»: Correspondence between the families of Pasternak and Lomonosov. Prefaced by Ch. Barnes and R. Davies; edited by P. Butcher, R. Davies and L. Shorrocks.

This continues the publication of correspondence between the poet B.L. Pasternak and R.N. Lomonosova, the wife of a well-known railway expert who resided in England. She is known to have introduced the Soviet literature to the Western reader. Pasternak's family drama is shown against a background of conflicting circumstances of his life and creative work. There is also some new material on the poet's vision of his epoch. The notes give more details about the persons mentioned. 59 p.

«IN THE FOURTH DIMENSION OF SPACE...»: Letters from N.A. Berdiaev to Princess I.P. Romanova, 1931-1947. Edited by V. Alloy and A. Dobkin.

The letters were addressed to the niece of the Emperor Alexandre II, being a translator into French of Berdiaev's books and essays, his friend and interlocutress. One will find in these some valuable material for the study of the mature period of the philosopher's work. The historical context of this correspondence — the orgy of Nazism in Germany, the Stalinist regime in the Soviet Union, the terror in the two countries and the world war tragedy — served Berdiaev as a material for a metaphysical reassessment of the world. The notes include references to the individuals and events mentioned. 2 + 54 p.

«THERE ONCE WAS A WRITER AGEEV...»: The Destiny's Version or How one can make use the biographic naivety. Publication by G.G. Superfin and M. Yu. Sorokina.

The researchers attempt to reconstruct, on the basis of newly discovered evidence, the biography of the author of «A Romance with the Cocaine» which abounded in all kinds of ventures. The notes include references to the heroes of the novel, the writer's contemporaries. 7 + 10 + 3 p.

Materials from the History of Culture

«OUR TIME HAS RAN OUT...»: From the archive of A.A. Kornilov. Prefaced, edited and commented by M. Yu. Sorokina.

The letters to the Russian historian A.A. Kornilov from his friends, co-members of the Party of Constitutional Democrats (A.V. Tyrkova-Williams, G.V. Vernadsky and P.D. Dolgorukov) were sent from different towns in Russia between 1917 and 1920. These reveal their perception of the current developments and shed light on the «daily labours» of the intelligentsia of those days. The notes include detailed references to the families of Vernadsky, Dolgorukov, Kornilov, Lappo-Danilevsky, Milukov, Oldenburg, Staritsky, Starynkevich, Shakhovskiy and others. 7 + 34 p.

**Rashit Yangirov. A CINEMA EXTRA AS A REFLECTION OF THE
RUSSIAN REVOLUTION.**

The article is devoted to the contribution of Russian émigrés to the world cinematography in the 1920s-1930s, the influence of the «Russian theme» on the Western cinema esthetics and market, and the fortunes of the Russian extras in Europe and America. The appendix includes an essay by O. Blajhevich «The fleeting dreams» of the life of the professional Russian extras. 28 p.

E.F. GOLLERBACH AND I.I. LAZAREVSKY: From their correspondence in the 1930s. Edited by O.S. Ostroy and L.I. Yuniverg.

The correspondence between the two literary men and bibliophiles who were personally and professionally associated with the book art contains some of their recollections relating to the history of culture of the early XXth century, as well as their comments on the current events. 7 + 41 p.

D i a r i e s , N o t e b o o k s , M a r g i n a l i a

Aleksei Remizoff. THE DIARIES, 1917-1921. Edited by A.M. Gracheva and E.D. Reznikov. Preface and commentary by A.M. Gracheva.

The Diaries include Remizoff's comments on the current events, portraits of his contemporaries and a record of his dreams, providing material for the reconstruction of the author's political views and artistic orientation. Among the persons mentioned are A.A. Blok, M. Gorky, M.M. Prishvin, V.V. Rozanov, B.V. Savinkov, I.S. Sokolov-Mikitov, M.I. Terestchenko and others. The notes provide additional information on the subjects mentioned. There is also a name index appended. 10 + 99 + 24 + 10 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

Борис Лосский. В РУССКОЙ ПРАГЕ (1922-1927)	7
Сергей Радлов. ВОСПОМИНАНИЯ О ТЕАТРЕ НАРОДНОЙ КОМЕДИИ. Публикация П.В. Дмитриева	80
Вячеслав Нечаев. НЕНАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ	102

Из истории литературной жизни

Г.А. Морев. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1910-х ГОДОВ: К биографии Леонида Каннегисера	115
«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК»: Переписка Пастернаков и Ломо- носовых (1925-1970). Публ. К.Барнза и Р.Дэвиса. Подг. тек- ста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс	150
«В ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА...»: Письма Н.А. Бердяева к кн. И.П. Романовой. 1931-1947. Публ. В.Аллоя и А.Добкина	209
«БЫЛ ТАКОЙ ПИСАТЕЛЬ АГЕЕВ...»: Версия судьбы, или о пользе наивного биографизма. Публ. Г.Г. Суперфина и М.Ю. Сорокиной	265

Материалы к истории культуры

«ТЕПЕРЬ НЕ НАША ПОЛОСА...»: Из архива А.А. Корни- лова. Пред., публ. и комм. М.Ю. Сорокиной	289
Рашит Янгиров. КИНОСТАТИСТ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	329
Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХ И И.И. ЛАЗАРЕВСКИЙ: Из переписки 1930-х годов. Публ. О.С. Острой и Л.И. Юниверга	357

Дневники, записные книжки, маргиналии

Алексей Ремизов. ДНЕВНИК 1917-1921. Подг. текста А.М. Гра- чевой и Е.Д. Резникова. Вступ. заметка и комм. А.М. Граче- вой	407

Аппех	551

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

ЛИЦА. Биографический альманах.

Вып. 5

Редактор-составитель А.В. Лавров.

Среди публикаций:

Воспоминания В.В. Шульгина о Гражданской войне

Жизнеописания поэтессы В.Меркурьевой и романистки А.Вербицкой

Переписка Л.Лунца с М.Горьким

Документы к биографии Г.А. Шенгели

С.Н. Булгаков и религиозно-философская печать начала века

М.А. Кузмин осенью 1907

Обзор польской части архива Д.В. Философова, хранящейся в Канаде

Большевистский суд над литератором А.Д. Скалдиным

и другие материалы.

Объем выпуска — 512 с.

Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.

Редкие фотографии.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич. S.O.S.

Дневник (1914-1919)

Письма (1917-1919)

Статьи и интервью (1919)

Воспоминания современников (1918-1919)

Ред., вст. статья и комментарии Р.Дэвиса и Б.Хеллмана.

В книге с исчерпывающей полнотой собраны ранее не публиковавшиеся материалы, связанные с последними годами Л.Андреева вплоть до его смерти в Финляндии. Живые отклики на политические события революционных лет, острые характеристики современников, противостояние хаоса жизни и энергии творчества — таково важнейшее содержание этих материалов, детально откомментированных составителями. Материалы извлечены из Русского архива в Лидсе (Великобритания), Бахметьевского архива при Колумбийском университете (США), российских архивов и частных коллекций.

Большое число неизвестных ранее фотографий.

Объем 596 с.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

НЕВСКИЙ АРХИВ

**Альманах региональной истории.
Вып.2**

**Архивные и малоизвестные материалы
по истории Петербурга-Петрограда-Ленинграда**

Редакторы-составители А.И. Добкин и А.В. Кобак

Среди публикаций:

Петербургские певчие XVIII в.

Как возник Екатерингофский парк

Письма к Г.Шлиману от его жены

Ярославцы в Петербурге: этносоциологическое исследование

Училищный дом Петра Великого — Нахимовское училище

Салон Маковского

Петербургский архитектор Н.А. Марков — строитель Тегерана

Конкуренция между немецким и советскими архитекторами в 1920-е

Иностранцы о городе: питерское детство финского писателя Т.Колиандера; визит французского философа и романиста Селина в Ленинград в 1936

Крестовский остров в 1920-1930-е

и другие материалы.

Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.

Множество редких неизданных фотографий.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

IN MEMORIAM

**Сборник статей и публикаций
памяти Ф.Ф. Перченка**

Основное содержание книги — история отечественной интеллигенции и науки в советское время, ряд сюжетов посвящен истории общественной мысли конца XIX — начала XX в. Рассматриваются механизмы репрессий, адаптации, влияния власти на науку и обратный процесс.

Среди публикаций:

Домашнее окружение С.Г. Нечаева
Дискуссия об античном антисемитизме в 1915
Кадеты и украинский вопрос
Еще раз о гибели Н.С. Гумилева
Документы ОГПУ о «Деле Академии наук» 1929-1931
Детство в Забайкалье: 1920-е
Воспоминания Н.С. Штакельберг о «кружке историков»
Разгром почвоведения: 1937
Судьба гебраиста М.Н. Соколова
На заре кампании против космополитизма
Исповедь Н.И. Конрада
Биографический словарь репрессированных академиков
Как организовать независимое научное сообщество
Программа работы с документами КГБ

Учредители АО «Издательство "Феникс"»

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
Том 16

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б. Притыкина
Корректор Е.В. Русакова
Наборщик И.М. Курдина

ЛР №090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 17.09.1994. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,0 + 1,0 усл. печ.л. клеек.
Тираж 3816 экз. Заказ №3187

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр. 7.

Санкт-Петербургская типография №1 ВО «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.